

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
решений, консультативных
заклучений
и
постановлений
Международного Суда

1948 — 1991

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

**Краткое изложение
решений, консультативных
заключений и постановлений
Международного Суда**

1948 — 1991

Организация Объединенных Наций • Нью-Йорк, 1993

ST/LEG/SER.F/1

ИЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

В продаже под № R.92.V.5

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	1
1. ДЕЛО О ПРОЛИВЕ КОРФУ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ) Решение от 25 марта 1948 года.....	3
2. УСЛОВИЯ ПРИЕМА ГОСУДАРСТВА В ЧЛЕНЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ (СТАТЬЯ 4 УСТАВА) Консультативное заключение от 28 мая 1948 года.....	4
3. ДЕЛО О ПРОЛИВЕ КОРФУ (РАССМОТРЕНИЕ ПО СУЩЕСТВУ) Решение от 9 апреля 1949 года.....	6
4. ВОЗМЕЩЕНИЕ ЗА УВЕЧЬЯ, ПОНЕСЕННЫЕ НА СЛУЖБЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ Консультативное заключение от 11 апреля 1949 года.....	9
5. ДЕЛО О ПРОЛИВЕ КОРФУ (ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ) Решение от 15 декабря 1949 года.....	11
6. ПРАВОМОЧНОСТЬ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ В ОТНОШЕНИИ ПРИЕМА ГОСУДАРСТВА В ЧЛЕНЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ Консультативное заключение от 3 марта 1950 года.....	11
7. ТОЛКОВАНИЕ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ С БОЛГАРИЕЙ, ВЕНГРИЕЙ И РУМЫНИЕЙ (ПЕРВЫЙ ЭТАП) Консультативное заключение от 30 марта 1950 года.....	13
8. МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАТУС ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКИ Консультативное заключение от 11 июля 1950 года.....	14
9. ТОЛКОВАНИЕ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ С БОЛГАРИЕЙ, ВЕНГРИЕЙ И РУМЫНИЕЙ (ВТОРОЙ ЭТАП) Консультативное заключение от 18 июля 1950 года.....	17
10. ДЕЛО ОБ УБЕЖИЩЕ Решение от 20 ноября 1950 года.....	19
11. ПРОСЬБА О ТОЛКОВАНИИ РЕШЕНИЯ СУДА ОТ 20 НОЯБРЯ 1950 ГОДА ПО ДЕЛУ ОБ УБЕЖИЩЕ Решение от 27 ноября 1950 года.....	21
12. ОГОВОРКИ К КОНВЕНЦИИ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ГЕНОЦИДА И НАКАЗАНИИ ЗА НЕГО Консультативное заключение от 28 мая 1951 года.....	22
13. ДЕЛО АЙЯ ДЕ ЛЯ ТОРРЕ Решение от 13 июня 1951 года.....	24
14. ДЕЛО О РЫБОЛОВСТВЕ Решение от 18 декабря 1951 года.....	26
15. ДЕЛО АМБАТЬЕЛОСА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ) Решение от 1 июля 1952 года.....	28
16. ДЕЛО ОБ АНГЛО-ИРАНСКОЙ НЕФТЯНОЙ КОМПАНИИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ) Решение от 22 июля 1952 года.....	29
17. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ ПРАВ ГРАЖДАН СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В МАРОККО Решение от 27 августа 1952 года.....	31
18. ДЕЛО АМБАТЬЕЛОСА (ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА) Решение от 19 мая 1953 года.....	32
19. ДЕЛО ОБ ОСТРОВАХ МЕНКЪЕ И ЭКРИХОС Решение от 17 ноября 1953 года.....	33
20. ДЕЛО НОТТЕБОМА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ) Решение от 18 ноября 1953 года.....	35

	Стр.
21. ДЕЛО О МОНЕТАРНОМ ЗОЛОТЕ, ВЫВЕЗЕННОМ ИЗ РИМА В 1943 ГОДУ Решение от 15 июня 1954 года	36
22. ПРИСУЖДЕНИЕ КОМПЕНСАЦИЙ АДМИНИСТРАТИВНЫМ ТРИБУНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ Консультативное заключение от 13 июля 1954 года	38
23. ДЕЛО НОТТЕБОМА (ВТОРОЙ ЭТАП) Решение от 6 апреля 1955 года	40
24. ПОРЯДОК ГОЛОСОВАНИЯ ПО ВОПРОСАМ, СВЯЗАННЫМ С ДОКЛАДАМИ И ПЕТИЦИЯМИ, ОТНОСЯЩИМИСЯ К ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНАЯ АФРИКА Консультативное заключение от 7 июня 1955 года	42
25. ДОПУСТИМОСТЬ ЗАСЛУШАНИЯ УСТНЫХ ЗАЯВЛЕНИЙ ПОДАТЕЛЕЙ ПЕТИЦИЙ КОМИТЕТОМ ПО ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ Консультативное заключение от 1 июня 1956 года	45
26. РЕШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ТРИБУНАЛА МОТ, КАСАЮЩИЕСЯ ЖАЛОБ В ОТНОШЕНИИ ЮНЕСКО Консультативное заключение от 23 октября 1956 года	46
27. ДЕЛО О НЕКОТОРЫХ НОРВЕЖСКИХ ЗАЙМАХ Решение от 6 июля 1957 года	49
28. ДЕЛО О КОМПАНИИ «ИНТЕРХАНДЕЛЬ» (ВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ ЗАЩИТЫ) Распоряжение от 24 октября 1957 года	51
29. ДЕЛО О ПРАВЕ ПРОХОДА ЧЕРЕЗ ТЕРРИТОРИЮ ИНДИИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ) Решение Суда от 26 ноября 1957 года	51
30. ДЕЛО О ПРИМЕНЕНИИ КОНВЕНЦИИ 1902 ГОДА ОБ ОПЕКЕ НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ Решение Суда от 28 ноября 1958 года	55
31. ДЕЛО КОМПАНИИ «ИНТЕРХАНДЕЛЬ» (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ) Решение от 21 марта 1959 года	57
32. ДЕЛО ОБ ИНЦИДЕНТЕ В ВОЗДУШНОМ ПРОСТРАНСТВЕ, ПРОИСШЕДШЕМ 27 ИЮЛЯ 1955 ГОДА (ИЗРАИЛЬ ПРОТИВ БОЛГАРИИ) (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ) Решение от 26 мая 1959 года	60
33. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ СУВЕРЕНИТЕТА НАД НЕКОТОРЫМИ ПРИГРАНИЧНЫМИ ЗЕМЛЯМИ Решение от 20 июня 1959 года	62
34. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ ПРАВА ПРОХОДА ЧЕРЕЗ ТЕРРИТОРИЮ ИНДИИ (СУЩЕСТВО ДЕЛА) Решение от 12 апреля 1960 года	64
35. УЧРЕЖДЕНИЕ МОРСКОГО КОМИТЕТА ПО БЕЗОПАСНОСТИ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОНСУЛЬТАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО МОРСКОМУ СУДОХОДСТВУ Консультативное заключение от 8 июня 1960 года	68
36. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ АРБИТРАЖНОГО РЕШЕНИЯ, ВЫНЕСЕННОГО КОРОЛЕМ ИСПАНИИ 23 ДЕКАБРЯ 1906 ГОДА Решение от 18 ноября 1960 года	69
37. ДЕЛО О ХРАМЕ ПРЕАХ-ВИХЕАР (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ) Решение от 26 мая 1961 года	71
38. ДЕЛО О ХРАМЕ ПРЕАХ-ВИХЕАР (СУЩЕСТВО СПОРА) Решение от 15 июня 1962 года	73
39. ОПРЕДЕЛЕННЫЕ РАСХОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ (ПУНКТ 2 СТАТЬИ 17 УСТАВА) Консультативное заключение от 20 июля 1962 года	74

40. ДЕЛА О ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ) Решение от 21 декабря 1962 года	78
41. ДЕЛО О СЕВЕРНОМ КАМЕРУНЕ Решение от 2 декабря 1963 года	81
42. ДЕЛО О КОМПАНИИ «БАРСЕЛОНА ТРЭКШН, ЛАЙТ ЭНД ПАУ- ЭР ЛИМИТЕД» (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ) Решение от 24 июля 1964 года	83
43. ДЕЛА О ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ (ВТОРАЯ ФАЗА) Решение от 18 июля 1966 года	86
44. ДЕЛА О КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ СЕВЕРНОГО МОРЯ Решение от 20 февраля 1969 года	90
45. ДЕЛО О КОМПАНИИ «БАРСЕЛОНА ТРЭКШН, ЛАЙТ ЭНД ПАУ- ЭР ЛИМИТЕД» (ВТОРАЯ СТАДИЯ) Решение от 5 февраля 1970 года	95
46. ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВ, ВЫЗЫ- ВАЕМЫЕ ПРОДОЛЖАЮЩИМСЯ ПРИСУТСТВИЕМ ЮЖНОЙ АФРИКИ В НАМИБИИ (ЮГО-ЗАПАДНАЯ АФРИКА) ВОПРОСИ РЕЗОЛЮЦИИ 276 (1970) СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ Консультативное заключение от 21 июня 1971 года	98
47. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (СО- ЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО ПРОТИВ ИСЛАНДИИ) (ВРЕ- МЕННАЯ ЗАЩИТА) Постановление от 17 августа 1972 года	102
48. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (ФЕ- ДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ ПРОТИВ ИСЛАН- ДИИ) (ВРЕМЕННАЯ ЗАЩИТА) Постановление от 17 августа 1972 года	
49. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ ОПРОТЕСТОВАНИЯ ЮРИСДИКЦИИ СОВЕТА ИКАО Решение от 18 августа 1972 года	103
50. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (СО- ЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО ПРОТИВ ИСЛАНДИИ) (ЮРИС- ДИКЦИЯ СУДА) Решение от 2 февраля 1973 года	106
51. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (ФЕ- ДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ ПРОТИВ ИСЛАН- ДИИ) (ЮРИСДИКЦИЯ СУДА) Решение от 2 февраля 1973 года	107
52. ДЕЛО ОБ ИСПЫТАНИЯХ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ (АВСТРАЛИЯ ПРОТИВ ФРАНЦИИ) (ВРЕМЕННАЯ ЗАЩИТА) Постановление от 22 июня 1972 года	109
53. ДЕЛО ОБ ИСПЫТАНИЯХ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ (НОВАЯ ЗЕ- ЛАНДИЯ ПРОТИВ ФРАНЦИИ) (ВРЕМЕННАЯ ЗАЩИТА) Постановление от 22 июня 1972 года	110
54. ЗАЯВЛЕНИЕ О ПЕРЕСМОТРЕ РЕШЕНИЯ № 158 АДМИНИСТРА- ТИВНОГО ТРИБУНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ Консультативное заключение от 12 июля 1973 года	111
55. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (СО- ЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО ПРОТИВ ИСЛАНДИИ) (ВРЕ- МЕННАЯ ЗАЩИТА) Постановление от 12 июля 1973 года	114
56. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (ФЕ- ДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ ПРОТИВ ИСЛАН- ДИИ) (ВРЕМЕННАЯ ЗАЩИТА) Постановление от 12 июля 1973 года	

	<i>Стр.</i>
57. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО ПРОТИВ ИСЛАНДИИ) (СУЩЕСТВО)	
Решение от 25 июля 1974 года	115
58. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ ПРОТИВ ИСЛАНДИИ) (СУЩЕСТВО ВОПРОСА)	
Решение от 25 июля 1974 года	118
59. ДЕЛО О ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЯХ (АВСТРАЛИЯ ПРОТИВ ФРАНЦИИ)	
Решение от 20 декабря 1974 года	121
60. ДЕЛО О ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЯХ (НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ ПРОТИВ ФРАНЦИИ)	
Решение от 20 декабря 1974 года	122
61. ЗАПАДНАЯ САХАРА	
Консультативное заключение от 16 октября 1975 года	125
62. ДЕЛО О КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ ЭГЕЙСКОГО МОРЯ (МЕРЫ ВРЕМЕННОЙ ЗАЩИТЫ)	
Постановление от 11 сентября 1976 года	128
63. ДЕЛО О КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ ЭГЕЙСКОГО МОРЯ (ЮРИСДИКЦИЯ СУДА)	
Решение от 19 декабря 1978 года	129
64. ДЕЛО О ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ И КОНСУЛЬСКОМ ПЕРСОНАЛЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ В ТЕГЕРАНЕ (ВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ)	
Постановление от 15 декабря 1979 года	132
65. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО И КОНСУЛЬСКОГО ПЕРСОНАЛА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ В ТЕГЕРАНЕ	
Решение от 24 мая 1980 года	133
66. ТОЛКОВАНИЕ СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ ВОЗ И ЕГИПТОМ ОТ 25 МАРТА 1951 ГОДА	
Консультативное заключение от 20 декабря 1980 года	138
67. ДЕЛО О КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ (ТУНИСЛИВИЙСКАЯ АРАБСКАЯ ДЖАМАХИРИЯ) (ПРОСЬБА О РАЗРЕШЕНИИ ВСТУПИТЬ В ДЕЛО)	
Решение от 14 апреля 1981 года	142
68. ДЕЛО О ДЕЛИМИТАЦИИ МОРСКОЙ ГРАНИЦЫ В РАЙОНЕ ЗАЛИВА МЭН (ОБРАЗОВАНИЕ КАМЕРЫ)	
Решение от 20 января 1982 года	144
69. ДЕЛО О КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ (ТУНИСЛИВИЙСКАЯ АРАБСКАЯ ДЖАМАХИРИЯ)	
Решение от 24 февраля 1982 года	146
70. ЗАЯВЛЕНИЕ О ПЕРЕСМОТРЕ РЕШЕНИЯ № 273 АДМИНИСТРАТИВНОГО ТРИБУНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ	
Консультативное заключение от 20 июля 1982 года	148
71. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА (ЛИВИЙСКАЯ АРАБСКАЯ ДЖАМАХИРИЯ/МАЛЬТА) (ЗАЯВЛЕНИЕ С ПРОСЬБОЙ О РАЗРЕШЕНИИ ВСТУПИТЬ В ДЕЛО)	
Решение от 21 марта 1984 года	155
72. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ ВОЕННЫХ И ВОЕННОГО ХАРАКТЕРА ДЕЙСТВИЙ В НИКАРАГУА И ПРОТИВ НИКАРАГУА (НИКАРАГУА ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ) (ВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ)	
Постановление от 10 мая 1984 года	158

	<i>Стр.</i>
73. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ ВОЕННЫХ И ВОЕННОГО ХАРАКТЕРА ДЕЙСТВИЙ В НИКАРАГУА И ПРОТИВ НИКАРАГУА (НИКАРАГУА ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ) (ЗАЯВЛЕНИЕ О ВСТУПЛЕНИИ В ДЕЛО) Постановление от 4 октября 1984 года	162
74. ДЕЛО О ДЕЛИМИТАЦИИ МОРСКОЙ ГРАНИЦЫ В РАЙОНЕ ЗАЛИВА МЭН Решение от 12 октября 1984 года	163
75. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ ВОЕННЫХ И ВОЕННОГО ХАРАКТЕРА ДЕЙСТВИЙ В НИКАРАГУА И ПРОТИВ НИКАРАГУА (НИКАРАГУА ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ) (ЮРИСДИКЦИЯ И ПОДСУДНОСТЬ) Решение от 26 ноября 1984 года	175
76. ДЕЛО О КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ (ЛИВИЙСКАЯ АРАБСКАЯ ДЖАМАХИРИЯ/МАЛЬТА) Решение от 3 июня 1985 года	183
77. ЗАЯВЛЕНИЕ О ПЕРЕСМОТРЕ И ТОЛКОВАНИИ РЕШЕНИЯ ОТ 24 ФЕВРАЛЯ 1982 ГОДА ПО ДЕЛУ, КАСАЮЩЕМУСЯ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА (ТУНИС/ЛИВИЙСКАЯ АРАБСКАЯ ДЖАМАХИРИЯ) Решение от 10 декабря 1985 года.....	190
78. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ СПОРА О ГРАНИЦЕ (БУРКИНА-ФАССО/РЕСПУБЛИКА МАЛИ) (ВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ) Постановление от 10 января 1986 года	198
79. ДЕЛО О ВОЕННОЙ И ВОЕНИЗИРОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НИКАРАГУА И ПРОТИВ НИКАРАГУА (НИКАРАГУА ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ) Решение от 27 июня 1986 года	198
80. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ СПОРА О ГРАНИЦЕ (БУРКИНА-ФАССО/РЕСПУБЛИКА МАЛИ) Решение от 22 декабря 1986 года	213
81. ЗАЯВЛЕНИЕ О ПЕРЕСМОТРЕ РЕШЕНИЯ № 333 АДМИНИСТРАТИВНОГО ТРИБУНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ Консультативное заключение от 27 мая 1987 года	225
82. ПРИМЕНИМОСТЬ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПРИСТУПАТЬ К ПРОЦЕДУРЕ АРБИТРАЖА В СООТВЕТСТВИИ С РАЗДЕЛОМ 21 СОГЛАШЕНИЯ ПО ВОПРОСУ О МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ОТ 26 ИЮНЯ 1947 ГОДА Консультативное заключение от 26 апреля 1988 года	234
83. ДЕЛО О ПОГРАНИЧНЫХ И ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВООРУЖЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ (НИКАРАГУА ПРОТИВ ГОНДУРАСА) (ЮРИСДИКЦИЯ И ДОПУСТИМОСТЬ) Решение от 20 декабря 1988 года	240
84. ДЕЛО КОМПАНИИ «ЭЛЕКТРОНИКА СИКУЛА С.П.А.» (ЭЛСИ) Решение от 20 июля 1989 года	246
85. ПРИМЕНИМОСТЬ СТАТЬИ VI, РАЗДЕЛ 22, КОНВЕНЦИИ О ПРИВИЛЕГИЯХ И ИММУНИТЕТАХ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ Консультативное заключение от 15 декабря 1989 года	255
86. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ РЕШЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО СУДА ОТ 31 ИЮЛЯ 1989 ГОДА (ГВИНЕЯ-БИСАУ ПРОТИВ СЕНЕГАЛА) Постановление от 2 марта 1990 года	263

	Стр.
87. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ СПОРА О СУХОПУТНОЙ ГРАНИЦЕ, ГРАНИЦЕ МЕЖДУ ОСТРОВАМИ И МОРСКОЙ ГРАНИЦЕ (САЛЬВАДОР/ГОНДУРАС) (ОБРАЩЕНИЕ ЗА РАЗРЕШЕНИЕМ ВСТУПИТЬ В ДЕЛО) Решение от 13 сентября 1990 года	266
88. ДЕЛО О ПРОХОДЕ ЧЕРЕЗ БОЛЬШОЙ БЕЛЪТ (ФИНЛЯНДИЯ ПРОТИВ ДАНИИ) (ВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ) Постановление от 29 июля 1991 года	273
89. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ РЕШЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО СУДА ОТ 31 ИЮЛЯ 1989 ГОДА (ГВИНЕЯ-БИСАУ ПРОТИВ СЕНЕГАЛА) Решение от 12 ноября 1991 года	276

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международный Суд был учрежден в качестве главного судебного органа Организации Объединенных Наций 26 июня 1945 года, когда одновременно с Уставом Организации был принят в Сан-Франциско его Статут, который вошел в Устав ООН в качестве его неотъемлемой части. Статут Суда основан на Статуте, который служил руководством для деятельности предшественника Суда — Постоянной Палаты Международного Правосудия, которая так и не стала органом Лиги Наций, хотя Устав Лиги Наций и предусматривал ее учреждение.

Хотя Международному Суду предоставлена независимость, необходимая для выполнения им своей роли судебного органа, и в соответствии со Статутом его местопребыванием является Гаага, то есть он размещен на некотором удалении от повседневной деятельности других главных органов, его интеграция в систему Организации Объединенных Наций подчеркивается в Уставе ООН не только тем, что его функции по урегулированию споров между сторонами и предоставлению консультативных заключений определены в главе XIV Устава ООН, но и ссылками на него в главе VI «Мирное разрешение споров», где в статье 33 упоминается судебное разбирательство как средство решения споров вообще, а в статье 36 Совету Безопасности предписывается принимать во внимание, что споры юридического характера должны, как общее правило, передаваться сторонами в Международный Суд.

Поэтому вполне естественно, что Секретариат Организации Объединенных Наций в сотрудничестве с Секретариатом Суда считает целесообразным время от времени издавать публикации, с целью предоставить общественности больше информации о том, что такое Суд и чем он занимается, а также облегчить доступ к его судебной практике. Эти совместные усилия особенно важны в рамках Программы помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права. Благодаря сотрудничеству с Департаментом общественной информации Секретариата ООН, эти совместные усилия в прошлом привели к выпуску на нескольких языках работы общего характера под названием «Международный Суд» и брошюры, содержащей краткое изложение отчетов о судебных делах чисто фактологического характера. Эти издания периодически обновляются, а растущий спрос на них заставляет регулярно осуществлять их переиздание.

В последние годы правительства проявляют все больший интерес к потенциальным возможностям Суда и представили на его рассмотрение больше дел, чем когда-либо раньше. Столь же заметно возрождение интереса к Суду среди ученых и широкой общественности. Совершенно очевидно, что желательно поддержать эту позитивную тенденцию, предоставляя доступную информацию с разной степенью профессиональных тонкостей. В

этом отношении стали все более явными две неудовлетворенные потребности. Прежде всего, издания самого Суда в виде официальных серий, охватывающих всю его судебную деятельность и являющихся единственным аутентичным источником такой информации, выходят только на двух его официальных и рабочих языках — английском и французском. Тем самым доступ к содержанию решений Суда во всей их полноте закрыт для тех, кто не владеет хотя бы одним из этих языков. Во-вторых, если какой-либо представитель общественности, журналист, юрист, дипломат или даже специалист в области международного права нуждается в более подробной информации, чем та, которая содержится в максимально сжатых кратких отчетах, собранных в упомянутой выше брошюре, — хотя, возможно, они приносят пользу, обеспечивая общий исторический обзор решений Суда, — то он не получает удовлетворения. Для человека, стремящегося к более глубокому пониманию дел, проблема усложняется тем, что чем больше растет и с течением времени консолидируется корпус прецедентного права, тем важнее становится проследить принцип, лежащий в основе логики принятия каждого решения.

Более того, в течение ряда лет все больше и больше делегаций как в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи, так и в Консультативном комитете Программы помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права выражают желание, чтобы судебная практика Международного Суда стала предметом более широкого распространения на всех официальных языках Организации. Эта озабоченность нашла свое выражение в пункте 14 резолюции 44/28 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1989 года и в пункте 8 главы IV «Программа деятельности, которая будет начата в течение первого периода (1990-1992 годы) Десятилетия международного права Организации Объединенных Наций», содержащейся в приложении к резолюции 45/40 Генеральной Ассамблеи от 28 ноября 1990 года, который, в частности, гласит: «Преподаванию и распространению международного права способствовало бы наличие решений и консультативных заключений Международного Суда на всех официальных языках Организации Объединенных Наций».

В результате совместных усилий Секретариата Суда и Отдела кодификации Управления по правовым вопросам появилась возможность в рамках Программы помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права и Десятилетия международного права Организации Объединенных Наций сделать значительный шаг в направлении ликвидации упомянутого выше информационного пробела благодаря подготовке данного сборника аналитических отчетов о решениях Суда, который ныне издается на всех официальных языках Организации Объединенных Наций. Отчеты основаны

на текстах, которые в течение многих лет регулярно подготавливались Секретариатом Суда в целях информации и включались в сообщения для печати, которые выпускались на английском и французском языках во время объявления соответствующего решения или консультативного заключения.

Если учесть происхождение этих отчетов, являющихся итогом рассмотрения специальных конкретных случаев, и изменения в подходе и стиле, неизбежно происшедшие за более чем сорокалетний период, то нельзя ожидать, что данный сборник будет носить совершенно однородный характер. Тем не менее было решено в интересах аутентичности свести редактирование к минимуму. Надеемся, что от этого наша публикация не станет менее полезной для читателя.

В упомянутой выше брошюре Организации Объединенных Наций, содержащей краткие отчеты о решениях Суда, консультативные заключения освещаются самостоятельно в главе, отделенной от главы, в которой излагаются решения по спорным вопросам. Хотя такое расположение обладает тем достоинством, что оно позволяет на пользу широкой общественности подчеркнуть различие между решениями, вынесенными по делам, возникшим в результате споров между государствами, и консультативными заключениями, которые делаются по просьбе какой-либо международной организации или ее органа, в данной публикации, круг читателей которой, вероятно, будет более узким, отдается предпочтение строгому соблюдению хронологического порядка принятия решений Судом, для того чтобы представить как можно более правдивую и цельную картину эволюции судебной практики Суда. Поэтому отчет о каждом консультативном заключении можно найти в том месте, которое определено хронологией.

Читатель заметит, что отчеты о некоторых постановлениях Суда также расположены в общем хронологическом порядке. Эти постановления носят более субстантивный характер и касаются, например, просьб о принятии временных мер или учреждения той или иной камеры. Другие постановления Суда или его Председателя, большая часть которых касается таких процедурных вопросов, как определение сроков, не были предметом анализа и поэтому не включены в сборник¹.

Следует отметить, что хотя отчеты на протяжении всех этих лет готовились Секретариатом

Суда в целях информации общественности, они не влекут за собой ответственности самого Суда. Поэтому на них нельзя ссылаться в противовес фактическому тексту решений, консультативных заключений или постановлений, толкованием которых они не являются.

Это издание, которое в едином удобном для пользования томе сконцентрировало прецедентное право Суда (1948-1991 годы) и которое в дальнейшем предполагается обновлять на регулярной основе, является еще одним добавлением к Программе публикаций Отдела кодификации Управления по правовым вопросам в соответствии с бюджетной подпрограммой «Сделать более доступными международное право и юридическую деятельность ООН», в которую уже входят «Законодательная серия», «Юридический ежегодник ООН» и «Отчеты о решениях Международного Арбитражного Суда».

Все эти издания играют также важную роль в достижении целей Программы помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права.

Необходимо отметить, что данное издание было бы невозможно осуществить без тесного сотрудничества между Международным Судом и его Секретариатом и различными подразделениями Секретариата ООН, такими как Отдел кодификации Управления по правовым вопросам и Секретариат Программы помощи, Отдел по планированию программ и составлению бюджета и Департамент по обслуживанию конференций и его Издательский отдел.

¹ Конкретная информация о составе, основополагающих текстах и механизме работы Суда содержится в сборнике «Акты и документы Международного Суда, № 5» и в «Ежегоднике Международного Суда» (*I.C.J. Acts and Documents No. 5*) и в «*I.C.J. Yearbook*», охватывающем двенадцать месяцев по конец июля предыдущего года. Суд представляет также ежегодный доклад, который выпускается в качестве документа Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

В главе VII каждого «Ежегодника Международного Суда» объясняются разные серии публикаций Суда и перечисляются способы ссылки на решения, вынесенные как нынешним Судом, так и его предшественником.

1. ДЕЛО О ПРОЛИВЕ КОРФУ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ)

Решение от 25 марта 1948 года

Данное дело было возбуждено в Суде 22 мая 1947 года Заявлением правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, начавшего судебное дело против правительства Народной Республики Албании; 9 декабря 1947 года албанское правительство обратилось в Суд с просьбой объявить данное Заявление неприемлемым.

В своем решении Суд отверг возражение Албании и определил сроки для последующего рассмотрения дела по существу.

Решение было вынесено пятнадцатью голосами против одного; судья, высказавшийся против, приложил к решению заявление с изложением причин, по которым он был не в состоянии согласиться с ним. Семь членов Суда, согласившись с решением Суда, приложили заявление с дополнительными комментариями.

В своем решении Суд напоминает об условиях, в которых дело было передано на его рассмотрение, и прежде всего, об инциденте, который привел к спору:

22 октября 1946 года два британских эсминца наскочили на мины в албанских территориальных водах в проливе Корфу. Взрывы причинили ущерб кораблям и привели к потере человеческих жизней. Считая, что встает вопрос об ответственности албанского правительства, правительство Соединенного Королевства после дипломатической переписки с Тираной представило вопрос Совету Безопасности. Этот орган предложил Албании, которая не является членом Организации Объединенных Наций, участвовать в обсуждении при условии, что она примет на себя все обязательства члена ООН в аналогичном случае. Албания согласилась, и 9 апреля 1947 года Совет Безопасности принял резолюцию, рекомендуя данным правительствам незамедлительно передать спор в Суд в соответствии с положениями его Статута.

Вследствие этого правительство Соединенного Королевства представило в Суд Заявление с просьбой вынести решение относительно международной ответственности албанского правительства за последствия упомянутых выше инцидентов и о том, что оно должно возместить ущерб или выплатить компенсацию. В Заявлении были приведены различные положения Устава ООН, среди прочего, статья 25 (предусматривающая, что члены Организации соглашаются подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их), на которой оно обосновало юрисдикцию Суда.

23 июля 1947 года албанское правительство сдало в Секретариат Суда письмо от 2 июля, в котором оно выразило мнение, что Заявление Соединенного Ко-

ролевства не соответствует рекомендации Совета Безопасности от 9 апреля 1947 года, поскольку возбуждение судебного дела с помощью одностороннего заявления не оправдывается Уставом ООН, Статутом Суда или общим международным правом. Тем не менее, оно полностью принимает рекомендацию Совета Безопасности; глубоко убежденное в справедливости своего дела и полное решимости не пренебрегать ни малейшей возможностью представить доказательство своей преданности принципам дружественного сотрудничества между народами и мирного решения спорных вопросов, оно готово, невзирая на неправильный способ действия, примененный правительством Соединенного Королевства, явиться в Суд. Однако оно высказало недвусмысленные оговорки в отношении того способа, каким данное дело было представлено на рассмотрение Суда, и особенно в отношении того толкования Статьи 25 Устава ООН, которое стремились дать в Заявлении, — об обязательном характере рекомендаций Совета Безопасности. Правительство Албании подчеркнуло, что его признание юрисдикции Суда для данного случая не может составлять прецедента на будущее.

После получения письма албанского правительства, было принято Постановление Суда, в котором определялись сроки представления меморандума правительством Соединенного Королевства и контрмеморандума албанским правительством. В пределах срока, установленного для правительства Албании, оно представило «предварительное возражение против Заявления на основании неправомерности». Суд просили, во-первых, зафиксировать, что албанское правительство, принимая рекомендацию Совета Безопасности от 9 апреля 1947 года, лишь взяло на себя обязательство представить спорный вопрос в Суд в соответствии с положениями его Статута, и, во-вторых, вынести решение о том, что Заявление Соединенного Королевства нельзя принимать к рассмотрению, поскольку оно противоречит положениям статей 40 и 36 Статута.

Определив таким образом обстоятельства, в которых Суд призван вынести решение, он переходит к рассмотрению представлений, содержащихся в предварительном возражении Албании. В соответствии с просьбой албанского правительства Суд заносит в протокол, что обязательство, возложенное на это правительство в результате принятия им рекомендации Совета Безопасности, может быть выполнено только в соответствии с положениями Статута. Однако Суд указал, что в последующем Албания взяла на себя другие обязательства, сроки и точный объем которых Суд определит позднее в своем решении.

Затем Суд переходит ко второму представлению. По форме оно является возражением на основании неправомерности рассмотрения Заявления, по-

сколькo содержит ссылку на статью 40 Статута: соответственно представляется, что оно относится к ошибке в судопроизводстве, возникающей из того факта, что рассмотрение судебного дела по существу было возбуждено не специальным соглашением, а Заявлением. Но в нем приводится также статья 36, касающаяся исключительно юрисдикции Суда, и критические замечания, которые в основной части возражения направлены против Заявления и относятся к обязательной юрисдикции, которая якобы отсутствует.

Этот аргумент, который делает несколько неясным намерение албанского правительства, может быть объяснен тем обстоятельством, что правительство Соединенного Королевства, со своей стороны, установило связь между возбуждением судебного дела через подачу Заявления и существованием, как оно утверждает, дела, к которому применима обязательная юрисдикция. Как бы то ни было, Суд считает, что он не должен выражать мнение по этому вопросу, поскольку полагает, что письмо от 2 июля 1947 года, адресованное албанским правительством Суду, представляет собой добровольное признание его юрисдикции. Данное письмо устраняет все трудности, относящиеся как к вопросу о правомочности рассмотрения Заявления, так и к вопросу о юрисдикции Суда.

Когда на деле албанское правительство заявляет в своем письме, что готово, невзирая на «неправильный способ действия, примененный правительством Соединенного Королевства, явиться в Суд», то ясно, что оно отказывается от права выставлять в качестве возражения то, что Заявление нельзя принимать к рассмотрению. А когда оно четко формулирует «свое принятие правомочности Суда для данного случая», то эти слова означают добровольное и бесспорное признание юрисдикции Суда.

В этой связи Суд напоминает, что хотя согласие сторон предоставляет правомочность Суду, такое

согласие не обязательно должно выражаться в какой-либо особой форме. В частности, как постановила Постоянная Палата Международного Правосудия в 1928 году, предварительное формальное заключение специального соглашения не является обязательным. Передав дело в Суд при помощи Заявления, Соединенное Королевство дало албанскому правительству возможность признать правомочность Суда; и это признание содержалось в албанском письме от 2 июля 1947 года. Более того, независимое действие такого рода соответствовало тому положению, которое заняли стороны в данном деле, где фактически имеются истец (Соединенное Королевство) и ответчик (Албания).

В соответствии с этим Суд не может считать неправильным возбуждение судебного дела путем подачи Заявления, что не запрещается никакими положениями.

Правда, в своем письме от 2 июля 1947 года правительство Албании высказало оговорки в отношении того способа, каким данное дело было представлено на рассмотрение Суда, и того толкования Статьи 25 Устава Организации Объединенных Наций, которое стремилось дать правительство Соединенного Королевства, ссылаясь на обязательный характер рекомендаций Совета Безопасности. Но толкование письму дает только Суд, и это толкование является обязательным для сторон; а Суд считает, что содержащиеся в письме оговорки направлены только на сохранение принципа и претотвращение создания прецедента на будущее. Суд также добавляет, что, как совершенно ясно, вопрос о прецеденте не мог и возникнуть, если письмо в данном случае означало только признание юрисдикции Суда по существу дела.

По этим причинам Суд отверг возражение и определил сроки для последующих судебных прений по существу дела.

2. УСЛОВИЯ ПРИЕМА ГОСУДАРСТВА В ЧЛЕНЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ (СТАТЬЯ 4 УСТАВА)

Консультативное заключение от 28 мая 1948 года

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций попросила Международный Суд дать консультативное заключение по вопросу об условиях приема государства в члены Организации Объединенных Наций (Статья 4 Устава).

«Имеет ли член Организации Объединенных Наций, призванный голосовать в соответствии со Статьей 4 Устава в Совете Безопасности или на Генеральной Ассамблее по вопросу о приеме государства в члены Организации Объединенных Наций, юридическое право давать свое согласие на прием в зависимости от условий, не выраженных в пункте 1 указанной статьи? В частности, мо-

жет ли данный член Организации, признавая, что условия, изложенные в пункте 1, должны быть выполнены государством-кандидатом, поставить свое положительное голосование в зависимости от дополнительного условия — а именно, что другие государства будут допущены к членству Организации Объединенных Наций с этим государством?»

Суд ответил на этот вопрос отрицательно девятью голосами против шести. Шесть судей, придерживающихся противоположного мнения, приложили к ответу заявление о причинах своего несогласия. Два других члена Суда, согласившись с заключением, до-

бавили более подробное заявление по поводу своих позиций.

Заключение начинается с описания процедуры. Запрос по поводу Заключения был доведен до сведения всех подписавших Устав, то есть до сведения всех членов Организации Объединенных Наций, которые уведомлялись о том, что Суд готов получить от них информацию. Соответственно, письменные заявления были направлены от имени правительств следующих государств: Китая, Сальвадора, Гватемалы, Гондураса, Индии, Канады, США, Греции, Югославии, Бельгии, Ирака, Украины, СССР, Австралии и Сиамы. Устные заявления были сделаны представителем Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций и представителями правительств Франции, Югославии, Бельгии, Чехословакии и Польши.

Затем Суд делает несколько предварительных замечаний по существу вопроса. Хотя при голосовании члены обязаны подчиняться требованиям Статьи 4, вопрос относится не к самому голосованию, мотивы которого представляют собой индивидуальное решение и действительно не подчиняются контролю, а к заявлениям члена ООН относительно мотивов своего голосования. Суду не предлагают дать определение значения и диапазона условий Статьи 4 Устава, от которых зависит прием. Он должен просто установить, являются ли эти условия исчерпывающими. Если это так, член ООН не правомочен делать прием зависимым от условий, не оговоренных специально в данной статье. Таким образом, должно быть установлено значение положений договора, что является вопросом толкования.

Утверждалось, однако, что вопрос относится не к правовой сфере, а к политической. Суд не смог приписать политический характер запросу, который будучи сформулированным в абстрактных терминах, предлагает ему выполнить в основном юридическую задачу, вверяя ему толкование условий договора. Это не было связано ни с мотивами, вызвавшими направление запроса, ни с взглядами, высказывавшимися в Совете Безопасности по различным проблемам, которыми он занимался. Следовательно, Суд считает себя полномочным даже толковать Статью 4 Устава, так как не существует положений, запрещающих ему делать это в соответствии с данной статьей в многостороннем договоре, функция толкования которого входит в сферу полномочий Международного Суда.

Затем Суд анализирует пункт 1 Статьи 4 Устава. Пять перечисленных там условий выражаются в следующем: кандидат 1) должен представлять собой государство; 2) быть миролюбивым; 3) должно принять на себя обязательства по Уставу; 4) должно быть способно выполнять эти обязательства; 5) должно желать сделать это. Все эти условия подлежат оценке со стороны Организации, то есть Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи и в крайнем случае членов Организации. Так как воп-

рос относится не к голосованию, а к причинам, которые член ООН выдвигает перед голосованием, он касается индивидуальной позиции каждого члена, призванного высказаться по поводу приема.

Являются ли эти условия исчерпывающими? Английский и французский тексты этого пункта имеют одинаковое значение: установить правовую норму, которая, определяя условия приема, указывает также причины, по которым может быть отказано в приеме. Выражение «прием в члены Организации открыт для всех других миролюбивых государств» означает, что государства, которые выполняют данные требования, обладают качествами, необходимыми для приема. Эта норма утратила бы свою значимость при выдвигании других условий. Данные условия являются исчерпывающими и не устанавливаются лишь с помощью информации или примера. Они представляют собой условия не только необходимые, но и достаточные.

Высказывалась точка зрения, что эти условия представляют собой совершенно необходимый минимум в том смысле, что на них могли бы накладываться политические соображения и создавать препятствие для приема. Такое толкование несомненно с пунктом 2 данной статьи, который предусматривает «прием любого *такого* государства». Это повело бы к предоставлению членам Организации неопределенного и практически неограниченного права навязывать новые условия; подобная власть не согласовывалась бы с сутью нормы, которая устанавливает тесную связь между членством и соблюдением принципов и обязательств Устава и таким образом обеспечивает четкое юридическое регулирование вопроса о приеме. Если авторы Устава подразумевали оставить за членами Организации право привносить в практическое осуществление данного положения соображения, чуждые принципам и обязательствам Устава, они несомненно должны были бы принять другую формулировку. Суд считает данную норму достаточно четкой, соответственно он придерживается неизменной практики Постоянного Суда по международному праву и считает, что в данном случае нет нужды прибегать к подготовительной работе по толкованию его значения. Более того, толкование, данное Международным Судом, было уже принято Советом Безопасности, как это следует из статьи 60 Правил процедуры Совета Безопасности.

Однако из исчерпывающего характера Статьи 4 не следует, что устраняется сама оценка таких фактических обстоятельств, при которых становится возможной проверка наличия необходимых условий. Эта статья не запрещает учитывать любой фактор, который можно разумно и добросовестно связать с установленными условиями. Учет подобных факторов подразумевается самим характером условий, отличающимся широтой и гибкостью. Иначе говоря, ни один соответствующий политический фактор, связанный с условиями приема государства, не исключается.

Условия, содержащиеся в Статье 4, являются исчерпывающими, и никакие контраргументы не могут быть извлечены из пункта 2 этой статьи, кото-

рый только связан с процедурой приема. Не может служить в качестве довода политический характер органов Организации Объединенных Наций, имеющий отношение к приему. Поскольку этот характер не освобождает их от соблюдения условий договора, регулирующих их деятельность, когда эти условия накладывают ограничения на их власть, это указывает на отсутствие конфликта между функциями политических органов и исчерпывающим характером предписанных условий.

Суд затем приступает ко второй части вопроса, а именно: может ли государство, признавая, что обозначенные в Статье 4 условия соблюдены кандидатом, поставить свое положительное голосование в зависимости от одновременного приема других государств.

Это требование, рассмотренное на основании правила, которое Суд принял при толковании Статьи 4, образует новое условие, так как оно совершенно не связано с тем, что предписано в Статье 4. Оно также относится к совершенно другой категории, так как ставит прием в зависимости не от выполнения условий, предъявляемых к претендентам, но от посторонних соображений, касающихся других государств. Более того, это мешало бы рассмотрению каждого обращения о приеме в отдельности и голосованию по нему в зависимости от их собственных плюсов и минусов. Это противоречило бы букве и духу Устава.

По этим причинам Суд ответил на поставленный перед ним вопрос отрицательно.

3. ДЕЛО О ПРОЛИВЕ КОРФУ (РАССМОТРЕНИЕ ПО СУЩЕСТВУ)

Решение от 9 апреля 1949 года

Дело о проливе Корфу (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии против Албании) возникло в результате инцидентов, происшедших 22 октября 1946 года в проливе Корфу: два британских эсминца наскочили на мины в албанских территориальных водах и понесли ущерб, включая серьезные потери человеческих жизней. Соединенное Королевство сначала обратилось в Совет Безопасности Организации Объединенных Наций, который в своей резолюции от 9 апреля 1947 года рекомендовал обоим правительствам представить спорное дело в Суд. Соответственно с этим Соединенное Королевство представило Заявление, которое, после того как Албания выдвинула возражение относительно допустимости его рассмотрения в Суде, явилось предметом решения от 25 марта 1948 года, в котором Суд объявил, что он правомочен его рассматривать. В тот же день обе стороны заключили специальное соглашение, прося Суд вынести решение по следующим вопросам:

1. Несет ли Албания ответственность за взрывы, и существует ли обязанность выплатить компенсацию?

2. Нарушило ли Соединенное Королевство международное право действиями своего военно-морского флота в албанских водах сначала в тот день, когда произошли взрывы, а затем 12 и 13 ноября 1946 года, когда оно осуществило траление пролива?

В своем решении по первому вопросу, принятом 11 голосами против 5, Суд объявил, что Албания несет ответственность.

По второму вопросу Суд постановил 14 голосами против 2, что Соединенное Королевство не нарушило суверенитета Албании 22 октября; но он единогласно заявил, что оно нарушило этот суверени-

тет 12-13 ноября, и что данное заявление само по себе составляет необходимое удовлетворение.

Факты таковы. 22 октября 1946 года два британских крейсера и два эсминца, следуя курсом с юга, вошли в Северный пролив Корфу. Проход, которым они следовали, находился в албанских водах и считался безопасным: он был протрален в 1944 году и проведен тралением в 1945 году. Один из эсминцев, «Сомарес», находясь неподалеку от Саранды, наскочил на мину и получил серьезные повреждения. Другой эсминец, «Воладж», был послан ему на помощь, и, ведя его на буксире, наскочил на другую мину и тоже получил серьезные повреждения. Сорок пять британских офицеров и матросов погибли, а еще сорок два получили ранения.

15 мая 1946 года в этих водах уже произошел инцидент: албанская батарея открывала огонь в направлении двух британских крейсеров. Правительство Соединенного Королевства заявило протест, утверждая, что мирный проход через проливы является международно признанным правом; правительство Албании ответило, что иностранные военные корабли и торговые суда не имеют права проходить через албанские территориальные воды, не получив предварительно разрешения. 2 августа 1946 года правительство Соединенного Королевства ответило, что если в будущем какой-либо британский военный корабль, проходящий через пролив, подвергнется обстрелу, будет открыт ответный огонь. Наконец, 21 сентября 1946 года Адмиралтейство прислало из Лондона главнокомандующему британ-

скими вооруженными силами в Средиземном море телеграмму следующего содержания: «Правительство Ее Величества вновь рассматривает вопрос об установлении дипломатических отношений с Албанией и желает знать, научилось ли правительство Албании вести себя прилично. Требуется информация, проходили ли какие-либо корабли, находящиеся под вашим командованием, через Северный пролив Корфу после августа, и если нет, не намерены ли вы приказывать им сделать это в ближайшее время».

После взрывов 22 октября, правительство Соединенного Королевства направило в Тирану ноту, в которой объявило о своем намерении провести в ближайшее время траление пролива Корфу. В ответ было заявлено, что согласие на это не будет дано, если только упомянутая операция не будет проводиться вне албанских территориальных вод, и что любое траление, предпринятое в этих водах, будет нарушением суверенитета Албании.

Траление, проведенное британским военно-морским флотом состоялось 12-13 ноября 1946 года в албанских территориальных водах и в пределах той части пролива, которая раньше уже была протралена. Были выловлены двадцать две якорные мины; это были германские мины типа «Джи-Уай».

* * *

Первый вопрос, поставленный в Специальном соглашении, состоял в том, несет ли Албания ответственность в соответствии с международным правом за взрывы, происшедшие 22 октября 1946 года.

Суд устанавливает, прежде всего, что взрывы были вызваны минами, находящимися на минном поле, обнаруженном 13 ноября. Фактически не оспаривалось, что это поле было заминировано недавно; взрывы произошли как раз в том проходе, который ранее был протрален и проверен тралением и мог считаться безопасным. Характер повреждений показывает, что они были нанесены минами того же типа, которые были выловлены 13 ноября; наконец, предположение о том, что мины, обнаруженные 13 ноября, могли быть установлены после взрывов, происшедших 22 октября, слишком невероятно и не может быть принято.

В этих условиях возникает вопрос: какова юридическая основа ответственности Албании? Суд считает, что ему нет необходимости уделять серьезное внимание предположению о том, что Албания сама установила мины: это предположение высказано только *pro memoria*, без каких-либо доказательств в его поддержку; и не может быть согласовано с тем неоспоримым фактом, что на всем албанском побережье имеется лишь несколько катеров и моторных судов. Однако Соединенное Королевство обвиняло также Албанию в попустительстве, утверждая, что установка мин была осуществлена двумя югославскими военными судами по просьбе Албании или с ее молчаливого согласия. Суд устанавливает, что этот сговор не доказан. Обвинение столь исключительной тяжести, выдвинутое против государства, требует такой степени несомненности, которая

в данном случае не достигнута, и происхождение мин, установленных в албанских территориальных водах, остается предметом догадок.

Соединенное Королевство также утверждало, что кто бы ни осуществлял установку мин, это не могло бы быть сделано без ведома Албании. Правда, сам по себе тот факт, что мины были установлены в албанских водах, не влечет за собой ответственности *prima facie* и не снимает необходимости представления доказательств. С другой стороны, исключительный контроль, осуществляемый каким-либо государством в пределах его границ, делает невозможным представление прямых доказательств тех фактов, которые свидетельствовали бы о его ответственности в случае нарушения международного права. Пострадавшее государство в таком случае должно получить разрешение более свободно прибегать к выводам из фактов и косвенных улик; когда подобные косвенные доказательства основаны на ряде фактов, связанных между собой и логически ведущие к одному только выводу, то их необходимо рассматривать как имеющие особый вес.

В данном деле необходимо рассмотреть две серии фактов, которые подтверждают друг друга.

Первая касается позиции албанского правительства до и после катастрофы. Установка мин произошла в тот период, когда оно продемонстрировало свое намерение ревностно охранять свои территориальные воды и требовало для вхождения в них предварительного разрешения, причем эта бдительность иногда заходила настолько далеко, что включала применение силы: все это делает утверждение о незнании *a priori* невероятным. Более того, когда албанское правительство получило точные сведения о существовании минного поля, оно решительно протестовало против действий британского военно-морского флота, но не против установки мин, хотя этот последний акт, если он был совершен без его согласия, явился бы очень серьезным нарушением суверенитета Албании; она не уведомила суда, как это требовалось бы в соответствии с международным правом, о существовании минного поля; и она не предприняла никаких мер для проведения юридического расследования, которое она, казалось бы, должна была предпринять в данном случае. Такая позиция могла объясняться только тем, что албанское правительство, зная об установке мин, хотело сохранить в тайне обстоятельства, в которых она была произведена.

Вторая серия фактов касается возможности наблюдения за установкой мин с албанского побережья. Благодаря своему географическому положению канал легко просматривается: над ним доминируют высоты, которые предоставляют отличные возможности для создания наблюдательных пунктов, и он проходит очень близко от берега (ближайшая к побережью мина находилась на расстоянии 500 метров от берега). Методическая и тщательная продуманная установка мин вынуждала минные заградители находиться в водах между мысом Кефали и монастырем св. Георгия в течение двух-двух с половиной часов. По этому вопросу военно-морские эксперты, назначенные Судом, сообщили, после оп-

росов и расследования на месте, что, по их мнению, не подлежит сомнению, что если бы на мысе Кефали, мысе Дента и у монастыря св. Георгия велось обычное наблюдение и если бы наблюдатели были оснащены биноклями, в погодных условиях, обычных для данного района, эта береговая охрана заметила бы операцию по установке мин. Существование наблюдательного поста на мысе Дента не было установлено; однако Суд, основываясь на заявлениях албанского правительства о том, что наблюдательные посты были размещены в других пунктах, ссылается на следующие выводы, содержащиеся в докладе экспертов: при установке мин 1) в направлении с севера на юг минные заградители были бы видны с мыса Кефали; 2) в направлении с юга на север они были бы видны с мыса Кефали и от монастыря св. Георгия.

Из всех этих упомянутых выше фактов и замечаний Суд делает вывод, что установку мин невозможно было бы осуществить без ведома Албании. Что касается обязательств, вытекающих для нее из осведомленности об этом, то они бесспорны; она должна была уведомить суда, и особенно предупредить суда, следующие через пролив 22 октября, об опасности, которой они подвергаются. В действительности Албания ничего не предприняла для предотвращения этой катастрофы, и эти тяжкие упущения влекут за собой ее международную ответственность.

В Специальном соглашении содержится просьба к Суду определить, «обязана» ли Албания на этом основании «выплатить компенсацию» Соединенному Королевству. Такая формулировка породила некоторые сомнения: мог ли Суд не только в принципе решить вопрос о компенсации, но и определить ее размер? Суд дал утвердительный ответ на этот вопрос и специальным постановлением назначил срок, когда стороны должны представить ему свои мнения на этот счет.

Суд затем переходит ко второму вопросу, содержащемуся в Специальном соглашении: нарушило ли Соединенное Королевство суверенитет Албании 22 октября 1946 года или 12-13 ноября 1946 года?

Притязания Албании на то, чтобы обусловливать проход судов получением предварительного разрешения, противоречат общепризнанному принципу, согласно которому в мирное время государства имеют право направлять свои военные суда через проливы, используемые для международного судоходства между двумя частями моря вне пределов территориальных вод, при условии, что такой проход носит мирный характер. Пролив Корфу в географическом отношении принадлежит именно к этой категории, хотя он имеет лишь второстепенное значение (в том смысле, что он не является обязательным маршрутом между двумя частями моря вне пределов территориальных вод) и независимо от интенсивности движения судов через него. Особое значение имеет тот факт, что он составляет границу

между Албанией и Грецией и что часть пролива целиком находится в пределах территориальных вод этих государств. Является фактом, что эти два государства не поддерживали нормальных отношений, так как Греция предъявила территориальные претензии именно в отношении части побережья, граничащей с проливом. Однако Суд придерживается того мнения, что ввиду этих особых обстоятельств было бы оправдано, если бы Албания установила правила в отношении прохода через пролив, но не запрещала бы такой проход и не обусловливала бы его требованием получения специального разрешения.

Албания отрицала, что проход 22 октября был мирным. Она утверждает, что это была политическая акция и что использованные в ней методы — количество судов, их строй, вооружение, маневры и т.д. — свидетельствовали о намерении запугать. Суд изучил различные утверждения албанской стороны в той мере, в какой они представлялись имеющими отношение к делу. Его вывод состоит в том, что проход был мирным как в принципе, поскольку имел целью подтвердить право, в котором было несправедливо отказано, так и по способам его осуществления, которые не являются неразумными ввиду обстрела судов албанской батареей 15 мая.

Что касается операции, проведенной 12-13 ноября, то она была осуществлена вопреки ясно выраженной воле правительства Албании; она не получила согласия со стороны международных организаций по разминированию; ее нельзя оправдать как осуществление права на мирный проход. Соединенное Королевство заявило, что его целью было как можно скорее захватить мины из опасения, что они будут сняты теми, кто их установил, или албанскими властями: это было представлено либо как новое и особое применение теории вмешательства, посредством которого государство, осуществляющее вмешательство, действует в интересах облегчения задачи международного трибунала, либо как способ самозащиты или «самопомощи». Суд не может принять такие пути защиты. Он может рассматривать утверждаемое здесь право на вмешательство только как проявление политики силы, которой нет места в международном праве. Что касается понятия «самопомощи», то Суд также не может его принять: между независимыми государствами уважение территориального суверенитета составляет важную основу международных отношений. Разумеется, Суд признает, что правительство Албании не выполнило после взрывов ни одного своего обязательства и что его дипломатические ноты носят выжидательный характер, и это является смягчающими обстоятельствами для действий Соединенного Королевства. Но чтобы обеспечить уважение к международному праву, органом которого он является, Суд должен заявить, что действия британского военно-морского флота составляют нарушение суверенитета Албании. Данное заявление делается в соответствии с просьбой, высказанной Албанией через своего поверенного, и само по себе является необходимым удовлетворением.

К решению Суда приложены одно заявление и особые мнения членов Суда Альвареса, Винярского,

Зоричича, Бадави Паши, Крылова и Асеведо, а также особое мнение судьи *ad hoc* д-ра Эсера.

4. ВОЗМЕЩЕНИЕ ЗА УВЕЧЬЯ, ПОНЕСЕННЫЕ НА СЛУЖБЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Консультативное заключение от 11 апреля 1949 года

Вопрос, касающийся увечий, понесенных на службе Организации Объединенных Наций, был представлен Международному Суду Генеральной Ассамблеей ООН (Резолюция Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1948 года) и формулировался следующим образом:

«I. В случае, если представитель Организации Объединенных Наций при исполнении им своих обязанностей получил телесные повреждения в обстоятельствах, при которых возникает ответственность того или иного государства, полномочна ли Организация Объединенных Наций, как таковая, представить правительству, ответственному *de jure* или *de facto*, претензию в международном порядке с целью получения причитающейся компенсации за причиненный ущерб а) Организации Объединенных Наций, б) пострадавшему или лицам, имеющим на то право от его имени?»

II. В случае ответа в положительном смысле в пункте 1 б), как следует согласовать действия Организации Объединенных Наций с теми правами, которые может иметь государство, гражданином которого состоял пострадавший?»

Относительно вопросов I а) и I б) Международный Суд установил различие, исходя из того, является ли ответственное государство членом ООН или нет. Суд единогласно дал положительный ответ на вопрос I а). Что же касается вопроса I б), то Международный Суд 11 голосами против 4 пришел к мнению, что Организация Объединенных Наций правомочна предъявлять претензию в международном порядке независимо от того, является или нет ответственное государство членом ООН.

Наконец, по пункту II Международный Суд 10 голосами против 5 пришел к мнению, что когда Организация Объединенных Наций в качестве организации выдвигает требование возмещения ущерба, причиненного ее представителю, она может делать это только основывая свою претензию на нарушении обязательств, относящихся к ней самой; соблюдение этого правила обычно предотвращает конфликт между действиями со стороны Организации Объединенных Наций и такими правами, которыми может обладать государство, чьим гражданином является представитель ООН; более того, такое согласование интересов должно основываться на соображениях, применимых к каждому конкретному случаю, и на соглашениях, которые должны заключаться между ООН и отдельными государствами.

Судьи, проголосовавшие против, присоединили к

заключению либо декларацию, либо заявление относительно причин, по которым они не могут согласиться с заключением Международного Суда. Два других члена Международного Суда, согласившись с заключением, присоединили к нему, однако, дополнительное заявление.

Свое консультативное заключение Международный Суд начинает с перечисления процедурных обстоятельств. Запрос на получение консультативного заключения был направлен всем странам, имеющим право обращения в Международный Суд; в дальнейшем они были уведомлены о том, что Международный Суд готов получить от них информацию. Таким образом, письменные заявления были направлены следующим государствам: Индии, Китаю, Соединенным Штатам Америки, Соединенному Королевству Великобритании и Северной Ирландии, а также Франции. Кроме того, устные заявления были сделаны в Международном Суде представителем Генерального Секретаря ООН, которому помогал юридический советник, и представителями правительств Бельгии, Франции и Соединенного Королевства.

Затем Международный Суд делает несколько предварительных замечаний к поставленному перед ним вопросу. Он переходит к определению некоторых понятий, содержащихся в запросе о заключении, и далее анализирует содержание формулировки: «правомочность предъявить претензию в международном порядке». Несомненно, что такой правомочностью обладает государство. Принадлежит ли она также и ООН? Это равнозначно вопросу о том, обладает ли ООН международной правосубъектностью. Отвечая на этот вопрос, который не определен действующими положениями Устава, Международный Суд продолжает выяснять, какими характеристиками, согласно Уставу, предполагалось наделять ООН. В этой связи Международный Суд утверждает, что Устав предоставляет ООН права и обязанности, отличающиеся от прав и обязанностей ее членов. Далее Международный Суд подчеркивает важные политические задачи ООН, состоящие в поддержании международного мира и безопасности. Поэтому Международный Суд заключает, что ООН, обладающая этими правами и обязанностями, имеет в то же время большую степень международной правосубъектности и способна оказывать влияние на международном уровне, хотя она никак не является сверхдержавой.

Затем Международный Суд рассматривает суть проблемы, а именно: входит ли в совокупность международных прав ООН право предъявлять претензии в международном порядке на получение возмещения от какого-либо государства в отношении ущерба, причиненного увечьем представителя ООН, полученным им при исполнении обязанностей.

По первому пункту (I a) запроса о заключении Международный Суд единодушно приходит к выводу о том, что ООН правомочна предъявлять претензии в международном порядке к какому-либо государству (независимо от его членства в ООН) о возмещении ущерба, причиненного нарушением таким государством его обязательств по отношению к ООН. Суд указывает, что он не призван определять точную меру возмещения, на которое сможет претендовать ООН; размер возмещения должен зависеть от ряда факторов, которые Международный Суд приводит в качестве примеров.

Затем Международный Суд переходит к рассмотрению вопроса (I b), а именно: обладает ли ООН как организация правоспособностью предъявлять претензии в международном порядке с целью получения возмещения, причитающегося за причиненный ущерб, однако не самой ООН, а пострадавшему или лицам, имеющим на то право от его имени.

В связи с этим пунктом Международный Суд анализирует вопрос о дипломатической защите граждан. Суд указывает в данной связи, что в действительности только Организация Объединенных Наций правомочна предъявлять претензии в указанных обстоятельствах ввиду того, что основанием любой претензии в международном порядке должно быть нарушение государством-ответчиком обязательства по отношению к ООН. В данном случае государство, гражданином которого является пострадавший, не могло бы жаловаться на нарушение обязательства по отношению к себе. Здесь предполагается обязательство в пользу ООН. Однако Суд допускает, что аналогия с традиционным правом дипломатической защиты граждан за рубежом сама по себе еще не предопределяет положительный ответ. Действительно, отношения гражданства не связывают ООН и ее представителей. Это новая ситуация, и она должна быть изучена. Подразумевают ли положения Устава, относящиеся к функциям ООН, что последняя правомочна гарантировать ограниченную защиту своим представителям. Эти правомочия, которые являются существенными для реализации функций ООН, должны рассматриваться как необходимое предположение, проистекающее из Устава. В процессе своей деятельности ООН может счесть необходимым возложить

на своих представителей важные миссии, выполняемые в конфликтных регионах мира. Этим представителям должна быть обеспечена действенная защита. Только в этом случае представитель будет способен удовлетворительно выполнять свои обязанности. Таким образом, Международный Суд заключает, что ООН имеет правомочие осуществлять функциональную защиту своих представителей. Эта ситуация относительно проста в случае с государствами — членами ООН, так как они приняли на себя целый ряд обязательств в отношении ООН.

Но какова ситуация в том случае, когда претензия предъявляется к государству, которое не является членом ООН? Международный Суд полагает, что члены ООН создали нечто реально существующее, объективно обладающее международной правосубъектностью, а не просто субъект, признаваемый лишь собственными членами. Как и в случае с вопросом (I a), Международный Суд, соответственно, дает положительный ответ и на вопрос (I b).

* * *

Вопрос II Генеральной Ассамблеи касается согласования действий Организации Объединенных Наций с такими правами, которыми может обладать государство, чьим гражданином является потерпевший. Иными словами, речь идет о возможном споре между правом дипломатической защиты, с одной стороны, и функциональной защиты — с другой. Международный Суд не определяет здесь, какая из форм защиты является приоритетной, и в случае с государствами — членами ООН он подчеркивает их обязанность оказывать всяческую помощь, предусмотренную Статьей 2 Устава. Он добавляет, что возможность спора между ООН и государством, чьим гражданином является представитель ООН, может быть уменьшена или устранена либо с помощью общего договора, либо соглашений в каждом конкретном случае. Далее Международный Суд ссылается на случаи, которые уже возникали и практическое решение которых уже было найдено.

И наконец, Международный Суд рассматривает тот случай, когда представитель ООН является гражданином государства-ответчика. Поскольку претензия, предъявляемая ООН, основывается не на гражданстве пострадавшего, а на его статусе представителя ООН, то не имеет значения, считает ли его государство-ответчик своим собственным гражданином. От этого правовая ситуация не меняется.

5. ДЕЛО О ПРОЛИВЕ КОРФУ (ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ)

Решение от 15 декабря 1949 года

В решении, вынесенном 9 апреля 1949 года, Суд в соответствии с международным правом признал Албанию ответственной за взрывы, происшедшие 22 октября 1946 года в албанских водах, и за ущерб и человеческие жертвы в результате этих взрывов, понесенные Соединенным Королевством. В том же решении Суд сделал заключение, что он правомочен определить размер компенсации, но был не в состоянии сделать это немедленно из-за отсутствия определенной информации.

Поэтому были назначены дальнейшие заседания, чтобы дать возможность обеим сторонам изучить, обосновать или оспорить те суммы, которые были выдвинуты в качестве компенсации.

Во время этих заседаний Албания объявила, что, по ее мнению, в соответствии с условиями Специального соглашения, подписанного двумя сторонами, Суд должен был лишь рассмотреть вопрос принципа — обязана или не обязана Албания выплатить компенсацию Соединенному Королевству — и что, по мнению Албании, Суд не правомочен определять размер компенсации. Вследствие этого Албания решила не принимать больше участия в заседаниях.

На открытом заседании 17 ноября 1949 года Суд, заслушав представителя Соединенного Королевства, постановил поручить рассмотрение цифровых данных и оценок, представленных Соединенным Королевством, экспертам ввиду технического характера поднятых вопросов.

Эти эксперты — два специалиста в области военно-морского строительства и кораблестроения, граждане Нидерландов, — представили доклад 2 декабря; на последовавшем за этим заседании Суда они ответили на вопросы, поставленные им некоторыми членами Суда, которые хотели получить дополни-

тельную информацию.

В решении, резюме которого приводится здесь, Суд заявляет, что, поскольку правительство Албании отказалось от защиты, вводится в действие судопроизводство в условиях неявки ответчика. Поскольку в своем решении от 9 апреля Суд постановил, что он правомочен определить размер компенсации, то данный вопрос является *res judicata* и не подлежит дальнейшему обсуждению.

Но даже при судопроизводстве в условиях неявки ответчика Суд обязан удостовериться в том, что это притязание имеет достаточное фактическое и правовое обоснование.

Поэтому Суд последовательно рассматривает три статьи компенсации, указанные в иске Соединенного Королевства: за замену эсминца «Сомарес», который в результате взрывов в проливе Корфу полностью вышел из строя; за ущерб, причиненный эсминцу «Воладж»; и наконец, за гибель и телесные повреждения военно-морского персонала.

По первым двум статьям притязания Суд констатировал, что, по мнению назначенных им экспертов, данные, представленные правительством Соединенного Королевства, можно считать точной и разумной оценкой понесенного ущерба.

Что касается притязаний на компенсацию в отношении военно-морского персонала, то Суд считает, что документы, представленные правительством Соединенного Королевства, являются достаточным доказательством.

Поэтому Суд выносит решение в пользу притязания Соединенного Королевства и обязует Албанию уплатить этой стране компенсацию на общую сумму 843 947 английских фунтов стерлингов.

6. ПРАВОМОЧНОСТЬ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ В ОТНОШЕНИИ ПРИЕМА ГОСУДАРСТВА В ЧЛЕНЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Консультативное заключение от 3 марта 1950 года

Вопрос, касающийся правомочий Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций по приему государства в Организацию Объединенных Наций был направлен Генеральной Ассамблеей для консультативного заключения в Международный Суд. Этот вопрос содержится в резолюции Генеральной Ассамблеи от 22 ноября 1949 года.

Вопрос был сформулирован следующим образом:

«Может ли прием государства в члены Организации Объединенных Наций в соответствии с пунктом 2 Статьи 4 Устава быть осуществлен с помощью решения Генеральной Ассамблеи, если

Совет Безопасности не дал рекомендацию для приема в связи с тем, что кандидат не смог получить требуемого большинства голосов или из-за отрицательного голосования постоянного члена по резолюции о рекомендации?»

Суд дал отрицательный ответ на вопрос двенадцатью голосами против двух. Каждый из двоих несогласившихся судей — судья Альварес и судья Асеведо — приложили заявление о своем мнении, расходящемся с заключением Международного Суда.

* * *

В запросе на заключение Международный Суд был призван дать толкование пункта 2 Статьи 4 Устава. Перед изучением существа вопроса Международный Суд рассмотрел возражения по поводу самой процедуры, исходящие из предположений либо об отсутствии у Суда права на толкование Устава, либо ввиду якобы политического характера вопроса.

Относительно своей правомочности Международный Суд сослался на свое заключение от 28 мая 1948 года, в котором он декларировал, что способен давать заключение по любому правовому вопросу и что не существует положения, которое запретило бы Международному Суду осуществлять согласно Статье 4 Устава ООН функцию толкования, укладывающуюся в рамки нормального применения его юридических полномочий. По поводу второго возражения Международный Суд далее указал, что он не мог приписать политический характер запросу, который, будучи сформулирован в абстрактных терминах, предусматривал выполнение Международным Судом в основном юридической задаче толкования условий договора. Таким образом, Международный Суд не усмотрел оснований для того, чтобы не дать ответа на вопрос, поставленный Генеральной Ассамблеей.

Тот вопрос рассматривал только случай, когда Совет Безопасности, голосуя по поводу рекомендации, заключил из итогов голосования, что рекомендация не была принята, так как не собрала необходимого большинства голосов или из-за отрицательного голосования одного из постоянных членов Совета Безопасности. Суд, таким образом, имел в виду тот случай, когда Генеральная Ассамблея столкнулась с отсутствием рекомендации Совета Безопасности. Международный Суд не был уполномочен определять правила, регулирующие процедуру голосования в Совете Безопасности или изучать вопрос о том, способно ли отрицательное голосование одного из постоянных членов Совета Безопасности отвергнуть рекомендацию, собравшую семь или более голосов. Действительно, содержание вопроса предполагало в подобном случае отсутствие рекомендации.

Следовательно, вопрос заключался в том, может ли Генеральная Ассамблея принять решение о приеме государства при отсутствии рекомендации Совета Безопасности.

Международный Суд не сомневался в значении соответствующего положения: пункта 2 Статьи 4 Устава. Для приема государства требовались две вещи: рекомендация Совета Безопасности и решение Генеральной Ассамблеи. Употребление в статье слов «по рекомендации» подразумевало, что реко-

мендация является основой для решения. Оба эти акта были совершенно необходимы для вынесения «решения» Организации Объединенных Наций (пункт 1 Статьи 4) с учетом существования рекомендации как предварительного условия для решения о принятии.

Были предприняты попытки придать другое значение этому положению, прибегнув к «предварительной работе». Но первый долг суда, призванного разъяснить текст, состоял в том, чтобы попытаться толковать слова, использованные в контексте, в их естественном и обычном значении. В настоящем случае можно было без труда установить естественное и обычное значение обсуждавшихся слов и толковать их. Касаясь этих соображений, Международный Суд счел для себя недопустимым прибегать к «предварительной работе».

Заключения, к которым пришел Международный Суд в ходе рассмотрения пункта 2 Статьи 4, были подтверждены структурой Устава и в особенности характером отношений, установленных между Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности. Оба эти органа являются главными органами Организации Объединенных Наций, и Совет Безопасности не находится в подчиненном положении. Более того, органы, на которые Статья 4 возложила вынесение решения Организации Объединенных Наций о принятии, постоянно признавали, что принятие может быть допущено только на основе рекомендации Совета Безопасности. Если бы Генеральная Ассамблея обладала правом принять государство без рекомендации Совета Безопасности, то последний был бы лишен важной роли в осуществлении одной из существенных функций Организации Объединенных Наций. Также было бы невозможно допустить, что отсутствие рекомендации равносильно «неблагоприятной рекомендации», посредством которой Генеральная Ассамблея могла бы обосновать решение о приеме государства.

Несмотря на ограниченность рамками запроса, Суду было достаточно заявить о том, что Генеральная Ассамблея ни в коей мере не правомочна изменять — вплоть до придания противоположного смысла — сути голосования в Совете Безопасности. Соответственно, нельзя было признать, что Генеральная Ассамблея правомочна придать голосованию в Совете Безопасности характер рекомендации, в то время как сам Совет Безопасности считал, что такая рекомендация не была сделана.

Таковы были причины, заставившие Международный Суд дать отрицательный ответ на вопрос, заданный ему Генеральной Ассамблеей.

7. ТОЛКОВАНИЕ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ С БОЛГАРИЕЙ, ВЕНГРИЕЙ И РУМЫНИЕЙ (ПЕРВЫЙ ЭТАП)

Консультативное заключение от 30 марта 1950 года

Вопрос о толковании мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией был передан Суду для вынесения консультативного заключения Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (резолюция Генеральной Ассамблеи от 19 октября 1949 года):

Одиннадцатью голосами против трех Суд констатировал наличие споров с этими странами, подпадающих под положения об урегулировании споров, содержащиеся в самих договорах, и обязанность правительств этих трех стран подчиниться положениям статей этих договоров, касающихся урегулирования споров, включая положения о назначении своих представителей в комиссии по договорам.

* * *

Суд вынес свое заключение при следующих обстоятельствах.

Когда в апреле 1949 года вопрос о соблюдении прав человека в Болгарии и Венгрии был передан на рассмотрение Генеральной Ассамблеи, последняя приняла резолюцию, в которой выразила серьезное беспокойство относительно тяжелых обвинений, выдвинутых против правительств Болгарии и Венгрии в этой связи, и обратила их внимание на их обязательства, содержащиеся в мирных договорах, подписанных ими с Союзными и Ассоциированными державами, включая обязательства сотрудничать в разрешении всех этих вопросов.

22 октября 1949 года Ассамблея при рассмотрении обвинений, выдвинутых в этой связи некоторыми державами против Болгарии, Венгрии и Румынии, обвинений, отклоненных последними; отметив, что правительства этих трех стран отказались назначить своих представителей в комиссии по договорам для урегулирования споров на том основании, что они юридически не обязаны делать этого, и будучи глубоко обеспокоена в связи с такой ситуацией, постановила передать Международному Суду для вынесения консультативного заключения следующие вопросы:

I. Обнаруживает ли дипломатическая переписка между этими тремя государствами и некоторыми Союзными и Ассоциированными державами наличие споров, подпадающих под положения об урегулировании споров, содержащиеся в договорах?

II. В случае утвердительного ответа обязаны ли эти три государства подчиниться положениям статей в мирных договорах относительно урегулирования споров, включая положения о назначении своих представителей в комиссии?

III. В случае утвердительного ответа на второй вопрос и если в течение тридцати дней со дня вынесения Судом своего заключения назначение не будет

произведено, является ли Генеральный секретарь уполномоченным назначить третьего члена комиссии?

IV. В случае утвердительного ответа на третий вопрос будет ли комиссия в таком составе компетентна для вынесения окончательного и обязательного решения для урегулирования спора?

Однако третий и четвертый вопросы, касающиеся положения в мирных договорах, согласно которому Генеральный секретарь в случае отсутствия согласия между сторонами обязан назначить третьего члена комиссии по договорам, не были переданы Суду для представления немедленного ответа. Суд должен был бы рассмотреть их лишь в том случае, если назначения членом сторон в комиссию не будут произведены в течение одного месяца после вынесения заключения по первому и второму вопросам.

* * *

В своем заключении Суд дал ответы на первый и второй вопросы.

Суд прежде всего рассмотрел вопрос о том, правомочен ли он выносить заключение по данному делу на основании пункта 7 Статьи 2 Устава, который не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию какого-либо государства. Он отметил, с одной стороны, что Генеральная Ассамблея подтверждает право на предпринятое им рассмотрение на основании Статьи 55 Устава, в которой говорится, что Организация Объединенных Наций содействует всеобщему уважению и соблюдению прав человека, и, с другой стороны, что просьба о вынесении заключения не содержит требования о том, чтобы Суд рассматривал предполагаемые нарушения положений договоров, касающихся прав человека: цель просьбы заключается только в получении некоторых разъяснений правового характера относительно применимости процедуры урегулирования споров, предусмотренной в договорах. Толкование положений договора с этой целью не может рассматриваться как вопрос, по существу входящий во внутреннюю компетенцию государства; это вопрос международного права, который в силу самого своего характера входит в компетенцию Суда.

С другой стороны, Суд рассмотрел вопрос о том, не должен ли тот факт, что Болгария, Венгрия и Румыния высказали возражения против вынесения консультативного заключения, побудить его посредством применения принципов, регулирующих деятельность судебного органа, отклонить просьбу о предоставлении ответа. Он указал, что процедура судебного разбирательства, завершающаяся выне-

сением решения, и процедура вынесения консультативного заключения отличаются друг от друга. Он считал себя полномочным рассматривать вопрос о том, носят ли обстоятельства каждого дела такой характер, который побуждает его отказаться от ответа на просьбу. В данном деле, которое явно отличается от дела о Восточной Карелии (1923 год), Суд высказал мнение о том, что он не должен отклонять просьбу, поскольку она была высказана с целью информирования Генеральной Ассамблеи о применимости процедуры урегулирования споров, и Суду не предлагалось высказаться по существу этих споров. Суд дал утвердительный ответ на первый вопрос, указав, с одной стороны, на наличие споров, поскольку были выдвинуты некоторые обвинения против ряда государств, которые отклонили их, а с другой, — что эти споры подпадают под положения статей об урегулировании споров, содержащиеся в мирных договорах.

При рассмотрении второго вопроса Суд определил его смысл и указал, что он относится только к обязательству Болгарии, Венгрии и Румынии подчиниться положениям статей мирных договоров, каса-

ющихся урегулирования споров, включая обязательство назначить своих представителей в комиссии по договорам. Суд считал, что все условия, необходимые для начала этапа урегулирования споров комиссиями, имеются. Поэтому он дал утвердительный ответ и на второй вопрос.

* * *

Заключение Суда было оглашено, и о нем были должным образом уведомлены Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций и государства, подписавшие договоры. Текст выводов, содержащихся в заключении, был передан по телеграфу тем подписавшим государствам, которые не присутствовали на слушании.

Судья Асеведу, согласившись с заключением, добавил к нему свое индивидуальное мнение. Судьи Виньярский, Зоричич и Крылов, считая, что Суду следовало отклонить просьбу о предоставлении заключения, присоединили к заключению заявления о своем несогласии с заключением.

8. МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАТУС ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Консультативное заключение от 11 июля 1950 года

Вопрос о международном статусе Юго-Западной Африки был передан Суду для вынесения консультативного заключения Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (резолюция Генеральной Ассамблеи от 6 декабря 1949 года).

Суд единогласно постановил, что Юго-Западная Африка является территорией под международным мандатом, возложенным на Южно-Африканский Союз 17 декабря 1920 года;

двенадцатью голосами против двух — что Южно-Африканский Союз продолжает нести международные обязательства, вытекающие из мандата, включая обстоятельство представлять доклады и передавать петиции жителей этой территории, контрольные функции осуществляются Организацией Объединенных Наций, а ссылка на Постоянную Палату Международного Правосудия заменяется ссылкой на Международный Суд в соответствии со статьей 7 мандата и статьей 37 Статута Суда;

единогласно — что положения Главы XII Устава применимы к территории Юго-Западной Африки в том смысле, что они являются средством, с помощью которого эта территория может быть включена в систему опеки;

восемью голосами против шести — что Устав не возлагает на Южно-Африканский Союз правовое обязательство устанавливать опеку над территорией;

и, наконец, единогласно — что Южно-Африканский Союз не имеет права изменять международный

статус Юго-Западной Африки и такое право принадлежит Союзу в том случае, если он действует с согласия Организации Объединенных Наций.

* * *

Обстоятельства, при которых Суду было предложено вынести свое заключение, были следующими:

Территория Юго-Западной Африки была одним из немецких заморских владений, в отношении которых Германия в силу статьи 119 Версальского договора отказалась от всех своих прав и правооснований в пользу главных Союзных и Ассоциированных держав. После войны 1914-1918 годов над этой территорией был установлен мандат, переданный Южно-Африканскому Союзу, который должен был осуществлять всю административную и законодательную власть над территорией как составной частью Союза. Правительство Союза должно было осуществлять международную функцию по управлению от имени Лиги с целью содействия благосостоянию и развитию населения.

После второй мировой войны Южно-Африканский Союз, утверждая, что мандат утратил силу, стал добиваться от Организации Объединенных Наций признания включения территории в состав Союза.

Организация Объединенных Наций не дала согласия на это включение и предложила Южно-Афри-

канскому Союзу установить опеку над территорией в соответствии с положениями Главы XII Устава.

Поскольку Южно-Африканский Союз отказался подчиниться, Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций 6 декабря 1949 года приняла следующую резолюцию:

«Генеральная Ассамблея,

напоминая о своих предыдущих резолюциях 65 (I) от 14 декабря 1946 года, 141 (II) от 1 ноября 1947 года и 227 (III) от 26 ноября 1948 года относительно территории Юго-Западной Африки,

считая желательным, чтобы в целях дальнейшего рассмотрения вопроса Генеральная Ассамблея получила консультативное заключение о его правовых аспектах,

1. постановляет представить следующие вопросы на рассмотрение Международного Суда с просьбой дать по ним консультативное заключение, которое будет передано Генеральной Ассамблее по возможности до начала ее пятой очередной сессии:

«Каков международный статус территории Юго-Западной Африки и каковы международные обязательства Южно-Африканского Союза, вытекающие из этого статуса, в частности:

a) имеются ли еще у Южно-Африканского Союза международные обязательства, возложенные на него в силу мандата над Юго-Западной Африкой, и, в положительном случае, в чем заключаются эти обязательства?

b) применимы ли положения Главы XII Устава к территории Юго-Западной Африки и, в положительном случае, каким образом они применимы?

c) имеет ли Южно-Африканский Союз право изменять международный статус территории Юго-Западной Африки и, в случае отрицательного ответа, кому принадлежит право устанавливать и изменять международный статус этой территории?»

2. предлагает Генеральному секретарю передать настоящую резолюцию Международному Суду, с приложением к ней, в соответствии со статьей 65 Статута Международного Суда, всех документов, могущих послужить к разъяснению вопроса.

В эти документы Генеральный секретарь должен включить текст статьи 22 статута Лиги Наций; текст мандата над немецкой Юго-Западной Африкой, подтвержденного Советом Лиги 17 декабря 1920 года; соответствующую документацию, касающуюся целей и функций мандатной системы; текст резолюции, принятой Лигой Наций 18 апреля 1946 года по вопросу о мандатах; текст статей 77 и 80 Устава и информацию об обсуждении этих статей на Конференции в Сан-Франциско и в Генеральной Ассамблее; доклад Четвертого комитета и официальные отчеты, включая приложения, об обсуждении вопроса о Юго-Западной Африке на четвертой сессии Генеральной Ассамблеи».

* * *

В своем заключении Суд рассмотрел прежде всего вопрос о том, продолжает ли существовать мандат

на территорию Юго-Западной Африки, переданный главными Союзными и Ассоциированными державами Его Британскому Величеству для осуществления этого мандата от его имени Южно-Африканским Союзом. Суд заявил, что Лига не является «доверителем» в том смысле, в каком этот термин используется в национальном праве некоторых государств. Этот мандат имеет лишь общее название, если сопоставлять его с некоторыми понятиями мандата в национальном праве. По существу международный характер функций Союза явствовал из того факта, что эти функции подлежали контролю со стороны Совета Лиги и предусматривали обязанность представлять ему ежегодные доклады; это явствовалось также из того факта, что любой член Лиги мог представить на рассмотрение Постоянной Палаты Международного Правосудия любой спор с правительством Союза относительно толкования или применения положений мандата.

Международные обязательства, взятые на себя Южно-Африканским Союзом, были двойными. С одной стороны, они были непосредственно связаны с управлением территорией и представляли собой священную миссию цивилизации, о которой говорится в статье 22 Статута; с другой — они имели отношение к механизму выполнения и были тесно связаны с наблюдением и контролем со стороны Лиги, что соответствовало «гарантиям осуществления этой миссии», упоминаемым в этой же статье.

Обязательства первой группы представляют собой саму суть священной миссии цивилизации. Причина для их существования и первоначальный объект сохраняются. Поскольку их выполнение не зависит от существования Лиги Наций, их нельзя отменить только потому, что этого контрольного органа больше нет. Это мнение находит подтверждение в пункте 1 статьи 80 Устава, где говорится о сохранении прав государств и народов или условий существующих международных соглашений до тех пор, пока указанные территории не будут включены в систему опеки. Кроме того, в резолюции Лиги Наций от 18 апреля 1946 года говорилось, что функции Лиги в отношении подмандатных территорий прекращаются; в ней не говорилось о том, что существование прекращают и сами мандаты.

Этой резолюцией Ассамблея Лиги Наций продемонстрировала свое понимание того, что мандаты будут существовать и далее до тех пор, пока не будут заключены «другие соглашения», а Южно-Африканский Союз в заявлениях, сделанных в Лиге Наций, а также в Организации Объединенных Наций, признал, что его обязательства по мандату продолжают существовать и после ликвидации Лиги. Толкование договорно-правовых документов участвующими в них сторонами, хотя оно и не является убедительным в том, что касается их смысла, имеет значительную доказательную силу, если в них содержится признание какой-либо стороной своих собственных обязательств по договорно-правовому документу.

Что касается обязательств второй группы, то Суд заявил, что могут возникнуть определенные сомнения вследствие того, что контрольные функции Лиги в отношении подмандатных территорий, не

включенных в новую систему опеки, не были конкретно переданы Организации Объединенных Наций и конкретно взяты на себя этой организацией. Тем не менее обязательство государства-мандатария признать международный контроль и представлять доклады является важным элементом мандатной системы. Нельзя сделать вывод о том, что обязательство представлять информацию в целях контроля перестало действовать только потому, что контрольный орган прекратил существование, в то время как Организация Объединенных Наций имеет другой международный орган, выполняющий аналогичные, хотя и идентичные, контрольные функции.

Эти общие соображения получили подтверждение в пункте 1 Статьи 80 Устава, где говорится о сохранении не только прав государств, но и прав народов подмандатных территорий до тех пор, пока не будут заключены соглашения об опеке. Компетенция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций осуществлять такой контроль, а также получать и рассматривать доклады вытекает из положений статьи 10 Устава, согласно которой Генеральная Ассамблея уполномочивается обсуждать любые вопросы или дела в пределах Устава и делать рекомендации членам Организации Объединенных Наций. Кроме того, в резолюции Ассамблеи Лиги Наций от 18 апреля 1946 года высказывается предположение, что контрольные функции, осуществляемые Лигой, перейдут к Организации Объединенных Наций.

Право на петиции в Уставе или мандате не упоминается, однако было предусмотрено решением Совета Лиги. Суд счел, что это право, которое население Юго-Западной Африки приобрело таким образом, было подтверждено в пункте 1 статьи 80 Устава в том смысле, в каком это положение было истолковано выше. Поэтому Суд высказал мнение о том, что правительство Союза должно передавать петиции Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, которая имеет законное право рассматривать их.

Таким образом, Юго-Западная Африка по-прежнему должна рассматриваться в качестве подмандатной территории с 17 декабря 1920 года. Степень контроля со стороны Генеральной Ассамблеи не должна превышать предусматриваемого в соответствии с мандатной системой. Эти замечания применяются к ежегодным докладам и петициям.

Что касается статьи 37 Статута Международного Суда и пункта 1 статьи 80 Устава, то Суд счел, что это положение в мандате продолжает действовать, и поэтому Южно-Африканский Союз должен признать обязательную юрисдикцию Суда в соответствии с этими положениями.

В отношении вопроса б) Суд заявил, что Глава XII Устава применима к территории Юго-Западной Африки в том смысле, что она является средством, с помощью которого эта территория может быть включена в систему опеки.

Что касается второй части вопроса относительно того, каким образом применимы эти положения, то Суд заявил, что положения этой Главы не налагают

на Южно-Африканский Союз обязательство установить над территорией опеку посредством заключения соглашения об опеке. Такое мнение основывается на либеральных формулировках статей 75 и 77. В этих статьях упоминается о «соглашении», которое предполагает согласие заинтересованных сторон. Тот факт, что в статье 77 упоминается о «добровольном» включении определенных территорий в систему опеки, не говорит о том, что включение в систему опеки прочих территорий является обязательным. Использование слова «добровольно» в отношении территорий, относящихся к категории с) в статье 77, может объясняться как проявление всесторонней осмотрительности и как дополнительная гарантия свободной инициативы для государств, имеющих территории, которые подпадают под эту категорию.

Суд высказал мнение о том, что, если бы пункт 2 статьи 80 имел своей целью установить обязательство для государства-мандатария вести переговоры и заключить соглашение, то такое намерение следовало бы выразить прямо. Он также счел, что эта статья не устанавливает обязательства начать переговоры с целью заключения соглашения об опеке, поскольку это положение конкретно касается поддержки или отсрочки «переговоров и заключения соглашения», а не только переговоров. Кроме того, оно касается не только подмандатных, но и других территорий. Наконец, обязательство просто вести переговоры не дает само по себе гарантии заключения соглашений об опеке. Действительно, Устав предусматривает и регулирует лишь одну систему — международную систему опеки. Если можно сделать вывод о том, что, как ожидалось, государства-мандатарии будут следовать обычным путем, указанным в Уставе, и заключать соглашения об опеке, то на основании этих общих соображений Суд не мог установить для государств-мандатариев какое-либо юридическое обязательство заключать такие соглашения или вести переговоры по ним. Суд не имеет полномочий высказывать свое мнение о политических или моральных обязанностях, с которыми могут быть связаны эти соображения.

Что касается вопроса с), то Суд постановил, что Союз не имеет права в одностороннем порядке изменять международный статус территории. Он вновь заявил, что обычный путь изменения международного статуса территории заключался бы во включении ее в систему опеки посредством соглашения об опеке в соответствии с положениями Главы XII Устава.

В статье 7 мандата требовалась санкция Совета Лиги на любые изменения его положений. Согласно ответу, данному на вопрос а), Суд заявил, что эти контрольные полномочия принадлежат теперь Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. В статьях 79 и 85 Устава предусматривается, что соглашение об опеке должно быть утверждено Генеральной Ассамблеей. По аналогии, можно сделать вывод о том, что такая же процедура применима и к любому изменению международного статуса подмандатной территории, которое не будет иметь своей целью включение этой территории в систему опеки.

Кроме того, Южно-Африканский Союз сам принял решение представить вопрос о будущем международном статусе территории на «суд» Генеральной Ассамблеи как «компетентного международного органа». При этом Союз признал компетенцию Генеральной Ассамблеи в данном вопросе. На основании этих соображений Суд сделал вывод о том, что право устанавливать и изменять международный статус территории сохраняется за Союзом, действующим в согласии с Организацией Объединенных Наций.

Сэр Арнольд Макнэйр и судья Рид приложили к заключению Суда заявление о своих особых мнениях.

Воспользовавшись правом, предоставленным на основании статьи 57 Статута, судьи Альварес, де Вишер и Крылов приложили к заключению заявления о своем несогласии.

Вице-председатель Герреро заявил, что он не мо-

жет согласиться с заключением Суда в отношении ответа на вопрос *b*). По его мнению, Устав налагает на Южно-Африканский Союз обязательство включить территорию в систему опеки. По этому вопросу и по документу в целом он разделял мнения, высказанные судьей де Вишером.

Судьи Зоричич и Бадави Паша заявили, что не могут согласиться с ответом, данным Судом на вторую часть вопроса *b*), и сообщили, что разделяют в целом взгляды, выраженные по данному вопросу в заявлении о несогласии судьи де Вишера.

Мнение Суда было оглашено. Устные заявления были сделаны от имени Генерального секретаря Организации Объединенных Наций помощником Генерального секретаря, ответственным за деятельность Департамента по правовым вопросам, и от имени правительств Филиппин и Южно-Африканского Союза.

9. ТОЛКОВАНИЕ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ С БОЛГАРИЕЙ, ВЕНГРИЕЙ И РУМЫНИЕЙ (ВТОРОЙ ЭТАП)

Консультативное заключение от 18 июля 1950 года

Изложенное здесь консультативное заключение касается второго этапа рассмотрения вопроса о толковании мирных договоров, подписанных с Болгарией, Венгрией и Румынией. В резолюции от 22 октября 1949 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций представила Суду для вынесения консультативного заключения четыре следующих вопроса:

« I. Обнаруживает ли дипломатическая переписка между Болгарией, Венгрией и Румынией, с одной стороны, и некоторыми Союзными и Соединенными державами, подписавшими мирные договоры, с другой стороны, по вопросу о проведении в жизнь положений статьи 2 договоров с Болгарией и Венгрией и статьи 3 договора с Румынией, наличие споров, подпадающих под положения об урегулировании споров, содержащиеся в статье 36 Мирного договора с Болгарией, статье 40 Мирного договора с Венгрией и статье 38 Мирного договора с Румынией?»

В случае утвердительного ответа на первый вопрос:

II. Обязаны ли правительства Болгарии, Венгрии и Румынии подчиниться упомянутым в первом вопросе положениям статей, включая положения о назначении своих представителей в комиссии по договорам?»

В случае утвердительного ответа на второй вопрос и если в течение тридцати дней со дня вынесения Судом своего заключения заинтересованные правительства не известят Генерального секретаря о том, что они назначили своих представителей в комиссии по договорам, и Генеральный секретарь уведомил об этом Международный Суд:

III. Если одна из сторон не назначит предста-

вителя в комиссию, предусматриваемую в мирных договорах с Болгарией, Венгрией и Румынией в тех случаях, когда эта сторона обязана назначить представителя в соответствующую комиссию по договорам, является ли Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций уполномоченным назначить третьего члена такой комиссии по требованию другой стороны в споре согласно положениям соответствующих договоров?»

В случае утвердительного ответа на третий вопрос:

IV. Явится ли комиссия по договорам, состоящая из представителя одной стороны и третьего члена, назначенного Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций, комиссией согласно смыслу соответствующих статей договоров и будет ли она компетентной для вынесения окончательного и обязательного решения для урегулирования спора?»

30 марта 1950 года Суд дал ответ на первые два вопроса, заявив, что дипломатическая переписка обнаруживает наличие споров, подпадающих под содержание в договорах положения об урегулировании споров, и что правительства Болгарии, Венгрии и Румынии обязаны назначить своих представителей в комиссии по договорам.

1 мая 1950 года исполняющий обязанности Генерального секретаря Организации Объединенных Наций уведомил Суд о том, что в течение 30 дней со дня вынесения Судом консультативного заключения по первым двум вопросам он не получил информации о том, что какое-либо из трех заинтересованных правительств назначило своего представителя в комиссии по договорам.

22 июня 1950 года правительство Соединенных

Штатов Америки направило письменное заявление. Правительство Соединенного Королевства ранее изложило свои мнения по третьему и четвертому вопросам в письменном заявлении, представленном на первом этапе рассмотрения дела.

На открытых заседаниях, состоявшихся 27 и 28 июня 1950 года, Суд заслушал устные заявления, сделанные от имени Генерального секретаря Организации Объединенных Наций помощником Генерального секретаря, ответственным за деятельность Департамента по правовым вопросам, а также от имени правительства Соединенных Штатов Америки и правительства Соединенного Королевства.

В своем заключении Суд заявил, что, хотя в буквальном смысле возможность назначения третьего члена до назначения обоих представителей сторон отнюдь не исключается, естественный и обычный смысл этого положения предполагает, что последние должны быть назначены ранее третьего члена. Это совершенно четко явствовало из последовательности событий, предусмотренных статьей. Кроме того, это обычный способ в практике арбитража, и при отсутствии какого-либо конкретного положения об обратном нет оснований предполагать, что стороны хотели отойти от нее.

Право Генерального секретаря назначить третьего члена основывалось исключительно на согласии сторон, как об этом говорится в положении договоров о спорах. Такое положение уже в силу характера следовало строго толковать и можно было применять лишь в случае, конкретно им предусмотренном. Случай, предусмотренный в договорах, касался отсутствия между сторонами согласия относительно избрания третьего члена, а не гораздо более серьезной ситуации, связанной с абсолютным отказом одной из сторон сотрудничать, выразившимся в отказе назначить своего члена комиссии.

Изменение обычной последовательности назначений можно объяснить только в том случае, если позиция сторон свидетельствует о том, что они хотят такого изменения с целью облегчить создание комиссий в соответствии с условиями договоров. Однако в данном случае дело обстояло иначе. В этих условиях назначение третьего члена Генеральным секретарем вместо создания комиссии из трех членов, предусмотренной договорами, привело бы лишь к созданию комиссии из двух членов, а такого рода комиссии договоры не предусматривали. Возражения члена Комиссии — представителя какой-либо стороны — могли бы помешать комиссии принять любое решение. Она могла принимать решения лишь на основе единогласия, в то время как положение о спорах предусматривало принятие решения большинством голосов. Нет сомнения в том, что решения комиссии, состоящей из двух членов, один из которых был назначен только одной стороной, не имели бы такого же морального авторитета, как решения, принятые комиссией из трех членов.

Короче говоря, Генеральный секретарь будет уполномочен назначить третьего члена лишь в том случае, если можно будет создать комиссию в соответствии с положениями договоров.

Суд заявил в своем заключении от 30 марта о том,

что правительства Болгарии, Венгрии и Румынии обязаны назначить своих представителей в комиссии по договорам. Отказ выполнить обязательство по договору повлечет за собой международную ответственность. Однако такой отказ не может изменить условия, предусмотренные в договорах в отношении осуществления Генеральным секретарем его права на назначение. Эти условия в данном деле отсутствуют, и их отсутствие не было подтверждено тем фактом, что оно вызвано нарушением обязательства по договору. Неспособность механизма урегулировать споры из-за практической невозможности создания комиссии, предусмотренной в договорах, — это одно, а международная ответственность — другое. Нельзя исправить нарушение обязательства по договору путем создания такой комиссии, которая не предусмотрена в договорах. Обязанность Суда состоит в том, чтобы толковать договоры, а не пересматривать их.

Принцип о том, что то или иное положение следует толковать таким образом, чтобы оно имело практический эффект, также не может оправдать действия Суда с целью придать положениям смысл, который противоречил бы их букве и духу.

Тот факт, что арбитражная комиссия может вынести законное решение, хотя первоначальное число ее членов впоследствии сократилось, например, в результате отзыва одного из арбитров, не позволяет провести аналогию со случаем назначения третьего члена Генеральным секретарем в условиях, отличных от тех, которые предусмотрены в договорах, поскольку это порождает прежде всего вопрос о первоначальной законности создания комиссии.

Нельзя также утверждать, что отрицательный ответ на третий вопрос поставит под серьезную угрозу будущее многих аналогичных арбитражных положений в других договорах. Практика арбитража показывает, что, хотя составители конвенций об арбитраже часто стремятся предусмотреть последствия неспособности сторон достичь согласия относительно назначения третьего члена, они, за исключением особых случаев, воздерживались от того, чтобы предусмотреть возможность отказа какой-либо стороны назначить своего члена комиссии. В немногих договорах, содержащих конкретные положения по этому вопросу, указывалось, что подписавшие государства в этих случаях считали невозможным исправление положения только путем толкования этих договоров. Действительно, риск был невелик, поскольку, как правило, каждая сторона была непосредственно заинтересована в назначении своего члена комиссии и, как предполагалось, в любом случае должна была соблюдать свои обязательства по договору. То, что в данном случае дело обстояло иначе, не оправдывает превышения Судом своих судебных полномочий под предлогом устранения недостатка, в отношении возникновения которого в договорах не было предусмотрено ни одного положения.

По этим соображениям Суд постановил ответить на третий вопрос отрицательно и поэтому не счел для себя необходимым рассматривать четвертый вопрос.

Это решение Суда было вынесено 11 голосами против 2.

Судья Крылов, поддержав содержащиеся в заключении выводы и общую линию рассуждения, заявил, однако, о том, что он не может согласиться с соображениями, касающимися международной от-

ветственности, поскольку, по его мнению, эта проблема выходит за пределы вопроса, поставленного перед Судом.

Судьи Рид и Асеведу присоединили заявления о своем индивидуальном мнении.

10. ДЕЛО ОБ УБЕЖИЩЕ

Решение от 20 ноября 1950 года

Основанием для колумбийско-перуанского дела об убежище явилось предоставление 3 января 1949 года послом Колумбии в Лиме убежища руководителю политической партии Перу «Американский народно-революционный союз» г-ну Виктору Раулю Айя де ля Торре. 3 октября 1948 года в Перу вспыхнуло вооруженное восстание, и против Айя де ля Торре было начато судебное разбирательство в связи с подстрекательством к восстанию и руководством им. Перуанские власти разыскивали его, но безуспешно, а после того, как беженцу было предоставлено убежище, посол Колумбии в Лиме обратился с просьбой об охранном свидетельстве, с тем чтобы Айя де ля Торре, которого он считал лицом, совершившим политическое преступление, мог покинуть страну. Правительство Перу отклонило просьбу, заявив, что Айя де ля Торре совершил уголовные преступления и не может иметь право на убежище. Не сумев достигнуть согласия, оба правительства представили Суду ряд вопросов, касающихся их спора; эти вопросы были изложены в заявлении, представленном Колумбией, и встречном риске, представленном Перу.

В своем решении Суд четырнадцатью голосами против двух заявил, что Колумбия не имеет права односторонне и в порядке, носящем обязательный характер для Перу, квалифицировать преступление; пятнадцатью голосами против одного он заявил, что правительство Перу не обязано предоставлять охранное свидетельство беженцу. С другой стороны, Суд пятнадцатью голосами против одного отверг утверждение Перу о том, что Айя де ля Торре обвиняется в уголовных преступлениях; Суд отметил, что единственным пунктом обвинения против Айя де ля Торре было вооруженное восстание, а вооруженное восстание само по себе не является уголовным преступлением. Наконец, десятью голосами против шести Суд, не критикуя позицию посла Колумбии в Лиме, высказал мнение о том, что условия, предусматривающие предоставление убежища согласно соответствующим договорам, не были выполнены в тот момент, когда он принимал Айя де ля Торре. Действительно, согласно толкованию, которое Суд дал Гаванской конвенции, убежище не может быть препятствием для судебного разбирательства, начатого правоохранительными органами, действующими в соответствии с законом.

Факты, на основании которых дело было передано в Суд, излагаются в решении.

3 октября 1948 года в Перу вспыхнуло вооруженное восстание; оно было подавлено в тот же день. На следующий день был издан декрет, в котором политическая партия «Американский народно-революционный союз» обвинялась в подготовке восстания и руководстве им. Виновным в этом был объявлен руководитель этой партии Виктор Рауль Айя де ля Торре. Против него и других членов партии было начато судебное преследование по обвинению в вооруженном восстании. Поскольку 16 ноября он еще находился на свободе, в печати были опубликованы судебные повестки, предписывавшие ему явиться к следователю. 3 января 1949 года посольство Колумбии в Лиме предоставило ему убежище. Тем временем 27 октября 1948 года к власти в Перу пришла военная хунта, которая издала декрет, предусматривавший создание военных судов для вынесения суммарных приговоров в случае восстания, антиправительственной агитации или мятежа; однако этот декрет не был применен к судебному разбирательству против Айя де ля Торре и других, и в Суде было заявлено, что этот декрет к указанному разбирательству не применялся. К тому же, в период с 4 октября по начало февраля 1949 года в Перу действовало осадное положение.

4 января 1949 года посол Колумбии в Лиме информировал правительство Перу о предоставлении убежища Айя де ля Торре; одновременно он обратился с просьбой о выдаче охранного свидетельства, с тем чтобы беженец мог покинуть страну. Кроме того, 14 января он заявил, что беженец был квалифицирован как политический беженец. Правительство Перу оспорило эту квалификацию и отказалось выдать охранное свидетельство. Началась дипломатическая переписка, которая завершилась подписанием в Лиме 31 августа 1949 года акта, в соответствии с которым оба правительства согласились представить дело на рассмотрение Международного Суда.

* * *

Колумбия утверждала на Суде, что согласно действующим конвенциям — Боливарскому соглашению 1911 года об экстрадиции, Гаванской конвенции 1928 года об убежище, Конвенции Монтевидео 1933 года о политическом убежище — и американ-

скому международному праву она правомочна квалифицировать характер этого преступления для целей предоставления убежища. В этой связи Суд высказал мнение о том, что, если бы указанная квалификация была предварительной, в этом вопросе не могло бы быть никаких сомнений: дипломатический представитель рассмотрел бы вопрос о том, были ли выполнены необходимые условия, он высказал бы свое мнение и, если бы это мнение было оспорено, возник бы спор, который можно было бы решить в соответствии с методами, предусмотренными сторонами.

Однако из разбирательства этого дела явствовало, что Колумбия добивается права на одностороннюю и окончательную квалификацию, обязательную для Перу. В одной из статей первого из упомянутых договоров — Боливарском соглашении, — которое представляет собой договор об экстрадиции, говорилось лишь о признании института убежища в соответствии с принципами международного права. Однако эти принципы не дают права на одностороннюю квалификацию. С другой стороны, когда в Боливарском соглашении устанавливались нормы экстрадиции, на их основании нельзя было сделать выводы, касающиеся дипломатического убежища. В случае экстрадиции беженец находится на территории государства убежища: если ему предоставлено убежище, то такое решение не ущемляет суверенитет государств, в которых преступление совершено. В случае же дипломатического убежища беженец находится на территории государства, в котором он совершил преступление: решение о предоставлении убежища ущемляет суверенитет территориального государства и освобождает преступника от юрисдикции этого государства.

Что касается второго договора, упомянутого Колумбией — Гаванской конвенции, — то в ней ни прямо, ни косвенно не признавалось право на одностороннюю квалификацию. Третий договор — Конвенция Монтевидео — не был ратифицирован Перу, и на него нельзя было ссылаться в споре с этой страной.

Наконец, что касается американского международного права, то Колумбия не доказала существования, как на региональном, так и на местном уровнях, какой-либо постоянной и единообразной практики односторонней квалификации как права государства убежища и обязательства территориального государства. Факты, представленные Суду, обнаруживали слишком много противоречий и различий, для того чтобы можно было выявить в них практику, характерную для Латинской Америки и признанную в качестве права.

Таким образом, из этого следовало, что Колумбия как государство, предоставившее убежище, не правомочна квалифицировать характер этого преступления в форме одностороннего и окончательного решения, обязательного для Перу.

* * *

Колумбия также утверждала, что Перу обязана выдать охранное свидетельство, с тем чтобы бе-

женец мог покинуть страну в условиях безопасности. Суд, отложив на время вопрос о том, правильно ли предоставлено и обеспечивается убежище, отметил, что положение Гаванской конвенции, согласно которому беженцу предоставляются гарантии, применимо лишь в случае, когда территориальное государство потребовало отъезда беженца со своей территории: лишь после такого требования дипломатический агент, который предоставил убежище, может, в свою очередь, потребовать охранное свидетельство. Разумеется, существует практика, когда дипломатический агент незамедлительно запрашивает охранное свидетельство, которое ему предоставляется, однако такая практика, которую следует объяснять соображениями целесообразности, не предусматривает никаких обязательств в отношении территориального государства.

В данном случае Перу не потребовала отъезда беженца и поэтому не была обязана выдавать охранное свидетельство.

* * *

Во встречном иске Перу обратилась к Суду с просьбой заявить о том, что убежище было предоставлено Айя де ля Торре в нарушение Гаванской конвенции, во-первых, потому, что Айя де ля Торре был обвинен не в политическом, а в уголовном преступлении и, во-вторых, потому, что неотложный характер, который предусматривается в Гаванской конвенции для обоснования предоставления убежища, в данном случае отсутствовал.

Отметив, что Перу ни разу не потребовала возвращения беженца, Суд рассмотрел первый вопрос. В этой связи Суд указал, что единственным обвинением против беженца было обвинение в вооруженном восстании, которое не является уголовным преступлением. Поэтому Суд отклонил встречный иск Перу по этому вопросу, заявив о его необоснованности.

В связи с вопросом о неотложном характере Суд, отметив, что основным оправданием для предоставления убежища является неминуемая или постоянная опасность для личности беженца, проанализировал факты этого дела.

Между вооруженным восстанием и предоставлением убежища прошло три месяца. Необходимости в защите Айя де ля Торре по гуманитарным соображениям от насильственных и неконтролируемых действий безответственных элементов не было; опасность, которая угрожала Айя де ля Торре, заключалась в том, что он должен был предстать перед судом. Гаванская конвенция не предусматривает защиты гражданина, организовавшего заговор против институтов своей страны, от обычного судебного разбирательства. Недостаточно быть обвиненным в политическом преступлении, с тем чтобы иметь право на получение убежища; убежище от действий правосудия может быть предоставлено только в тех случаях, когда применение норм права подменяется произвольными действиями. Однако не было доказано, что положение в Перу в то время

свидетельствовало о зависимости правосудия от исполнительных органов власти или об отмене судебных гарантий.

Кроме того, в Гаванской конвенции не была предусмотрена правовая система, которая гарантировала бы лицам, обвиняемым в политических преступлениях, иммунитет от юрисдикции своих государств. Такая концепция вступила бы в противоречие с одной из старейших традиций в Латинской Америке, а именно, традицией невмешательства. Ибо, если бы Гаванская конвенция преследовала цель обеспечить всеобщую защиту всем лицам, преследуемым за политические преступления, совершенные в ходе революционных событий, по той единственной причине, что, как следовало бы предположить, такие события препятствуют отуплению правосудия, это привело бы к иностранному вмешательству исключительно агрессивного характера во внутренние дела государств.

Что касается многочисленных случаев, приведенных Колумбией, то Суд пришел к выводу, что признать убежище территориальное государство побудило, по-видимому, соображения выгоды или политической целесообразности, и такое решение не было продиктовано какой-либо мыслью о правовом обязательстве. Убежище в Латинской Америке — это институт, который в значительной степени связан своим развитием факторам, лежащим вне сферы права.

Хотя в решении говорилось о том, что в момент предоставления убежища, 3 января 1949 года, вопрос не имел неотложного характера по смыслу Гаванской конвенции, в нем было заявлено, что это ни в какой мере не является критикой в адрес посла Колумбии. Его оценка дела не имела отношения к вопросу о законности убежища: важна была лишь объективная реальность фактов.

Поэтому Суд пришел к выводу о том, что предоставление убежища не соответствует пункту 2 статьи 2 Гаванской конвенции.

Оба представления Колумбии были отклонены: первое 14 голосами против 2 (судья Асеведу и специальный судья г-н Кайседо), второе — 15 голосами против 1 (судья Кайседо). Что касается встречного иска правительства Перу, то он был отклонен 15 голосами против 1, поскольку основывался на нарушении статьи Гаванской конвенции, предусматривающей, что убежище не предоставляется лицам, обвиняемым в уголовных преступлениях. Однако, что касается второго вопроса, то встречный иск был принят 10 голосами против 6 (судьи Альварес, Зоричич, Бадави Паша, Рид и Асеведу и специальный судья г-н Кайседо).

К решению были присоединены заявления судей Альвареса, Бадави Паши, Рида, Асеведу и специального судьи г-на Кайседо об их индивидуальном мнении. Что касается второго вопроса встречного иска, то судья Зоричич поддержал мнение судьи Рида.

II. ПРОСЬБА О ТОЛКОВАНИИ РЕШЕНИЯ СУДА ОТ 20 НОЯБРЯ 1950 ГОДА ПО ДЕЛУ ОБ УБЕЖИЩЕ

Решение от 27 ноября 1950 года

Решение касается просьбы о толковании решения Суда от 20 ноября по делу об убежище (Колумбия-Перу). Эта просьба была представлена Суду от имени правительства Колумбии в день вынесения Судом решения, подлежащего истолкованию.

Двенадцатью голосами против одного Суд, имеющий в своем составе двух судей *ad hoc*, назначенных соответственно правительствами Колумбии и Перу, вынес решение, что эта просьба является неприемлемой.

В своем решении Суд напоминает, что главное условие заключается в том, что толкование решения в соответствии с положениями Статута он может дать лишь при соблюдении того главного условия, что получение такого толкования и является фактическим содержанием просьбы. Это означает, что ее цель должна заключаться исключительно в получении разъяснения в отношении смысла и объема решений, имеющих обязательную силу. Необходи-

мо также, чтобы между сторонами существовал спор в отношении смысла и сферы охвата решения.

Далее Суд отмечает, что правительство Колумбии просило его ответить на три вопроса: может ли решение от 20 ноября 1950 года истолковываться, как означающее:

a) что правовые последствия следует относить на счет квалификации преступления, вменяемого в вину г-ну Айа де ля Торре, данную послом Колумбии в Лиме?

b) что Перу не имеет права требовать выдачи беженца и что Колумбия не обязана выдавать его?

c) или, напротив, что Колумбия обязана выдать беженца?

По первому вопросу Суд решил, что этот вопрос не был поставлен перед ним сторонами: к Суду обратились с просьбой принять решение в неконкретной и общей форме только в отношении представленного Колумбией заявления.

Другие два вопроса на практике равносильны альтернативе, касающейся выдачи беженца. Этот во-

прос также не был поставлен в заявлениях, представленных сторонами: поэтому Суд не смог принять по этому вопросу какого-либо решения. Именно стороны должны были представить свои соответствующие требования по данному вопросу, от чего они уклонились. «Недоработки», которые Колумбия, как следует из ее заявления, обнаружила в решении, фактически касаются новых моментов, по которым решение не может быть получено посредством толкования: такое толкование ни в коем случае не может пойти дальше рамок решения, заранее определенных заявлениями сторон.

И, наконец, не удовлетворено требуемое Статутом условие о том, что должен иметь место спор: до сведения Суда не была доведена никакая инфор-

мация о споре между сторонами, а сама дата запроса о толковании показывает, что такой спор не мог возникнуть никоим образом.

В силу этих причин Суд объявляет просьбу о толковании, представленную Колумбией, неприемлемой.

Г-н Кайседо Касталья, судья ad hoc, назначенный правительством Колумбии, объявил, что он не может присоединиться к решению. Его заявление прилагается к решению.

12. ОГОВОРКИ К КОНВЕНЦИИ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ГЕНОЦИДА И НАКАЗАНИИ ЗА НЕГО

Консультативное заключение от 28 мая 1951 года

Вопрос, касающийся оговорки к Конвенции о предупреждении геноцида и наказаний за него, был направлен для консультативного заключения в Международный Суд Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (резолюция Генеральной Ассамблеи от 16 ноября 1950 года) и формулировался следующим образом:

«Поскольку это касается Конвенции о предупреждении геноцида и наказаний за него, в случае, если какое-либо государство ратифицирует эту Конвенцию или присоединяется к ней с оговоркой, сделанной либо при ратификации или присоединении, либо при подписании, за которым последовала ратификация:

I. Может ли делающее оговорку государство считаться участником этой Конвенции, пока оно все еще настаивает на своей оговорке, если против этой оговорки было заявлено возражение одним или несколькими участниками Конвенции, но не другими?

II. В случае утвердительного ответа на первый вопрос, какое значение имеет оговорка между делающим оговорку государством и:

- a) теми участниками Конвенции, которые возражают против этой оговорки?
- b) теми, кто принимает ее?

III. Какое юридическое значение для ответа на первый вопрос имеет возражение против оговорки, заявленное:

- a) государством, подписавшим, но еще не ратифицировавшим Конвенцию?
- b) государством, которое имеет право подписать Конвенцию или присоединиться к ней, но еще не сделало этого?»

Письменные заявления по данному вопросу были представлены на рассмотрение Суду следующими государствами и организациями: Организацией американских государств, Союзом Советских Социалистических Республик, Иорданским Хашимитским Королевством, Соединенными Штатами Америки, Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии, Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций, Израилем, Международной организацией труда, Польшей, Чехословакией, Нидерландами, Социалистической Республикой Румынией, Украинской Советской Социалистической Республикой, Народной Республикой Болгарией, Белорусской Советской Социалистической Республикой, Республикой Филиппины.

Кроме того, Суд выслушал устные заявления, сделанные от имени Генерального секретаря Организации Объединенных Наций и правительств Израиля, Соединенного Королевства и Франции.

Суд 7 голосами против 5 дал следующие ответы на вопросы:

Вопрос I:

Государство, которое сделало оговорку и настаивает на ней, в то время как против этой оговорки было заявлено возражение одним или несколькими участниками Конвенции, но не другими, может считаться участником Конвенции, если оговорка совместима с предметом и целью Конвенции; в противном случае это государство не может считаться участником Конвенции.

Вопрос II:

a) если участник Конвенции возражает против оговорки, которую он считает несовместимой с предметом и целью Конвенции, он может фактиче-

ски считать, что государство, делающее оговорку, не является участником Конвенции;

b) если, с другой стороны, участник Конвенции принимает оговорку как совместимую с предметом и целью Конвенции, он может фактически считать, что государство, делающее оговорку, является участником Конвенции.

Вопрос III:

a) возражение против оговорки, заявленное государством подписавшим, но еще не ратифицировавшим Конвенцию, может иметь юридическое значение, указанное в ответе на вопрос I, только после ратификации. До того момента оно лишь уведомляет другое государство о возможной позиции государства, подписавшего Конвенцию;

b) возражение против оговорки, заявленное государством, которое имеет право подписать Конвенцию или присоединиться к ней, но еще этого не сделало, не имеет юридической силы.

Два противоположных мнения были добавлены к консультативному заключению: одно со стороны заместителя Председателя Гуэрреро и судей сэра Арнольда Макнэйра, Рида и Хсу Мо и другое со стороны судьи Альвареса.

* * *

Свое консультативное заключение Суд начинает с опровержения доводов, приводимых некоторыми правительствами против его правомочности осуществлять консультативные функции в данном деле. Суд затем обратился к вопросам, которые были ему направлены, предварительно отметив, что они четко ограничены рамками Конвенции по предупреждению геноцида и носят чисто абстрактный характер.

Первый вопрос отсылает к положению о том, может ли государство, которое заявило оговорку и все еще настаивает на ней, считаться участником Конвенции о предупреждении геноцида, если некоторые участники возражают против оговорки. В своих договорных отношениях государство не может быть связано обязательством без его согласия. Оговорка может иметь силу только с его согласия. С другой стороны, общепризнано, что многосторонняя Конвенция является результатом свободно заключенного соглашения. С этим принципом была связана идея о целостности принятой Конвенции, традиционное понимание которой включало утверждение о том, что никакие оговорки не вступают в силу, пока они не приняты всеми участвующими сторонами. Эта концепция сохраняет бесспорную ценность как принцип, но что касается Конвенции о предупреждении геноцида, то различные обстоятельства обусловили ее более гибкое применение. Среди этих обстоятельств может быть упомянут универсальный характер Организации Объединенных Наций, под эгидой которой была заключена эта Конвенция, а также широкая степень участия государств, которая предусмотрена самой Конвенцией. Участие в конвенциях подобного типа уже спо-

собствовало большей гибкости на практике. Более общие обращения к оговоркам, очень высокая степень допустимости молчаливого согласия с оговорками, прием государства, которое сделало оговорку, в качестве участника Конвенции по отношению к государствам, которые согласились с ней — все эти факторы свидетельствуют о необходимости выработки еще более гибкого подхода к осуществлению многосторонних конвенций. Более того, Конвенция по предупреждению геноцида, хотя она и была принята единогласно, появилась тем не менее в результате ряда голосований большинством голосов, что может заставить некоторые государства сделать оговорки.

При отсутствии в Конвенции статьи, предусматривающей оговорку, невозможно сделать вывод об их запрещении. При отсутствии какого-либо ясно выраженного положения в отношении данного предмета, для того чтобы определить возможность оговорки, а также их действия, необходимо принимать во внимание их характер, цель, условия, метод подготовки и принятия. Подготовка Конвенции по предупреждению геноцида показывает, что соглашение было достигнуто Генеральной Ассамблеей благодаря возможности делать оговорки. Это позволяет заключить, что государства, становящиеся участниками Конвенции, согласились с данной процедурой.

Каков характер оговорки, которые могут быть сделаны, и возражений, которые могут быть выдвинуты против них? Решение следует искать в особенностях Конвенции по предупреждению геноцида. Принципы, лежащие в основе Конвенции, признаны цивилизованными странами как обязательные даже для государств, не присоединившихся к Конвенции. Имелось в виду, что Конвенция должна иметь всеобъемлющий характер. Ее цель носит чисто гуманный и цивилизованный характер. Государства-участники не имеют никаких индивидуальных выгод или убытков, не преследуют собственных интересов, но руководствуются только общим интересом. Это подводит к заключению о том, что предмет и цель Конвенции подразумевают стремление Генеральной Ассамблеи и государств, принявших Конвенцию, привлечь к участию в ней как можно большее число государств. Данная цель не была бы достигнута, если бы возражение против незначительной оговорки могло повлечь за собой полное исключение из Конвенции. С другой стороны, участвующие стороны не хотели бы пожертвовать самим предметом Конвенции в угоду неопределенному стремлению сохранить как можно большее число участников. Из этого следует, что совместимость оговорки с предметом и целью Конвенции является критерием при определении позиций государства, которое делает оговорку, и государства, которое против нее возражает. Поэтому на вопрос I в силу его абстрактного характера не может быть дан однозначный ответ. Оценка оговорки и значение возражений зависят от обстоятельств в каждом индивидуальном случае.

Суд затем рассмотрел вопрос II, в котором ему было предложено ответить, какое действие оказы-

вает оговорка, с одной стороны, на государство, делающее оговорку и, с другой стороны, на государства, возражающие против нее, и государства, ее принимающие. К данному случаю применимы те же самые соображения. Никакое государство не может быть связано оговоркой, с которой оно не согласно, и поэтому каждое государство на основе собственных оценок, данных оговоркам и отвечающих критерию предмета и цели Конвенции, изложенному выше, имеет право считать или не считать участником Конвенции государство, делающее оговорку. При нормальном ходе событий проблема согласия будет только сказываться на взаимоотношениях между двумя государствами. Она может, однако, вести и к полному выходу из Конвенции в том случае, если выход выражен принятием позиции в аспекте юрисдикции: некоторые стороны могут счесть согласие несовместимым с целью Конвенции и, пожелав разрешить спор либо с помощью специального соглашения, либо процедуры, установленной самой Конвенцией.

Недостатки, проистекающие от этого возможно расхождения мнений, реальны. Они могут быть предупреждены посредством статьи об оговорках. Они уменьшаются благодаря общему обязательству договаривающихся государств руководствоваться в своих суждениях совместимостью или несовместимостью конкретной оговорки с предметом и целью

Конвенции. Должно быть ясно признано, что государства-участники стремятся сохранить в целостном виде по крайней мере то, что является сутью предмета Конвенции.

И наконец, Суд обратился к вопросу III относительно действия возражения со стороны государства, которое имеет право подписать и ратифицировать Конвенцию, но еще не сделало это, или со стороны государства, которое подписало, но еще не ратифицировало Конвенцию. В первом случае было бы невероятным, чтобы государство, не обладающее правами в соответствии с данной Конвенцией, могло исключить другое государство. Случай с государствами, подписавшими Конвенцию, является более благоприятным. Они уже предприняли определенные шаги, необходимые для вступления в права участников Конвенции. Этот предварительный статус дает им право сформулировать как предупредительную меру свои возражения, которые сами носят предварительный характер. Если за подписанием следует ратификация Конвенции, то возражение окончательно вступает в силу. В противном случае, оно исчезает. Поэтому возражение не обладает немедленным юридическим действием, но выражает и провозглашает позицию каждого государства, подписавшего Конвенцию, в отношении того, чтобы стать ее участником.

13. ДЕЛО АЙЯ ДЕ ЛЯ ТОРРЕ

Решение от 13 июня 1951 года

Дело Айя де ля Торре между Колумбией и Перу при участии Кубы, вступившей в дело в качестве посредника, было возбуждено в Суде при следующих обстоятельствах:

В решении, вынесенном 20 ноября 1950 года, Суд определил правовые отношения между Колумбией и Перу в том, что касается поставленных перед ним этими государствами вопросов, касающихся дипломатического убежища вообще и убежища, предоставленного 3-4 января 1949 года послом Колумбии в Лиме Виктору Раулю Айя де ля Торре, в частности; Суд определил, что в этом случае убежище не было предоставлено в соответствии с Конвенцией об убежище, подписанной в Гаване в 1928 году. После вынесения решения Перу потребовало от Колумбии его выполнения и призвало ее положить конец неправомерно предоставляемой защите путем выдачи беженца. Колумбия ответила, что выдача беженца явилась бы не только невыполнением решения от 20 ноября, но и нарушением Гаванской конвенции, и эта страна возбудила в Суде дело путем подачи 13 декабря 1950 года заявления.

В своем заявлении и во время судебного разбирательства Колумбия просила Суд определить, каким образом следует осуществлять решение от 20 ноября 1950 года и, кроме того, заявить, что она не

должна во исполнение этого решения выдать Айя де ля Торре. Перу, со своей стороны, также просила Суд определить, каким образом Колумбия должна выполнить это решение. Она просила также, во-первых, отклонить заявление Колумбии, требующее у Суда однозначно заявить, что Колумбия не обязана выдавать Айя де ля Торре и, во-вторых, заявить, что предоставление убежища должно быть прекращено немедленно после вынесения решения от 20 ноября 1950 года и что в любом случае оно должно быть незамедлительно прекращено, с тем чтобы правосудие Перу смогло возобновить нормальный ход судебного разбирательства, которое было прервано.

В своем решении по делу Айя де ля Торре Суд постановил:

единогласно — что в функции Суда не входит выбор между различными способами, с помощью которых может быть прекращено предоставление убежища;

тринадцатью голосами против одного — что Колумбия не обязана выдавать Айя де ля Торре властям Перу;

единогласно — что предоставление убежища дол-

жно было быть прекращено после вынесения решения 20 ноября 1950 года и что его следует прекратить.

В своем решении Суд, во-первых, рассматривает допустимость вступления в дело правительства Кубы. Это правительство, воспользовавшись правом, предоставляемое Статутом Суда государствам — участникам какой-либо конвенции, вопрос толкования которой в настоящее время рассматривается, представило декларацию о вступлении в дело, в котором излагается его мнение, касающееся толкования Гаванской конвенции. Правительство Перу утверждает, что такое вступление в дело является недопустимым: что оно несвоевременно и по своему характеру фактически является попыткой третьего государства обжаловать решение от 20 ноября. Касаясь этого вопроса, Суд отмечает, что каждое вступление в дело вытекает из существа данного судебного разбирательства и что, соответственно, любая декларация, представленная как заявление о вступлении в дело, приобретает характер такового лишь в том случае, если она действительно имеет отношение к вопросу, рассматриваемому на судебных заседаниях. Содержание данного дела касается нового вопроса — выдачи Айя де ля Торре властям Перу, — что полностью выходит за рамки заявлений сторон и вследствие этого не подпадает под действие решения от 20 ноября. В этих обстоятельствах необходимо определить, является ли целью вступления в дело толкование Гаванской конвенции в отношении вопроса о том, обязана ли Колумбия выдать беженца: поскольку, по словам представителя Кубы, вступление в дело основывается на том факте, что необходимо дать толкование новому аспекту Гаванской конвенции, Суд решил разрешить такое вступление.

Суд продолжает рассмотрение существа дела. Он отмечает, что обе стороны стремятся к тому, чтобы было вынесено постановление, касающееся способов осуществления решения от 20 ноября. Это решение в вопросе о правомерности предоставления убежища ограничивалось определением правовых отношений, установленных Гаванской конвенцией, в отношении этого вопроса между обеими сторонами; в нем не содержалось каких-либо указаний сторонам, и единственным последствием для сторон было обязательство выполнения решения. Однако та форма, в которой стороны сформулировали свои заявления, показывает, что они хотели бы, чтобы Суд выбрал один из существующих различных способов прекращения убежища. Эти методы определяются обстоятельствами и возможностями, которые в весьма значительной степени могут оценить лишь сами стороны. Такого рода выбор мог основываться не на юридических соображениях, а лишь на практической целесообразности или политической выгоде. Поэтому осуществление такого выбора не входит в число судебных функций и Суд не может выполнить требования сторон об этом, содержащиеся в их заявлениях.

Что касается выдачи беженца, то этот вопрос является новым, вынесенным на рассмотрение суда

лишь в заявлении от 13 декабря 1950 года, и его не затрагивает решение от 20 ноября. В соответствии с Гаванской конвенцией предоставление дипломатического убежища, являющееся временной мерой по временной защите лиц, совершивших политические преступления, должно прекращаться, по возможности, в кратчайшие сроки. Однако Конвенция не дает полного ответа на вопрос, каким образом предоставление убежища может быть прекращено. Что касается лиц, виновных в совершении обычных преступлений, то в Конвенции содержится недвусмысленное требование об их выдаче местным властям. Для лиц, совершивших политические преступления, она предписывает предоставление гарантий безопасного выезда из страны. Однако гарантия безопасности может быть затребована лишь в том случае, если убежище в данном случае было предоставлено и осуществлялось на законной основе и если государство, на территории которого оно было предоставлено, потребовало, чтобы беженец был выслан из страны. Случаи, когда убежище было предоставлено не на законной основе и когда государство, на территории которого оно было предоставлено, не предъявило такого требования, не подпадают под действие положений указанной Конвенции. Точка зрения, что отсутствие этого положения налагает обязательства на выдачу беженцев, противоречила бы духу этой Конвенции, отражающей латиноамериканскую традицию в отношении права убежища — традицию, в соответствии с которой политический беженец не подлежит выдаче властям. В рамках этой традиции ничто не указывает на то, что случаи незаконного предоставления убежища являются исключением. Для того чтобы отойти от указанной традиции, потребовалось бы ясно выраженное положение на этот счет. Отсутствие такого положения в Конвенции позволяет сделать вывод о том, что предполагалось вопросы урегулирования последствий таких ситуаций решать, исходя из возможности или простой политической целесообразности.

Действительно, право убежища нельзя в принципе противопоставлять отправлению национального правосудия, и безопасность, обеспечиваемая путем предоставления убежища, не может рассматриваться как защита от законов и юрисдикции законно назначенных судов. Суд заявил об этом в своем решении от 20 ноября. Однако заявление о том, что существует обязательство выдавать лицо, обвиненное в политическом преступлении, по той причине, что убежище было предоставлено незаконно, — это уже нечто совершенно другое. Это было бы равносильно оказанию практической помощи местным властям в их преследовании политического беженца и далеко выходило бы за пределы выводов Суда в его решении от 20 ноября; такая помощь не могла бы быть приемлемой без тесно выраженного положения об этом в Конвенции. Что касается Айя де ля Торре, то Суд в своем решении от 20 ноября заявил, с одной стороны, что не было доказано, что до предоставления убежища он был обвинен в совершении обычных преступлений; с другой стороны, Суд установил, что убежище не было предоставлено ему в соответствии с данной Конвенцией. Поэтому и с учетом вышеупо-

мянутых соображений Колумбия не обязана выдавать его перуанским властям.

И, наконец, Суд рассматривает заявления Перу в отношении прекращения предоставления убежища, которые Колумбия просила отклонить. Суд заявляет, что решение от 20 ноября, объявляющее незаконным предоставление убежища, имеет юридическое последствие, заключающееся в необходимости преодоления этого состояния незаконности путем прекращения предоставления убежища. Поэтому Перу имеет законное право требовать прекращения предоставления убежища. Однако Перу добавила, что предоставление убежища должно прекратиться «с тем чтобы правосудие Перу смогло возобновить нормальный ход судебного разбирательства, которое было прервано». Это добавление, которое, по-видимому, подразумевает косвенное требование о выдаче беженца, не может быть принято Судом.

Таким образом, Суд приходит к выводу, что предоставление убежища должно быть прекращено, но что Колумбия не обязана выполнять свое обяза-

тельство путем выдачи беженца. Между этими двумя выводами нет противоречий, поскольку выдача не является единственной формой прекращения предоставления убежища.

Таким образом, определив в соответствии с Гаванской конвенцией правовые отношения между сторонами касательно вопросов, переданных ему на рассмотрение, Суд заявляет, что он завершил выполнение поставленной перед ним задачи. Он не может дать какой-либо практический совет в отношении различных способов, с помощью которых может быть прекращено предоставление убежища, поскольку сделав это, он выйдет за пределы своих судебных полномочий. Однако можно придти к выводу, что стороны теперь, после того, как их взаимные правовые отношения были определены, смогут найти практическое и удовлетворительное решение, руководствуясь теми соображениями взаимного уважения и добрососедства, которые в вопросах предоставления убежища всегда занимали особое место в отношениях между латиноамериканскими республиками.

14. ДЕЛО О РЫБОЛОВСТВЕ

Решение от 18 декабря 1951 года

Дело о рыболовстве было возбуждено в Суде Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии против Норвегии.

Указом от 12 июля 1935 года правительство Норвегии в северной части страны (к северу от Полярного круга) определило границы зоны, в которой право рыбного промысла было зарезервировано за гражданами этой страны. Соединенное Королевство просило Суд высказать мнение, противоречит ли такая делимитация границ международному праву. В своем решении Суд определил, что ни метод, использованный в указе для определения границ, ни сами границы, установленные вышеупомянутым указом, не противоречат международному праву; первое решение было принято десятью голосами против двух, а второе — восьмью голосами против четырех.

Трое судей — г-н Альварес, г-н Хекурт и г-н Су Мо — присоединили к решению заявление или индивидуальное мнение с обоснованием своих выводов; двое других судей — сэр Арнольд Макнейр и г-н Дж. Е. Рид — присоединили к решению заявления о своих отдельных мнениях.

* * *

В решении излагается ситуация, которая привела к спору, и факты, предшествующие подаче заявления Великобританией.

Затрагиваемая в споре прибрежная зона имеет характерную конфигурацию. Ее длина по прямой

превышает 1 500 км. Побережье, на всем протяжении представляющее собой гористую местность, исключительно сильно изрезано фиордами и бухтами, к нему примыкает бесчисленное количество островов, островков и рифов (некоторые из которых образуют непрерывный архипелаг, известный под названием skjaetgaard — «скальный бастион»), и оно не может служить, как это имеет место практически во всех других странах мира, четкой разделительной линией между сушей и морем. Вследствие своей конфигурации суша выступает далеко в море, и норвежской береговой линией фактически является внешняя линия, охватывающая все элементы суши, которые рассматриваются как единое целое. Вдоль прибрежной зоны расположены отмели, исключительно богатые рыбой. С незапамятных времен они эксплуатировались жителями этой территории и островов; рыболовство для них является основным источником существования.

В прошлые века британские моряки вторгались в воды, омывающие норвежское побережье. В результате протестов короля Норвегии с начала XVII века на протяжении трехсот лет они воздерживались от таких действий. Однако в 1906 году британские суда появились вновь. Это были траулеры, имеющие усовершенствованную и мощную оснастку. Это вызвало беспокойство у местного населения, и Норвегией были приняты меры с целью определения границ, в пределах которых рыболовство было запрещено для иностранцев. Инциденты происходили все чаще, и 12 июля 1935 года правительство Норвегии приняло указ, устанавливаю-

ший границы зоны рыболовства Норвегии. Оба правительства вступили в переговоры, которые продолжались после принятия указа, но безуспешно. В 1948 и в 1949 годах значительное число английских траулеров было арестовано и конфисковано. В результате этого правительство Соединенного Королевства возбудило дело в Суде.

В решении прежде всего излагается предмет спора. Ширина норвежского территориального моря под сомнение не ставится: четырехмильная зона, на которую претендует Норвегия, была признана Соединенным Королевством. Однако вопрос заключается в том, были ли линии, определенные указом 1935 года для целей установления границ рыболовной зоны Норвегии, проведены в соответствии с международным правом. (От этих линий, называемых «базисные линии», исчисляется ширина территориального моря.) Соединенное Королевство отрицает, что они были проведены в соответствии с международным правом, и ссылается на принципы, которые, по его мнению, применимы к данному случаю. Со своей стороны, Норвегия, хотя и не отрицает, что такие правила существуют, придерживается мнения, что правила, на которые ссылается Соединенное Королевство, неприменимы, и она продолжает исходить из своей собственной системы определения границ, которая, по ее мнению, во всех отношениях соответствует международному праву. В решении прежде всего рассматривается применимость принципов, предложенных Соединенным Королевством, затем норвежская система и, наконец, вопрос о соответствии этой системы международному праву.

Первый принцип, выдвинутый Соединенным Королевством, заключается в том, что базисная линия должна быть отметкой уровня малой воды. Этот критерий в действительности является общепринятым в практике государств. Между сторонами в отношении этого критерия существует согласие, однако у них различный подход к его применению. Изложенные выше географические реалии, которые неизбежно приводят к выводу, что искомая линия является не линией побережья, а скорее линией «skjaergaard», также приводят к отклонению требования о том, чтобы базисная линия всегда следовала отметке уровня малой воды. Проведенная между соответствующими точками этой отметки, в разумных пределах отступая от физической береговой линии, базисная линия может быть определена лишь путем геометрических построений. Прямые линии будут проведены через точно определенные бухты и незначительные искривления береговой линии и морские зоны, разделяющие острова, островки и рифы, таким образом придавая более простую форму зоне территориальных вод. Проведение таких линий не является исключением из правила: именно побережье с такого рода сложным рельефом, рассматриваемое как единое целое, определяет необходимость применения метода прямых базисных линий.

Должна ли быть определена максимальная длина прямых линий, на чем настаивает Соединенное Ко-

ролевство, за исключением тех замыкающих линий внутренних вод, в отношении которых Соединенное Королевство согласно, что Норвегия имеет на них историческое право? Хотя некоторые государства приняли правило десятимильной зоны для замыкающих линий заливов, другие государства приняли иные параметры; поэтому правило десятимильной зоны не приобрело авторитета общей нормы международного права ни в отношении заливов, ни в отношении вод, разделяющих острова архипелага. Кроме того, правило десятимильной зоны неприменимо в отношении Норвегии, поскольку эта страна всегда возражала против применения его в отношении своего побережья.

Таким образом, Суд, рассмотрев выводы Соединенного Королевства, приходит к выводу, что определение границ 1935 года не противоречит международному праву. Однако делимитация морских районов всегда имеет международный аспект, поскольку она представляет интерес не только для прибрежного государства, но и для других государств; поэтому она не может зависеть исключительно от воли первого. В этой связи некоторые основополагающие соображения, вытекающие из самой природы территориального моря, проливают свет на следующие критерии, которые могут служить ориентиром для судов: поскольку территориальное море тесно связано с прибрежной территорией, базисная линия не должна в сколь-либо значительной степени отклоняться от общего направления побережья. Некоторые воды особенно тесно связаны с элементами суши, которые разделяют или окружают их (идея, которая должна широко применяться к данному случаю, учитывая конфигурацию берега); может оказаться необходимым учитывать некоторые особые экономические интересы района в тех случаях, когда их реальность и значение ясно подтверждаются длительностью их существования.

Норвегия ссылается на указ 1935 года как на применение традиционной системы установления границ в соответствии с международным правом. По ее мнению, международное право учитывает все разнообразие фактов и признает, что делимитация должна проводиться с учетом особых условий, характерных для различных регионов. В решении указывается, что норвежский указ 1812 года, а также ряд последующих документов (указы, доклады, дипломатическая корреспонденция) показывают, что метод прямых линий, определяемый географическими обстоятельствами, утвердился в норвежской системе и подтверждается непрерывной и достаточно длительной практикой. Применение данной системы не встречает противодействия со стороны других государств. Даже Соединенное Королевство не оспаривало его в течение многих лет: лишь в 1933 году Соединенное Королевство заявило официальный и ясно выраженный протест. Тем не менее, традиционно занимаясь решением морских вопросов, эта страна не могла не знать о давно установившейся норвежской практике, которая хорошо известна. Поэтому терпимость, проявляемая всем международным сообществом, показывает, что норвежская система не рассматривается как противоречащая международному праву.

Однако, хотя указ 1935 года в действительности соответствует этому методу (что является одним из выводов Суда), Соединенное Королевство считает, что некоторые из базисных линий, установленных указом, неоправданы с точки зрения вышеуказанных критериев: оно настаивает, что эти линии не следуют общему направлению побережья и не проведены обоснованным образом.

Изучив области, в отношении которых были высказаны такие критические замечания, Суд в своем решении постановил, что указанные линии являются оправданными. В одном случае — касающемся Svaerholthavet — речь в действительности идет о бассейне, имеющем характер бухты, хотя он разделен на два больших фиорда. В другом случае — речь идет о Lorphavet — отклонение базисной линии от элементов суши не представляет собой искажения общего направления норвежского побережья; кроме

того, правительство Норвегии ссылается на историческое право, определенно распространяющееся на воды Lorphavet — исключительное право ловить рыбу и заниматься китобойным промыслом, предоставленное в XVII веке норвежскому подданному, из которого следует, что эти воды всегда рассматривались как подпадающие исключительно под суверенитет Норвегии. В третьем случае — случай Vestfjord — отклонение незначительно: урегулирование таких вопросов, локальных по своему характеру и второстепенных по значению, должно оставаться на усмотрение прибрежного государства.

В силу этих причин Суд постановил в своем решении, что метод, использованный в указе 1935 года, не противоречит международному праву и что базисные линии, зафиксированные указом, также не противоречат международному праву.

15. ДЕЛО АМБАТЬЕЛОСА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ)

Решение от 1 июля 1952 года

Судебное рассмотрение дела Амбатьелоса (предварительное возражение) между Грецией и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии было возбуждено по заявлению греческого правительства, которое, рассмотрев дело одного из своих граждан, судовладельца Амбатьелоса, просило Суд объявить, что иск, который последний выставил против правительства Соединенного Королевства, в соответствии с условиями договоров, заключенных в 1886 и в 1926 годах между Грецией и Соединенным Королевством, должен быть передан в арбитраж. Правительство Соединенного Королевства, с другой стороны, считает, что Суд не обладает юрисдикцией для решения этого вопроса. В своем решении Суд определил десятью голосами против пяти, что он обладает юрисдикцией решать, обязано ли Соединенное Королевство передать в арбитраж спор в отношении юридической силы иска Амбатьелоса, поскольку этот иск основывается на англо-греческом договоре 1886 года.

Судья Леви Карнейро и г-н Спиropулос, судья *ad hoc*, присоединили к решению свои индивидуальные мнения. Пять судей — сэры Арнольд Макнейр, Бадеван, Зоричик, Клаестади и Су Мо — представили в качестве дополнения к решению свои отдельные мнения.

* * *

В своем решении Суд изложил характер требования Амбатьелоса: было заявлено, что последний понес значительные потери в результате контракта, который он заключил в 1919 году с правительством Соединенного Королевства (представленным Министерством судоходства) о закупке девяти пароходов,

находившихся тогда в стадии постройки, и в результате некоторых неблагоприятных судебных решений, принятых английскими судами в этой связи. Суд ссылается на положения договора, на который опираются обе стороны: протокол, который является приложением к договору 1886 года и который предусматривает, что разногласия, которые могут возникнуть в связи с данным договором, должны передаваться на рассмотрение арбитража; договор 1926 года, в котором содержится аналогичное положение; декларацию, являющуюся приложением к указанному договору, в которой заявляется, что последний не наносит ущерба искам, основанным на договоре 1886 года, и что любые споры, которые могут возникнуть в отношении таких исков, должны в соответствии с положениями протокола 1886 года передаваться в арбитраж.

Затем Суд изложил заявления сторон в том виде, как они сложились в ходе разбирательства. Из этого обзора очевидно, что обе стороны просили Суд принять решение в отношении его юрисдикции, а также в отношении того, имеется ли обязательство передавать спор на рассмотрение арбитража. Очевидно также, что обе стороны имели в виду, что Суд сам мог бы взять на себя функцию арбитра, однако имелись некоторые сомнения в отношении условий, которые они хотели бы считать необходимыми, и при отсутствии ясно выраженного соглашения между сторонами по этому вопросу Суд считает, что он не обладает юрисдикцией вникать во все обстоятельства данного дела.

Затем Суд приступил к рассмотрению различных аргументов, выдвинутых правительством Соединенного Королевства в обоснование своего предварительного возражения в отношении юрисдикции и ответных аргументов правительства Греции. Статья

29 договора 1926 года представляет возможность любой из сторон представить на рассмотрение Суда любой спор, касающийся толкования или применения любого положения данного договора. Однако это не имеет обратной силы; соответственно Суд считает невозможным принять теорию, выдвинутую от имени греческого правительства, которая заключается в том, что если в договоре 1926 года имеются основные положения, аналогичные основным положениям договора 1886 года, то в соответствии со статьей 29 договора 1926 года Суд может вынести решение относительно юридической силы иска, основанного на якобы имеющем место нарушении любого из этих аналогичных положений даже в том случае, если упомянутое нарушение целиком имело место до вступления в силу нового договора. Поэтому невозможно утверждать, что любое из его положений должно рассматриваться, как ранее находившееся в силе. Кроме того, в декларации, являющейся приложением к договору 1926 года, не проводится различий между исками, основанными на одной категории положений договора 1886 года, и теми из них, которые основаны на другой категории; ко всем ним применен один и тот же подход, и различия, касающиеся их юридической силы, подлежат одной и той же арбитражной процедуре.

Правительство Соединенного Королевства возражает — и это наиболее серьезный из его аргументов, — что указанная декларация не является частью договора так, как это понимается в статье 29. Суд не согласен с такой точкой зрения. Договор, таможенный регламент, являющийся приложением к нему, и декларация были включены полномочными представителями в единый документ, все вместе опубликованы в английском издании «Treaty Series» и зарегистрированы под единым номером в Лиге Наций. В документах о ратификации обеих сторон упоминаются все три текста без проведения каких-либо различий между ними. В документе-ратификации Великобритании даже имеются слова «договор... буквально гласит следующее», после чего в нем полностью приводятся три текста. Кроме того, сам характер декларации позволяет прийти к тому же выводу. В ней зафиксировано понимание, достиг-

нутое сторонами до подписания договора 1926 года, в отношении того, чему не будет наноситься ущерба договор, или, как предпочитал квалифицировать адвокат правительства Соединенного Королевства, — замена договора 1886 года договором 1926 года. В силу этих причин Суд считает, что положения декларации являются положениями договора в том смысле, в каком это понимается в статье 29. Следовательно, Суд обладает юрисдикцией для решения любого спора в отношении толкования или применения декларации и, в соответствующем случае, — принятия решения о необходимости обращения в Арбитражную комиссию. Однако, как это предусмотрено декларацией, эта Комиссия должна разрешать любые возникающие споры, касающиеся юридической силы исков.

Соединенное Королевство также утверждает, что декларация распространяется лишь на иски, сформулированные до ее вступления в силу. Однако в декларации не содержится ссылки на какую-либо дату. Кроме того, такое толкование могло бы привести к тому, что иски, основанные на договоре 1886 года, но предъявленные после заключения договора 1926 года, будут оставлены без разрешения. Они не будут подлежать арбитражному рассмотрению в соответствии с любым из этих двух договоров, хотя положение, о нарушении которого был подан иск, может фигурировать в обоих договорах и, таким образом, постоянно находиться в силе с 1886 года. Суд не может принять толкования, которое может привести к результату, очевидно противоречащему формулировке декларации и неизменному желанию обеих сторон рассматривать все споры в арбитражном суде любого рода.

В силу этих причин Суд тринадцатью голосами против двух принял решение о том, что он не обладает юрисдикцией принимать решение по существу иска Амбательоса, и десятью голосами против пяти — что он обладает юрисдикцией решать, обязано ли Соединенное Королевство в соответствии с декларацией 1926 года передать на рассмотрение арбитража спор о юридической силе иска Амбательоса в той мере, в какой этот иск основан на договоре 1886 года.

16. ДЕЛО ОБ АНГЛО-ИРАНСКОЙ НЕФТЯНОЙ КОМПАНИИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ)

Решение от 22 июля 1952 года

Дело об Англо-иранской нефтяной компании было передано Суду на рассмотрение правительством Соединенного Королевства 26 мая 1951 года, что встретило возражение со стороны правительства Ирана на основании отсутствия у Суда юрисдикции.

Девятью голосами против пяти Суд решил, что он не обладает юрисдикцией. К решению было присоединено индивидуальное мнение сэра Арнольда Макнеира, Председателя Суда, который, хотя и был согласен с выводом, содержащимся в решении, за

которое он голосовал, привел дополнительные доводы, которые привели его к этому выводу. В отношении этого решения судьи Альварес, Хекуорт, Рид и Леви Карнейро высказали также четыре индивидуальных мнения.

5 июля 1951 года Суд указал предварительные меры защиты по этому делу, которые будут действовать до принятия окончательного решения, ясно заявив, что это ни в коей мере не предreshает вопрос юрисдикции принимать решение по существу дела.

В своем решении Суд заявил, что постановление от 5 июля 1951 года теряет свою юридическую силу и что одновременно прекращается действие предварительных мер.

*
*
*

В начале решения излагается фактическая сторона дела. В апреле 1933 года между правительством Ирана и Англо-иранской нефтяной компанией было заключено соглашение. В марте, апреле и мае 1951 года в Иране были приняты законы, провозглашающие принцип национализации нефтяной промышленности в Иране и устанавливающие процедуры для практического осуществления этого принципа. В результате принятия этих законов возник спор между Ираном и указанной компанией. Соединенное Королевство заняло сторону последней и в силу своего права дипломатической защиты оно возбудило в Суде дело, в связи с чем Иран оспорил юрисдикцию Суда.

В решении содержится ссылка на принцип, в соответствии с которым воля сторон является основой для юрисдикции Суда, и в нем указывается, что в данном случае юрисдикция зависит от заявлений, признающих обязательную юрисдикцию Суда, которые были сделаны Ираном и Соединенным Королевством в соответствии с пунктом 2 статьи 36 Статута. Эти заявления содержат условие взаимности и, поскольку у Ирана оно носит более ограниченный характер, Суд должен основываться именно на этом заявлении.

В соответствии с данным заявлением Суд обладает юрисдикцией лишь в случаях, когда спор относится к применению договора или конвенции, принятых Ираном. Однако Иран считает, что, в соответствии с фактической формулировкой данного документа, юрисдикция ограничивается договорами, заключенными после принятия заявления. Напротив, Соединенное Королевство считает, что и более ранние договоры могут приниматься во внимание. По мнению Суда, обе позиции могут, строго говоря, рассматриваться как не противоречащие тексту документа. Однако Суд не может основываться на чисто грамматическом толковании: он должен пытаться дать такое толкование, которое соответствует естественному и обоснованному прочтению документа, должным образом учитывая намерения Ирана в тот момент, когда он формулировал заявление. Естественное и обоснованное прочтение текста приводит к выводу, что во внимание принимаются лишь договоры, заключенные после ратификации. Чтобы прийти к противоположному выводу, требуются особые и четко сформулированные доводы, однако Соединенное Королевство не смогло привести их. Напротив, можно признать, что у Ирана были особые причины для составления своего заявления в весьма ограничительной форме и для того, чтобы не принимать во внимание ранее принятые договоры. Ибо в тот период Иран денонсировал все договоры с другими государствами, имеющие отношение к режиму капитуляций; он был не

уверен в отношении правовых последствий этих односторонних денонсаций. При таких обстоятельствах маловероятно, что он желал бы по своей собственной инициативе согласиться на передачу на рассмотрение какого-либо международного суда споров, касающихся всех этих договоров. Кроме того, в иранском законодательстве, на основании которого меджлис утвердил и принял заявление, прежде чем оно было ратифицировано, содержится убедительное подтверждение намерения Ирана, поскольку в нем имеется положение о том, что рассматриваются те договоры и конвенции, которые «правительство признает после ратификации».

Таким образом, принятые ранее договоры в соответствии с заявлением исключаются, и поэтому Соединенное Королевство не может основываться на них. Оно ссылается на некоторые последующие договоры, а именно на договор 1934 года с Данией и Швейцарией и договор 1937 года с Турцией, в которых Иран обязался предоставить гражданам этих государств режим, соответствующий принципам и практике обычного международного права. Соединенное Королевство заявляет, что отношение к Англо-иранской нефтяной компании не соответствовало этим принципам и практике; и чтобы основываться на вышеупомянутых договорах, хотя и заключенных с третьими сторонами, оно исходит из положения о наиболее благоприятствуемой нации, которое содержится в двух документах, заключенных с Ираном: в договоре 1857 года и в соглашении о торговле 1903 года. Однако два более поздних договора, которые образуют единую правовую структуру с договорами 1934 и 1937 годов, предшествуют заявлению: поэтому Соединенное Королевство не может основываться на них и соответственно ссылаться на последующие договоры, заключенные Ираном с третьими государствами.

Однако привело ли урегулирование спора между Ираном и Соединенным Королевством в 1933 году при посредничестве Лиги Наций к соглашению между обоими правительствами, которое можно рассматривать как договор или конвенцию? Соединенное Королевство считает, что привело: оно заявляет, что соглашение, подписанное в 1933 году между Соединенным Королевством и указанной компанией, носило двойственный характер: оно было одновременно концессионным контрактом и договором между обоими государствами. По мнению Суда, это не соответствует действительности. Соединенное Королевство не является стороной контракта, который не устанавливает связь между обоими правительствами и никоим образом не регулирует отношения между ними. В соответствии с этим контрактом Иран не может предъявлять Соединенному Королевству какие-либо претензии, которые он может предъявлять компании; аналогичным образом и от Ирана нельзя требовать выполнения каких-либо обязательств в отношении Соединенного Королевства, которые он обязан выполнить в отношении компании. Эту юридическую ситуацию не изменяет тот факт, что концессионный контракт был заключен через посредство добрых услуг Совета Лиги Наций, действующего через своего докладчика. Соединенное Королевство, пе-

редав свой спор с Ираном на рассмотрение Совета Лиги, всего лишь осуществило свое право дипломатической защиты в отношении одного

из своих граждан.

Таким образом, Суд пришел к выводу, что он не обладает необходимой юрисдикцией.

17. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ ПРАВ ГРАЖДАН СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В МАРОККО

Решение от 27 августа 1952 года

Дело, касающееся прав граждан Соединенных Штатов Америки в Марокко, было возбуждено против Соединенных Штатов на основании заявления правительства Французской Республики.

Заявления, представленные сторонами, касались следующих основных моментов:

распространение на граждан Соединенных Штатов Декрета о жительстве от 30 декабря 1948 года, в соответствии с которым импортные поставки без официальной оплаты в валюте (импорт из Соединенных Штатов) во французской зоне Марокко подвергались лицензионному контролю;

степень консульской юрисдикции, которую Соединенные Штаты могут осуществлять во французской зоне Марокко;

право взимать налоги с граждан Соединенных Штатов в Марокко (вопрос налогового иммунитета); с особой ссылкой на систему налогов на потребительские товары, утвержденную Шерифианом Даиром 28 февраля 1948 года;

метод оценки, согласно статье 95 Альхесирасского общего закона 1906 года, стоимости товаров, импортируемых в Марокко.

В своем решении Суд пришел к выводу:

1. (Единогласно) Декрет о жительстве от 30 декабря 1948 года освободил Францию от контроля над импортом, в то время как Соединенные Штаты подвергались такому контролю; таким образом, имела место дискриминация в пользу Франции. Этот дифференцированный режим был несовместим с Альхесирасским законом, в соответствии с которым Соединенные Штаты могут рассчитывать на столь же благоприятный режим, что и Франция, в том, что касается экономической деятельности в Марокко. Поэтому заявление Франции о том, что данный декрет находится в соответствии с экономической системой, применимой к Марокко, должно быть отклонено.

2. (Единогласно) Что касается консульской юрисдикции во французской зоне Марокко, то Соединенные Штаты вправе осуществлять такую юрисдикцию в соответствии с условиями их договора с Марокко от 16 сентября 1836 года, то есть во всех спорах, будь то гражданские или уголовные дела, между гражданами Соединенных Штатов или лицами, находящимися под их защитой.

3. (Десятью голосами против одного) Они вправе также осуществлять консульскую юрисдикцию во всех делах, будь то гражданские или уголовные дела,

возбужденных против граждан Соединенных Штатов или лиц, находящихся под их защитой, в той степени, в какой это требуется по положениям Альхесирасского закона в отношении консульской юрисдикции.

4. (Шестью голосами против пяти) Вместе с тем другие заявления Соединенных Штатов, касающиеся консульской юрисдикции, отклоняются: они не вправе осуществлять консульскую юрисдикцию во французской зоне Марокко в других случаях. Их права в этой связи, которые были получены исключительно благодаря действию режима наибольшего благоприятствования, прекращаются с прекращением Великобританией всех ее прав и привилегий капитуляционного характера как следствие франко-британской конвенции 1937 года.

5. (Единогласно) Соединенные Штаты утверждали, что на их граждан в принципе не распространяются законы Марокко, если эти законы не получили их предварительного одобрения. Однако ни в одном из договоров не содержится положений, наделяющих Соединенные Штаты таким правом, которое связано с режимом капитулирования и которое может действовать только как следствие консульской юрисдикции; то есть в случае, если для обеспечения соблюдения закона требуется сотрудничество консульских судов Соединенных Штатов (см. пункты 2 и 3, выше) необходимо одобрение Соединенных Штатов. Однако, согласно этому, заявление Соединенных Штатов необоснованно. Если распространение какого-либо закона на граждан Соединенных Штатов без их одобрения будет противоречить международному праву, то любой спор, который может возникнуть в связи с этим, должен рассматриваться согласно традиционным методам урегулирования международных споров.

6. (Шестью голосами против пяти) Ни в одном из договоров не предусматривается никаких оснований для требования Соединенных Штатов предоставить налоговый иммунитет их гражданам. Основанием для такого иммунитета, капитуляционного по своему характеру, не может служить и режим наибольшего благоприятствования, поскольку ни одно другое государство не пользуется им в интересах своих граждан.

7. (Семью голосами против четырех) Что касается налогов на потребительские товары, введенных Даиром 28 февраля 1948 года, то они подлежат уплате по всем видам товаров, будь то импортируемые в Марокко или производимые на месте: поэтому они не являются таможенными пошлинами,

максимальная ставка для которых установлена державами, подписавшими Альхесирасский закон, в размере 12,5%. Граждане Соединенных Штатов освобождены от этих налогов не более, чем граждане любой другой страны.

8. (Шестью голосами против пяти) Статья 95 Альхесирасского закона не предусматривает никакого жесткого правила в отношении оценки стоимости импортируемых товаров. На основе анализа практики после 1906 года и подготовительной работы Альхесирасской конференции Суд сделал вывод, что данная статья требует более гибкого толкования, чем те, которых придерживаются соответственно Франция и Соединенные Штаты. Таможенные власти должны учитывать различные факторы, как-то: стоимость товаров в стране происхождения и их стоимость на местном марокканском

рынке являются важными моментами в оценке их стоимости.

* * *

К решению прилагается заявление судьи Су Мо, который выражает мнение, что Соединенные Штаты не вправе осуществлять консульскую юрисдикцию в случаях, связанных с распространением на граждан Соединенных Штатов тех положений Альхесирасского закона, которые, для целей их применения, предусматривают определенные санкции.

К решению присоединяется также совместное заявление с изложением их индивидуальных мнений, подписанное судьями Хекуортом, Бадави, Карнейро и сэром Бенегалом Рау.

18. ДЕЛО АМБАТЬЕЛОСА (ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА)

Решение от 19 мая 1953 года

Разбирательство по делу Амбатъелоса (существо дела: обязательство обращаться в арбитраж) между Грецией и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии было возбуждено на основании заявления греческого правительства, которое, взяв за основу дело одного из своих граждан — судовладельца Амбатъелоса, просило Суд объявить, что иск, возбужденный последним против правительства Соединенного Королевства, должен быть передан в арбитраж в соответствии с англо-греческими соглашениями, заключенными в 1886 году (договор и протокол) и в 1926 году (декларация). После предварительного возражения, выдвинутого Соединенным Королевством, Суд счел себя полномочным выносить решение по данному вопросу в решении, вынесенном 1 июля 1952 года.

В своем решении по существу дела Суд десятью голосами против четырех сделал вывод, что Соединенное Королевство обязано в соответствии с Декларацией от 1926 года представить в арбитраж спор в отношении законности, согласно договору 1886 года, иска Амбатъелоса.

Председатель сэра Арнольд Макнеир, судьи Бадван, Клаестада и Рид присоединили к решению совместное заявление с изложением своих индивидуальных мнений.

* * *

В своем решении Суд прежде всего определяет вопрос, который ему предстоит решить: обязано ли Соединенное Королевство соглашаться передать в арбитраж спор между правительством этой страны и правительством Греции в отношении законности иска Амбатъелоса, поскольку этот иск основывается на договоре 1886 года? Отличительная особенность этого дела заключается в том, что в отличие от дела *Mavrommatis Palestine Concessions*, решение по которому было принято Постоянным международным

судом в 1924 году, Суду предлагается решить вопрос, касающийся не его собственной юрисдикции, а того, должен ли спор передаваться в другой трибунал на арбитраж.

В своих доводах стороны опирались на декларацию 1926 года и решение Суда от 1 июля 1952 года. Декларация была согласована в целях гарантирования интересов сторон в случае исков от частных лиц, основывающихся на договоре 1886 года, для которых по истечении срока действия этого договора не имелось бы никаких средств защиты при неспособности сторон придти к взаимоприемлемому решению. Соглашение 1926 года касается ограниченной категории споров, которые, согласно соглашению 1886 года, должны быть урегулированы в арбитраже, а именно споров в отношении законности исков частных лиц, основывающихся на договоре 1886 года. Однако в обоих случаях стороны руководствовались одними и теми же мотивами и использовали один и тот же метод арбитража. В решении от 1 июля 1952 года было признано, что обстоятельства иска Амбатъелоса находятся за рамками юрисдикции Суда, которая заключается исключительно в принятии решения относительно того, обязано ли Соединенное Королевство соглашаться передать дело в арбитраж. Необходимо провести четкое разграничение между ограниченной юрисдикцией Суда и юрисдикцией Арбитражной комиссии. Суд должен воздерживаться от вынесения окончательного решения по любому фактическому вопросу или закону, подпадающему под такие обстоятельства; его задача была бы выполнена, если бы он смог принять решение о том, является ли спор, касающийся иска Амбатъелоса, спором в отношении законности иска частного лица, основывающегося на положениях договора 1886 года, и вытекает ли из этого обязательство, принуждающее Соединенное Королевство согласиться передать дело в арбитраж.

Какой смысл следует придавать словам «основы-

вающийся на договоре 1886 года»? По мнению правительства Греции, было бы достаточно, чтобы иск не выглядел *prima facie* как не связанный с этим договором. По мнению Соединенного Королевства, Суду необходимо определить в качестве вопроса существа, является ли иск фактически или действительно основывающимся на договоре. Суд не может согласиться ни с одной из этих точек зрения. Первая являлась бы недостаточной причиной; вторая привела бы к подмене Судом Арбитражной комиссии в случае передачи другой инстанции вопроса, который является одним из важнейших элементов иска. Только Комиссия полномочна принимать решение по существу дела; нельзя допустить, что соглашение 1926 года предусматривает, что проверка истинности утверждений должна входить в прерогативу Комиссии, а принятие решения по вопросу о том, являются ли утверждаемые факты нарушением договора 1886 года, — в прерогативу другого трибунала.

Во время подписания декларации 1926 года ни правительство Великобритании, ни правительство Греции не предполагало, что лишь одна из сторон или какой-либо другой орган будет принимать решение о том, действительно ли тот или иной иск основывается на договоре 1886 года; скорее всего, в их намерения входило, чтобы действительность договорной основы любого иска, в том случае, если она оспаривается, авторитетно разрешалась Арбитражной комиссией вместе с любыми другими вопросами, касающимися обстоятельств дела.

В целях определения того, обязано ли Соединенное Королевство соглашаться с передачей дела в арбитраж, фразу «иски, основывающиеся на договоре 1886 года», нельзя понимать как означающую иски, фактически подкрепляемые этим договором. Разумеется, для того чтобы утверждать, что иск основывается на договоре, недостаточно, чтобы он имел с этим договором отдаленную связь; с другой стороны, необязательно, чтобы под утверждение о нарушении договора подводилась неопровержимая юридическая основа. В данном контексте это выражение означает иски, зависящие от поддержки положений 1886 года для того, чтобы они в конечном итоге удовлетворялись или отвергались в зависимости от того или иного толкования положений до-

говора. В связи с этим, что касается иска Амбатьелоса, то Суду не обязательно утверждать, что толкование договора греческим правительством является единственно правильным толкованием: достаточно определить, являются ли аргументы, выдвинутые греческим правительством в поддержку своего толкования, достаточно обоснованными для того, чтобы сделать вывод, что данный иск основывается на договоре. Другими словами, если толкование оказывается спорным, то независимо от того, будет ли оно в конечном итоге превалирующим, имеются достаточные основания, чтобы сделать заключение, что иск основывается на договоре. Действительность соответствующих аргументов определялась бы Арбитражной комиссией при рассмотрении обстоятельств спора.

Затем Суд приступает к рассмотрению двух утверждений, выдвинутых Грецией и оспариваемых Соединенным Королевством. Первое основывается на положении о режиме наибольшего благоприятствования, содержащемся в статье X договора 1886 года, которая позволила бы Греции сослаться на льготы, вытекающие из договоров, заключенных Соединенным Королевством с третьими государствами, и добиться компенсации за неотправление правосудия, от которого бы пострадал г-н Амбатьелос — если бы утверждаемые факты были признаны действительными.

Другое утверждение, основывающееся на статье XV, касается толкования фразы «свободный доступ в судебные органы», содержащейся в этой статье; опять-таки, исходя из того допущения, что утверждаемые факты являются действительными, утверждается, что г-н Амбатьелос не имел «свободного доступа» в английские суды.

Рассмотрев эти утверждения, а также различные мнения, которые легли в их основу, а также особенно с учетом толкования правительством Греции договора 1886 года, на который оно ссылается, Суд делает заключение о том, что на его рассмотрении находится дело, в котором правительство Греции выдвигает иск от имени частного лица, основывающийся на договоре 1886 года, и что спор между сторонами является спором, который, согласно соглашению 1926 года, должен быть передан в арбитраж.

19. ДЕЛО ОБ ОСТРОВАХ МЕНКЬЕ И ЭКРИХОС

Решение от 17 ноября 1953 года

Дело об островах Менкье и Экрихос было представлено в Суд на основании специального соглашения, заключенного между Соединенным Королевством и Францией 29 декабря 1950 года. Суд единогласно принял решение о том, что суверенитетом над островами и скалами групп Экрихос и Менкье в той мере, в какой эти острова и скалы могут кому-то принадлежать, обладает Соединенное Королевство.

В своем решении Суд начал с определения задачи, порученной ему сторонами. Эти две группы островов расположены между островом Джерси в проливе Ла-Манш и побережьем Франции. Экрихос расположен на расстоянии 3,9 морских миль от острова Джерси и 6,6 морских миль от побережья Франции. Группа Менкье расположена в 9,8 морских миль от острова Джерси и 16,2 морских миль от континентальной Франции и в 8 милях от островов Шозе, принадлежащих Франции. В соответствии со специальным соглашением Суду было предложено

определить, какая из сторон представила более убедительные доказательства относительно обладания этими группами, и любая возможность применения к ним статуса «ничейной земли» была отвергнута. Кроме того, был зарезервирован вопрос о бремени доказательств: в связи с этим каждой из сторон необходимо было доказать свое право и представить факты, на которых оно основывается. В заключение, там, где в специальном соглашении содержится ссылка на острова и скалы, в той мере, в какой они могут кому-то принадлежать, следует учитывать, что эти термины касаются островов и скал, которые физически могут кому-то принадлежать. У Суда не возникло необходимости подробно определять факты, касающиеся конкретных частей двух групп островов.

Затем Суд приступил к изучению прав, на которые претендуют обе стороны. Правительство Соединенного Королевства прослеживает свое право владения с момента завоевания Англии герцогом Нормандским Вильгельмом в 1066 году. Заключенный в результате этого союз между Англией и Нормандским герцогством, распространившийся на острова в проливе Ла-Манш, длился до 1204 года, когда французский король Филипп-Август завоевал континентальную Нормандию. Однако его попытки завоевать и острова не увенчались успехом, а Соединенное Королевство выдвинуло мнение, что все острова в проливе, включая Экрихос и Менкье, оставались в союзе с Англией и что под эту фактическую ситуацию была подведена правовая основа в заключенных впоследствии договорах между двумя странами. В свою очередь, правительство Франции утверждало, что после 1204 года король Франции завоевал острова Менкье и Экрихос вместе с некоторыми другими островами, расположенными вблизи материка, и сослался на те же самые средневековые договоры, что и Соединенное Королевство.

Суд установил, что ни в одном из этих договоров (Парижский договор 1259 года, Договор Кале 1360 года, Договор Труа 1420 года) конкретно не указано, какие острова принадлежали королю Англии, а какие — королю Франции. Однако имеются и другие древние документы, в которых содержатся данные, касающиеся владения островами, составляющими предмет спора, Соединенное Королевство использует их с тем, чтобы показать, что острова пролива Ла-Манш рассматривались как единое целое, и, поскольку более важные острова принадлежали Англии, то эта страна владеет и группами островов, являющимися предметом спора. Суд, как представляется, в значительной степени склоняется в пользу этого мнения, признавая, однако, невозможность вынесения окончательного и бесповоротного решения по поводу суверенитета над группами островов, поскольку данный вопрос должен в конечном итоге зависеть от фактов, которые непосредственно касаются владения.

В свою очередь, правительство Франции в качестве довода в пользу суверенитета Франции выдвинуло аргумент о феодальной связи между королем Франции, правителем всей Нормандии, и королем Англии, его вассалом в этих территориях.

В этой связи оно основывает свои аргументы на решение суда Франции от 1202 года, в котором суд постановил лишить Иоанна Безземельного всех земель, переданных ранее в его ленное владение королем Франции, включая всю Нормандию. Однако правительство Соединенного Королевства утверждает, что феодальное право французских королей в отношении Нормандии носило чисто номинальный характер. Оно отрицает, что острова пролива Ла-Манш были получены герцогом Нормандским в ленное владение от короля Франции, и оспаривает законность и даже сам факт существования решения от 1202 года. Не вдаваясь в эти исторические противоречия, Суд счел достаточным заявить, что юридические последствия раздробления Нормандского герцогства в 1204 году, когда Нормандия была завоевана французами, можно считать аннулированными многочисленными событиями, произошедшими в последующем веке. По мнению Суда, решающее значение имеют не косвенные свидетельства, основанные на средневековых делах, а свидетельства, которые непосредственно связаны с владением группами островов.

Прежде чем приступить к рассмотрению этих фактов, Суд вначале изучил некоторые вопросы, касающиеся обеих групп островов. Правительство Франции утверждало, что Конвенция о рыболовстве, заключенная в 1839 году, хотя и не решила вопрос о суверенитете, однако косвенно его затронула. Указывается, что группы островов, являющиеся предметом спора, были включены в общую зону рыболовства, образованную в соответствии с этой Конвенцией. Указывается также, что заключение данной Конвенции мешает сторонам опираться на последующие действия, связанные с проявлением суверенитета. Суд не смог согласиться с этими утверждениями, поскольку Конвенция касается только вод, а не общего использования территории островов. Учитывая особые обстоятельства этого дела и дату фактического возникновения спора между двумя правительствами по поводу этих групп островов, Суд будет рассматривать все действия сторон, если только не будут приняты какие-либо меры для подкрепления юридической позиции соответствующей стороны.

Суд далее изучил положение каждой группы. Что касается, в частности, группы Экрихос, то, опираясь на различные средневековые документы, он пришел к выводу, что король Англии вершил правосудие и осуществлял свои права на этих островах. В этих документах также показано, что в тот период между островом Экрихос и Джерси существовали тесные отношения.

В начале 19 века эти отношения вновь стали более тесными из-за растущего значения добычи устриц. Суд признал доказательную силу различных актов, касающихся осуществления островом Джерси юрисдикции и местного управления, а также законодательства, например, проведение разбирательств по уголовным делам, касающимся Экрихоса, налогообложение домов и хижин, пригодных для жилья, построенных на островах после 1889 года, регистрация на острове Джерси контрактов, касающихся недвижимости на Экрихосе.

Правительство Франции привело тот факт, что в 1646 году провинциальные штаты Джерси запретили рыболовство в районе Экрихоса и Шоэзе и в 1692 году ограничили посещение Экрихоса. Оно упомянуло также об обменах дипломатическими документами между двумя правительствами, имевших место в начале XIX века, к которым прилагались карты, на которых по меньшей мере часть Экрихоса указывалась как расположенная вне вод Джерси и рассматривалась как *res nullius*. В ноте министерству иностранных дел Великобритании от 15 декабря 1886 года правительство Франции впервые заявило о своем суверенитете над островом Экрихос.

Оценивая относительный вес встречных доводов в свете этих фактов, Суд счел, что суверенитетом над островом Экрихос обладает Соединенное Королевство.

Что касается Менкье, то Суд отметил, что в 1615, 1616, 1617 и 1692 годах Манориальный суд феода Нуармон на острове Джерси осуществлял свою юрисдикцию по делу об обломках кораблей, найденных на Менкье, из-за территориального характера этой юрисдикции.

Другие факты, относящиеся к концу XVIII, к XIX и XX векам, касались дознания по трупам, обнаруженным на Менкье, сооружения на островах пригодных для жилья домов или хижин лицами с острова Джерси, которые платили при этом налоги на собственность, регистрации на Джерси договоров купли-продажи, связанных с недвижимостью на Менкье. Эти различные факты показывают, что власти Джерси различными путями осуществляли традиционное местное управление Менкье в течение длительного периода времени и что на протяжении значительной части XIX и XX веков британские власти осуществляли государственные функции в отношении этой группы островов.

Правительство Франции ссылалось на некоторые факты. Оно утверждало, что группа Менкье являлась зависимой территорией островов Шоэзе, пожалованных герцогом Нормандским аббатству Монт-Сент-Мишель в 1022 году. В 1784 году переписка между французскими властями касалась прошения о концессии в отношении Менкье, представленного гражданином Франции. Суд выразил мнение, что в этой переписке нет ничего, что могло бы подкрепить нынешний иск Франции в отношении су-

веренитета, однако сквозит определенное опасение о возможных трениях с британской короной. Правительство Франции далее утверждало, что, начиная с 1861 года, только оно обеспечивало установку маяков и буев на Менкье, не встречая никаких возражений со стороны Соединенного Королевства. Суд заявил, что буи, установленные французским правительством на Менкье, были установлены за рифами групп островов и предназначались для обеспечения безопасного судоходства из французских портов и обратно, а также для охраны судов от опасных рифов Менкье. Правительство Франции также сослалось на различные официальные поездки на Менкье и строительство в 1939 году на одном из островов дома по субсидии мэра города Грэнвиля, расположенного на территории Нормандии.

Суд счел, что факты, приведенные правительством Франции, недостаточны, чтобы свидетельствовать, что Франция обладает законным правом на Менкье. Что касается вышеупомянутых фактов, в частности из истории XIX и XX веков, то их вряд ли можно рассматривать как достаточные свидетельства намерения этого правительства выступать в качестве суверена этих островов. Эти действия не имеют характера, позволяющего рассматривать их как проявление государственного суверенитета над этими островами.

С учетом этих обстоятельств, а также вышеуказанного мнения о фактах, изложенных правительством Соединенного Королевства, Суд счел, что суверенитет над Менкье принадлежит Соединенному Королевству.

* * *

Пользуясь правом, данным им статьей 57 Статута, судьи Бадеван и Карнейро, в целом поддержав решение Суда, присоединили к решению заявления с предложением своих индивидуальных мнений. Судья Альварес, также в целом согласившись с решением Суда, выступил с заявлением, в котором он выразил сожаление по поводу того, что стороны уделили чрезмерное внимание средневековым свидетельствам и не приняли должным образом во внимание современное международное право или современные тенденции, касающиеся территориального суверенитета.

20. ДЕЛО НОТТЕБОМА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ)

Решение от 18 ноября 1953 года

В своем решении по делу Ноттебома (предварительное возражение) между Лихтенштейном и Гватемалой Суд единогласно постановил отклонить предварительное возражение против его юрисдикции, которое было выдвинуто Гватемалой.

17 декабря 1951 года Лихтенштейн подал заявление о возбуждении дела против Гватемалы с требованием о возмещении ущерба в связи с различными

мерами, которые Гватемала приняла против личности и собственности г-на Ноттебома якобы в нарушение международного права. В заявлении содержалась ссылка на декларации, в которых обе стороны согласились с обязательной юрисдикцией суда.

Гватемала утверждала, что Суд не обладал юрисдикцией, причем основной мотив ее возражения заключался в том, что срок действия ее декларации о

признании обязательной юрисдикции Суда истек через несколько недель после подачи Лихтенштейном своего заявления и, во всяком случае, значительно раньше принятия Судом какого-либо решения по данному спору.

В своем решении Суд пришел к выводу, что истечение 26 января 1952 года пятилетнего периода, на

который Гватемала ранее признала обязательную юрисдикцию Суда в соответствии с пунктом 2 статьи 36 Статута, не влияет на наличие у Суда юрисдикции для принятия решения по иску, представленному Лихтенштейном 17 декабря 1951 года. Суд отклонил первоначальное возражение и возобновил рассмотрение обстоятельств дела, установив временные рамки для подачи состязательных бумаг.

21. ДЕЛО О МОНЕТАРНОМ ЗОЛОТЕ, ВЫВЕЗЕННОМ ИЗ РИМА В 1943 ГОДУ

Решение от 15 июня 1954 года

Дело о монетарном золоте было возбуждено в Суде по заявлению Итальянской Республики против Французской Республики, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Соединенных Штатов Америки.

Суду было предложено решить определенные правовые вопросы, от которых зависит передача Италии или Соединенному Королевству определенного количества монетарного золота, вывезенного немцами из Рима в 1943 году, обнаруженного в Германии и присужденного Албании. Соединенное Королевство указало, что Суд ранее счел, что Албания обязана компенсировать Соединенному Королевству ущерб, причиненный взрывами в проливе Корфу в 1946 году, и что этот ущерб Соединенному Королевству так и не был компенсирован. В свою очередь Италия утверждала, что, во-первых, у нее имеется иск к Албании в связи с конфискациями, якобы произведенными правительством Албании в 1945 году и, во-вторых, что ее иск должен иметь преимущественную силу по отношению к иску Соединенного Королевства.

Правительство Италии, опираясь на заявление, подписанное в Вашингтоне 25 апреля 1951 года правительствами Франции, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов, передало два этих вопроса в Суд. Однако после подачи заявления Италия выразила определенное сомнение по поводу юрисдикции Суда и просила Суд в качестве первоначального вопроса решить вопрос о юрисдикции.

В своем решении Суд рассмотрел вопрос о юрисдикции. Во-первых, Суд единогласно пришел к выводу, что в отсутствие согласия Албании он не правомочен принимать решения по иску Италии против Албании; и, во-вторых, 13 голосами против 1, что вопрос о преимущественном праве может возникнуть только в том случае, если первый вопрос будет решен в пользу Италии.

Судья Леви Карнейро присоединил к решению Суда заявление, в котором излагается его индивидуальное мнение (по второму вопросу); два других члена Суда (Председатель сэръ Арнольд Манкней и судья Рид), проголосовав за решение, присоединили к решению соответственно заявление и индивидуальное мнение.

* * *

Решение начинается с перечисления фактов. Суть данного дела охватывается частью III Соглашения о репарациях Германии (Париж, 14 января 1946 года), в которой предусматривается, что обнаруженное в Германии монетарное золото подлежит распределению между странами, которые вправе получить свою долю этого золота. Это соглашение подписали Франция, Соединенное Королевство и Соединенные Штаты, а также Албания и другие государства; Италия впоследствии присоединилась к части III. Поскольку осуществление положений части III было возложено на правительства Франции, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов, эти три правительства назначили трехстороннюю комиссию для оказания им содействия в этом вопросе. Что касается вывезенного из Рима в 1943 году монетарного золота, принадлежавшего Национальному банку Албании, то трехсторонняя комиссия, столкнувшись со встречными исками Албании и Италии, не смогла прийти к решению. Впоследствии эти три правительства согласились передать данный вопрос в арбитраж (Вашингтонское соглашение от 25 апреля 1951 года). Вместе с тем они заявили (Вашингтонское заявление от той же даты), что, если арбитр вынесет решение в пользу Албании, они столкнутся еще с одной проблемой, поскольку на это золото претендуют Италия и Соединенное Королевство по причинам, не охватываемым частью III Парижского соглашения; и они приняли решение передать золото Соединенному Королевству в качестве частичного выполнения решения Суда от 15 декабря 1949 года по делу о проливе Корфу, если только в течение определенного срока с момента вынесения арбитром заключения Албания не обратится в Суд с просьбой принять решение относительно ее прав или Италия не подаст в Суд заявление с просьбой об определении следующих двух вопросов: во-первых, не должно ли это золото с учетом тех или иных прав, которыми, по ее словам, она обладала в соответствии с албанским правом по состоянию на 13 января 1945 года, или по положениям Итальянского мирного договора, быть передано ей, а не Албании, и, во-вторых, должен ли иск Италии иметь преимущество над иском Соединенного Королевства или нет, если таковой вопрос возникнет.

Таким образом, Италия, уложившись в предписанные сроки, направила в Суд заявление, о котором

было традиционным образом сообщено государствам, имеющим право выступить в Суде, а также передано правительству Албании.

Суд установил предельные сроки для подачи состязательных бумаг. Однако вместо того, чтобы представить меморандум по существу дела, правительство Италии поставило под сомнение юрисдикцию Суда принимать решение по первому вопросу, касающемуся законности иска Италии к Албании. Хотя сторонам было предложено представить свои мнения по возникшей в этой связи проблеме, правительство Италии утверждало, что Суд не обладает достаточной компетенцией для вынесения решения на том основании, что разбирательство, возбужденное в соответствии с Вашингтонским заявлением, в действительности было направлено против Албании и что Албания не является стороной иска. Что касается Соединенного Королевства, то оно расценило оспаривание юрисдикции Суда Италией как основание для оспаривания законности заявления, которое, по мнению Соединенного Королевства, должно рассматриваться как несоответствующее Вашингтонскому заявлению или как недействительное или аннулированное. Два других правительства-ответчика — Франция и Соединенные Штаты — не представили официальных заявлений.

После заслушивания фактов Суд рассмотрел мнения обеих сторон, начиная с заявлений Соединенного Королевства, резюме которых было приведено выше. Суд столкнулся по сути дела с необычным случаем, когда государство-истец оспаривает юрисдикцию Суда, однако необходимо учитывать обстоятельства дела: именно в Вашингтонском заявлении, подписанном тремя правительствами, сформулировано предложение о юрисдикции, принятое Италией, и предопределен предмет иска; сделав же первый шаг, Италия почувствовала сомнения и направила предварительное возражение на основании статьи 62 правил Суда. Эта статья не препятствует вынесению истцом в таких обстоятельствах предварительного возражения. При этом возражении согласие Италии с юрисдикцией Суда не стало менее полным или менее позитивным, чем это было предусмотрено в Вашингтонском заявлении. Просить Суд урегулировать проблемы юрисдикции не означает предлагать ему при любых обстоятельствах не решать вопросы, изложенные в заявлении. Заявление было действительным; и оно остается действительным до тех пор, пока оно не отозвано; а отозвано оно не было. Наконец, заявление, которое не было бы недействительным в момент его подачи, не смогло бы стать недействительным из-за возражений относительно юрисдикции.

Установив таким образом, что этот вопрос должным образом охвачен в заявлении и что заявление не было аннулировано, Суд приступил к рассмотрению выдвинутого Италией возражения против юрисдикции для принятия решения о том, может ли он рассматривать суть вопросов, переданных ему в заявлении. Что касается отношений между тремя правительствами и Италией, Суд отметил, что заявление находится в соответствии с предложением,

выдвинутым в Вашингтонском заявлении, как с точки зрения предмета иска, так и сторон спора; поэтому Суд обладает юрисдикцией рассматривать вопросы, переданные ему в заявлении. Однако сообщается ли юрисдикция с задачей, порученной Суду?

В этой связи суд отметил, что ему не только предложено решить, должно ли золото быть передано Италии или Соединенному Королевству; ему было предложено в первую очередь определить ряд правовых вопросов, от которых зависит решение проблемы. Первое утверждение в заявлении сосредоточено вокруг иска Италии к Албании — иска о компенсации за якобы имевшее место противоправное деяние. По мнению Италии, она обладала правом на получение от Албании компенсации за международное противоправное деяние, которое, по мнению Италии, Албания совершила против нее. Поэтому, для того чтобы определить, имеет ли Италия право на получение золота, следует решить, совершала ли Албания какое-либо международное противоправное деяние против Италии и обязана ли она выплачивать ей компенсацию; и, в случае положительного решения вопроса, определить размер компенсации. Для решения этих вопросов было необходимо определить, противоречило ли албанское право по состоянию на 13 января 1945 года международному праву. При определении этих вопросов, которые касались законного или незаконного характера определенных действий Албании в отношении Италии, непосредственно заинтересованными сторонами являлись только два государства — Италия и Албания.

Анализ существа таких вопросов означал бы решение спора между Италией и Албанией, а этого Суд не мог сделать без согласия Албании. Если бы Суд сделал это, он бы нарушил общепризнанный принцип международного права, закрепленный в Статуте Суда, а именно то, что Суд может осуществлять юрисдикцию в отношении государства только с его согласия.

Было высказано мнение, что Албания могла бы вступить в дело, поскольку статья 62 Статута предоставляет третьему государству, которое считает, что решение по делу может затронуть какой-либо его интерес правового характера, право сделать это; что Статут не препятствует продолжению разбирательства даже в том случае, если третье государство, которое имеет право вступить в дело, воздержалось от этого; и тот факт, что Албания воздержалась от этого, не должен препятствовать вынесению решения Судом. Однако в данном случае интересы Албании правового характера были бы не только затронуты решением, но и явились бы самим предметом решения. Поэтому Статут нельзя даже косвенно толковать как допускающий продолжение разбирательства в отсутствие Албании.

Суд счел, что, хотя Италия и три государства-ответчика согласились с юрисдикцией Суда, он не может осуществлять эту юрисдикцию и принимать решение по первому иску, представленному Италией. Что касается второго иска, который связан с приоритетностью исков Италии и Соединенного Ко-

ролевства, то он мог бы быть рассмотрен только после принятия по делу между Италией и Албанией решения о том, что золото должно отойти к Италии. Судьба этого иска, соответственно, зависит от ре-

шения по первому иску в заявлении. В соответствии с этим Суд счел, что, поскольку он не может принять решение по первому иску Италии, он должен воздержаться от рассмотрения второго иска.

22. ПРИСУЖДЕНИЕ КОМПЕНСАЦИЙ АДМИНИСТРАТИВНЫМ ТРИБУНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Консультативное заключение от 13 июля 1954 года

Вопрос, касающийся присуждения компенсаций Административным трибуналом Организации Объединенных Наций, был представлен Суду для вынесения консультативного заключения Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций, которая 9 декабря 1953 года приняла с этой целью следующую резолюцию:

«Генеральная Ассамблея

принимая во внимание содержащуюся в докладе Генерального секретаря (A/2534) просьбу о дополнительном ассигновании 179 420 долларов США для выплаты компенсации, присужденной Административным трибуналом Организации Объединенных Наций по 11 делам за номерами 26 и с 37 по 46 включительно,

принимая во внимание, что Консультативный комитет по административным и бюджетным вопросам выразил согласие на это ассигнование в своем двадцать четвертом докладе восьмой сессии Генеральной Ассамблеи (A/2580),

принимая во внимание в то же время, что в ходе прений в Пятом комитете в связи с этим ассигнованием был поднят ряд важных юридических вопросов,

постановляет

Запросить консультативное заключение Международного Суда по следующим вопросам:

1) С учетом Статута Административного трибунала Организации Объединенных Наций и других соответствующих актов и документов, имеет ли Генеральная Ассамблея право по каким-либо основаниям отказываться от проведения в исполнение решения Трибунала, присуждающего компенсацию сотруднику Секретариата Организации Объединенных Наций, действие контракта которого прекращено без его согласия?

2) Если ответ Суда на вопрос 1 будет утвердительным, каковы главные основания для законного осуществления этого права Генеральной Ассамблеей?»

Суд предоставил членам Организации Объединенных Наций и Международной организации труда возможность высказать свои мнения по данному вопросу. Письменные заявления были представлены от имени этой Организации и от имени Франции, Швеции, Нидерландов, Греции, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки, Филиппин, Мек-

сики, Чили, Ирака, Китайской Республики, Гватемалы, Турции и Эквадора. В ходе слушаний, проведенных с этой целью, устные заявления были сделаны от имени Соединенных Штатов Америки, Франции, Греции, Соединенного Королевства и Нидерландов.

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций передал Суду все документы, которые могли бы пролить свет на этот вопрос; от его имени были также представлены письменное и устное заявления.

По первому вопросу Суд ответил, что Генеральная Ассамблея не в праве ни при каких обстоятельствах отказывать в выплате компенсации, присужденной Административным трибуналом Организации Объединенных Наций сотруднику Организации Объединенных Наций, действие контракта которого было прекращено без его согласия. Поскольку ответ на первый вопрос был отрицательным, необходимости рассматривать второй вопрос не возникло.

Заключение Суда было вынесено девятью голосами против трех: заявления, содержащие индивидуальные мнения трех судей (судья Альварес, судья Хекуорт и судья Леви Карнейро), присоединены к заключению. Один судья, который не был против (судья Винярски), хотя и проголосовал за заключение, но присоединил заявление о своем особом мнении.

В своем заключении Суд вначале проанализировал первый из представленных ему вопросов. Этот вопрос, будучи общим и абстрактным, жестко ограничен по своей сфере применения. Если сравнить его условия с положениями Статута Трибунала, то будет очевидно, что он касается только компенсации, присуждаемых Трибуналом в пределах своей уставной компетенции. Более того, из документов, представленных Суду, очевидно, что он касается только компенсаций, присужденных должным образом уполномоченным Трибуналом. И наконец, он касается исключительно компенсаций, присужденных Трибуналом сотрудникам, действие контрактов которых прекращено без их согласия.

Ответ, который предстоит дать на этот вопрос — что не влечет за собой анализа решений, которые легли в основу просьбы дать консультативное за-

ключение — основывается на Статуте Трибунала и Правилах и положениях о персонале. Изучив эти тексты, Суд приходит к выводу, что Статут Трибунала использует терминологию, свидетельствующую о его судебном характере: «выносить решения по заявлениям», «трибунал», «судебное решение». Положения, касающиеся того, что «в случае возникновения спора о том, обладает ли Трибунал компетенцией, этот вопрос должен регулироваться решением Трибунала», и что «судебные решения являются окончательными и обжалованию не подлежат», явно являются положениями судебного характера. Это означает, что Трибунал создан в качестве независимого и подлинно судебного органа, выносящего окончательные судебные решения, не подлежащие обжалованию, в пределах своей ограниченной сферы компетенции. Данные ему полномочия аннулировать решения, принятые Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций — главным административным должностным лицом Организации, подтверждают его судебный характер. Такие полномочия вряд ли могли быть даны консультативному или вспомогательному органу.

Суд далее отмечает, что в соответствии с установленной общепризнанной нормой права решения, выносимые таким судебным органом, являются *res judicata* и имеют обязательную силу для сторон спора. Кого же в таком случае следует считать сторонами, которым должна выплачиваться компенсация? Ответ на это должен содержаться в трудовых договорах. Эти договоры заключаются между соответствующим сотрудником и Генеральным секретарем, действующим в качестве главного административного должностного лица Организации Объединенных Наций от имени этой Организации и в качестве ее представителя. Генеральный секретарь принимает на себя юридическую ответственность Организации, которая является юридическим лицом, от имени которого он действует. Если он прекращает действие трудового договора без согласия сотрудника и это действие приводит к возникновению спора, который передается в Административный трибунал, то сторонами этого спора в Трибунале являются соответствующий сотрудник и Организация Объединенных Наций, представленная Генеральным секретарем, и эти стороны должны будут считать для себя обязательным решение Трибунала. Решение, которое является окончательным и не подлежит обжалованию или любому пересмотру, имеет обязательную силу для Организации Объединенных Наций как юридического лица, отвечающего за правильное соблюдение трудового договора. Так как Организация оказывается юридически обязанной выполнить решение и выплатить компенсацию, присужденную сотруднику, то соответственно Генеральная Ассамблея, будучи органом Организации Объединенных Наций, также должна быть связана таким решением. Этот вывод подтверждается положениями самого Статута Трибунала, из которого четко следует, что обязанность выплачивать компенсацию, присуждаемую Трибуналом, лежит на Организации Объединенных Наций в целом или, в зависимости от обстоятельств,

на соответствующем специализированном учреждении.

Суд далее отмечает, что, если из-за осторожного подхода в Статуте Трибунала не содержится положений, касающихся пересмотра решений или обжалования, хотя они и могли бы содержаться, это не означает, что Трибунал не может сам пересмотреть решение в особых случаях при установлении новых фактов, имеющих решающее значение. Трибунал на практике уже придерживался такого курса, который находится в соответствии с принципами, повсеместно предусмотренными в статутах различных судебных органов.

Однако обладает ли сама Генеральная Ассамблея в некоторых исключительных обстоятельствах правом отказываться выполнять решения в случаях, выходящих за рамки вопроса, рассмотренного выше Судом, в случае компенсаций, присужденных с превышением полномочий Трибунала или с каким-либо иным нарушением? Трибунал — единственный орган в рамках организованной правовой системы Организации Объединенных Наций, который занимается исключительно внутренними спорами между сотрудниками и Организацией; в этих условиях Суд считает, что в отсутствие каких-либо явно выраженных положений на этот счет его решения не могут подлежать пересмотру каким-либо органом, кроме самого Трибунала. Генеральная Ассамблея всегда может изменить Статут Трибунала и предусмотреть возможность пересмотра его решений: в любом случае, по мнению Суда, сама Генеральная Ассамблея с учетом ее состава и функций вряд ли может действовать в качестве судебного органа, тем более что одной из сторон спора является сама Организация.

Ряд доводов был выдвинут в поддержку мнения о том, что Генеральная Ассамблея может иметь основания для отказа выполнить решение Трибунала. Суд рассматривает эти доводы во второй части своего заключения.

Утверждалось, что Генеральная Ассамблея не имеет юридических полномочий создавать трибунал, наделенный компетенцией выносить решения, имеющие обязательный характер для Организации Объединенных Наций. Однако, несмотря на отсутствие явно выраженных положений на этот счет в Уставе, из самого Устава вытекает, что такие полномочия ей даны. Это необходимо для обеспечения эффективной работы Секретариата и претворения в жизнь положения о необходимости обеспечения наивысшего уровня работоспособности, компетентности и добросовестности.

Утверждалось также, что Генеральная Ассамблея не может создавать трибунал, наделенный полномочиями принимать решения, имеющие обязательную силу для самой Генеральной Ассамблеи. Однако четкое определение характера и сферы действия мер, при помощи которых должны осуществляться полномочия по созданию трибунала — даже если эти полномочия являются подразумеваемыми, — является прерогативой исключительно Генеральной Ассамблеи. Утверждалось далее, что осуществляемые таким образом полномочия не будут соответство-

вать бюджетным полномочиям, являющимся функцией Генеральной Ассамблеи. Однако бюджетные полномочия не являются абсолютной категорией. В случае возникновения непредвиденных расходов вследствие обязательств Генеральной Ассамблеи не остается ничего иного, как выполнить эти обязательства, и компенсации, утверждаемые Трибуналом, подпадают под эту категорию.

Утверждалось также, что подразумеваемые полномочия Генеральной Ассамблеи по созданию трибунала не могут применяться, чтобы дать возможность трибуналу вмешаться в вопросы, входящие в прерогативу Генерального секретаря. Однако в силу положений Устава Генеральная Ассамблея может в любой момент ограничить или проконтролировать деятельность Генерального секретаря в вопросах персонала. Она санкционировала вмешательство Трибунала в таких вопросах в пределах юрисдикции, которой она наделила Трибунал. Соответственно Трибунал, если он действует в этих пределах, ни в коей мере не вмешивается в уставные полномочия Генерального секретаря, поскольку юридические

полномочия Генерального секретаря в вопросах персонала уже ограничены в этой связи Генеральной Ассамблеей.

Кроме того, тот факт, что Трибунал является вспомогательным, подчиненным или второстепенным органом, не имеет большого значения. Важно в этой связи намерение Генеральной Ассамблеи учредить трибунал, а в ее намерение и входило учредить судебный орган.

В отношении того, что получило название прецедента, созданного Лигой Наций в 1946 году, то Суд не может ему следовать. Существовавшие на тот момент особые условия значительно отличались от нынешних условий; эти две ситуации совсем не идентичны.

Придя, таким образом, к выводу, что первый вопрос, представленный Генеральной Ассамблеей, должен получить отрицательный ответ, Суд считает, что необходимости рассматривать второй вопрос не возникает.

23. ДЕЛО НОТТЕБОМА (ВТОРОЙ ЭТАП)

Решение от 6 апреля 1955 года

Дело Ноттебома было представлено Суду в заявлении Княжества Лихтенштейн против Республики Гватемала.

Лихтенштейн потребовал реституции и компенсации на том основании, что правительство Гватемалы совершило в отношении гражданина Лихтенштейна г-на Фридриха Ноттебома действия, противоречащие международному праву. Со своей стороны, Гватемала утверждала, что иск является неприемлемым по целому ряду оснований, одно из которых связано с гражданством Ноттебома, о защите которого Лихтенштейн обратился в Суд.

В своем решении Суд согласился с этим последним заявлением против иска и в связи с этим признал иск Лихтенштейна неприемлемым.

Решение было принято одиннадцатью голосами против трех. Судьи Клаестад и Рид и г-н Гутгенхайм, судья *ad hoc* приложили к решению заявления о своем индивидуальном мнении.

*
*

В своем решении Суд подтвердил основополагающее значение вышеупомянутого заявления против иска. Делая это заявление, Гватемала сослалась на широко признанный принцип, согласно которому право дипломатической защиты предоставляется государству только в силу наличия связи между государством и частным лицом, выражающейся в гражданстве этого лица. Лихтенштейн считал, что он действует в соответствии с этим принципом, и утверждал, что Ноттебом фактически является его

гражданином в силу предоставленной ему натурализации.

Затем Суд рассмотрел фактическую сторону дела. Ноттебом, родившийся в Гамбурге, был еще гражданином Германии, когда в октябре 1939 года он подал просьбу о натурализации в Лихтенштейне. В 1905 году он выехал в Гватемалу, где основал центр своей коммерческой деятельности, которая успешно расширялась. Иногда он приезжал в Германию по коммерческим делам и в другие страны на отдых, и несколько раз он приезжал в Лихтенштейн, где с 1931 года проживал один из его братьев; вместе с тем он продолжал иметь постоянное местожительство в Гватемале до 1943 года, т.е. до событий, лежащих в основе данного спора. В 1939 году он покинул Гватемалу приблизительно в конце марта; как представляется, он уехал в Гамбург и несколько раз на короткое время приезжал в Лихтенштейн, где он находился в начале октября 1939 года. Именно тогда, 9 октября 1939 года, спустя немногим более месяца после нападения Германии на Польшу, ставшего началом второй мировой войны, он обратился с просьбой о натурализации в Лихтенштейне.

Необходимые условия для натурализации иностранцев в Лихтенштейне установлены в законе Лихтенштейна от 4 января 1939 года. Этот закон требует, в частности, следующего: лицо, обращающееся с просьбой о натурализации, должно доказать, что в случае приобретения гражданства государства ему было обещано принятие в члены одной из общин Лихтенштейна («Heimat verband»); при условии снятия этого требования на определенных условиях данное лицо должно доказать, что в результате натура-

лизации оно теряет свое предыдущее гражданство; это лицо должно иметь постоянное местожительство в Княжестве на протяжении по меньшей мере трех лет, хотя это требование может быть снято при обстоятельствах, заслуживающих особого рассмотрения, а также в порядке исключения; это лицо должно заключить соглашение об ответственности за уплату налогов с компетентными властями и уплатить сбор за натурализацию. В законе отражена озабоченность в отношении того, чтобы натурализация разрешалась только при полном знании всех соответствующих фактов, и содержатся положения, согласно которым предоставлению гражданства препятствуют обстоятельства, вызывающие опасения в том, что натурализация может нанести ущерб государству Лихтенштейн. Что касается процедуры, которой надлежит следовать, то правительство рассматривает просьбу, собирает информацию в отношении заявителя, направляет просьбу в парламент и, в случае одобрения этой просьбы, представляет ее правящему Князю, который единственный имеет право предоставить гражданство.

В своем заявлении о натурализации Ноттебом просил также предоставить ему предварительно гражданство Маурена, одной из общин Лихтенштейна. Он просил снять условие предварительного трехлетнего проживания без указания особых обстоятельств, оправдывающих такую меру. Он обязался уплатить (в швейцарских франках) 25 000 франков общине и 12 500 франков государству, уплатить издержки судопроизводства и выплачивать годовой налог за натурализацию в размере 1 000 франков (при условии, что уплата этих налогов будет засчитываться в счет обычных налогов, которые заявитель должен будет выплачивать в случае постоянного проживания в Лихтенштейне), а также внести в качестве обеспечения сумму в размере 30 000 швейцарских франков. В документе от 15 октября 1939 года удостоверяется, что на эту дату ему было предоставлено гражданство Маурена. В свидетельстве от 17 октября 1939 года удостоверяется уплата требуемых налогов. 20 октября Ноттебом принес клятву верности, а 23 октября было заключено соглашение об ответственности за уплату налогов. Было также выдано свидетельство о гражданстве, в котором указывается, что Ноттебом натурализовался в силу Верховного указа Князя от 13 октября 1939 года. После этого Ноттебом получил паспорт Лихтенштейна и завизировал его у генерального консула Гватемалы в Цюрихе 1 декабря 1939 года, а затем в начале 1940 года вернулся в Гватемалу, где возобновил свою прежнюю коммерческую деятельность.

Учитывая эти факты, Суд рассмотрел вопрос о том, можно ли обоснованно сослаться на предоставленную таким образом натурализацию в иске против Гватемалы, предоставляет ли она Лихтенштейну достаточное право для осуществления защиты Ноттебома от действий Гватемалы и предоставляет ли она тем самым Суду право рассматривать соответствующий иск. Суд не имел намерения выходить за рамки этого вопроса.

С целью установления того, что заявление должно считаться приемлемым, Лихтенштейн утверждал,

что Гватемала ранее официально признала факт натурализации, который она сейчас оспаривает. Рассматривая действия Гватемалы в отношении Ноттебома после его натурализации, Суд счел, что Гватемала не признала права Лихтенштейна осуществлять защиту в отношении Ноттебома. Затем он рассмотрел вопрос о том, влечет ли предоставление гражданства Лихтенштейна непосредственно для Гватемалы обязанность признать его последствия, иными словами, является ли односторонний акт Лихтенштейна действием, на которое можно сослаться в иске против Гватемалы в отношении осуществления защиты. Суд рассматривал этот вопрос, не затрагивая вопроса о действительности натурализации Ноттебома в соответствии с законом Лихтенштейна.

Вопрос о гражданстве подпадает под внутреннюю юрисдикцию государства, которое в своем собственном законодательстве устанавливает нормы, касающиеся приобретения его гражданства. Однако вопрос, который Суд должен решить, не относится к правовой системе Лихтенштейна; при осуществлении защиты необходимо руководствоваться нормами международного права. В международной практике есть много примеров действий, совершенных государствами при осуществлении их внутренней юрисдикции, которые не всегда автоматически имеют международные последствия. Когда два государства предоставили свое гражданство одному и тому же лицу и когда эта ситуация уже не ограничивается рамками внутренней юрисдикции одного из этих государств, а выходит на международный уровень, международные арбитры или суды третьих государств, призванные рассмотреть такую ситуацию, не решили бы этого противоречия, если бы ограничились той точкой зрения, что гражданство подпадает исключительно под внутреннюю юрисдикцию государства. Напротив, для урегулирования конфликта они попытались установить, является ли предоставление гражданства при таких обстоятельствах основанием для возникновения обязательства государства-ответчика признать последствия этого акта. Для решения этого вопроса были выработаны некоторые критерии. Судьи отдали предпочтение реальному и эффективному гражданству, отвечающему фактическому положению дел и основанному на более прочных фактических связях между соответствующим лицом и одним из этих государств, с гражданством которых связано данное дело. Были приняты во внимание различные факторы, и их значение в различных делах может быть различным: этими факторами является обычное местожительство соответствующего лица, а также центр его интересов, его семейные связи, его участие в общественной жизни, проявленная им и укрепившаяся у его детей приверженность к той или иной стране и т.д.

Аналогичная тенденция преобладает в адвокатских кругах. Кроме того, практика некоторых государств, которые воздерживаются от осуществления защиты натурализованного лица в том случае, когда последнее фактически порвало свои связи со страной, которая для него является уже лишь страной его номинального гражданства, отражает ту точку зрения, что для того, чтобы можно было использовать аргумент, касающийся гражданства,

против другого государства, он должен соответствовать фактическому положению дел.

Признанный таким образом на международном уровне характер гражданства никоим образом не противоречит тому факту, что международное право оставляет за каждым государством право устанавливать нормы, определяющие предоставление его гражданства. Это объясняется отсутствием какого-либо общего соглашения в отношении норм, касающихся гражданства. Существует то мнение, что оптимальным путем обеспечения соответствия таких норм различным демографическим условиям в различных странах было бы оставить установление таких норм на усмотрение каждого государства. Вместе с тем, с другой стороны, государство не может претендовать на то, что установленные им нормы должны признаваться другим государством, за исключением тех случаев, когда оно действовало в соответствии с этой общей целью, которая заключается в том, чтобы предоставленное гражданство согласовывалось с наличием эффективной связи между государством и данным лицом.

В соответствии с практикой государств гражданство представляет собой юридическое отражение того факта, что то или иное лицо более тесным образом связано с населением того или иного государства. Предоставляемое государством, оно дает право этому государству на осуществление защиты только в том случае, если является юридическим отражением связи данного лица с этим государством. Так ли обстоит дело в отношении г-на Ноттебома? Создается ли впечатление о том, что в момент его натурализации Ноттебом был более тесно связан с Лихтенштейном, чем с каким-либо другим государством, в том что касается его образа жизни, местожительства, интересов, деятельности, семейных связей, планов на ближайшее будущее?

В этой связи Суд отметил основные факты этого дела и указал, что Ноттебом всегда сохранял свои семейные и деловые связи с Германией и что нет никаких фактов, указывающих на то, что поданная

им просьба о натурализации в Лихтенштейне была продиктована желанием отмежеваться от правительства его страны. С другой стороны, в течение 34 лет он постоянно проживал в Гватемале, которая была центром его интересов и коммерческой деятельности. Он оставался там до отъезда, вызванного военными мерами в 1943 году, и подал жалобу на отказ Гватемалы разрешить ему возвращение. Кроме того, члены семьи Ноттебома подтвердили его желание провести остаток своей жизни в Гватемале. Что же касается его фактических связей с Лихтенштейном, то они, напротив, были чрезвычайно слабыми. Приезд Ноттебома в эту страну в 1946 году объясняется отказом Гватемалы разрешить ему возвращение. Таким образом, при отсутствии каких-либо связей с Лихтенштейном существует давняя и тесная связь между ним и Гватемалой, связь, которая никоим образом не была ослаблена в результате его натурализации. Эта натурализация не была основана на какой-либо реальной ранее существовавшей связи с Лихтенштейном, и она никоим образом не изменила образ жизни лица, которому она была предоставлена необычно поспешно и на необычных условиях. В обоих отношениях ей недоставало подлинности, необходимой для акта, имеющего столь важное значение, для того чтобы ее должно было уважать государство, находящееся в положении Гватемалы. Натурализация была предоставлена без учета концепции гражданства, принятой в международных отношениях. Целью просьбы о натурализации было не столько получение правового признания фактического членства Ноттебома в населении Лихтенштейна, сколько предоставление ему возможности заменить свой статус гражданина воюющего государства на статус гражданина нейтрального государства с единственной целью получить защиту Лихтенштейна, но не присоединиться к его традициям, интересам, образу жизни или взять на себя обязательства — помимо налоговых — и осуществлять права, соответствующие полученному статусу.

По этим причинам Суд счел иск Лихтенштейна неприемлемым.

24. ПОРЯДОК ГОЛОСОВАНИЯ ПО ВОПРОСАМ, СВЯЗАННЫМ С ДОКЛАДАМИ И ПЕТИЦИЯМИ, ОТНОСЯЩИМИСЯ К ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНАЯ АФРИКА

Консультативное заключение от 7 июня 1955 года

Вопрос о процедуре голосования, которой должна следовать Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций при принятии решений по вопросам, связанным с докладами и петициями, относящимися к территории Юго-Западная Африка, был представлен Суду для вынесения консультативного заключения Генеральной Ассамблеей, которая с этой целью 23 ноября 1954 года приняла следующую резолюцию:

«Генеральная Ассамблея, согласившись в своей резолюции 449 А (V) от 13 декабря 1950 года с консультативным за-

ключением Международного Суда от 11 июля 1950 года по вопросу о Юго-Западной Африке,

принимая во внимание, в частности, заключение Суда по этому вопросу в его общем значении, а именно: что «Территория Юго-Западная Африка является территорией, находящейся под международным мандатом, принятым на себя Южно-Африканским Союзом 17 декабря 1920 года», а также заключение Суда по вопросу а), а именно: что «Южно-Африканский Союз продолжает нести международные обязательства, предусмотренные в статье 22 Пакта Лиги Наций и в мандате

на Юго-Западную Африку, равно как и обязательство передавать петиции от населения этой территории, причем функции надзора принадлежат Организации Объединенных Наций, которой должны представляться ежегодные отчеты и петиции, с тем, чтобы ссылка на Постоянную Палату Международного Правосудия была заменена ссылкой на Международный Суд, в соответствии со статьей 7 мандата и статьей 37 Статута Суда».

выразив в резолюции 749 А (VIII) от 28 ноября 1953 года свое мнение о том, что «без надзора со стороны Организации Объединенных Наций население территории окажется лишенным того международного надзора, который предусмотрен Уставом Лиги Наций», и что «Генеральная Ассамблея не выполнила бы своих обязательств по отношению к населению Юго-Западной Африки без принятия на себя функций по надзору над Территорией Юго-Западной Африка, которые ранее осуществлялись Лигой Наций»,

принимая во внимание заключение Международного Суда, согласно которому «надзор за управлением Юго-Западной Африкой, осуществляемый Генеральной Ассамблеей... не должен выходить за пределы надзора, который осуществлялся согласно мандатной системе, и должен по мере возможности соответствовать порядку, применявшемуся в этом отношении Советом Лиги Наций», причем «эти замечания относятся, в частности, к годовым отчетам и петициям»,

приняв резолюцией 844 (IX) от 11 октября 1954 года особую статью F, касающуюся порядка голосования, которому Генеральная Ассамблея должна следовать при принятии решений по вопросам, касающимся докладов и петиций, относящихся к Территории Юго-Западной Африка,

приняв указанную статью с намерением «применять по мере возможности и впредь до заключения соглашения между Организацией Объединенных Наций и Южно-Африканским Союзом порядок, которому следовало в этом отношении Совет Лиги Наций»,

считая желательным получить разъяснения относительно консультативного заключения Суда,

просит Международный Суд дать консультативное заключение по следующим вопросам:

а) соответствует ли нижеприведенная статья о порядке голосования, которому должна следовать Генеральная Ассамблея, точному толкованию консультативного заключения Международного Суда от 11 июля 1950 года:

«Постановления Генеральной Ассамблеи по вопросам, касающимся докладов и петиций, относящихся к Территории Юго-Западной Африка, считаются важными вопросами в том смысле, в котором это предусмотрено в пункте 2 статьи 18 Устава Организации Объединенных Наций?»

б) если такое толкование консультативного заключения Суда неправильно, то какой порядок голосования должна принять Генеральная Ассам-

блея при вынесении решений по вопросам, касающимся докладов и петиций, относящихся к Территории Юго-Западной Африка?»

Получив данную просьбу, Суд дал членам Организации Объединенных Наций возможность представить свои точки зрения. Правительства Соединенных Штатов Америки, Республики Польша и Индии представили письменные заявления. Правительства Израиля и Китайской Республики, хотя и не представили письменных заявлений, сослались на точки зрения, высказанные их представителями в Генеральной Ассамблее. Правительство Югославии отметило, что, по его мнению, данный вопрос был исчерпывающе решен в консультативном заключении 1950 года. Наконец, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций передал в Суд документы, которые могут пролить свет на этот вопрос, и вводящее замечание, комментирующее эти документы. Устного судопроизводства не проводилось.

В своем заключении Суд в положительном смысле ответил на первый поставленный вопрос: статья, приведенная в пункте а) резолюции, содержит точное толкование консультативного заключения, вынесенного Судом в 1950 году. Такой ответ сделал излишним для Суда рассмотрение второго вопроса.

Заключение Суда было принято единогласно. Три члена Суда — судьи Бадеван, Клаестади и Лаутерпахт — согласившись с данной статьей постановляющей части заключения, пришли к своим выводам, исходя из различных оснований, и они приложили к заключению заявления о своих особых мнениях. Еще один член Суда, судья Кожевников, который также согласился с постановляющей частью заключения, приложил к нему свое заявление.

* * *

В своем заключении Суд кратко изложил факты, которые привели к просьбе вынести такое заключение. В своем консультативном заключении 1950 года он заявил, что Южно-Африканский Союз продолжает нести в отношении территории Юго-Западной Африки международные обязательства в соответствии с Уставом Лиги Наций и мандатом на эту территорию и что функции контроля должны осуществляться Организацией Объединенных Наций. В том же году это заключение было одобрено Генеральной Ассамблеей в качестве основы для контроля за управлением территорией. Начались переговоры между Организацией Объединенных Наций и Южно-Африканским Союзом, однако они не имели успеха. В 1954 году Комитет Генеральной Ассамблеи разработал проект правил, одно из которых — статья F (помещенная в пункте а) резолюции от 23 ноября 1954 года, приведенном выше) касалось процедуры, которой должна была следовать Генеральная Ассамблея при принятии решений по вопросам, касающимся докладов и петиций. Именно по поводу этого потребовалось получение нового консультативного заключения Суда. Прежде всего Ассамблею интересовало, соответствует ли

статья F точному толкованию следующего положения из заключения 1950 года:

«Наблюдение, которое следует осуществлять Генеральной Ассамблее, не должно по своему уровню превышать то, которое проводилось согласно мандатной системе, и по мере возможности должно соответствовать порядку, применявшемуся в этом отношении Советом Лиги Наций.»

Установив таким образом содержание поставленного перед ним вопроса, Суд рассматривает его таким образом: правильно ли толковать первую часть данного предложения («Наблюдение... которое следует осуществлять Генеральной Ассамблее, не должно по своему уровню превышать то, которое проводилось согласно мандатной системе») как распространяющуюся на систему голосования, которой должна придерживаться Генеральная Ассамблея при решении вопросов, касающихся докладов и петиций, относящихся к территории Юго-Западной Африки. Суд пришел к выводу, что слова «наблюдение... по своему уровню» относятся к степени наблюдения по существу, а не к тому, каким образом выражается коллективная воля Генеральной Ассамблеи, то есть эти слова не связаны с вопросами процедуры. Первая часть вышеприведенного предложения означает, что Генеральная Ассамблея не должна использовать такие методы наблюдения или ставить мандатария в такие условия, которые были бы несовместимы с принципами мандата или с надлежащим уровнем наблюдения, определяемым в соответствии со стандартом и методами, применявшимися Советом Лиги Наций. Следовательно, статья F не может рассматриваться как относящаяся к уровню наблюдения и как создающая более высокий уровень наблюдения, чем тот, который имел в виду Суд в своем заключении 1950 года.

Данное толкование подтверждается изучением обстоятельств, которые привели Суд к использованию рассматриваемого выражения. В своем заключении 1950 года ему было необходимо заявить о том, какие обязательства несет Южно-Африканский Союз. По мнению Суда, эти обязательства, относящиеся к сфере управления территорией и соответствующие священной миссии цивилизации, о которой идет речь в статье 22 Устава Лиги Наций, сохранились и после роспуска Лиги Наций. Что же касается обязательств, связанных с наблюдением за управлением, то Суд, принимая во внимание положения Устава, решил, что это наблюдение впредь должно осуществляться Генеральной Ассамблеей, но что этот контроль не должен выходить за пределы того, который применялся при мандатной системе. Однако вслед за этим Суд не должен был рассматривать систему голосования. Признавая, что право Генеральной Ассамблеи осуществлять функции наблюдения основано на Уставе, Суд тем самым признал, что решения этого органа в данной связи должны приниматься согласно соответствующим положениям Устава, то есть положениям статьи 18. Если бы Суд имел в виду, что пределами для уровня наблюдения следует считать такие, которые охватывают сохранение системы голосования, которая существовала в Совете Лиги Наций, то тем самым он

противоречил бы сам себе и действовал бы вопреки положениям Устава. Соответственно, Суд считает, что первая часть рассматриваемого предложения должна толковаться как относящаяся к вопросам существа, а не системе голосования, которая применялась во времена Лиги Наций.

Затем Суд переходит к рассмотрению второй части предложения, в соответствии с которой наблюдение по своему уровню «по мере возможности должно соответствовать порядку, применявшемуся в этом отношении Советом Лиги Наций»: соответствует ли статья F данному требованию? Если первая часть предложения относится к вопросам существа, то вторая часть носит процедурный характер и слово «порядок» здесь означает те процедурные шаги, посредством которых должно осуществляться наблюдение. Однако когда Суд употребил данные слова, он вовсе не имел в виду систему голосования, принятую в Генеральной Ассамблее. Действительно, вопрос о соответствии системы голосования в Генеральной Ассамблее системе голосования в Совете Лиги Наций несет в себе непреодолимые трудности юридического характера, поскольку система голосования того или иного органа — это одна из его отличительных черт. Она связана с его структурой и функциями и не может быть механически перенесена в другой орган, не нанеся ущерба одной из особенностей этого органа.

Следовательно, между статьей F и консультативным заключением 1950 года нет несовместимости. Однако ясно, что, как принимая статью F, так и обращаясь с вопросом к Суду, Генеральная Ассамблея исходила из того, что Суд употребил слово «порядок» как понятие, включающее систему голосования. Но и в этом случае вывод был бы точно таким же. В заключении 1950 года Суд заявил, что Генеральная Ассамблея обладает правом осуществлять свои наблюдательные функции на основе Устава; поэтому именно в рамках Устава следует искать и статьи, которыми необходимо руководствоваться, принимая решения в связи с данными функциями. С правовой точки зрения Суду было бы невозможно, с одной стороны, опираться на Устав в вопросах, связанных с получением и изучением докладов и петиций, относящихся к Юго-Западной Африке, а с другой стороны — принимать решения, касающиеся этих докладов и петиций, используя совершенно иную систему голосования, нежели та, которая предписана Уставом.

Что касается выражения «по мере возможности», то его назначение было в том, чтобы обеспечить возможность корректировок, связанных с тем, что Совет Лиги Наций в своей деятельности руководствовался иным документом, нежели Генеральная Ассамблея. У последней для определения того, как принимать решения по вопросам, касающимся докладов и петиций, существует лишь один путь. Генеральная Ассамблея располагает статьей 18 Устава, предписывающей методы принятия решений. Согласно заключению 1950 года, у Генеральной Ассамблеи есть лишь одна правовая основа для применения данного способа голосования — это статья 18 Устава. Именно на этой основе была принята

статья F. При этом Ассамблея действовала в пределах своих законных возможностей.

Таким образом, статья F соответствует верному толкованию заключения 1950 года.

25. ДОПУСТИМОСТЬ ЗАСЛУШАНИЯ УСТНЫХ ЗАЯВЛЕНИЙ ПОДАТЕЛЕЙ ПЕТИЦИЙ КОМИТЕТОМ ПО ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ

Консультативное заключение от 1 июня 1956 года

Вопрос о допустимости заслушивания устных заявлений подателей петиций Комитетом по Юго-Западной Африке Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций был поставлен перед Судом для вынесения консультативного заключения Генеральной Ассамблеей, которая с этой целью 3 декабря 1955 года приняла следующую резолюцию:

«Генеральная Ассамблея,

получив от Комитета по Юго-Западной Африке просьбу установить, допустимо ли в Комитете заслушивание устных заявлений подателей петиций по вопросам, относящимся к территории Юго-Западной Африки (A/2913/Add.2),

поручив Комитету, в резолюции 749 A/(VIII) Генеральной Ассамблеи от 28 ноября 1953 года, рассматривать петиции по возможности в соответствии с порядком, установленным прежней мандатной системой,

просит Международный Суд дать консультативное заключение по следующему вопросу:

«Соответствует ли консультативному заключению Международного Суда от 11 июля 1950 года предоставление Комитетом по Юго-Западной Африке, который был учрежден резолюцией 749 A (VIII) Генеральной Ассамблеи от 28 ноября 1953 года, подателям петиций права делать устные заявления по вопросам, относящимся к территории Юго-Западной Африки?»

Получив просьбу дать консультативное заключение, Суд предоставил государствам — членам Организации Объединенных Наций возможность изложить свои мнения по данному вопросу. Правительство Соединенных Штатов Америки и правительство Китайской Республики представили письменные заявления, а представитель правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии сделал устное заявление на открытом заседании Суда. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций представил документы, которые могут внести ясность в данный вопрос, а также вводную записку.

Восемью голосами против пяти Суд утвердительно ответил на поставленный перед ним вопрос. Два члена Суда — судьи Винярски и Кожевников, проголосовав за консультативное заключение, при этом сделали заявления. Судья сэр Херш Лаутерпахт также проголосовал за заключение, высказав при этом свое особое мнение. Пять членов Суда, проголосовавших против консультативного заключения, — вице-председатель Бадави, судьи Бадеван, Су Мо, Арманд-Угон и Морено Квинтана — приложили к

заключению Суда совместное мнение о несогласии с ним.

* * *

В своем заключении Суд прежде всего дает свое понимание поставленного перед ним вопроса. Суд истолковывает его как относящийся к лицам, представившим письменные петиции в Комитет по Юго-Западной Африке в соответствии с Правилами процедуры Комитета. Суд считает также, что данный вопрос относится не к праву Комитета обеспечивать возможность заслушивания устных заявлений по своему усмотрению, а к вопросу о законности предоставления Генеральной Ассамблеей Комитету права обеспечивать возможность заслушаний.

Генеральная Ассамблея ставит вопрос о том, соответствует ли допущение заслушаний устных заявлений консультативному заключению, вынесенному Судом в 1950 году. Чтобы ответить на данный вопрос, Суд должен рассмотреть это заключение в целом, его основные цели и значение. Поэтому Суд анализирует данное заключение. Поставляющая часть заключения свидетельствует о том, что обязательства мандатария продолжают сохраняться с той лишь разницей, что те наблюдательные функции, которые ранее осуществлялись Советом Лиги Наций, теперь должны осуществляться Организацией Объединенных Наций. Орган, ныне осуществляющий эти наблюдательные функции, а именно Генеральная Ассамблея, имеет все законные основания для того, чтобы эффективно и надлежащим образом наблюдать за управлением этой подмандатной территорией. Разъясняя мотивы своего заключения, Суд указал, что обязанности государства-мандатария, включая обязанность передавать доклады и петиции и содействовать проведению контроля, были установлены в условиях мандатной системы. Эти обязанности не могут быть расширены, соответственно не может быть увеличена и степень наблюдения, осуществляемого Генеральной Ассамблеей, по сравнению с той, которая существовала при мандатной системе. В соответствии со своим выводом относительно того, что роль Совета Лиги Наций в осуществлении наблюдения перешла к Генеральной Ассамблее, Суд решил, что уровень этого наблюдения как можно более должен соответствовать процедуре, которой следовал Совет Лиги Наций. Однако необходимость в наблюдении сохраняется: Устав сохраняет права государств и народов в соответствии с действующими международными соглашениями, что предполагает существование орга-

на, осуществляющего наблюдение за их исполнением. Из этого анализа заключения 1950 года видно, что его высшей целью было сохранение священной миссии цивилизации посредством обеспечения эффективного международного наблюдения: при толковании любых отдельных предложений заключения недопустимо придавать им значение, которое не соответствовало бы этой высшей цели или постановляющей части данного заключения.

Как решался вопрос о заслушании устных заявлений во время деятельности Лиги Наций? В текстах нет упоминаний о заслушаниях устных заявлений, и также заслушания вообще не проводились. Однако в этих текстах нет упоминаний и о праве на подачу петиций, а тем не менее это нововведение было сделано Советом Лиги Наций с целью повышения эффективности его наблюдательных функций: Совет имел на это право и имел право также уполномочивать Постоянную мандатную комиссию провести заслушания устных заявлений, если считал это необходимым.

В этой связи была оспорена точка зрения, согласно которой в заключении 1950 года должно было утверждаться, что мандатная система и уровень наблюдения должны рассматриваться как нечто застывшее, а потому Генеральная Ассамблея не может делать то, чего не делал Совет, даже если у него и было на это право. Дело обстоит не так. В консультативном заключении 1950 года и в соответствующих документах нет ничего, что можно было бы истолковать как какое-либо ограничение полномочий Генеральной Ассамблеи по сравнению с полномочиями Совета Лиги Наций. В своем консультативном заключении 1950 года Суд надлежащим образом подчеркнул, что Генеральная Ассамблея не может расширять круг своих полномочий, однако Суд не должен был решать вопрос, может или не может Генеральная Ассамблея осуществлять права, которые были у Совета Лиги Наций, но для реализации которых не возникало необходимости.

В качестве аргумента приводилось предложение из заключения 1950 года, согласно которому наблюдение, которое должна осуществлять Генеральная Ассамблея, не должно по своему уровню превосходить то, которое осуществлялось при мандатной системе, и было высказано предположение, что допущение заслушания подателей петиций означало бы именно такое превышение уровня наблюдения.

Однако в существующих обстоятельствах, когда Комитет по Юго-Западной Африке работает без помощи со стороны мандатария, заслушивание устных заявлений могло бы позволить ему лучше судить о существе петиций. И это, к тому же, как в интересах государства-мандатария, так и в интересах обеспечения надлежащего функционирования мандатной системы. Нельзя, поэтому, исходить из того, что предоставление возможности заслушания устных заявлений возлагает на мандатария дополнительное бремя. Нельзя также интерпретировать вышеупомянутое предложение из заключения 1950 года как отражающее намерение ограничить деятельность Генеральной Ассамблеи только теми мерами, которые фактически осуществлялись Лигой Наций. Контекст этого предложения противоречит такой интерпретации, так же как и консультативное заключение, данное Судом в 1955 году.

Наконец Суд отмечает, что по причине отсутствия сотрудничества с мандатарием Комитет по Юго-Западной Африке не имел возможности предусмотреть использование какой-либо альтернативной процедуры принятия и рассмотрения петиций. Конкретный вопрос, поставленный перед Судом, возник в связи с ситуацией, когда мандатарий подтвердил свой отказ содействовать реализации выводов консультативного заключения от 11 июля 1950 года и сотрудничать с Организацией Объединенных Наций путем представления докладов и передачи петиций в соответствии с процедурой, принятой в рамках мандатной системы. Данная ситуация предусмотрена содержащимся в заключении 1950 года положением, согласно которому Суд считает, что наблюдение, которое должна осуществлять Генеральная Ассамблея, должна «по мере возможности соответствовать порядку, применявшемуся в этом отношении Советом Лиги Наций».

В заключение Суд поддержал мнение, согласно которому его заключению от 11 июля 1950 года не противоречило бы положение, когда Генеральная Ассамблея разрешает процедуру, при которой Комитет по Юго-Западной Африке имеет право заслушивать устные заявления тех лиц, которые уже представили свои письменные петиции, если Генеральная Ассамблея убедилась в том, что это необходимо для сохранения эффективного международного наблюдения за управлением подмандатной территорией.

26. РЕШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ТРИБУНАЛА МОТ, КАСАЮЩИЕСЯ ЖАЛОБ В ОТНОШЕНИИ ЮНЕСКО

Консультативное заключение от 23 октября 1956 года

Данное консультативное заключение касается вопроса о решениях Административного трибунала Международной организации труда (МОТ), касающихся жалоб в отношении Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

В резолюции, принятой 25 ноября 1955 года, Исполнительный совет ЮНЕСКО решил поставить перед Международным Судом следующие правовые вопросы для вынесения консультативного заключения:

«1. — Компетентен ли Административный

трибунал в соответствии со статьей II его Статута заслушивать жалобы, поданные против ЮНЕСКО 5 февраля 1955 года г-ном Дюбергом и г-ном Леффом и г-жой Уилкоккс, а также 28 июня 1955 года г-жой Бернштейн?

II. В случае положительного ответа на вопрос I:

- a) Компетентен ли Административный трибунал решать, были ли полномочия Генерального директора на не-продление срочных контрактов осуществлены на благо службы и в интересах Организации?
- b) Компетентен ли Административный трибунал высказываться в отношении позиции, которой Генеральный директор в соответствии с условиями Устава ЮНЕСКО должен придерживаться при осуществлении своих отношений с государством-членом, особенно в том, что касается проведения политики правительственными органами этого государства-члена?

III. — В любом случае, насколько действительными являются постановления Административного трибунала, отраженные в его решениях № 17, 18, 19 и 21?»

По получении просьбы о консультативном заключении Суд дал возможность изложить свои точки зрения государствам — членам ЮНЕСКО, которые имели право предстать перед Судом, а также МОТ и международным организациям, которые признали юрисдикцию Административного трибунала МОТ. Несколько государств воспользовались этой возможностью. ЮНЕСКО поступила аналогичным образом: к своим письменным заявлениям Организация приложила замечания, сформулированные поверенным, действовавшим от имени соответствующих сотрудников. Учитывая, что тем самым была получена достаточная информация, Суд не проводил устных слушаний.

Приняв решение девятью голосами против четырех удовлетворить просьбу о консультативном заключении, Суд дал положительный ответ на вопрос I десятью голосами против трех. Девятью голосами против четырех Суд выразил мнение о том, что вопрос II не требует ответа Суда, а в отношении вопроса III он решил девятью голосами против трех, что действительность решений более не должна оспариваться.

Судья Кожевников, проголосовав за решение Суда удовлетворить просьбу о консультативном заключении и выразив согласие с заключительной частью самого консультативного заключения в отношении вопросов I и III, заявил, что он не может согласиться с мнением Суда в отношении вопроса II. Трое судей — г-н Винярский и г-н Клаестац, а также сэр Мохаммад Зафрулла Хан приложили к заключению Суда заявления с изложением своих особых мнений. Председатель Хекуорт, вице-председатель Бадави и

судьи Рид и Кордова приложили к заключению Суда заявления о своих индивидуальных мнениях.

* * *

В своем заключении Суд отметил, что во всех четырех делах факты по существу совпадают, и коснулся только дела г-на Питера Дюберга (решение № 17). Г-н Дюберг имел срочный контракт с ЮНЕСКО, который истек 31 декабря 1954 года. В 1953 и 1954 годах он отказался ответить на два вопросника правительства Соединенных Штатов Америки, целью которых было представить Генеральному директору ЮНЕСКО определенную информацию, касающуюся граждан Соединенных Штатов, работающих в этой организации. Получив приглашение предстать перед Советом по лояльности служащих международных организаций Комиссии по гражданской службе Соединенных Штатов Америки, он отказался сделать это, а 13 июля 1954 года информировал об этом Генерального директора ЮНЕСКО. 13 августа Генеральный директор сообщил Дюбергу, что, поскольку он не может считать поведение Дюберга соответствующим высокому уровню добросовестности, требуемому от служащих Организации, он не предложит ему новый контракт по истечении действующего. Ранее, в меморандуме от 6 июля 1954 года, Генеральный директор объявил свое решение о том, что всем работающим по срочным контрактам, которые истекают в конце 1954 года или в начале 1955 года, и достигшим требуемого уровня работоспособности, компетентности и добросовестности, будет предложено продлить их контракты. Несмотря на противоположное мнение Апелляционного совета ЮНЕСКО, к которому обратился г-н Дюберг, решение о не-продлении его контракта было оставлено в силе. 5 февраля 1955 года Дюберг представил свою жалобу Административному трибуналу МОТ, который в своем решении от 26 апреля 1955 года объявил себя компетентным и вынес решение по сути этого вопроса. Таковы обстоятельства, при которых Исполнительный совет ЮНЕСКО, оспаривая юрисдикцию Трибунала в этом вопросе и, следовательно, действительность решения, обратился к Суду с просьбой о консультативном заключении, опираясь на положения статьи XII Статута Трибунала.

Вначале Суд рассмотрел вопрос о том, следует ли ему удовлетворить полученную просьбу. Прежде всего он отметил, что в соответствии со статьей XII консультативное заключение было бы обязательным, а это выходит за пределы статуса консультативного заключения по Уставу Организации Объединенных Наций и Статуту Суда. Вместе с тем, данное положение, которое является лишь нормой поведения для Исполнительного совета, никоим образом не затрагивает характер функционирования Суда.

Более того, как представляется, возникшая в связи с этим консультативная процедура определенным образом является предметом апелляции против решений Трибунала. Целью консультативного судопроизводства, которое таким образом заменяет со-

бой судопроизводство по спорам, является обеспечение того, чтобы некоторые возражения, касающиеся действительности решений, выносимых Трибуналом в ходе рассмотрения спора между сотрудником и соответствующей международной организацией, представлялись Суду, в то время как в соответствии со Статутом Суда только государства могут быть сторонами дел, вынесенных на его рассмотрение. От Суда не требовалось рассматривать такое решение по существу; он должен был рассмотреть лишь вопрос о том, не препятствует ли его Статут и юридический характер его участию в рассмотрении этого дела. Вместе с тем, в отличие от принятой практики, в консультативном судопроизводстве, проводившемся в данном случае, имелся определенный элемент отсутствия равенства между ЮНЕСКО и соответствующими сотрудниками. Во-первых, в соответствии с положениями Статута Административного трибунала только Исполнительный совет ЮНЕСКО имел право возбуждать это судопроизводство. Однако такое неравенство существовало до рассмотрения вопроса Судом и никоим образом не повлияло на характер этого рассмотрения. Во-вторых, что касается фактической процедуры функционирования Суда, то хотя Статут и Регламент Суда дают ЮНЕСКО необходимые возможности для того, чтобы изложить свою точку зрения, в случае сотрудников положение является иным. Однако эту трудность удалось преодолеть, с одной стороны, благодаря тому, что мнения этих сотрудников были доведены до сведения Суда через ЮНЕСКО, а с другой стороны, благодаря тому, что Суд решил не проводить устных слушаний. Ввиду этого, как представляется, не было каких-либо причин, по которым Суд обязан был отказаться выполнять просьбу о вынесении консультативного заключения.

Затем Суд рассмотрел первый из поставленных перед ним вопросов. Он отметил, что, в соответствии с формулировкой положений Статута Административного трибунала, чтобы Трибунал обладал юрисдикцией для заслушивания жалобы какого-либо сотрудника, необходимо, чтобы этот сотрудник ссылался на несоблюдение условий контракта или Положений о персонале. Таким образом, необходимо наличие существенной, а не просто искусственной связи между жалобой и указанными условиями и положениями, хотя не требуется, чтобы изложенные факты в любом случае приводили к результатам, указываемым истцами и, поскольку эти результаты представляли собой суть вопроса, выносимого на рассмотрение Трибунала.

В данных делах сотрудники дали толкование своих контрактов и Положений о персонале, согласно которому они имели право на продление своих контрактов. Было ли это утверждение достаточно обоснованным для установления компетенции Трибунала? Для ответа на этот вопрос необходимо было рассмотреть контракты не только с точки зрения их буквы, но и в связи с фактическими условиями, при которых они были заключены, и в связи с тем местом, которое они занимали в Организации. В практике Организации Объединенных Наций и специализированных учреждений, хотя лица, работающие

по срочным контрактам, не отождествляются с работающими по постоянным или бессрочным контрактам, они часто рассматриваются как имеющие право на продление работы в соответствии с требованиями и общими интересами Организации. Эта практика должна служить предупреждением против такого толкования срочных контрактов, при котором учитывалось бы лишь буквальное значение их положения, касающегося срока действия контракта, и при котором, таким образом, по истечении определенного периода наличие срочного контракта не может использоваться в качестве аргумента при оспаривании решения о непродлении. Кроме того, при таком толковании не учитывается характер продления такого контракта, которое представляет собой по существу продолжение предыдущего контракта, в результате чего возникает правовая связь между продлением и первоначальным назначением. Эта взаимосвязь, которая обеспечивает правовую основу для жалоб сотрудников, в очередной раз проявилась в административном меморандуме Генерального директора от 6 июля 1954 года, о котором говорилось выше. Суд выразил мнение, согласно которому можно считать, что административный документ, составленный в настолько общих выражениях, можно рассматривать как налагающий обязательства на Организацию. Если Генеральный директор счел возможным не предоставлять тому или иному сотруднику льготу, которая была таким образом предоставлена всем другим сотрудникам, любой спор, который может возникнуть в связи с этим вопросом, подпадает под юрисдикцию Административного трибунала.

Кроме того, Суд отметил, что как истцы, так и ЮНЕСКО выступали перед Трибуналом, основываясь на условиях Положений о персонале, которые распространяются и на административный меморандум от 6 июля. По мнению Суда, этот меморандум представляет собой изменение Правил о персонале, на которое Генеральный директор был уполномочен в соответствии с Положениями о персонале. В нем содержится также ссылка, прямая или косвенная, на текст Положений о персонале, в частности на понятие добросовестности, лежащее в основе спора, представленного на рассмотрение Административного трибунала. Соответственно, как с точки зрения несоблюдения условий контракта, так и с точки зрения несоблюдения Положений о персонале, истцы имели законные основания для подачи жалобы, а Трибунал совершенно правильно подтвердил свою юрисдикцию.

По этим причинам Суд дал положительный ответ на вопрос I. Что касается вопроса II, то Суд указал, что просьба о консультативном заключении, прямо выраженная в соответствии с положениями статьи XII Статута Административного трибунала, должна ограничиваться оспариванием решения Трибунала относительно его юрисдикции или же случаями существенного нарушения процедуры. Поскольку вопрос II не касается ни одного из этих двух оснований для оспаривания решения, Суд не в состоянии дать ответ на вопрос II.

Отклонив таким образом возражение относительно юрисдикции Административного трибунала,

единственное возражение, высказанное Исполнительным советом ЮНЕСКО, Суд ответил на во-

прос III, признав, что действительность данных четырех решений более не должна оспариваться.

27. ДЕЛО О НЕКОТОРЫХ НОРВЕЖСКИХ ЗАЙМАХ

Решение от 6 июля 1957 года

Судопроизводство по делу о некоторых норвежских займах в отношениях между Францией и Норвегией было начато по заявлению французского правительства, которое просило Суд вынести решение о том, что размеры обязательств заемщика по некоторым займам, выпущенным на Французский рынок и другие иностранные рынки Королевством Норвегии, Ипотечным банком Королевства Норвегии и Жилищным банком мелких предпринимателей и трудящихся, должны быть выражены в золотом содержании и что заемщик может погасить сумму своей задолженности лишь путем выплаты золотого содержания купонов и погашаемых облигаций. В заявлении содержалась прямая ссылка на статью 36 2) Статута Суда, а также на заявления о признании обязательной юрисдикции, сделанные Францией и Норвегией. Со своей стороны, правительство Норвегии выдвинуло определенные предварительные возражения, и они по просьбе французского правительства, против которой не возражало правительство Норвегии, были присовокуплены Судом к фактическим обстоятельствам дела.

В своем решении Суд поддержал одно из оснований, использованных Норвегией, которое, по мнению Суда, имело наиболее непосредственное отношение к делу и решающее значение, а именно возражение, согласно которому Норвегия в силу условия взаимности имеет право ссылаться на оговорку в отношении национальной юрисдикции, содержащуюся в заявлении Франции, и согласно которому эта оговорка исключает из юрисдикции Суда спор, переданный на его рассмотрение заявлением французского правительства. Считая, что нет необходимости рассматривать другие возражения Норвегии или другие факты, излагаемые сторонами, Суд двенадцатью голосами против трех счел, что он не обладает юрисдикцией для вынесения судебного решения по этому спору.

Судья Морено Кинтана заявил, что, по его мнению, Суд не обладает юрисдикцией по иной причине, нежели та, которая приведена в решении. Вице-председатель Бадави и судья сэра Херш Лаутерпахт приложили к решению Суда заявления с изложением своих частных мнений. Судьи Герреро, Бадеван и Рид приложили к решению Суда заявления с изложением своего особого мнения.

* * *

В своем решении Суд напомнил о фактической стороне дела. Займы, о которых шла речь, были

размещены в период между 1885 и 1909 годами; французское правительство утверждало, что облигации содержали золотую оговорку, форма которой варьировалась в различных облигациях, но которую правительство рассматривало как достаточную в случае каждой облигации, что оспаривается норвежским правительством. Поскольку в различные даты после 1914 года приостанавливалась обратимость банкнот Банка Норвегии в золото, норвежский закон от 15 декабря 1923 года предусматривал, что «в тех случаях, когда дебитор в законном порядке согласился выплатить кронами денежную задолженность в золоте и когда кредитор отказывается акцептовать платеж банкнотами Банка Норвегии на основе их номинального золотого содержания, дебитор может просить отсрочки платежа на тот период, на который банк освобождается от его обязательств погасить свои банкноты в соответствии с их номинальной стоимостью». За этим последовала продолжительная дипломатическая переписка, которая продолжалась с 1925 по 1955 год, в ходе которой правительство Франции утверждало, что, как представляется, нельзя полагаться на одно-стороннее решение в отношениях с иностранными кредиторами, и просило признать права, заявленные французскими держателями соответствующих облигаций. Правительство Норвегии, не будучи готовым дать согласие на различные предложения о международном урегулировании, которые выдвигались Францией, утверждало, что претензии держателей облигаций подпадают под юрисдикцию норвежских судов и связаны исключительно с толкованием и применением норвежского права. Французские держатели облигаций воздержались от представления своих дел судам Норвегии. Таковы были обстоятельства, при которых французское правительство переложило этот вопрос на рассмотрение Суда.

Учитывая эти факты, Суд прежде всего обратил внимание на предварительные возражения правительства Норвегии, начав с первого из них, которое непосредственно касалось юрисдикции Суда и имело два аспекта. Во-первых, утверждалось, что Суд, роль которого заключается в разрешении представленных на его рассмотрение споров в соответствии с международным правом, может заниматься в силу поручения одностороннего заявления лишь правовыми спорами, подпадающими под одну из четырех категорий споров, перечисленных в пункте 2 статьи 36 Статута, и относящихся к сфере международного права. По мнению правительства Норвегии, договоры займа регулируются муниципальным правом, а не международным правом. Во-

вторых, норвежское правительство заявило, что если в отношении этого вопроса все же останутся какие-либо сомнения, оно будет полагаться на следующую оговорку, сделанную французским правительством в его заявлении о признании обязательной юрисдикции Суда: «Настоящее заявление не относится к разногласиям по вопросам, которые по существу подпадают под национальную юрисдикцию, как это понимает правительство Французской республики». Правительство Норвегии считало, что в силу положения о взаимности, изложенного в пункте 3 статьи 36 Статута и содержащегося в соответствующем заявлении Норвегии, Норвегия имеет право полагаться на ограничения, установленные Францией в отношении ее собственных обязательств. Будучи убежденным в том, что данный спор подпадает под внутреннюю юрисдикцию, норвежское правительство просило Суд отказаться от выполнения той роли, которую просило его сыграть французское правительство, на том основании, что он не обладает юрисдикцией.

Суд рассмотрел второе основание данного возражения и отметил, что юрисдикция Суда в данном случае зависит от заявлений, сделанных сторонами на условиях взаимности, и что поскольку было сделано два односторонних заявления, такая юрисдикция предоставлялась Суду только в той степени, в какой заявления, дающие такую юрисдикцию, не противоречат друг другу. Соответственно общая воля сторон, которая лежит в основе юрисдикции Суда, существует в узких рамках, определенных оговоркой Франции. Совет подтвердил этот метод определения его юрисдикции, который ранее был уже принят Постоянной Палатой Международного Правосудия. В соответствии с условием взаимности Норвегия, равно как и Франция, имела право исключить из обязательной юрисдикции Суда споры, которые, по мнению Норвегии, подпадают по существу под ее национальную юрисдикцию.

Правительство Франции отметило, что между Францией и Норвегией существует договор, в силу которого выплата любых долгов по договорам является вопросом международного права, и что в этой связи оба государства не могут говорить о внутренней юрисдикции. Однако цель упомянутого соглашения, а именно второй Гаагской конвенции 1907 года об ограничении использования силы при взимании долгов по договорам, не заключается в том, чтобы ввести обязательный арбитраж; единственное обязательство, налагаемое Конвенцией, заключается в том, что государство не может прибегать к силе, не попытавшись прибегнуть к арбитражу. В связи с этим Суд не нашел каких-либо причин, по которым тот факт, что обе стороны являются сто-

ронами второй Гаагской конвенции, должен лишать Норвегию права ссылаться на оговорку, содержащуюся в заявлении Франции. Французское правительство также сослалось на франко-норвежскую Конвенцию об арбитраже от 1904 года и на Женевский генеральный акт от 26 сентября 1928 года. Вместе с тем, ни одну из этих ссылок нельзя считать достаточной для того, чтобы оправдать то мнение, что заявление французского правительства основано на данной Конвенции или Генеральном акте: вряд ли было бы оправдано, чтобы Суд попытался найти основание для его юрисдикции, отличное от того, которое было установлено самим французским правительством в его заявлении, и со ссылкой на которое данное дело было представлено обеими сторонами на рассмотрение Суда.

Суд отметил, что, с одной стороны, можно было бы сказать, что основание для первого возражения, опирающегося на оговорку, сделанную в заявлении Франции, является чисто вспомогательным по своему характеру. Однако, по мнению Суда, второе основание нельзя рассматривать как вспомогательное в том смысле, что Норвегия намеревалась использовать французскую оговорку только в том случае, если бы первое основание этого возражения было сочтено юридически необоснованным. Компетенция Суда оспаривается на обоих основаниях, и Суд при вынесении своего решения вправе исходить из того основания, которое, по его мнению, является более непосредственным и убедительным. Норвежское правительство не только ссылалось на оговорку Франции, но и использовало данное второе основание во всех частях своего первого возражения. Отказ от данного условия нельзя предполагать или выразить косвенным образом: он должен быть прямо выражен.

Суд не считал, что ему следует рассмотреть вопрос о том, соответствует ли оговорка Франции принятию правового обязательства и отвечает ли она положениям пункта 6 статьи 36 Статута. Действительность этой оговорки сторонами не оспаривалась. Было ясно, что Франция в полной мере придерживается своего заявления, включая оговорку, и что Норвегия использует данную оговорку. В связи с этим Суду было представлено положение, которое обе стороны спора рассматривали как отражающее их общую волю в вопросе о компетенции Суда. Суд признал действительной данную оговорку в том виде, как она была сформулирована и признана сторонами.

По этим причинам Суд считал, что он не обладает юрисдикцией для вынесения судебного решения по спору, представленному на его рассмотрение заявлением французского правительства.

28. ДЕЛО О КОМПАНИИ «ИНТЕРХАНДЕЛЬ» (ВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ ЗАЩИТЫ)

Распоряжение от 24 октября 1957 года

По делу о компании «Интерхандель» (Швейцария против Соединенных Штатов Америки) Суд счел, что нет необходимости определять временные меры защиты.

Дело о компании «Интерхандель» было передано в Суд по заявлению швейцарского правительства от 2 октября 1957 года, в котором к Суду была обращена просьба заявить о том, что правительство Соединенных Штатов Америки обязано вернуть компании «Интерхандель», занесенной в Базельский коммерческий регистр, ее активы, которые были размещены в Соединенных Штатах Америки после 1942 года. 3 октября правительство Швейцарии просило Суд указать в качестве временной меры защиты на период рассмотрения дела, что Соединенные Штаты не должны отчуждать эти активы, в частности не должны продавать акции компании «Дженерал анилин энд филм корпорэйшн».

Просьба об определении временных мер защиты рассматривалась в качестве приоритетного вопроса. В ходе слушаний, состоявшихся 12 и 14 октября, Совет заслушал устные выступления сторон по этому вопросу. Совет принял также к сведению письменные заявления, которые были впоследствии представлены сторонами. Вынесенное Судом решение основывалось на заявлениях от 19 октября, в котором правительство Соединенных Штатов указало, что на тот момент оно не предпринимало каких-либо действий по установлению графика распродажи акций, о которых шла речь.

Правительство Соединенных Штатов утверждало, что Суд не обладает юрисдикцией для рассмотрения вопроса о продаже или отчуждении акций. По этому поводу в распоряжении Суда указывается, что предварительные возражения рассматриваются с применением иной процедуры, нежели та, которая предусмотрена в отношении просьб об определении

временных мер защиты; если Соединенные Штаты Америки будут продолжать настаивать на данном утверждении, то оно будет рассмотрено Судом в должное время. В этой связи в распоряжении указывается, что эта процедура никоим образом не наносит ущерба юрисдикции Суда для рассмотрения дела по существу и не затрагивает права ответчика выдвинуть возражения против такой юрисдикции.

К распоряжению прилагаются:

— особое мнение судьи Клаестада, согласно которому Суд не обладает юрисдикцией, с чем согласились Председатель Хекуорт и судья Рид;

— особое мнение судьи сэра Херша Лаутерпахта, который, выражая согласие с постановляющей частью распоряжения, также считает, что Суд не обладает юрисдикцией;

— заявление судьи Веллингтона Ку, который согласен с постановляющей частью, не разделяя мотивов, на которых она основана, и, наконец,

— заявление судьи Кожевникова, который не может согласиться с распоряжением.

29. ДЕЛО О ПРАВЕ ПРОХОДА ЧЕРЕЗ ТЕРРИТОРИЮ ИНДИИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ)

Решение Суда от 26 ноября 1957 года

Спор о праве прохода через территорию Индии (предварительные возражения) между Португалией и Индией был представлен в Суд путем подачи заявления правительства Португалии, в котором содержится просьба, чтобы Суд признал и заявил, что Португалия имеет или пользуется правом прохода между территорией Дамана (прибрежный Даман) и анклавами Дадра и Нагарх-Авели, а также между самими анклавами, и это право предусматривает возможность неограниченного беспрепятственного транзита пассажиров и товаров, включая вооружен-

ные силы, в форме и объеме, которые необходимы для эффективного осуществления суверенитета Португалии над упомянутыми территориями, и что Индия препятствовала и продолжает препятствовать осуществлению этого права, нанося ущерб суверенитету Португалии над анклавами и нарушая международные обязательства, а также постановил, что Индия должна немедленно покончить с подобным положением и дать возможность Португалии пользоваться правом такого прохода. В заявлении делается конкретная ссылка на пункт 2 статьи 36

Статута и на заявления, в которых Португалия и Индия признали обязательную юрисдикцию Суда.

Правительство Индии, со своей стороны, выдвинуло шесть предварительных возражений против юрисдикции Суда, которые основывались на следующих доводах.

Первое предварительное возражение заключалось в том, что содержащееся в заявлении Португалии от 19 декабря 1955 года условие признания юрисдикции Суда оставляло за этим правительством «право исключать из сферы действия данного заявления на любом этапе срока его действия любую конкретную категорию или категории споров путем уведомления Генерального секретаря Организации Объединенных Наций и начиная со времени подачи такого уведомления» и не отвечало целям и задачам Факультативного положения, лишая силы заявления о признании.

Второе предварительное возражение было основано на утверждении, что заявление Португалии от 22 декабря 1955 года было подано до того, как Генеральный секретарь направил копии заявления Португалии о признании обязательной юрисдикции Суда другим участникам Статута в соответствии с пунктом 4 статьи 36 Статута. Направление заявления стало, таким образом, нарушением принципа равенства и взаимности, который распространялся на Индию в соответствии с Факультативным положением и явно выраженным условием взаимности, содержащимся в ее заявлении от 28 февраля 1940 года о признании обязательной юрисдикции Суда.

В четвертом предварительном возражении содержалась просьба о том, чтобы Суд заявил, что, поскольку Индия не признала заявление Португалии до направления ею заявления, Индия не могла воспользоваться на основе взаимности положением заявления Португалии, позволяющим ей исключить из юрисдикции Суда спор, который стал предметом заявления.

Третье предварительное возражение основывалось на отсутствии, до подачи заявления, дипломатических переговоров, которые позволили бы определить предмет иска.

Пятое предварительное возражение касалось оговорки в заявлении Индии, которая выводит из-под юрисдикции Суда споры по вопросам, которые в соответствии с международным правом подпадают под исключительную юрисдикцию правительства Индии. Правительство Индии утверждало, что факты и юридические соображения, представленные Суду, не подтвердили наличия достаточных оснований для утверждения, что предмет спора не является внутренней компетенцией.

И наконец, в *шестом предварительном возражении* правительство Индии утверждало, что Суд не обладает юрисдикцией в силу того, что заявление Индии о признании касалось «споров, возникающих после 5 февраля 1930 года, в отношении ситуаций или фактов, возникающих после этой даты». Правительство Индии исходило из того, что, во-первых, спор, переданный в Суд Португалией, возник не после 5 февраля 1930 года и, во-вторых, в любом

случае, он был спором в отношении ситуаций и фактов, возникших до этой даты.

Помимо представлений правительство Португалии сделало заявление, в котором содержалась просьба к Суду напомнить участникам об общепризнанном принципе, в соответствии с которым они обязаны содействовать осуществлению функций Суда, воздерживаясь от любых мер, могущих оказать негативное воздействие на осуществление его решения или привести к усугублению или расширению спора. Суд решил, что с учетом обстоятельств данного спора он не должен выполнять просьбу правительства Португалии.

В своем решении Суд отклонил первое и второе предварительные возражения 14 голосами против трех, третье — 16 голосами против одного и четвертое — 15 голосами против двух. Тринадцатью голосами против четырех он поддержал пятое возражение и 15 голосами против двух — шестое возражение. Наконец, он заявил о возобновлении разбирательства существа спора и установил сроки рассмотрения оставшихся вопросов:

для представления контрмеморандума Индии — до 25 февраля 1958 года; для направления ответа Португалии — до 25 мая 1958 года; для направления вторичного возражения Индии — до 25 июля 1958 года.

* * *

Судья Кожевников отметил, что он не может согласиться с постановляющим положением или изложенными в решении доводами, поскольку, по его мнению, Суд на данной стадии разбирательства должен был поддержать одно или несколько предварительных возражений.

Вице-председатель Бадави и судья Клаестад присоединили к решению заявления о своих индивидуальных мнениях. Судья *ad hoc*, г-н Фернандес присоединился к индивидуальному мнению судьи Клаестада, а судья *ad hoc* Шагла присоединил к решению заявление о своем индивидуальном мнении.

* * *

В отношении *первого предварительного возражения*, касающегося того, что заявление Португалии не имеет силы по той причине, что положение, позволяющее Португалии исключать в любое время из сферы действия заявления любые конкретные категории споров путем всего лишь направления уведомления Генеральному секретарю, Суд заявил, что формулировка положения в обычном смысле просто означала, что уведомление согласно положению должно применяться только к спорам, переданным Суду *после* уведомления. Такое уведомление не должно иметь обратной силы. В этой связи Суд сослался на принцип, который был заложен в деле Ноттебома, сформулированный следующим образом: «Такой внешний фактор, как утрата силы заявления в результате истечения срока действия

или отказа не может лишить Суд юрисдикции». Суд также заявил, что этот принцип применялся как к полному, так и частичному отказу, как предусматривалось в оспариваемом положении заявления Португалии.

Индия признала, что это положение вносит в заявление определенную неясность в отношении взаимных прав и обязанностей, которая лишает признание обязательно юрисдикции Суда всей практической ценности; Суд постановил, что поскольку заявления и вносимые в них в соответствии со статьей 36 Статута изменения должны сдаваться на хранение Генеральному секретарю, то при возбуждении дела в Суде всегда можно определить взаимные обязательства сторон на данный момент в соответствии с их заявлениями. Хотя верно, что в период между датой уведомления Генерального секретаря и получением уведомления участниками Статута может появиться элемент неясности, такая неясность характерна для действия системы Факультативного положения и не затрагивает действительности положения, содержащегося в заявлении Португалии. Что касается какой-либо неясности, вытекающей из права Португалии в любое время использовать положение своего заявления о признании, то Суд отметил, что сложилась ситуация, весьма схожая с той, которая возникла в силу использования права, на которое претендуют многие участники Факультативного положения, включая Индию, на прекращение срока действия заявления о признании путем простого уведомления без извещения. Он напомнил, что Индия уже действовала точно таким образом 7 января 1956 года, уведомив Генерального секретаря об отказе от заявления 28 февраля 1940 года (на которую ссылалась Португалия в своем заявлении) и одновременно заменив ее новым заявлением, содержащим оговорки, не включенные в предыдущее заявление. Таким образом, Индия по сути дела выполнила условия заявления Португалии.

Более того, по мнению Суда, не было отмечено значительного различия в отношении степени неясности между ситуацией, вытекающей из права общей денонсации, и ситуацией, вытекающей из положения заявления Португалии, в которой предусматривалась возможность частичной денонсации. Суд далее счел невозможным признать в качестве соответствующего разграничительного фактора то обстоятельство, что если в случае общей денонсации денонсирующее государство уже не может ссылаться на какие-либо права, предоставленные ему в соответствии с заявлением, то в случае частичной денонсации по условиям заявления Португалии последняя может в других отношениях продолжать пользоваться преимуществами признания. Принцип взаимности позволил другим государствам, включая Индию, выступить против предоставления Португалии всех прав, на которые она могла таким образом претендовать.

Третьей причиной якобы недействительности условия Португалии явилось то, что оно противоречит основному принципу взаимности, заложенному в Факультативном положении, поскольку оно предоставляет Португалии право, которым в дейст-

вительности не обладают другие государства-участники, в заявлениях, которых не содержалось подобного условия. Суд не мог принять это утверждение. Он счел, что если позиция сторон в отношении осуществления их прав каким-то образом затронута неизбежным промежутком времени между получением соответствующего уведомления Генеральным секретарем и его получением другими участниками, то эта задержка в равной степени либо препятствует, либо содействует всем сторонам Факультативного положения.

Суд также отказался признать мнение о том, что положение заявления Португалии не соответствует принципу взаимности, поскольку оно лишает силы ту часть пункта 2 статьи 36, которая касается признания Факультативного положения в отношении государств, принявших «такие же обязательства». Нет необходимости в том, чтобы выражение «такие же обязательства» определялось бы раз и навсегда во время признания на весь период его действия, это выражение означает лишь то, что, когда речь идет о государствах, соблюдающих Факультативное положение, то каждое в отдельности и все вместе государства связаны равными обязательствами, существующими в любой момент взаимной обязательности признания.

Поскольку Суд установил, что положение заявления Португалии не противоречит Статуту, не было необходимости рассматривать в Суде вопрос о том, будет ли, если это положение не имеет силы, его юридическая недействительность влиять на заявление в целом.

*
*
*

Затем Суд рассмотрел *второе возражение*, в основе которого лежало утверждение о том, что ввиду того, что заявление Португалии было направлено до уведомления Генеральным секретарем других государств-участников относительно признания Португалией юрисдикции Суда, то направление этого заявления нарушало принципы равенства и взаимности, на которые Индия имела право в соответствии с Факультативным положением и явно выраженным условием, содержащимся в заявлении. По мнению Суда, следовало рассмотреть два вопроса: во-первых, нарушила ли Португалия условия Статута направлением своего заявления на следующий день после сдачи на хранение заявления о признании; во-вторых, если нет, то нарушила ли таким образом Португалия какое-либо право Индии, предоставленное ей в соответствии со Статутом или ее собственным заявлением.

Индия исходила из того, что до направления своего заявления Португалия должна была выждать достаточный период времени, который позволил бы другим сторонам Факультативного положения получить направленное Генеральным секретарем уведомление о заявлении Португалии.

Суд не мог принять этот довод. Поэтому договорный характер отношений между сторонами и вытекающая из него обязательная юрисдикция Суда, определены «по самому факту и без особого о том

соглашения» самим представлением заявления. Государство, признающее юрисдикцию Суда, должно исходить из того, что против него может быть направлено в Суд заявление нового государства в день передачи этим государством на хранение Генеральному секретарю заявления о признании.

Индия утверждала, что признание юрисдикции Суда вступает в силу только после направления Генеральным секретарем сторонам копии заявления. Суд счел, что для государства-заявителя представляет интерес только факт передачи заявления Генеральному секретарю, а не обязанности Генерального секретаря или способ их осуществления. Суд не усмотрел в Факультативном положении требования относительно необходимости истечения какого-либо периода времени после передачи заявления. Любое подобное требование внесло бы элемент неясности в действие системы Факультативного положения.

Поскольку Индия не указала, какое конкретное право, предоставленное ей по Статуту и заявлению, было ущемлено формой направления заявления, Суд не мог установить, какое именно право было таким образом ущемлено.

Придя к заключению, что заявление направлено в такой форме, которая не противоречила Статуту и не ущемляла какого-либо права Индии, Суд отклонил второе предварительное возражение.

Затем Суд рассмотрел *четвертое предварительное возражение*, которое также касалось формы направления заявления.

Индия утверждала, что, учитывая способ подачи заявления, она не могла воспользоваться на основе взаимности положением заявления Португалии и исключить из юрисдикции Суда спор, который стал предметом заявления. Суд лишь напомнил о своем решении относительно второго возражения, в частности о том, что Статут не предусматривает какого-либо интервала времени между передачей заявления о признании и направлением заявления.

По третьему предварительному возражению, в котором поднимался вопрос об отсутствии дипломатических переговоров до направления заявления. Суд счел, что до направления заявления обмен мнениями между сторонами в основном касался вопроса о доступе к анклавам, что переписка и замечания, представленные Суду, свидетельствуют о неоднократных жалобах Португалии по поводу отказа ей в транзите и что переписка свидетельствует о том, что переговоры зашли в тупик. Если считать, что пункт 2 статьи 36 Статута, затрагивая правовые спо-

ры, действительно требует определения спора путем переговоров, то это условие было, таким образом, выполнено.

* * *

В своем *пятом возражении* Индия сослалась на оговорку в своем заявлении о признании, которая исключает из юрисдикции Суда споры, касающиеся вопросов, подпадающих в соответствии с международным правом под исключительную юрисдикцию правительства Индии, и заявила, что факты и правовые соображения, представленные Суду, не дают возможности сделать вывод о наличии достаточно серьезных оснований для спора и что предмет спора выходит за рамки исключительной внутренней юрисдикции Индии.

Суд указал, что факты, на которых основываются представления Индии, не были признаны Португалией и что прояснение этих фактов и их правовых последствий потребует изучения практики британских, индийских и португальских властей в вопросе права прохода, в частности, определения того, действительно ли эта практика свидетельствует о том, что стороны рассматривают это право как вопрос, который, в соответствии с международным правом, подпадает под исключительную юрисдикцию суверена данной территории. Все эти и подобные им вопросы не могут рассматриваться на этой предварительной стадии, поскольку они связаны с существом дела. Поэтому Суд постановил поддержать пятое возражение по существу дела.

* * *

И наконец, при рассмотрении *шестого возражения*, основанного на оговорке *ratione temporis* в заявлении Индии, которая ограничивает заявление спорами, возникающими после 5 февраля 1930 года, в отношении ситуаций или фактов, возникших после этой даты, Суд счел, что, для того чтобы определить дату возникновения спора, необходимо рассмотреть вопрос о том, является ли на самом деле спор о праве прохода лишь продолжением спора, который возник до 1930 года. Суд, заслушав доводы противоборствующих сторон о характере ранее предоставленного прохода, не смог на данной стадии определить эти два вопроса.

Не было у Суда на данный момент и достаточных свидетельств, которые позволили бы ему изложить свое мнение по вопросу о том, касался ли спор обстоятельств или фактов, имевших место до 1930 года. Поэтому Суд поддержал шестое предварительное возражение по существу дела.

30. ДЕЛО О ПРИМЕНЕНИИ КОНВЕНЦИИ 1902 ГОДА ОБ ОПЕКЕ НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Решение Суда от 28 ноября 1958 года

Спор, касающийся применения Конвенции 1902 года об опеке над несовершеннолетними, между Нидерландами и Швецией касается правомочности меры оградительного воспитания (*skyddsopfostran*), принятой шведскими властями в отношении несовершеннолетней Марии Элизабет Болл, которая является гражданкой Нидерландов и проживает в Швеции. Заявляя, что эта мера противоречит положениям Гаагской конвенции 1902 года об опеке над несовершеннолетними, в соответствии с которой к ребенку применима только страна, гражданином которой он является, Нидерланды, возбуждая судебное разбирательство путем подачи заявления, просили о том, чтобы Суд признал несоответствие меры оградительного воспитания обязательствам Швеции по Конвенции и вынес решение о прекращении применения этой меры.

Двенадцатью голосами против четырех Суд отклонил эту просьбу.

Судья Кожевников и судья Спирупулос присоединили к решению Суда заявления.

Судья Бадави, судья сэр Херш Лаутерпахт, судья Морено Кинтана, судья Веллингтон Ку и судья сэр Перси Спендер, используя свое право по статье 57 Статута, присоединили к решению Суда заявления о своих особых мнениях.

Вице-председатель Зафрулла Хан заявляет, что он соглашается в целом с судьей Веллингтоном Ку.

Судьи Винярский и Кордова и судья *ad hoc* г-н Офферхаус используют право, предоставленное им по статье 57 Статута, и присоединяют к решению Суда заявления о своих индивидуальных мнениях.

С учетом главных и неоспоримых фактов, лежащих в основе дела, в решении говорится, что подданная Нидерландов Мария Элизабет Болл была рождена от брака Иоганна Болла, нидерландца, и Герды Элизабет Линдвалл, которая умерла 5 декабря 1953 года. По заявлению отца шведские власти прежде всего зарегистрировали отца 18 марта 1954 года в качестве опекуна и назначили наставника ребенка в соответствии с Законом Швеции об опеке. Впоследствии 26 апреля 1954 года шведские власти применили к ребенку режим оградительного воспитания согласно статье 22 а) шведского Закона от 6 июня 1924 года об охране детей и молодежи.

2 июня 1954 года амстердамский окружной суд в соответствии с законодательством Нидерландов назначил опекуна над ребенком. Отец и заместитель опекуна подали просьбу о прекращении действия оградительного воспитания, однако просьба была отклонена властями провинции Остерготланд. 5 августа 1954 года суд первой инстанции Дордрехта по заявлению Совета по опеке этого города и при согласии отца освободил последнего от функций опекуна и назначил опекуном женщину, постановив передать ей ребенка. 16 сентября 1954 года суд швед-

ского города Норчёпинг отменил прежнюю регистрацию отца в качестве опекуна и отклонил заявление об отставке наставника из Швеции. В конце концов, 21 февраля 1956 года высший административный суд Швеции вынес окончательное решение о сохранении меры оградительного воспитания.

В решении Международного Суда говорится, что из всех решений, вынесенных в Швеции и в Нидерландах, те, которые касаются организации опекуна, не входят в компетенцию Суда. Спор касается решений шведского суда, которыми была учреждена и сохранена мера оградительного воспитания. Суд призван вынести решение именно по этим вопросам.

По мнению правительства Нидерландов, шведская система оградительного воспитания ребенка препятствует передаче ребенка опекуну, тогда как Конвенция 1902 года предусматривает, что опека над несовершеннолетними осуществляется в соответствии с законодательством страны их гражданства. Исключение, предусмотренное в статье 7, не может применяться, поскольку шведская система оградительного воспитания ребенка не является мерой, разрешенной этой статьей, и поскольку не выполнено условие требуемой чрезвычайности ситуации.

Со своей стороны, правительство Швеции не оспаривает того факта, что система оградительного воспитания временно препятствует осуществлению опеки со стороны опекуна, на что он имеет право по нидерландскому законодательству, однако правительство Швеции считает, что эта мера не является нарушением Конвенции 1902 года прежде всего в силу того, что во время принятия этой меры право на опеку, принадлежащее отцу, являлось атрибутом родительских прав, которые не регулируются Конвенцией 1902 года; положения Конвенции 1902 года нельзя также распространить на опекуна-женщину, к которой перешло это право. Во-вторых, Шведский закон о защите детей распространяется на каждого несовершеннолетнего ребенка, проживающего в Швеции; Конвенция регулирует только законодательные конфликты в отношении опеки; оградительное воспитание, являясь мерой защиты общественного порядка, не является нарушением Конвенции. Договаривающиеся государства сохраняют право ограничивать полномочия иностранного опекуна, как это предусмотрено общественным порядком.

Что касается первого основания, выдвинутого Швецией, то Суд отмечает, что отличие периода, когда отцу было передано опекунство, от периода, когда опекунство было передано третьему лицу, может привести к разграничению первоначального установления режима оградительного воспитания и его сохранения при передаче опеки третьему лицу. Суд считает, что должен рассматривать это разгра-

ничество. Основания для его решения применимы ко всему предмету спора.

При оценке правильности аргументации, согласно которой система оградительного воспитания создает систему опеки, конкурирующую с нидерландской системой опеки, в решении было отмечено, что некоторые из решений шведских властей, касающиеся управления собственностью несовершеннолетнего, принимались на основе признания системы нидерландской опеки.

Решение высшего административного суда от 21 февраля 1956 года заслуживает особого упоминания. Высший административный суд не ставил под сомнение право опекуна возбудить судебное разбирательство; тем самым он признал ее полномочия. Он не придает оградительному воспитанию статус института, в результате чего нидерландская опека была бы полностью поглощена. По причинам, выходящим за рамки разбирательства Суда, он ограничился неприятием просьбы опекуна. Наконец, при таком режиме лицо, которому был доверен ребенок, при действии системы оградительного воспитания лишается полномочий и прав опекуна.

Оградительное воспитание, как об этом свидетельствуют факты по данному делу, нельзя считать системой, конкурирующей с системой опеки, учрежденной в Нидерландах в соответствии с Конвенцией 1902 года.

Отклонив иск опекуна, высший административный суд Швеции, несомненно, ограничился постановлением о сохранении системы оградительного воспитания, но в то же время он создал препятствие осуществлению в полной мере права попечительства со стороны опекуна.

Для того чтобы ответить на вопрос о том, являлось ли это несоблюдением Конвенции 1902 года, которая предусматривает, что «осуществление опеки возлагается на лицо... несовершеннолетнего», Суд счел необязательным устанавливать причины принятия оспариваемых решений. При рассмотрении меры, принятой в соответствии со шведским законом, Суду следовало установить, действительно ли введение и осуществление этой меры является несовместимым с Конвенцией. Для этой цели он должен был определить характер обязательств, налагаемых Конвенцией, и сферу их распространения, а также установить, предусматривалось ли Конвенцией запрещение применения к ребенку, являющемуся подданным другого государства, такого закона, как шведский Закон об охране детей.

Конвенция 1902 года предусматривает применение по отношению к несовершеннолетнему законодательства страны его гражданства, которое она определенно распространяет на личность и на всю собственность несовершеннолетнего, но не идет дальше этого. Ее целью было ликвидировать различные мнения относительно того, следует ли отдавать предпочтение законодательству страны гражданства несовершеннолетнего законодательству страны его пребывания и т.д., не предусматривая, однако, в том числе в области права на опеку, какого-либо иммунитета ребенка или опекуна относительно всей местной законодательной системы. В национальном

и местном законодательстве могут быть общие положения. Из этого, однако, не следует, что в таких случаях страны гражданства законодательство несовершеннолетнего должно быть выше местных законов и что осуществление функций опекуна всегда остается вне компетенции местных законов, касающихся других вопросов, помимо назначения опекуна и определения его полномочий и обязанностей.

Местные законы, касающиеся обязательного образования и санитарного надзора за детьми, профессиональной подготовки или участия молодежи в некоторых видах работы, применимы и к иностранцам. Право опекуна на опеку по законодательству страны гражданства несовершеннолетнего не может отменять применение таких законов к ребенку, являющемуся гражданином другого государства.

В решении отмечается, что шведский Закон по охране детей и молодежи не регулирует вопросы опеки и что он применим в случае нахождения ребенка как под защитой родительских прав, так и под опекой. Предусматривает ли Конвенция 1902 года запрещение применения любого закона по другому вопросу, который бы косвенным образом ограничил, но не отменил право опекуна на попечительство? Суд считает, что принимая такую позицию — значит выходить за рамки цели Конвенции, которая сводится к регулированию коллизии законов. Если целью Конвенции является регулирование применения законов, таких как шведский Закон об охране детей, то этот закон должен применяться в отношении шведских детей, находящихся в других государствах. Однако никто не стремился наделять его подобными экстра-территориальными полномочиями.

В решении признается, что опека и оградительное воспитание ребенка имеют некоторые общие цели. Тем не менее, хотя оградительное воспитание и действует его защите, оно одновременно и прежде всего ставит целью защиту общества от опасностей, возникающих в результате неправильного воспитания, неадекватной санитарии или морального разращения молодежи. Для достижения цели индивидуальной защиты, опека в соответствии с Конвенцией должна регулироваться законодательством страны гражданства ребенка. Для достижения этой цели, цели социальной гарантии, Шведский Закон об охране детей должен распространяться на всех молодых людей, проживающих в Швеции.

Утверждалось, что Конвенция 1902 года должна считаться содержащей подразумеваемую оговорку, позволяющую на основании общественного порядка не применять иностранные законы, обычно признаваемые действующими. Суд не счел необходимым выносить решение по этому вопросу. Он стремился определить в более конкретной форме, содержит ли Конвенция 1902 года, учитывая ее цели, какие-либо положения, которые игнорировались шведским правительством.

Поступая таким образом, Суд установил, что Конвенция 1902 года должна разрешить проблему конфликта положений частного права и что в ней отдается предпочтение законодательству страны гражданства ребенка. Однако при постановке вопроса о

том, какова сфера применения шведского или нидерландского законодательства об охране детей, обнаруживается, что в Швеции предусмотренные меры принимаются административным органом, который может действовать лишь в соответствии с собственным законодательством. То, что шведский или нидерландский суд может сделать в вопросах опеки решение, а именно применить иностранный закон, власти этих стран не могут сделать в случае оградительного воспитания. Применение Конвенции 1902 года к такой ситуации невозможно. Целью Конвенции является урегулирование претензий различных законодательств на регулирование одних и тех же правовых отношений. Этого не наблюдается в отношении законов об охране детей и молодежи. Такой закон не имеет и не может иметь экстра-территориальных притязаний. Широкое толкование Конвенции приведет к негативному решению, если шведское законодательство не будет применяться к нидерландским детям, проживающим в Швеции, поскольку нидерландские законы в этой же области применяться к ним не могут.

Едва ли необходимо, заявляет Суд, дополнительно разъяснить, что принятие решения, которое запретило бы применение шведского закона об охране детей к иностранным детям, проживающим в Швеции, будет означать неправильное представление о социальных целях этого закона. Суд счел, что он не может безоговорочно поддержать любое толкование Конвенции 1902 года, которое препятствовало бы в этом вопросе социальному прогрессу.

Таким образом, Суд считает, что, несмотря на совпадения и нарушения, встречающиеся в практике, Шведский Закон об охране детей не входит в сферу применения Конвенции 1902 года об опеке. Последняя в этой связи не может порождать обязательства государств-участников в области, которая выходит за рамки ее применения. Поэтому Суд в данном случае не усматривает нарушения Конвенции со стороны Швеции.

В силу этого Суд отклоняет иск правительства Нидерландов.

31. ДЕЛО КОМПАНИИ «ИНТЕРХАНДЕЛЬ» (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ)

Решение от 21 марта 1959 года

Дело компании «Интерхандель», затрагивающее Швейцарию и Соединенные Штаты Америки, было 2 октября 1957 года представлено на рассмотрение Суда в заявлении швейцарского правительства, которое касается спора, возникшего по поводу иска Швейцарии о возмещении Соединенными Штатами Америки имущества компании «Интерхандель». В заявлении делается ссылка на пункт 2 статьи 36 Статута Международного Суда и говорится о признании Соединенными Штатами и Швейцарией обязательной юрисдикции Суда. Со своей стороны, правительство Соединенных Штатов представило на рассмотрение Суда предварительные возражения.

Суд, поддерживая одно из этих возражений, счел заявление Швейцарии неприемлемым.

В своем решении Суд излагает факты и обстоятельства, которые привели к возникновению спора.

В 1942 году правительство Соединенных Штатов в соответствии с Законом о торговле с вражескими государствами, использовало почти все акции корпорации «Дженерал анилиин энд филм корпорэйшн» (GAF), зарегистрированной на территории Соединенных Штатов, на основании того, что эти акции в действительности принадлежали компании «И.Г. Фарбен» города Франкфурта, или того, что корпорация GAF тем или иным образом контролировалась компанией вражеского государства. Нет

сомнений, что до 1940 года компания «И.Г. Фарбен» контролировала корпорацию GAF через базельскую компанию «И.Г. Хеми». Однако, по утверждению правительства Швейцарии, связи между компаниями Германии и Швейцарии были окончательно разорваны в 1940 году. Швейцарская компания стала именоваться «Международная компания промышленных и торговых предприятий S.A.» («Интерхандель»), и большая часть ее основных капиталов была вложена в GAF. В 1945 году, в соответствии со временным соглашением между Швейцарией, Соединенными Штатами, Францией и Соединенным Королевством, имущество, находящееся в Швейцарии и принадлежащее немцам, проживающим в Германии, было заморожено. Швейцарскому управлению по вопросам компенсации было поручено провести расследование по выявлению такой собственности. В ходе расследования встал вопрос о характере «Интерханделя», но Швейцарское управление, исходя из того, что был доказан разрыв связей с немецкой компанией, не счел необходимым блокировать эти авуары в Швейцарии. Со своей стороны, правительство Соединенных Штатов, считая, что «Интерхандель» все еще находится под контролем «И.Г. Фарбен», по-прежнему пыталось доказать наличие такого контроля. В этих условиях швейцарские федеральные власти постановили, чтобы Швейцарское управление по компенсации временно заблокировало авуары «Интерханделя».

25 мая 1946 года в Вашингтоне было заключено соглашение между союзническими государствами и

Швейцарией. Швейцария обязалась продолжить расследование и ликвидировать немецкую собственность в Швейцарии. Управление по компенсации было на это уполномочено при содействии Совместной комиссии, в состав которой входили представители каждого из четырех правительств. В случае возникновения разногласий между Совместной комиссией и Управлением по компенсации, или если заинтересованная сторона того пожелает, вопрос может быть передан на рассмотрение швейцарских компетентных органов по надзору. С другой стороны, правительство Соединенных Штатов должно было заморозить швейцарские авуары в Соединенных Штатах (статья IV). Наконец, в случае возникновения разногласий в отношении применения или толкования соглашения, которые не могли быть урегулированы иным образом, предусматривалось обращение в арбитраж.

После заключения Вашингтонского соглашения дискуссии в отношении «Интерхандель» продолжались, а решение так и не было найдено. В своем постановлении от 5 января 1948 года швейцарские компетентные органы по надзору аннулировали замораживание авуаров компании в Швейцарии. В ноте от 4 мая того же года, направленной в государственный департамент, швейцарская дипломатическая миссия в Вашингтоне сослалась на это решение и Вашингтонское соглашение и обратилась к Соединенным Штатам с просьбой вернуть авуары «Интерханделя», которые были размещены в Соединенных Штатах. 26 июля госдепартамент отклонил эту просьбу, заявив, что решение швейцарских компетентных органов по надзору не касалось авуаров, размещенных в Соединенных Штатах. 21 октября корпорация «Интерхандель», ссылаясь на положения Закона о торговле с вражескими государствами, возбудила дело в судах Соединенных Штатов. До 1957 года судебное разбирательство не достигло какого-либо прогресса по существу дела. В швейцарской ноте от 9 августа 1956 года предлагались меры по урегулированию спора с помощью арбитража или примирения, как это предусмотрено в соглашении между Швейцарией и Соединенными Штатами от 1931 года, или же с помощью арбитражного суда, как предусмотрено в Вашингтонском соглашении. Эти предложения были отклонены правительством Соединенных Штатов в ноте от 11 января 1957 года. Более того, в меморандуме, приложенном к этой ноте, утверждалось, что «Интерхандель» окончательно проиграла дело в судах Соединенных Штатов. Только после этого правительство Швейцарии направило в Суд заявление, по которому начато судебное разбирательство.

Суд считает, что предмет иска в целом изложен в двух утверждениях: к Суду обращена просьба вынести решение и признать в качестве *основного довода*, что правительство Соединенных Штатов обязано возместить авуары корпорации «Интерхандель», и, в качестве *альтернативного довода*, что правительство Соединенных Штатов обязано передать спор в арбитражный суд или на примирение.

Суд далее приступил к рассмотрению предварительных возражений Соединенных Штатов.

В *первом возражении* делается попытка доказать, что дело не подпадает под юрисдикцию Суда на основании того, что спор возник до 26 августа 1946 года, то есть до того, как вступило в силу признание Соединенными Штатами обязательной юрисдикции Суда. Заявление Соединенных Штатов касается правовых споров, «возникающих впоследствии», и правительство Соединенных Штатов считает, что спор восходит по крайней мере к середине 1945 года. Изучение документации показывает, что просьба о возвращении корпорации «Интерхандель» авуаров, помещенных в Соединенных Штатах, была впервые сформулирована Швейцарией в ноте швейцарской дипломатической миссии в Вашингтоне от 4 мая 1948 года. Поскольку отрицательный ответ был получен 26 июля 1948 года, то возникновение спора можно датировать этим числом, и первое возражение, касающееся основного довода Швейцарии, должно быть отклонено. В альтернативном доводе причиной спора является обязательство правительства Соединенных Штатов передать дело в арбитраж или на примирение. Эта часть спора могла возникнуть только в связи с вопросом о возмещении авуаров корпорации «Интерхандель» в Соединенных Штатах, поскольку процедура, предложенная Швейцарией, имела целью урегулировать первый спор. На самом деле, правительство Швейцарии выдвинуло это предложение впервые в ноте от 9 августа 1956 года, и правительство Соединенных Штатов отклонило его в ноте от 11 января 1957 года. Первое предварительное возражение в этой связи не может быть поддержано в том, что касается альтернативного довода Швейцарии.

Согласно *второму предварительному возражению* спор, даже если он возник до заявления Соединенных Штатов, начался до 28 июля 1948 года, даты вступления в силу швейцарского заявления. В заявлении Соединенных Штатов содержится положение, ограничивающее юрисдикцию Суда вопросами, «возникающими впоследствии», а в швейцарском заявлении подобной оговорки не содержится. Однако принцип взаимности требует, чтобы для Соединенных Штатов и Швейцарии юрисдикция Суда распространялась только на те споры, которые возникли после 28 июля 1948 года. Суд отмечает, что принцип взаимности в отношении заявлений, признающих обязательную юрисдикцию Суда, позволяет стороне ссылаться на оговорку, которую она не включила в свое собственное заявление, а другая сторона включила. Например, Швейцария могла бы, находясь в позиции ответчика, сослаться на американскую оговорку, используя ее против Соединенных Штатов в силу взаимности в том случае, если Соединенные Штаты попытаются направить в Суд спор, который возник до 26 августа 1946 года. На этом действие взаимности заканчивается. Нельзя ею оправдать государство, в данном случае Соединенные Штаты, если оно опирается на ограничение, которое другая сторона, в частности Швейцария, не включила в свое собственное заявление. Поэтому второе возражение в отношении основного довода Швейцарии должно быть отклонено. Поскольку было установлено, что спор в отношении обязательства Соединенных Штатов прибегнуть к арбит-

ражу или примирению возник только в 1957 году, это возражение в отношении альтернативного довода следует также отклонить.

Суд далее рассматривает *четвертое предварительное возражение* и, прежде всего, часть *b)*, в которой правительство Соединенных Штатов утверждает, что Суд не располагает полномочиями заслушивать или давать определение по любым вопросам, касающимся конфискации и удержания акций, поскольку их конфискации и удержание в соответствии с международным правом являются вопросами, относящимися к юрисдикции Соединенных Штатов. В отношении основного довода швейцарское правительство ссылается на статью IV Вашингтонского соглашения, относительно которой правительство Соединенных Штатов утверждает, что она к данному случаю не имеет никакого отношения. Стороны расходятся в отношении значения условий этой статьи. Суду достаточно отметить, что статья IV может иметь прямое отношение к урегулированию спора и что ее толкование относится к международному праву. С другой стороны, правительство Соединенных Штатов полагает, что в соответствии с международным правом конфискация и удержание собственности вражеского государства в период войны являются предметом внутренней юрисдикции Соединенных Штатов. Однако вопрос в целом заключается в том, являются ли авуары корпорации «Интерхандель» вражеской или нейтральной собственностью, а данный вопрос должен решаться в свете принципов и норм международного права. В своем альтернативном доводе правительство Швейцарии ссылается на Вашингтонское соглашение и на Договор об арбитраже и примирении от 1931 года. Толкование и применение этих положений затрагивает вопросы международного права. В этой связи часть *b)* четвертого возражения следует отклонить.

В части *a)* этого возражения предпринимается попытка доказать, что Суд не имеет на то юрисдикции по той причине, что продажа или перераспределение авуаров были определены Соединенными Штатами согласно пункту *b)* условий, сопровождающих признание ими обязательной юрисдикции Суда, как вопрос, подпадающий в основном под их внутреннюю юрисдикцию. По мнению Суда, часть *a)* четвертого возражения касается только иска швейцарского правительства в отношении возмещения вложенных капиталов и, с учетом решения Суда в отношении третьего возражения, на данной стадии ее рассмотрение является беспредметным.

Третье предварительное возражение направлено на вынесение решения о том, что Суд не располагает юрисдикцией по причине того, что корпорация «Интерхандель» не использовала все местные средства правовой защиты в судах Соединенных Штатов. Хотя оно сформулировано как возражение против юрисдикции Суда, его следует рассматривать как возражение против приемлемости заявления. Более того, возражение станет беспредметным в случае выполнения требования о предварительном исчерпании всех местных средств правовой защиты. Суд указал, при каких обстоятельствах правительство

Швейцарии считает себя вправе возбудить судопроизводство своим заявлением от 2 октября 1957 года. Однако верховный суд Соединенных Штатов после этого вновь включил корпорацию «Интерхандель» в иск и передал дело в окружной суд (постановления от 14 октября 1957 года и 16 июня 1958 года). Корпорация «Интерхандель» вновь может воспользоваться средствами правовой защиты, которые предоставляются в соответствии с Законом о торговле с вражескими государствами, и по ее иску все еще не принято решение. Правительство Швейцарии не оспаривает положения об исчерпании всех местных средств правовой защиты, однако считает, что данный случай является одним из исключений, допускаемых самим правилом. Прежде всего меры против корпорации «Интерхандель» были предприняты не вспомогательным органом, а правительством Соединенных Штатов. Однако Суду следует обратить особое внимание на тот факт, что законы Соединенных Штатов предоставляют заинтересованным лицам адекватные средства защиты их прав от посягательств со стороны исполнительных органов. С другой стороны, в судопроизводстве, основанном на Законе о торговле с вражескими государствами, суды Соединенных Штатов, как утверждает-ся, не могут принимать решения согласно нормам международного права. Однако решения судов Соединенных Штатов свидетельствуют о том, что суды Соединенных Штатов компетентны применять нормы международного права в своих решениях, когда это необходимо. Наконец, поскольку основной довод Швейцарии имеет форму иска о выполнении решения, принятого 5 января 1948 года швейцарскими компетентными органами по надзору, которое правительство Швейцарии рассматривает как международное правовое решение, утверждается, что не существует местных средств правовой защиты, которые могли бы быть исчерпаны, поскольку ущерб нанесен непосредственно государству. Суд ограничивается замечанием относительно того, что данный аргумент не лишает спор, который был передан ему, характера такого спора, в котором правительство Швейцарии, как представляется, взяло на себя дело своего подданного с целью возмещения вложенных капиталов, и что это дело является одним из тех, которые вызывают применение положения об исчерпании местных средств правовой защиты. С учетом всех доводов Суд поддерживает третье предварительное возражение в том, что касается главного довода Швейцарии. Суд считает, кроме того, что проведение любого разграничения относительно исчерпания местных средств правовой защиты между различными исками или между различными судами является необоснованным. Суд в связи с этим поддерживает третье предварительное возражение также и в отношении альтернативного довода.

Следовательно, Суд отклоняет первое предварительное возражение (десятью голосами против

пяти), а также второе (единогласно) и часть *b*) четвертого возражения (четырнадцатью голосами против одного): Суд считает, что нет необходимости выносить решение по части *a*) четвертого предварительного возражения (десятью голосами против пяти), поддерживает третье возражение (девятью голосами против шести) и считает, что заявление не может быть принято к рассмотрению.

Судьи Бадеван и Кожевников и судья *ad hoc* Карри присоединили к решению свои заявления. Судьи Хе-

куорт, Кордова, Веллингтон Ку и сэр Перси Спендер присоединили заявления о своих особых мнениях, а Вице-председатель Зафрулла Хан заявил о своем согласии с судьей Хекуортом.

Председатель Клаестад и судьи Винярский, Арманд-Угон, сэр Херш Лаутерпахт и Спирупулос присоединили к решению заявления о своих индивидуальных мнениях, в то время как судья *ad hoc* Карри заявил о своем согласии с Председателем Клаестадом.

32. ДЕЛО ОБ ИНЦИДЕНТЕ В ВОЗДУШНОМ ПРОСТРАНСТВЕ, ПРОИСШЕДШЕМ 27 ИЮЛЯ 1955 ГОДА (ИЗРАИЛЬ ПРОТИВ БОЛГАРИИ) (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ)

Решение от 26 мая 1959 года

Дело об инциденте в воздушном пространстве, происшедшем 27 мая 1955 года (Израиль против Болгарии), было передано в Суд 16 октября 1957 года заявлением правительства Израиля по поводу спора, возникшего в связи с уничтожением 27 июля 1955 года болгарскими силами противовоздушной обороны самолета компании «El Al Israel Airlines Ltd». В заявлении содержались ссылки на статью 36 Статута Суда и на признание обязательности юрисдикции Суда Израилем, с одной стороны, в его заявлении 1956 года, заменившем заявление 1950 года, и Болгарией в 1921 году, с другой стороны. Болгарское правительство представило предварительные возражения в отношении юрисдикции Суда.

Суд поддержал первое из этих возражений, согласно которому заявление о признании обязательности юрисдикции Постоянной Палаты Международного Правосудия, сделанное Болгарией в 1921 году, не может считаться признанием обязательности юрисдикции Международного Суда. Поэтому он заявил, что не обладает необходимой юрисдикцией для рассмотрения данного дела.

* * *

В своем решении Суд прежде всего рассмотрел первое предварительное возражение Болгарии.

В целях обоснования юрисдикции Суда правительство Израиля сослалось на заявление о признании обязательности юрисдикции, подписанное Болгарией в 1921 году одновременно с Протоколом о подписании Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия, и пункт 5 статьи 36 Статута Международного Суда, который гласит:

«Заявления, сделанные на основании статьи 36 Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия, продолжающие оставаться в силе, считаются, в отношениях между участниками настоящего Статута, признанием ими юрисдикции Международного Суда для себя обязательной на неистекший срок действия этих заявлений и в соответствии с условиями, в них изложенными».

В обоснование применимости указанного положения к заявлению Болгарии 1921 года правительство Израиля указало на тот факт, что Болгария стала участником Статута Международного Суда 14 декабря 1955 года в результате ее принятия в Организацию Объединенных Наций. Болгарское правительство отрицало, что согласно пункту 5 статьи 36 действие ее заявления переходит на юрисдикцию Международного Суда.

Суду необходимо было определить, применим ли пункт 5 статьи 36 к заявлению Болгарии. Очевидность того, что он должен применяться в отношении заявлений государств, которые были представлены на Конференции в Сан-Франциско и подписали Устав и Статут, не вызывает сомнений. Но имелось ли в виду распространить это положение на заявления других государств, включая Болгарию? В тексте статьи об этом ничего прямо не говорится.

Суд отмечает, что в момент принятия Статута имело место существенное различие между положением государств-сигнаториев и положением других государств, которые могли впоследствии быть приняты в Организацию Объединенных Наций. Это различие было связано с ситуацией, которую и был призван урегулировать пункт 5 статьи 36, а именно с переносом на Международный Суд заявлений, касающихся Постоянной Палаты, которая была на грани исчезновения. Вопрос, который легко разрешался в то время между государствами-сигнаториями, мог приобрести совершенно иное звучание в дальнейшем в отношении других государств.

Если для государств, подписавших Статут, пункт 5 статьи 36 означал достаточно простую операцию, то в отношении заявлений государств, не участвовавших в подписании Статута, ситуация была совершенно иной. Для последних подобный перенос неизбежно предполагал две различных операции, которые могли далеко отстоять друг от друга во времени. С одной стороны, прежние заявления должны были быть сохранены в силе, а с другой — должны были быть перенесены на юрисдикцию нового Суда. Помимо этого основного различия в отношении обстоятельств проблемы, возникли и специфические

трудности при ее разрешении применительно к признанию юрисдикции государствами, не участвовавшими в подписании Статута. Применительно к государствам-сигнаториям пункт 5 статьи 36 сохранил прежнее обязательство, лишь видоизменив его предмет. В отношении же государств, не участвовавших в подписании Статута, последний, при отсутствии их согласия, не мог ни сохранить, ни трансформировать их первоначальное обязательство. Роспуск Постоянной Палаты вскоре после вступления Статута в силу освободил их от такого обязательства. Поэтому в отношении этих государств не мог возникнуть вопрос о трансформировании уже существующего обязательства; все, что можно было сделать в их случае — это предусмотреть принятие ими нового обязательства. Распространить действие пункта 5 статьи 36 на эти государства означало бы допустить, что данное положение должно предусматривать в их случае нечто совершенно иное, чем в случае государств, участвовавших в подписании Статута. Конечно, государства, которые были представлены в Сан-Франциско, могли обратиться к другим государствам с предложением рассмотреть свое признание обязательности юрисдикции Постоянной Палаты в качестве признания юрисдикции нового Суда, однако ничего такого в пункте 5 статьи 36 нет.

Ограничить применение настоящего положения государствами, участвовавшими в подписании Статута, означает учесть, с какой целью оно принималось. Во время его принятия учитывались грядущий роспуск Постоянной Палаты и то обстоятельство, что вследствие этого утрачивают силу признания обязательности ее юрисдикции. Вместо того, чтобы ожидать, что государства, подписавшие новый Статут, сделают новые заявления о признании, была предпринята попытка урегулировать переходную ситуацию с помощью переходного положения. Совершенно иная ситуация возникает в том случае, если государство становится участником Статута нового Суда в условиях, когда старой Палаты и, соответственно, признания обязательности ее юрисдикции давно нет. Насколько можно судить по протоколам Конференции в Сан-Франциско в отношении сферы применения пункта 5 статьи 36, данный пункт предназначался только для заявлений государств-сигнаториев, а не для государств, которые находятся в таком положении, как Болгария.

Тем не менее, правительство Израиля истолковало пункт 5 статьи 36 как распространяющийся и на заявления государств, не участвовавших в Конференции в Сан-Франциско и ставших участниками Статута Международного Суда значительно позднее.

Суд, рассмотрев данный вопрос и под этим углом зрения, считает, что пункт 5 статьи 36 никоим образом не мог распространяться на Болгарию до момента ее принятия в Организацию Объединенных

Наций, то есть до 14 декабря 1955 года. К этому времени, однако, заявление 1921 года уже утратило силу вследствие роспуска Постоянной Палаты в 1946 году. Содержащееся в этом заявлении признание обязательности юрисдикции Постоянной Палаты оказалось, таким образом, без объекта, на который оно было направлено. В пункте же 5 статьи 36 нет ничего такого, что указывало бы на намерение сохранить в силе все заявления, которые действовали в момент подписания или вступления в силу Устава, независимо от того, когда сделавшее их государство стало участником Статута. Данный пункт предусматривает в отношении государств, на которые он распространяется, возникновение обязательной юрисдикции нового Суда. Это оговаривается в нем двумя условиями: 1) государство, сделавшее такое заявление, должно быть участником Статута; 2) заявление этого государства должно оставаться в силе. Поскольку заявление Болгарии утратило силу до ее принятия в Организацию Объединенных Наций, нельзя сказать, что в момент ее принятия это заявление еще оставалось в силе. Таким образом, второе условие в данном случае не соблюдено.

Поэтому Суд считает, что пункт 5 статьи 36 не применим к заявлению Болгарии 1921 года. Это мнение подтверждается тем, что очевидной целью пункта 5 статьи 36 было сохранение в силе существующих признаний, а не восстановление в силе обязательств, срок которых истек. С другой стороны, добиваясь и добившись принятия в Организацию Объединенных Наций, Болгария признала все положения Статута, включая статью 36. Однако признание Болгарией пункта 5 статьи 36 не означает ее согласия на обязательную юрисдикцию Суда; такое согласие может быть дано только в соответствии с пунктом 2 статьи 36.

Поэтому пункт 5 статьи 36 не дает Суду оснований считать, что заявление Болгарии 1921 года служит обоснованием его правомочности рассматривать данное дело. В данных обстоятельствах Суду нет необходимости рассматривать другие предварительные возражения Болгарии.

* * *

Ввиду вышесказанного Суд двенадцатью голосами против четырех постановляет, что он не правомочен рассматривать спор, переданный ему по заявлению правительства Израиля.

Вице-председатель Зафрулла Хан сопроводил решение Суда заявлением. Судьи Бадави и Арман-Угон сопроводили решение Суда заявлениями с изложением своих особых мнений. Судьи сэр Херш Лаутерпахт, Веллингтон Ку и сэр Перси Спендер приложили к решению заявление с изложением своего совместного особого мнения. Судья *ad hoc* Гойтейн сопроводил решение Суда заявлением с изложением своего индивидуального мнения.

33. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ СУВЕРЕНИТЕТА НАД НЕКОТОРЫМИ ПРИГРАНИЧНЫМИ ЗЕМЛЯМИ

Решение от 20 июня 1959 года

Дело, касающееся суверенитета над некоторыми приграничными землями, было передано в Суд Бельгией и Нидерландами в соответствии со специальным соглашением, заключенным между двумя правительствами 7 марта 1957 года.

Согласно этому соглашению, стороны просили Суд определить, кому принадлежит суверенитет над участками земли, которые фигурировали в материалах обследований и были известны в период с 1836 года по 1943 год под номерами 91 и 92, раздел А, Зондерейген: Королевству Бельгия или Королевству Нидерландов. Десятью голосами против четырех Суд решил, что суверенитет над этими участками принадлежит Бельгии.

Сэр Херш Лаутерпахт сопроводил это решение заявлением с изложением причин того, почему он голосовал за решение, по которому суверенитет над участками, являющимися предметом спора, принадлежит Нидерландам. Судья Спиропулос также сопроводил это решение заявлением, в котором указал, что, выбирая между двумя гипотезами, ведущими к противоположным результатам, он счел более предпочтительной гипотезу, показавшуюся ему менее умозрительной, а именно гипотезу Нидерландов. Судьи Арманд-Угон и Морено Кинтана, воспользовавшись правом, предоставленным им статьей 57 Статута, сопроводили решение Суда заявлениями с изложением своих индивидуальных мнений.

* * *

В своем решении Суд отмечает, что в районе к северу от бельгийского города Тюрнхаут имеется ряд анклавов, образуемых бельгийской коммуной Баерле-Дюк и нидерландской коммуной Баарле-Нассау. Территория первой состоит из ряда участков, многие из которых окружены землями коммуны Баарле-Нассау. Различные части коммуны Баерле-Дюк изолированы не только от основной территории Бельгии, но и друг от друга.

В результате попыток определить границу между двумя коммунами, а также между двумя странами в 1836-1841 годах властями обеих коммун был составлен документ, известный как «Межобщинный протокол». Копия этого протокола была представлена Суду Нидерландами. В ней в разделе, озаглавленном «Раздел А, Зондерейген», говорится:

«Участки под номерами 78-111 включительно принадлежат коммуне Баарле-Нассау».

Кроме того, после отделения Нидерландов от Бельгии в 1839 году была создана Смешанная пограничная комиссия для определения границ владений двух государств. В статье 14 Договора о границе, заключенного между ними в 1842 году и вступившего в силу в 1843 году, говорится, что:

«Статус-кво сохраняется как в отношении деревень Баарле-Нассау (Нидерланды) и Баерле-Дюк (Бельгия), так и в отношении пересекающих их дорог».

Результатом работы Смешанной пограничной комиссии стал текст Пограничной конвенции от 8 августа 1843 года, которая была ратифицирована 3 октября 1843 года. В статье 90 протокола с описанием границы, прилагаемого к этой Конвенции, излагается процедура, которая использовалась при определении границы в районе коммун Баарле-Нассау и Баерле-Дюк, и говорится, что члены Пограничной комиссии решили в данной статье дословно воспроизвести Межобщинный протокол 1841 года «с описанием участков, образующих коммуны Баерле-Дюк и Баарле-Нассау».

Однако в той части протокола с описанием границы 1843 года, которая воспроизводит текст Межобщинного протокола 1841 года, говорится следующее:

«Участки под номерами 78-90 включительно принадлежат коммуне Баарле-Нассау.

Участки под номерами 91 и 92 принадлежат коммуне Баерле-Дюк.

Участки под номерами 93-111 включительно принадлежат коммуне Баарле-Нассау».

Кроме того, на специальной карте, прилагаемой у Пограничной конвенции, спорные участки показаны как принадлежащие Бельгии.

Бельгийское правительство, утверждая, что участки под номерами 91 и 92 были признаны как принадлежащие коммуне Баерле-Дюк и что суверенитет над ними принадлежит Бельгии, исходит из положений Межобщинного протокола, как они воспроизведены в документе с описанием границы.

Правительство Нидерландов со своей стороны утверждает, что Конвенция 1843 года всего лишь признала существование статус-кво, не определив его, и что этот статус-кво должен определяться в соответствии с Межобщинным протоколом, согласно которому суверенитет над спорными участками был признан за Нидерландами.

Правительство Нидерландов утверждает также, что, даже если в Пограничной конвенции и была предпринята попытка определить суверенитет, положение, касающееся спорных участков, в ней было искажено по ошибке. Чтобы убедиться в этом, по его мнению, достаточно просто сравнить положения Межобщинного протокола и положения протокола с описанием границы.

Кроме того, правительство Нидерландов полагает, что, даже если будет признано, что Пограничная конвенция определяет суверенитет в отношении спорных участков и в нее вкралась ошибка, суверенные действия, осуществлявшиеся им на практике в

отношении этих участков после 1843 года, делают недействительными права, вытекающие из Конвенции, и закрепляют суверенитет за Нидерландами.

В своем решении Суд последовательно рассматривает все эти три утверждения.

* * *

Чтобы ответить на первый вопрос, определяет ли Конвенция 1843 года суверенитет над указанными участками или же она ограничивается ссылкой на статус-кво, Суд изучил работу Пограничной комиссии, отраженную в ее официальных документах. Из этих документов видно, что с 4 сентября 1841 года работа по делимитации проводилась на основе сохранения статус-кво и что на своем заседании 4 апреля 1843 года Смешанная пограничная комиссия приняла текст статьи, предусматривающий, как об этом говорится в протоколе с описанием границы, дословное воспроизведение Межобщинного протокола. Тем самым Смешанная комиссия отнесла спорные участки к владениям Бельгии.

По мнению Суда, правомочность Смешанной пограничной комиссии определять границу между двумя коммунарами не вызывает сомнений. Это вытекает из статьи 6 Договора между Нидерландами и Бельгией, заключенного в Лондоне 19 апреля 1839 года, в которой говорится:

«Указанные пределы определяются в соответствии с этими статьями бельгийскими и голландскими членами Комиссии по демаркации, которые должны провести свое совещание как можно скорее...»,

что подтверждается также в преамбуле Пограничной конвенции 1843 года.

Поэтому любое толкование Пограничной конвенции как оставляющей нерешенным вопрос о том, кому из государств принадлежат права на спорные участки, и ограничивающей ссылкой на статус-кво без его определения не соответствует общему намерению сторон.

Что касается первого утверждения, то Суд считает, что Конвенция в действительности определяет, какие участки каждой из коммун принадлежат тому или другому государству, и что согласно ее положениям спорные участки принадлежат Бельгии.

* * *

Что касается второго утверждения — о том, что в Конвенцию закралась ошибка, — то Суд в своем решении отмечает, что это утверждение может быть сформулировано следующим образом: в протоколе с описанием границы 1843 года указывается, что Межобщинный протокол 1841 года, определяющий участки, образующие коммуны Баерле-Дюк и Баарле-Нассау, должен быть воспроизведен в тексте статьи 90 протокола с описанием границы «дословно». Однако сравнение копии Межобщинного про-

токола, представленной Нидерландами, с протоколом, содержащим описание границы, показывает, что первый не был воспроизведен «дословно», поскольку в протоколе с описанием границы участка под номерами 91 и 92 отнесены к владениям Бельгии, в то время как согласно этой копии Межобщинного протокола они считаются принадлежащими Баарле-Нассау.

Суд считает, что простое сравнение этих двух документов не дает оснований говорить о наличии ошибки. Чтобы утверждать это, Нидерландам необходимо доказать, что Смешанная пограничная комиссия намеревалась включить в протокол с описанием границы, прилагаемый к Конвенции 1843 года и являющийся ее неотъемлемой частью, именно тот текст Межобщинного протокола, который содержится в копии, представленной Нидерландами.

Суд напоминает, что в обязанности Смешанной комиссии входило в основном определение статус-кво.

На основании изучения представленных документов, касающихся работы Смешанной пограничной комиссии и связанной с этим переписки, Суд заключает, что копии Межобщинного протокола, имевшиеся у нидерландской и бельгийской комиссии, не совпадают в части отнесения спорных участков к той или другой общине. Он считает, что гипотеза, выдвинутая Нидерландами с целью разъяснить, почему, по ее мнению, в протоколе с описанием границы была использована копия Межобщинного протокола, имевшаяся у нидерландской комиссии, не позволяет с определенностью утверждать о наличии ошибки.

В ответ на утверждение Нидерландов, что нет необходимости искать причины ошибки, поскольку простое сравнение двух документов с достаточной убедительностью доказывает ее наличие, Суд заявляет, что этого слишком мало, чтобы считать вопрос закрытым, и что он должен установить намерения сторон, вытекающие из положений договора, с учетом всех обстоятельств. У него есть основания считать, что в апреле 1843 года обе комиссии имели копии Межобщинного протокола 1841 года. Различия между этими копиями в части принадлежности участков под номерами 91 и 92 были известны обеим комиссиям и, по-видимому, стали предметом обсуждения между ними. На подробной карте, составленной для включения в Пограничную конвенцию, четко показано, и это бросается в глаза, что спорные участки принадлежат Бельгии. Кроме того, полномочия Комиссии не ограничивались простым снятием копий. В ее обязанности входило определение того, что следует считать статус-кво. На своем 225-м заседании она приняла решение о том, что суверенитет над спорными участками принадлежит Бельгии. Это решение и нашло отражение в Пограничной конвенции.

По мнению Суда, помимо простого сопоставления текста Протокола с описанием границы с копией Межобщинного протокола, представленной Нидерландами, все попытки доказать и разъяснить якобы имевшую место ошибку основываются на гипотезах, которые не представляются правдоподобными и

надлежащим образом не подтверждены. Суд отмечает, что он удовлетворен тем, что вопрос об ошибке не поднимался отдельно и что поэтому юридическая сила и обязательность положений Конвенции 1843 года в отношении спорных участков не ставятся на этом основании под сомнение.

*
*
*

Последнее утверждение Нидерландов касалось того, что осуществление Нидерландами суверенных действий в отношении этих участков после 1843 года закрепило суверенитет за Нидерландами. Суд поэтому должен ответить на вопрос, утратила ли Бельгия свой суверенитет в результате неподтверждения своих прав и молчаливого согласия с суверенными действиями, которые, как утверждается, неоднократно осуществлялись Нидерландами после 1843 года.

Суд располагает информацией о различных действиях со стороны Бельгии, которые показывают, что Бельгия никогда не отказывалась от своего суверенитета. К таким действиям относятся публикация военно-штабных карт, включение спорных участков в данные обследований, записи в отчетах управления по проведению обследований в Баерле-Дюк об актах передачи прав собственности в 1896 и 1904 годах. С другой стороны, Нидерланды ссылаются на записи в архивах коммуны Баарле-Нассау о различных актах передачи прав собственности на землю, касающихся данных участков, и записи рождений, смертей и браков в реестре этой коммуны. В июле 1914 года в ответ на официальный запрос Бельгии директор управления по проведению обследований в Антверпене информировал бельгийского министра финансов о том, что он считает необходимым переадресовать запрос бельгийскому министерству иностранных дел. Однако этому помешала первая мировая война. В августе 1921 года бельгийский посланник в Гааге привлек внимание нидерландского правительства к тому факту, что два спорных участка, принадлежащие коммуне Баерле-Дюк, фигурируют в материалах обследований обоих государств. Только в 1922 году нидерландские власти

впервые заявили, что Межобщинный протокол 1841 года был неточно воспроизведен в протоколе с описанием границы 1843 года и что участки 91 и 92 принадлежат Нидерландам. Помимо фактов включения этих участков в сферу охвата проводившихся в Нидерландах обследований, записей в ее регистрационных книгах о передаче прав собственности на землю и регистрации рождений, смертей и браков в реестре общины Баарле-Нассау, Нидерланды ссылаются также на то, что они собирали земельный налог с этих двух участков без какого-либо сопротивления или протестов со стороны Бельгии. Кроме того, Нидерланды ссылаются на судебное дело, возбужденное коммунной Баерле-Дюк в суде Бреда в 1851 году и на различные другие действия, которые, как утверждается, подтверждают осуществление Нидерландами суверенитета над этими участками без какого-либо противодействия со стороны Бельгии.

Суд находит, что действия, на которые ссылаются Нидерланды, носят преимущественно текущий административный характер и являются следствием включения Нидерландами спорных участков в сферу охвата своих обследований вопреки Пограничной конвенции. Они не дают достаточных оснований считать суверенитет Бельгии, установленный Конвенцией, утратившим силу.

Суд отмечает также, что в нератифицированной конвенции между двумя государствами, подписанной в 1892 году, Бельгия согласилась передать Нидерландам эти два спорных участка. Эта нератифицированная конвенция, конечно, не порождает каких-либо юридических прав или обязательств, однако ее положения свидетельствуют о том, что на тот момент Бельгия подтвердила свой суверенитет над этими участками и что Нидерланды знали об этом. Ни в 1892 году, ни в дальнейшем до возникновения спора между двумя государствами в 1922 году Нидерланды не возражали против утверждения Бельгией своего суверенитета. Суд считает, что установленный в 1843 году суверенитет Бельгии над спорными участками не утратил своей силы.

По этой причине Суд пришел к заключению, о котором говорилось выше.

34. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ ПРАВА ПРОХОДА ЧЕРЕЗ ТЕРРИТОРИЮ ИНДИИ (СУЩЕСТВО ДЕЛА)

Решение от 12 апреля 1960 года

Дело, касающееся права прохода через территорию Индии (Португалия против Индии), было передано на рассмотрение Суда на основании заявления, принятого к производству 22 декабря 1955 года. В этом заявлении правительство Португалии заявило, что ее территория в Индостане включала два окруженных индийской территорией анклава: Дадра и Нагар-Авели. Вопрос о праве прохода Португалии через территорию Индии и вытекающем из него для Индии обязательстве и возник в отношении со-

общения между этими двумя анклавами и прибрежным районом Даман и между самими анклавами. В заявлении указывалось, что в июле 1954 года правительство Индии воспрепятствовало осуществлению Португалией этого права прохода и что в результате этого Португалия не смогла осуществить свое право суверенитета над анклавами.

После заявления Суду было представлено шесть предварительных возражений правительства Ин-

дии. В решении от 26 ноября 1957 года Суд отклонил первые четыре возражения и приобщил пятое и шестое возражения к существу дела.

В своем решении Суд:

a) отклонил пятое предварительное возражение 13 голосами против 2;

b) отклонил шестое предварительное возражение 11 голосами против 4;

c) признал 11 голосами против 4, что Португалия в 1954 году обладала в отношении частных лиц, гражданских чиновников и товаров в целом правом прохода через индийскую территорию, лежащую между анклавами Дадра и Нагар-Авели и прибрежным районом Даман, и между этими анклавами, в той степени, в какой это необходимо для осуществления Португалией суверенитета над анклавами, с разрешения Индии и под ее контролем;

d) признал 8 голосами против 7, что в 1954 году Португалия не обладала таким правом прохода применительно к вооруженным силам, вооруженной полиции, оружию и военному снаряжению;

e) признал 9 голосами против 6, что Индия своими действиями не нарушала своего обязательства, вытекающего из права прохода Португалии в отношении частных лиц, гражданских чиновников и товаров в целом.

Председатель и судьи Бадеван, Бадави, Кожевников и Спиропулос приложили к тексту решения Суда свои заявления. Судья Веллингтон Ку приложил к нему особое мнение. Судьи Винярский и Бадави приложили совместное индивидуальное мнение. Судьи Арман-Угон, Морено Кинтана и сэр Перси Спендер и судьи *ad hoc* Шагла и Фернандес приложили индивидуальные мнения.

* * *

В своем решении Суд сослался на представления Португалии, которая прежде всего просила Суд вынести решение и объявить, что Португалия обладает правом прохода и что Индия должна его соблюдать; на это право Португалия ссылаясь только в той степени, в какой это необходимо для осуществления ее суверенитета над анклавами, и она не утверждала, что право прохода сопровождается какими-либо иммунитетам, ясно заявив, что проход по-прежнему осуществляется с разрешения Индии и под ее контролем, при этом Индия должна проявлять добрую волю и обязана не препятствовать транзиту, необходимому для осуществления португальского суверенитета. Затем Суд рассмотрел вопрос о том, с какого времени можно с уверенностью утверждать, что упомянутое право существовало или не существовало. Вопрос существования права прохода был поставлен перед Судом в связи со спором, который возник в отношении тех препятствий, которые Индия ставила на пути прохода, и поэтому исходным периодом, начиная с которого можно с уверенностью заявлять о существовании права прохода, следует выбрать период, непосредственно предшествующий созданию этих препятствий; выбор этого периода

позволит Индии выдвинуть свои аргументы в отношении последующего прекращения действия права прохода.

Португалия затем просила Суд вынести решение и объявить, что Индия не выполнила своих обязательств, вытекающих из права прохода. Однако Суд указал, что ни в заявлении, ни в окончательных представлениях сторон его не просили выносить решение о том, представляет ли позиция Индии по отношению к организаторам свержения португальского правления в Дадра и Нагар-Авели в июле и августе 1954 года нарушение лежащего на ней в соответствии с общим международным правом обязательства принимать необходимые меры для предотвращения проникновения подрывных элементов на территорию другого государства.

Далее Португалия в своих представлениях просила Суд на будущее вынести решение о том, что Индия должна прекратить все меры, которыми она препятствует осуществлению права прохода, или, если Суд сочтет необходимым временно приостановить действие права, заявить, что это право должно быть восстановлено сразу же после того, как ход событий покажет, что основания для такой приостановки потеряли силу. Португалия ранее просила Суд объявить, что доводы Индии относительно ее права на нейтралитет, применения положений Устава Организации Объединенных Наций и существования в анклавах местного правительства не имеют под собой оснований. Однако Суд счел, что в его судебные функции не входит объявление в постановляющей части решения тех или иных доводов обоснованными или необоснованными.

* * *

Прежде чем переходить к рассмотрению дела по существу, Суд должен был убедиться в том, что он обладает соответствующей юрисдикцией, а наличие такой юрисдикции четко оспаривала Индия.

В своем пятом предварительном возражении правительство Индии сослалось на оговорку, сделанную ею в заявлении от 28 февраля 1940 года о признании юрисдикции Суда, в соответствии с которой из юрисдикции Суда исключаются споры по тем вопросам, которые по международному праву входят исключительно в юрисдикцию Индии. Суд указал, что в ходе разбирательства обе стороны занимали свои позиции, исходя из тех соображений, которые вписываются в международное право, и ясно заявили об этом. Поэтому пятое возражение не может быть принято.

Шестое предварительное возражение также связано с ограничением, содержащимся в заявлении от 28 февраля 1940 года. Индия, которая согласилась на юрисдикцию Суда в том, что касается «всех споров, возникших после 5 февраля 1930 года, в отношении ситуаций или обстоятельств, появившихся после этой даты», утверждала, что данный спор не удовлетворяет ни одного из этих двух условий. Что касается первого условия, то Суд указал, что спор не мог возникнуть, пока не появились все составляющие

его элементы; к ним относятся те препятствия, которые Индия, как утверждается, ставила на пути осуществления Португалией в 1954 году права прохода; даже если рассмотрению подлежала бы только эта часть спора, связанного с правом прохода, на которое претендует Португалия, то следует отметить, что некоторые инциденты имели место еще до 1954 года, но они не послужили причиной для предъявления сторонами друг другу четко определенных юридических претензий; поэтому нет оснований утверждать, что данный спор возник до 1954 года. Что же касается второго условия, то в 1938 году Постоянная Палата Международного Правосудия провела разграничение между ситуациями и обстоятельствами, служащими источником возникновения прав, на которые претендует одна из сторон, и теми ситуациями и обстоятельствами, которые являются причиной возникновения спора. Только последние должны учитываться для целей применения заявления. Спор, вынесенный на рассмотрение Суда, — это спор, касающийся положения анклавов, что явилось причиной требования Португалией права прохода, и, в то же время, — спор, связанный с имевшими место в 1954 году обстоятельствами, которые Португалия квалифицирует как нарушение этого права; из всего этого и возник спор, и комплекс всех этих обстоятельств, какое бы из них ни появилось раньше, сформировался только после 5 февраля 1930 года. Суд не получал просьбы делать какие-либо выводы в отношении предшествующего этой дате периода; поэтому он счел, что шестое возражение не может быть принято и, соответственно, он обладает юрисдикцией.

*
* * *

По существу дела Индия утверждала прежде всего, что право прохода, на которое претендует Португалия, является слишком неопределенным и противоречивым, чтобы Суд мог вынести по нему решение, применяя правила, перечисленные в статье 38 (I) Статута. Не вызывает сомнения то, что ежедневное осуществление права может породить сложные проблемы применения, однако это, по мнению Суда, не является достаточным основанием, чтобы утверждать, что право не поддается судебному определению.

Португалия ссылаясь на положения Пунского договора 1779 года и указы правителя Маратхского государства за 1783 и 1785 годы как передающие Португалии суверенитет над анклавами с правом прохода к ним; Индия возражала, утверждая, что вступление так называемого Договора 1779 года в силу не было действительным, и он никогда по закону не приобретал обязательную для маратхов силу. Однако Суд признал, что маратхи никогда не ставили под сомнение действительность или обязательность Договора. Индия далее утверждала, что этот Договор и два указа предусматривали передачу Португалии не суверенитета над указанными деревнями, а только части доходов этих деревень. Изучив различные тексты Договора 1779 года, Суд не смог прийти к выводу о том, что используемые в нем фор-

мулировки предполагают передачу суверенитета; с другой стороны, выражения, используемые в обоих указах, предусматривают, что Португалии передается только пожалование в фискальных целях, называемое джагир или саранджам, и, как заметил Суд, нигде не упоминается, что такое пожалование равнозначно уступке суверенитета. Поэтому не может быть и речи о каком-либо анклаве или праве прохода для осуществления суверенитета над анклавами.

Суд установил, что ситуация претерпела определенные изменения после того, как суверенитет над этой частью страны перешел от маратхов к англичанам. Португальский суверенитет над этими деревнями был признан англичанами фактически и косвенно, а впоследствии молчаливо признан и Индией. В результате эти деревни стали португальскими анклавами на территории Индии, и между португальцами и территориальным сувереном в отношении прохода к анклавам сложилась та практика, на которую Португалия ссылаясь для целей установления права прохода, на который она претендовала. В порядке возражения Индия заявила, что местный обычай не может быть установлен только между двумя государствами, однако Суд не видел причин, по которым местный обычай вследствие длительной практики может быть установлен только между более чем двумя государствами.

Обе стороны были согласны с тем, что во время британского правления и в последующий период на проход частных лиц и гражданских чиновников не распространялись никакие ограничения, помимо рутинного контроля. Товары, кроме оружия и военного снаряжения, также пользовались правом беспрепятственного транзита, но иногда к ним применялись таможенные правила и такие правила и меры контроля, которые диктовались соображениями безопасности или интересами налогообложения. Поэтому Суд пришел к выводу, что в отношении частных лиц, гражданских чиновников и товаров в целом постоянно существовала единообразная практика, разрешающая свободный проход между Даманом и анклавами; с учетом всех обстоятельств дела было установлено, что такая практика была признана сторонами в качестве закона и что она породила соответствующее право и вытекающее из него обязательство.

Что касается вооруженных сил, вооруженной полиции, оружия и военного снаряжения, то положение было иное.

Представляется, что во время британского правления и в последующий период проход португальских вооруженных сил и вооруженной полиции между Даманом и анклавами не был правомерным и что после 1878 года мог быть возможным только с предварительного разрешения англичан, а впоследствии — Индии, и такое разрешение выдавалось либо на основе уже существовавшего взаимного соглашения, либо на индивидуальной основе; утверждалось, что разрешение выдавалось во всех случаях, однако нет никаких письменных свидетельств того, что англичане или индийцы были обязаны выдавать такое разрешение.

В договоре от 16 декабря 1878 года между Великобританией и Португалией было закреплено, что вооруженные силы двух правительств не должны вступать на территорию индийских доминионов друг друга, кроме как в особых случаях или по официальной просьбе одной из сторон. Последующая переписка показала, что это положение применялось и к проходу между Даманом и анклавами: от имени Португалии утверждалось, что ее вооруженные силы двадцать три раза без получения разрешения пересекали британскую территорию между Даманом и анклавами. Однако в 1890 году правительство Бомбея пожаловалось на то, что вооруженные люди, находящиеся на службе португальского правительства, как правило пересекают часть британской территории на участке Даман — Нагар-Авели без официального ходатайства, что, как представляется, является нарушением Договора; 22 декабря генерал-губернатор португальских колоний в Индии в ответ на это указал: «Португальские войска никогда не пересекают британскую территорию без предварительного разрешения», а генеральный секретарь правительства португальских колоний в Индии 1 мая 1891 года заявил: «Данным правительством будут отданы приказы о строжайшем соблюдении... Договора». Требование о подаче официального запроса до осуществления прохода вооруженных сил было еще раз закреплено в соглашении 1913 года. Что касается вооруженной полиции, то Договор 1878 года и соглашение 1913 года регулировали проход на основе взаимности, а соглашением 1920 года предусматривалось, что вооруженные полицейские чины ниже определенного ранга не могут вступить на территорию другой стороны без предварительного разрешения; наконец, соглашением 1940 года о проходе португальской вооруженной полиции по дороге Даман — Нагар-Авели предусматривалось, что если группа полицейских не превышает десяти человек, то сообщать британским властям об их проходе следует в течение двадцати четырех часов, но что в других случаях «необходимо следовать сложившейся практике и предварительно уведомлять британские власти на предмет получения их согласия».

Что же касается оружия и военного снаряжения, то Договором 1878 года и правилами, принятыми в рамках Индийского акта об оружии 1878 года, запрещался ввоз оружия, военного снаряжения или имущества из португальских колоний в Индии и их экспорт в португальские колонии в Индии без специальной лицензии. Сложившаяся впоследствии практика показала, что это положение применялось и к транзиту между Даманом и анклавами.

Сделанный Судом вывод о том, что установившаяся между сторонами практика требовала получения разрешения британских или индийских властей на проход вооруженных сил, вооруженной полиции, оружия или военного снаряжения, снял необходимость определения того, могла ли Португалия — в отсутствие фактически преваляровавшей практики — сослаться, претендуя на право прохода в отношении этих категорий, на общий международный обычай или общие принципы права, признанные цивилизованными странами, которые также приводила Португалия в подтверждение своего иска. Суд занимался рассмотрением конкретного дела, имеющего свои особенности: исторически это дело относится к тому периоду времени и к тому региону, в котором отношения между соседними государствами регулировались не четко сформулированными правилами, а главным образом практикой: установив ту четко сложившуюся между государствами практику, которая была принята сторонами как регулирующая отношения между ними, Суд должен признать ее как имеющую окончательную силу. Поэтому Суд пришел к мнению, что в отношении вооруженных сил, вооруженной полиции, оружия и военного снаряжения у Португалии не было права прохода с вытекающим из него для Индии обязательством.

Установив, что в 1954 году Португалия обладала правом прохода в отношении частных лиц, гражданских чиновников и товаров в целом, Суд в конечном итоге приступил к рассмотрению вопроса о том, предпринимались ли Индией действия, противоречащие ее обязательству, вытекающему из права прохода Португалии в отношении любой из этих категорий. Португалия не заявляла, что Индия нарушала это обязательство до июля 1954 года, однако она пожаловалась на то, что впоследствии в проходе было отказано португальским гражданам европейского происхождения, жителям португальских колоний Индии, находящимся на службе португальского правительства, и одной делегации, которую губернатор Дамана в июле 1954 года предложил направить в Нагар-Авели и Дадра. Суд признал, что события, имевшие место в Дадра 21 и 22 июля 1954 года и приведшие к свержению португальского правления в этом анклаве, создали напряженность в окружающем его индийском районе; что касается этой напряженности, то Суд счел, что отказ Индии в предоставлении прохода являлся частью имевшихся у нее полномочий в отношении регулирования и контроля права прохода Португалии.

По этим соображениям Суд пришел к указанным выше выводам.

35. УЧРЕЖДЕНИЕ МОРСКОГО КОМИТЕТА ПО БЕЗОПАСНОСТИ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОНСУЛЬТАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО МОРСКОМУ СУДОХОДСТВУ

Консультативное заключение от 8 июня 1960 года

В резолюции от 19 января 1959 года, текст которой был представлен Суду и зарегистрирован в Регистре 25 марта 1959 года, Ассамблея Межправительственной консультативной организации по морскому судоходству (ИМКО) постановила просить Суд вынести консультативное заключение по следующему вопросу:

«Составлен ли избранный 15 января 1959 года Морской комитет по безопасности Межправительственной консультативной организации по морскому судоходству в соответствии с Конвенцией о создании Организации?»

Девятью голосами против пяти Суд дал на этот вопрос отрицательный ответ. Председатель и судья Морено Кинтана приложили к тексту заключения свои индивидуальные мнения. В своем заключении Суд сначала напомнил об обстоятельствах дела.

Конвенцией, упомянутой в просьбе о вынесении консультативного заключения, была учреждена организация, известная как Межправительственная консультативная организация по морскому судоходству, которая состоит из Ассамблеи, Совета и Морского комитета по безопасности. Комитет отвечает за рассмотрение всех вопросов, входящих в сферу компетенции Организации и непосредственно касающихся безопасности морского судоходства. Его состав и порядок назначения его членов регулируются положениями статьи 28 а) Конвенции, которая гласит следующее:

«Морской комитет по безопасности состоит из четырнадцати членов, которые избираются Ассамблеей из числа правительств государств — членов, которые имеют значительный интерес в вопросах безопасности морского судоходства и из которых не менее восьми обладают наиболее значительным флотом, а остальные члены избираются таким образом, чтобы было обеспечено надлежащее представительство других государств — членов, правительства которых имеют значительный интерес в вопросах безопасности морского судоходства, таких как страны, заинтересованные в предоставлении услуг многочисленных экипажей или в массовой перевозке пассажиров по спальным местам и дополнительных пассажиров, а также основных географических районов».

Когда Ассамблея приступила к рассмотрению вопроса о выборах членов Комитета, ей был представлен рабочий документ, в котором были указаны названия государств-членов в убывающем порядке с учетом общего зарегистрированного тоннажа их флота. В этом списке третьей стояла Либерия, а восьмой — Панама. Однако Ассамблея, отбирая те восемь членов, которые должны обладать наиболее значительным флотом, не выбрала ни Либерию, ни

Панаму. Проведенные прения выявили существенные разногласия в отношении толкования статьи 28 а), и поэтому вопрос о том, был ли Комитет учрежден в соответствии с положениями этой статьи, был, по предложению Либерии, передан в Суд.

Затем Суд рассмотрел то, какой ответ следует дать на этот вопрос.

В Суде утверждалось, что Ассамблея вправе была отказать Либерии и Панаме в избрании по следующим причинам: Ассамблея, как заявлялось, наделена дискреционными полномочиями в плане определения того, какие члены Организации имеют значительный интерес в вопросах безопасности морского судоходства; выбирая восемь стран, обладающих наиболее крупным морским флотом, она вправе исключить тех, кто, по ее мнению, не имеет значительного интереса в вопросах безопасности морского судоходства; в ее дискреционные полномочия входило также и определение тех стран, которые обладают крупнейшим флотом.

Суд отметил, что он пытался в выражении «выбранные», которое относится ко всем членам Комитета, обнаружить концепцию выбора, но он пришел к мнению, что это утверждение ставит конкретное положение статьи 28 а) относительно восьми стран, обладающих крупнейшим флотом, в подчиненное положение. Основной принцип этой статьи состоит в том, что эти страны должны составлять в Комитете большинство. Каковы ни были эти страны, они подлежат назначению в Комитет в обязательном порядке: наличие у них значительного интереса в вопросах морской безопасности признается как аксиома. Этот принцип подтверждают прения, состоявшиеся в ходе выработки проекта этой статьи в 1946 году в Объединенном морском консультативном совете и в 1948 году на Морской конференции Организации Объединенных Наций.

Затем Суд изучил значение слов «страны, обладающие наиболее значительным флотом». Если статью 28 а) толковать как дающую Ассамблее право выбирать эти страны без проверки каким-либо объективным критерием, то структура статьи, призванная обеспечить большинство таких стран в Комитете, может не сработать. Очевидно, что должен применяться какой-либо критерий. Страны с крупнейшим флотом выбираются по тоннажу этого флота. Возникает только один вопрос: что имеется в статье 28 а) в виду под тем, что суда должны находиться в собственности этих стран или принадлежать им? Либерия и Панама заявили, что единственным критерием служил зарегистрированный тоннаж, однако некоторые другие государства утверждали, что правильное толкование статьи требует, чтобы суда принадлежали гражданам того государства, под чьим флагом они плавают. Сопоставление текстов

статей 60 и 28 а) Конвенции о создании ИМКО и изучение практики Ассамблеи по выполнению положений статей 17 с) и 41 этой Конвенции убедили Суд в том, что при выработке проекта статьи 28 а) вряд ли имелся ввиду еще какой-либо критерий, помимо зарегистрированного тоннажа. К тому же этот критерий является практичным, надежным и легко поддающимся применению; именно этот критерий наиболее согласуется с международной практикой, практикой морского судоходства и другими международными морскими конвенциями. Суд пришел к выводу, что странами, обладающими наиболее значительным флотом, являются те страны, чей флот

имеет наиболее крупный зарегистрированный тоннаж.

В заключение Суд отметил, что его толкование статьи 28 а) соответствует общей цели Конвенции и особым функциям Морского комитета по безопасности. Суд не мог бы согласиться с тем толкованием, которое позволяло бы Ассамблее отказывать в членстве в Комитете какому-либо государству, не взирая на то, что по зарегистрированному тоннажу флота оно входит в первую восьмерку стран. Таким образом, Ассамблея, не избрав ни Либерию, ни Панаму, которые входили в эту восьмерку, нарушила положения статьи 28 а) Конвенции.

36. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ АРБИТРАЖНОГО РЕШЕНИЯ, ВЫНЕСЕННОГО КОРОЛЕМ ИСПАНИИ 23 ДЕКАБРЯ 1906 ГОДА

Решение от 18 ноября 1960 года

Разбирательство по делу, касающемуся арбитражного решения короля Испании от 23 декабря 1906 года о делимитации пограничной линии между Гондурасом и Никарагуа, было возбуждено Гондурасом против Никарагуа на основании заявления, принятого к производству 1 июля 1958 года. Гондурас просил Суд вынести решение и объявить, что Никарагуа обязана выполнять это арбитражное решение; Никарагуа просила Суд вынести решение и объявить, что решение короля Испании не является обязательным и в любом случае не может быть исполнено. Четырнадцать голосами против одного Суд признал, что это арбитражное решение является действительным и обязательным к исполнению и что Никарагуа обязана его выполнять.

Судья Морено Кинтана приложил к тексту решения свое заявление; судья сэръ Перси Спендер приложил к нему особое мнение, а судья *ad hoc* г-н Уррутия Олгуин — индивидуальное мнение.

* * *

В своем решении Суд признал, что Гондурас и Никарагуа 7 октября 1894 года заключили договор, именуемый Договором Гамеса-Бонильи, на основании которого Смешанной пограничной комиссии было поручено осуществить демаркацию раздельной линии между двумя странами (статья I), следуя при этом определенным правилам (статья II). Вопросы, не разрешенные Комиссией, должны были быть переданы в арбитражный суд, состоящий из одного представителя от каждой из двух стран и одного члена аккредитованного к Гватемале дипломатического корпуса, избранного первыми двумя членами (статья III). Если дипломатический представитель отказывается от назначения, проводятся повторные выборы; при исчерпании возможных кандидатов от дипломатического корпуса может быть выбран общественный деятель иностранного государства или государства Центральной Америки,

а если и это невозможно, спорные вопросы должны быть переданы на рассмотрение правительства Испании, или, в противном случае, правительству любой страны Южной Америки (статья V). Принятое арбитражное решение должно было считаться ничем иным, как имеющим обязательную и постоянную силу договором, не подлежащим обжалованию (статья VII). Наконец, Договор подлежал ратификации в конституционном порядке (статья VIII) и должен был оставаться в силе в течение десяти лет (статья XI).

Смешанной комиссии удалось провести границу от тихоокеанского побережья до Портильо-де-Теотекасинте, но в отношении границы от этой точки до атлантического побережья она смогла зарегистрировать только свои разногласия (1900-1901 годы). Что касается последнего участка границы, то король Испании 23 декабря 1906 года вынес арбитражное решение, в постановляющей части которого в качестве общего пограничного пункта на атлантическом побережье было выбрано устье основного рукава реки Сеговия или Коко между Хара и островом Сан-Пио, где расположено Кабо-Грасьяс-а-Дьос; от этой отметки граница должна была следовать по тальвегу Сеговии или Коко вверх по течению до ее слияния с рекой Потека или Бodega, далее по тальвегу этой реки до ее пересечения с Гинео или Намасли и заканчиваться в Портильо-де-Теотекасинте, при этом местечко с таким же названием оставалось в юрисдикции Никарагуа.

Министр иностранных дел Никарагуа в ноте от 19 марта 1912 года поставил под сомнение действительность и обязательность этого арбитражного решения. Это явилось причиной возникновения между сторонами спора. После неудавшихся попыток разрешить спор путем прямых переговоров или с помощью услуг посредника урегулированием этого спора стала заниматься Организация американских государств, а затем Гондурас и Никарагуа в соответствии с соглашением, достигнутым в Вашингтоне

21 июля 1957 года, договорились передать этот спор в Суд.

Гондурас утверждал, что есть основание считать арбитражное решение обязательным к исполнению, поскольку налицо имеются все признаки того, что оно было принято надлежащим образом и вынесено после того, как стороны имели все возможности обратиться к арбитру; он утверждал, что оспаривать это основание должна Никарагуа, представив для этого доказательство его недействительности. Никарагуа заявила, что поскольку Гондурас ссылается на это решение, он и должен доказать, что лицо, вынесшее это решение, было наделено полномочиями арбитра, и она утверждала, что король Испании не имел таких полномочий.

Никарагуа прежде всего утверждала, что при назначении короля Испании в качестве арбитра не были соблюдены требования статей III и V Договора Гамеса-Бонильи. Письменные свидетельства говорят о том, что двумя национальными арбитрами в качестве третьего члена арбитражного суда был назначен поверенный в делах Мексики в Центральной Америке (1899 год), а затем посланник Мексики в Центральной Америке (1902 год), но они поочередно покинули Гватемалу. Потом, 2 октября 1904 года, эти два национальных арбитра встретились с посланником Испании в Центральной Америке, которого они назначили «председателем совещания, которое должно было быть проведено до арбитража», и «по общему согласию и после того, как требования статей III и IV Договора Гамеса-Бонильи были соблюдены» арбитром был назначен король Испании. Суд сделал вывод, что требования Договора Гамеса-Бонильи в их толковании двумя национальными арбитрами были выполнены. Впоследствии президенты Гондураса и Никарагуа выразили свое удовлетворение в связи с назначением короля Испании (6 и 7 октября 1904 года), последний же сообщил о своем согласии обеим странам 17 октября 1904 года, и министр иностранных дел Никарагуа выразил государственному министру Испании свою признательность в ноте от 21 декабря 1904 года. В этих обстоятельствах Суд не мог считать, что назначение короля Испании арбитром было недействительным.

Во-вторых, Никарагуа заявила, что Договор Гамеса-Бонильи прекратил свое действие до того, как король Испании дал свое согласие на роль арбитра (17 октября 1904 года); она утверждала, что Договор вступил в силу в момент его подписания (7 октября 1894 года) и что согласно статье XI срок его действия истек 7 октября 1904 года. В ответ Гондурас заметил, что Договор не вступал в силу до обмена ратификационными грамотами (24 декабря 1896 года) и что он, соответственно, истек 24 декабря 1906 года. В Договоре нет четкого положения насчет даты его вступления в силу, но, учитывая имеющиеся в нем положения об обмене ратификационными грамотами, Суд пришел к мнению, что намерение сторон заключалось в том, что он должен был вступить в силу в момент обмена ратификационными гра-

мотами. Как признал Суд, трудно поверить, чтобы стороны толковали положения Договора таким образом, что он должен был прекратить свое действие через пять дней после достижения договоренности о назначении арбитром короля Испании (2 октября 1904 года). Если это не так, то, принимая во внимание предложение, сделанное посланником Испании в Центральной Америке 21 и 24 октября 1904 года, о возможности продления срока действия Договора, оба правительства либо незамедлительно предприняли бы меры к возобновлению или продлению его действия, либо прекратили бы все дальнейшие шаги по арбитражу. Поэтому Суд пришел к выводу, что согласие короля с его назначением арбитром было сделано, когда Договор был в силе.

Наконец, Суд пришел к мнению, что поскольку с назначением короля Испании Никарагуа согласилась безоговорочно, поскольку она не имела возражений против его юрисдикции ни на основании каких-либо нарушений при его назначении, ни на основании истечения срока действия Договора, и поскольку в процедуре арбитража Никарагуа принимала всестороннее участие, она более не может ссылаться на эти два утверждения в качестве основания для признания арбитражного решения недействительным.

Никарагуа настаивала на том, что даже в этих обстоятельствах решение является недействительным, а Гондурас в ответ заявил, что, как показали поведение и позиция Никарагуа, она согласилась с арбитражным решением как обязательным для нее и что вследствие такого согласия и в результате того, что в течение многих лет она не выдвигала никаких возражений против него, у Никарагуа нет никаких оснований поднимать вопрос о действительности решения.

Суд напомнил прежде всего, что 25 декабря 1906 года президент Никарагуа направил президенту Гондураса телеграмму, в которой поздравил его с одержанной победой и отметил, что затянувшийся вопрос о делимитации границы был разрешен удовлетворительным образом. Никарагуа настаивала на том, что ее президент не был в курсе фактических условий решения, однако Суд указал, что посланник Никарагуа в Мадриде 24 декабря 1906 года сообщил ему в телеграмме о той линии, по которой должна проходить граница. В любом случае Никарагуа должна была в достаточно скором времени получить полный текст арбитражного решения, поскольку это решение было опубликовано в ее официальной газете 28 января 1907 года. Даже после этого отношение Никарагуа к арбитражному решению по-прежнему заключалось в его признании, которое сопровождалось желанием получить разъяснение по некоторым пунктам, которые облегчили бы выполнение этого решения (обращение президента Никарагуа к Национальной законодательной ассамблее от 1 декабря 1907 года, доклад министра иностранных дел Национальной законодательной ассамблее от 26 декабря 1907 года, декрет Национальной зако-

нодательной ассамблеи от 14 января 1908 года и т. д.). Король Испании в действительности же не получал никакой просьбы о разъяснении, и только 19 марта 1912 года министр иностранных дел Никарагуа впервые заявил, что арбитражное решение не является «ясным, в полной мере действительным, эффективным и обязательным решением».

Согласно решению Суда, Никарагуа своим ясным заявлением и соблюдением положений статьи VII Договора Гамеса-Бонильи признала арбитражное решение как обязательное, и у Никарагуа больше нет оснований возвращаться к вопросу о признании. Этот вывод подтверждается тем, что в течение нескольких лет после того, как текст решения стал известен Никарагуа, Никарагуа не поднимала никаких вопросов о действительности этого решения. Однако, даже если бы не было неоднократных актов признания и даже если бы ее жалобы были представлены в надлежащее время, арбитражное решение все равно следовало признавать как обязательное к исполнению. Первая жалоба Никарагуа касалась превышения королем Испании его полномочий в плане несоблюдения правил, изложенных в статье II Договора Гамеса-Бонильи, однако Суд, внимательно рассмотрев утверждения Никарагуа, не смог прийти к выводу, что арбитр превысил возложенные на него полномочия. Никарагуа утверждала также, что решение является недействительным по при-

чине допущенной грубой ошибки, однако Суд признал, что оценка документов и других свидетельств входит в дискреционные полномочия арбитра и не подлежит оспариванию. Последнее приведенное основание для признания недействительности решения касалось предполагаемого отсутствия или недостаточности доводов в поддержку сделанных арбитром выводов, но, по мнению Суда, это утверждение было необоснованно.

Далее Никарагуа утверждала, что арбитражное решение в любом случае не поддается исполнению по причине содержащихся в нем опущений, противоречий и неясностей; Никарагуа заявила, что устье реки не является постоянной точкой и не может служить общей границей между двумя государствами и что это затронуло бы жизненно важные вопросы судоходства; затем она утверждала, что в постановляющей части решения при делимитации границы опущен участок в несколько километров от места пересечения реки Потека или Бodega с Гинео или Намасли до Портильо-де-Теотекасинте. Поскольку в постановляющей части решения указано четкое направление и дается к нему вспомогательное пояснение, Суд не считал, что решение не поддается исполнению.

По этим соображениям Суд и пришел к указанному выше выводу.

37. ДЕЛО О ХРАМЕ ПРЕАХ-ВИХЕАР (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ)

Решение от 26 мая 1961 года

Рассмотрение дела о храме Преах-Вихеар (предварительные возражения) по спору между Камбоджей и Таиландом о территориальном суверенитете в отношении храма Преах-Вихеар было проведено по заявлению правительства Камбоджи от 30 сентября 1959 года. Правительство Таиланда выдвинуло два предварительных возражения относительно юрисдикции.

Суд единогласно решил, что он обладает юрисдикцией. Вице-председатель Альфаро, судьи Веллингтон Ку, сэр Джеральд Фицморис и Танака приложили к данному решению свои заявления, а судьи сэр Перси Спендер и Морелли приложили к нему свои особые мнения.

* * *

В своем решении Суд отметил, что, поднимая вопрос о юрисдикции Суда, Камбоджа исходила прежде всего из совокупности двух факторов — ее собственного признания обязательной юрисдикции Суда и заявления, сделанного Таиландом 20 мая 1950 года и сформулированного следующим образом:

«Имею честь сообщить Вам, что своим заявлением от 20 сентября 1929 года правительство Его Величества признает обязательную юрисдикцию

Постоянной Палаты Международного Правосудия в соответствии с пунктом 2 статьи 36 Статута на период сроком в десять лет и на взаимобязывающих условиях. Это заявление было возобновлено 3 мая 1940 года и распространилось на следующий десятилетний период.

В соответствии с положениями пункта 4 статьи 36 Статута Международного Суда теперь я имею честь сообщить Вам, что настоящим правительство Его Величества возобновляет вышеупомянутое заявление на следующий период сроком в десять лет, начиная с 3 мая 1950 года, с теми же ограничениями и на тех же условиях и с теми же оговорками, какие были указаны в первом заявлении от 20 сентября 1929 года».

Свое первое предварительное возражение Таиланд обосновал тем, что это заявление не представляет собой имеющего юридическую силу признания им обязательной юрисдикции Суда. Таиланд ни в коей мере не отрицал своего намерения признать обязательную юрисдикцию, однако, в соответствии с его аргументацией, декларация была сформулирована таким образом, что утратила свою юридическую силу, что выяснилось в связи с решением Суда от 26 мая 1959 года по делу «Воздушный инцидент 27 июля 1955 года (Израиль против Болгарии)».

Пункт 5 статьи 36 Статута Суда предусматривает, что:

«Заявления, сделанные на основании статьи 36 Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия, продолжающие оставаться в силе, считаются, в отношениях между участниками настоящего Статута, признанием ими юрисдикции Международного Суда для себя обязательной на истекший срок действия этих заявлений и в соответствии с условиями, в них изложенными».

Суд решил, что данное положение применимо только по отношению к первоначальным участникам Статута и что поскольку Болгария не была участником Статута до 14 декабря 1955 года, то ее заявление о признании обязательной юрисдикции Постоянной Палаты должно считаться утратившим свою силу с 19 апреля 1946 года, когда Постоянная Палата прекратила свое существование. В настоящем деле Таиланд исходит из того, что его положение аналогично положению Болгарии, поскольку он стал участником Статута только 16 декабря 1946 года, то есть спустя примерно восемь месяцев после упразднения Постоянной Палаты. Его заявление о признании обязательной юрисдикции Постоянной Палаты, соответственно, не должно было быть трансформировано в признание юрисдикции ныне существующего Суда, и единственным фактическим результатом его действий стало априори недействительное возобновление признания обязательной юрисдикции судебного органа, который более не существует.

Суд не считает, что его решение от 1959 года имеет те последствия, о которых заявляет Таиланд. Помимо того факта, что данное решение не имеет обязательной силы ни для кого, кроме участвующих в деле сторон, Суд придерживается того мнения, что Таиланд своим заявлением от 20 мая 1950 года поставил себя в иное положение, нежели то, в котором была Болгария. К этому моменту таиландское заявление 1940 года не только не было трансформировано в признание обязательной юрисдикции настоящего Суда, но, в действительности, оно, в соответствии со своими же условиями, потеряло силу за две недели до этого (6 мая 1950 года). Заявление от 20 мая 1950 года, то есть новый и независимый документ, поэтому не было сделано в соответствии с пунктом 5 статьи 36 Статута, юридическое действие которой, со всех точек зрения, было полностью исчерпано в том, что касается Таиланда.

В ходе рассмотрения дела возникла дискуссия относительно того, может ли быть возобновлено действие утратившего силу документа, однако по мнению Суда действительная проблема состоит в оценке

юридической силы заявления 1950 года. Было отмечено также, что в 1950 году Таиланд придерживался ошибочной точки зрения и по этой причине использовал в своем заявлении формулировки, которые, как показало решение от 1959 года, не подходили для достижения его цели, однако Суд не считает, что в настоящем деле проблема состоит в том, что допущена ошибка. Утверждалось также, что не подтвержденного действием намерения недостаточного для возникновения имеющего силу правового соглашения, однако Суд посчитал, что, когда речь идет о признании обязательной юрисдикции, требуется соблюсти единственную формальность — передать его на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, и это было выполнено Таиландом в соответствии с пунктом 4 статьи 36 Статута.

Единственный уместный вопрос, поэтому, состоит в том, отражают ли формулировки, использованные Таиландом в заявлении 1950 года, явное намерение, в смысле пункта 2 статьи 36 Статута, признать обязательность юрисдикции Суда. Если бы Суд использовал свои обычные принципы толкования, то заявление не могло бы означать ничего иного, кроме признания обязательного характера юрисдикции настоящего Суда, поскольку не было никакого иного судебного органа, к которому это могло бы относиться. Таиланд, который обладал всей информацией о том, что предшествующий настоящему Суду судебный орган уже не существует, обратился к Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций в соответствии с пунктом 4 статьи 36 Статута; кроме признания обязательной юрисдикции настоящего Суда в соответствии с пунктом 2 этой статьи других целей, действительно, не ставилось. Остальная часть заявления должна рассматриваться в свете этого кардинального факта и в общем контексте заявления; ссылки на заявления 1929 и 1940 годов должны рассматриваться лишь как подходящий способ для того, чтобы указать, не перечисляя их, каковы были условия такого признания.

Исходя из этого, Суд решил, что не может оставаться никаких сомнений в том, какими должны быть толкование смысла и правовой силы заявления 1950 года, и отверг первое предварительное возражение Таиланда.

Затем Суд определил, что данного решения достаточно для установления юрисдикции Суда и что отпала необходимость в рассмотрении второго аргумента, приведенного Камбоджей для обоснования юрисдикции (некоторые положения договора по поводу правового решения споров такого рода, о котором идет речь в настоящем деле), и возражений Таиланда против этого аргумента.

38. ДЕЛО О ХРАМЕ ПРЕАХ-ВИХЕАР (СУЩЕСТВО СПОРА)

Решение от 15 июня 1962 года

Рассмотрение дела о храме Преах-Вихеар по спору между Камбоджей и Таиландом было проведено 6 октября 1959 года по заявлению правительства Камбоджи; правительство Таиланда выдвинуло два предварительных возражения, и Суд в своем решении от 26 мая 1961 года признал себя компетентным решать данный спор.

В своем решении по существу спора Суд девятью голосами против трех определил, что храм Преах-Вихеар расположен на территории, находящейся под суверенитетом Камбоджи и, соответственно с этим, Таиланд обязан вывести любые военные и полицейские силы, а также другие охраняемые силы, размещенные им в районе указанного храма или поблизости от него на камбоджийской территории.

Семью голосами против пяти Суд определил, что Таиланд обязан возратить Камбодже все скульптуры, обелиски, части монументов, копии из песчаника и старинную керамику, которые с момента оккупации храма Таиландом в 1954 году могли быть вывезены из храма или примыкающей к нему территории тайскими властями.

Судья Танака и судья Морелли сделали в отношении решения совместное заявление. Вице-председатель Альфаро и судья сэр Джеральд Фитцморис присоединили к решению свои особые мнения; судьи Морено Квинтана, Веллингтон Ку и сэр Перси Спендер приложили индивидуальные мнения.

* * *

В своем решении Суд установил, что предметом спора являлся суверенитет над районом храма Преах-Вихеар. Это древнее святилище, частично разрушенное, расположено на выступе Дангрекской горной гряды, по которой проходила граница между Камбоджей и Таиландом. Данный спор имеет свой исторический фон и происхождение, определяющиеся соглашениями о границе, заключенными в период 1904-1908 годов между Францией, осуществлявшей в то время внешние сношения Индокитая, и Сиамом. В частности, речь идет о применении договора от 13 февраля 1904 года. Этот договор установил общее направление границы, точная делимитация которой была осуществлена смешанной франко-сиамской комиссией.

В восточном секторе Дангрекской гряды, где расположен храм Преах-Вихеар, граница должна была проходить по линии водораздела. С целью делимитации этого участка границы стороны на встрече, состоявшейся 2 декабря 1906 года, согласились о том, что смешанная комиссия совершит поездку вдоль Дангрекской гряды, сделает всю необходимую реконструкцию и что инспектирующий чиновник французской части комиссии обследует всю восточную часть этой горной цепи. Не подвергался сомнению тот факт, что председатели французской и си-

амской частей смешанной комиссии должным образом осуществили обследование, в ходе которого они посетили храм Преах-Вихеар. В январе-феврале 1907 г. председатель французской части комиссии сообщил своему правительству об окончательном установлении линии границы. Из этого следует со всей очевидностью, что граница была обследована и зафиксирована, хотя и не существует какой-либо записи данного решения и в протоколах заседаний комиссии после 2 декабря 1906 года нет упоминаний о Дангрекском районе. Более того, в то время, когда комиссия могла бы собраться с целью закончить свою работу, внимание было сосредоточено на заключении очередного франко-сиамского договора о границе — договора от 23 марта 1907 года.

Финальной стадией делимитации стала подготовка карт. Сиамское правительство, не располагавшее необходимыми техническими средствами, обратилось с просьбой о том, чтобы карту пограничного района подготовили французские чиновники. Подготовка карт была завершена осенью 1907 года. Карты, составленные группой французских чиновников, некоторые из которых являлись членами смешанной комиссии, в 1908 году были переданы сиамскому правительству. На одной из них, посвященной Дангрекской гряде, Преах-Вихеар был показан на территории Камбоджи. Именно эта карта (обозначенная как приложение I к памятной записке) является главным аргументом, используемым Камбоджей в обоснование своей претензии на суверенитет над храмом. Таиланд, со своей стороны, утверждает, что поскольку данная карта не является результатом работы смешанной комиссии, то она не носит обязывающего характера; что показанная на ней граница не является действительной линией водораздела и что действительная линия водораздела проходит таким образом, что храм оказывается на территории Таиланда; что с этой картой Таиланд никогда не был согласен или, в ином случае, если он и соглашался с ней, то только потому, что ошибочно полагал, будто граница на этой карте соответствует линии водораздела.

Карта, приведенная в приложении I, никогда не была официально одобрена смешанной комиссией, которая прекратила свое существование за несколько месяцев до изготовления этой карты. Хотя и нет оснований усомниться в том, что она основана на работе инспектировавших чиновников в Дангрекском секторе, Суд, тем не менее, пришел к заключению, что она с самого начала не носила обязывающего характера. Однако из протоколов видно, что карты были посланы сиамскому правительству с целью представить результат работы по делимитации; поскольку ни тогда, ни в течение многих последующих лет со стороны сиамских властей не было никакой реакции, то можно считать, что они с этими картами согласились. Более того, карты были посланы сиамским членам смешанной комиссии,

ничего не заявившим по этому поводу, сиамскому министру внутренних дел, принцу Дамронгу, выразившему за это благодарность французскому посланнику в Бангкоке, а также губернаторам сиамских провинций, некоторые из которых знали о Преах-Вихеар. Если же сиамские власти согласились с картой, приведенной в приложении I, без выяснения каких-либо вопросов, то они не вправе теперь заявлять о своей ошибке как об основании для признания своего согласия недействительным.

Правительство Сиам и впоследствии правительство Таиланда не поднимали вопроса о карте, приведенной в приложении I, до начала своих переговоров с Камбоджей в Бангкоке в 1958 году. И хотя проведенное в 1934-1935 годах обследование установило различие между границей на карте и действительной линией водораздела, и хотя были подготовлены другие карты, которые показывали храм на таиландской территории, Таиланд тем не менее продолжал использовать и публиковать карты, показывающие, что храм Преах-Вихеар находится на территории Камбоджи. Более того, в ходе переговоров по подготовке заключенных в 1925 и 1937 годах франко-сиамских договоров, подтвердивших существующие границы, и в 1947 году в Вашингтоне на заседании франко-сиамской согласительной комиссии было бы естественным для Таиланда поднять данный вопрос, однако он этого не сделал. Естественный вывод из этого состоит в том, что Таиланд согласился с границей в районе Преах-Вихеар так, как она проведена на карте, независимо от ее соответствия линии водораздела. Таиланд заявлял, что во все времена он фактически владел Преах-Вихеаром, поэтому у него не было необходимости поднимать этот вопрос; он действительно приводил акты своих административных властей на местном уровне как свидетельство того, что никогда не признавал в отношении Преах-Вихеара линию границы,

указанную в приложении I. Суд, однако, пришел к выводу, что трудно рассматривать подобные местные акты как отрицание последовательной позиции центральных властей. Более того, когда в 1930 году принц Дамронг посетил храм, он был официально принят французским резидентом прилегающей камбоджийской провинции и реакции Сиам на этот факт не последовало.

Основываясь на этих фактах, Суд пришел к выводу, что Таиланд признавал карту, приведенную в приложении I. Даже если и были в этой связи какие-то сомнения, это не дает Таиланду права теперь утверждать, что он не признавал ее, поскольку Франция и Камбоджа были уверены в подобном признании с его стороны и что он пользовался в течение пятидесяти лет подобной привилегией, предоставленной по договору 1904 года. К тому же признание карты, приведенной в приложении I, было причиной его участия в урегулировании договора; в то время стороны согласились с интерпретацией этого урегулирования, по которому граница, обозначенная на карте, имеет приоритет над положениями этого договора и, поскольку не было причин считать, что стороны придают линии водораздела как таковой какое-то особое значение по сравнению с приоритетной значимостью окончательного урегулирования вопроса о границах, Суд считает, что и сейчас следует дать такую же интерпретацию.

Исходя из этого, Суд считает себя обязанным высказаться в пользу границы, обозначенной на карте, приведенной в приложении I, в отношении спорной территории и не считает необходимым рассматривать вопрос о действительном соответствии этой границы линии водораздела.

По данным причинам Суд поддерживает заявление Камбоджи относительно суверенитета над Преах-Вихеаром.

39. ОПРЕДЕЛЕННЫЕ РАСХОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ (ПУНКТ 2 СТАТЬИ 17 УСТАВА)

Консультативное заключение от 20 июля 1962 года

Вопрос об определенных расходах Организации Объединенных Наций (пункт 2 статьи 17 Устава) был передан в Суд для вынесения консультативного заключения в соответствии с резолюцией, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 20 декабря 1961 года.

Девятью голосами против пяти Суд заявил, что расходы, которые утверждены в определенных резолюциях Генеральной Ассамблеи, перечисленных в просьбе о вынесении заключения, относительно операций Организации Объединенных Наций в Конго и на Ближнем Востоке, предпринятых во исполнение резолюций Совета Безопасности, и резолюций Генеральной Ассамблеи, также перечисленных в просьбе, являются «расходами Организации» по

смыслу пункта 2 статьи 17 Устава Организации Объединенных Наций.

Судьи сэр Перси Спендер, сэр Джеральд Фицморис и Морелли приложили к заключению Суда заявления о своих особых мнениях. Председатель Виньярский и судьи Бадеван, Морено Кинтана, Корецкий и Бустаменте-и-Риверо приложили к заключению Суда заявления о своих индивидуальных мнениях.

Председатель Суда во исполнение пункта 2 статьи 66 Статута, сочтя, что государства — члены Ор-

ганизации Объединенных Наций, видимо, могли представить сведения по данному вопросу, установил 20 февраля 1962 года в качестве даты, до которой Суд готов был принять от них письменные заявления. Следующие члены Организации Объединенных Наций представили заявления, замечания или письма с изложением своих мнений: Австралия, Белорусская Советская Социалистическая Республика, Болгария, Верхняя Вольта, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Нидерланды, Португалия, Румыния, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки, Союз Советских Социалистических Республик, Украинская Советская Социалистическая Республика, Франция, Чехословакия, Южная Африка и Япония. В ходе слушаний, состоявшихся 14-21 мая, Суд заслушал устные заявления представителей Канады, Нидерландов, Италии, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Норвегии, Австралии, Ирландии, Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки.

В своем заключении Суд прежде всего напомнил о выдвигаемом доводе в пользу того, что Суд должен отказаться давать заключение, поскольку переданный на его рассмотрение вопрос носит политический характер, и постановил, что он не может считать политической по характеру просьбу, в которой ему предлагается выполнить по существу судебную задачу, а именно осуществить толкование положения договора. В этой связи Суд сослался на принципы, ранее изложенные в консультативном заключении Постоянной Палаты Международного Правосудия относительно *Статуса Восточной Карелии* и в консультативных заключениях настоящего Суда относительно *Толкования мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией (первый этап)* и *Решений Административного трибунала МОТ, касающихся жалоб в отношении ЮНЕСКО*, и пришел к выводу об отсутствии «причин, вынуждающих» его отказаться давать консультативное заключение, с просьбой о котором к нему обратилась Генеральная Ассамблея.

Затем Суд рассмотрел мнение о необходимости принимать во внимание факт отклонения поправки Франции к просьбе о консультативном заключении. В поправке предлагалось Суду дать заключение по вопросу о том, было ли решение о расходах, связанных с указанными операциями, «принято в соответствии с положениями Устава».

По данному аспекту Суд отметил, что отклонение поправки Франции не является указанием для Суда снять с рассмотрения вопрос о том, было ли решение об определенных расходах «принято в соответствии с Уставом», если Суд считает рассмотрение такого

вопроса уместным. Суд не смог также согласиться с тем, что отклонение поправки Франции имеет какое-либо отношение к вопросу о том, стремилась ли Генеральная Ассамблея помешать Суду толковать статью 17 в свете других статей Устава, то есть в контексте всего договора.

Перейдя затем к поставленному вопросу, Суд пришел к выводу, что он связан с толкованием пункта 2 статьи 17 Устава и что первый вопрос состоит в определении «расходов Организации».

В пункте 2 статьи 17 говорится о «расходах Организации» без какого-либо дальнейшего прямого определения. Толкование слова «расходы» было связано со словом «бюджет» в пункте 1 той же статьи, и утверждалось, что в обоих случаях здесь должны предполагаться или подразумеваться уточняющие прилагательные «регулярные» или «административные». Согласно Суду, это было бы возможно только в том случае, если бы такое определение обязательно вытекало бы из положений Устава, рассматриваемого в целом.

В отношении слова «бюджет», содержащегося в пункте 1 статьи 17, Суд пришел к выводу, что составители Устава сознавали различие между «административными бюджетами» и «оперативными бюджетами», поскольку в пункте 3 той же статьи предусматривается, что Генеральная Ассамблея «проверяет административные бюджеты» специализированных учреждений. Если бы составители предполагали, что пункт 1 должен ограничиваться административным бюджетом самой Организации Объединенных Наций, то слово «административный» было бы включено в пункт 1, как оно было включено в пункт 3. Фактически же с самого начала своей деятельности Организация на практике включала в бюджет статьи, которые не попадали ни под одно из выдвигаемых определений «административного бюджета». Генеральная Ассамблея постоянно включала в резолюции о годовом бюджете положения о «непредвиденных и чрезвычайных расходах», возникающих в связи с «поддержанием мира и безопасности». Каждый год с 1947 года по 1959 год резолюции по этим непредвиденным и чрезвычайным расходам принимались без единого голоса против, за исключением 1952, 1953 и 1954 годов, ввиду того, что в эти годы такая резолюция включала конкретизацию спорной статьи: награды Организации Объединенных Наций участникам корейской войны. Наконец, в 1961 году в докладе Рабочей группы 15 по рассмотрению административных и бюджетных процедур Организации Объединенных Наций отмечалось принятие без возражений заявления о том, что «операции по расследованию и наблюдению, предпринимаемые Организацией для предотвращения возможностей агрессии, должны финансироваться за счет регулярного бюджета Организации Объединенных Наций». С учетом этих фактов Суд пришел к заключению об отсутствии основания для понимания текста пункта 1 статьи 17 таким образом, что перед словом «бюджет» подразумевается при-

существование какого-либо ограничивающего или уточняющего слова.

* * *

Перейдя к пункту 2 статьи 17, Суд отметил, что в буквальном смысле термин «расходы Организации» означает все расходы, а не только определенные виды расходов, которые можно было бы назвать «регулярными расходами». Сделав вывод, что изучение других частей Устава выявило самые различные виды расходов, которые могут неизбежно включаться в «расходы Организации», Суд не обнаружил каких-либо оснований подвергать сомнению правомерность установившейся практики включения таких расходов в бюджетные суммы, которые Генеральная Ассамблея распределяет среди членов в соответствии с полномочиями, предоставленными ей в пункте 2 статьи 17.

* * *

Перейдя затем к рассмотрению статьи 17 с точки зрения ее места в общей структуре и построении Устава, Суд пришел к выводу, что общие цели данной статьи состоят в обеспечении контроля над финансами Организации и взимания распределенных сумм для покрытия расходов Организации. Отвечая на довод, согласно которому расходы, связанные с операциями по поддержанию международного мира и безопасности, не являются «расходами Организации» по смыслу пункта 2 статьи 17 Устава, поскольку они подлежат рассмотрению исключительно Советом Безопасности и, более того, в рамках соглашений, заключаемых в ходе переговоров, которые проводятся в соответствии со статьей 43 Устава, Суд пришел к выводу, что в соответствии со статьей 24 Совет Безопасности несет «главную», а не исключительную ответственность в данной области. Из Устава абсолютно ясно, что Генеральная Ассамблея также занимается вопросами поддержания международного мира и безопасности. В соответствии с пунктом 2 статьи 17 Генеральной Ассамблеи предоставлено право распределять расходы среди членов, что возлагает на каждого члена обязательство нести ту часть расходов, которая распределена в отношении него. Когда такие расходы включают расходы на поддержание мира и безопасности, покрытие которых не предусматривается за счет других источников, именно Генеральная Ассамблея имеет право распределять суммы последних расходов среди членов. Ни одно из положений, определяющих соответствующие функции и полномочия Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, не поддерживает точку зрения, согласно которой такое распределение функций исключает из полномочий Генеральной Ассамблеи право предусматривать средства для финансирования мер, направленных на поддержание мира и безопасности.

Отвечая на довод, что в отношении поддержания международного мира и безопасности бюджетные полномочия Генеральной Ассамблеи ограничены

пунктом 2 статьи 11, согласно которому «любой такой вопрос [относящийся к поддержанию международного мира и безопасности], по которому необходимо предпринять действие, передается Генеральной Ассамблеей Совету Безопасности до или после обсуждения», Суд пришел к мнению, что упомянутое в данном положении действие является действием, связанным с принуждением или обеспечением выполнения тех или иных решений. В этом контексте слово «действие» должно означать такое действие, которое относится исключительно к компетенции Совета Безопасности, а именно действие, указанное в названии главы VII Устава: «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии». Если слово «действие» в пункте 2 статьи 11 толковать таким образом, что Генеральная Ассамблея может делать рекомендации только общего характера, касающиеся мира и безопасности в целом, а не в отношении конкретных случаев, то в данном пункте не предусматривалось бы, что Генеральная Ассамблея может делать рекомендации по вопросам, поставленным перед нею государствами или Советом Безопасности. Следовательно, последнее предложение пункта 2 статьи 11 не применяется, когда необходимое действие не является принудительным действием.

Поэтому Суд пришел к выводу, что довод об ограничении на основании пункта 2 статьи 11 бюджетных полномочий Генеральной Ассамблеи в отношении поддержания международного мира и безопасности является необоснованным.

* * *

Затем Суд перешел к рассмотрению довода, выдвинутого на основании статьи 43 Устава, в которой предусматривается, что государства ведут переговоры о заключении соглашений с Советом Безопасности по его инициативе в целях поддержания международного мира и безопасности. Довод состоит в том, что такие соглашения, как предполагается, включают конкретные положения относительно распределения расходов, связанных с принудительными действиями, которые могут быть приняты по решению Совета Безопасности, и в том, что только Совет Безопасности обладает полномочиями принимать меры для покрытия таких расходов.

Заявив, что статья 43 не применима, Суд добавил, что, даже если бы она была применима, Суд не может согласиться с таким толкованием ее текста по следующим причинам. Государство-член будет иметь право при заключении таких соглашений настаивать, а Совет Безопасности будет иметь право соглашаться с тем, что некоторая часть расходов должна покрываться Организацией. В таком случае эти расходы будут составлять часть расходов Организации и будут подлежать распределению Генеральной Ассамблеей в соответствии со статьей 17. Кроме того, из статьи 50 Устава следует, что Совет Безопасности может определять, что несущие чрезмерные расходы государства имеют право на определенную финансовую помощь. Такая финансовая

помощь, если она предоставляется Организацией, что может иметь место, будет, безусловно, представлять собой часть «расходов Организации». Кроме того, Суд пришел к мнению о невозможности заявить, что Устав оставляет Совет Безопасности бессильным что-либо предпринять в чрезвычайной ситуации, когда предусмотренные в статье 43 соглашения не заключены. Совет Безопасности должен обладать полномочиями контролировать ситуацию, даже если он не прибегает к принудительным мерам против какого-либо государства. Расходы на действия, которые Совет Безопасности уполномочен предпринимать, представляют собой, поэтому, «расходы Организации по смыслу пункта 2 статьи 17».

*
*
*

Рассмотрев общую проблему толкования пункта 2 статьи 17 в свете общей структуры Устава и соответствующих функций Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности в целях определения значения выражения «расходы Организации», Суд перешел к рассмотрению вопроса о расходах, перечисленных в просьбе о консультативном заключении. Он согласился с необходимостью определения того, насколько такие расходы связаны с целями Организации Объединенных Наций в том смысле, что если какие-либо расходы осуществляются в целях, которые не являются целями Организации Объединенных Наций, то они не могут рассматриваться в качестве «расходов Организации». Когда Организация предпринимает действие, оправдывающее утверждение о том, что оно необходимо для достижения одной из целей Организации Объединенных Наций, изложенных в статье 1 Устава, предполагается, что такое действие не выходит за рамки компетенции Организации. Если действие предпринимается не уполномоченным на то органом, то оно выходит за рамки установленных правил, но это не будет обязательно означать, что понесенные расходы не являются расходами Организации. Как в национальном, так и в международном праве рассматривались случаи, когда корпоративный или политический орган может быть связан действием какого-либо лица, выходящим за рамки его компетенции. Поскольку в Уставе Организации Объединенных Наций не предусмотрена процедура определения правомерности действий органов Организации Объединенных Наций, каждый орган должен в первую очередь, по крайней мере, определять свою собственную юрисдикцию. Если Совет Безопасности принимает резолюцию в целях поддержания международного мира и безопасности и если в соответствии с такой резолюцией Генеральный секретарь несет финансовые обязательства, то такие суммы должны, как предполагается, представлять собой «расходы Организации». Ссылаясь на свое заключение относительно *Присуждения компенсаций Административным трибуналом Организации Объединенных Наций*, Суд заявил, что обязательство Организации может нести Генеральный секретарь, действующий по поручению Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи, и что у Генеральной Ассамблеи «нет

иной альтернативы, как соблюдать эти обязательства».

Такой аргументации применительно к резолюциям, упомянутым в просьбе о консультативном заключении, могло бы быть достаточно для обоснования заключения Суда. Однако Суд продолжил рассмотрение отдельно вопросов о расходах, связанных с Чрезвычайными вооруженными силами Организации Объединенных Наций на Ближнем Востоке (ЧВС ООН), и о расходах, связанных с операциями Организации Объединенных Наций в Конго (ОООНК).

В отношении ЧВС ООН Суд напомнил, что они были созданы с согласия соответствующих государств, а это отрицает тезис о том, что их создание представляет собой принудительные меры. С другой стороны, очевидно, что операции ЧВС ООН осуществлялись для выполнения главной цели Организации Объединенных Наций, т.е. для содействия мирному урегулированию ситуации и продолжения процесса урегулирования. Поэтому Генеральный секретарь надлежащим образом воспользовался полномочиями, предоставленными ему в плане покрытия финансовых обязательств; расходы, предусмотренные такими обязательствами, должны рассматриваться в качестве «расходов Организации». Отвечая на довод о том, что Генеральная Ассамблея никогда прямо или косвенно не рассматривала расходы ЧВС ООН в качестве «расходов Организации по смыслу пункта 2 статьи 17 Устава», Суд заявил, что он не может согласиться с таким толкованием. Анализируя резолюции, касающиеся финансирования ЧВС ООН, Суд пришел к выводу, что открытие специального счета не означает обязательно, что находящиеся на таком счету средства не образуются из взносов членов, распределенных Генеральной Ассамблеей. Резолюции по данному вопросу, которые были приняты необходимым большинством в две трети голосов, должны были исходить из вывода о том, что расходы ЧВС ООН являются «расходами Организации», поскольку в противном случае Генеральная Ассамблея не имела бы полномочий принимать решения о том, что расходы «покрываются Организацией Объединенных Наций» или распределяются среди членов. Поэтому Суд пришел к выводу, что каждый год расходы ЧВС ООН рассматривались Генеральной Ассамблеей в качестве расходов Организации по смыслу пункта 2 статьи 17.

*
*
*

Перейдя затем к вопросу об операциях в Конго, Суд напомнил, что решение об их осуществлении было первоначально принято Советом Безопасности в резолюции от 14 июля 1960 года, которая была принята без возражений. Данная резолюция в свете обращения правительства Конго, доклада Генерального секретаря и прений в Совете Безопасности была явно принята в целях поддержания международного мира и безопасности. Рассматривая резолюции и доклады Генерального секретаря относительно этих операций, Суд пришел к выводу, что в

свете такого периодического рассмотрения, подтверждения, одобрения и ратификации Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей действий Генерального секретаря невозможно заключить, что операции в Конго являлись узурпацией прерогатив, возложенных в Уставе на Совет Безопасности, или посягательством на эти прерогативы. Эти операции не были связаны с «превентивными или принудительными мерами» против какого-либо государства согласно главе VII и поэтому не представляли собой «действий» в том смысле, в каком этот термин используется в статье II. Финансовые обязательства, которые нес Генеральный секретарь в соответствии с четкими и неоднократно подтверждавшимися полномочиями как в Совете Безопасности, так и на Генеральной Ассамблее, представляют собой обязательства Организации, которые Генеральная Ассамблея имеет право покрывать в соответствии с полномочиями, предусмотренными в пункте 2 статьи 17 Устава.

В связи с финансированием операций в Конго Суд, сославшись на резолюции Генеральной Ассамблеи, предусматривавшие распределение расходов в соответствии со шкалой взносов в регулярный бюджет, сделал из этого вывод, что Генеральная Ассамблея дважды принимала решения о том, что, даже хотя некоторые расходы являются «чрезвы-

чайными» и «по существу отличными» от расходов по «регулярному бюджету», они тем не менее являются «расходами Организации», подлежащими распределению в соответствии с полномочиями, предоставленными Генеральной Ассамблее в пункте 2 статьи 17.

* * *

Отметив таким образом, с одной стороны, что пункт 2 статьи 17 Устава может привести к выводу о том, что расходы Организации представляют собой средства, выплачиваемые для покрытия расходов на достижение целей Организации, и, с другой стороны, что рассмотрение резолюций, утверждающих расходы, упомянутые в просьбе о консультативном заключении, привело к выводу о том, что они были произведены для достижения такой цели; проанализировав также и сочтя необоснованными доводы, выдвигавшиеся против заключения о том, что данные расходы следует рассматривать в качестве расходов Организации по смыслу пункта 2 статьи 17 Устава Организации Объединенных Наций, Суд пришел к выводу, что на переданный Генеральной Ассамблеей на его рассмотрение вопрос должен быть дан утвердительный ответ.

40. ДЕЛА О ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ)

Решение от 21 декабря 1962 года

Дела о Юго-Западной Африке (Эфиопия против Южной Африки; Либерия против Южной Африки), связанные с сохранением действия мандата на Юго-Западную Африку и, соответственно, с выполнением Южной Африкой своих обязательств как государства-мандатария, были начаты по заявлениям правительств Эфиопии и Либерии, зарегистрированным в реестре 4 ноября 1960 года. Правительство Южной Африки выдвинуло предварительные возражения относительно юрисдикции суда рассматривать данные дела.

Восемью голосами против семи Суд решил, что обладает юрисдикцией для рассмотрения этого спора по существу.

Судьи Бустаманте-и-Риверо и Джессап, а также судья *ad hoc* сэр Луис Мбанефо представили особое мнение.

Председатель Виньярский и судья Бадеван приложили к решению мнение о несогласии; судьи сэр Перси Спендер и сэр Джеральд Фицморис приложили совместное мнение о несогласии; судья Морелли и судья *ad hoc* ван Вик также приложили мнение о несогласии.

Судья Спиропулос представил заявление о несогласии.

В своем решении Суд отметил, что, обращаясь в Суд, истцы, сославшись на пункт 1 статьи 80 Устава Организации Объединенных Наций, руководствовались статьей 7 соглашения о мандате на Юго-Западную Африку от 17 декабря 1920 года и статьей 37 Статута Международного Суда.

Перед рассмотрением предварительных возражений, выдвинутых Южной Африкой, Суд счел необходимым решить предварительный вопрос о наличии спора, являющегося предметом поданных заявлений. В этой связи Суд решил, что когда речь идет о спорном деле, то недостаточно утверждения одной стороны о наличии спора с другой стороной. Необходимо доказать, что претензиям одной стороны явно противостоит позиция другой стороны. В соответствии с данным критерием у Суда не может быть сомнений в наличии спора между сторонами, поскольку это подтверждается со всей очевидностью противоположностью позиций сторон относительно выполнения ответчиком своих обязательств как государства-мандатария.

* * *

Затем Суд коротко напомнил историю возникновения, сущность и основные черты мандатной сис-

темы, созданной в соответствии со Статутом Лиги наций. Основные принципы этой системы состояли главным образом в признании определенных прав народов слаборазвитых территорий; в создании для каждого такого народа режима опеки, которую осуществляют развитые государства в качестве «мандатариев» «от имени Лиги наций»; в признании «священной миссии цивилизации», возложенной на Лигу как на организованную форму международного сообщества и на ее членов. Права мандатария в отношении подмандатной территории и ее населения основаны на обязательствах мандатария и были, так сказать, лишь инструментом для выполнения этих обязательств.

Первое предварительное возражение ответчика состояло в том, что соглашение о мандате на Юго-Западную Африку никогда не было и во всяком случае с роспуском Лиги наций перестало быть действующим договором или конвенцией в смысле статьи 37 Статута Суда. Выдвигая это предварительное возражение в такой форме, ответчик заявил, что он всегда считал или исходил из того, что соглашение о мандате на Юго-Западную Африку является «самоценным договором или конвенцией, то есть международным соглашением между государством-мандатарием, с одной стороны, и, с другой стороны, Советом, представляющим Лигу и/или ее членов», но «что может иметь место и альтернативная точка зрения, согласно которой, определяя условия мандата, Совет действовал в порядке реализации Статута Лиги (который несомненно является конвенцией) и не заключал соглашения, которое являлось бы договором или конвенцией». В то же время ответчик дополнительно заявил, что «согласно этой точке зрения... заявление Совета рассматривалось бы в качестве документа, излагающего резолюцию... которая, как и любая другая действующая резолюция Совета, имела бы в качестве своей правовой основы тот факт, что принята Советом надлежащим образом в порядке осуществления полномочий, предоставленных ему Статутом». По мнению Суда, данная точка зрения не была достаточно хорошо обоснована. Хотя мандат на Юго-Западную Африку был оформлен в виде резолюции, он носит явно иной характер. Нельзя считать, что он воплощает лишь реализацию положений Статута. И фактически, и с точки зрения права соглашение о мандате является международным соглашением типа договора или конвенции.

Утверждалось, что мандат, о котором идет речь, не был зарегистрирован в соответствии со статьей 18 Статута Лиги наций, в которой предусмотрено следующее: «Никакой подобный договор или международное обязательство не вступают в силу до тех пор, пока не будут таким образом зарегистрированы». Если соглашение о мандате было юридически ничтожным *ab initio* на основании отсутствия его регистрации, то из этого следует, что ответчик не имеет и никогда не имел правового титула для управления территорией Юго-Западной Африки; соответственно он не может и заявлять, что имел такой титул до обнаружения данной причины его недействительности. Статья 18, предназначенная для обеспечения публичности и недопущения секретных

договоров, не могла применяться в отношении договоров, одной из сторон которых являлась Лига наций, таким же образом, в отношении договоров, заключенных между ее государствами-членами.

Поскольку мандат, о котором идет речь, с самого начала носил характер договора или конвенции, следовало рассмотреть вопрос о том, сохраняет ли в данном качестве соглашение о мандате свою юридическую силу в целом, включая статью 7, или в том, что касается статьи 7 в отдельности. Ответчик утверждает, что мандат не имеет юридической силы, и это утверждение составляет суть первого предварительного возражения. Это утверждение аргументируется тем, что права и обязательства по мандату в отношении управления территорией, носят объективный характер, и потому все еще сохраняют свою силу, в то время как права и обязательства, связанные с административным наблюдением со стороны Лиги наций, и передача споров на рассмотрение Постоянной палаты международного правосудия, имеют договорной характер, а потому безусловно утратили свою правовую силу с роспуском Лиги наций. Ответчик утверждал далее, что к числу случайных изменений, связанных с ликвидацией Лиги наций, относится и потеря статьи 7 соглашения о мандате, согласно которой ответчик был в свое время согласен с тем, что в случае возникновения между ним в качестве мандатария и другим членом Лиги наций любого спора, касающегося толкования или применения мандата, такой спор должен передаваться на рассмотрение Постоянной палаты международного правосудия.

По данному пункту Суд, напомнив консультативное заключение, данное им в 1950 году *о международном статуте Юго-Западной Африки*, заявил, что его выводы об обязательстве правительства Южно-Африканского Союза подчиниться требованиям международного наблюдения были кристально ясны. Отказ от соблюдения обязательств, связанных с мандатом, означает отказ от самого существа мандата. Суд напомнил также, что хотя в 1950 году мнения судей разделились по другим пунктам, они были единодушны в том, что статья 7 мандата, устанавливающая обязательство Южно-Африканского Союза признавать обязательную юрисдикцию Суда, «сохраняет силу». С тех пор не произошло ничего, что могло бы послужить основанием для пересмотра выводов Суда. О всех значительных фактах было заявлено или на них были даны ссылки в ходе судебного производства в 1950 году.

Суд решил, что, хотя Лига наций и Постоянная палата международного правосудия прекратили свое существование, обязательство ответчика подчиниться обязательной юрисдикции было перенесено на существующий ныне Международный Суд еще до роспуска Лиги наций. Лига перестала существовать с апреля 1946 года; Устав Организации Объединенных Наций вступил в силу в октябре 1945 года; три стороны ведущегося сейчас судебного производства сдали на хранение свои ратификационные грамоты в ноябре 1945 года и стали членами Организации Объединенных Наций в тот день, которым помечены эти грамоты. С этого вре-

мени они несли обязательства и приобрели права, предусмотренные в Уставе. В силу действия положений статей 92 и 93 Устава и статьи 37 Статута Суда, ответчик, ратифицировав Устав во время, когда Лига наций и Постоянная палата международного правосудия еще существовали, когда, соответственно, сохраняла также правовую силу статья 7 соглашения о мандате, признал обязательную юрисдикцию существующего ныне Суда вместо юрисдикции Постоянной палаты.

Этот переход обязательства был добровольно принят на себя ответчиком, когда он присоединялся к Организации Объединенных Наций. Юридическая сила статьи 7, по мнению Суда, не была затронута роспуском Лиги, также как и соглашение о мандате в целом сохраняет свою правовую силу по указанным выше основаниям.

Второе предварительное возражение было сосредоточено на термине «другой член Лиги наций», употребленном в статье 7 соглашения о мандате, пункт второй которой гласит: «Мандатарий соглашается, что в случае возникновения любого спора, каков бы он ни был, между мандатарием и другим членом Лиги наций, касающегося толкования или применения условий мандата, такой спор... должен быть передан в Постоянную палату международного правосудия...»

Ответчик утверждал, что, поскольку все государства — члены Лиги наций утратили свое членство и связанные с ним права, когда Лига прекратила свое существование 19 апреля 1946 года, то сегодня более не может быть такого понятия как «другой член Лиги наций». В соответствии с этим никакое государство не имеет *locus standi* в этом деле и не может обращаться к юрисдикции Суда по любому спору с ответчиком как с государством-мандатарием.

Суд подчеркнул, что толкование, основанное на обычном, естественном значении слов, не является абсолютной нормой, и на него нельзя полагаться, если в результате возникает смысл, несовместимый с духом, целью и контекстом положения, которое должно быть истолковано.

Правовая защита священной миссии цивилизации в каждом соглашении о мандате составляла сущность мандатной системы. Административное наблюдение, осуществляемое Лигой, представляло собой обычную предохранительную меру, необходимую для обеспечения полного выполнения мандатарием «священной миссии» в отношении населения подмандатной территории. Однако специально определенная роль Суда была еще более важна, поскольку он должен был служить последней преградой на пути возможных злоупотреблений мандатом или его нарушениям.

В соответствии с правилом единогласия (статьи 4 и 5 Статута Лиги наций) Совет не мог навязывать свою точку зрения государству-мандатария. Если мандатарий упорно не прислушивался к мнению Совета, единственное, что оставалось сделать в защиту интересов населения для обеспечения выполнения священной миссии — это обратиться в Суд для получения решения по вопросу, связанному с толкованием или применением соглашения о мандате. Однако

ни Совет, ни Лига не имели права обращаться в Суд; единственным эффективным способом решения вопроса было применение членом или членами Лиги статьи 7 и вынесение спора между ними и мандатарием на рассмотрение Постоянной палаты международного правосудия для вынесения ею решения. Именно с этой, важнейшей во всех отношениях целью, это положение было сформулировано в столь общих терминах. Из этого видно, сколь существенна роль, которая отводилась статье 7 в качестве одного из средств обеспечения в мандатной системе гарантии выполнения мандатарием своих обязательств.

Во-вторых, даже помимо важности правовой защиты священной миссии и прав государств-членов, находившихся под мандатом, и помимо того, что у Лиги или у Совета не было возможности требовать такой защиты, право призвать государство-мандатария в качестве ответчика в Постоянной палате, было специально и определенно предоставлено членам Лиги, очевидно также и потому, что эта процедура была наиболее надежной в смысле обеспечения защиты в Суде.

Третий аргумент для обоснования вывода о том, что статья 7, включая специальную ссылку на «другого члена Лиги наций», продолжает применяться, состоял в том, что соглашение, очевидно, было достигнуто всеми членами Лиги наций на сессии в апреле 1946 года с тем, чтобы продолжить действие различных мандатов, насколько это практически возможно, учитывая обязательства государств-мандатариев, и, соответственно, сохранить права членов Лиги, независимо от факта роспуска самой Лиги. Согласие по этому поводу подтверждается не только содержанием резолюции о роспуске Лиги от 18 апреля 1946 года, но и содержанием дискуссионной по вопросу о мандатах, состоявшихся в Первом комитете Генеральной Ассамблеи, а также целым комплексом сопутствующих обстоятельств. Те государства, которые являлись членами Лиги во время ее роспуска, сохранили право использовать обязательную юрисдикцию Суда, как и до роспуска Лиги. Это право сохранялось в течение всего периода, в течение которого ответчик осуществлял свои полномочия по управлению подмандатной территорией.

В ходе продолжительных дискуссий как на Генеральной Ассамблее, так и в ее Первом комитете делегаты от представленных там государств-мандатариев официально выразили намерение продолжать управление территориями, возложенное на них в соответствии с общими принципами существующих соглашений о мандате. В частности, представитель Южной Африки 9 апреля 1946 года заявил: «... Союз будет продолжать управлять территорией со всей добросовестностью в соответствии с обязательствами по мандату... Ликвидация органов Лиги, контролировавших осуществление мандата, ... безусловно будет препятствовать полному выполнению соглашения о мандате. Тем не менее правительство Союза никоим образом не рассматривает роспуск Лиги как причину для уменьшения его обязательств по мандату...» Трудно представить более очевидное признание правительством Южной Африки своих

обязательств по мандату на Юго-Западную Африку, включая статью 7, после роспуска Лиги наций.

Из вышесказанного ясно, что присутствовавшие на заседаниях Ассамблеи представители государств-членов были единодушны в признании того, что выполнение соглашений о мандатах должно быть продолжено в соответствии с содержащимися в них обязательствами. Очевидно, что о сохранении обязательств по мандатам речь не могла идти ни на день раньше роспуска Лиги наций; таким образом, буквалистские возражения против словосочетания «другой член Лиги наций» не имеют реального содержания, поскольку резолюция от 18 апреля 1946 года была принята специально для того, чтобы их предотвратить и продолжить выполнение признающей мандата как договора между мандатарием и членами Лиги наций.

И, наконец, при любом толковании словосочетания «другой член Лиги наций» следует принимать во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, связанные с актом роспуска Лиги. Только так можно определить истинные намерения и цели членов Ассамблеи, принимавших заключительную резолюцию 18 апреля 1946 года.

Для того, чтобы отказаться от признания соглашения, было заявлено, что статья 7 не представляет собой существенного положения мандата как средства осуществления связанной миссии цивилизации. В соглашениях об опеке над тремя из четырех территорий, ранее относившихся к подмандатным территориям группы «С», отсутствует сопоставимое положение.

По вышеизложенным основаниям Суд отверг первое и второе возражения.

Содержание третьего возражения сводится по существу к утверждению, что представленный на рассмотрение Суда спор не является спором по смыслу статьи 7 мандата. Суд напомнил, что в статье 7 речь идет о «любом споре, каков бы он ни был» между мандатарием и другим членом Лиги наций. Исползованная здесь терминология носит общий характер, и в то же время ясна, точна и относится к любому спору, касающемуся всех или одного из положений соглашения о мандате, независимо от того, связаны ли они с существенными обязательствами мандатария по отношению к населению территории или по отношению к другим членам Лиги с его обязательствами обеспечивать наблюдения со стороны Лиги или правовую защиту в соответствии со статьей 7 объем и содержание этих положений указывают на то, что члены Лиги, как считалось, имеют за-

конное право и интерес в соблюдении мандатарием своих обязательств как по отношению к населению, так и по отношению к Лиге наций и ее членам. В то время как статья 6 соглашения о мандате предусматривала административное наблюдение со стороны Лиги, статья 7, фактически, предусматривала, при выраженном мандатарием согласии, юридическую защиту со стороны Постоянной палаты. Конечно, в этот круг обязательств была включена и защита материальных интересов государств-членов, однако благополучие и развитие населения имело не менее важное значение.

Суд пришел к выводу, что данный спор является спором по смыслу статьи 7 соглашения о мандате, и что третье предварительное возражение должно быть отклонено.

Затем Суд рассмотрел четвертое и последнее возражение, суть которого заключалась в том, что если и имеет место спор по смыслу статьи 7, то он не является спором, который не мог бы быть решен путем переговоров с истцами и что подобных переговоров с целью решения данного спора не проводилось.

По мнению Суда тот факт, что проводившиеся в прошлом переговоры зашли в тупик, а также тот факт, что как письменные заявления, так и устные аргументы сторон с очевидностью подтвердили, что выход из тупика не найден, подводят к выводу о том, что отсутствует реальная возможность решения спора в ходе дальнейших переговоров. Что касается заявления ответчика, что между ним и заявителями никогда не проводилось прямых переговоров, Суд решил, что важна не столько форма переговоров, сколько позиция и точка зрения сторон по существенным пунктам спорного вопроса.

Более того, когда спорные вопросы затрагивают общие интересы группы государств с той или другой стороны в рамках какой-либо организации, то зачастую наиболее подходящей формой переговоров является парламентарная дипломатия или дипломатия конференций.

По вышеуказанным соображениям четвертое возражение было сочтено недостаточно обоснованным и также было отклонено.

Суд пришел к выводу, что статья 7 соглашения о мандате является действующим договором или конвенцией по смыслу статьи 37 Статута Суда и что данный спор является спором, предусмотренным статьей 7 и не может быть разрешен путем переговоров. Следовательно, Суд обладает компетенцией рассмотреть данный спор по существу.

41. ДЕЛО О СЕВЕРНОМ КАМЕРУНЕ

Решение от 2 декабря 1963 года

Разбирательство спора о Северном Камеруне между Федеративной Республикой Камерун и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии было предпринято в соответствии с

заявлением от 30 мая 1961 года, в котором правительство Республики Камерун просило Суд объявить, что при применении Соглашения об опеке над территорией Камеруна под британским управлени-

ем Соединенное Королевство не выполнило в отношении Северного Камеруна определенные обязательства, вытекающие из этого Соглашения. Правительство Соединенного Королевства выдвинуло предварительные возражения.

10 голосами против 5 Суд постановил, что он не может вынести решение по существу иска Республики Камерун.

Судьи Спиропулос и Корецкий приложили к решению заявления о несогласии с ним. Судья Джессап, полностью соглашаясь с аргументацией решения Суда, тем не менее также приложил заявление.

Судьи Веллингтон Ку, сэра Перси Спендер, сэра Джеральда Фицморис и Морелли приложили частные мнения.

Судьи Бадави и Бустаманте-и-Риверо и судья *ad hoc* Беб а Дон приложили особые мнения.

* * *

В своем решении Суд напомнил, что Северный и Южный Камерун входил в состав владений, от прав на которые по Версальскому договору отказалась Германия и на которые была распространена система мандатов Лиги наций. Камерун был разделен на две подмандатные территории: одна — управляемая Францией, и другая, управляемая Соединенным Королевством. Последнее разделило его территорию на Северный Камерун, который управлялся как часть Нигерии, и Южный Камерун, который управлялся как отдельная провинция Нигерии. После создания Организации Объединенных Наций подмандатные территории Камерун были включены в систему международной опеки в соответствии с соглашениями об опеке, одобренными Генеральной Ассамблеей 13 декабря 1946 года.

Территория под французским управлением получила независимость 1 января 1960 года как Республика Камерун и стала членом Организации Объединенных Наций 20 сентября 1960 года. Что касается территории, находившейся под управлением Соединенного Королевства, то Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций рекомендовала управляющей державе провести плебисциты, с тем чтобы выявить пожелания жителей. По итогам плебисцитов Южный Камерун 1 октября 1961 года присоединился к Республике Камерун, а Северный Камерун 1 июня 1961 года присоединился к Федеративной Республике Нигерии, которая сама стала независимой 1 октября 1960 года. 21 апреля 1961 года Генеральная Ассамблея подтвердила результаты плебисцитов и постановила, что действие Соглашения об опеке, касающегося Камеруна под управлением Соединенного Королевства, должно прекратиться после присоединения двух частей территории соответственно к Республике Камерун и Нигерии (резолюция 1608 (XV)).

Республика Камерун проголосовала против принятия этой резолюции, выразив свое неудовлетворение тем, как Соединенное Королевство управляло Северным Камеруном и организовывало плебисци-

ты; она утверждала, что в результате были изменены политическое развитие территории и нормальный ход консультации с народом. Эти критические замечания наряду с прочими получили развитие в Белой книге; содержащиеся в ней утверждения были отвергнуты представителями Соединенного Королевства и Нигерии. После принятия резолюции Республика Камерун 1 мая 1961 года направила Соединенному Королевству сообщение, в котором она ссылалась на спор относительно применения Соглашения об опеке и предлагала заключить специальное соглашение, с тем чтобы вынести этот спор на рассмотрение Суда. 26 мая 1961 года Соединенное Королевство дало отрицательный ответ. Через четыре дня Республика Камерун подала исковое заявление в Суд.

После этого Соединенное Королевство выдвинуло ряд предварительных возражений. Первое состояло в том, что между ним и Республикой Камерун нет спора и что если в момент подачи заявления существовал какой-либо спор, то это был спор между Республикой Камерун и Организацией Объединенных Наций. В этой связи Суд пришел к выводу, что противоположные взгляды сторон на толкование и применение Соглашения об опеке свидетельствуют о наличии спора по состоянию на дату подачи заявления в смысле, признанном в соответствии с практикой Суда.

Другое предварительное возражение Соединенного Королевства было основано на статье 32(2) Регламента Суда, предусматривающей, что при вынесении дела на рассмотрение Суда в исковом заявлении необходимо указывать не только предмет спора, но и точный характер иска и его основания. Присоединившись к мнению, выраженному Постоянным судом международной юстиции, Суд счел, что в силу международного характера своей юрисдикции он не обязан придавать вопросам формы такое же значение, какое они имеют в муниципальном праве. Он пришел к выводу, что истец в достаточной мере выполнил требования статьи 32(2) Регламента и поэтому данное предварительное возражение является необоснованным.

* * *

Далее Суд заявил, что решению вопросов, на которых он сосредоточивает свое внимание, мог бы способствовать анализ фактов, проведенный в свете некоторых руководящих принципов.

Будучи членом Организации Объединенных Наций, Республика Камерун имеет право обращаться в Суд, и в результате подачи искового заявления Суд принял дело к рассмотрению. Однако передача дела в Суд — это одно, а отправление правосудия — другое. Даже если Суд после передачи ему дела решает, что он компетентен его рассматривать, он не обязан в каждом случае осуществлять такую юрисдикцию. Он выполняет судебную функцию, которая находится в пределах присущих ей ограничений. Подобно Постоянному суду, он не может отступать от важнейших правил, регулирующих его деятельность как Суда.

Резолюция 1608 (XV), согласно которой Генеральная Ассамблея постановила, что действие Соглашения об опеке в отношении Северного Камеруна должно прекратиться 1 июня 1961 года, имеет четкие правовые последствия. Республика Камерун не оспаривает того факта, что решение Суда по существу дела не должно придавать обратный смысл решениям Генеральной Ассамблеи или возобновлять действие Соглашения об опеке; что Северный Камерун не должен быть присоединен к Республике Камерун; что не должно быть лишено силы его объединение с Нигерией; что Соединенное Королевство не должно иметь прав или полномочий на то, чтобы предпринимать какие-либо действия, чтобы удовлетворить пожелания Республики Камерун, лежащие в основе иска. Функция Суда — выносить решения на основе закона, но его решения должны быть способны приводить к определенным практическим последствиям.

После 1 июня 1961 года ни один член Организации Объединенных Наций уже не может претендовать на какие-либо права, которые, возможно, предоставлялись ему первоначально Соглашением об опеке. Можно возразить о том, что если в период действия опеки государство-опекун несло ответственность за какое-либо деяние, которое было нарушением ее условий и нанесло ущерб другому члену Организации Объединенных Наций или одному из его граждан, иск о возмещении ущерба не лишается силы в результате прекращения опеки, однако Республика Камерун в своем исковом заявлении просит лишь установить факт нарушения закона и не выдвигает требования о возмещении ущерба. Даже если бы было всеми признано, что цель Соглашения об опеке — обеспечить форму судебной защиты, к которой любой член Организации Объединенных Наций имеет право прибегнуть в общих интересах, Суд не мог бы согласиться с тем, что такая судебная защита действует и после прекращения действия Соглашения об опеке; подав исковое заявление 30 мая

1961 года, Республика Камерун осуществила принадлежавшее ей процедурное право, но после 1 июня 1961 года Республика Камерун уже не имела бы никакого права просить Суд вынести на этой стадии решение по вопросам, затрагивающим права жителей Территории и общую заинтересованность в успешном функционировании системы опеки.

Республика Камерун утверждала, что она добивается лишь декларативного решения Суда о том, что до прекращения действия Соглашения об опеке Соединенное Королевство нарушало его положение. Суд в соответствующем случае мог бы вынести декларативное решение, но такое решение должно оставаться применимым. В данном случае имеется спор относительно толкования и применения договора, однако договор уже не имеет силы и нет возможности для будущего акта его толкования или применения в соответствии с любым решением, которое мог бы вынести Суд.

Независимо от того, обладал ли Суд в момент подачи искового заявления компетенцией для вынесения решения по спору, обстоятельства, возникшие впоследствии, сделали вынесение какого бы то ни было решения лишенным цели. В этих условиях, по мнению Суда, дальнейшее разбирательство дела не представляло бы собой надлежащего выполнения Судом своих обязанностей. Ответ на вопрос, имеет ли данное дело отношение к судебной функции, в некоторых случаях может быть неясным до рассмотрения существа дела. Однако в данном случае уже очевидно, что дело не может иметь отношения к этой функции.

По этим причинам Суд считал, что в его обязанности не входит явное выражение мнения по поводу нескольких заявлений, представленных Соединенным Королевством, и что он не может вынести решение по существу иска Федеративной Республики Камерун.

42. ДЕЛО О КОМПАНИИ «БАРСЕЛОНА ТРЭКШН, ЛАЙТ ЭНД ПАУЭР ЛИМИТЕД» (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ)

Решение от 24 июля 1964 года

Производство по делу о компании «Барселона трэкшн, лайт энд пауэр лимитед» (Бельгия против Испании) было возбуждено по заявлению бельгийского правительства от 19 июня 1962 года, в котором оно требовало компенсации за ущерб, причиненный бельгийским гражданам — акционерам канадской компании «Барселона трэкшн» действиями различных государственных органов Испании. Испанское правительство выдвинуло четыре предварительных возражения.

Суд отклонил первое предварительное возражение 12 голосами против 4, а второе — 10 голосами против 6. Суд присоединил третье возражение по существу спора 9 голосами против 7 и четвертое — 10 голосами против 6.

Председатель Суда сэр Перси Спендер и судьи Спиропулос, Корецкий и Джессап приложили к решению свои заявления.

Вице-председатель Веллингтон Ку и судьи Танака и Бустаманте и Риверо представили частные мнения.

Судья Морелли и судья *ad hoc* Арманд-Югон представили особые мнения.

* * *

Первое предварительное возражение

В своем решении Суд напомнил, что впервые Бельгия возбудила иск против Испании 23 сентября

1958 года по тем же самым фактам и Испания тогда выдвинула три предварительных возражения. 23 марта 1961 года истец, используя право, предоставленное пунктом 2 статьи 69 Регламента Суда, сообщил Суду, что он отказывается от своего иска; от ответчика было получено уведомление, что он не возражает против этого и 10 апреля 1961 года Суд исключил это дело из общего списка дел. В своем первом предварительном возражении ответчик утверждал, что прекращение дела лишило истца права нового возбуждения дела, и выдвинул пять аргументов для обоснования своего утверждения.

Суд согласился с первым аргументом, согласно которому прекращение дела является чисто процессуальным действием, реальное значение которого необходимо искать в сопутствующих обстоятельствах.

С другой стороны, Суд не мог согласиться со вторым аргументом, а именно, что прекращение дела всегда означает отказ от права его нового возбуждения, если право возбудить новое судопроизводство специально не оговорено. Поскольку уведомление истца об отказе от иска не было мотивировано и по своему содержанию ограничивалось пределами судопроизводства, возбужденного по первоначальному заявлению, Суд решил, что бремя доказательства того, что прекращение дела означает нечто большее, чем решение прекратить судопроизводство, лежит на ответчике.

В качестве третьего аргумента ответчик выдвинул тезис о том, что между сторонами существовало взаимопонимание; он напомнил, что заинтересованные частные лица, представляющие бельгийскую сторону, выступали за открытие переговоров, и что испанские представители в качестве предварительного условия таких переговоров поставили окончательный отказ от иска. По мнению ответчика это означало, что прекращение дела аннулирует право на дальнейшее его продолжение, однако истец полагал, что прекращение не означает ничего иного, кроме окончания проходившего тогда судопроизводства. Суд не смог найти никакого доказательства, что на правительственном уровне существует то взаимопонимание, на которое указывал ответчик; создавалось впечатление, что данной проблемы намеренно избегали, чтобы не подорвать основу взаимоотношений. Ответчик, который должен совершенно определенно разъяснить свою позицию, также не выдвигал какого-либо условия, когда указывал на отсутствие с его стороны возражений против прекращения дела.

Последний аргумент был иного порядка. Ответчик утверждал, что нынешнее судопроизводство противоречит духу испано-бельгийского договора о примирении, юридическом урегулировании и арбитраже от 19 июля 1927 года, который, по мнению истца, предусматривал признание юрисдикции Суда. Поскольку предварительная стадия судопроизводства, предусмотренная договором, уже завершилась в ходе первоначального слушания дела, договор нельзя использовать второй раз как основание для обращения в Суд с тем же самым иском. Суд решил, что предусмотренные договором проце-

дуры не являются единственным методом урегулирования спора, поскольку право возбуждать судопроизводство иным образом существует до тех пор, пока по делу не будет принято судебное решение.

На этих основаниях Суд отклонил первое предварительное возражение.

Второе предварительное возражение

Обращение к юрисдикции Суда истец обосновывал статьей 17 (4) договора между Бельгией и Испанией 1927 года, в соответствии с которой, если спор невозможно разрешить с помощью средств, предусмотренных в договоре, каждая из сторон может передать любой спор правового характера на рассмотрение Постоянной палаты международного правосудия, а также статьей 37 Статута Международного Суда, которая гласит:

«Во всех случаях, когда действующие договор или концепция предусматривают передачу дела... Постоянной палате международного правосудия, дело между сторонами — участниками настоящего Статута должно передаваться в Международный Суд».

В качестве принципиального аспекта своего возражения ответчик утверждал, что, хотя договор 1927 года все еще действует, статья 17 (4) утратила силу в апреле 1946 года после роспуска Постоянной палаты, о которой говорится в этой статье. Нынешний Суд не заменял судебный орган, упомянутый в данной статье, до роспуска последнего, а Испания не являлась тогда участником Статута; следовательно, когда Испания была принята в Организацию Объединенных Наций и *ipso facto* стала участником Статута (декабрь 1955 года), статья договора 1927 года, касающаяся судебной юрисдикции, уже утратила силу. Другими словами, статья 37 применяется лишь в отношениях между теми государствами, которые стали участниками Статута до роспуска Постоянной палаты. Этот роспуск означал прекращение действия статей, предусматривавших обращение к юрисдикции Постоянной палаты, если предварительно эти статьи не преобразовывались в другие статьи, предусматривающие в силу действия статьи 37 обращение к юрисдикции настоящего Суда.

Суд пришел к выводу, что этот вариант аргументации впервые был использован ответчиком после вынесения Судом 26 мая 1959 года решения по делу о воздушном инциденте 27 июля 1955 года (*Израиль против Болгарии*). Однако в том деле речь шла об одностороннем заявлении о принятии обязательной юрисдикции Постоянной палаты, а не о договоре. Соответственно и ссылка была не на статью 37, а на пункт 5 статьи 36 Статута.

Что касается статьи 37, то Суд напомнил, что в 1945 году ее авторы стремились сохранить по возможности большее число статей, касающихся судебной юрисдикции, ввиду прекращения их действия в результате предстоящего роспуска Постоянной палаты. Поэтому трудно предположить, что они намеренно стремились к тому, чтобы аннулирование статей о судебной юрисдикции, которые они хотели сохранить, произошло в результате тех самых дей-

ствий, на предотвращение которых направлена статья 37.

В статье 37 предусмотрено лишь три условия: договор должен быть действующим, он должен предусматривать передачу дела Постоянной палате, а стороны в споре должны быть участниками Статута. В настоящем деле вывод должен быть таков: договор 1927 года является действующим, он содержит положение об обращении в Постоянную палату, а стороны в споре являются участниками Статута; поэтому дело должно быть передано в Международный Суд, который обладает соответствующей компетенцией.

Выдвигались возражения такого рода, будто подобная точка зрения ведет к созданию ситуации, в условиях которой статья о судебной юрисдикции не действовала, а затем, после целого ряда лет, вновь стала действующей. Возникает вопрос: мог ли ответчик в данных обстоятельствах дать действительное согласие признать юрисдикцию Суда? По мнению Суда, ситуация, когда действие каких-либо прав и обязанностей временно приостанавливается, но не прекращается, является общеизвестной; государства, ставшие участниками Статута после роспуска Постоянной палаты, должны были исходить из того, что одним из результатов этой акции является возобновление действия статей о судебной юрисдикции по смыслу статьи 37. Занятая ответчиком противоположная позиция может создать дискриминацию в отношениях между государствами, ставшими участниками Статута до или после роспуска Постоянной палаты.

Что касается конкретно статьи 17 (4), Суд считает ее неотъемлемой частью договора 1927 года. Было бы трудно доказать, будто исполнение предусмотренного договором важнейшего обязательства обращаться в судебный орган зависит исключительно от существования какого-то конкретного органа. Если этот судебный орган ликвидируется, действие данного обязательства приостанавливается, однако по существу сохраняется и может вновь вступить в силу при условии, что в другом документе будет предусмотрено создание другого подобного суда, к которому автоматически переходит соответствующая компетенция. Статья 37 предусматривает именно такую ситуацию. Соответственно вместо упоминаемой в договоре «Постоянной палаты международного правосудия» следует теперь читать «Международный Суд».

В качестве *дополнительного основания защиты против иска* ответчик выдвинул тезис, согласно которому, если в соответствии со статьей 37 Статута действие статьи 17 (4) договора возобновилось в декабре 1955 года, то с этого момента между сторонами возникло новое обязательство; поскольку первоначально эта статья применялась к спорам, возникшим после заключения договора, то новое обязательство должно применяться лишь в отношении споров, возникших после декабря 1955 года. Следовательно, к настоящему спору новое обязательство не относится, поскольку спор возник до декабря 1955 года. По

мнению Суда, когда обязательство обращаться в судебный орган возобновляется, оно должно осуществляться в соответствии с договором, в котором оно предусмотрено, и в отношении любых споров, возникших после его заключения.

На этих основаниях Суд отклонил второе предварительное возражение как в его основных, так и в дополнительном аспектах.

Третье и четвертое предварительные возражения

Третье и четвертое предварительные возражения ответчика были связаны с вопросом о допустимости данного иска. Истец представил альтернативные заявления о том, что если указанные предварительные возражения не будут отклонены Судом, они должны быть присоединены к существу спора.

Третье предварительное возражение состояло в том, что, по мнению ответчика, истец не вправе защищать интересы бельгийских граждан, от имени которых он предъявил иск. Претензии касаются не какого-либо бельгийского физического или юридического лица, а компании «Барселона трэксин», юридического лица, зарегистрированного в Канаде, тогда как бельгийские заинтересованные лица являются в действительности лишь акционерами этой компании. По мнению ответчика, согласно международному праву, если государство причинило ущерб иностранной компании, дипломатическую защиту ее акционерам не может оказывать никакое государство, кроме того, в котором она зарегистрирована. Истец не согласился с этой точкой зрения.

Суд пришел к выводу, что для решения вопроса о том, имеет ли правительство *jus standi* защищать интересы акционеров, сначала необходимо решить другой вопрос: каким образом в соответствии с международным правом регулируется правовая ситуация, складывающаяся вокруг интересов акционеров. В результате истец непременно сошлется на права, которые, по его утверждению, он имеет в отношении своих граждан в соответствии с нормами международного права, регулирующими обращение с иностранцами. Следовательно, вывод Суда о том, что истец не имеет *jus standi*, будет равноценен выводу, что подобных прав не существует и что по существу иск недостаточно обоснован.

Третье возражение имеет определенные аспекты, требующие предварительного рассмотрения, однако они связаны с целым рядом вопросов, касающихся права, фактов и юридического статуса, причем связаны в такой степени, что на данной стадии судопроизводства Суд не может с полной уверенностью заявить, что он имеет в своем распоряжении все, что могло бы понадобиться для принятия решения. На стадии судопроизводства по существу дела у Суда будет больше возможностей для вынесения решения на основе полного ознакомления с фактами.

Вышеприведенный анализ применим *a fortiori* к четвертому предварительному возражению, в котором ответчик утверждает, что якобы еще не исчерпаны местные средства урегулирования спора. Это

утверждение действительно неразрывно связано с проблемами отказа в правосудии, составляющими основную часть рассмотрения дела по существу.

Суд, соответственно, присоединил третье и четвертое предварительные возражения к существу спора.

43. ДЕЛА О ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ (ВТОРАЯ ФАЗА)

Решение от 18 июля 1966 года

Дела о Юго-Западной Африке (Эфиопия против Южной Африки; Либерия против Южной Африки), связанные с сохранением действия мандата на Юго-Западную Африку и, соответственно, с выполнением Южной Африкой своих обязательств как государства-мандатария, были начаты по заявлениям правительства Эфиопии и Либерии, зарегистрированным в реестре 4 ноября 1960 года. Постановлением от 20 мая 1961 года Суд объединил судопроизводство по этим двум делам. Правительство Южной Африки выдвинуло предварительные возражения относительно рассмотрения дела по существу в Суде, однако эти возражения были отвергнуты Судом 21 декабря 1962 года, так как Суд решил, что он обладает компетенцией принять дело к производству и рассмотреть спор по существу.

В своем решении на второй фазе рассмотрения дел Суд решающим голосом председателя, поскольку голоса разделились поровну (семь против семи), постановил, что государства-заявители не могут рассматриваться в качестве сторон, имеющих законное право или интерес по существу своих требований, и, соответственно, отклонил их иски.

Председатель сэра Перси Спендер присоединил свое заявление к данному решению. Судья Морелли и судья *ad hoc* ван Вик представили свои особые мнения. Вице-председатель Веллингтон Ку, судья Корецкий, Танака, Джессап, Падилья Нерво и Форстер, а также судья *ad hoc* Луис Мбанефо представили свои мнения о несогласии.

Заявители, действуя в качестве государств, которые в период существования Лиги наций были ее членами; сделали целый ряд заявлений, в которых Южно-Африканская Республика обвинялась в нарушении мандата Лиги наций на Юго-Западную Африку.

Предметом спора сторон явились, в частности, следующие вопросы: сохраняет ли юридическую силу мандат на Юго-Западную Африку и если сохраняет, то трансформировалась ли обязанность мандатария представлять ежегодные доклады об управлении подмандатной территорией Совету Лиги наций в обязательство представлять такие доклады Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций; сделал ли ответчик в соответствии с мандатом все возможное для обеспечения материального и морального благополучия и социального прогресса населения территории; нарушил ли

мандатарий определенные в мандате запрещения «военной подготовки местных жителей» и создания военных или морских баз или сооружения военных укреплений на территории; нарушила ли Южная Африка положение мандата о том, что его условия могут быть изменены только с согласия Совета Лиги наций, тем, что пытается изменить эти условия без согласия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, которая, по мнению заявителей, в этом и в иных отношениях заменила собой Совет Лиги наций.

Перед рассмотрением этих вопросов Суд, однако, определил, что есть два вопроса предварительного характера, связанных с существом дела, решение которых могло бы сделать рассмотрение других аспектов дела излишним. Первый вопрос — сохраняется ли юридическая сила мандата в целом, второй — каков статус заявителей на данной стадии судопроизводства, то есть каково их законное право или интерес по существу их требований. Поскольку Суд основывал свое решение на выводе, что заявители не обладают таким законным правом или интересом, то он не выносил решения по вопросу о том, сохраняет ли мандат свою юридическую силу. Более того, Суд подчеркнул, что решение 1962 года о своей компетенции в этом деле он выносил без предварительного решения вопроса о действительности мандата — вопроса, связанного с рассмотрением дела по существу, и не связанного с предметом рассмотрения в 1962 году, за исключением лишь того аспекта, который связан исключительно с вопросом юрисдикции — тем единственным вопросом, который тогда рассматривался Судом.

Обращаясь к основам своего решения по настоящему судопроизводству, Суд напомнил, что мандатная система была создана в соответствии со статьей 22 Устава Лиги наций. Существовало три категории мандатов — «А», «В» и «С», различные черты структурного характера у которых, однако, совпадают. Главным элементом каждого соглашения о мандате были статьи, определявшие полномочия мандатария и его обязательства в отношении населения территории, а также в отношении Лиги и ее органов. Суд обозначил это как «руководящие» положения. Помимо этого, каждое соглашение о мандате содержало статьи, предоставлявшие определенные права, связанные с подмандатной территорией, непосредственно членам Лиги как отдельным государствам либо их гражданам. Суд назвал такие права «особыми интересами», и в мандатах они отражены в положениях об «особых интересах».

Кроме того, во всех мандатах содержались статьи

о юрисдикции, которые, за единственным исключением, давались в идентичной формулировке, и предусматривали обращение в спорных случаях в Постоянную палату международного правосудия, что, как определил Суд в ходе первой фазы рассмотрения данного дела, по смыслу статьи 37 Статута Суда следует ныне толковать как необходимость обращаться в настоящий Суд.

Проводя различие между содержащимися в соглашениях о мандатах «руководящими» положениями и положениями об «особых интересах», Суд рассматривает настоящий спор как относящийся исключительно к первой из этих двух категорий. Необходимо определить, относятся ли то или иное законное право или интерес к членам Лиги в индивидуальном качестве, в том, что касается «руководящих» положений мандатов, то есть имеют ли различные мандатарии индивидуально какие-либо прямые обязательства в отношении других членов Лиги, в том, что касается осуществления «руководящих» положений мандатов. Если ответ на этот вопрос будет состоять в том, что заявители не могут рассматриваться как имеющие заявленное законное право или интерес, то, даже в том случае, если справедливость утверждений о различных нарушениях условий мандата на Юго-Западную Африку будет установлена, заявители все же не будут иметь права на получение судебного решения и его мотивировки, с просьбой о вынесении которых они обратились к Суду в своих последних представлениях.

Именно в своем качестве бывших членов Лиги наций заявители обратились в Суд; и права, о которых они заявляют, это права, которыми были наделены члены Лиги во времена ее существования. Соответственно, чтобы определить права и обязанности сторон в связи с мандатом, Суд должен был представить себя существующим в то время, когда была учреждена мандатная система. Любое расследование по вопросу прав и обязательств сторон должно проводиться главным образом на основе рассмотрения текстов соглашений и их положений при установлении срока их действия.

Подобным же образом необходимо обратить внимание на юридическую природу и структуру самого института Лиги наций, в рамках которой была сформирована мандатная система. Базовым элементом для нее была статья 2 Устава, предусматривавшая, что «деятельность Лиги в соответствии с настоящим Уставом осуществляется посредством функционирования Ассамблеи, Совета постоянного Секретариата». Отдельные государства-члены не могли действовать иначе в вопросах, касающихся Лиги, если это не было предусмотрено специально в определенной статье Устава.

В статье 22 Устава было установлено, что «лучший способ практической реализации [данного] принципа», заключающегося в том, что достижение благосостояния и развития» тех народов бывших колоний вражеских государств, которые «пока не способны развиваться самостоятельно», представляет собой «священную миссию цивилизации», состоит в том, что «осуществление опеки над этими народами должно быть возложено на передовые нации...», ко-

торые желают взять его на себя», при этом было специально указано, что «эта опека должна осуществляться такими нациями в качестве мандатариев» «от имени Лиги наций». Мандатарии должны быть представителями Лиги, а не действовать просто как отдельные ее члены.

Статья 22 Устава предусматривала, что «гарантии осуществления» священной миссии должны быть «воплощены в настоящем Уставе». В соответствии с пунктами 7 и 9 статьи 22 каждый мандатарий должен «представлять Совету ежегодный доклад относительно территории»; для «получения и изучения» этих ежегодных докладов надлежало создать постоянную мандатную комиссию, которая должна была «консультировать Совет по всем вопросам, касающимся соблюдения условий мандатов». Кроме того, в самих соглашениях о мандате было предусмотрено, что эти ежегодные доклады должны представляться «во исполнение требований Совета».

Отдельные государства — члены Лиги могли принимать участие в административном процессе лишь путем своего участия в работе органов, посредством которых должно было осуществляться функционирование Лиги. Они, государства, не имели права прямо вмешиваться в дела мандатариев: это была прерогатива органов Лиги.

Методы, использовавшиеся при разработке мандатных документов, еще более четко отражают точку зрения, что члены Лиги в общем не рассматривались как имеющие сколько-нибудь прямое отношение к подготовке различных соглашений о мандате. Более того, в то время, как для любого изменения условий мандата требовалось согласие Совета Лиги, ничего не говорилось о том, что помимо этого требуется такое же согласие отдельных членов Лиги. Отдельные члены Лиги не являлись сторонами в различных соглашениях о мандате, хотя в ограниченной степени и только в определенных аспектах они имели права по этим соглашениям. По этим соглашениям они могли получить только такие права, которые были прямо названы.

Если бы члены Лиги индивидуально обладали теми правами, которые, как заявили, у них были, то положение мандатариев, которые должны были бы учитывать различные мнения примерно 40-50 государств, было бы непереносимым. Более того, обычным правилом голосования в Лиге было единогласие, и поскольку мандатарий участвовал в работе Совета при рассмотрении вопросов, касающихся его мандата, то такие вопросы не могли быть решены, если мандатарий голосовал против. С подобной системой несовместима позиция, которую, как утверждают заявители, занимают индивидуально члены Лиги, и если, будучи членами Лиги, они не обладали этими правами, то они не обладают ими и теперь.

* * *

Была сделана попытка обосновать наличие законного права или интереса в осуществлении мандата просто существованием, или принципом, «священной миссии». Священная миссия, как было сказано,

это «священная миссия цивилизации» и, следовательно, все цивилизованные нации имеют интерес в том, чтобы видеть, как она реализуется. Но чтобы этот интерес получил специфически правовой характер, священная миссия должна быть или стать чем-то более значительным, нежели моральный или гуманистический идеал. Чтобы стать источником законных прав и обязательств, она должна получить правовое выражение и быть облечена в юридическую форму. Моральный идеал не следует путать с юридическими нормами, обеспечивающими его реализацию. Принцип «священной миссии» не имеет какого-то остаточного юридического содержания, которое могло бы, применительно к любому конкретному мандату, реализоваться само по себе и порождать законные права и обязательства вне системы в целом.

Суд не мог согласиться и с мнением о том, что даже если бы юридическая позиция заявителей и других отдельных членов Лиги была такой, какой она должна быть по мнению Суда, то так было лишь в период существования Лиги, и что после ее роспуска права, ранее принадлежавшие самой Лиге или ее компетентным органам, перешли к отдельным государствам, которые были ее членами на дату роспуска Лиги. Хотя в 1962 году Суд решил, что члены ликвидированной международной организации, то есть уже не являющиеся ее членами, могут сохранять права, которыми они индивидуально обладали в период существования этой организации, тем не менее данный вывод нельзя распространять, приписывая им, после роспуска и по причине его, права, которых они, даже когда прежде были ее членами, не имели каждый в отдельности. Ничто из того, что произошло после роспуска Лиги, не могло наделять ее членов правами, которыми они не обладали ранее как члены Лиги. Суду не известны какие-либо односторонние декларации, или заявления о намерениях, сделанные различными мандатариями в связи с роспуском Лиги, в которых выражалось бы их стремление продолжать руководствоваться мандатами в управлении соответствующими территориями и в которых члены Лиги индивидуально наделялись бы какими-либо новыми законными правами или интересами, которых они не имели ранее.

Можно сказать, что поскольку мнение Суда привело к выводу о том, что в настоящее время не существует какой-либо организации, которая могла бы требовать надлежащего выполнения мандата, то подобные претензии должны быть признаны неприемлемыми. Однако если точное правовое толкование данной ситуации позволяет считать определенные права, относительно которых выдвигаются претензии, несуществующими, то необходимо согласиться и с последствиями подобного вывода. Постулировать существование таких прав с целью изменить эти последствия значит ставить решение по существу юридических проблем на службу политическим целям.

Обращаясь к утверждению о том, что законное право и интерес заявителей были проанализированы в решении 1962 года и, в настоящее время, не могут быть рассмотрены вновь, Суд подчеркнул, что ре-

шение по поводу предварительного возражения никогда не может помешать в решении вопроса существа дела, независимо от того, затрагивался он или не затрагивался в связи с предварительными возражениями. В соответствии с пунктом 3 статьи 62 регламента Суда, когда обвиняемая сторона выдвигает предварительные возражения, производство по существу дела приостанавливается. Впоследствии и до тех пор, пока не будет возобновлено рассмотрение дела по существу, не может быть никакого решения, окончательно определяющего или предпрещающего результаты такого рассмотрения. Решение по предварительному возражению может затрагивать существо дела, однако это может делаться лишь в предварительном порядке и в той мере, насколько это необходимо для решения вопроса, поставленного в данном предварительном возражении. Оно не может квалифицироваться как окончательное решение дела по существу.

Когда в 1962 году было решено, что заявители имеют право ссылаться на имеющуюся в мандате оговорку о юрисдикции, то в том, что касается решения по существу, им оставалось установить, что они имеют такое право или интерес в осуществлении положений, на которые они ссылаются, что дает им право на получение заключений и заявлений, за которыми они обратились к Суду. Между решением о том, что заявители имеют право ссылаться на оговорку о юрисдикции, и решением о том, что они не доказали наличия законной основы своих требований по существу дела, нет противоречия.

Что касается утверждения о том, что оговорка о юрисдикции, содержащаяся в мандате, предоставляет касающееся существа право требовать от мандатария осуществления положений о «соблюдении мандата», то необходимо отметить, что было бы удивительно, если бы такое важное право создавалось столь казуальным и почти случайным путем. В действительности в этой юрисдикционной оговорке нет ничего, что отличало бы ее от многих других. В процессуальном праве почти элементарным является принцип, согласно которому следует проводить различие между правом обращаться в суд и правом суда изучить претензии по существу — с одной стороны, и законным правом истца относительно существа своих претензий, которое он должен доказать перед судом, — с другой. Юрисдикционные оговорки по своей природе и действию являются процессуальными, а не материально-правовыми: они не устанавливают, имеют ли стороны какие-либо материальные права, а лишь обеспечивают возможность тем, кто ими уже обладает, защищать их путем обращения в судебный орган.

Затем Суд рассмотрел права членов Совета Лиги в соответствии с юрисдикционными оговорками договоров о меньшинствах, подписанных после первой мировой войны, и провел различие между ними и юрисдикционными оговорками соглашений о мандате. Что касается мандатов, то в этом случае юрисдикционная оговорка должна была обеспечить отдельных членов Лиги Наций средствами для защиты их «особых интересов», связанных с подмандатными территориями; что же касается договоров о мень-

шинствах, то, в соответствии с юрисдикционной оговоркой, право членом Совета действовать должно было лишь обеспечивать защиту групп населения, составляющего меньшинство. Более того, любое «различие мнений» уже в самих договорах о меньшинствах было заранее квалифицировано как подлежащее судебному разбирательству, поскольку оно «признавалось в качестве международного спора». Таким образом, вопрос об отсутствии законных прав или интересов не мог возникнуть. Вместе с тем, юрисдикционная оговорка мандатов не имеет ни одного из тех особых качеств и воздействий, которые присущи соответствующим оговоркам договоров о меньшинствах.

Затем Суд уделил внимание тому, что было названо ясным и недвусмысленным языком юрисдикционной оговорки — буквальному значению ссылки на «любой спор, каким бы он ни был» в сочетании со словами «между мандатарием и другим членом Лиги Наций», и выражением «касающийся ... условий мандата», что, как было сказано, позволяло обращаться в Суд по поводу спора о любом положении мандата. Суд не считает, что употребленные в пункте 2 статьи 7 мандата на Юго-Западную Африку слова «каким бы он ни был» [whatever] означают нечто большее, чем акцентирование внимания на выражении, которое и без них имело бы точно такой же смысл. Выражение «любой спор» [каким бы он ни был] по существу не отличается по смыслу от слова «спор»; таким же образом ссылка на «положения» мандата, во множественном числе по смыслу не изменилась бы, если было бы употреблено слово «положение». Значительная часть пункта 2 статьи 36 Статута Суда, посвященного признанию его юрисдикции обязательной, сформулирована в терминах, которые столь же ясны и недвусмысленны и даже более широко по значению. Невозможно предположить, что основываясь на том факте, что здесь используются самые общие выражения, признающие обязательную юрисдикцию Суда государство освобождается от определения законного права или интереса по существу своей претензии. Суд не может согласиться с утверждением, что юрисдикционная оговорка, наделяя определенной компетенцией Суд, тем самым автоматически предоставляет и определенное право, касающееся существа дела.

Затем Суд обратился к вопросу о приемлемости претензии. Он отметил, что в решении 1962 года говорилось лишь, что Суд обладает «компетенцией рассматривать дело по существу» и что если бы возник вопрос о приемлемости претензии, то в настоящее время он должен был бы решаться таким же образом, как и при рассмотрении по существу дела *Ноттебома*; в этом случае Суд решил бы вопрос точно так же, то есть, рассматривая дело с точки зрения права заявителей предъявлять их нынешние требования, Суд установил бы, что они такого права не имеют, и, следовательно, их претензия неприемлема.

Наконец, Суд рассмотрел так называемый аргумент о «необходимости». Суть его состоит в том, что поскольку Совет Лиги не мог навязывать свою точку зрения мандатарии и поскольку никакое консуль-

тивное заключение, которое он мог получить от Суда, не создавало бы для мандатария каких-либо обязательств, то соглашение о мандате могло произвольно нарушаться. Следовательно, как было заявлено, в качестве обеспечения главной гарантии или защиты для реализации священной миссии, важно, чтобы считалось, что каждый член Лиги имеет законное право или интерес в вопросе и способен самостоятельно предъявить иск по соответствующему поводу. Однако на практике, при функционировании мандатной системы весьма сложно было с помощью аргументов, дискуссий, переговоров и скоординированных усилий, прийти к выводам, которые были бы в целом приемлемыми, и избежать ситуаций, в которых мандатарий был бы вынужден молча через силу согласиться с мнением других членом Совета, не доводя дело до голосования против. В этих условиях существование прав, касающихся существа, у отдельных членом Лиги при выполнении ими соглашений о мандате и реализуемых независимо от Совета, не могло иметь места. Более того, не говоря о невероятности того, что если бы создатели мандатной системы считали необходимым наличие возможности навязывать ту или иную политику мандатарии, то они предоставили бы ее отдельным членам Лиги, действия которых носят случайный и неопределенный характер, маловероятно, что система, которая специально предоставила мандатариям возможность блокировать решения Совета, используя свое право вето (хотя, насколько известно Суду, этого ни разу не было), одновременно наделила бы каждого отдельного члена Лиги законным правом на обжалование, если мандатарий применяет свое вето. В международной сфере существование обязательств, к исполнению которых нельзя принудить с помощью какого-то законного механизма, всегда было скорее правилом, нежели исключением — и для 1920 года это даже более верно, чем для сегодняшнего дня.

Более того, аргумент о «необходимости» равнозначен требованию, чтобы Суд признал правомерность действия, эквивалентного *actio popularis*, то есть признал право, присущее любому члену сообщества, принимать законные меры для защиты публичного интереса. Однако в настоящее время такая норма в международном праве отсутствует: Суд не может рассматривать ее, как вытекающую из «общих принципов права», упомянутых в пункте 1 (с) статьи 38 Статута.

В заключение анализа аргумента о «необходимости» Суд отметил, что он представляется основанным на соображениях внеправового характера, возникших в результате знания фактов, имевших место в более поздний период. Речь идет о событиях, которые произошли после того, как Лига прекратила свое существование, они не были присущи мандатной системе в ее первоначальном виде. Именно они породили предполагаемую «необходимость», которая, если и имеется, связана с политическими проблемами, и не является необходимостью с точки зрения права. Суд не является законодательным органом. Стороны всегда могут обратиться к Суду с просьбой разрешить дело *ex aequo et bono* в соответ-

ствии с пунктом 2 статьи 38 Статута. В ином случае задача Суда проста: он обязан применить известный ему закон в том виде, в котором он существует, а не создавать закон.

Можно было настаивать на том, что Суд имеет право «заполнить пробел», применяя телеологический принцип толкования, в соответствии с которым соглашения должны быть наделены правовой силой в максимальной степени, с тем, чтобы обеспечить достижение поставленных в них основных целей. Принцип этот весьма противоречив, во всяком случае он не может быть применен в условиях, когда Суд должен был бы выйти за пределы того, что с полным основанием могло бы рассматриваться как процесс толкования, и включиться в процесс исправления или пересмотра. Нельзя полагать, что права существуют только потому, что, возможно, есть желание того, чтобы они существовали. Суд не может быть средством устранения недостатков, если для того, чтобы это сделать, он должен выйти за грани-

цы обычного судебного процесса.

Можно было бы настаивать также на том, что Суд имел бы право на несовершенство действия в результате того, что заинтересованные стороны не смогли предвидеть последующие события и обратить внимание на то, что, как можно было бы предположить, пожелали бы создатели мандатной системы или даже какие они разработали бы вполне определенные положения, если бы они заранее знали о том, что должно произойти. Суд, однако, не может делать предположений о том, каковы были бы цели и намерения соответствующих сторон в ожидании событий, которые никто не предвидел и которые нельзя было предвидеть; но даже если бы Суд и мог это сделать, то, во всяком случае, невозможно делать предположения, на которых настаивают заявители, по поводу того, каковы эти намерения.

По приведенным выше основаниям Суд решил отклонить иски Эфиопской Империи и Республики Либерии.

44. ДЕЛА О КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ СЕВЕРНОГО МОРЯ

Решение от 20 февраля 1969 года

По делам о континентальном шельфе Северного моря Суд вынес постановление 11 голосами против 6.

Спор, представленный в Суд 20 февраля 1967 года, был связан с делимитацией границ континентального шельфа между Федеративной Республикой Германией и Данией, с одной стороны, и между Федеративной Республикой Германией и Нидерландами — с другой. Стороны просили Суд определить принципы и нормы международного права, применимые к вопросам делимитации границ, на основе которых следует эту делимитацию провести.

Суд отклонил утверждения Дании и Нидерландов, что делимитация, о которой идет речь, должна быть проведена на основе принципа равного отстояния, как он определен в статье 6 Женевской конвенции 1958 года о континентальном шельфе, на том основании:

— что Федеративная Республика Германии, не ратифицировав эту конвенцию, не связана юридически с положениями статьи 6;

— что принцип равного отстояния не является необходимым следствием общей концепции прав на континентальный шельф, а также нормой обычного международного права.

Суд отклонил утверждение Федеративной Республики Германии, касающееся принятия принципа разделения континентального шельфа на основе справедливости. Он утверждал, что каждая сторона имеет первичное право на те части континентального шельфа, которые образуют естественное продолжение ее территории в море. Речь идет не о разделении или распределении этих частей, а о делимитации их границ.

Суд пришел к выводу, что разграничительные линии, о которых идет речь, должны быть проведены по соглашению между сторонами и в соответствии с принципами справедливости; он указал те определенные факторы, которые необходимо принять во внимание при достижении этой цели. В настоящее время стороны, поскольку они согласились на это, должны вступить в переговоры друг с другом на основе таких принципов.

Судопроизводство по вопросу о делимитации границ между сторонами частей континентального шельфа Северного моря, принадлежащих каждой из них, было начато 20 февраля 1967 года, когда в секретариат Суда поступило сообщение о двух специальных соглашениях, заключенных, соответственно между Данией и Федеративной Республикой Германией и между Федеративной Республикой Германией и Нидерландами. Постановлением от 26 апреля 1968 года Суд объединил производство по обоим делам в одно.

По обоим делам Суд принял единое решение 11 голосами против 6. Из числа судей, поддержавших решение, судья сэр Мохаммед Зафрулла Хан приложил заявление; Председатель Бустаманте-и-Риверо и судья Джессап, Падилья-Нерво и Амму приложили особые мнения. Из числа судей, не поддержавших решение, заявление о несогласии приложил судья Бенгсон; заместитель Председателя Корецкий, а также судья Танака, Морелли, Ляхс и судья *ad hoc* Соренсен приложили особые мнения.

В своем решении Суд проанализировал в контексте делимитации границ поднятые в заявлениях сторон проблемы правового режима континентального шельфа.

Факты и заявления сторон
(пункты 1-17 решения)

В двух специальных соглашениях к Суду была обращена просьба указать принципы и нормы международного права, применимые к вопросам делимитации границ тех частей континентального шельфа Северного моря, принадлежащих каждой из сторон, которые оказались за пределами пространства, находящегося в непосредственной близости от берега, уже определенными соглашениями между Федеративной Республикой и Нидерландами от 1 декабря 1964 года и соглашением Федеративной Республики и Дании от 9 июня 1965 года. Суд не просили заниматься дальнейшей делимитацией границ, а стороны обязались в своих специальных соглашениях осуществить эту делимитацию, руководствуясь решением Суда.

Северное море мелководно, морское дно, за исключением Норвежской впадины, представляет собой континентальный шельф, находящийся на глубине менее 200 метров. Большая его часть уже делимитирована заинтересованными прибрежными государствами. Федеративная Республика и, соответственно, Дания и Нидерланды не смогли, однако, прийти к соглашению о линии продолжения границ, о которых говорилось выше, главным образом потому, что Дании и Нидерландам желательно это сделать на основе принципа равного отстояния, тогда как Федеративная Республика считает, что в этом случае та часть континентального шельфа, которая, по ее мнению, по праву принадлежит ей в соответствии с длиной ее побережья Северного моря, неправомерно сократится. Делимитация только одной какой-либо части границ, о которых идет речь, не даст этого эффекта, ее надо проводить в обеих частях — обстоятельство, которое Дания и Нидерланды рассматривают как не соответствующее их стремлению провести отдельные делимитации безотносительно друг друга.

Граница, проведенная на основе принципа равного отстояния, то есть «линия равного отстояния», дает возможность оставить каждой заинтересованной стороне все те части континентального шельфа, которые находятся ближе к какой-либо точке ее побережья, чем к любой точке побережья другой стороны. В том случае, если побережье имеет очертание вогнутой линии, углубляется в территорию материка, как это имеет место на побережье Северного моря, принадлежащем Федеративной Республике, применение метода равного отстояния приведет к тому, что линия границы будет втягиваться внутрь, по очертанию впадины. Следовательно, когда по методу равного отстояния проводятся две линии, они при сильном изгибе неизбежно сойдутся на относительно коротком расстоянии от берега, «отрезав» таким образом прибрежное государство от внешней части континентального шельфа. Если же, напротив, очертание побережья представляет собой изогнутую, но выпуклую линию, как это в определенной мере характерно для побережья Дании и Нидерландов, то линии, проведенные по принципу равного отстояния, отдаляются от берега и, таким образом, увеличивают ту часть континентального шельфа,

которая примыкает к данному участку побережья.

Представители Дании и Нидерландов утверждали, что данный вопрос в целом регулируется императивной правовой нормой, которая, в соответствии с формулировкой статьи 6 Женевской конвенции о континентальном шельфе от 29 апреля 1958 года, рассматривается как правило «равного отстояния — особых обстоятельств». Это правило состоит в том, что, при отсутствии соглашения между сторонами об использовании другого метода, все границы континентального шельфа должны проводиться в соответствии с линией равного отстояния, если не будет признано наличие «особых обстоятельств». По мнению Дании и Нидерландов, очертание германского побережья Северного моря не может служить основанием для утверждения о наличии особых обстоятельств относительно любой из двух границ, о которых идет речь.

Федеративная Республика, со своей стороны, утверждала, что приемлемой, во всяком случае, в ситуации, сложившейся в Северном море, является норма, согласно которой каждое из заинтересованных государств должно иметь «справедливую, взаимоприемлемую долю» имеющегося континентального шельфа, пропорциональную длине его морского побережья. Федеративная Республика утверждала также, что в море, конфигурация которого такова, как у Северного моря, каждое заинтересованное государство имеет право на часть континентального шельфа, простирающуюся до центральной точки этого моря или, по крайней мере, до его серединной линии. В качестве альтернативного варианта Федеративная Республика сделала заявление, что если будет решено признать применимость метода равного отстояния, то конфигурация германского побережья Северного моря должна быть признана в качестве особого обстоятельства, оправдывающего отход в данном конкретном случае от применения этого метода делимитации границ.

Неприемлемость теории пропорционального раздела
(пункты 18-20 решения)

Суд счел невозможным согласиться, в той конкретной форме, какую оно приняло, с первым утверждением, сделанным Федеративной Республикой. Перед ней стоит задача проведения делимитации границ, а не раздела континентального шельфа. Процесс делимитации означает установление границ той части шельфа, которая в принципе уже принадлежит прибрежному государству, а не определение этой части *de novo*. Доктрина справедливой, взаимоприемлемой доли полностью противоречит самой основополагающей из всех правовых норм, регулирующих режим континентального шельфа, а именно, норме, согласно которой права прибрежного государства в отношении той части континентального шельфа, которая составляет естественное продолжение его сухопутной территории под водой, существуют *ipso facto* и *ab initio* на основании его суверенитета над этой территорией. Это право является неотъемлемым. Для его осуществления не требуется принятия каких-либо специальных правовых

актов. Отсюда следует, что понятие разделенной, но не делимитированной территории, рассматриваемой в целом (лежащее в основе доктрины справедливой и взаимоприемлемой доли), несовместимо с концепцией установления права на континентальный шельф.

Неприменимость статьи 6 Конвенции о континентальном шельфе 1958 года
(пункты 21-36 решения)

Затем Суд обратился к вопросу о том, обязана ли Федеративная Республика при осуществлении делимитации границ согласиться с применением принципа равного отстояния. Действительно, никакой другой метод делимитации не дает такого сочетания практического удобства и гарантированности применения, однако этих условий не достаточно для его превращения в правовую норму. Данный метод может приобрести законную силу в результате действия иных факторов, чем наличие вышеуказанных преимуществ.

Первый вопрос, который необходимо рассмотреть, состоит в следующем: создает ли Женевская конвенция о континентальном шельфе 1958 года обязательства для всех сторон в данном деле? В соответствии с формальными положениями конвенции, она вступает в силу для каждого отдельного государства, которое подписало ее до истечения предусмотренного срока, только после последующей ее ратификации этим государством. Дания и Нидерланды подписали и ратифицировали Конвенцию и стали ее участниками, однако Федеративная Республика, хотя и подписала Конвенцию, но не ратифицировала ее и, следовательно, не стала ее участником. Дания и Нидерланды согласны с тем, что в этих условиях Конвенция не может как таковая юридически связывать Федеративную Республику. Однако они утверждают, что предусмотренный статьей 6 Конвенции правовой режим Федеративная Республика обязана соблюдать, поскольку своим поведением, своими публичными заявлениями и декларациями и иным образом Республика приняла на себя обязательства по Конвенции.

Очевидно, что согласиться с этими утверждениями можно только при условии весьма определенного, максимально последовательного поведения государства, оказавшегося в положении Федеративной Республики. Когда многие государства принимали Конвенцию, в которой был особо оговорен способ публичного оповещения о своем намерении принять на себя обязательства, проистекающие из предусмотренного в ней правового режима, трудно предположить, что государство, не выполнившее эти формальности, тем не менее приобрело эти обязательства иным образом. Более того, даже если Федеративная Республика ратифицировала бы Женевскую конвенцию, она могла бы сделать оговорку к статье 6 в соответствии со статьей 12 Конвенции, предоставляющей такое право.

Утверждения Дании и Нидерландов могут быть признаны основательными лишь при условии лишения другой стороны права возражения по причине ее предшествующего поведения, то есть если Феде-

ративная Республика была бы вынуждена отказаться от непризнания предусмотренного Конвенцией правового режима по причине ее предшествующего поведения, заявлений и т.п., которые не только со всей очевидностью свидетельствовали бы о согласии с этим правовым режимом, но и причинили бы Дании и Нидерландам, уже доверившимся этим заявлениям, определенный ущерб в результате изменения их положения или иных причин. Подтверждений этому нет. Соответственно, статья 6 Женевской конвенции как таковая не может быть применима для делимитации, вопрос о которой является предметом данного судебного разбирательства.

Принцип равного отстояния не является неотъемлемой частью основной доктрины, связанной с континентальным шельфом
(пункты 37-59 решения)

Со стороны Дании и Нидерландов выдвигалось утверждение, что Федеративная Республика в любом случае, независимо от Женевской конвенции, обязана согласиться на делимитацию на основе принципа равного отстояния, поскольку он стал общепризнанной, или обычной нормой международного права, автоматически связывающей Федеративную Республику обязательством.

Один аргумент, выдвинутый ими в поддержку этого утверждения, который можно было бы обозначить как аргумент а priori, был связан с той точкой зрения, что права прибрежного государства на его часть континентального шельфа основаны на суверенитете над находящейся в его владении территорией, естественным подводным продолжением которой является соответствующая часть шельфа. Из этого положения о принадлежности следует — и этого мнения придерживается Суд, — что права прибрежного государства существуют *ipso facto* и *ab initio*. Дания и Нидерланды утверждают, что критерием принадлежности должна быть «близость»: принадлежащими конкретному прибрежному государству считаются все те части шельфа, которые расположены ближе к нему, чем к любой точке побережья какого-либо государства. Следовательно, делимитация границ должна осуществляться с помощью такого метода, применение которого сохраняет за каждым заинтересованным государством все те части шельфа, которые расположены ближе всего именно к его побережью. Поскольку, как было заявлено, это можно обеспечить лишь проведением линии на равном отстоянии, только она может считаться юридически действительной.

Данная точка зрения выглядит весьма убедительно; большая часть принадлежащего какому-либо государству континентального шельфа обычно бывает действительно расположена ближе к его побережью, чем к побережью другого государства. Однако на самом деле вопрос заключается в другом: следует ли из этого, что каждая часть шельфа должна быть расположена именно таким образом? Суд не считает, что надо согласиться с идеей «близости», которая носит в известной мере неопределенный характер. Более основательной является концепция континентального шельфа как естественного про-

должения сухопутной территории, принадлежащей государству. Даже если близость может служить в качестве одного из применяемых критериев и иметь важное значение в надлежащих условиях, этот критерий не может быть обязательно единственным или самым приемлемым при всех обстоятельствах. Подводные территории принадлежат прибрежному государству не только потому, что расположены вблизи него, их принадлежность, безусловно, не зависит и от делимитации их границ. Правооснованием *ipso jure* является тот факт, что подводные территории, о которых идет речь, в действительности могут считаться частью территории государства в том смысле, что они являются подводным продолжением его сухопутной территории. Равноудаленность, очевидно, не может идентифицироваться с понятием естественного продолжения, поскольку применение метода равного отстояния могло бы во многих случаях привести к тому, что шельф, представляющий собой естественное продолжение сухопутной территории одного государства, стал бы принадлежать другому государству. Таким образом, тезис о равном отстоянии не является а priori неотъемлемой принадлежностью основной доктрины континентального шельфа.

Вышеприведенные выводы подтверждает анализ истории возникновения метода равного отстояния, используемого при делимитации границ. Начальным моментом процесса разработки действующего права, регламентирующего данный вопрос, можно считать 28 сентября 1945 года, когда правительство Соединенных Штатов приняло Декларацию Трумэна. В этой Декларации провозглашена основная доктрина, согласно которой прибрежное государство имеет первичное, естественное и исключительное право на континентальный шельф, примыкающий к его побережью; эта доктрина приобрела приоритетное положение относительно всех других доктрин и получила ныне отражение в Женевской конвенции 1958 года. Относительно делимитации границ между континентальными шельфами смежных государств в Декларации Трумэна было заявлено, что такие границы «будут устанавливаться Соединенными Штатами и заинтересованным государством в соответствии с принципами справедливости». Эти две концепции — делимитация на основе взаимного соглашения и делимитация на основе принципов справедливости — заложили основу всего последующего развития данной области права. Благодаря в основном рекомендациям комитета экспертов принцип равного отстояния при делимитации границ континентального шельфа был принят Комиссией международного права Организации Объединенных Наций в формулировке, которая была представлена на Женевской конференции по морскому праву 1958 года, принявшей Конвенцию о континентальном шельфе. Было бы закономерно полагать, что эксперты побуждались соображениями, основанными не на правовой теории, а на практической выгоде и картографии. Более того, в статье, принятой Комиссией, представлялся приоритет делимитации по соглашению и было предусмотрено исключение из общего правила в случае «особых обстоятельств».

В соответствии с этим Суд считает, что Дания и Нидерланды извратили истинный порядок вещей и что правило равного отстояния, появившееся в результате развития принципа близости, отнюдь не является неотъемлемой частью всей концепции о принадлежности континентального шельфа, а скорее последнее является более рациональным вариантом первого.

Принцип равного отстояния не является нормой обычного международного права (пункты 60-82 решения)

Осталось решить вопрос о том, обеспечило ли развитие действующего права преобразование принципа равного отстояния таким образом, что он должен рассматриваться в качестве нормы обычного международного права.

Отклоняя утверждения Дании и Нидерландов, Суд полагал, что принцип равного отстояния, как он сформулирован в статье 6 Женевской конвенции, не был представлен Комиссией международного права как складывающаяся норма обычного международного права. Нельзя сказать, что в этой статье отражается или уточняется данная норма. Это подтверждается тем фактом, что при подписании, ратификации Конвенции или присоединении к ней любое государство может сделать оговорки в отношении статьи 6, что не допускается в отношении статей 1, 2 и 3. В то время, как другие конкретные положения Конвенции, хотя и относящиеся к вопросам, находящимся в сфере действия общепризнанного обычного права, также не исключают права на оговорку, все они связаны с нормами общего морского права, сложившимися задолго до принятия Конвенции, и лишь косвенно касаются прав на континентальный шельф как таковых; эти положения включены в Конвенцию только для того, чтобы регламентируемым ими отношениям, не был нанесен ущерб в процессе реализации прав на континентальный шельф. Статья 6, однако, прямо относится к правам на континентальный шельф как таковым, и поскольку она не исключена из сферы действия права на оговорку, можно сделать закономерный вывод, что она не рассматривалась как часть создающегося обычного права.

Дания и Нидерланды выдвигали следующий аргумент: если на момент принятия Женевской конвенции не существовало обычной нормы международного права относительно принципа равного отстояния, тем не менее такая норма сложилась после принятия Конвенции, частично под влиянием самой Конвенции, а частично на основе последующей практической деятельности государств. Чтобы такой процесс произошел, статья 6 Конвенции должна, во всяком случае потенциально, носить нормоустанавливающий характер. Однако статья 6 составлена таким образом, что обязательство применить метод равного отстояния можно осуществить только после того, как использовано положение о проведении делимитации по соглашению. Более того, условия применения положения об особых обстоятельствах в связи с принципом равного отстояния, споры о точном значении и пределах действия этого поло-

жения, а также право делать оговорки к статье 6 — все это должно вызвать сомнения относительно потенциально нормоустанавливающего характера данной статьи.

Более того, если широкое признание и представительное участие в конвенции может служить показателем того, что конвенционная норма становится общепризнанной нормой международного права, то в данном случае число государств, ратифицировавших конвенцию и присоединившихся к ней, едва ли может быть сочтено достаточным. Что касается временного аспекта, то, хотя краткость прошедшего периода не является непременно препятствием для формирования новой нормы обычного международного права на основе первоначально чисто конвенционной нормы, необходимо, чтобы правоприменительная практика государств в течение этого периода, в том числе государств, чьи интересы затронуты особо, постоянно расширялась и была бы действительно единообразной в отношении применяемых положений, а также свидетельствовала бы о всеобщем признании правовой нормы. Было упомянуто около 15 случаев, когда заинтересованные государства соглашались оформить или оформили приведение соответствующих границ на основе принципа равного отстояния, однако нет свидетельств того, что они совершили эти действия потому, что с юридической точки зрения считали себя обязанными применить этот принцип в качестве нормы обычного права. Эти случаи не являются убедительным и достаточным доказательством устойчивости сложившейся практики.

В результате Суд пришел к выводу, что Женевская конвенция, по ее первоначальным целям и источникам, не содержит деклараторной или императивной нормы обычного международного права, регламентирующей реализацию принципа равного отстояния, последующее ее вступление в силу не способствовало созданию подобной нормы, сложившаяся на сегодняшний день практика применения ее государствами также неудовлетворительна для этой цели.

Принципы и нормы права, подлежащие применению (пункты 83-101 решения)

Правовая ситуация такова, что стороны не обязаны применять принцип равного отстояния ни в соответствии с Конвенцией 1958 года, ни в качестве нормы общепризнанного или обычного международного права. Следовательно, для Суда отпала необходимость рассматривать вопрос о том, является ли конфигурация побережья Северного моря «особым обстоятельством». Однако Суд должен был еще указать сторонам принципы и нормы международного права, которыми следует руководствоваться при проведении делимитации.

Как следует из Декларации Трумэна, основные принципы при решении вопроса о делимитации границ состоят в том, что она должна быть объектом соглашения между заинтересованными государствами и что такое соглашение должно быть достигнуто

на основе принципов справедливости. Стороны обязаны начать переговоры в целях достижения соглашения, а не просто пройти через формальный процесс переговоров, рассматривая его как некое предварительное условие для автоматического применения определенного метода делимитации при отсутствии соглашения; они должны придерживаться такой линии поведения, чтобы переговоры стали результативными, чтобы не возникла ситуация, когда одна из сторон упорно придерживается своей позиции и не намерена ее менять. Данное обязательство представляет собой лишь частный случай применения принципа, лежащего в основе всех международных отношений, который, помимо всего прочего, в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций признан одним из средств мирного разрешения международных споров.

Стороны должны действовать таким образом, чтобы в данном конкретном случае, при учете всех обстоятельств, следовать принципам справедливости. Бесспорно, что Суд решает дело *ex aequo et bono*. Это как раз та правовая норма, которая требует применения принципов справедливости; в случаях, подобных рассматриваемым в настоящий момент, метод равного отстояния бесспорно может привести к несправедливому решению. Существуют другие методы, которые могут использоваться каждый в отдельности или в сочетании одного с другим с учетом характера территорий, о которых идет речь. Хотя стороны выразили намерение применять принципы и нормы, установленные Судом, требуются некоторые указания относительно возможных путей их применения.

По всем вышеприведенным основаниям Суд пришел к выводу, что в каждом случае использование метода равного отстояния не является обязательным для сторон; что не имеется другого единого метода делимитации границ континентального шельфа, применение которого во всех обстоятельствах является обязательным; что при делимитации необходимо действовать по соглашению, следуя принципам справедливости и принимая во внимание все обстоятельства, относящиеся к делу, и тем самым оставить каждой стороне в максимально возможной мере все те части континентального шельфа, которые образуют естественное продолжение ее территории, без вторжения в естественное продолжение сухопутной территории другой стороны; и что если в результате такой делимитации произойдет частичное совпадение территорий, они должны быть разделены между сторонами в согласованных пропорциях либо, в случае недостижения соглашения, поровну, если стороны не примут решения о режиме совместной юрисдикции, совместном пользовании или эксплуатации.

При переговорах в число факторов, которые должны быть приняты во внимание, необходимо включить: общую конфигурацию побережья сторон, а также его особые или необычные признаки; известные или легко устанавливаемые характеристики физической и геологической структуры и природные ресурсы континентального шельфа; показатель какого-то разумного соответствия между мерами территорий континентального шельфа, при-

надлежащих каждому государству, и длиной побережья этого государства, измеренной по общему направлению береговой линии, с учетом уже имею-

щихся или будущих результатов любых других делимитаций границ континентального шельфа в данном регионе.

45. ДЕЛО О КОМПАНИИ «БАРСЕЛОНА ТРЭКШН, ЛАЙТ ЭНД ПАУЭР ЛИМИТЕД» (ВТОРАЯ СТАДИЯ)

Решение от 5 февраля 1970 года

В своем решении, принятом на второй стадии рассмотрения дела о компании «Барселона трэкшн, лайт энд пауэр лимитед» (новое заявление: 1962 год) (Бельгия против Испании), Суд отклонил иск Бельгии 15 голосами против 1.

Иск, который был предъявлен в Суд 19 июня 1962 года, возник в связи с рассмотрением дела о банкротстве барселонской компании, действовавшей в Испании, но зарегистрированной в Канаде. Целью иска было получение возмещения за ущерб, который, по утверждению Бельгии, был причинен бельгийским гражданам — держателям акций компании в результате совершенных по отношению к ней действий органов испанского государства, противоречащих, как было заявлено, международному праву.

Суд решил, что Бельгия не имеет *jus standi* оказывать дипломатическую защиту акционерам канадской компании в связи с мерами, принятыми против нее в Испании.

Судьи Петрен и Ониеама приложили к решению совместное заявление. Председатель Бустаманте-и-Риверо, а также судьи сэры Джеральд Фицморис, Танака, Джессап, Морелли, Падилья Нерво, Грос и Аммуун приложили частные мнения.

Судья *ad hoc* Рифаген приложил особое мнение.

Предыстория дела (пункты 8-24 решения)

Компания «Барселона трэкшн, лайт энд пауэр» была зарегистрирована в 1911 году в Торонто (Канада), где находилось ее головное отделение. В целях создания и развития мощностей для производства электроэнергии и сети распределительной электропередачи в Каталонии (Испания) она создала ряд дочерних компаний, часть которых была зарегистрирована в Канаде, а часть — в Испании. В 1936 году эти компании обеспечивали удовлетворение значительной части потребностей Каталонии в электроэнергии. В соответствии с утверждениями бельгийского правительства спустя несколько лет после первой мировой войны акции компании «Барселона трэкшн» получили весьма широкое распространение среди бельгийских граждан, однако, по мнению испанского правительства, бельгийское гражданство акционеров не доказано.

Компания «Барселона трэкшн» выпустила несколько серий облигаций, в основном, в фунтах стерлингов. Стерлинговые облигации использовались для перевода средств дочерними компаниями, дей-

ствующими в Испании, в компанию «Барселона трэкшн». В 1936 году использование облигаций «Барселона трэкшн» было приостановлено ввиду гражданской войны в Испании. После войны испанские власти, ведающие вопросами валютного контроля, отказались разрешить перевод иностранной валюты, необходимой для использования стерлинговых облигаций. Впоследствии, когда бельгийское правительство опротестовало эти действия, испанское правительство заявило, что перевод не может быть разрешен, если не будет доказано, что иностранная валюта идет на оплату долгов, образовавшихся в результате реального импорта иностранного капитала в Испанию, а это не было подтверждено.

В 1948 году три испанских держателя только что приобретенных стерлинговых облигаций компании «Барселона трэкшн» обратились в суд города Реус (провинция Таррагона) с просьбой объявить компанию банкротом ввиду того, что она не выплачивает проценты по облигациям. 12 февраля 1948 года суд решил объявить компанию банкротом и конфисковать ее имущество, а также имущество двух ее дочерних компаний. В соответствии с этим решением основной руководящий персонал двух компаний был уволен, были назначены испанские директора. Вскоре после этого подобные меры были осуществлены и в других дочерних компаниях. Были выпущены новые акции дочерних компаний, и эти акции в 1952 году на публичном аукционе были проданы вновь организованной компании «Фуэрсас электрикас де каталунья, С.А. (Фекса)», которая, таким образом, стала полностью контролировать это предприятие в Испании.

В испанских судах по искам различных компаний и лиц были проведены процессы, но они не решили проблемы. Как утверждает испанское правительство, по делу, прежде, чем оно было передано в Международный Суд, было отдано 2736 распоряжений, судами низшей и высшей инстанций было принято 494 решения. Международный Суд пришел к выводу, что в 1948 году компания «Барселона трэкшн», которая не получила судебного уведомления о рассмотрении дела о банкротстве и не была представлена в суде города Реуса, не совершала процессуальных действий в испанских судах до 18 июня и, таким образом, не подавала заявления об обжаловании судебного решения о признании ее банкротом в течение восьмидневного срока с момента объявления решения, который предусмотрен испанским законодательством. Бельгийское правительство

считает, однако, что и уведомление, и объявление решения были сделаны с нарушением соответствующих требований закона и что восьмидневный срок никогда не начинался.

Испанскому правительству были сделаны в 1948 или 1949 годах представления со стороны правительств Великобритании, Канады, Соединенных Штатов и Бельгии. Дипломатические демарши канадского правительства полностью прекратились в 1955 году.

Делопроизводство в Международном Суде и правовая природа иска
(пункты 1-7 и 26-31 решения)

Впервые бельгийское правительство возбудило иск против испанского правительства в 1958 году. В 1961 году оно уведомило Суд об отказе от своего иска, имея в виду переговоры между представителями частных заинтересованных лиц; дело было исключено из общего списка Суда. Поскольку переговоры потерпели провал, 19 июня 1962 года бельгийское правительство вновь обратилось с заявлением в Суд. В 1963 году испанское правительство выдвинуло четыре предварительных возражения против этого заявления. Своим решением от 24 июля 1964 года Суд отклонил первое и второе возражения, а третье и четвертое присоединил к существу спора.

В ходе последовавшего за этим письменного и устного судопроизводства стороны представили большой объем материала и информации. Суд отметил, что исключительная продолжительность судебного процесса объясняется весьма длительными сроками, которые требовали стороны для подготовки своих состязательных документов, и их неоднократными просьбами о продлении этих сроков. Суд не считал, что он должен отказывать в удовлетворении этих просьб, однако он остается при мнении, что интересы обеспечения авторитета международного правосудия требуют принятия решения по делам без необоснованного отлагательства.

Поданный в Суд иск был предъявлен от имени физических и юридических лиц, представленных в качестве бельгийских граждан и держателей акций компании «Барселона трэксн», зарегистрированной и имеющей свое головное отделение в Канаде. Целью иска было получение возмещения за ущерб, который, как утверждалось, был причинен этим лицам действиями различных испанских государственных органов в отношении этой компании, противоречащими, как было заявлено, международному праву.

Третье предварительное возражение испанского правительства, которое было присоединено к существу спора, состояло в том, что бельгийское правительство неправомочно предъявлять какие-либо претензии в связи с ущербом, причиненным канадской компании, даже если ее акционеры являются бельгийцами. Четвертое предварительное возражение, также присоединенное к существу спора, состояло в том, что еще не исчерпаны местные, имеющиеся в распоряжении Испании средства урегулирования спора.

Дело, представленное в Суд, касается в основном трех государств — Бельгии, Испании и Канады; соответственно появилась необходимость решения вопросов, возникших на основе этих трехсторонних отношений.

Jus standi бельгийского правительства
(пункты 32-101 решения)

Прежде всего Суд обратился к рассмотрению вопроса, поднятого в третьем предварительном возражении, присоединенном к существу дела, то есть вопроса о праве Бельгии оказывать дипломатическую защиту бельгийским держателям акций компании, зарегистрированной в Канаде; при этом ставшие предметом иска действия были предприняты не в отношении какого-либо бельгийского гражданина, а в отношении самой компании.

Суд отметил, что, когда государство допускает на свою территорию иностранные капиталовложения или иностранных граждан, оно обязуется обеспечить им защиту закона и берет на себя обязательства, касающиеся режима их пребывания в этом государстве. Однако такие обязательства не имеют абсолютного характера. Чтобы предъявить иск в связи с нарушением этих обязательств, государство должно доказать свое право на это.

Нормы международного права, регламентирующие вопросы дипломатической защиты, постоянно развиваются, и в них учитывается роль институтов внутригосударственного права. Во внутригосударственном же праве концепция компании основана на четком разграничении прав компании и прав акционеров. Только компания, имеющая статус юридического лица, может предпринимать действия, касающиеся вопросов общего характера. Ущерб, причиненный компании, обычно приносит убытки и ее акционерам, однако это не означает, что и компания, и ее акционеры имеют право требовать компенсации по суду. В случае нарушения интересов акционера действиями, направленными против компании, только к ней он может обратиться с требованием принять соответствующие меры. Действия, нарушающие права компании, не влекут ответственности перед акционерами, даже если задеты их интересы. Для того, чтобы ситуация была иной, действия, в отношении которых предъявляются претензии, должны быть непосредственно направлены против прав акционеров как таковых (чего нет в настоящем деле, ибо бельгийское правительство само признало, что его иск не основан на факте нарушения прав непосредственно акционеров).

В международном праве должны учитываться нормы внутригосударственного права, получившие всеобщее признание в национальных правовых системах. Ущерб интересам акционеров, причиненный в результате ущемления прав компании, не является достаточным основанием для принятия решения по иску. Если возникает вопрос о незаконных действиях, совершенных против компании, представляющей иностранный капитал, то согласно общепризнанным нормам международного права только государству, в котором эта компания зарегистрирована, принадлежит право ее дипломатической

защиты в целях предъявления претензий о возмещении причиненного ей ущерба. Не существует такой нормы международного права, которая представляла бы подобное право государству, гражданами которого являются акционеры этой компании.

Суд рассмотрел также возможность наличия в настоящем деле особых обстоятельств, при которых могла бы не действовать общая норма. Необходимо было проанализировать две ситуации: а) положение компании, которая была ликвидирована, и б) положение государства, выступающего в защиту компании, утратившей дееспособность. Что касается первой из этих возможных ситуаций, то Суд отметил следующее: поскольку компания «Барселона трэксин» утратила все свое имущество в Испании и сохранила правоспособность для управления своими активами в Канаде, нельзя утверждать, что она перестала существовать как юридическое лицо или что она утратила правоспособность действовать в качестве такового. Относительно второй ситуации следует отметить: не подлежит сомнению, что в Канаде компания имела статус юридического лица, зарегистрированное отделение, а ее принадлежность Канаде получила всеобщее признание. В течение ряда лет канадское правительство оказывало защиту компании «Барселона трэксин». Если даже в определенный момент канадское правительство приостановило свои действия в ее защиту, оно, тем не менее, сохранило свои полномочия в этом отношении, и эти полномочия не оспаривались испанским правительством. Независимо от причин изменения позиции канадского правительства, этот факт не может служить основанием для использования права дипломатической защиты со стороны другого государства.

Утверждалось, что государство может предъявлять претензии, когда речь идет о капиталовложениях его граждан за рубежом, поскольку таким капиталовложениям, являющимся частью национальных экономических ресурсов этого государства, наносится ущерб в результате нарушения права государства обеспечивать своим гражданам определенный правовой режим. Однако при существующем положении дел подобное право может возникнуть лишь на основе договора или специального соглашения, а между Бельгией и Испанией не существует никакого правового документа такого рода.

Утверждалось также, что если руководствоваться нормами права справедливости, государство в определенных случаях должно иметь возможность оказать защиту своим гражданам — держателям акций компании, ставшей жертвой нарушения международного права. По мнению Суда принятие концепции дипломатической защиты акционеров как таковой откроет дверь для конкурирующих между собой претензий со стороны различных государств, что может создать ситуацию неустойчивости в международных экономических отношениях. Учитывая конкретные обстоятельства настоящего дела, когда государство, зарегистрировавшее компанию, может совершать необходимые действия в ее защиту, Суд не может согласиться с мнением, что бельгийское правительство имеет *jus standi* на основе права справедливости.

Решение Суда (пункты 102 и 103 решения)

Суд изучил множество документов и других материалов, представленных сторонами и всесторонне оценил важность юридических проблем, затронутых в заявлении и лежащих в основе бельгийского иска, который вызван действиями испанских государственных органов, охарактеризованных истцом как отказ в правосудии. Необходимой предпосылкой для рассмотрения данных проблем было, однако, установление права бельгийского правительства на оказание дипломатической защиты. Поскольку перед Судом не было доказано наличие *jus standi*, он не высказывал своего мнения по другим аспектам данного дела.

Соответственно 15 голосами против 1 суд отклонил иск бельгийского правительства, причем 12 голосующих, принадлежащих к большинству, руководствовались вышеизложенными мотивами.

Заявления, частные и особые мнения

Судья *ad hoc* Рифаген приложил к решению свое особое мнение, в котором заявил, что не может согласиться с решением, поскольку представленные Судом аргументы основаны, по его мнению, на неправильной оценке природы норм обычного публичного международного права, применимых в настоящем деле.

Из пятнадцати судей, составляющих большинство, трое поддержали резолютивную часть решения (отклонение бельгийского иска) по различным соображениям и представили свои частные мнения. Судья Танака заявил, что два предварительных возражения, присоединенных к существу дела, должны были быть отклонены, но при этом заявление бельгийского правительства относительно отказа в правосудии представляется необоснованным. Судья Джессап пришел к выводу, что при определенных обстоятельствах государство имеет право по дипломатическим каналам предъявлять претензии от имени держателей акций, являющихся его гражданами, однако Бельгия не смогла доказать, что в критический период у физических и юридических лиц, от имени которых она предъявляла иск, существовало бельгийское подданство. Судья Грос заявил, что государство, национальной экономике которого причинен ущерб, имеет право на соответствующие действия, однако доказательств принадлежности компании «Барселона трэксин» к бельгийской экономике не было представлено.

Из двенадцати судей, принадлежащих к большинству и поддержавших резолютивную часть решения на основе содержащейся в нем аргументации (отсутствие *jus standi* у государства, гражданами которого являются акционеры), некоторые, тем не менее, заявили, что между этой аргументацией и их собственной существует определенное различие, а поэтому они хотели бы сделать определенные дополнительные замечания. Это были Председатель Бустаманте-и-Риверо, судьи сэры Джеральд Фицморис, Морелли, Падилья Нерво и Амун (частные мнения), судьи Петрен и Ониеама (совместное заявление) и судья Ляхе (заявление).

(Судья сэр Мохаммед Зафрулла Хан в начале процесса на стадии рассмотрения предварительных возражений сообщил Председателю, что, поскольку до

избрания членом Суда он давал консультации по этому делу одной из спорящих сторон, он считает, что не может принимать участие в принятии решения).

46. ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ГОСУДАРСТВ, ВЫЗЫВАЕМЫЕ ПРОДОЛЖАЮЩИМСЯ ПРИСУТСТВИЕМ ЮЖНОЙ АФРИКИ В НАМИБИИ (ЮГО-ЗАПАДНАЯ АФРИКА) ВОПРЕКИ РЕЗОЛЮЦИИ 276 (1970) СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ

Консультативное заключение от 21 июня 1971 года

В своем консультативном заключении по вопросу, поставленному Советом Безопасности Организации Объединенных Наций: «Каковы юридические последствия для государств, вызываемые продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии вопреки резолюции 276 (1970) Совета Безопасности?», — Суд выразил мнение,

13 голосами против 2,

1) что продолжающееся присутствие Южной Африки в Намибии является незаконным, Южная Африка обязана немедленно отозвать свою администрацию из Намибии и прекратить оккупацию данной территории;

11 голосами против 4,

2) что государства — члены Организации Объединенных Наций должны признать незаконность присутствия Южной Африки в Намибии и недействительность ее действий, предпринимаемых от имени Намибии или касающихся Намибии, и воздержаться от всех действий, в частности, от установления связей с правительством Южной Африки, которые означали бы признание законности данного присутствия и данного управления и являлись бы оказанием поддержки или помощи в этом отношении;

3) что долг государств, которые не являются членами Организации Объединенных Наций, — заключается в том, чтобы оказывать содействие в пределах подпункта 2, выше, мероприятиям, проводимым Организацией Объединенных Наций в отношении Намибии.

* * *

Суд рассматривал данный вопрос в следующем составе: Председатель сэр Мохаммед Зафрулла Хан; Вице-председатель Амун; судьи сэр Джералд Фицморис, Падилья Нерво, Форстер, Гро, Бенгзон, Петрен, Ляхс, Оньеама, Диллард, Игнасио-Пинто, де Кастро, Морозов и Хименес де Аречага.

Председатель Суда сэр Мохаммед Зафрулла Хан приложил к консультативному заключению заявление. Вице-председатель Амун и судьи Падилья Нерво, Петрен, Оньеама, Диллард и де Кастро приложили частные мнения. Судья сэр Джералд Фицморис и судья Гро приложили особые мнения.

Ход судебного разбирательства (пункты 1-18 консультативного заключения)

Суд прежде всего напоминает, что просьба дать консультативное заключение поступила от Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, который принял решение выступить с таким запросом согласно резолюции 284 (1970), принятой 29 июля 1970 года. Далее Суд перечисляет различные этапы последовавшего затем разбирательства.

В частности, он ссылается на три постановления от 26 января 1971 года, в соответствии с которыми Суд решил отклонить выдвинутые правительством Южной Африки возражения против участия в разбирательстве трех членов Суда. Эти возражения были основаны на заявлениях, сделанных данными судьями ранее, в качестве представителей своих правительств в органах Организации Объединенных Наций, занимающихся проблемами Намибии, или на факте их участия в таком же качестве в работе этих органов. Суд пришел к выводу, что ни в одном из трех случаев нет необходимости применять пункт 2 статьи 17 своего Статута.

Возражения против рассмотрения вопроса Судом (пункты 19-41 консультативного заключения)

Правительство Южной Африки утверждало, что Суд не компетентен выносить заключение, поскольку резолюция 284 (1970) является недействительной по следующим причинам: а) два постоянных члена Совета при голосовании воздержались (Устав Организации Объединенных Наций, статья 27, пункт 3); б) поскольку вопрос касается спора между Южной Африкой и другими государствами — членами Организации Объединенных Наций, следовало пригласить Южную Африку для участия в обсуждении (Устав, статья 32) и следовало соблюсти положение, согласно которому члены Совета Безопасности, являющиеся сторонами в споре, должны воздерживаться от голосования (Устав, статья 27, пункт 3). Суд указывает на то, что а) в течение долгого времени добровольное воздержание какого-либо постоянного члена при голосовании не рассматривается как препятствие к принятию резолюций Советом Безопасности; б) вопрос о Намибии был включен в повестку дня Совета как ситуация и правительство Южной Африки не обратило внимание Совета на необходимость, по

мнению этого правительства, подходить к нему как к спору,

Касаясь альтернативного случая, правительство Южной Африки утверждало, что даже если бы Суд располагал необходимой компетенцией, он, тем не менее, исходя из интересов правосудия, должен был отказаться вынести запрошенное заключение ввиду политического давления, которое, как утверждалось, было или могло быть оказано на Суд. 8 февраля 1971 года при открытии публичных заседаний Председатель Суда заявил, что Суд не имеет оснований рассматривать эти замечания, поскольку они касаются самого характера Суда как главного судебного органа Организации Объединенных Наций — органа, который в этом своем качестве действует только на основе закона независимо от какого бы то ни было постороннего влияния или вмешательства.

Правительство Южной Африки выдвинуло и другой довод в пользу невынесения запрошенного консультативного заключения: оно утверждало, что в действительности вопрос является спорным, поскольку он имеет отношение к существующему спору между Южной Африкой и всеми другими государствами. Суд считает, что его просили ответить на запрос, который направил ему орган Организации Объединенных Наций с целью получения юридической консультации о правовых последствиях принятых им же решений. То обстоятельство, что для вынесения своего заключения Суд может быть вынужден высказаться по юридическим вопросам, по которым существует расхождение во мнениях между Южной Африкой и Организацией Объединенных Наций, не превращает данное дело в спор между государствами. (Поэтому нет необходимости применять статью 83 Регламента Суда, согласно которой в случае, если запрашивается консультативное заключение по юридическому вопросу, «фактически существующему в отношениях между двумя и более государствами», применима статья 31 Статута, где говорится об избрании судьей *ad hoc*; поскольку правительство Южной Африки запросило отсрочку для избрания судьи *ad hoc*, Суд заслушал его замечания по этому поводу, однако в свете вышесказанных соображений, согласно Постановлению от 29 января 1971 года, решил отклонить этот запрос.)

В итоге Суд не нашел оснований для отказа выполнить просьбу о вынесении консультативного заключения.

История вопроса о мандате (пункты 42-86 консультативного заключения)

Отвергая аргументы правительства Южной Африки и ссылаясь на свои собственные документы, принятые ранее в ходе разбирательств по вопросу о Юго-Западной Африке (консультативные заключения от 1950, 1955 и 1956 годов, решение от 1962 года), Суд кратко излагает историю вопроса о мандате.

Система мандатов, учрежденная в соответствии со статьей 22 Устава Лиги наций, была основана на двух исключительно важных принципах: принципе

отказа от аннексии и принципе, согласно которому благосостояние и развитие соответствующих народов представляют собой священное достояние человечества. С учетом событий, происшедших за последние 50 лет, едва ли можно сомневаться в том, что конечная цель охраны этого священного достояния — самоопределение и независимость. Страна — мандатарий должна была выполнять ряд обязанностей, а Совет Лиги должен был следить за их выполнением. Эти обязанности лежали в основе прав мандатария.

Когда Лига наций была распущена, смысл существования и цель этих обязательств сохранились. Поскольку их выполнение не зависело от существования Лиги наций, они не могли быть аннулированы лишь только потому, что прекратил существование контролирующий орган. Члены Лиги не заявляли и даже косвенным образом не признавали, что мандаты будут аннулированы или прекратят свое действие с роспуском Лиги.

Последняя резолюция Ассамблеи Лиги и пункт 1 статьи 80 Устава Организации Объединенных Наций предусматривают сохранение обязательств мандатариев. Международный Суд всегда признавал, что мандат сохранился и после роспуска Лиги наций; это же в течение ряда лет признавала и Южная Африка. Таким образом, элемент контроля — существенная составная часть мандата — обязательно должен был сохраниться. Организация Объединенных Наций предложила ввести систему контроля, которая не выходила бы за рамки той, которая действовала в период существования системы мандатов, однако Южная Африка отвергла это предложение.

Резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности (пункты 87-116 консультативного заключения)

Впоследствии, в 1966 году, Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию 2145 (XXI), в которой постановила, что действие мандата прекращается и что Южная Африка не имеет никакого другого права на управление этой Территорией. Затем Совет Безопасности принял ряд резолюций, включая резолюцию 276 (1970), в которой он объявил продолжающееся присутствие Южной Африки в Намибии незаконным. Выдвигались возражения в отношении действительности этих резолюций, в связи с чем Суд указывает, что он не обладает полномочиями по пересмотру решений в судебном порядке или апелляционными полномочиями в отношении этих органов Организации Объединенных Наций. Действительность этих резолюций не является также предметом запроса о вынесении консультативного заключения. Тем не менее Суд, выполняя свою судебную функцию и учитывая, что эти возражения были выдвинуты, рассматривает их до определения юридических последствий, вытекающих из этих резолюций.

Прежде всего он напоминает, что в результате вступления в силу Устава Организации Объединенных Наций возникают отношения между всеми чле-

нами Организации Объединенных Наций, с одной стороны, и, с другой стороны, каждой из держав-мандатариев, и что один из основополагающих принципов, регулирующих эти отношения, состоит в том, что за стороной, которая не признает или не выполняет свои обязанности, не может признаваться сохранение ею прав, на которые она претендует как на вытекающие из таких отношений. В резолюции 2145 (XXI) указывается, что имело место реальное нарушение мандата, от которого Южная Африка практически отреклась.

Утверждалось, что а) Устав Лиги наций не уполномочивал Совет Лиги прекращать мандат в связи с нарушением поведения мандатарием и что Организация Объединенных Наций не может присваивать себе на основании полномочий Лиги более широкие полномочия, чем имела сама Лига; б) что даже если бы Совет Лиги был правомочен отзываться мандат, это право могло бы осуществляться не в одностороннем порядке, а лишь в сотрудничестве с мандатарием; в) что в резолюции 2145 (XXI) содержатся суждения, вынесение которых не входит в компетенцию Генеральной Ассамблеи, так как она не является судебным органом; д) что необходимо провести подробное исследование фактов; е) что одна из частей резолюции 2145 (XXI) фактически представляет собой постановление о передаче территории.

Суд отмечает, а) что, согласно одному из общих принципов международного права (включенному в Венскую конвенцию о праве договоров), следует предполагать, что право на прекращение действия договора по причине его нарушения существует применительно ко всем договорам, даже если оно не зафиксировано в них явно; б) что для прекращения действия мандата на таком основании не требуется согласия виновной стороны; в) что Организация Объединенных Наций как преемник Лиги наций, действующая через свой компетентный орган, должна рассматриваться прежде всего как контролирующий орган, правомочный высказывать свое мнение о поведении мандатария; д) что невыполнение Южной Африкой обязанности согласиться на контроль является бесспорным; е) что Генеральная Ассамблея не делала вывод на основе фактов, а констатировала юридическую ситуацию; было бы неправильно предполагать, что, поскольку Генеральная Ассамблея в принципе наделена рекомендательными полномочиями, она лишена права принимать в особых случаях и в пределах своей компетенции резолюции, содержащие постановления или носящие распорядительный характер.

Однако у Генеральной Ассамблеи не было полномочий, необходимых для того, чтобы она могла обеспечить уход Южной Африки из этой Территории; поэтому, действуя в соответствии с пунктом 2 статьи 11 Устава, она обратилась с просьбой о сотрудничестве к Совету Безопасности. Со своей стороны, Совет, принимая соответствующие резолюции, исходил, согласно собственному заключению, из своей главной ответственности за поддержание мира и безопасности. Статья 24 Устава предоставляет Совету Безопасности необходимые пол-

номочия. Его решения были приняты в соответствии с целями и принципами Устава, статья 25 которого обязывает все государства-члены — даже тех членов Совета Безопасности, которые голосовали против них, и тех членов Организации Объединенных Наций, которые не являются членами Совета Безопасности, — выполнять эти решения.

Юридические последствия для государств, вызываемые продолжающимся присутствием Южной Африки в Намибии
(пункты 117-127 и 133 консультативного заключения)

Суд подчеркивает, что обязательное постановление, принятое компетентным органом Организации Объединенных Наций, о том, что то или иное положение является незаконным, не может остаться без последствий.

Южная Африка, будучи ответственной за возникновение и сохранение такого положения, обязана положить ему конец и отозвать свою администрацию из этой Территории. В результате незаконной оккупации Территории Южная Африка несет международную ответственность за продолжающееся нарушение международного обязательства. Она также остается ответственной за любые нарушения прав народа Намибии и своих предусмотренных международным правом обязательств перед другими государствами в том, что касается осуществления ею своих полномочий в отношении этой территории.

Государства — члены Организации Объединенных Наций обязаны признать незаконность и недействительность продолжающегося присутствия Южной Африки в Намибии и воздерживаться от оказания Южной Африке любой поддержки и помощи в любой форме Южной Африке в том, что касается оккупации ею Намибии. Точное определение разрешенных действий — какие меры следует выбирать, каковы должны быть масштабы их применения и кто должен их осуществлять — относится к компетенции соответствующих политических органов Организации Объединенных Наций, действующих в пределах своих полномочий согласно Уставу. Таким образом, именно Совет Безопасности должен определять любые дальнейшие меры, которые должны приниматься в соответствии с уже принятыми им решениями. По этой причине Суд ограничивается тем, что дает консультации относительно тех связей с правительством Южной Африки, которые в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и общим международным правом следует считать несовместимыми с резолюцией 276 (1970), поскольку они могут означать признание присутствия Южной Африки в Намибии законным:

а) Государства-члены обязаны (в соответствии с пунктом д) воздерживаться от вступления в договорные отношения с Южной Африкой во всех случаях, когда Южная Африка пытается предпринимать действия от имени или в отношении Намибии. Что касается существующих международных договоров, то государства-члены должны воздержи-

ваться от применения тех договоров или положений договоров, заключенных Южной Африкой от имени или применительно к Намибии, которые предусматривают активное международное сотрудничество, или от ссылок на них. В том, что касается многосторонних договоров, это правило не может применяться к некоторым общим конвенциям, в частности, носящим гуманитарный характер, невыполнение которых может неблагоприятно отразиться на положении народа Намибии: конкретные меры в этом отношении должны будут принимать компетентные международные органы.

b) Государства-члены обязаны воздерживаться от направления в Южную Африку дипломатических или специальных миссий, юрисдикция которых распространялась бы на территорию Намибии; воздерживаться от направления в Намибию консульских работников и отозвать всех таких работников, которые могут уже находиться там; и дать ясно понять Южной Африке, что поддержание дипломатических или консульских отношений не означает какого-либо признания ее полномочий в отношении Намибии.

c) Государства-члены обязаны воздерживаться от вступления в экономические и другие отношения с Южной Африкой от имени Намибии или относительно ее, которые могут укрепить правление Южной Африки на этой территории.

d) Однако непризнание не должно приводить к лишению народа Намибии каких-либо преимуществ международного сотрудничества. В частности, признание незаконности или недействительности мер, принимаемых Южной Африкой от имени или в отношении Намибии после прекращения действия мандата, не может распространяться на такие акты, как регистрация актов рождения, смерти и браков.

Что касается государств, не являющихся членами Организации Объединенных Наций, то, хотя они не связаны статьями 24 и 25 Устава, резолюция 276 (1970) призывает их оказывать помощь Организации Объединенных Наций в ее действиях, предпринимаемых в отношении Намибии. По мнению Суда, прекращение действия мандата и объявление незаконным присутствия Южной Африки в Намибии касаются всех государств, поскольку *erga omnes* провозглашается незаконность ситуации, сохраняющейся в нарушение норм международного права. В частности, никакое государство, вступающее в отношения с Южной Африкой, затрагивающие Намибию, не может ожидать, что Организация Объединенных Наций или ее члены признают действительность любых отношений такого рода или их последствия. Поскольку действие мандата было прекращено международной организацией, на которую возложены функции контроля, государства, не являющиеся ее членами, должны действовать соответственно. Все государства должны иметь в виду, что незаконное присутствие Южной Африки в Намибии наносит ущерб целому народу, который должен обращаться к международному сообществу за содействием в своем движении к целям, во имя которых была введена охрана священного достоинства.

В связи с вышеизложенным Суд сформулировал ответы, воспроизведенные выше на стр. 1.

Предложения Южной Африки о предоставлении дополнительной фактологической информации и о возможном проведении плебисцита (пункты 128-132 консультативного заключения)

Правительство Южной Африки выразило желание предоставить Суду дополнительную фактологическую информацию о целях ее политики автономного развития, утверждая, что для установления факта нарушения ее основных международных обязательств по Уставу было бы необходимо доказать, что Южная Африка не выполнила своих полномочий в отношении содействия обеспечению благосостояния жителей и достижению прогресса в их интересах. Суд пришел к выводу, что нет необходимости в фактических доказательствах, которые позволяли бы определить, соответствует ли политика апартеида, проводимая в Намибии, международным обязательствам, взятым на себя Южной Африкой. Бесспорно, что официальная правительственная политика, проводимая Южной Африкой в Намибии, имеет целью обеспечить полное физическое разделение рас и этнических групп. Это означает принудительное навязывание различий, исключения расовых групп, а также ограничений, основанных исключительно на признаках расы, цвета кожи, происхождения, в том числе национального или этнического, которые представляют собой отрицание основополагающих прав человека. Суд рассматривает это как вопиющее попрание целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций.

Правительство Южной Африки выступило также с просьбой о том, чтобы в Территории Намибия был проведен плебисцит под совместным контролем Суда и правительства Южной Африки. Суд, придя к выводу, что нет необходимости в дополнительных доказательствах, что мандат был прекращен решением, имеющим силу, и что, следовательно, присутствие Южной Африки в Намибии является незаконным и ее меры, принимаемые от имени или в отношении Намибии, являются незаконными и не имеют юридической силы, постановил, что он не может рассматривать данное предложение.

Письмом от 14 мая 1971 года Председатель информировал представителей государств и организаций, участвовавших в устном судопроизводстве, о том, что Суд решил отклонить две вышеупомянутые просьбы.

* * *

ЗАЯВЛЕНИЕ И ЧАСТНЫЕ И ОСОБЫЕ МНЕНИЯ

Подпункт 1 постановляющей части консультативного заключения (незаконность присутствия Южной Африки в Намибии — см. стр. 1 настоящего коммюнике) был принят 13 голосами против 2. Подпункты 2 и 3 были приняты 11 голосами против 4.

Судья сэр Джеральд Фицморис (особое мнение) считает, что мандат не был отозван решением, которое имело бы юридическую силу, что мандата-

рий по-прежнему несет обязательства в соответствии с мандатом, каковы бы они ни были, и что государства — члены Организации Объединенных Наций обязаны уважать такое его положение, если и пока оно не будет изменено законными средствами.

Судья Гро (особое мнение) не согласен с выводами Суда о юридической силе и последствиях резолюции 2145 (XXI), но считает, что Южной Африке следует согласиться на переговоры о преобразовании мандата в опеку, учрежденную Организацией Объединенных Наций.

Судьи Петрен и Оньеама (частные мнения) проголосовали за подпункт 1 постановляющей части, но против подпунктов 2 и 3, которые, по их мнению, чрезмерно расширяют сферу последствий непризнания.

Судья Диллард (частное мнение), соглашаясь с постановляющей частью, прилагает некоторые замечания по пункту 2, связанные главным образом с проявлением осторожности.

Судьи сэр Джеральд Фицморис, Гро, Петрен, Оньеама и Диллард критикуют также некоторые решения, принятые Судом в отношении его состава.

Председатель (заявление) и судьи Падилья Нерво и де Кастро (частные мнения) полностью согласны с формулировкой постановляющей части.

Вице-председатель (частное мнение), разделяя мнения, выраженные в консультативном заключении, в то же время считает, что формулировка постановляющей части является недостаточно четкой и решительной.

47. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО ПРОТИВ ИСЛАНДИИ) (ВРЕМЕННАЯ ЗАЩИТА)

Постановление от 17 августа 1972 года

48. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ ПРОТИВ ИСЛАНДИИ) (ВРЕМЕННАЯ ЗАЩИТА)

Постановление от 17 августа 1972 года

В двух отдельных постановлениях, каждое из которых было принято 17 августа 1972 года четырнадцатью голосами против одного, Суд рекомендовал временные защитные меры по делу о юрисдикции над рыбными промыслами (Соединенное Королевство *против* Исландии; Федеративная Республика Германии *против* Исландии).

* * *

Соединенное Королевство против Исландии

В первом из двух постановлений Суд до принятия окончательного решения по данному делу, возбужденному 14 апреля 1972 года правительством Соединенного Королевства против правительства Исландии, рекомендовал следующие временные меры:

а) и Соединенное Королевство, и Исландия должны обеспечивать, чтобы не предпринимались какие бы то ни было действия, которые могли бы усугубить или расширить спор, вынесенный на рассмотрение Суда;

б) и Соединенное Королевство, и Исландия должны обеспечить, чтобы не предпринимались никакие действия, которые могли бы ущемить права другой стороны в отношении осуществления любого решения, которое Суд может вынести по существу дела;

с) Республика Исландия должна воздерживаться от любых мер, направленных на применение постановления от 14 июля 1972 года к судам, зарегистрированным в Соединенном Королевстве и ведущим рыбную ловлю в водах, омывающих Исландию, за пределами 12-мильной зоны рыболовства;

д) Республика Исландия должна воздерживаться от применения к зарегистрированным в Соединенном Королевстве судам, их экипажам и другим заинтересованным лицам административных, судебных и других санкций или любых других мер на том основании, что эти суда или эти лица вели рыбную ловлю в прилегающих к Исландии водах за пределами зоны рыболовства в 12 миль;

е) Соединенное Королевство должно обеспечивать, чтобы ежегодный улов зарегистрированных в Соединенном Королевстве судов не превышал 170 000 метрических тонн рыбы в морской зоне Исландии, которую Международный совет по исследованию моря определил как район Va;

ф) правительство Соединенного Королевства должно сообщить правительству Исландии и Секретариату Суда все необходимые сведения, опубликованные решения и принятые постановления относительно контроля и регламентирования рыболовства в этом районе.

Суд также указал, что если он не вынесет окончательного решения по данному делу раньше, то он в

надлежащее время, до 15 августа 1973 года, пересмотрит этот вопрос по просьбе той или другой стороны, с тем чтобы принять решение о необходимости сохранения, изменения или отмены этих мер.

ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ ПРОТИВ ИСЛАНДИИ

Во втором постановлении Суд до принятия окончательного решения по иску, возбужденному 5 июня 1972 года правительством Федеративной Республики Германии против правительства Исландии, рекомендовал следующие временные меры:

Во втором постановлении [Пункты *a*), *b*), *c*), *d*) и *f*) изложены в той же форме, *mutatis mutandis*, как и в первом; пункт *e*) гласит:]

e) Федеративная Республика должна обеспечивать, чтобы ежегодный улов зарегистрированных в Федеративной Республике судов не превышал 119 000 метрических тонн рыбы в морской зоне

Исландии, которую Международный совет по исследованию моря определил как район Va.

Суд также указал, что если он не вынесет окончательного решения по данному делу раньше, то он в надлежащее время, до 15 августа 1973 года, пересмотрит этот вопрос по просьбе той или другой стороны, с тем чтобы принять решение о необходимости сохранения, изменения или отмены этих мер.

Заседания, по итогам которых были вынесены эти постановления, проводились Судом в следующем составе: Председатель сэр Мохаммед Зафрулла Хан; Вице-председатель Аммуи; судьи сэр Джеральд Фицморис, Падилья Нерво, Форстер, Гро, Бенгзон, Петрен, Ляхс, Оньеама, Диллард, Игнасио-Пинто, де Кастро, Морозов, Хименес де Аречага.

Вице-председатель Аммуи и судьи Форстер и Хименес де Аречага приложили к каждому из постановлений совместное заявление.

Судья Падилья Нерво приложил к каждому из постановлений особое мнение.

49. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ ОПРОТЕСТОВАНИЯ ЮРИСДИКЦИИ СОВЕТА ИКАО

Решение от 18 августа 1972 года

В своем решении по делу, касающемуся опротестования юрисдикции Совета ИКАО (Индия против Пакистана), Суд 13 голосами против 3 отклонил возражения правительства Пакистана по вопросу о его компетенции и установил, что он вправе удовлетворить апелляцию Индии.

Он установил — 14 голосами против 2, — что Совет Международной организации гражданской авиации имеет право удовлетворить заявление и жалобу, которые были представлены ему правительством Пакистана 3 марта 1971 года, и, соответственно, отклонил апелляцию на решение Совета, осуществившего в этом отношении свою юрисдикцию, поданную в Суд правительством Индии.

Рассмотрение этого дела велось Судом в следующем составе: Вице-председатель Аммуи (исполнявший обязанности Председателя).

Председатель сэр Мухаммад Зафрулла Хан, судьи сэр Джеральд Фицморис, Падилья Нерво, Форстер, Гро, Бенгзон, Петрен, Ляхс, Оньеама, Диллард, Игнасио-Пинто, де Кастро, Морозов и Хименес де Аречага и судья *ad hoc* Нажендра Сингх.

Председатель сэр Мухаммад Зафрулла Хан и судья Ляхс приложили к тексту решения свои заявления.

Судьи Петрен, Оньеама, Диллард, де Кастро и Хименес де Аречага приложили свои индивидуальные мнения.

Судья Морозов и судья *ad hoc* Нажендра Сингх приложили особые мнения.

Факты и суть утверждений сторон (пункты 1-12 решения)

Суд в своем решении подчеркнул, что факты и утверждения сторон по существу возникшего между ними спора несколько его не касаются, если они не связаны с чисто юрисдикционным вопросом, который был передан на его рассмотрение.

В соответствии с Конвенцией о международной гражданской авиации и Международным соглашением о воздушных транзитных перевозках, которые были подписаны в Чикаго в 1944 году, гражданские воздушные суда Пакистана имеют право пролета через территорию Индии. В августе 1965 года начались враждебные действия между этими двумя странами, в результате которых такие полеты были прерваны, однако в феврале 1966 года страны договорились, что следует незамедлительно возобновить полеты на той же основе, что и до 1 августа 1965 года. Пакистан истолковывал это так, что полеты должны быть возобновлены на основе Конвенции и Соглашения о транзите, но Индия утверждала, что действие этих двух договоров было прекращено в период враждебных действий и как таковое никогда не возобновлялось и что полеты были возобновлены на основе специального режима, в соответствии с которым полет может осуществляться только с предварительного разрешения Индии. Пакистан отрицал то, что такой режим когда-либо существовал, и утверждал, что действие договоров никогда не прерывалось после 1966 года.

После инцидента 4 февраля 1971 года, когда в Пакистан был угнан индийский самолет, Индия запретила полеты над ее территорией гражданским

воздушным судам Пакистана. Пакистан, утверждая, что Индия нарушает положения обоих договоров, представил 3 марта 1971 года Совету ИКАО а) заявление в соответствии со статьей 84 Чикагской конвенции и статьей II раздела 2 Соглашения о транзите; б) жалобу в соответствии со статьей II раздела 1 Соглашения о транзите. Поскольку Индия представила предварительные возражения относительно его юрисдикции, Совет в решениях от 29 июля 1971 года объявил себя компетентным рассматривать это дело. Индия 30 августа 1971 года опротестовала эти решения, обосновав свое право на это и юрисдикцию Суда в отношении удовлетворения апелляции в соответствии со статьей 84 Чикагской конвенции и статей II раздела 2 Соглашения о транзите (далее именуемых «юрисдикционные положения договоров»).

Компетенция Суда рассматривать апелляцию
(пункты 13-26 решения)

Пакистан выдвинул ряд возражений против компетенции Суда в отношении рассмотрения апелляции. Индия указала, что эти возражения не были выдвинуты Пакистаном в качестве *предварительных* возражений по статье 62 Правил, однако Суд заметил, что он обязан всегда проверять, имеет ли он соответствующие полномочия, и, если необходимо, рассматривать это вопрос *proprio motu*. Пакистан в качестве довода в первую очередь заявил, что Индия не может подтверждать компетенцию Суда на основании своего утверждения — по существу спора — о том, что действие договоров было прекращено; ведь в таком случае это означало бы неприменимость их юрисдикционных положений. Однако Суд счел, что этот довод Пакистана является недостаточно обоснованным по следующим причинам: а) Индия не заявляла, что действие этих многосторонних договоров было окончательно прекращено; она говорила, что оно было приостановлено или что фактически эти положения не применялись в отношении между Индией и Пакистаном; б) простое одностороннее прекращение действия какого-либо договора не может само по себе лишить силы его юрисдикционное положение; в) вопрос о компетенции Суда не может определяться соображениями исключительного характера; д) стороны должны иметь право ссылаться на юрисдикционные положения без риска нанесения ущерба существу дела.

Пакистан далее заявил, что в юрисдикционных положениях договоров предусматривается только возможность обжалования в Суде окончательного решения Совета по существу спора, а не решений промежуточного или предварительного характера. Суд считает, что решение Совета о его юрисдикции не входит в ту же категорию, что и процедурные или предварительные решения о сроках, делопроизводстве и т.п., поскольку а) хотя решение об юрисдикции и не предопределяет в конечном итоге сути дела, оно все же представляет собой решение существенного характера, так как может быть решено полностью прекратить рассмотрение дела; б) возражение против юрисдикции имеет, в частности, то значение, что оно может дать одной из сторон

возможность избежать слушания дела по существу; с) юрисдикционное решение может нередко быть связано с некоторым рассмотрением существа дела; д) юрисдикционные вопросы могут быть не менее важными и сложными, чем любые вопросы по существу дела; е) если бы международный орган имел право рассматривать существо спора в том случае, когда его полномочия на это установлены не были, это противоречило бы общепринятым нормам справедливости отправления правосудия.

Что же конкретно касается его жалобы Совету ИКАО, то Пакистан заявил, что он ссылаясь на раздел 1 статьи II Соглашения о транзите (тогда как в отношении заявления он ссылаясь на статью 84 Чикагской конвенции и статью II раздела 2 Соглашения о транзите). Вопрос здесь заключается в том, что решения, принимаемые Советом на основе раздела 1 статьи II, обжалованию не подлежат, поскольку, в отличие от решений, принимаемых на основе двух других указанных выше положений, они касаются не незаконных действий или нарушений договора, а не запрещенных законом действий, хотя и наносящих определенный ущерб. Суд установил, что фактически жалоба Пакистана, по крайней мере ее большая часть, не относится к той ситуации, которая главным образом и предусматривается в разделе 1 статьи II, поскольку несправедливость и лишения, о которых говорится в жалобе, являются результатом действий, которые, как утверждается, являются незаконными, так как нарушают положения договоров. Поскольку в жалобе выдвигаются те же обвинения в нарушении договоров, что и в заявлении, ее можно приравнять к заявлению на предмет определения возможности обжалования: если это не так, то может возникнуть парадоксальная ситуация.

Короче говоря, возражения против компетенции Суда, основанные на утверждении о неприменимости договоров как таковых или их юрисдикционных положений, не могут быть приняты как обоснованные. Таким образом, в соответствии с этими положениями Суд имеет компетенцию, а поэтому оппаладет необходимость рассматривать какие-либо возражения против любых других возможных доводов в пользу компетенции Суда.

Кроме того, поскольку апелляция в Суд поступила впервые, Суд заметил, что, предусматривая возможность обжалования в Суде решений Совета ИКАО, договоры допускают некоторый контроль со стороны Суда за действительностью актов Совета и что в этой связи нет оснований проводить разграничение между контролем в отношении юрисдикции и контролем в отношении существа дела.

Юрисдикция Совета ИКАО в отношении рассмотрения существа дела
(пункты 27-45 решения)

Что касается правильности решений, принятых Советом 29 июля 1971 года, то вопрос заключался в следующем: касается ли переданное Пакистаном на рассмотрение Совета дело — по смыслу юрисдикционных положений договоров — спора в отношении толкования или применения одного или не-

скольких положений этих документов. Если это так, то Совет компетентен рассматривать это дело *prima facie*, независимо от того, связано ли это или не связано с соображениями, выходящими за рамки договоров.

Индия пыталась доказать, что спор может быть разрешен без ссылки на договоры и поэтому выходит за рамки компетенции Совета. Она заявила, что действие договоров не возобновлялось после 1965 года и что Индия в любом случае имела право прекратить или приостановить их действие начиная с 1971 года по причине их существенного нарушения по вине Пакистана в результате инцидента с угонем самолета. Индия далее утверждала, что юрисдикционные положения договоров дают Совету право рассматривать только споры, связанные с толкованием и применением этих документов, тогда как данное дело касается прекращения или приостановления их действия. Суд установил, что, хотя эти утверждения явно относятся к существу дела, а) подобные уведомления или сообщения со стороны Индии в период 1965-1971 годов, пожалуй, относятся к полетам самолетов, а не к договорам как таковым; б) представляется, что Индия никогда не уточняла, какие положения договоров конкретно были якобы нарушены; в) приведенное Индией обоснование для прекращения действия договоров в 1971 году признано выходящим за рамки положений самих договоров и заключается в одном из принципов общего международного права или права международных договоров. Кроме того, простого одностороннего подтверждения этих утверждений, которые оспариваются другой стороной, недостаточно для отрицания юрисдикции Совета.

Переходя к позитивным аспектам вопроса, Суд установил, что иск Пакистана свидетельствует о наличии расхождения в отношении толкования или применения договоров и что Индия в свою защиту также приводила доводы, касающиеся их толкования или применения. Во-первых, Пакистан цитировал конкретные положения договоров, которые были нарушены Индией в результате ее отказа предоставить право пролета, тогда как Индия выдвинула обвинение в физическом нарушении Пакистаном Конвенции: для определения обоснованности этих обвинений и контробвинений Совет неизбежно будет вынужден заняться толкованием или применением положений договоров. Во-вторых, Индия утверждала, что договоры были заменены специальным режимом, но представляется очевидным, что если некоторые стороны намереваются заменить Конвенцию или любую ее часть другими соглашениями, заключаемыми между ними, то это неизбежно затрагивает статьи 82 и 83 Чикагской

конвенции (касающиеся отмены не соответствующих ей соглашений и регистрации новых соглашений); из этого следует, что действие любого специального режима или несогласие по поводу его существования затрагивает вопросы, касающиеся толкования или применения этих статей. Наконец, Пакистан заявлял, что, если Индия продолжает придерживаться того утверждения, которое образует суть всей ее позиции, то есть что действие договоров было прекращено или приостановлено между двумя сторонами, то такие вопросы регулируются статьями 89 и 95 Чикагской конвенции и статьями I и III Соглашения о транзите; однако стороны по-разному истолковывают те положения, которые касаются войны и чрезвычайного положения и расторжения договоров.

Суд пришел к выводу, что Совет обладает юрисдикцией по данному делу и что Суд не должен далее уточнять рамки этой юрисдикции.

Далее Индия утверждала, хотя Пакистан это отрицал, что решения Совета о его юрисдикции в данном деле сводятся на нет различными нарушениями процедурного характера и что Суд, соответственно, должен объявить их недействительными и вернуть дело в Совет для принятия по нему новых решений. Суд счел, что предполагаемые нарушения, если даже предположить, что они будут доказаны, не оказывают никакого серьезного влияния на соблюдение требований справедливого судопроизводства и что вопрос о юрисдикции Совета является объективным вопросом права, ответ на который не зависит от того, что происходило в Совете.

ЗАЯВЛЕНИЯ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И ОСОБЫЕ МНЕНИЯ

Судья Морозов и судья *ad hoc* Нажендра Сингх (особые мнения) не могли согласиться с решением Суда относительно юрисдикции Совета ИКАО.

Председатель сэр Мухаммад Зафрулла Хан (заявление) и судьи Петрен и Онъеама (индивидуальные мнения) не могли согласиться с решением Суда относительно его собственной компетенции.

Судья Хименес де Аречага (индивидуальное мнение) согласен с постановляющей частью решения, но не поддерживает вывод Суда относительно его компетенции рассматривать обжалование решения Совета по жалобе Пакистана в отрыве от его заявления.

Судьи Ляхс (заявление), Диллард и де Кастро (индивидуальные мнения) высказали дополнительные замечания.

50. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО ПРОТИВ ИСЛАНДИИ) (ЮРИСДИКЦИЯ СУДА)

Решение от 2 февраля 1973 года

В решении по вопросу о своей компетенции по делу о юрисдикции над рыбными промыслами (Соединенное Королевство против Исландии) Суд 14 голосами против 1 постановил, что он компетентен рассматривать искомое заявление, поданное Соединенным Королевством 14 апреля 1972 года, и рассматривать спор по существу.

Состав Суда был следующим: Председатель сэра Мохаммед Зафрулла Хан, Вице-председатель Амун и судьи сэры Джеральд Фицморис, Падилья Нерво, Форстер, Гро, Бенгзон, Петрен, Ляхс, Оньеама, Диллард, Игнасио-Пинто, де Кастро, Морозов и Хименес де Аречага.

Председатель Суда приложил к решению заявление. Судья сэры Джеральд Фицморис приложил частное мнение, а судья Падилья Нерво — особое мнение.

Резюме судебного разбирательства (пункты 1-12 решения)

В своем решении Суд напоминает, что 14 апреля 1972 года правительство Соединенного Королевства возбудило дело против Исландии в связи со спором по поводу намечаемого расширения правительством Исландии зоны, в которой она пользуется исключительными правами рыболовства, до расстояния в 50 морских миль от побережья, отсчитываемого от основных линий. В письме от 29 мая 1972 года министр иностранных дел Исландии информировал Суд о том, что его правительство не желает признавать юрисдикцию Суда и не назначит представителя. Постановлениями от 17 и 18 августа 1972 года Суд по просьбе Соединенного Королевства рекомендовал некоторые временные охранительные меры и постановил, что вначале должны представляться письменные документы по вопросу о компетенции Суда рассматривать дело. Правительство Соединенного Королевства представило меморандум, и Суд заслушал устные аргументы от его имени на слушаниях 5 января 1973 года. Правительство Исландии не подавало письменных документов и не было представлено на слушаниях.

Приходится сожалеть о том, указывает Суд, что правительство Исландии не явилось в суд, чтобы представить возражения против компетенции Суда, которые, как следует понимать, оно имеет. Тем не менее Суд, в соответствии со своим Статутом и сложившейся практикой, должен изучить этот вопрос по собственной инициативе, что является его обязанностью, подтверждаемой статьей 53 Статута; согласно этой статье, если одна из сторон не явится в Суд, он обязан удостовериться в подсудности ему дела до его рассмотрения по существу. Хотя правительство Исландии не изложило факты и правовые нормы, на которых основаны его возражения, и не представило никаких доказательств, Суд далее рас-

сматривает те возражения против признания его компетенции, которые, по его мнению, могут быть выдвинуты. При этом Суд избегает не только выражения любых мнений по вопросам существа, но и вынесения каких-либо суждений, которые могли бы предрешить то или иное решение по существу дела либо создать такое впечатление.

Арбитражная оговорка в обмене нотами 1961 года (пункты 13-23 решения)

Обосновывая компетенцию Суда, правительство Соединенного Королевства исходит из обмена нотами, который состоялся между ним и правительством Исландии 11 марта 1961 года после возникшего ранее спора из-за рыбных промыслов. В соответствии с этим обменом нотами Соединенное Королевство обязалось признать исключительную исландскую рыболовную зону, ограниченную пределом в 12 миль, и вывести свои рыболовные суда из этой зоны в трехлетний срок. В обмене нотами присутствовала арбитражная оговорка, сформулированная следующим образом:

«Правительство Исландии будет продолжать действовать в интересах выполнения постановления альтинга от 5 мая 1959 года в отношении расширения рыболовной зоны вокруг Исландии под его юрисдикцией, но уведомит правительство Соединенного Королевства о таком расширении за шесть месяцев, и в случае возникновения спора в связи с таким расширением этот вопрос по просьбе той или другой стороны будет передан в Международный Суд.»

Суд отмечает, что нет сомнений в выполнении правительством Соединенного Королевства своей части этого соглашения или в том, что правительство Исландии сделало в 1971 году уведомление, предусмотренное на случай дальнейшего расширения его юрисдикции над рыбными промыслами. Нет никаких сомнений и в том, что возник спор, что он передан Соединенным Королевством в Международный Суд и что при первом рассмотрении этот спор в точности соответствует условиям арбитражной оговорки.

Хотя, строго говоря, текст этой оговорки достаточно ясен и поэтому нет необходимости исследовать подготовительную работу, Суд делает обзор истории переговоров, предшествовавших обмену нотами, и находит в ней подтверждение намерения сторон предоставить Соединенному Королевству в обмен на признание им 12-мильного предела и отвод его судов подлинную гарантию, которая представляла собой обязательное условие всего соглашения, то есть права оспорить в Суде правомерность любого дальнейшего расширения исландских рыбных промыслов за пределы 12-мильной зоны.

Таким образом, очевидно, что Суд располагает необходимой компетенцией.

Действительность и срок действия обмена нотами 1961 года
(пункты 24-45 решения)

Затем Суд рассматривает вопрос о том, действительно ли, как утверждалось, соглашение, закрепленное в обмене нотами 1961 года, либо изначально не имело силы, либо прекратило свое действие впоследствии.

В вышеупомянутом письме от 29 мая 1972 года министр иностранных дел Исландии указывал, что обмен нотами 1961 года имел место в период, когда британский королевский флот применял силу для противодействия введению 12-мильного предела. Однако Суд отмечает, что, как представляется, соглашение заключено в результате свободных переговоров на основе полного равенства и свободы принятия решений обеими сторонами.

В этом же письме министр иностранных дел Исландии выразил мнение, что «обязательство, касающееся судебного разрешения спора, нельзя считать носящим постоянный характер», и правительство Исландии в меморандуме от 31 августа 1971 года действительно утверждало, что цель положения о судебном разрешении споров полностью достигнута. Суд отмечает, что арбитражная оговорка не содержит явно выраженного положения о сроке ее действия. Фактически право Соединенного Королевства оспорить в Суде любую претензию Исландии на расширение ее рыболовной зоны зависело от выдвижения такой претензии и сохранялось бы все время, в течение которого Исландия добивалась бы выполнения постановления альтинга от 1959 года.

В своем заявлении, от 9 ноября 1971 года, адресованном альтингу (парламенту Исландии), премьер-министр Исландии ссылаясь на изменения, затронувшие «правовое мнение по вопросу о юрисдикции

над рыбными промыслами». Его аргументы, как представляется, состояли в том, что, поскольку арбитражная оговорка была той ценой, которую Исландия заплатила за признание Соединенным Королевством 12-мильного предела, нынешнее всеобщее признание такого предела представляет собой изменение правовых обстоятельств, которое освобождает Исландию от ее обязательства. Суд отмечает, что, напротив, поскольку Исландия получила выгоду от уже выполненных положений соглашения, ей надлежит выполнять относящиеся к ней условия договоренности.

В только что упомянутом письме и заявлении также обращается внимание на «изменившиеся обстоятельства, связанные со все возрастающей эксплуатацией рыбных ресурсов в морях, омывающих Исландию». В международном праве, отмечает Суд, признано, что если коренное изменение обстоятельств, побудивших стороны принять договор, радикально меняют объем принятых обязательств, это в некоторых условиях может дать затронутой этими изменениями стороне основание для обращения к прекращению или приостановлению действия договора. Представляется, что в данном случае между сторонами существует серьезное различие во взглядах по вопросу о том, привело ли изменение методов рыболовства в водах, омывающих Исландию, к коренным или жизненно важным переменам, которые затронули бы эту страну. Однако такие перемены имели бы значение только для вынесения в дальнейшем решения по существу дела. Нельзя говорить о том, что изменение обстоятельств, на которое ссылается в своих утверждениях Исландия, изменило объем юрисдикционного обязательства, согласованного при обмене нотами в 1961 году. Более того, именно Суд в соответствии с пунктом 6 статьи 36 его Статута должен решать любые вопросы, касающиеся юрисдикции Суда и возникающие в результате предполагаемого прекращения действия обязательства вследствие изменения обстоятельств.

51. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ ПРОТИВ ИСЛАНДИИ) (ЮРИСДИКЦИЯ СУДА)

Решение от 2 февраля 1973 года

В решении по вопросу о своей компетенции по делу о юрисдикции над рыбными промыслами (Федеративная Республика Германии против Исландии) Суд 14 голосами против 1 постановил, что он компетентен рассматривать искомое заявление, поданное Федеративной Республикой 14 апреля 1972 года, и рассматривать спор по существу.

Состав Суда был следующим: Председатель сэра Мохаммед Зафрулла Хан, Вице-председатель Амун и судьи сэры Джеральд Фицморис, Падилья Нерво, Форстер, Гро, Бенгзон, Петрен, Ляхс, Оньеама, Диллард, Игнасио-Пинто, де Кастро, Морозов и Хименес де Аречага.

Председатель Суда приложил к решению заявление. Судья сэры Джеральд Фицморис приложил частное мнение, а судья Падилья Нерво — особое мнение.

Резюме судебного разбирательства
(пункты 1-12 решения)

В своем решении Суд напоминает, что 5 июня 1972 года правительство Федеративной Республики Германии возбудило дело против Исландии в связи со спором по поводу намечаемого расширения правительством Исландии зоны, в которой она пользуется исключительными правами рыболовства, до рас-

стояния в 50 морских миль от побережья, отсчитываемого от основных линий. В письме от 27 июня 1972 года министр иностранных дел Исландии информировал Суд о том, что его правительство не желает признавать юрисдикцию Суда и не назначит представителя. Постановлениями от 17 и 18 августа 1972 года Суд по просьбе Федеративной Республики рекомендовал некоторые временные защитные меры и постановил, что вначале должны представляться письменные документы по вопросу о компетенции Суда при рассмотрении дела. Правительство Федеративной Республики Германии представило меморандум, а правительство Исландии письменных документов не представило.

С учетом разбирательства, возбужденного против Исландии Соединенным Королевством 14 апреля 1972 года по делу о юрисдикции над рыбными промыслами и состава Суда при рассмотрении этого дела — наличия в его составе судьи — подданного Соединенного Королевства, — Суд 8 голосами против 5 постановил, что на данном этапе, когда рассматривается вопрос о юрисдикции Суда, существует общий вопрос в смысле пункта 5 статьи 31 Статута, что оправдывает отказ Федеративной Республики Германии просить о назначении судьи *ad hoc*.

8 января 1973 года было проведено публичное слушание, в ходе которого Суд заслушал устные аргументы по вопросу о его юрисдикции, представленные от имени Федеративной Республики Германии; Исландия не была представлена на слушании.

При обосновании компетенции Суда правительство Федеративной Республики Германии исходит а) из обмена нотами между правительством Федеративной Республики и правительством Исландии от 19 июля 1961 года и б) из заявления для целей обеспечения доступа к Суду, которое оно в соответствии с резолюцией Совета Безопасности от 15 октября 1946 года сделало 29 октября 1971 года и депонировало у Секретаря Суда 22 ноября 1971 года. 28 июля 1972 года министр иностранных дел Исландии указал в телеграмме, что Федеративная Республика, таким образом, признала юрисдикцию Суда лишь «после того, как она была уведомена правительством Исландии в меморандуме от 31 августа 1971 года о том, что цель положения, предусматривавшего судебное разрешение некоторых вопросов, полностью достигнута». Суд отмечает, что обязательная сила обмена нотами от 1961 года не связана с датой депонирования заявления, предусмотренного резолюцией Совета Безопасности, и что правительство Федеративной Республики выполняет условия как указанной резолюции, так и статьи 36 Регламента Суда.

Приходится сожалеть о том, указывает Суд, что правительство Исландии не явилось в Суд, чтобы представить возражения против компетенции Суда, которые, как следует понимать, оно имеет. Тем не менее Суд, в соответствии со своим Статутом и сложившейся практикой должен изучать этот вопрос по собственной инициативе, что является его обязанностью, подтверждаемой статьей 53 Статута; согласно этой статье, если одна из сторон не явится в Суд, он обязан удостовериться в подсудности ему дела до его рассмотрения по существу. Хотя прави-

тельство Исландии не изложило факты и правовые нормы, на которых основаны его возражения, и не представило никаких доказательств, Суд далее рассматривает те возражения против признания его компетенции, которые, по его мнению, могут быть выдвинуты. При этом Суд избегает не только выражения любых мнений по вопросам существа, но и вынесения каких-либо суждений, которые могли бы предрешить то или иное решение по существу дела либо создать такое впечатление.

Арбитражная оговорка в обмене нотами 1961 года (пункты 14-23 решения)

В соответствии с обменом нотами от 1961 года Федеративная Республика Германии обязалась признать исключительную исландскую рыболовную зону, ограниченную пределом в 12 миль, и вывести свои рыболовные суда из этой зоны в срок менее трех лет. В обмене нотами присутствовала арбитражная оговорка, сформулированная следующим образом:

«Правительство Исландии будет продолжать действовать в интересах выполнения постановления альтинга от 5 мая 1959 года о расширении юрисдикции Исландии над рыбными промыслами. Однако оно уведомит правительство Федеративной Республики Германии о таком расширении за шесть месяцев; в случае возникновения спора в связи с таким расширением этот вопрос по просьбе той или другой стороны будет передан в Международный Суд.»

Суд отмечает, что нет сомнений в выполнении правительством Федеративной Республики своей части этого соглашения или в том, что правительство Исландии в 1971 году сделало уведомление, предусмотренное на случай дальнейшего расширения его юрисдикции над рыбными промыслами. Нет никаких сомнений и в том, что возник спор, что он передан Федеративной Республикой Германии в Суд и что при первом рассмотрении этот спор в точности соответствует условиям арбитражной оговорки.

Хотя, строго говоря, текст этой оговорки достаточно ясен и поэтому нет необходимости исследовать подготовительную работу, Суд делает обзор истории переговоров, предшествовавших обмену нотами, и находит в ней подтверждение намерения сторон предоставить Федеративной Республике в обмен на признание ею 12-мильного предела и вывод своих судов ту же гарантию, которая несколькими неделями ранее была предоставлена Соединенному Королевству, в том числе право оспорить в Суде действительность любого дальнейшего расширения исландской юрисдикции над рыбными промыслами за пределы 12-мильной зоны.

Таким образом, очевидно, что Суд располагает необходимой компетенцией.

Действительность и срок действия обмена нотами 1961 года (пункты 24-45 решения)

Затем Суд рассматривает вопрос о том, действительно ли, как утверждалось, соглашение, закреп-

ленное в обмене нотами 1961 года, либо изначально не имело силы, либо прекратило свое действие впоследствии.

В вышеупомянутом письме от 27 июня 1972 года министр иностранных дел Исландии указывал, что обмен нотами 1961 года «имел место при весьма трудных обстоятельствах» и Федеративная Республика Германии истолковала это заявление как, по его мнению, «подразумевающее, что правительство Исландии заключило Соглашение 1961 года под каким-то давлением, а не по своей доброй воле». Однако Суд отмечает, что, как представляется, соглашение заключено в результате свободных переговоров на основе полного равенства и свободы принятия решений обеими сторонами.

В этом же письме министр иностранных дел Исландии выразил мнение, что «обязательство, касающееся судебного разрешения спора, нельзя считать носящим постоянный характер», и правительство Исландии в меморандуме от 31 августа 1971 года действительно утверждало, что цель положения о судебном разрешении споров полностью достигнута. Суд отмечает, что арбитражная оговорка не содержит явно выраженного положения о сроке ее действия. Фактически право Федеративной Республики Германии оспорить в Суде любую претензию Исландии на расширение ее рыболовной зоны зависело от выдвижения такой претензии и сохранялось бы все время, в течение которого Исландия добивалась бы выполнения постановления альтинга от 1959 года.

В своем заявлении, адресованном альтингу (парламенту Исландии), 9 ноября 1971 года премьер-министр Исландии ссылаясь на перемены, затронувшие «правовое мнение по вопросу о юрисдикции над рыбными промыслами». Его аргументы, как представляется, состояли в том, что, поскольку арби-

тражная оговорка была ценой, которую Исландия заплатила за признание Соединенным Королевством 12-мильного предела, нынешнее всеобщее признание такого предела представляет собой изменение правовых обстоятельств, которое освобождает Исландию от ее обязательства. Суд отмечает, что, напротив, поскольку Исландия получила выгоду от уже выполненных положений соглашения, ей надлежит выполнять относящиеся к ней условия договоренности.

В только что упомянутом письме и заявлении также обращается внимание на «изменившиеся обстоятельства, связанные со все возрастающей эксплуатацией рыбных ресурсов в морях, окружающих Исландию». В международном праве, отмечает Суд, признано, что если коренные изменения обстоятельств, побудивших стороны принять договор, радикально меняют объем принятых обязательств, это в некоторых условиях может дать затронутой этими изменениями стороне основание для ссылки на прекращение или приостановление действия договора. Представляется, что в нынешнем случае между сторонами существует серьезное различие во взглядах по вопросу о том, привело ли изменение методов рыболовства в водах, окружающих Исландию, к коренным или жизненно важным переменам, которые затронули бы эту страну. Однако также перемены имели бы значение только для вынесения в последующем решения по существу дела. Нельзя говорить о том, что изменение обстоятельств, на которое ссылается в своих утверждениях Исландия, изменило объем юрисдикционного обязательства, согласованного при обмене нотами в 1961 году. Более того, именно Суд в соответствии с пунктом 6 статьи 36 его Статута должен решать любые вопросы, касающиеся юрисдикции Суда и возникающие в результате предполагаемого прекращения действия обязательства вследствие изменения обстоятельств.

52. ДЕЛО ОБ ИСПЫТАНИЯХ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ (АВСТРАЛИЯ ПРОТИВ ФРАНЦИИ) (ВРЕМЕННАЯ ЗАЩИТА)

Постановление от 22 июня 1972 года

Суд 8 голосами против 6 вынес постановление, в котором до принятия окончательного решения по делу об испытаниях ядерного оружия (Австралия против Франции) рекомендовал следующие временные защитные меры:

И правительство Австралии, и правительство Франции должны обеспечить, чтобы не предпринимались никакие действия, которые могли бы усугубить или расширить спор или ущемить права противоположной стороны в отношении осуществления любого решения, которое Суд может принять по данному делу, и, в частности, правительство Франции должно воздержаться от проведения испытаний ядерного оружия, вызывающих выпадение радиоактивных осадков на австралийскую территорию.

Так как Председатель Ляхс не мог присутствовать по болезни на заседании в соответствии со статьей 45 Статута на заседании председательствовал Вице-председатель Амму, который зачитал текст постановления. Судья Диллард также отсутствовал по болезни; таким образом, Суд заседал в следующем составе:

Вице-председатель Амму, исполняющий обязанности Председателя; судьи Форстер, Гро, Бенгзон, Петрен, Оньеама, Игнасио-Пинто, де Кастро, Морозов, Хименес де Аречага, сэр Хэмфри Уолдок, Нажендра Сингх и Руда; судья *ad hoc* сэр Гарфилд Баруик.

Судьи Хименес де Аречага, сэр Хэмфри Уолдок, Нажендра Сингх и сэр Гарфилд Баруик, голосовав-

шие за постановление о рекомендации временных мер, приложили к нему заявления; судьи Форстер, Гро, Петрен и Игнасио-Пинто приложили к постановлению особые мнения.

В своем постановлении Суд напоминает, что 9 мая 1973 года Австралия возбудила дело против Франции по поводу спора о проведении французским правительством атмосферных испытаний ядерного оружия в Тихом океане. Правительство Австралии просило Суд вынести решение о том, что продолжение атмосферных испытаний ядерного оружия в южной части Тихого океана несовместимо с существующими нормами международного права, и постановить, чтобы правительство Франции прекратило их. В тот же день правительство Австралии просило Суд рекомендовать временные защитные меры. В письме посла Франции в Нидерландах, которое было передано им Секретарю 16 мая 1973 года, правительство Франции заявило, что, по его мнению, Суд совершенно некомпетентен рассматривать данный вопрос, что оно не может согласиться с юрисдикцией Суда и что, соответственно, оно не намерено назначать своего представителя и просит Суд изъять это дело из своего списка. К письму было приложено заявление о мотивах, побудивших правительство Франции прийти к таким выводам.

Суд рекомендовал временные меры на основании статьи 41 Статута и с учетом, среди прочего, следующих соображений:

— материалы, представленные в Суд, побуждают его на данной стадии разбирательства сделать вывод, что положения, на которые ссылается сторона, подавшая заявление, касаясь юрисдикции Суда, *prima*

facie создают предпосылку, на которой может основываться юрисдикция Суда;

— нельзя *a priori* предполагать, что претензии правительства Австралии совершенно не подпадают под юрисдикцию Суда или что это правительство, возможно, не в состоянии подтвердить свой юридический интерес в связи с этими претензиями, что позволило бы Суду принять исковое заявление;

— для целей данного этапа разбирательства достаточно отметить, что информация, представленная Суду, не исключает возможности того, что может быть доказано, что Австралии наносится ущерб в результате выпадения на австралийскую территорию радиоактивных осадков вследствие указанных испытаний и что такой ущерб непоправим.

Затем Суд указывает, что на нынешнем этапе разбирательства он не может удовлетворить просьбу правительства Франции об изъятии дела из списка. Однако принимаемое сейчас решение никоим образом не предрешает вопрос о юрисдикции Суда для рассмотрения дела по существу или какой-либо вопрос, связанный с приемлемостью искового заявления или с самим существом дела и не затрагивает право правительства Франции представить свои аргументы по этим вопросам.

Далее Суд постановляет, что вначале должны представляться письменные документы по вопросу о компетенции Суда при рассмотрении спора и о приемлемости искового заявления, и устанавливает дату 21 сентября 1973 года в качестве крайнего срока для представления меморандума правительства Австралии и 21 декабря 1973 года в качестве крайнего срока для представления контрмеморандума правительства Франции.

53. ДЕЛО ОБ ИСПЫТАНИЯХ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ (НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ ПРОТИВ ФРАНЦИИ) (ВРЕМЕННАЯ ЗАЩИТА)

Постановление от 22 июня 1972 года

Суд 8 голосами против 6 вынес постановление, в котором до принятия окончательного решения по делу об испытаниях ядерного оружия (Новая Зеландия против Франции) рекомендовал следующие временные защитные меры.

И правительство Новой Зеландии, и правительство Франции должны обеспечить, чтобы не принимались никакие действия, которые могли бы усугубить или расширить спор или ущемить права противоположной стороны в отношении осуществления любого решения, которое Суд может принять по данному делу, и, в частности, правительство Франции должно воздержаться от проведения испытаний ядерного оружия, вызывающих выпадение радиоактивных осадков на территорию Новой Зеландии, островов Кука, Ниуэ и островов Токелау.

Так как Председатель Ляхс не мог присутствовать на заседании по болезни, на заседании в соответствии со статьей 45 Статута председательствовал

Вице-председатель Амун, который зачитал текст постановления. Судья Диллард также отсутствовал по болезни; таким образом, Суд заседал в следующем составе:

Вице-председатель Амун, исполняющий обязанности Председателя; судьи Форстер, Гро, Бенгзон, Петрен, Оньеама, Игнасио-Пинто, де Кастро, Морозов, Хименес де Аречага, сэр Хэмфри Уолдок, Нажендра Сингх и Руда; судья *ad hoc* сэр Гарфилд Баруик.

Судьи Хименес де Аречага, сэр Хэмфри Уолдок, Нажендра Сингх и сэр Гарфилд Баруик, голосовавшие за постановление о рекомендации временных мер, приложили к нему заявления; судьи Форстер, Гро, Петрен и Игнасио-Пинто приложили к постановлению особые мнения.

В своем постановлении Суд напоминает, что 9 мая 1973 года Новая Зеландия возбудила дело против Франции по поводу спора о проведении французским

правительством атмосферных испытаний ядерного оружия в районе южной части Тихого океана. Правительство Новой Зеландии просило Суд вынести решение о том, что продолжение атмосферных испытаний ядерного оружия в районе южной части Тихого океана несовместимо с существующими нормами международного права, и постановить, чтобы правительство Франции прекратило их. 14 мая правительство Новой Зеландии просило Суд рекомендовать временные защитные меры. В письме посла Франции в Нидерландах, которое было передано им Секретарю 16 мая 1973 года, правительство Франции заявило, что, по его мнению, Суд совершенно некомпетентен рассматривать данный вопрос, что оно не может согласиться с юрисдикцией Суда и что, соответственно, оно не намерено назначать своего агента и просит Суд изъять это дело из своего списка. К письму было приложено заявление о мотивах, побудивших правительство Франции прийти к таким выводам.

Суд рекомендовал временные меры на основании статьи 41 Статута и с учетом, среди прочего, следующих соображений:

— материалы, представленные в Суд, побуждают его на данной стадии разбирательства сделать вывод, что положения, на которые ссылается сторона, подавшая заявление, касаясь юрисдикции Суда, *prima facie* создают предпосылку, на которой может основываться юрисдикция Суда;

— нельзя *a priori* предполагать, что претензии правительства Новой Зеландии совершенно не под-

падают под юрисдикцию Суда или что это правительство, возможно, не в состоянии подтвердить свой юридический интерес в связи с этими претензиями, что позволило бы Суду принять исковое заявление;

— для целей данного этапа разбирательства достаточно отметить, что информация, представленная Суду, не исключает возможности того, что может быть доказано, что Новой Зеландии наносится ущерб в результате выпадения на новозеландскую территорию радиоактивных осадков вследствие указанных испытаний и что такой ущерб непоправим.

Затем Суд указывает, что на нынешнем этапе разбирательства он не может удовлетворить просьбу правительства Франции об изъятии дела из списка. Однако принимаемое сейчас решение никоим образом не предпринимает вопрос о юрисдикции Суда для рассмотрения дела по существу или какой-либо вопрос, связанный с приемлемостью искового заявления или с самим существом дела и не затрагивает право правительства Франции представить свои аргументы по этим вопросам.

Далее Суд постановляет, что вначале необходимо представлять письменные документы по вопросу о компетенции Суда для рассмотрения спора и о приемлемости искового заявления, и устанавливает дату 21 сентября 1973 года в качестве крайнего срока для представления меморандума правительства Новой Зеландии и 21 декабря 1973 года в качестве крайнего срока для представления контрмеморандума правительства Франции.

54. ЗАЯВЛЕНИЕ О ПЕРЕСМОТРЕ РЕШЕНИЯ № 158 АДМИНИСТРАТИВНОГО ТРИБУНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Консультативное заключение от 12 июля 1973 года

Просьба о вынесении консультативного заключения была представлена Суду 3 июля 1972 года в письме Генерального секретаря Организации Объединенных Наций от 28 июня 1972 года в следующей форме:

«Комитет по заявлениям о пересмотре решений Административного трибунала постановил, что заявление о пересмотре решения Административного трибунала № 158, принятого в Женеве 28 апреля 1972 года, имеет под собой существенную основу по смыслу статьи II Статута Административного трибунала.

Соответственно, Комитет просит Международный Суд вынести консультативное заключение по следующим вопросам:

1. Действительно ли Трибуналом не были осуществлены его полномочия, как это утверждается в заявлении заявителя Комитету по заявлениям о пересмотре решений Административного трибунала (A/AC.86/R.59)?

2. Была ли Трибуналом допущена грубая ошибка процедурного характера, которая привела

к неотправлению правосудия, как это утверждает-ся в заявлении заявителя Комитету по заявлениям о пересмотре решений Административного трибунала (A/AC.86/R.59)?».

Суд 10 голосами против 3 решил удовлетворить просьбу и пришел к следующему мнению:

что касается вопроса I, то 9 голосами против 4 Суд установил, что Административный трибунал, в отличие от того, что утверждалось в заявлении заявителя Комитету по заявлениям о пересмотре решений Административного трибунала, осуществил свои полномочия;

что касается вопроса II, то Суд 10 голосами против 3 установил, что Административным трибуналом, в отличие от того, что утверждалось в заявлении заявителя Комитету по заявлениям о пересмотре решений Административного трибунала, не была допущена грубая ошибка процедурного характера, которая могла бы привести к неотправлению правосудия.

* * *

Рассмотрение этого дела проводилось Судом в следующем составе: Председатель Ляхс; Вице-председатель Аммуни; судьи Форстер, Гро, Бенгзон, Оньеама, Диллард, де Кастро, Морозов, Хименес де Аречага, сэр Хэмфри Уолдок, Нажендра Сингх и Руда.

Председатель Ляхс приложил к тексту Консультативного заключения заявление, а судьи Форстер и Нажендра Сингх — совместное заявление. Индивидуальные мнения были приложены судьями Оньеамой, Диллардом и Хименесом де Аречагой; а особые мнения — Вице-председателем Аммуном и судьями Гро, де Кастро и Морозовым.

Судьи Петрен и Игнасио-Пинто не принимали участия в рассмотрении дела, информировав Председателя на основании статьи 24 Статута о том, что они не считают необходимым участвовать в этом.

Вице-председатель судья де Кастро и судья Диллард, хотя и принимали полное участие в разбирательстве и голосовании, по состоянию здоровья не смогли присутствовать при оглашении Консультативного заключения.

Факты и процедуры (пункты 1-13 Консультативного заключения)

В своем Консультативном заключении Суд напомнил, что г-н Мохамед Фасла, сотрудник Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), имел срочный контракт, который истек 31 декабря 1969 года. Когда его контракт не был возобновлен, он подал жалобу сначала в Совместный совет по апелляциям, а затем в Административный трибунал Организации Объединенных Наций. Трибунал вынес решение № 158 в Женеве 28 апреля 1972 года. Г-н Фасла 26 мая 1972 года выдвинул возражения против этого решения и просил Комитет по заявлениям о пересмотре решений Административного трибунала запросить консультативное заключение Суда. Соответствующее решение по этому поводу Комитет принял 20 июня 1972 года.

Формулируя свою просьбу о вынесении консультативного заключения, Комитет по заявлениям осуществил свое право, которым он был наделен Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в резолюции 957 (X) от 8 ноября 1955 года, добавив к Статуту Административного трибунала Организации Объединенных Наций новую статью 11, в которой, в частности, предусматривается следующее:

«1. Если ... лицо, в отношении которого Трибуналом было вынесено решение, ... возражает против этого решения на основании того, что Трибунал ... не осуществил свои полномочия ... или допустил грубую ошибку процедурного характера, в результате которой не было совершено правосудие ... соответствующее лицо может ... подать письменное заявление Комитету, учрежденному в соответствии с пунктом 4 настоящей статьи, с просьбой запросить консультативное заключение Международного Суда по данному вопросу.

2. ... Комитет выносит решение о том, имеет ли заявление под собой существенную основу.

Если Комитет решит, что такая основа имеется, он запрашивает консультативное заключение Суда, и Генеральный секретарь принимает меры к тому, чтобы довести до сведения Суда мнения лица, указанного в пункте 1.

3. ... Генеральный секретарь либо выполняет заключение Суда, либо просит Трибунал специально собраться для подтверждения своего первоначального решения или вынесения нового в соответствии с заключением Суда ...

4. Для целей настоящей статьи учреждается Комитет, который уполномочивается на основании пункта 2 статьи 96 Устава запрашивать консультативное заключение Суда. В состав Комитета входят государства-члены, представители которых являлись членами Генерального комитета на самой последней очередной сессии Генеральной Ассамблеи ...».

В соответствии с пунктом 2 статьи 65 Статута Суда Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций препроводил Суду 29 августа 1972 года документы, которые могли бы пролить свет на данный вопрос. В соответствии с пунктом 2 статьи 66 Статута, Организация Объединенных Наций и ее государства-члены были информированы о том, что Суд готов получить письменные заявления, которые могли бы представить информацию по находящемуся на его рассмотрении вопросу. В сроки, установленные в распоряжении от 14 июля 1972 (*I.C.J. Reports 1972*, p.9), то есть 20 сентября 1972 года, Организация Объединенных Наций представила письменное заявление от имени Генерального секретаря вместе с мнениями г-на Фасла, которые были препровождены Суду в соответствии с пунктом 2 статьи 11 Статута Административного трибунала. Впоследствии г-ну Фасла было разрешено представить через Генерального секретаря исправленный вариант заявления с изложением его мнений в срок, истекающий 5 декабря 1972 года. Сроки представления письменных комментариев в соответствии с пунктом 4 статьи 66 Статута Суда были установлены Председателем до 27 ноября 1972 года, а затем продлены до 31 января 1973 года, и от имени Организации Объединенных Наций были получены письменные комментарии, включая замечания Генерального секретаря по исправленному варианту заявления г-на Фасла с изложением его мнений и комментарий г-на Фасла по заявлению, представленному от имени Генерального секретаря. Организация Объединенных Наций и ее государства-члены были 6 октября 1972 года информированы о том, что по этому делу не планируется проведение публичных слушаний для представления устных заявлений; это было подтверждено решением Суда от 25 января 1973 года.

Компетенция Суда (пункты 14-40 Консультативного заключения)

Данное разбирательство явилось первым разбирательством, в связи с которым Суд просили вынести Консультативное заключение в соответствии с процедурой, изложенной в статье 11 Статута Административного трибунала. Соответственно, хотя ни в заявлениях, ни в комментариях, представленных

Суду, не поднимался вопрос о компетенции Суда в отношении вынесения такого заключения или об уместности этого, Суд поочередно рассмотрел эти два вопроса.

Что касается компетенции Суда, то Суд рассмотрел, в частности, вопрос о том, можно ли считать Комитет по заявлениям о пересмотре одним из «органов Организации Объединенных Наций», имеющих право запрашивать консультативные заключения в соответствии со статьей 96 Устава, и осуществляет ли он какую-либо деятельность, которая дает ему право рассматриваться как запрашивающий консультативные заключения по правовым вопросам, возникающим в пределах сферы его деятельности, как это предусматривается в статье 96. Суд пришел к выводу, что Комитет является органом Организации Объединенных Наций, должным образом учрежденным в соответствии со статьями 7 и 22 Устава и имеющим надлежащие полномочия по пункту 2 статьи 96 Устава в отношении запроса консультативных заключений Суда. Из этого следует, что Суд компетентен в соответствии со статьей 65 своего Статута рассматривать просьбу о вынесении консультативного заключения, представленную Комитетом в рамках статьи 11 Статута Административного трибунала.

Затем Суд рассмотрел вопрос о том, дает ли ему характер некоторых аспектов процедуры пересмотра основания отклонить просьбу о консультативном заключении. Он установил, что в характере или деятельности Комитета нет ничего такого, что давало бы Суду основание сделать вывод, что процедура пересмотра несовместима с общими принципами, регулирующими процесс судопроизводства, и он отклонил возражения, основанные на том, что было названо естественным неравенством между персоналом, с одной стороны, и Генеральным секретарем и государствами-членами, с другой. Не считая, что процедура пересмотра лишена каких-либо проблем, Суд счел бесспорным, что в данном деле он должен удовлетворить просьбу о консультативном заключении.

Рамки вопросов, переданных на рассмотрение Суда (пункты 41-48 Консультативного заключения)

Суд отметил, что вопросы, сформулированные в просьбе, конкретно ограничиваются теми основаниями, на которых базируются возражения и утверждения г-на Фасла в его заявлении Комитету. Два выдвинутых основания соответствуют двум основаниям возражения, указанным в статье 11 Статута Административного трибунала, а именно, неосуществление полномочий и допущение грубой ошибки процедурного характера. Оспаривание решения Трибунала на одном из этих двух оснований нельзя превратить в разбирательство по существу решения.

Действительно ли Административным трибуналом не были осуществлены его полномочия? (пункты 49-87 Консультативного заключения)

По мнению Суда, это первое основание для оспаривания охватывает ситуации, в которых Трибунал

сознательно или по небрежности не осуществил свои юрисдикционные полномочия, имеющие отношение к принятому им решению по делу или по какому-либо конкретному существенному аспекту дела.

В этой связи Суд отклонил утверждения г-на Фасла о том, что Трибунал не осуществил свою юрисдикцию в том, что касается всестороннего рассмотрения его исков о возмещении ущерба, нанесенного его профессиональной репутации и служебным перспективам, и о возмещении соответствующих расходов и принятия по этим искам решения, а также в том, что касается перерасчета его вознаграждения и внесения исправлений и дополнений в его личное дело.

Затем Суд рассмотрел некоторые утверждения, содержащиеся в заявлении г-на Фасла Комитету по заявлениям о пересмотре, не раскрытые им полностью, но развитые с изложением его мнений в заявлении, которое было передано Суду и в котором он указал, что решение о его отзыве и невозможности контракта с ним было принято на неправомерном основании, представляющим собой злоупотребление властью. Суд отметил, что в своем заявлении Трибуналу г-н Фасла не просил отменить эти решения на основании их неправомерности или субъективной мотивировки и что Трибунал нельзя обвинить в неосуществлении его юрисдикции по той причине, что им не были приняты меры, в которых не было бы необходимости для разбирательства и принять которые не просила ни одна из сторон.

Была ли Административным трибуналом ООН допущена грубая ошибка процедурного характера, в результате которой не было совершено правосудие?

(пункты 88-100 Консультативного заключения)

Сначала Суд определил смысл и рамки понятия грубой ошибки процедурного характера, приводящей к неосуществлению правосудия. Что касается рассматриваемых Административным трибуналом дел, то суть вопроса состоит в том, что сотрудники имеют основополагающее право представлять устно или письменно свое дело, а также что это дело должно рассматриваться Трибуналом до определения их прав. Ошибка процедурного характера является грубой и влечет за собой неотправление правосудия в том случае, когда она нарушает это право и в этом смысле лишает сотрудников возможности обратиться к правосудию.

Суд отметил, что то, что было г-ном Фасла сформулировано как неосуществление юрисдикции или допущение грубой ошибки процедурного характера или и то, и другое, по сути является несколькими схожими жалобами, касающимися главным образом процедуры вынесения Трибуналом решения по существу исков, а не утверждениями о том, что была допущена грубая ошибка процедурного характера в прямом смысле этого слова. Его единственная жалоба на процедурную ошибку — это жалоба на то, что решения Трибунала, отклоняющие его иски, не были надлежащим образом мотивированы. Рассмотрев эту жалобу, Суд пришел к выводу, что, учитывая форму и содержание решения, его мотивировка не

нарушает требования правила о том, что в решении Административного трибунала должны указываться те основания, на которых оно принимается.

В заключение Суд заявил, что у него нет возможности вынести заключение по требованию г-на Фасла о возмещении расходов в связи с процедурой пере-

смотра. Он ограничился замечанием, что если Комитет устанавливает, что заявление имеет под собой существенную основу, то целесообразно, чтобы расходы в связи с этим нес сотрудник.

Учитывая эти соображения, Суд вынес вышеуказанное решение.

55. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО ПРОТИВ ИСЛАНДИИ) (ВРЕМЕННАЯ ЗАЩИТА)

Постановление от 12 июля 1973 года

56. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ ПРОТИВ ИСЛАНДИИ) (ВРЕМЕННАЯ ЗАЩИТА)

Постановление от 12 июля 1973 года

В постановлениях, вынесенных 12 июля 1973 года по каждому из двух дел о юрисдикции над рыбными промыслами (Соединенное Королевство против Исландии и Федеративная Республика Германии против Исландии), Суд 11 голосами против 3 подтвердил, что временные меры, рекомендованные в пункте 1 постановляющей части постановлений от 17 августа 1972 года, должны с учетом права отмены или изменения, предоставленного Суду пунктом 7 статьи 61 его Регламента 1946 года, оставаться в силе до тех пор, пока Суд не вынесет окончательного решения по каждому делу.

Эти два постановления были вынесены Судом в следующем составе:

Председатель Ляхс; Вице-председатель Амун; судьи Форстер, Гро, Бенгзон, Петрен, Оньеама, Игнасио-Пинто, де Кастро, Морозов, Хименес де Арчага, сэр Хэмфри Уолдок, Нажендра Сингх и Руда.

К каждому из двух постановлений судья Игнасио-Пинто приложил заявление, а судьи Гро и Петрен приложили особые мнения, в которых они указали причины своего голосования «против».

Излагая свои соображения в каждом из постановлений, Суд напоминает:

— что между заинтересованными сторонами состоялись или проходят переговоры, имеющие целью достижение предварительного соглашения до окончательного урегулирования споров;

— что временные меры, рекомендованные Судом, не исключают достижение предварительной договоренности, которая может быть согласована соответствующими правительствами на основе иных показателей ограничения уловов, чем объемы, указанные в качестве максимальных Судом, и аналогичных ограничений, касающихся зон, которые закрыты для рыболовства, числа и типов допускаемых судов и форм контроля за соблюдением согласованных положений;

— что Суд до вынесения окончательного решения и при отсутствии такого предварительного соглаше-

ния должен по-прежнему считать себя ответственным за сохранение — путем рекомендации временных мер — прав, которые Суд в последующем решении может объявить принадлежащими сторонам.

Следует напомнить, что в своих постановлениях от 17 августа 1972 года, вынесенных 14 голосами против 1, Суд в пункте 1 постановляющей части рекомендовал временные защитные меры, предусматривавшие, среди прочего, чтобы обе стороны исключили принятие любых мер, которые могли бы усугубить или расширить споры, чтобы Исландия воздерживалась от принятия любых мер по осуществлению новых объявленных правил, касающихся пределов ее исключительной рыболовной зоны, в отношении судов, зарегистрированных в Соединенном Королевстве и Федеративной Республике Германии, и чтобы улов указанных судов не превышал соответственно 170 000 и 119 000 тонн. В постановляющей части обоих рассматриваемых постановлений содержался также пункт 2, изложенный следующим образом:

«Если Суд не вынесет окончательного решения по данному делу раньше, то он в надлежащее время, до 15 августа 1973 года, пересмотрит этот вопрос по просьбе той или другой стороны, с тем чтобы принять решение о необходимости сохранения, изменения или отмены этих мер.»

2 февраля 1973 года Суд вынес два решения, в которых сделал вывод, что он компетентен рассматривать каждое из двух дел, а 15 февраля 1973 года вынес два постановления, в которых установил крайние сроки для письменного судопроизводства по существу каждого дела.

22 июня 1973 года представитель Соединенного Королевства просил Суд подтвердить, что временные защитные меры, рекомендованные Судом, останутся в силе до тех пор, пока Суд не вынесет окончательное решение, или до нового распоряжения, а представитель Федеративной Республики просил Суд подтвердить мнение его правительства о

том, что постановление от 17 августа 1972 года сохраняет силу и после 15 августа 1973 года.

В телеграмме от 2 июля 1973 года правительство Исландии (которое не назначало представителя и не признавало компетенцию Суда) представило замечания по поводу этих просьб; оно выражало протест в связи с сохранением рекомендованных мер, ут-

верждало, что нельзя допускать, чтобы рыболовные флоты, обладающие высокой мобильностью, создавали постоянную угрозу сокращения рыбных запасов и опасность для жизнеспособности экономики, имеющей одностороннюю ориентацию, и делало вывод, что сохранение в неизменном виде нынешней опасной ситуации может нанести непоправимый ущерб интересам исландской нации.

57. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО ПРОТИВ ИСЛАНДИИ) (СУЩЕСТВО)

Решение от 25 июля 1974 года

В своем решении по существу дела о юрисдикции над рыбными промыслами (Соединенное Королевство против Исландии) Суд десятью голосами против четырех:

1) пришел к выводу, что исландские правила 1972 года, предусматривающие одностороннее расширение зоны исключительных прав Исландии на рыболовство на расстояние до 50 морских миль от основных линий не могут быть противопоставлены интересам Соединенного Королевства;

2) постановил, что Исландия не имеет права в одностороннем порядке закрывать районы, находящиеся между 12-мильным и 50-мильным пределами, для рыболовных судов Соединенного Королевства или в одностороннем порядке вводить ограничения на их деятельность в таких районах;

3) установил, что Исландия и Соединенное Королевство несут взаимную обязанность вступить в переговоры в духе доброй воли с целью справедливого разрешения их разногласий;

4) указал на некоторые факторы, которые должны учитываться в ходе таких переговоров (преимущественные права Исландии, традиционные права Соединенного Королевства, интересы других государств, охрана рыбных ресурсов, совместное изучение вопроса о необходимых мерах).

Состав Суда был следующим: Председатель Ляхс, судьи Форстер, Гро, Бенгзон, Петрен, Оньеама, Диллард, Игнасио-Пинто, де Кастро, Морозов, Хименес де Аречага, сэр Хэмфри Уолдок, Нажендра Сингх и Руда.

Из десяти членов Суда, проголосовавших за решение, Председатель и судья Нажендра Сингх приложили заявления; судьи Форстер, Бенгзон, Хименес де Аречага, Нажендра Сингх (упомянутый выше) и Руда приложили совместное частное мнение, и судьи Диллард, де Кастро и сэр Хэмфри Уолдок приложили частные мнения.

Из четырех судей, проголосовавших против решения, судья Игнасио-Пинто приложил заявление и судьи Гро, Петрен и Оньеама приложили особые мнения.

В этих заявлениях и мнениях соответствующие судьи разъясняют свои позиции.

Процедура — Неявка стороны
(пункты 1-18 решения)

В своем решении Суд напоминает, что разбирательство было возбуждено Соединенным Королевством против Исландии 14 апреля 1972 года. По просьбе Соединенного Королевства Суд постановлением от 17 августа 1972 года рекомендовал временные защитные меры и подтвердил их последующим постановлением от 12 июля 1972 года. В решении от 2 февраля 1973 года Суд постановил, что он компетентен рассматривать спор по существу.

В своих окончательных письменных документах Соединенное Королевство просило Суд заявить:

a) что притязание Исландии на право иметь зону исключительной юрисдикции над рыбными промыслами, простирающуюся на 50 морских миль от основных линий, не имеет обоснования в международном праве и является недействительным;

b) что применительно к Соединенному Королевству Исландия не имеет права в одностороннем порядке заявлять об исключительной юрисдикции над рыбными промыслами, за пределами 12-мильной зоны, согласованными в обмене нотами от 1961 года;

c) что Исландия не имеет права в одностороннем порядке закрывать для британских рыболовных судов район открытого моря за пределами 12-мильной зоны или в одностороннем порядке вводить ограничения на их деятельность в этом районе;

d) что Исландия и Соединенное Королевство несут обязанность совместно рассмотреть — на двусторонней основе либо вместе с другими заинтересованными государствами — необходимость введения с целью охраны ресурсов ограничений на рыболовство в указанном районе открытого моря и провести переговоры об установлении в этом районе такого режима, который, среди прочего, обеспечил бы Исландии преимущественное положение как государству, находящемуся в особой зависимости от своих рыбных промыслов.

Исландия не принимала участия в разбирательстве ни на какой его стадии. В письме от 29 мая 1972 года Исландия информировала Суд о том, что она рассматривает обмен нотами от 1961 года как прекративший свое действие; что, по ее мнению, в соответ-

ствии со Статутом Суд не имеет оснований для осуществления своей юрисдикции; и что, поскольку она считает, что затрагиваются ее жизненные интересы, она не желает признавать юрисдикцию Суда при рассмотрении какого бы то ни было дела о пределах ее рыбных промыслов. В письме от 11 января 1974 года Исландия заявила, что она не согласна ни с какими заявлениями о фактах и ни с какими утверждениями или ссылками на правовые нормы, выдвинутыми от имени Соединенного Королевства.

Поскольку Соединенное Королевство сослалось на статью 53 Статута, Суду было необходимо определить, обоснован ли иск с точки зрения фактов и норм права. Факты, которые Суд должен был рассмотреть при вынесении решения по иску, были изложены в документальных свидетельствах, в достоверности которых, как представлялось, не было оснований сомневаться. Что касается норм права, то, хотя приходилось сожалеть о неявке Исландии, Суд, тем не менее, должен был рассмотреть нормы международного права, которые были известны ему самому как Суду. Учитывая правовое положение каждой из сторон и действуя с особой осмотрительностью ввиду отсутствия представителя государства-ответчика, Суд счел, что он располагает всеми условиями, необходимыми для того, чтобы он мог вынести решение.

История спора: юрисдикция Суда
(пункты 19-48 решения)

Суд напомнил, что в 1948 году альтинг (парламент Исландии) принял закон о научной консервации рыбных промыслов континентального шельфа, который уполномочивал правительство создавать охраняемые зоны, где в отношении всех рыбных промыслов действовали бы исландские правила и контроль со стороны Исландии в той мере, в какой это допускалось соглашениями, заключенными с другими странами. Затем Исландия начиная с 1951 года денонсировала англо-датскую конвенцию 1901 года, которая устанавливала предел для действия исключительного права Исландии на рыбную ловлю вдоль своих берегов; в новых исландских правилах от 1958 года был объявлен 12-мильный предел, а в 1958 году альтинг заявил в своем постановлении, «что должно быть получено признание права Исландии на всю зону континентального шельфа в соответствии с политикой, принятой согласно Закону от 1948 года». После ряда инцидентов и серии переговоров Исландия и Соединенное Королевство договорились об обмене нотами, который состоялся 11 марта 1961 года и в рамках которого было определено, среди прочего, что Соединенное Королевство не будет далее возражать против наличия 12-мильной рыболовной зоны, что Исландия будет продолжать действовать в интересах выполнения постановления 1959 года о расширении юрисдикции над рыбными промыслами, но уведомит правительство Соединенного Королевства о таком расширении за шесть месяцев, и что «в случае возникновения спора в связи с таким расширением этот вопрос по просьбе той или другой стороны будет передан в Международный Суд».

В 1971 году правительство Исландии объявило, что действие соглашения с Соединенным Королевством о юрисдикции над рыбными промыслами будет прекращено и что пределы зоны исключительной юрисдикции Исландии над рыбными промыслами будут расширены до 50 миль. В меморандуме от 24 февраля 1972 года Соединенное Королевство было официально уведомлено о таком намерении. В ответ Соединенное Королевство указало на то, что обмен нотами не подлежит односторонней денонсации и что, по его мнению, предусматриваемая мера «не имела бы обоснования в международном праве». 14 июля 1972 года были введены в действие новые правила, которые предусматривали расширение пределов рыболовной зоны Исландии до 50 миль начиная с 1 сентября 1972 года и запрещение иностранным судам рыболовства в пределах этой зоны. Осуществление этих правил в то время, когда продолжалось разбирательство в Суде и Исландия отказывалась признать решения Суда, привело к ряду инцидентов и обусловило необходимость серии переговоров, которые завершились 13 ноября 1973 года обменом нотами; он представлял собой предварительное соглашение между Соединенным Королевством и Исландией. Это соглашение, заключенное на двухлетний срок, предусматривало установление временного порядка «до урегулирования спора по существу и без ущерба для правового положения и прав какого-либо из двух правительств применительно к нему».

Суд счел, что наличие предварительного соглашения не должно препятствовать вынесению им решения: невозможно утверждать, что вопросы, находящиеся на рассмотрении Суда, утратили актуальность, поскольку спор все еще сохраняется; и, хотя Суд не имеет полномочий для установления норм, которые будут действовать для сторон после истечения срока действия предварительного соглашения, это не освобождает Суд от обязанности вынести решение на основе права в том виде, в каком оно существует ныне; кроме того, Суд не должен побуждать страны к отказу от заключения предварительных соглашений в отношении будущих споров — соглашений, которые имели бы целью уменьшение трений.

Возвращаясь к обмену нотами от 1961 года, который Суд в своем решении от 1973 года определил как соглашение, сохраняющее силу, Суд подчеркнул, что было бы слишком узким такое толкование арбитражной оговорки (приведенной выше), которое подводило бы к выводу о том, что она ограничивает юрисдикцию Суда утвердительным или отрицательным ответом на вопрос, соответствуют ли исландские правила 1972 года международному праву. Представляется очевидным, что спор между сторонами включает в себя разногласия по вопросу о правах каждой из сторон на использование рыбных ресурсов и адекватность мер по их сохранению. Суд вправе учесть все соответствующие обстоятельства.

Применимые нормы международного права
(пункты 49-78 решения)

На первой Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву (Женева, 1958 год)

была принята Конвенция об открытом море, в статье 2 которой провозглашается принцип свободы открытого моря, то есть свободы мореплавания, свободы рыболовства и т.п., «которые должны осуществляться всеми государствами с разумным учетом интересов других государств в осуществлении ими свободы открытого моря».

Вопрос о ширине территориального моря и о пределах юрисдикции прибрежного государства над рыбными промыслами не был решен на Конференции 1958 года и не был урегулирован на второй Конференции, которая состоялась в Женеве в 1960 году. Однако с того времени на основании сложившегося в целом консенсуса в качестве обычного права утвердились два понятия: понятие рыболовной зоны, промежуточной между территориальным морем и открытым морем, в пределах которой прибрежное государство может претендовать на исключительную юрисдикцию над рыбными промыслами (в настоящее время общепринятым является мнение, что эта зона может простирается до 12-мильного предела) и относящееся к водам, прилегающим к зоне исключительных прав на рыбную ловлю, понятие преимущественных прав на рыбную ловлю, которые имеет прибрежное государство, если оно находится в особой зависимости от своих рыбных промыслов. Суду известно, что в последние годы несколько государств заявили о расширении пределов своих исключительных рыболовных зон. Суду также известно о предпринимаемых в настоящее время под эгидой Организации Объединенных Наций усилиях, которые направлены на достижение в ходе третьей Конференции по морскому праву дальнейшей кодификации и прогрессивного развития этой отрасли права, а также о различных выдвинутых в этой связи предложениях и проводимой подготовительной работе. Однако, будучи судом, он не может выносить решение *sub specie legis ferendae* или предвосхищать правовые нормы, пока они не утверждены законодателем. Он должен учитывать существующие нормы международного права и обмен нотами 1961 года.

Понятие преимущественных прав на рыбную ловлю было впервые использовано в предложениях, выдвинутых Исландией на Женевской конференции 1958 года; Конференция ограничилась рекомендацией относительно того, что

«... там, где возникает необходимость в целях охраны ограничить общий улов одной или нескольких пород рыб в районе открытого моря, прилегающем к территориальному морю прибрежного государства, все другие государства, ведущие рыбную ловлю в этом районе, должны сотрудничать с прибрежным государством для обеспечения справедливых действий в такой ситуации путем введения согласованных мер, которые будут предусматривать признание любых преимущественных требований прибрежного государства, связанных с его зависимостью от соответствующих рыбных промыслов, при одновременном учете интересов других государств».

На Конференции 1960 года это же понятие было отражено в поправке, которая значительным боль-

шинством голосов была включена в одно из предложенных положений о рыболовной зоне. Нынешняя практика государств показывает, что это понятие получает не только все более широкое признание, но и используется на практике в соответствии с двусторонними и многосторонними соглашениями. В рассматриваемом случае, когда 12-мильный предел не оспаривается, Соединенное Королевство в явной форме признало преимущественное право другой стороны на использование спорных вод, находящихся вне этого предела. Невозможно усомниться в исключительной зависимости Исландии от ее рыбных промыслов, и, как представляется, сложилось такое положение, при котором крайне важно охранять рыбные запасы в интересах их рационального и экономически выгодного использования.

Однако понятие преимущественных прав на рыбную ловлю, предоставляемых прибрежному государству в случае его особой зависимости от рыбных промыслов, хотя оно и подразумевает некоторый приоритет, само по себе не может означать прекращение действия соответствующих прав других государств. Того обстоятельства, что Исландия вправе претендовать на преимущественные права, недостаточно для обоснования ее стремления в одностороннем порядке совсем запретить британским рыболовным судам вести рыбную ловлю за пределами 12-мильной зоны, согласованной в 1961 году.

Соединенное Королевство указало, что его суда вели рыбную ловлю в исландских водах веками, что характер этой рыбной ловли был сопоставим с нынешним в течение последних 50 лет и что закрытие промыслов для этих судов имело бы весьма серьезные негативные последствия. В данном случае речь также идет об экономической зависимости целых общин и о том, что они должны получить средства к существованию, и Соединенное Королевство заинтересовано в сохранении рыбных запасов в той же степени, что и Исландия, которая, со своей стороны, признала наличие у истца особых исторических интересов, связанных с рыболовством в спорных водах. Поэтому исландские правила 1972 года не могут быть противопоставлены интересам Соединенного Королевства: в них не учитываются традиционные права этого государства, а также обмен нотами 1961 года, и они представляют собой нарушение принципа (Конвенция 1958 года об открытом море, статья 2) разумного учета интересов других государств, в том числе Соединенного Королевства.

Для достижения справедливого разрешения данного спора необходимо, чтобы был установлен баланс между преимущественными правами Исландии на рыбную ловлю и традиционными правами на рыбную ловлю, принадлежащими Соединенному Королевству, путем оценки в каждый конкретный момент относительной зависимости каждого из двух государств от данных рыбных промыслов при одновременном учете прав других государств от данных рыбных промыслов при одновременном учете прав других государств и необходимости охраны ресурсов. Таким образом, Исландия не имеет законного права в одностороннем порядке закрывать для рыболовных судов Соединенного Королевства районы,

находящиеся за пределами 12-мильной зоны, согласованной в 1961 году, или в одностороннем порядке вводить ограничения на их деятельность. Но это не означает, что Соединенное Королевство не несет обязательств перед Исландией в том, что касается рыболовства в спорных водах, лежащих между 12-мильным и 50-мильным пределами. Обе стороны обязаны следить за состоянием рыбных ресурсов в этих водах и в свете имеющейся информации совместно рассматривать вопрос о мерах, которые будут необходимо принимать в интересах сохранения, развития и справедливого использования этих ресурсов с учетом любых международных соглашений, которые могут действовать в настоящее время или могут быть достигнуты в результате переговоров.

Наиболее уместным способом разрешения спора, несомненно, является проведение переговоров в целях определения прав и интересов сторон и справедливого урегулирования таких проблем, как ограничение уловов, выделение квот и связанные с этим

ограничения. Обязательство по проведению переговоров вытекает из самого характера прав каждой из сторон и соответствует положениям Устава Организации Объединенных Наций о мирном разрешении споров. Суд не может согласиться с мнением, что обе стороны не намерены вести переговоров в течение всего срока действия предварительного соглашения 1973 года. Их задачей будет проведение переговоров на основе принципа, согласно которому каждая сторона должна в духе доброй воли в разумной степени учитывать юридические права другой стороны, обстоятельства, связанные с особым положением и интересы других государств, имеющих традиционные права на рыбную ловлю в данном районе.

По этим причинам Суд вынес решение, изложенное выше (пункт 79 решения).

58. ДЕЛО О ЮРИСДИКЦИИ НАД РЫБНЫМИ ПРОМЫСЛАМИ (ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ ПРОТИВ ИСЛАНДИИ) (СУЩЕСТВО ВОПРОСА)

Решение от 25 июля 1974 года

В своем решении по существу дела о юрисдикции над рыбными промыслами (Федеративная Республика Германии против Исландии) Суд десятью голосами против четырех:

1) пришел к выводу, что исландские правила 1972 года, предусматривающие одностороннее расширение зоны исключительных прав Исландии на рыбную ловлю до расстояния в 50 морских миль от основных линий не могут быть противопоставлены интересам Федеративной Республики Германии;

2) пришел к выводу, что Исландия не имеет права в одностороннем порядке закрывать районы, находящиеся между 12-мильным и 50-мильным пределами, для рыболовных судов Федеративной Республики Германии или в одностороннем порядке вводить ограничения на их деятельность в таких районах;

3) постановил, что Исландия и Федеративная Республика Германии несут взаимную обязанность вступить в переговоры в духе доброй воли с целью справедливого разрешения их разногласий;

4) указал на некоторые факторы, которые должны учитываться в ходе таких переговоров (преимущественные права Исландии, традиционные права Федеративной Республики Германии, интересы других государств, охрана рыбных ресурсов, совместное изучение вопроса о необходимых мерах);

5) постановил, что он не может согласиться с представленным Федеративной Республикой Германии документом, в котором она утверждает, что имеет право на компенсацию.

Состав Суда был следующим: Председатель Ляхс, судьи Форстер, Гро, Бенгзон, Петрен, Оньеама,

Диллард, Игнасио-Пинто, де Кастро, Морозов, Хименес де Аречага, сэр Хэмфри Уолдок, Нажендра Сингх и Руда.

В числе десяти членов Суда, проголосовавших за решение: Председатель и судьи Диллард и Нажендра Сингх приложили заявления; судьи Форстер, Бенгзон, Хименес де Аречага, Нажендра Сингх (упомянутый выше) и Руда приложили совместное частное мнение, и судьи де Кастро и сэр Хэмфри Уолдок приложили частные мнения.

Из четырех судей, проголосовавших против решения, судья Игнасио-Пинто приложил заявление, а судьи Гро, Петрен и Оньеама приложили особые мнения.

В этих заявлениях и мнениях соответствующие судьи разъясняют свои позиции.

Процедура: неявка стороны
(пункты 1-18 решения)

В своем решении Суд напоминает, что разбирательство было возбуждено Федеративной Республикой Германией против Исландии 26 мая 1972 года. По просьбе Федеративной Республики Германии Суд рекомендовал временные защитные меры постановлением от 17 августа 1972 года и подтвердил их последующим постановлением от 12 июля 1973 года. В решении от 2 февраля 1973 года Суд постановил, что он компетентен рассматривать спор по существу.

В составе Суда не было ни одного судьи, который был бы гражданином какой-либо из сторон. В письме от 25 сентября 1973 года Федеративная Республика информировала Суд о том, что, поскольку Ис-

ландия отказывается от участия в разбирательстве и от использования своего права назначить судью *ad hoc*, Федеративная Республика не считает необходимым настаивать на назначении такого судьи. 17 января 1974 года Суд решил не объединять данное разбирательство с разбирательством, возбужденным против Исландии Соединенным Королевством. Принимая такое решение, Суд учел то обстоятельство, что, хотя основные правовые вопросы, которые затрагивались обоими делами, как представлялось, были идентичными, имелись расхождения между позициями двух истцов и между представленными ими документами и объединение двух дел противоречило бы их желанию.

В своих окончательных письменных документах Федеративная Республика просила Суд постановить:

a) что одностороннее расширение Исландией зоны своей исключительной юрисдикции над рыбными промыслами до расстояния в 50 морских миль от основных линий применительно к Федеративной Республике Германии не имеет обоснования в международном праве;

b) что исландские правила, принятые с этой целью, не должны применяться к Федеративной Республике Германии или к зарегистрированным в ней рыболовным судам;

c) что, если Исландия выявит необходимость мер по охране рыбных запасов за пределами 12-мильной зоны, согласованной в рамках обмена нотами от 1961 года, такие меры могут приниматься только на основе соглашения между сторонами, заключенного либо на двусторонней, либо на многосторонней основе с должным учетом особой зависимости Исландии от ее рыбных промыслов и наличия традиционных рыбных промыслов Федеративной Республики в соответствующих водах;

d) что акты вмешательства судов исландской прибрежной патрульной службы в деятельность рыболовных судов, зарегистрированных в Федеративной Республике, являются незаконными в соответствии с международным правом и что в этой связи Исландия обязана предоставить Федеративной Республике Германии компенсацию.

Исландия не принимала участия в разбирательстве ни на какой его стадии. В письме от 27 июня 1972 года Исландия информировала Суд о том, что она рассматривает обмен нотами от 1961 года как прекративший свое действие; что, по ее мнению, в соответствии со Статутом Суд не имеет оснований для осуществления своей юрисдикции; и что, поскольку она считает, что затрагиваются ее жизненные интересы, она не желает признавать юрисдикцию Суда при рассмотрении какого бы то ни было дела о границах ее рыбных промыслов. В письме от 11 января 1974 года Исландия заявила, что она не согласна ни с какими заявлениями о фактах и ни с какими утверждениями или ссылками на правовые нормы, выдвинутыми от имени Федеративной Республики.

В этих обстоятельствах Суду в соответствии со статьей 53 Статута было необходимо определить, обоснован ли иск с точки зрения фактов и норм права. Факты, которые Суд должен был рассмо-

треть при вынесении решения по иску, были изложены в документальных свидетельствах, в достоверности которых, как представлялось, не было оснований сомневаться. Что касается норм права, то, хотя приходилось сожалеть о неяске Исландии, Суд, тем не менее, должен был рассмотреть нормы международного права, которые были известны ему самому как Суду. Учитывая правовое положение каждой из сторон и действуя с особой осмотрительностью ввиду отсутствия представителя государства-ответчика, Суд счел, что он располагает всеми условиями, необходимыми для того, чтобы он мог вынести решение.

История спора: юрисдикция Суда (пункты 20-40 решения)

Суд напомнил, что в 1948 году альтинг (парламент Исландии) принял закон о научной консервации рыбных промыслов континентального шельфа, который уполномочивал правительство создавать охранные зоны, где в отношении всех рыбных промыслов действовали бы исландские правила и контроль со стороны Исландии в той мере, в какой это допускалось соглашениями, заключенными с другими странами. В 1958 году Исландия ввела в действие правила, согласно которым зона, в которой Исландия пользовалась исключительным правом на рыбную ловлю вдоль своих берегов, была расширена до 12 морских миль, а в 1959 году альтинг заявил в своем постановлении, «что должно быть получено признание права Исландии на всю зону континентального шельфа в соответствии с политикой, принятой согласно Закону от 1948 года». Отказавшись признать действительность новых правил, Федеративная Республика провела переговоры с Исландией и 19 июля 1961 года произвела с ней обмен нотами, в рамках которого было определено, среди прочего, что Федеративная Республика не будет в дальнейшем возражать против наличия 12-мильной рыболовной зоны, что Исландия будет продолжать действовать в интересах выполнения постановления 1959 года о расширении юрисдикции над рыбными промыслами, но уведомит Федеративную Республику о таком расширении за шесть месяцев, и что «в случае возникновения спора в связи с таким расширением этот вопрос по просьбе той или другой стороны будет передан в Международный Суд».

В 1971 году правительство Исландии объявило, что действие соглашения с Федеративной Республикой о юрисдикции над рыбными промыслами будет прекращено и что пределы зоны исключительной юрисдикции Исландии над рыбными промыслами будут расширены до 50 миль. В меморандуме от 24 февраля 1972 года Федеративная Республика была официально уведомлена о таком намерении; в ответ она указала на то, что «предусмотренные меры были бы несовместимы с международным правом» и что обмен нотами не может быть денонсирован в одностороннем порядке. 14 июля 1972 года были введены в действие новые правила, которые предусматривали расширение пределов рыболовной зоны Исландии до 50 миль начиная с 1 сентября 1972 года и запрещение рыболовной деятельности иностранных судов в пределах этой зоны. Осуществление этих

правил в то время, когда продолжалось разбирательство в Суде и Исландия отказывалась признать решения Суда, привело к ряду инцидентов и вызвало необходимость проведения переговоров, которые не завершились достижением какого-либо соглашения.

Определив в своем решении от 1973 года обмен нотами как соглашение, сохраняющее силу, Суд подчеркнул, что было бы слишком узким такое толкование содержащейся в нем арбитражной оговорки (приведенной выше), которое подводило бы к выводу о том, что она ограничивает юрисдикцию Суда утвердительным или отрицательным ответом на вопрос, соответствуют ли исландские правила от 1972 года международному праву. Представляется очевидным, что спор между сторонами включает в себя разногласия по вопросу о правах каждой из сторон на использование рыбных ресурсов и адекватности мер по их сохранению. Суд вправе учесть все соответствующие обстоятельства.

Применимые нормы международного права (пункты 41-70 решения)

На первой Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву (Женева, 1958 год) была принята Конвенция об открытом море, в статье 2 которой провозглашается принцип свободы открытого моря, то есть свободы мореплавания, свободы рыболовства и т.п., «которые должны осуществляться всеми государствами с разумным учетом интересов других государств в осуществлении ими свободы открытого моря».

Вопрос о ширине территориального моря и о пределах юрисдикции прибрежного государства над рыбными промыслами не был решен на Конференции 1958 года и не был урегулирован на второй Конференции, которая состоялась в Женеве в 1960 году. Однако с того времени на основании сложившегося в целом консенсуса в качестве обычного права утвердились два понятия: понятие рыболовной зоны, промежуточной между территориальным морем и открытым морем, в пределах которой прибрежное государство может претендовать на исключительную юрисдикцию над рыбными промыслами (в настоящее время общепринятым является принцип, согласно которому эта зона может простираться на расстояние до 12 миль), и относящееся к водам, прилегающим к зоне исключительных прав на рыбную ловлю, понятие преимущественных прав на рыбную ловлю, которые имеет прибрежное государство, если оно находится в особой зависимости от своих рыбных промыслов. Суду известно, что в последние годы ряд государств заявили о расширении пределов своих исключительных зон рыболовства. Суду также известно о предпринимаемых в настоящее время под эгидой Организации Объединенных Наций усилиях, которые направлены на достижение в ходе третьей Конференции по морскому праву дальнейшей кодификации и прогрессивного развития этой отрасли права, а также о различных выдвинутых в этой связи предложениях и проводимой подготовительной работе. Однако, будучи Судом, он не может выносить решение *sub specie legis ferendae* или предпрещать правовые нормы, пока они

не утверждены законодателем. Он должен учитывать существующие нормы международного права и обмен нотами 1961 года.

Понятие преимущественных прав на рыбную ловлю было впервые использовано в предложениях, выдвинутых Исландией на Женевской конференции 1958 года; Конференция ограничилась рекомендацией относительно того, что

«...там, где возникает необходимость в целях охраны ограничить общий улов одной или нескольких пород рыб в районе открытого моря, прилегающем к территориальному морю прибрежного государства, все другие государства, ведущие рыбную ловлю в этом районе, должны сотрудничать с прибрежным государством для обеспечения справедливых действий в такой ситуации путем введения согласованных мер, которые будут предусматривать признание любых преимущественных требований прибрежного государства, связанных с его зависимостью от соответствующих рыбных промыслов, при одновременном учете интересов других государств».

На Конференции 1960 года это же понятие было отражено в поправке, которая значительным большинством голосов была включена в одно из предложенных положений о рыболовной зоне. Нынешняя практика государств показывает, что это понятие получает не только все более широкое признание, но и используется на практике в соответствии с двусторонними и многосторонними соглашениями. В рассматриваемом случае, когда 12-мильный предел не оспаривается, Федеративная Республика в явной форме признала преимущественное право другой стороны на использование спорных вод, находящихся за пределами этой зоны. Невозможно усомниться в исключительной зависимости Исландии от ее рыбных промыслов, и, как представляется, сложилось такое положение, при котором крайне важно охранять рыбные запасы в интересах их рационального и экономически выгодного использования.

Однако понятие преимущественных прав на рыбную ловлю, предоставляемых прибрежному государству в случае его особой зависимости от рыбных промыслов, хотя оно и подразумевает некоторый приоритет, само по себе не может означать прекращение действия соответствующих прав других государств. Того обстоятельства, что Исландия вправе претендовать на преимущественные права, недостаточно для обоснования ее стремления в одностороннем порядке запретить рыболовным судам Федеративной Республики вести любую рыбную ловлю за пределами 12-мильной зоны, согласованной в 1961 году.

Федеративная Республика Германии указала, что ее суда начали вести рыбную ловлю в районе Исландии еще в конце XIX века и что потеря рыбных промыслов оказала бы значительное отрицательное воздействие на ее экономику. В данном случае речь также идет об экономической зависимости целых общин и о том, что они должны получать средства к существованию, и Федеративная Республика заинтересована в сохранении рыбных запасов в той же степени, что и Исландия, которая, со своей стороны,

признала наличие у истца особых исторических интересов, связанных с рыболовством в спорных водах. Поэтому исландские правила 1972 года не могут быть противопоставлены интересам Федеративной Республики Германии: в них не учитываются традиционные права этого государства, а также обмен нотами 1961 года, и они представляют собой нарушение принципа (Конвенция 1958 года об открытом море, статья 2) разумного учета интересов других государств, в том числе Федеративной Республики.

Для достижения справедливого разрешения данного спора необходимо, чтобы был установлен баланс между преимущественными правами Исландии на рыбную ловлю и традиционными правами на рыбную ловлю, принадлежащими Федеративной Республике Германии, путем оценки в каждый конкретный момент относительной зависимости каждого из двух государств от данных рыбных промыслов при одновременном учете прав других государств и необходимости охраны ресурсов. Таким образом, Исландия не имеет законного права в одностороннем порядке закрывать для рыболовных судов Федеративной Республики районы, находящиеся за пределами 12-мильной зоны, согласованной в 1961 году, или в одностороннем порядке вводить ограничения на их деятельность. Но это не означает, что Федеративная Республика Германии не несет обязательств перед Исландией в том, что касается рыболовства в спорных водах, лежащих между 12-мильным и 50-мильным пределами. Обе стороны обязаны следить за состоянием рыбных ресурсов в этих водах и в свете имеющейся информации совместно рассматривать вопрос о мерах, которые будут необходимо принимать в интересах сохранения, развития и справедливого использования этих ресурсов с учетом любых международных соглашений, которые могут действовать в настоящее время или могут быть достигнуты в результате переговоров.

Наиболее уместным способом разрешения спора, несомненно, является проведение переговоров в целях определения прав и интересов сторон и справедливого урегулирования таких проблем, как ограничение уловов, выделение квот и связанные с этим

ограничения. Обязательство по проведению переговоров вытекает из самого характера прав каждой из сторон и соответствует положениям Устава Организации Объединенных Наций о мирном разрешении споров. Задачей сторон будет проведение переговоров на основе принципа, согласно которому каждая сторона должна в духе доброй воли в разумной степени учитывать юридические права другой стороны, обстоятельства, связанные с особым положением, и интересы других государств, имеющих традиционные права на рыбную ловлю в данном районе.

Временные меры, рекомендованные в постановлении от 17 августа 1972 года, прекратят свое действие начиная с даты вынесения решения, но в этой связи стороны не будут вправе осуществлять рыболовство в спорных водах без ограничений. Они будут нести обязанность в разумной степени учитывать права друг друга и требования охраны ресурсов до завершения переговоров.

Заявление о праве на компенсацию
(пункты 71-76 решения)

В четвертой просьбе, которую представила Федеративная Республика Германии (см. выше), был поставлен вопрос о выплате компенсации за якобы имевшие место акты преследования ее рыболовных судов судами исландской береговой патрульной службы. Будучи непосредственно связанной с вопросом, который является предметом искового заявления, эта просьба подпадает под юрисдикцию Суда. Однако она представлена в форме резюме, и Суд не имеет возможности с учетом всех обстоятельств вынести решение, касающееся ответственности, располагая лишь ограниченной информацией о рассматриваемом вопросе и небольшим объемом доказательств.

* * *

По этим причинам Суд вынес решение, изложенное выше (пункт 79 решения).

59. ДЕЛО О ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЯХ (АВСТРАЛИЯ ПРОТИВ ФРАНЦИИ)

Решение от 20 декабря 1974 года

В своем решении по делу о ядерных испытаниях (Австралия против Франции) Суд девятью голосами против шести постановил, что жалоба Австралии более не имеет предмета и что поэтому Суд не обязан выносить по ней решение.

В обоснование своего решения Суд приводит, среди прочих, следующие соображения: даже еще не касаясь вопросов юрисдикции и приемлемости, Суд сначала должен рассмотреть по существу предварительный вопрос о том, существует ли спор, и проанализировать представленную на его рассмотрение

жалобу (пункты 22-24 решения); разбирательство, состоявшееся в Суде 9 мая 1973 года, касалось ядерных испытаний в атмосфере, проводившихся Францией в южной части Тихого океана (пункт 16 решения), первоначальная и конечная цель Австралии состоит в прекращении этих испытаний (пункты 32-41 решения); Франция в форме различных публичных заявлений, сделанных в 1974 году, объявила о своем намерении после завершения серии испытаний в атмосфере в 1974 году прекратить проведение таких испытаний (пункты 32-41 решения), Суд постановляет, что цель Австралии фактически достигнута,

поскольку Франция взяла на себя обязательство не проводить дальнейших ядерных испытаний в атмосфере в южной части Тихого океана (пункты 47-52 решения); поскольку спор, таким образом, прекратил иметь место, жалоба более не имеет предмета и не по чему выносить решение (пункты 55-59 решения).

По вынесении решения постановление от 22 июня 1973 года, в котором определялись временные меры защиты, прекращает свое действие, и данные меры становятся недействительными (пункт 61 решения).

*
*
*

Для целей вынесения решения состав Суда был следующим: Председатель Ляхс; судьи Форстер, Гро, Бенгзон, Петрен, Оньеама, Диллард, Игнасио-Пинто, де Кастро, Морозов, Хименес де Аречага, сэр Хэмфри Уолдок, Нажендра Сингх и Руда; судья

ad hoc сэр Гарфилд Баруик.

Председатель приложил к тексту решения заявление, а судьи Бенгзон, Оньеама, Диллард, Хименес де Аречага и сэр Хэмфри Уолдок приложили к тексту решения совместное заявление.

Из девяти членов Суда, проголосовавших за решение, судьи Форстер, Гро, Петрен и Игнасио-Пинто приложили к его тексту особые мнения.

Из шести судей, проголосовавших против решения, судьи Оньеама, Диллард, Хименес де Аречага и сэр Хэмфри Уолдок приложили к тексту решения совместное заявление об индивидуальном мнении, а судьи де Кастро и сэр Гарфилд Баруик — индивидуальные мнения.

В заявлениях об индивидуальных и особых мнениях излагаются и обосновываются позиции, занятые данными судьями.

(См. также следующие отчеты для дальнейшего анализа).

60. ДЕЛО О ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЯХ (НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ ПРОТИВ ФРАНЦИИ)

Решение от 20 декабря 1974 года

В своем решении по делу о ядерных испытаниях (Новая Зеландия против Франции) Суд девятью голосами против шести постановил, что жалоба Новой Зеландии более не имеет предмета и что поэтому Суд не обязан выносить по ней решение.

В обоснование своего решения Суд приводит, среди прочих, следующие соображения: даже еще не касаясь вопросов юрисдикции и приемлемости, Суд сначала должен рассмотреть по существу предварительный вопрос о том, существует ли спор, и проанализировать представленную на его рассмотрение жалобу (пункты 22-24 решения); разбирательство, состоявшееся в Суде 9 мая 1973 года, касалось законности ядерных испытаний в атмосфере, проводившихся Францией в южной части Тихого океана (пункт 16 решения); первоначальная и конечная цель Новой Зеландии состоит в прекращении этих испытаний (пункты 25-31 решения); Франция в форме различных публичных заявлений, сделанных в 1974 году, объявила о своем намерении после завершения серии испытаний в атмосфере в 1974 году прекратить проведение таких испытаний (пункты 33-34 решения); Суд постановляет, что цель Новой Зеландии фактически достигнута, поскольку Франция взяла на себя обязательство не проводить дальнейших ядерных испытаний в атмосфере в южной части Тихого океана (пункты 50-55 решения); поскольку спор прекратил таким образом иметь место, жалоба более не имеет предмета и не по чему выносить решение (пункты 58-62 решения).

По вынесении решения постановление от 22 июня 1973 года, в котором определялись временные меры

защиты, прекращает свое действие, и данные меры становятся недействительными (пункт 64 решения).

*
*
*

Для целей вынесения решения состав Суда был следующим: Председатель Ляхс; судьи Форстер, Гро, Бенгзон, Петрен, Оньеама, Диллард, Игнасио-Пинто, де Кастро, Морозов, Хименес де Аречага, сэр Хэмфри Уолдок, Нажендра Сингх и Руда; судья *ad hoc* сэр Гарфилд Баруик.

Из девяти членов Суда, проголосовавших за решение, судьи Форстер, Гро, Петрен и Игнасио-Пинто приложили к его тексту особые мнения.

Из шести судей, проголосовавших против решения, судьи Оньеама, Диллард, Хименес де Аречага и сэр Хэмфри Уолдок приложили к тексту решения совместное заявление об индивидуальном мнении, а судьи де Кастро и сэр Гарфилд Баруик — индивидуальные мнения.

В заявлениях об индивидуальных и особых мнениях излагаются и обосновываются позиции, занятые данными судьями.

Кроме того, 20 декабря 1974 года Суд принял два постановления относительно заявлений, переданных правительством Фиджи, с просьбой о разрешении вступить в два дела о ядерных испытаниях (Австралия против Франции; Новая Зеландия против Франции). В этих постановлениях, которые не оглашались публично, Суд в дополнение к вы-

шеупомянутым решениям постановил, что эти заявления утратили силу и что не следует выносить по ним каких-либо дальнейших решений. Эти постановления были приняты Судом единогласно в том же составе, в котором он принимал решения. Судьи Гро, Оньеама, Хименес де Аречага и сэр Гарфилд Баруик приложили к их тексту заявления, а судьи Диллард и сэр Хэмфри Уолдок — совместное заявление.

Хотя Суд вынес отдельное решение по каждому из двух дел о ядерных испытаниях, упомянутых выше, они анализируются совместно в нижеследующем резюме.

*
* *
*

Процедура

(пункты 1-20 каждого решения)

В своем решении Суд напоминает, что 9 мая 1973 года заявитель возбудил разбирательство против Франции в отношении проводимых Францией ядерных испытаний в атмосфере в южной части Тихого океана. При обосновании юрисдикции Суда заявитель опирался на Общий акт о мирном разрешении международных споров, заключенный в Женеве в 1928 году, и статьи 36 и 37 Статута Суда. В письме от 16 мая 1973 года Франция заявила, что, по ее мнению, Суд явно не компетентен разбирать данное дело, что она не может согласиться с его юрисдикцией и что она просит снять данное дело с рассмотрения Суда.

После того как заявитель обратился в Суд с просьбой определить временные меры защиты, Суд в постановлении от 22 июня 1973 года указал, среди прочего, что до вынесения им окончательного решения Франция должна не проводить ядерных испытаний, вызывающих выпадение радиоактивных осадков на территории заявителя. В различных сообщениях заявитель информировал Суд о том, что дальнейшая серия испытаний в атмосфере имела место в августе 1973 года и в июне-сентябре 1974 года.

В том же постановлении от 22 июня 1973 года Суд, считая, что разбирательство необходимо начать с рассмотрения вопросов о юрисдикции Суда и приемлемости заявления, постановил, что в ходе разбирательства следует сначала рассмотреть данные вопросы. Заявитель представил меморандум и изложил свои доводы в ходе открытых слушаний. Он заявил, что Суд обладает юрисдикцией и что заявление является приемлемым. Франция не направила какого-либо контрмеморандума и не была представлена на слушаниях; ее позиция была изложена в вышеупомянутом письме от 16 мая 1973 года.

В отношении просьбы Франции о снятии с рассмотрения просьбы, которую Суд в своем постановлении от 22 июня 1973 года должным образом принял к сведению, считая при этом невозможным поддержать ее на том этапе, Суд отмечает, что он имел возможность рассмотреть просьбу в свете последовавшего разбирательства. Он постановляет, что настоящее дело не относится к тем, при которых возможно использование процедуры упрощенного

снятия с рассмотрения. Вызывает сожаление тот факт, что Франция не смогла направить представителя для изложения своих доводов, но Суд тем не менее должен продолжать разбирательство и достигнуть заключения с учетом доказательств и доводов, представленных ему заявителем, а также с учетом любых документальных или иных доказательств, которые могли бы иметь отношение к делу.

Предмет жалобы

(пункты 21-41 решения по австралийскому делу и пункты 21-44 решения по новозеландскому делу)

Настоящий этап разбирательства касается юрисдикции Суда и приемлемости заявления. При рассмотрении таких вопросов Суд имеет право и в некоторых случаях может быть обязан изучить другие вопросы, которые, возможно, нельзя строго отнести к вопросам юрисдикции или приемлемости, но которые носят такой характер, что это требует их рассмотрения перед рассмотрением вопросов о юрисдикции или приемлемости. В силу присущей ему юрисдикции, которой Суд обладает как судебный орган, он должен сначала рассмотреть вопрос, который он считает по существу предварительным, а именно вопрос о существовании спора, поскольку вне зависимости от того, обладает ли Суд юрисдикцией в настоящем деле, решение этого вопроса могло бы оказать решающее влияние на продолжение разбирательства. Поэтому Суд должен провести подробный анализ жалобы, представленной в заявлении, что требуется в статье 40 Статута, для определения предмета спора.

В своем заявлении Австралия просит суд:

— вынести решение и заявить, что «проведение дальнейших испытаний ядерного оружия в атмосфере в южной части Тихого океана несовместимо с соответствующими нормами международного права», а также потребовать, «чтобы Французская Республика не проводила каких-либо дальнейших таких испытаний».

Новая Зеландия в своем заявлении просит Суд:

— «вынести решение и заявить, что проведение правительством Франции ядерных испытаний в южной части Тихого океана, ведущих к выпадению радиоактивных осадков, представляя собой нарушение прав Новой Зеландии согласно международному праву и что эти права будут нарушаться в случае проведения каких-либо дальнейших таких испытаний».

Существенно важно рассмотреть вопрос о том, просит ли заявитель вынести решение, которое будет лишь констатировать правовые отношения между сторонами, или же решение, требующее одну из сторон принять определенные действия или воздержаться от принятия таковых. Суд обладает полномочиями толковать заявления сторон и исключать, когда это необходимо, некоторые элементы, которые должны рассматриваться не как указание о том, какое решение сторона просит принять Суд, а как выдвинутые доводы, почему он должен принять решение именно такого характера. В настоящем деле с учетом заявления в целом, дипломатических

обменов между сторонами в последние годы, доводов заявителя, приведенных им в Суде, и публичных заявлений, сделанных от его имени в ходе и после устного разбирательства, становится очевидным, что первоначальная и конечная цель заявителя состояла и продолжает состоять в том, чтобы добиться прекращения проведения Францией ядерных испытаний в атмосфере в южной части Тихого океана.

В этих обстоятельствах Суд обязан принять к сведению дальнейшее развитие событий, имевших место до и после закрытия устного разбирательства, а именно определенные публичные заявления властей Франции, некоторые из которых упоминались в Суде в ходе открытых слушаний, а другие были сделаны впоследствии. Суд мог бы, если бы он считал, что это отвечает интересам правосудия, дать сторонам возможность, например, вновь начав устное разбирательство, представить в Суд комментарии по заявлениям, сделанным после закрытия такого разбирательства. Такие действия, однако, были бы оправданы лишь в том случае, если бы вопрос, рассматривающийся в этих заявлениях, был бы абсолютно новым и не поднимался бы в ходе разбирательства, что, как это совершенно очевидно, не так. В распоряжении Суда находятся не только данные заявления властей Франции, но и мнения в отношении этих заявлений заявителя.

Первое из этих заявлений содержится в коммюнике, которое было обнародовано канцелярией Президента Французской Республики 8 июня 1974 года и передано, в частности, заявителю: «... учитывая этап, достигнутый в осуществлении французской программы ядерной обороны, Франция будет иметь возможность перейти к этапу подземных испытаний; как только будет завершена серия испытаний, запланированная на лето текущего года». Дальнейшие заявления содержатся в ноте посольства Франции в Веллингтоне (10 июня), в письме Президента Франции Премьер-Министру Новой Зеландии (1 июля), пресс-конференции, которую дал Президент Республики (25 июля), речи, с которой выступил министр иностранных дел на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций (25 сентября), и телевизионном интервью и пресс-конференции, которые дал министр обороны (16 августа и 11 октября). Суд считает, что эти заявления представляют собой объявление Франции о своем намерении прекратить проведение ядерных испытаний в атмосфере после завершения серии испытаний 1974 года.

Статус и рамки заявлений Франции
(пункты 42-60 решения по австралийскому делу и пункты 45-63 решения по новозеландскому делу)

Общеизвестно, что заявления, которые делаются в форме односторонних актов и касаются правовых или фактических ситуаций, могут повлечь за собой возникновение правовых обязательств. Для вступления в силу такого заявления не требуется принятие каких-либо мер, имеющих характер *quid pro quo*, какое-либо последующее согласие с ним, или даже какая-либо реакция на него со стороны других го-

сударств. Решающего значения не имеет также вопрос формы. Намерение взять на себя обязательство должно определяться при толковании акта. Безусловный характер обязательства вытекает из условий акта и основывается на доброй воле; заинтересованное государство имеет право потребовать, чтобы обязательство соблюдалось.

В настоящем деле заявитель, признавая возможность разрешения спора в результате одностороннего заявления со стороны Франции, заявил, что, по его мнению, возможность дальнейших испытаний в атмосфере даже после вышеупомянутых заявлений Франции остается открытой. Однако Суд должен формировать свое собственное мнение о значении и рамках, которые, как предполагается, имеют эти односторонние заявления. С учетом изложенных в них намерений и обстоятельств, при которых они были сделаны, они должны считаться содержащими обязательство французского государства. Франция сообщила всему миру, в том числе заявителю, о своем намерении действительно прекратить свои испытания в атмосфере. Она должна была предполагать, что другие государства могут принять к сведению эти заявления и рассчитывать на их превращение в жизнь. Верно, что Франция не признала свое обязательство по какой-либо норме международного права прекратить свои испытания, но это не отражается на правовых последствиях данных заявлений; одностороннее обязательство, возникающее в результате этих заявлений, не может толковаться иначе, как взятое на себя при полной уверенности в сохранении свободы пересмотреть свою позицию.

Таким образом, Суд оказывается в ситуации, когда цель заявителя фактически достигнута, поскольку Суд считает, что Франция взяла на себя обязательство не проводить дальнейших ядерных испытаний в атмосфере в южной части Тихого океана. Заявитель хотел получить заверения от Франции, что испытания прекратятся, а Франция по своей собственной инициативе сделала ряд заявлений о том, что они прекратятся. Суд приходит к заключению, что Франция взяла на себя обязательство в отношении своего поведения в том, что касается действительного прекращения испытаний, и тот факт, что заявитель не воспользовался своим правом прекратить разбирательство, не мешает Суду прийти к своему собственному независимому выводу по данному вопросу. Будучи юридическим органом, он призван разрешать существующие споры между государствами: эти споры должны продолжаться иметь место в тот момент, когда Суд принимает свое решение. В настоящем деле ввиду того, что спор прекратил иметь место, жалоба лишена предметности и нет почвы для вынесения решения.

Как только Суд пришел к выводу, что государство взяло на себя обязательство в отношении своего будущего поведения, вне компетенции Суда рассматривать вопрос о том, будет ли оно его соблюдать или нет. Однако, если будет затронут основание, на котором принимается решение, то заявитель мог бы просить рассмотреть ситуацию в соответствии с положениями Статута.

По этим причинам Суд постановляет, что жалоба лишена предметности и что поэтому он не обязан выносить по ней решение (пункт 62 решения в ав-

стралийском деле и пункт 65 решения в новозеландском деле).

61. ЗАПАДНАЯ САХАРА

Консультативное заключение от 16 октября 1975 года

В своем консультативном заключении, которое запросила Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций относительно двух вопросов, касающихся Западной Сахары, Суд, в отношении вопроса I «Была ли Западная Сахара (Рио-де-Оро и Сакьет эль-Хамра) во время колонизации Испанией никому не принадлежащей территорией (*terra nullius*)?».

— 13 голосами против 3 постановил удовлетворить просьбу о консультативном заключении;

— единогласно выразил мнение о том, что Западная Сахара (Рио-де-Оро и Сакьет эль-Хамра) в период колонизации Испанией не была никому не принадлежащей территорией (*terra nullius*).

В отношении вопроса II «Каковы были правовые отношения между этой территорией и Королевством Марокко и Мавританским образованием?» Суд

— 14 голосами против 2 постановил удовлетворить просьбу о консультативном заключении;

— 14 голосами против 2 выразил мнение о том, что между этой территорией и Королевством Марокко существовали правовые отношения, которые охарактеризованы в предпоследнем пункте Консультативного заключения;

— 15 голосами против 1 выразил мнение, что между этой территорией и Мавританским образованием существовали правовые отношения, охарактеризованные в предпоследнем пункте Консультативного заключения.

В предпоследнем пункте Консультативного заключения указывается следующее:

Представленные Суду материалы и информация свидетельствуют о существовании в период испанской колонизации правовых отношений лояльности между султаном Марокко и некоторыми из племен, проживавших на территории Западной Сахары. Они также свидетельствуют о существовании прав, в том числе некоторых прав на землю, которые представляли собой правовые отношения между Мавританским образованием, как его понимает Суд, и территорией Западной Сахары. С другой стороны, Суд сделал вывод о том, что представленные ему материалы и информация не позволяют установить каких-либо отношений территориального суверенитета между территорией Западной Сахары и Королевством Марокко или Мавританским образованием. Таким образом, Суд не установил наличия правовых отношений такого характера, которые могли бы сказаться на выполнении резолюции 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи в том, что касается деко-

лонизации Западной Сахары и, в частности, на реализации принципа самоопределения путем свободного и подлинного волеизъявления народов Территории.

При рассмотрении этого дела в состав Суда входили следующие лица: Председатель Ляхс, Вице-председатель Аммуи; судьи Форстер, Гро, Бенгзон, Петрен, Оньеама, Диллард, Игнасио-Пинто, де Кастро, Морозов, Хименес де Аречага, сэр Хэмфри Уолдок, Нажендра Сингх и Руда; судья *ad hoc* Бони.

Судьи Гро, Игнасио-Пинто и Нажендра Сингх в дополнение к Консультативному заключению представили заявления; Вице-председатель Аммуи и судьи Форстер, Петрен, Диллард, де Кастро и Бони представили индивидуальные мнения, а судья Руда — особое мнение.

В этих заявлениях и мнениях соответствующие судьи отразили и разъяснили свои позиции.

Ход разбирательства (пункты 1-13 Консультативного заключения)

Вначале Суд напоминает, что Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций постановила в резолюции 3292 (XXIX), принятой 13 декабря 1974 года и полученной Канцелярией Суда 21 декабря, представить два вопроса для вынесения Судом консультативного заключения. Затем Суд рассматривает последующие этапы судебного разбирательства, включая передачу соответствующей документации Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций (Статут, пункт 2 статьи 65) и представление письменных докладов или писем и/или устных докладов 14 государств, включая Алжир, Заир, Испанию, Мавританию и Марокко (Статут, статья 66).

Мавритания и Марокко обратились с просьбой за разрешением выбрать судью *ad hoc* для участия в разбирательстве. В решении от 22 мая 1975 года (*I.C.J. Reports 1975*, p. 6) Суд постановил, что Марокко имеет право в соответствии со статьями 31 и 68 Статута и статьей 89 Регламента Суда выбрать лицо для участия в разбирательстве в качестве судьи *ad hoc*, но в случае Мавритании условия для применения этих статей не были выполнены. В то же время Суд заявил, что эти условия никоим образом не определяют его мнение относительно переданных ему вопросов или какого-либо другого вопроса, который может быть необходимо решить, включая вопросы о его правомочности выносить консультативное заключение и уместности осуществления этого права.

Компетенция Суда
(пункты 14-22 Консультативного заключения)

В соответствии с пунктом 1 статьи 65 Статута Суд может давать консультативные заключения по любому юридическому вопросу по запросу любого должным образом уполномоченного учреждения. Суд отмечает, что Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций имеет надлежащие полномочия в соответствии с пунктом 1 статьи 96 Устава и что два представленных вопроса сформулированы с юридической точки зрения и затрагивают проблемы международного права. Они являются в принципе вопросами правового характера, даже если они связаны с вопросами существа и даже если в них не содержится просьбы к Суду дать заключение относительно существующих прав и обязательств. Поэтому Суд обладает компетенцией для выполнения этой просьбы.

Обоснованность вынесения Консультативного заключения
(пункты 23-74 Консультативного заключения)

Испания выдвинула возражения, которые, по ее мнению, оспаривают совместимость вынесения заключения с судебными функциями Суда. Испания в первую очередь сослалась на тот факт, что она не дала своего согласия на рассмотрение Судом представленных вопросов. Она заявила, а) что предмет вопросов в значительной степени идентичен предмету касающегося Западной Сахары спора, который Марокко в сентябре 1974 года предложила Испании представить совместно на рассмотрение Суда; Испания отклонила это предложение: следовательно, полномочия для вынесения консультативных заключений используются для того, чтобы обойти принцип, заключающийся в том, что Суд не обладает юрисдикцией для урегулирования спора без согласия на то его сторон; б) что дело связано со спором, касающимся установления территориального суверенитета над Западной Сахарой и что согласие сторон всегда необходимо для рассмотрения таких споров; в) что при данных обстоятельствах дела Суд не мог выполнить требования относительно надлежащего отправления правосудия при установлении фактической стороны дела. Суд считает, а) что Генеральная Ассамблея, отмечая возникновение в ходе ее дискуссии юридического спора относительно статуса Западной Сахары, в то же время не ставила целью представить на рассмотрение Суда спор или юридические разногласия в целях последующего мирного урегулирования, а хотела получить консультативное заключение, которое способствовало бы выполнению ее функций, касающихся деколонизации территории, следовательно, на юридической позиции Испании не могут сказаться ответы Суда на представленные вопросы; б) что эти вопросы не требуют от Суда рассматривать существующие территориальные права и что в) Суду был представлен достаточный объем информации и свидетельств.

Испания затем выразила мнение, что вопросы, представленные Суду, имеют академический характер, не имеют какой-либо цели либо практического

значения в том плане, что Организация Объединенных Наций уже выработала метод для деколонизации Западной Сахары, а именно, консультация с коренным населением с помощью референдума, который будет проведен Испанией под эгидой Организации Объединенных Наций. Суд рассматривает резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей по данному вопросу, начиная с резолюции 1514 (XV) от 14 декабря 1969 года, Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, и кончая резолюцией 3292 (XXIX) по Западной Сахаре, в которой излагается просьба о вынесении консультативного заключения. Суд приходит к выводу, что процесс деколонизации, предусмотренный Генеральной Ассамблеей, обеспечивает соблюдение права населения Западной Сахары определять свой будущий политический статус путем свободного изъяснения своей собственной воли. Это право на самоопределение, на котором не сказывается просьба о вынесении консультативного заключения, представляет собой основную отправную точку вопросов, представленных Суду, и оставляет Генеральной Ассамблее определенную свободу действий в отношении форм и процедур, с помощью которых оно должно быть реализовано. Поэтому консультативное заключение предоставит в распоряжение Ассамблеи элементы правового характера, относящиеся к последующему обсуждению проблемы, к которой относится резолюция 3292 (XXIX).

Следовательно, Суд не видит какой-либо веской причины для отказа в ответе на два вопроса, представленных ему в запросе на консультативное заключение.

Вопрос I: «Была ли Западная Сахара (Рио-де-Оро и Сакиет эль-Хамра) во время колонизации Испании никому не принадлежащей территорией (terra nullius)?»
(пункты 75-83 Консультативного заключения)

В контексте Консультативного заключения «времени колонизации Испанией» может рассматриваться как период, начавшийся в 1884 году, когда Испания провозгласила свой протекторат над Рио-де-Оро. Поэтому юридическая концепция *terra nullius* должна толковаться с учетом действовавших в тот период норм права. В праве «заяние» территории является средством мирного приобретения суверенитета над территорией иным образом, помимо цессии или правопреемства; важнейшим условием действительного «заяния» территории являлось то обстоятельство, что территория должна быть *terra nullius*. В соответствии с практикой государств того периода территории, населенные племенами или народами, имевшими социальную и политическую организацию, не рассматривались как *terrae nullius*; в их случае, как правило, стороны считали, что суверенитет осуществляется не через занятие территории, а через соглашения, заключаемые с местными правительствами. Представленная Суду информация свидетельствует, что а) в период колонизации Западная Сахара населялась народами, которые, хотя и были кочевыми, в социально-политическом плане были организованы в племена и возглавлялись вождями, уполномоченными представлять их; б) что Испания

не исходила из того, что она устанавливает суверенитет над *terrae nullius*: например, в указе от 26 декабря 1884 года король Испании объявил, что он берет Рио-де-Оро под свою защиту на основе соглашений, заключенных с вождями местных племен.

Поэтому Суд дает отрицательный ответ на первый вопрос. В соответствии с условиями просьбы о вынесении консультативного заключения, «если ответ на первый вопрос является отрицательным», Суд должен ответить на второй вопрос.

Вопрос II: «Каковы были правовые отношения между этой территорией и Королевством Марокко и Мавританским объединением?»

(пункты 84-161 Консультативного заключения)

Значение термина «правовые отношения» следует искать, исходя из предмета и цели резолюции 3292 (XXIX) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Суду представляется, что этот термин необходимо понимать как относящийся к таким правовым отношениям, которые могут сказаться на политике в области деколонизации Западной Сахары. Суд не может согласиться с мнением о том, что данные отношения могли бы ограничиваться отношениями, установленными непосредственно с территорией вне связи с населением, которое может находиться на этой территории. В период колонизации территория была редко населенной, население большей частью состояло из кочевых племен, представители которых пересекали пустыню по более или менее регулярным путям, иногда достигали даже южной части Марокко и районов, находящихся в настоящее время на территории Мавритании, Алжира или других государств. Эти племена исповедовали ислам.

Марокко (пункты 90-129 Консультативного заключения) представила свое заявление о существовании правовых отношений с Западной Сахарой в качестве права на отношения суверенитета на основе предполагаемого обладания территорией с незапамятных времен и непрерывного осуществления властных функций на этой территории. Однако, по мнению Суда, решающее значение при определении его ответа на второй вопрос должны иметь доказательства, непосредственно относящиеся к реальному проявлению властных функций в Западной Сахаре в период ее колонизации Испанией и в период, непосредственно предшествующий колонизации. Марокко просит о том, чтобы Суд учел особую структуру марокканского государства. Это государство было основано на общих религиозных узах ислама и на лояльности различных племен по отношению к султану через их каидов или шейхов, а не на понятии территории. Оно частично состояло из того, что именовалось Блед Махзен, — районов, фактически находившихся под юрисдикцией султана, и частично из того, что именовалось Блед Сиба, — районов, в которых племена не подчинялись султану; в соответствующий период районы, располагавшиеся непосредственно к северу от Западной Сахары, находившись в пределах территории Блед Сиба.

В качестве доказательства проявления суверенитета в Западной Сахаре Марокко привела примеры

имевших якобы место внутренних признаков марокканских властных полномочий, которые в основном были представлены доказательствами, подтверждающими якобы лояльность сахарских каидов по отношению к султану, в том числе дахиры и другие документы, касающиеся назначения каидов, предполагаемое обложение предусмотренными кораном и другими налогами и действия, связанные с военным сопротивлением вторжению иностранных сил на территорию. Марокко также сослалась на некоторые международные акты, которые, как она заявляет, представляют собой признание другими государствами ее суверенитета над всей Западной Сахарой или ее частью, в том числе а) некоторые договоры, заключенные с Испанией, Соединенными Штатами и Великобританией в период с 1767 по 1861 годы, положения которых, в частности, касались безопасности лиц, потерпевших кораблекрушение на побережье Вад Нун или поблизости от него; б) некоторые двусторонние договоры конца девятнадцатого и начала двадцатого века, в соответствии с которыми Великобритания, Испания, Франция, Германия якобы признали, что суверенитет Марокко распространяется на юг до мыса Божадор или границы Рио-де-Оро.

Рассмотрев эти свидетельства и замечания других государств, принимавших участие в разбирательстве, Суд делает вывод о том, что ни внутренние, ни международные акты, на которых Марокко основывало свое заявление, не свидетельствуют о существовании в соответствующий период или международном признании правовых отношений территориального суверенитета между Западной Сахарой и Марокканским государством. Даже с учетом особой структуры этого государства они не свидетельствуют о том, что Марокко осуществляла какие-либо реальные исключительные государственные властные функции в Западной Сахаре. Однако они свидетельствуют о том, что в соответствующие периоды между султаном и некоторыми, — но лишь некоторыми — кочевыми племенами территории через посредство каидов Текна района Нун существовали отношения лояльности, и они подтверждают, что султан осуществлял некоторые властные функции по отношению к этим племенам и оказывал влияние, а другие государства признавали наличие этих властных функций и влияние.

Термин «Мавританское образование» (пункты 130-152 Консультативного заключения) был впервые использован в 1974 году на сессии Генеральной Ассамблеи, на которой была принята резолюция 3292 (XXIX), в которой Ассамблея запросила у Суда консультативное заключение. Оно означает культурное, географическое и социальное образование, в пределах которого впоследствии должна была быть создана Исламская Республика Мавритания. По мнению Мавритании, этим объединением в соответствующий период было Билад Шингитти или страна Шингитти — отличительное объединение людей, характеризуемых общим языком, образом жизни, религией, системой законодательства, в рамках которого существовали два типа политической власти: эмираты и племенные группы.

Недвусмысленно признавая, что эти эмираты и племена не являлись государством, Мавритания заявила, что для разъяснения положения народа Шингитти в период колонизации наиболее подходящими были бы концепции «нации» и «народа». В тот период, по мнению Мавритании, мавританское объединение располагалось от реки Сенегал до Вад Сакьет эль-Хамра. Территория, находящаяся в настоящее время под управлением Испании, и нынешняя территория Исламской Республики Мавритания, таким образом, представляли собой нераздельные части единого объединения и имели друг с другом правовые отношения.

Имеющаяся у Суда информация свидетельствует о том, что хотя между ними существовали многочисленные связи лингвистического, расового, религиозного, культурного и экономического характера, эмираты и многие из племен в рамках объединения были независимы по отношению друг к другу; у них не было общих институтов или органов. Поэтому мавританское объединение не имело правосубъектности или характера корпоративного образования, отличающихся от нескольких эмиратов или племен, входящих в его состав. Суд делает вывод о том, что в период колонизации Испанией между территорией Западной Сахары и мавританским объединением не существовало каких-либо отношений суверенитета или лояльности племен; в тот период они даже не входили в состав одного и того же юридического лица. Тем не менее, Генеральная Ассамблея, по-видимому, поставила второй вопрос, не ограничивая вопросы исключительными правовыми отношениями, которые подразумевают территориальный суве-

ренитет, что не учитывало бы возможное значение для процесса деколонизации других правовых отношений. Суд считает, что в соответствующий период кочевые народы страны Шингитти обладали определенными правами, в том числе некоторыми правами на земли, через которые они мигрировали. Эти права составляли правовые отношения между Западной Сахарой и мавританским объединением. Они представляли собой отношения, в рамках которых границы между территориями не признавались и которые имели важнейшее значение для поддержания самой жизни в регионе.

Как Марокко, так и Мавритания подчеркнули то, что соответствующие правовые отношения, которые, по их утверждениям, Западная Сахара имела с ними во время колонизации (пункты 153-160 Консультативного заключения) не были взаимоисключающими. Хотя, по-видимому, в этом отношении их мнения претерпевали существенные изменения, оба государства в конце разбирательства заявили, что север подпадал под юрисдикцию Марокко, а юг — Мавритании, при этом между ними не было географической пустоты, а относившиеся к Марокко и Мавритании, отчасти накладывались друг на друга в результате пересечения маршрутов кочевий. Суд ограничивается замечанием о том, что это географическое взаимопересечение территорий свидетельствует о трудности выявления различных отношений, существовавших в регионе Западной Сахары во время колонизации.

По этим причинам Суд (пункты 162 и 163 Консультативного заключения) дает ответы, приведенные выше на страницах 1 и 2.

62. ДЕЛО О КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ ЭГЕЙСКОГО МОРЯ (МЕРЫ ВРЕМЕННОЙ ЗАЩИТЫ)

Постановление от 11 сентября 1976 года

В постановлении по делу о континентальном шельфе Эгейского моря Суд двенадцатью голосами против одного решил, что данные обстоятельства в том виде, в каком они представляются Суду, не требуют осуществления его полномочий в соответствии со статьей 41 его статута об указании временных мер защиты.

Суд состоял из следующих лиц: Председатель Хименес де Аречага, Вице-председатель Нажендра Сингх; судьи Форстер, Гро, Ляхс, Диллард, Морозов, Уолдок, Руда, Мослер, Элиас и Тарази; судья *ad hoc* Стасинопулос.

Председатель, Вице-председатель и судьи Ляхс, Морозов, Руда, Мослер, Элиас и Тарази приложили к постановлению Суда особые мнения. Судья *ad hoc* Стасинопулос представил индивидуальное мнение.

В своем постановлении Суд напоминает, что 10 августа 1976 года Греция возбудила разбирательство против Турции в отношении спора, касающегося континентального шельфа Эгейского моря. Греция обратилась с ходатайством о том, чтобы Суд, в частности, объявил о том, где пролегает линия границы между частями континентального шельфа, принадлежащими соответственно Греции и Турции в этом районе, и объявил, что Турция не имеет права проводить на греческом континентальном шельфе какую-либо деятельность, будь то изыскательские работы, добыча, исследования или иные мероприятия, без согласия Греции.

В тот же день Греция также обратилась к Суду с ходатайством об указании временных мер защиты, направленных на то, чтобы правительства этих двух государств: а) воздерживались, если на это нет согласия другой стороны и до окончательного решения Суда, от любой изыскательской деятельности

или любых научных исследований в отношении спорных районов; *b)* воздерживались от принятия дальнейших мер или действий военного характера, которые могут поставить под угрозу их мирные отношения.

На публичных слушаниях 25, 26 и 27 августа 1976 года Суд заслушал замечания, представленные от имени правительства Греции относительно его ходатайства об указании временных мер защиты. Турецкое правительство, которое не назначило посредника и не было представлено на слушаниях, 26 августа передало в канцелярию Суда определенные письменные замечания, в которых оно, в частности, утверждало, что Суд не обладает юрисдикцией для рассмотрения спора, и предложило отклонить просьбу об указании временных мер и изъять дело из списка.

В обоснование своего ходатайства об указании временных мер Греция заявила: *a)* что некоторые действия со стороны Турции (выдача разрешений на разведку нефти, изыскания, проводившиеся судном «МТА Сисмик I») представляют собой нарушение исключительных суверенных прав Греции на разведку и добычу на ее континентальном шельфе и что нарушение этого права прибрежного государства на исключительный характер знаний о своем континентальном шельфе представляет собой непоправимый ущерб; *b)* что обжалуемые действия, если они будут продолжены, обостряют спор. Турция заявила: *a)* что эта деятельность не может рассматриваться как наносящая определенный ущерб существованию каких-либо прав Греции на спорный район и даже если бы она могла наносить такой ущерб, то нет никаких оснований полагать, что такой ущерб не

может быть компенсирован; *b)* что Турция не намеревается по своей инициативе применять силу.

Что касается пункта *a)*, то Суд, рассматривая дело в контексте статьи 41 своего Статута, не может принять решение, что в случае предполагаемого нарушения прав Греции имеется такой риск непоправимого ущерба данным правам, который мог бы потребовать осуществления полномочий, касающихся указания временных мер защиты. Что касается пункта *b)*, то Суд считает, что нельзя исходить из того, что какое-либо правительство не будет выполнять свои обязательства по Уставу Организации Объединенных Наций, или соблюдать резолюцию 395 (1976) Совета Безопасности от 25 августа 1976 года, в которой Совет настоятельно призвал оба правительства «сделать все, что в их силах для уменьшения нынешней напряженности в регионе» и призвал их «возобновить прямые переговоры относительно имеющихся между ними расхождений».

Суд отмечает, что для принятия решения относительно нынешнего ходатайства о временных мерах ему не предлагается выносить решения по какому-либо вопросу о его компетенции относительно рассмотрения спора и что нынешнее решение никоим образом не предваряет решения по какому-либо аспекту его юрисдикции или по существу дела. На нынешнем этапе разбирательства Суд не может согласиться с просьбой Турции о том, чтобы дело было изъято из списка, но в качестве следующего шага будет необходимо решить вопрос о юрисдикции по отношению к данному делу. В первую очередь в письменных ходатайствах должен разбираться этот вопрос, и они должны быть поданы до срока, установление которого Суд отложил до последующего решения.

63. ДЕЛО О КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ ЭГЕЙСКОГО МОРЯ (ЮРИСДИКЦИЯ СУДА)

Решение от 19 декабря 1978 года

В своем решении по вопросу о его юрисдикции в деле о континентальном шельфе Эгейского моря (Греция против Турции) Суд 12 голосами против 2 пришел к заключению о том, что он не обладает юрисдикцией рассматривать заявление, представленное правительством Греции.

Состав Суда был следующим: Председатель Хименес де Аречага, Вице-председатель Нажендра Сингх; судьи Форстер, Гро, Ляхс, Диллард, де Кастро, Морозов, сэр Хэмфри Уолдок, Руда, Мослер, Элиас и Тарази; судья *ad hoc* Стасинопулос.

Из 12 членов Суда, проголосовавших за принятие этого решения, Вице-председатель Нажендра Сингх и судьи Гро, Ляхс, Морозов и Тарази приложили особые мнения или заявления.

Индивидуальные мнения были приложены к решению судьей де Кастро и судьей *ad hoc* Стасинопулосом.

* * *

Процедура и резюме обсуждения
(пункты 1-31)

В своем решении Суд напоминает, что 10 августа 1976 года Греция возбудила разбирательство против Турции в отношении спора, касающегося делимитации континентального шельфа обоих государств в Эгейском море и их прав в отношении этого шельфа.

В письме от 26 августа 1976 года Турция выразила мнение о том, что Суд не обладает юрисдикцией на рассмотрение этого заявления.

Греция просила Суд указать временные меры защиты, однако в постановлении от 11 сентября 1976 года Международный Суд пришел к заключению о том, что сложившиеся обстоятельства не требуют принятия таких мер, и принял решение о том, что письменное судопроизводство должно прежде всего быть посвящено вопросу его юрисдикции рассматривать этот спор. После этого Греция на публичном слушании дела представила меморандум и устные доводы с официальным утверждением, что Суд обладает такой юрисдикцией. От Турции никакого контрмеморандума получено не было, и на слушании дела она не была представлена. Ее отношение было, однако, определено в вышеупомянутом письме и в сообщениях, направленных Суду 24 апреля и 10 октября 1978 года (пункты 1-14).

Выразив сожаление в связи с тем, что Турция не явилась для представления своих доводов, Суд указал, что он, тем не менее, должен был *proprio motu* рассмотреть вопрос о подсудности ему этого дела, что подкрепляется положениями статьи 53 его Статута, в соответствии с которой Суд, если одна из сторон не является на заседания, должен до принятия решения по существу дела удостовериться в подсудности ему этого дела (пункт 15).

Кратко изложив ход переговоров, проходивших между Грецией и Турцией с 1973 года по вопросу о делимитации континентального шельфа, Суд, вопреки соображениям, высказанным Турцией, пришел к заключению, что активное продолжение переговоров одновременно с разбирательством дела в юридическом смысле не является препятствием для выполнения им своей судебной функции и что между Грецией и Турцией существует юридический спор в отношении континентального шельфа Эгейского моря (пункты 16-31).

Первое основание для осуществления юрисдикции: статья 17 Генерального акта 1928 года (пункты 32-93)

В своем заявлении правительство Греции указало два основания, по которым это дело, на его взгляд, подсудно Суду. Первым является статья 17 Генерального акта 1928 года о мирном урегулировании международных споров совместно с пунктом 1 статьи 36 и статьей 37 Статута Суда.

Статья 17 Генерального акта гласит:

«Все споры, в отношении которых между сторонами существуют разногласия относительно их соответствующих прав с учетом каких-либо оговорок, которые могут быть сделаны в соответствии со статьей 39, представляются для принятия решения Постоянной Палате Международного Правосудия, если только стороны не придут к соглашению обратиться в третейский суд в соответствии с тем, как это указано ниже. Указанные выше споры, как считается, включают, в частности, те споры, о которых говорится в статье 36

Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия».

Таким образом, в этой статье предусматривается передача споров на рассмотрение Постоянной Палаты Международного Правосудия. Этот орган являлся предшественником ныне существующего Суда, который в силу статьи 37 своего собственного Статута заменяет его в отношении любого действующего договора или конвенции, в которых предусматривается направление вопроса на рассмотрение Постоянной Палаты. Таким образом, если считать Генеральный акт конвенцией, действующей между Грецией и Турцией, то при его толковании по смыслу статьи 37 и пункта 1 статьи 36 Статута настоящего Суда его может быть достаточно для установления юрисдикции последнего (пункты 32-34).

Вопрос о статусе Генерального акта 1928 года как действующей конвенции для целей статьи 37 Статута поднимался в связи с ранее рассматривавшимися делами в Суде, однако не был решен. В данном случае правительство Греции утверждало, что этот Акт должен считаться по-прежнему действующим в отношениях между Грецией и Турцией, позиция же правительства Турции, напротив, сводилась к тому, что Акт больше не имеет силы (пункты 35-38).

Суд отмечает, что Греция обратила внимание на то обстоятельство, что как греческий, так и турецкий документы о присоединении к Акту сопроводились оговорками. Греция утверждала, что эти оговорки к данному делу не относятся. Турция, с другой стороны, придерживалась мнения, согласно которому независимо от того, считать ли Генеральный акт действующим или нет, в отношении документа о присоединении Греции от 14 сентября 1931 года действует соответствующее положение (оговорка *b*), согласно которой данный спор выводится за рамки компетенции Суда (пункт 39).

Текст этой оговорки *b*) гласит:

«Процедуры, описанные в Генеральном акте, не распространяются на следующие споры...

b) споры, касающиеся вопросов, которые по международному праву решаются исключительно в рамках внутренней юрисдикции государств, и в частности споры, касающиеся территориального статуса Греции, включая споры, связанные с ее правом на суверенитет над ее портами и линиями связи».

Суд считает, что, если точка зрения Турции относительно воздействия оговорки *b*) на применимость Акта к отношениям между Грецией и Турцией в том, что касается существа данного спора, является обоснованной, заключение по вопросу о том, действует ли Акт или нет, для принятия решения относительно юрисдикции Суда становится несущественным (пункт 40).

По мнению Греции, Суд не должен принимать оговорку *b*) в расчет, поскольку вопрос о ее воздействии на применимость Генерального акта не поднимался надлежащим образом Турцией в соответствии с тем, как это требуется Регламентом Суда; таким образом, нельзя считать, что Турция «обеспечила соблюдение» оговорки в соответствии с тем,

как это требуется в пункте 3 статьи 39 Генерального акта, согласно которому: «Если одна из сторон в споре сделала оговорку, другие стороны могут обеспечить соблюдение такой же оговорки в отношении этой стороны». По мнению Суда, ссылка Турции на оговорку *b)* в официальном заявлении, сделанном в ответ на сообщение Суда, должна рассматриваться как представляющая собой «обеспечение соблюдения» оговорки по смыслу пункта 3 статьи 39 Акта. Поэтому Суд не мог оставить без внимания оговорку, ссылка на которую была надлежащим образом доведена до его внимания ранее в ходе разбирательства (пункты 41-47).

* * *

Греция утверждала, что оговорку *b)* нельзя считать имеющей отношение к спору, касающемуся континентального шельфа Эгейского моря, и поэтому не исключала нормального действия статьи 17 Акта. Она, в частности, утверждала, что оговорка не охватывает всех споров, касающихся территориального статуса Греции, а относится лишь к тем из них которые *одновременно* касаются ее территориального статуса и «вопросов, которые по международному праву подпадают исключительно под внутреннюю юрисдикцию государств» (пункты 48 и 49).

Это утверждение опиралось на грамматическое по сути своей толкование, связанное с тем смыслом, который следует приписывать выражению «и в частности ("et, notamment", во французском оригинале оговорки). После рассмотрения этого довода Суд пришел к выводу, что вопрос о том, имеет ли это выражение приписываемый ему Грецией смысл, зависит от контекста, в котором оно употребляется в документе о присоединении, и не является лишь вопросом преобладающего языкового применения. Суд отметил, что он не может основываться исключительно на грамматическом толковании текста и что ряд существенных соображений со всей очевидностью указывает на то, что оговорка *b)* содержит две отдельных и автономных оговорки (пункты 50-56).

Одно из таких соображений сводилось к тому, что в текст своего заявления о принятии обязательной юрисдикции Постоянной Палаты в соответствии с факультативным положением ее Статута — заявления, сделанного 12 сентября 1929 года, лишь за два года до присоединения Греции к Генеральному акту, — Греция включила положение, которое бесспорно являлось автономной оговоркой в отношении «споров, касающихся территориального статуса Греции». Трудно предположить, что Греция в своем документе о присоединении к Генеральному акту намеревалась дать своей оговорке в отношении «споров, касающихся территориального статуса Греции» сферу действия, самым существенным образом отличающуюся от той, которую она дала в указанном заявлении. Наличие в то время у Греции такого намерения не подтверждается имеющимися в настоящее время сведениями, представленными

Суду, относительно выступления с этим заявлением и сдачи на хранение документа о присоединении.

Исходя из этого, Суд считает, что оговорка *b)* содержит две отличных друг от друга и автономных оговорки, одна из которых относится к спорам по вопросам внутренней юрисдикции, а другая — к «спорам, касающимся территориального статуса Греции» (пункты 57-68).

* * *

Суд затем рассмотрел вопрос о том, что следует понимать под выражением «споры, касающиеся территориального статуса Греции».

Греция утверждала, что в силу исторического контекста следует придерживаться ограничительного подхода к толкованию и что указанные слова касаются территориальных вопросов, связанных с поселениями, созданными в соответствии с мирными договорами после первой мировой войны. По мнению Суда, исторические факты, на которые опирается Греция, по-видимому, скорее подтверждают, что в оговорке *b)* выражение «территориальный статус» было использовано в его обычном, родовом смысле любых вопросов, которые надлежащим образом следует считать имеющими отношение к концепции территориального статуса в публичном международном праве. Это выражение, таким образом, включает в себя не только конкретный правовой режим, но и территориальную целостность и границы государства (пункты 69-76).

Греция приводила аргументы о том, что в 1928 году при заключении Генерального акта и в 1931 году при присоединении Греции к этому Акту само понятие континентального шельфа было совершенно неизвестно. Однако, по мнению Суда, поскольку выражение «территориальный статус» в оговорке Греции используется в качестве родового термина, отсюда неизбежно следует презумпция, что его смысл, как и смысл слова «права» в статье 17 Генерального акта, должен был следовать эволюции права и соответствовать тому смыслу, который придается ему действующими нормами права в любой данный период времени. Поэтому Суд пришел к выводу о том, что выражение «споры, касающиеся территориального статуса Греции» должно толковаться в соответствии с нормами международного права в том виде, в каком они существуют сегодня, а не в том виде, в каком они существовали в 1931 году (пункты 77-80).

Затем Суд рассмотрел вопрос о том, следует или нет, учитывая эволюцию норм международного права в отношении континентального шельфа, рассматривать выражение «споры, касающиеся территориального статуса Греции» как включающее споры, касающиеся географической протяженности прав Греции на континентальный шельф в Эгейском море. Греция утверждала, что спор касается делимитации континентального шельфа и это понятие, на ее взгляд, совершенно не связано с понятием территориального статуса, и что континентальный шельф, не будучи частью территории, не может считаться связанным с территориальным статусом. Суд от-

метил, что было бы трудно принять утверждение о том, что делимитация совершенно не связана с понятием территориального статуса, и указал, что спор, касающийся делимитации континентального шельфа, уже по своему характеру относится к тем, которые связаны с территориальным статусом, поскольку права прибрежного государства на континентальный шельф вытекают из его суверенитета над прилегающими территориями суши. Из этого следует, что территориальный статус прибрежного государства *ipso jure* включает в себя права на разведку и разработку богатств континентального шельфа, который принадлежит этому государству в соответствии с международным правом (пункты 80-89).

Учитывая эти соображения, Суд пришел к мнению о том, что рассматриваемый спор связан с территориальным статусом Греции по смыслу оговорки *b*) и что ссылка Турции на эту оговорку имеет своим последствием исключение этого спора из сферы действия статьи 17 Генерального акта. Поэтому Генеральный акт не может являться законным основанием для юрисдикции Суда (пункт 90).

Суд также принял во внимание соображение, согласно которому Генеральный акт никогда не был применим к отношениям между Турцией и Грецией в силу существования греко-турецкого Договора о дружбе, нейтралитете, примирении и арбитраже, подписанного 30 октября 1930 года. Суд пришел к выводу о том, что он свободен от какой-либо необходимости рассматривать вопрос о воздействии Договора 1930 года на применимость Генерального акта, поскольку он установил, что в силу оговорки *b*) к рассматриваемому спору Акт не применим, и поскольку на Договор 1930 года не было сделано ссылки как на основание для подсудности Суду этого дела (пункты 91-93).

Второе основание для осуществления юрисдикции: Брюссельское совместное коммюнике от 31 мая 1975 года
(пункты 94-108)

Вторым основанием для осуществления юрисдикции, на которое сослалась Греция, явилось Брюссельское совместное коммюнике от 31 мая 1975 года. Это коммюнике было представлено непосредственно прессе премьер-министрами Греции и Турции после их встречи, состоявшейся в этот день. В нем содержатся следующие слова:

«Они [два премьер-министра] приняли решение о том, что эти проблемы [между двумя странами] должны разрешаться мирными средствами путем

переговоров, а в отношении континентального шельфа Эгейского моря — Международным Судом в Гааге».

Греция утверждала, что эти слова непосредственно наделяют Суд юрисдикцией, обязывают стороны заключать любые необходимые соглашения о выполнении соответствующих положений и, в случае отказа какой-либо из сторон заключить такое соглашение, позволяют другой стороне передать спор в одностороннем порядке на рассмотрение Суда. Турция, со своей стороны, утверждала, что коммюнике не «является соглашением по международному праву» и что в любом случае в нем не содержится какого-либо обязательства обращаться в Суд без специального соглашения (третьего соглашения) и оно не предполагает согласия одного из государств подчиняться юрисдикции Суда при одностороннем заявлении другой стороны (пункты 94-99).

Ввиду этих различных толкований Суд рассмотрел вопрос о том, насколько на смысл коммюнике проливают свет те условия, в каких состоялась встреча 31 мая 1975 года и был составлен документ. Он не обнаружил ничего, что оправдывало бы вывод о том, что Турция была готова предусмотреть какую-либо другую отсылку к компетенции Суда помимо совместного представления спора. В информации, которой он располагал относительно событий, последовавших после принятия Брюссельского коммюнике, Суд нашел подтверждение тому, что два премьер-министра не брали на себя какого-либо безусловного обязательства направлять свой спор в отношении континентального шельфа на рассмотрение Суда (пункты 100-106).

Таким образом, Брюссельское коммюнике не являлось непосредственным и безусловным обязательством со стороны премьер-министров Греции и Турции принимать представление спора в Суд путем подачи заявления в одностороннем порядке. Из этого следует, что оно не составляет законного основания для установления юрисдикции Суда. Суд добавил, что ничего из того, что он сказал, не может пониматься как препятствие для представления ему этого спора, в том случае, когда будут соблюдены условия установления его юрисдикции (пункты 107 и 108).

* * *

По этим причинам Суд пришел к заключению, что не обладает юрисдикцией для рассмотрения заявления, представленного правительством Греции 10 августа 1976 года (пункт 109).

64. ДЕЛО О ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ И КОНСУЛЬСКОМ ПЕРСОНАЛЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ В ТЕГЕРАНЕ (ВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ)

Постановление от 15 декабря 1979 года

Международный Суд единогласно принял постановление с указанием временных мер, направлен-

ных на то, чтобы до принятия окончательного решения Суда по делу, касающемуся дипломатического и

консульского персонала Соединенных Штатов в Тегеране:

А. i) правительство Исламской Республики Иран незамедлительно обеспечило возвращение во владение властей Соединенных Штатов при их исключительном контроле помещения посольства, канцелярии и консульств Соединенных Штатов и должно обеспечить их неприкосновенность и эффективную защиту в соответствии с тем, как это предусматривается действующими договорами между двумя государствами и общими нормами международного права;

ii) правительство Исламской Республики Иран должно обеспечить немедленное освобождение без каких-либо исключений всех лиц, имеющих гражданство Соединенных Штатов, которые содержатся или содержались в посольстве Соединенных Штатов Америки или в министерстве иностранных дел в Тегеране или содержались в качестве заложников в других местах, и обеспечить полную защиту всем таким лицам в соответствии с действующими договорами между двумя государствами и общими нормами международного права;

iii) правительство Исламской Республики Иран должно с настоящего момента предоставить всему

дипломатическому и консульскому персоналу Соединенных Штатов полную защиту, привилегии и иммунитеты, на которые они имеют право в соответствии с действующими договорами между двумя государствами и общими нормами международного права, включая иммунитет от любой формы уголовного разбирательства и свободу и возможность покинуть территорию Ирана;

В. правительство Соединенных Штатов Америки и правительство Исламской Республики Иран не должны предпринять никаких действий и должны обеспечить, чтобы не принималось каких-либо мер, которые могли бы усилить напряженность между двумя странами и затруднить разрешение существующего спора.

* * *

При принятии постановления состав Суда был следующим: Председатель сэръ Хэмфри Уолдок, Вицепредседатель Элиас; судьи Форстер, Гро, Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Тарази, Ода, Аго, Эль-Эриан, Сетте-Камара и Бакстер.

65. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО И КОНСУЛЬСКОГО ПЕРСОНАЛА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ В ТЕГЕРАНЕ

Решение от 24 мая 1980 года

В своем решении по делу, касающемуся дипломатического и консульского персонала Соединенных Штатов в Тегеране, Суд постановил 1) что Иран нарушил и продолжает нарушать свои обязательства перед Соединенными Штатами; 2) что эти нарушения порождают ответственность Ирана; 3) что правительство Ирана должно немедленно освободить граждан Соединенных Штатов, задерживаемых в качестве заложников, и вернуть защиту помещений посольства третьему государству; 4) что ни один член дипломатического или консульского персонала Соединенных Штатов не может задерживаться в Иране и быть объектом какого-либо судебного разбирательства или участвовать в нем в качестве свидетеля; 5) что Иран обязан выплатить компенсацию за ущерб, причиненный Соединенным Штатам; и 6) что, если стороны не достигнут соответствующей договоренности, то форму и сумму такой компенсации будет определять Суд. (Полный текст постановляющего пункта воспроизводится в приложении к настоящему документу).

Эти решения были приняты подавляющим большинством: пункты 1) и 2) — 13 голосами против 2; пункты 3) и 4) — единогласно; пункт 5) — 12 голосами против 3; пункт 6) — 14 голосами против 1 (результаты поименного голосования зафиксированы в приложении).

* * *

К этому решению Суда приложено особое мнение судьи Ляхса, который проголосовал против пункта 5 постановляющей части. Индивидуальные мнения представили судья Морозов, который проголосовал против пунктов 1, 2, 5 и 6, а также судья Тарази, который проголосовал против пунктов 1, 2 и 5.

Процедура рассмотрения в Суде
(пункты 1-10)

В своем решении Суд напоминает, что 29 ноября 1979 года Соединенные Штаты Америки возбудили в Суде дело против Ирана в связи с ситуацией, возникшей в посольстве США в Тегеране и в американских консульствах в Тебризе и Ширазе, а также в связи с захватом и задержанием в качестве заложников их дипломатического и консульского персонала в Тегеране и двух других граждан Соединенных Штатов. Поскольку Соединенные Штаты одновременно обратились с просьбой указать временные меры, то Суд в единогласно принятом постановлении от 15 декабря 1979 года отметил, что до принятия окончательного решения посольство должно быть немедленно возвращено, а заложники освобождены (см. Коммюнике для печати № 80/1).

Далее судопроизводство продолжалось в соответствии со Статутом и Регламентом Суда. Соединенные Штаты представили меморандум, и 18, 19 и 20 марта 1980 года Суд провел открытое слушание, в

конце которого Соединенные Штаты в своих заключительных представлениях просили Суд принять решение и заявить, в частности, что иранское правительство нарушило свои международно-правовые обязательства по отношению к Соединенным Штатам и должно обеспечить немедленное освобождение заложников; обеспечить дипломатическому и консульскому персоналу Соединенных Штатов защиту и иммунитет, на которые они имеют право (включая иммунитет от уголовной юрисдикции) и обеспечить им условия для выезда из Ирана; передать ответственных за совершенные преступления компетентным иранским властям для возбуждения уголовного дела или выдать их Соединенным Штатам; и выплатить Соединенным Штатам компенсацию в сумме, которую впоследствии определит Суд.

Иран не принимал участия в судопроизводстве. Он не представлял состязательных бумаг, не был представлен на слушаниях, и от его имени не делалось никаких представлений. Однако его позиция была изложена в двух письмах, направленных Суду его министром иностранных дел 9 декабря 1979 года и 16 марта 1980 года соответственно. В этих письмах министр утверждал, в частности, что Суд не может и не должен рассматривать это дело.

Обстоятельства дела (пункты 11-32)

Суд выражает сожаление по поводу того, что Иран не явился в суд для представления своих доводов. Из-за отсутствия Ирана на разбирательствах вступают в действие положения статьи 53 Статута, которые требуют от Суда, чтобы он, прежде чем выносить решение в пользу истца, удостоверился в том, что утверждения, касающиеся обстоятельств, послуживших основанием для ходатайства, достаточно обоснованы.

В этой связи Суд отмечает, что в его распоряжении имеется, в документах, представленных Соединенными Штатами, большой объем информации из различных источников, в том числе многочисленные официальные заявления как иранских властей, так и властей Соединенных Штатов. Эта информация, как отмечает Суд, полностью соответствует основным обстоятельствам, и вся она была доведена до сведения Ирана, от которого не поступило никаких опровержений. Таким образом, Суд удостоверился в том, что все утверждения относительно обстоятельств, послуживших основанием для ходатайства Соединенных Штатов, достаточно обоснованы.

Приемлемость (пункты 33-44)

Согласно установившейся судебной практике Суда, он, применяя положения статьи 53 своего Статута, обязан провести по своей собственной инициативе расследование любого предварительного вопроса о приемлемости или юрисдикции, который может возникнуть.

В отношении вопроса о приемлемости Суд после рассмотрения соображений, изложенных в обоих

письмах Ирана, приходит к выводу, что в них не содержится никаких оснований для заключения о том, что он не может или не должен рассматривать это дело. Не видит Суд и никакого несоответствия между продолжением судебного разбирательства в Суде и созданием Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций с согласия обоих государств комиссии, обладающей мандатом, предусматривающим направление миссии по установлению фактов в Иран, рассмотрение жалоб Ирана и содействие урегулированию кризиса между этими двумя странами.

Юрисдикция (пункты 45-55)

Поскольку Соединенные Штаты ссылаются на четыре документа как на основание юрисдикции Суда относительно рассмотрения их ходатайств, то Суд считает, что три из них, а именно Факультативные протоколы к Венским конвенциям 1961 и 1963 годов, соответственно, о дипломатических и консульских сношениях, а также Договор 1955 года о дружбе, экономических отношениях и консульских правах между Соединенными Штатами и Ираном действительно обеспечивают такую основу.

Суд, однако, не считает необходимым в настоящем решении вдаваться в вопрос о том, действительно ли статья 13 упомянутого четвертого документа, то есть Конвенции 1973 года о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, дает основание для осуществления его юрисдикции в отношении нижеизложенных ходатайств Соединенных Штатов.

Существо вопроса: Приписываемые иранскому государству деяния, которые послужили основанием для жалобы, и нарушение Ираном некоторых обязательств (пункты 56-94)

Суд в соответствии со статьей 53 своего Статута обязан также удостовериться в том, что ходатайства истца имеют достаточное правовое обоснование. С этой целью он рассматривает деяния, которые послужили основанием для жалобы, чтобы установить, в какой степени они могут быть с точки зрения права приписаны иранскому государству (в отличие от тех лиц, которые занимают посольство) и совместимы они или не совместимы с обязательствами Ирана, вытекающими из действующих договоров или других применимых норм международного права.

а) События 4 ноября 1979 года (пункты 56-68)

Первый этап событий, лежащих в основе ходатайств истца, охватывает вооруженное нападение на посольство Соединенных Штатов, осуществленное 4 ноября 1979 года студентами-мусульманами, являющимися последователями политики имама (называемые далее в решении «активистами»), проникновение в его помещения, захват его обитателей в качестве заложников, присвоение его имущества и

архивов и поведение иранских властей в свете этих событий.

Суд указывает, что поведение активистов в тот момент можно было бы приписать непосредственно иранскому государству только в том случае, если бы было установлено, что они действительно действовали от его имени. Представленной Суду информации недостаточно для того, чтобы установить это с должной определенностью. Однако иранское государство — как государство, при котором аккредитовано указанное представительство и которое обязано принимать надлежащие меры для защиты посольства Соединенных Штатов — не сделало ничего, чтобы предотвратить нападение, остановить его, прежде чем оно будет совершено, или принудить активистов покинуть помещения и освободить заложников. Это бездействие совершенно не похоже на поведение иранских властей в нескольких аналогичных случаях того же периода, когда они приняли надлежащие меры. Суд считает, что оно представляет собой явное и грубое нарушение Ираном его обязательств перед Соединенными Штатами, вытекающих из положений статей 22 (2), 24, 25, 26, 27 и 29 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года, статей 5 и 36 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года и статьи II (4) Договора 1955 года. Дальнейшие нарушения Конвенции 1963 года вытекают также из факта непринятия мер по охране консульств в Тебризе и Ширазе.

Таким образом, Суд пришел к заключению, что 4 ноября 1979 года иранские власти полностью осознавали как свои обязательства по действующим конвенциям, так и безотлагательную необходимость принятия мер с их стороны, что в их распоряжении имелись средства для выполнения своих обязательств и что они ничего для этого не сделали.

b) *События, произошедшие после 4 ноября 1979 года*
(пункты 69-79)

Второй этап событий, послуживших основанием для ходатайств Соединенных Штатов, охватывает целый ряд обстоятельств, имевших место после занятия посольства активистами. Хотя иранское правительство было обязано принять все необходимые меры для прекращения нарушения неприкосновенности помещений посольства и персонала и предложить компенсацию за ущерб, ничего подобного оно не сделало. Вместо этого многочисленные представители иранских властей сразу выступили с заявлениями, в которых одобрили эти действия. Сам аятолла Хомейни заявил, что иранское государство поддерживает как захват помещений, так и задержание заложников. Он характеризовал посольство как «центр шпионажа», заявил, что заложники (за некоторым исключением) останутся «под арестом» до тех пор, пока Соединенные Штаты не выдадут Ирану бывшего шаха и не вернут его собственность, и запретил всякие переговоры с Соединенными Штатами по данному вопросу. Таким образом, после того как иранские государственные органы одобрили деяния, на которые подана жалоба, и решили

превратить их в постоянное средство давления на Соединенные Штаты, эти деяния превратились в деяния иранского государства; активисты стали исполнителями воли этого государства, на которое легла международная ответственность за их деяния. За прошедшие с тех пор шесть месяцев ситуация фактически не изменилась: постановление Суда от 15 декабря 1979 года было публично отвергнуто Ираном, а аятолла заявил, что заложники будут подвергаться задержанию до тех пор, пока новый иранский парламент не примет решение об их судьбе.

Решение иранских властей продолжить оккупацию посольства и задержание его персонала в качестве заложников породило неоднократные и многочисленные нарушения Ираном его договорных обязательств в дополнение к тем, которые уже были совершены в момент захвата посольства (Конвенция 1961 года: статьи 22, 24, 25, 26, 27 и 29; Конвенция 1963 года: в частности статья 33; Договор 1955 года, статья II (4)).

Что касается поверенного в делах и двух других сотрудников представительства Соединенных Штатов, которые находились в иранском министерстве иностранных дел с 4 ноября 1979 года, то Суд считает, что иранские власти лишили их необходимой защиты и возможностей для того, чтобы они могли безопасно покинуть министерство. Соответственно, Суду представляется, что в их отношении допущены нарушения статей 26 и 29 Венской конвенции 1961 года.

Принимая далее во внимание то обстоятельство, что различные представители иранских властей угрожали предать некоторых заложников суду или принудить их дать свидетельские показания, Суд считает, что в случае осуществления этого намерения оно представляло бы собой нарушение статьи 31 упомянутой Конвенции.

c) *Вероятность существования особых обстоятельств*
(пункты 80-89)

Суд считает, что должен рассмотреть вопрос о том, может ли поведение иранского правительства быть оправдано существованием особых обстоятельств, поскольку иранский министр иностранных дел утверждал в своих двух письмах, направленных в Суд, что Соединенные Штаты осуществляли в Иране преступную деятельность. Суд придерживается мнения, что даже если считать эту предполагаемую деятельность доказанной, то она не представляла бы собой защиты от ходатайств Соединенных Штатов, поскольку в дипломатическом праве предусмотрена возможность разрыва дипломатических отношений или объявления сотрудников дипломатических или консульских представительств, которые могут заниматься незаконной деятельностью, персонами нон-грата. Суд приходит к заключению, что правительство Ирана прибегло в отношении посольства Соединенных Штатов и его персонала к мерам принуждения вместо того, чтобы использовать имеющиеся в его распоряжении обычные средства.

d) *Международная ответственность*
(пункты 90-92)

Суд приходит к заключению, что за совершение последовательных и непрекращающихся нарушений обязательств, предусмотренных Венскими конвенциями 1961 и 1963 годов, Договора 1955 года и применимыми нормами общего международного права, Иран несет ответственность перед Соединенными Штатами. Вследствие этого иранское государство обязано выплатить компенсацию за причиненный Соединенным Штатам ущерб. Вместе с тем, поскольку эти нарушения по-прежнему продолжают, форму и объем такой компенсации определить пока невозможно.

В то же время Суд считает весьма важным вновь повторить изложенные в его постановлении от 15 декабря 1979 года замечания, касающиеся важности принципов международного права, регулирующих дипломатические и консульские сношения. Подчеркнув особо серьезный характер данного дела, обусловленный тем обстоятельством, что речь идет вовсе не о каких-либо частных лицах или группах, которые совершенно не считаются с неприкосновенностью посольства, а о самом правительстве государства, при котором аккредитовано упомянутое представительство, Суд обращает внимание всего международного сообщества на непоправимый ущерб, который могут нанести события, подобные тем, что рассматривает Суд. Такие события не могут не подорвать возведенное с таким старанием здание права, поддержание которого жизненно необходимо для безопасности и благосостояния международного сообщества.

e) *Операция, предпринятая Соединенными Штатами в Иране 24 и 25 апреля 1980 года*
(пункты 93 и 94)

В связи с операцией, предпринятой в Иране военными подразделениями Соединенных Штатов 24 и 25 апреля 1980 года, Суд отмечает, что не может не выразить своего сожаления. Он считает себя обязанным отметить, что предпринятая в этих обстоятельствах операция, независимо от ее мотивов, представляет собой операцию, направленную на подрыв уважения к судопроизводству в международных отношениях. Тем не менее вопрос о законности этой операции не имеет отношения к оценке поведения Ирана 4 ноября 1979 года. Таким образом, эта операция не может повлиять на заключения, к которым пришел Суд.

В силу этих соображений Суд объявляет о своем решении, полный текст которого приводится ниже.

ПОСТАНОВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ РЕШЕНИЯ

Суд*,

1. тринадцатью голосами¹ против двух²,

постановляет, что Исламская Республика Иран своим поведением, описанным Судом в его решении, нарушила в целом ряде аспектов и по-прежнему продолжает нарушать обязательства в отношении Соединенных Штатов Америки согласно действующим между обеими странами международным конвенциям и давно установившимся нормам общего международного права;

2. тринадцатью голосами¹ против двух²,

постановляет, что нарушения этих обязательств порождают ответственность Исламской Республики Иран в отношении Соединенных Штатов Америки по международному праву;

3. единогласно,

постановляет, что правительство Исламской Республики Иран должно незамедлительно принять все меры по исправлению положения, сложившегося в результате событий 4 ноября 1979 года, и того, что последовало за этими событиями, и с этой целью:

a) должно незамедлительно прекратить незаконное задержание поверенного в делах Соединенных Штатов, другого дипломатического и консульского персонала, а также других граждан Соединенных Штатов, которые содержатся в настоящее время в качестве заложников в Иране, и должно немедленно освободить всех до одного из вышеупомянутых лиц и передать их третьему государству (статья 45 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года);

b) должно обеспечить всем упомянутым лицам средства, необходимые для того, чтобы покинуть иранскую территорию, включая транспортные средства;

c) должно незамедлительно передать в ведение третьего государства помещения, имущество, архивы и документы посольства Соединенных Штатов в Тегеране и их консульств в Иране;

4. единогласно,

постановляет, что ни один член дипломатического или консульского персонала Соединенных Штатов не может подвергаться задержанию в Иране для того, чтобы стать объектом судебного разбирательства в любой форме или участвовать в нем в качестве свидетеля;

* В составе: *Председателя* сэра Хэмфри Уолдока; *Вице-председателя* Элиаса; *судей* Форстера, Гро, Ляхса, Морозова, Нажендры Сингха, Руды, Мослера, Тарази, Оды, Эль-Эриана, Сетте-Камары и Бакстера.

¹ *Председатель* сэра Хэмфри Уолдок; *Вице-председатель* Элиас; *судьи* Форстер, Гро, Ляхс, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, Эль-Эриан, Сетте-Камара и Бакстер.

² *Судьи* Морозов и Тарази.

5. двенадцатью голосами³ против трех⁴,

постановляет, что правительство Исламской Республики Иран обязано выплатить компенсацию правительству Соединенных Штатов Америки за причиненный ему ущерб в результате событий 4 ноября 1979 года и того, что последовало за этими событиями;

6. четырнадцатью голосами⁵ против одного⁶,

постановляет, что вопрос о форме и сумме такой компенсации в случае, если стороны не достигнут договоренности, будет решен Судом, и с этой целью сохраняет за собой право на последующее судопроизводство по этому делу.

РЕЗЮМЕ МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ К РЕШЕНИЮ

Судья Ляхс отметил, что голосовал против первой части пункта 5 постановляющей части, поскольку считает ее излишней. После установления ответственности весь вопрос о компенсациях следовало бы оставить на последующее судебное разбирательство, в том числе вопрос о форме и сумме, как это предусмотрено решением.

В этом мнении подчеркивается важность решения для дипломатического права, и большая его часть посвящена вопросу практического урегулирования дипломатическими средствами спора между сторонами. Поскольку в решении уже прояснены правовые вопросы, то стороны должны принять срочные меры и приложить максимум усилий для того, чтобы разрядить напряженность и рассеять недоверие, и здесь важное значение может иметь инициатива какой-либо третьей стороны. В этой связи судья Ляхс видит возможность для особой роли Генерального секретаря Организации Объединенных Наций и работы специальной комиссии или какого-либо посреднического органа. Принимая во внимание серьезность ситуации, необходимо срочно принять решение.

* * *

В своем особом мнении судья Морозов отмечает, что формулировки пункта 1 постановляющей части решения составлены таким образом, что не ограничиваются лишь вопросом нарушения Венских конвенций 1961 и 1963 годов, а охватывают также, если читать их вместе с некоторыми пунктами обоснования, вопрос о предполагаемых нарушениях Договора 1955 года о дружбе, экономических отношениях и консульских правах между Ираном и Соединенными Штатами; судья полагает, что этот Договор не дает Сторонам безусловного права ссы-

латься на обязательную юрисдикцию Суда, и в данных обстоятельствах Суд в действительности не компетентен рассматривать вопрос о предполагаемых нарушениях.

Кроме того, судья Морозов отмечает, что Соединенные Штаты совершили в период судебных разбирательств множество незаконных деяний, завершившихся военным вторжением на территорию Исламской Республики Иран и тем самым утратили законное право ссылаться в своих отношениях с Ираном на упомянутый Договор.

Судья Морозов проголосовал против пунктов 2, 5 и 6 постановляющей части, потому что, как он отметил, в период судебных разбирательств Соединенные Штаты Америки предприняли против Ирана целый ряд акций, в частности заморозили весьма значительные суммы на иранских счетах с намерением (о котором с полной откровенностью сказал в своем заявлении 7 апреля 1980 года президент Соединенных Штатов) использовать эти суммы, если потребуется, в соответствии с решениями, которые были бы приняты в рамках национального законодательства Соединенных Штатов; это означало, что Соединенные Штаты выступали в роли «судьи» в своем собственном деле. По мнению судьи Морозова, возникшая в результате действий Соединенных Штатов ситуация, в которой Суд проводил свои разбирательства по этому делу, является беспрецедентной во всей истории отправления международного правосудия, в отношении как Суда, так и какого-либо иного международного судебного органа. Соединенные Штаты, причинившие большой ущерб Ирану, утратили как законное, так и моральное право на компенсацию со стороны Ирана, о чем говорится в пунктах 2, 5 и 6 постановляющей части.

Судья Морозов считает также, что некоторые пункты обосновывающей части решения содержат неверное или одностороннее изложение обстоятельств этого дела.

Он считает, что без ущерба для исключительной компенсации Совета Безопасности Суд, с чисто правовой точки зрения, мог бы обратить внимание на тот неопровержимый факт, что на статью 51 Устава Организации Объединенных Наций, предусматривающую право на самооборону, которую упоминают Соединенные Штаты Америки в связи с событиями 24 и 25 апреля, можно ссылаться только в том случае, «если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации», и что нет никаких свидетельств того, что против Соединенных Штатов было совершено вооруженное нападение.

Судья Морозов подчеркивает также, что в решение следовало бы включить определенное указание на то, что Суд считает, что спор между Соединенными Штатами и Исламской Республикой Иран следует урегулировать исключительно мирными средствами.

Судья Тарази проголосовал за пункты 3 и 4 постановляющей части решения, поскольку считает, что захват посольства и задержание в качестве заложников находившихся в нем лиц, представляет собой деяние, нарушающее положения Венских конвен-

³ Председатель сэр Хэмфри Уолдок; Вице-председатель Элиас; судьи Форстер, Гро, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Тарази, Ода, Аго, Эль-Эриан, Сетте-Камара и Бакстер.

⁴ Судьи Ляхс, Морозов и Тарази.

⁵ Председатель сэр Хэмфри Уолдок; Вице-председатель Элиас; судьи Форстер, Гро, Ляхс, Нажендра, Сингх, Руда, Мослер, Тарази, Ода, Аго, Эль-Эриан, Сетте-Камара и Бакстер.

⁶ Судья Морозов.

ций о дипломатических и консульских сношениях 1961 и 1963 годов.

С другой стороны, судья Тарази вынужден был проголосовать против пункта 1 постановляющей части, ибо считает, что Суд обладает юрисдикцией в данном деле лишь в силу Венских конвенций 1961 и 1963 годов.

Он голосовал также против пунктов 2 и 5, поскольку считает, что на нынешнем этапе разбирательств Суд, учитывая также сопутствующие об-

стоятельства, не может выносить никакого решения об ответственности правительства Исламской Республики Иран.

С другой стороны, судья Тарази проголосовал за пункт 6, ибо считает, что в случае, если какая-либо компенсация все же причитается, то вопрос об этом, равно как и о сумме компенсации, должен решать Международный Суд; нельзя допустить, чтобы эти вопросы стали предметом разбирательства в судах, находящихся под национальной юрисдикцией.

66. ТОЛКОВАНИЕ СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ ВОЗ И ЕГИПТОМ ОТ 25 МАРТА 1951 ГОДА

Консультативное заключение от 20 декабря 1980 года

В своем консультативном заключении по вопросу относительно толкования соглашения между ВОЗ и Египтом от 25 марта 1951 года, представленному на его рассмотрение Всемирной ассамблеей здравоохранения, Суд определил юридические принципы и положения, касающиеся консультаций, переговоров и уведомления, которые применялись бы в отношениях между ВОЗ и Египтом в случае, если региональное отделение ВОЗ для Восточного Средиземноморья, расположенное в Александрии, было бы переведено с египетской территории.

1. 12 голосами против одного Суд постановил принять к рассмотрению просьбу о вынесении консультативного заключения.

2. В отношении *вопроса 1*, который гласит:

«Применимы ли положения о переговорах и уведомлении, содержащиеся в разделе 37 Соглашения между Всемирной организацией здравоохранения и Египтом от 25 марта 1951 года, в случае, когда одна из сторон в Соглашении пожелает, чтобы региональное отделение было переведено с территории Египта?».

Суд 12 голосами против 1 выразил то мнение, что в случае перевода регионального отделения ВОЗ из Египта на ВОЗ и Египет будут возложены, в частности, *a)* взаимное обязательство добросовестно провести совместные консультации относительно вопроса о том, на каких условиях и в соответствии с какими положениями может быть осуществлен этот перевод; *b)* взаимное обязательство провести совместные консультации и переговоры относительно необходимых условий для осуществления такого перевода планомерным образом и с минимальным ущербом для деятельности ВОЗ и интересов Египта; и *c)* обязательство стороны, желающей осуществить этот перевод, установить разумные сроки для перевода после уведомления другой стороны.

3. В отношении *вопроса 2*, который гласит:

«Если они применимы, то какую юридическую ответственность будут нести как Всемирная организация здравоохранения, так и Египет в отношении регионального отделения в Александрии в

течение двухгодичного периода между уведомлением и прекращением действия Соглашения?».

Суд 11 голосами против двух выразил то мнение, что в случае принятия решения о переводе юридические обязанности ВОЗ и Египта в период между уведомлением о предлагаемом переводе и фактическим его осуществлении будут заключаться в добросовестном выполнении взаимных обязательств, указанных в ответе на вопрос 1.

* * *

Суд заседал в следующем составе: *Председатель* сэр Хэмфри Уолдок; *Вице-председатель* Элиас; *судьи* Форстер, Гро, Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, Эль-Эриан и Сетте-Камара.

Судьи Гро, Ляхс, Руда, Мослер, Ода, Аго, Эль-Эриан и Сетте-Камара приложили к настоящему консультативному заключению свои особые мнения.

Судья Морозов приложил индивидуальное мнение.

В этих мнениях соответствующие судьи изложили и разъяснили причины, побудившие их занять изложенные позиции в отношении различных вопросов, затронутых в заключении Суда.

Фактические и юридические основания для представления просьбы
(пункты 1-32 консультативного заключения)

После детального рассмотрения различных этапов судопроизводства (пункты 1-9) Суд обращается к истории регионального отделения ВОЗ в Александрии, начиная с создания в этом городе генерального совета здравоохранения в 1831 году с целью предотвращения эпидемий и вплоть до включения медико-санитарного бюро Александрии в состав ВОЗ в 1949 году в качестве регионального органа. Региональное отделение для Восточного Средиземноморья начало функционировать 1 июля 1949 года, в то время

как между ВОЗ и Египтом шли переговоры относительно заключения соглашения о привилегиях, иммунитетах и помещениях, которые должны быть предоставлены Организации. Это соглашение было в итоге подписано 25 марта 1951 года и вступило в силу 8 августа 1951 года (пункты 10-27).

Затем Суд рассматривает события, которые привели к представлению просьбы о вынесении консультативного заключения. Он напоминает в общих чертах о мерах, предпринятых в рамках ВОЗ, начиная от рекомендации Подкомитета Регионального комитета для Восточного Средиземноморья от 11 мая 1979 года относительно того, чтобы отделение было переведено в другое государство данного региона, вплоть до рекомендации того же Подкомитета от 9 мая 1980 года о том, чтобы региональное отделение было как можно скорее переведено в Амман (Иордания), и принятия Всемирной ассамблеей здравоохранения 20 мая 1980 года резолюции WHA33.16, в которой она, с учетом расхождения мнений относительно применимости раздела 37 Соглашения от 25 марта 1951 года к вопросу о переводе регионального отделения, постановила до принятия какого бы то ни было решения испросить консультативное заключение Суда по двум данным вопросам (пункты 28-32).

Правомочность вынесения заключения (пункт 33 консультативного заключения)

Прежде чем приступить к каким бы то ни было дальнейшим действиям, Суд рассматривает вопрос о том, следует ли ему отказать от удовлетворения просьбы о вынесении консультативного заключения в силу той причины, что она, как утверждается, носит политический характер. Он приходит к выводу о том, что такой отказ будет противоречить его устоявшейся практике. Если вопрос, представленный на рассмотрение в просьбе, является вопросом, который в других отношениях подпадает под обычные рамки его юридических полномочий, Суд не должен заниматься мотивами, которые могли побудить к подаче этой просьбы.

Значение и рамки вопросов, представленных на рассмотрение Суда (пункт 34 f консультативного заключения)

Затем Суд рассматривает существо и последствия гипотетических вопросов, по которым его просят вынести консультативное заключение. Раздел 37 Соглашения от 25 марта 1951 года, к которому относится первый вопрос, гласит:

«Настоящее Соглашение может быть пересмотрено по просьбе любой из сторон. В этом случае обе стороны проводят консультации друг с другом относительно тех изменений, которые надлежит внести в содержащиеся в нем положения. Если переговоры не позволяют достичь взаимопонимания в течение одного года, настоящее Соглашение может быть денонсировано любой из сторон через два года после соответствующего уведомления».

Суд отмечает, что, если оставаться верным требованиям относительно его юридического характе-

ра в осуществлении им консультативной юрисдикции, он должен с полной уверенностью знать, какие юридические вопросы действительно затрагиваются в вопросах, сформулированных в просьбе. Ему уже приходилось это делать в прошлом, равно как и Постоянной Палате Международного Правосудия. Суд отмечает также, что ответ на вопросы того рода, которые заданы в просьбе, представленной на его рассмотрение, может оказаться в том случае, если он будет неполным, не только не имеющим действия, но и фактически вводящим в заблуждение относительно тех юридических норм, которые применимы к делу, находящемуся на рассмотрении ВОЗ.

Учитывая расхождение во мнениях, выраженных на Всемирной ассамблее здравоохранения по ряду вопросов, представляется, что действительно юридическим вопросом, находящимся на рассмотрении Всемирной ассамблеи здравоохранения, который должен быть также считаться юридическим вопросом, представленным Суду в просьбе ВОЗ, является следующий:

Какие юридические принципы и нормы применимы к решению вопроса о том, на каких условиях и в соответствии с какими положениями может быть осуществлен перевод регионального отделения из Египта?

Расхождения в высказанных мнениях (пункты 37-42)

Отвечая на сформулированный таким образом вопрос, Суд прежде всего отмечает, что право международной организации на выбор месторасположения своей штаб-квартиры или регионального отделения не оспаривается. Затем он обращается к различным мнениям, высказанным на Всемирной ассамблее здравоохранения, а также в письменных и устных заявлениях в адрес Суда относительно правомерности соглашения от 25 марта 1951 года и применимости раздела 37 к вопросу о переводе регионального отделения из Египта.

В отношении *значимости Соглашения 1951 года* было высказано то мнение, что данное Соглашение является результатом отдельной договоренности, имевшей место после создания регионального отделения, и что, хотя в нем могут содержаться указания на месторасположение регионального отделения в Александрии, в нем не предусмотрено положение о расположении отделения именно в этом месте. Из этого следует, что оно не влияет на право Организации перенести региональное отделение из Египта. Было заявлено, что Соглашение касается иммунитетов и привилегий, предоставляемых отделению, в более широком контексте иммунитетов и привилегий, предоставляемых Египтом ВОЗ.

В соответствии с противоположным мнением, создание регионального отделения и его включение в состав ВОЗ не были завершены в 1949 году; это было совершено в результате ряда действий в рамках сложного процесса, последним и окончательным шагом которого было заключение Соглашения 1951 года со страной пребывания. Среди прочего, было

указано то, что отсутствие конкретного положения об учреждении отделения ВОЗ в Александрии обусловлено тем фактом, что соглашение касалось предшествовавшего отделению медико-санитарного бюро, которое уже было там учреждено. Кроме того, было заявлено, что Соглашение постоянно упоминалось в качестве Соглашения со страной пребывания в документах ВОЗ и в официальных документах египетского государства (пункты 37-39).

В том, что касается вопроса о применимости раздела 37 к переводу отделения из Египта, различия во мнениях на данном этапе обуславливались главным образом тем смыслом, который придавался слову «пересматривать» в первом предложении. Согласно одному из мнений, перенос местоположения не будет представлять собой пересмотр и поэтому не будет охватываться разделом 37, который не будет применимым к денонсации Соглашения, влекущей перевод отделения из Египта. Сторонники данного мнения сделали из этого заключение о том, что, поскольку в Соглашении не предусмотрено денонсации, в данном случае применяются общие нормы международного права, предусматривающие возможность денонсации и необходимость в предварительном уведомлении в отношении таких соглашений. Согласно противоположной точке зрения, слово «пересматривать» может также означать общий пересмотр соглашения, включая прекращение его действия, и именно в этом смысле оно использовано в Соглашении 1951 года. По словам сторонников этой точки зрения, даже в случае, если такое толкование будет отклонено, Египет будет тем не менее иметь право на получение уведомления в соответствии с общими нормами международного права.

Вне зависимости от того, как оценить выдвинутые аргументы относительно значения и применимости Соглашения 1951 года, Суд считает, что некоторые юридические принципы и нормы применимы в случае такого перевода (пункты 40-42).

Взаимные обязательства относительно сотрудничества и добросовестности
(пункты 43-47)

Вне зависимости от того, рассматривать ли случаи достижения взаимопонимания между Египтом и ВОЗ в период 1949-1951 годов в качестве отдельных соглашений или же в качестве отдельных частей единой договоренности, между Египтом и Организацией создан договорный юридический режим, который остается основой их нынешних юридических отношений. Эти отношения остаются отношениями между принимающим государством и международной организацией, сама суть которых заключается в комплексе взаимных обязательств относительно сотрудничества и добросовестности. Что касается проблем практического характера, которые будут порождены переводом отделения, то ВОЗ и Египет должны тесно сотрудничать, с тем чтобы избежать любого риска серьезного нарушения работы регионального отделения. В частности, для осуществления этого процесса должен быть отведен разумный период времени (пункт 43 f).

По мнению Суда, некоторые указания на последствия таких взаимных обязательств относительно сотрудничества и добросовестности в ситуации, аналогично рассматриваемой, можно найти в многочисленных соглашениях с принимающей стороной, а также в пункте 2 статьи 56 Венской конвенции о праве договоров и в соответствующем положении разработанного Комиссией международного права проекта статей о договорах между государствами и международными организациями или между международными организациями (пункты 45-47).

Применимые юридические принципы и нормы
(пункт 48 f).

Таким образом, Суд считает, что применимые юридические принципы и нормы, а также последующие обязательства заключаются в следующем:

— добросовестное проведение консультаций в отношении вопроса о том, на каких условиях и в соответствии с какими положениями может быть осуществлен перевод регионального отделения из Египта;

— проведение — в случае принятия решения о переводе — консультаций и переговоров относительно необходимых мер по осуществлению перевода упорядоченным образом и с минимальным ущербом для работы Организации и интересов Египта;

— направление стороной, желающей перевода, предварительного уведомления с указанием разумных сроков.

Что же касается конкретных сроков, необходимых для соблюдения обязательства относительно проведения консультаций и переговоров, и того времени, за которое должно направляться уведомление, эти вопросы неизбежно будут варьироваться в зависимости от потребностей в каждом конкретном случае. Поэтому в принципе решать эти вопросы в каждом случае должны сами стороны. Некоторые указания на соответствующие ориентировочные сроки можно найти в положениях о соглашениях с принимающей стороной, включая раздел 37 Соглашения от 25 марта 1951 года, а также в статье 56 Венской конвенции о праве договоров и соответствующей статье проекта статей Комиссии международного права о договорах между государствами и международными организациями или между международными организациями. В каждом конкретном случае ВОЗ и принимающее государство должны в целом руководствоваться их обязательством сотрудничать в духе доброй воли для содействия целям и задачам ВОЗ.

Второй вопрос, представленный на рассмотрение Суда
(пункт 50)

Из вышеизложенного следует, что ответ Суда на второй вопрос состоит в том, что юридической обязанностью Организации и Египта в течение переходного периода между уведомлением о предлагаемом переводе и его осуществлением будет являться до-

бросовестное выполнение их взаимных обязательств, изложенных выше.

* * *

В силу вышеприведенных причин Суд вынес консультативное заключение, постановляющая часть которого полностью приведена ниже.

ПОСТАНОВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ КОНСУЛЬТАТИВНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Суд*

1. Двенадцатью голосами¹ против одного² постановляет принять просьбу о вынесении консультативного заключения;

2. В отношении вопроса 1, двенадцатью голосами¹ против одного², заключает, что в случае, указанном в просьбе, юридические принципы и нормы и взаимные обязательства, которые они подразумевают в отношении консультаций, переговоров и уведомления, применимые в отношениях между Всемирной организацией здравоохранения и Египтом, являются теми принципами, нормами и взаимными обязательствами, которые изложены в пункте 49 настоящего консультативного заключения, и в частности, что:

a) в силу их взаимных обязательств по этим юридическим принципам и нормам на Организацию и Египет возлагается обязанность добросовестно проводить совместные консультации в отношении вопроса о том, на каких условиях и в соответствии с какими положениями может быть осуществлен перевод регионального отделения из Египта;

b) в том случае, если будет окончательно решено, что региональное отделение будет переведено из Египта, в силу их взаимных обязательств о сотрудничестве на Организацию и Египет возлагается обязательство провести совместные консультации и переговоры относительно различных мероприятий, необходимых для осуществления перевода из нынешнего местоположения в новое местоположение упорядоченным образом и с минимальным ущербом для деятельности Организации и интересов Египта;

c) в силу их взаимных обязательств по этим юридическим принципам и нормам на сторону, желающую осуществить перевод, возлагается обязанность заблаговременно уведомить другую сторону о прекращении в разумные сроки существующего положения в отношении регионального отделения в Александрии с должным учетом всех практических

мер, необходимых для упорядоченного и справедливого перевода отделения в новое место.

3. В отношении вопроса 2,

Одиннадцатью голосами³ против двух⁴, заключает, что в случае принятия решения о переводе регионального отделения из Египта юридические обязанности Всемирной организации здравоохранения и Египта в переходный период между уведомлением о предлагаемом переводе отделения и практическим его осуществлением заключаются в добросовестном выполнении взаимных обязательств, которые изложены Судом в ответе на вопрос 1.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО МНЕНИЯ СУДЬИ МОРОЗОВА

Судья Морозов проголосовал против консультативного заключения, поскольку по сути своей оно представляет собой попытку вовлечь Суд в процесс урегулирования одного из последствий серьезного политического конфликта, существующего на Ближнем Востоке. Этот конфликт напрямую связан с причиной становящейся все более напряженной ситуации в восточно-средиземноморском регионе, являющейся результатом подписания в Кэмп-Дэвиде, США, 27 сентября 1978 года Соглашения, которое, как это было, в частности, сказано в письменном заявлении, представленном Суду Сирийской Арабской Республикой, «лишает регион возможности достичь всеобъемлющего и подлинного мира, к которому призывают арабские государства».

Согласно этому индивидуальному мнению, Суд, который в силу статьи 65 своего Статута, обладает правом по своему усмотрению выносить или не выносить консультативное заключение, должен в данном случае отклонить просьбу о вынесении заключения, с тем чтобы избежать сложной ситуации, в которой он окажется вовлеченным в разрешение спора между государствами, имеющего откровенно политический характер.

Судья Морозов высказал также то мнение, что Суд, даже с точки зрения тех, кто считает, что просьба ВОЗ является чисто юридической, действовал неправильно, когда по сути своей он превратил два вопроса, представленные ВОЗ, в собственные вопросы. Так, вопрос 1 о применимости раздела 37 Соглашения 1951 года был заменен вопросом о том, «на каких условиях и в соответствии с какими положениями может быть осуществлен перевод регионального отделения из Египта?». Аналогичная попытка переиначить вопрос была сделана в отношении вопроса 2.

Ссылки на предшествующую практику Суда не оправдывают, с его точки зрения, такого рода пе-

* В составе: Председатель сэр Хэмфри Уолдок; Вице-председатель Элиас; судьи Форстер, Гро, Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, Эль-Эриан, Сетте-Камара.

¹ Председатель сэр Хэмфри Уолдок; Вице-председатель Элиас; Судьи Форстер, Гро, Ляхс, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, Эль-Эриан, Сетте-Камара.

² Судья Морозов.

³ Председатель сэр Хэмфри Уолдок; Вице-председатель Элиас; судьи Форстер, Гро, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, Эль-Эриан, Сетте-Камара.

⁴ Судьи Ляхс и Морозов.

реиницирования вопросов, что в принципе является не совместимым с судебными функциями Суда, как это определено в главе IV его Статута. Кроме того, Суд негласно признал, что раздел 37 Соглашения 1951 года не является применимым к вопросу о переводе отделений, поскольку он не дает ответа на вопрос 1, представленный ВОЗ.

По мнению судьи Морозова, некоторые рекомен-

дации, которые были сделаны Судом ВОЗ, по существу не являются ответом на ее просьбу. Они представляют собой попытки вмешательства в деятельность ВОЗ, которая в соответствии со своим Уставом обладает исключительным правом принимать решение относительно создания своих региональных отделений и, следовательно, относительно их переводов, включая все меры по осуществлению соответствующего решения.

67. ДЕЛО О КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ (ТУНИС/ЛИВИЙСКАЯ АРАБСКАЯ ДЖАМАХИРИЯ) (ПРОСЬБА О РАЗРЕШЕНИИ ВСТУПИТЬ В ДЕЛО)

Решение от 14 апреля 1981 года

В решении относительно просьбы Мальты о разрешении вступить в соответствии со статьей 62 Статута в дело о континентальном шельфе между Тунисом и Ливией Суд единогласно высказался за то, чтобы отказать Мальте в разрешении вступить в дело.

* * *

Суд заседал в следующем составе:

Председатель сэр Хэмфри Уолдок; *Вице-председатель* Элиас, судьи Гро, Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, Эль-Эриан, Сетте-Камара, Эль-Хани, Швებель; судьи *ad hoc* Эвенсен, Хименес де Аречага.

Судьи Морозов, Ода и Швებель приложили к решению особые мнения, разъясняющие их позиции по ряду вопросов, поднятых в выводах Суда.

Слушание в суде
(пункты 1-10)

В своем решении Суд напомнил, что 1 декабря 1978 года и 19 декабря 1979 года, соответственно, Тунис и Ливийская Арабская Джамахирия уведомили Суд о специальном соглашении, которое они заключили 10 июня 1977 года, относительно вынесения вопроса о континентальном шельфе между двумя странами на рассмотрение Международного Суда.

В соответствии со Статутом и Регламентом Суда начались слушания по вопросу об условиях этого соглашения. Были подготовлены меморандумы сторон, и обмен ими произошел 30 мая 1980 года; встречный меморандум Туниса и аналогичный документ Ливийской Арабской Джамахирии были подготовлены, соответственно, 1 декабря 1980 года и 2 февраля 1981 года, а обмен ими произошел позже.

Поскольку Суд не включил в состав судебного присутствия судью из Туниса или Ливии, каждая из сторон осуществила предусмотренное статьей 31 Статута право выбирать судью *ad hoc* для участия в слушании дела. Ливийская Арабская Джамахирия назначила г-на Е. Хименеса де Аречагу, а Тунис — г-на Дж. Эвенсена.

30 января 1981 года Мальта обратилась с заявлением о разрешении вступить в дело в соответствии со статьей 62 Статута. Тунис и Ливийская Арабская Джамахирия представили письменные замечания по этому заявлению 26 февраля 1981 года, в день, определенный как последний срок. Поскольку против просьбы Мальты были высказаны возражения, Суд в соответствии со статьей 84 его Регламента провел открытые заседания 19-21 и 23 марта 1981 года с целью заслушать три государства, прежде чем решить, удовлетворить ее или нет.

Положения Статута и Регламента Суда о вступлении в дело
(пункт 11)

Статья Статута, упомянутая Мальтой, предусматривает следующее:

«Статья 62

1. Если какое-либо государство считает, что решение по делу может затронуть какой-либо его интерес правового характера, то это государство может обратиться в Суд с просьбой о разрешении вступить в дело.

2. Решение по такой просьбе принадлежит Суду».

В соответствии с пунктом 2 статьи 81 Регламента Суда в просьбе о разрешении вступить в дело в соответствии со статьей 62 Статута указывается дело, с которым она связана, и излагаются

a) интерес правового характера, который, по мнению государства-заявителя, может быть затронут решением по соответствующему делу;

b) точный предмет вступления в дело;

c) любая основа юрисдикции, которая, по мнению государства, обращающегося с просьбой о вступлении в дело, существует между ним и сторонами в деле».

Утверждения Мальты и сторон
(пункты 12-16)

Суд кратко проанализировал утверждения, выдвинутые Мальтой в ее заявлении и устных выступ-

лениях, и двумя Сторонами в их письменных замечаниях и устных выступлениях, соответственно.

Правовые вопросы, возникшие в связи с заявлением Мальты
(пункты 17-27)

Суд принял к сведению, что по всем трем вопросам, изложенным в пункте 2 статьи 81 Регламента, сторонами были представлены возражения, в которых утверждалось, что Мальте не удалось доказать, что у нее есть какой-либо интерес правового характера, на который может повлиять решение по делу, что суть ее просьбы в целом выходит за рамки формы вступления в дело, предусмотренной статьей 62, и что она не установила какой-либо юрисдикционной связи с ними. Если хотя бы одно из этих возражений окажется справедливым, то он, по словам Суда, совершенно не будет готов к дальнейшему рассмотрению просьбы.

Перед рассмотрением возражений Суд проследил, как принимались положения его Статута и Регламента о вступлении в дело, и отметил, что с самого начала была достигнута договоренность отказаться от попыток решать в Регламенте Суда ряд поднимаемых вопросов и принимать по ним решения на основе Статута и с учетом конкретных обстоятельств каждого дела.

Интерес правового характера и предмет вступления в дело
(пункты 28-35)

Затем Суд рассмотрел вопрос о том, оправдывают ли интерес правового характера, проявленный Мальтой, и заявленный предмет вступления в дело предоставление разрешения на вступление в него.

Интерес правового характера, который проявила Мальта, заключался главным образом в ее возможной озабоченности любыми выводами Суда, которые определяли бы и давали бы оценку географическим и геоморфологическим факторам, касающимся делимитации континентального шельфа между Ливией и Тунисом, и любыми заявлениями, сделанными Судом, например в отношении значения особых обстоятельств или применения справедливых принципов при этой делимитации. Любые подобные выводы или заявления, по мнению Мальты, могут отразиться на правах и интересах правового характера самой Мальты при любом решении вопроса о делимитации ее континентального шельфа с Ливией и Тунисом в будущем. Мальта подчеркнула, что только эти моменты являются предметом ее просьбы и что она не вмешивается в выбор конкретной линии, по которой пройдет граница между двумя странами, или в изложение Судом общих принципов решения спора между ними.

То, что просьба Мальты касалась конкретных моментов дела между Тунисом и Ливией, означало, по мнению Суда, что интерес правового характера, который она проявила, будет касаться вопросов, которые решались или могли решаться непосредственно между сторонами, и по тому, как Мальта представила их, являлись частью существа этого дела. И при этом Мальта дала четко понять, что не

намеревалась своим вступлением в дело добиваться решения, отвечающего ее собственным интересам в таких вопросах, как отношения между нею самой и Ливией или Тунисом, поскольку она не преследовала цели добиться от Суда какого-либо решения относительно делимитации континентального шельфа между нею и какой-либо из этих стран или ими обеими.

Хотя Мальта, как она утверждала, явно проявляет определенный интерес к рассмотрению Судом физических факторов и правовых соображений, касающихся делимитации континентального шельфа между государствами в Центральном Средиземноморье, который носит несколько более специфический и непосредственный характер, чем интерес государств, расположенных за пределами этого региона, он тем не менее аналогичен интересам других государств этого региона. Но чтобы получить разрешение на вступление в дело в соответствии со статьей 62 Статута, Мальта должна была продемонстрировать наличие интереса правового характера, на который могло бы повлиять принятое Судом по этому делу решение.

В соответствии со специальным соглашением Суд должен был принять решение о том, какие принципы и нормы международного права следует применить при делимитации соответствующих районов континентального шельфа, относящихся к Тунису и Ливии. Поэтому эти два государства представили свои иски по вопросам, регулируемым этим документом, и, учитывая положения статьи 59 Статута, решение Суда по делу будет соответственно иметь обязательный характер в отношении этих вопросов. Однако Мальта приложила к своей просьбе специальную оговорку о том, что ее вступление в дело не имеет цели возбуждение ее собственных исков в отношении Туниса и Ливии. Поскольку это так, сам характер вступления в дело, разрешение на которое просила Мальта, доказывал, что интерес правового характера, на который она ссылалась, не мог считаться в соответствии с содержанием статьи 62 Статута таким интересом, на который могло бы повлиять решение по делу.

Суд пришел к выводу, что просьба, по сути дела, была направлена на то, чтобы получить возможность отставать решение, в котором Суд воздержался бы от принятия и применения конкретных критериев, которые он в ином случае мог бы счесть подходящими для делимитации континентального шельфа Туниса и Ливии. Допустить подобную форму вступления в дело означало бы в значительной мере лишить стороны уверенности, нужно ли им вообще и насколько серьезно рассматривать собственные раздельные интересы в отношении Мальты, которые, по сути дела, являются частью существа дела. По мнению Суда, государство, стремящееся в соответствии со статьей 62 Статута вступить в дело, не имеет никакого права ставить стороны, участвующие в этом деле, в подобное положение.

Суд с пониманием отнесся к озабоченности Мальты возможными последствиями, которые могли бы иметь для ее собственных интересов выводы и заявления Суда по конкретным моментам дела между

Тунисом и Ливией. Но даже учитывая это, по причинам, изложенным в решении, это не та просьба, которую в соответствии со статьей 62 Статута Суд мог бы удовлетворить.

Юрисдикционная связь
(пункт 36)

Придя к заключению, что просьба Мальты о разрешении на вступление в дело не может быть им удовлетворена, Суд не считал необходимым решать в ходе рассматриваемого дела вопрос о том, является ли наличие действительной юрисдикционной связи со сторонами, участвующими в деле, решающим условием для предоставления разрешения на вступление в дело в соответствии со статьей 62 Статута.

* * *

По этим причинам Суд (пункт 37) пришел к выводу, что просьбу Мальты о разрешении на вступление в дело в соответствии со статьей 62 Статута удовлетворить нельзя.

ОБЗОР МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ К РЕШЕНИЮ

Судья *Морозов* голосовал за постановляющую часть решения, но по следующей причине: он считает, что Суд не может удовлетворять никакую просьбу о вступлении в дело, если в той или иной форме не наделен для этого компетенцией главой II своего Статута. Принцип, закрепленный в этой главе, гласит, что Суд не имеет право рассматривать какой-либо спор без согласия всех государств — участников этого спора. Должны быть учтены также основополагающие положения главы II, прежде чем может быть дано разрешение на какое-либо вступление в дело в соответствии со статьей 62. Поэтому требование о наличии согласия распространялось и на Мальту, точно так же, как оно распространялось бы и на просьбу любого государства о разрешении на вступление в дело в соответствии со статьей 62.

Мальта признала, что такого согласия между нею и сторонами — Ливией и Тунисом, — которые в свою очередь заявили, что Суд не располагал компетенцией, не было. В этом, в принципе, заключается решающий вопрос, который Суду следовало рассмотреть в первую очередь.

* * *

Судья *Ода* заявил в своем мнении, что голосовал за решение, расходящееся с компетенцией Суда давать разрешение или отказывать в разрешении на вступление в дело в соответствии со статьей 62 Статута. Однако это положение было истолковано в решении слишком узко, потому что было совершенно не ясно, что вступающее в дело государство должно при любых обстоятельствах выносить свои интересы на обсуждение так же, как и сторона дела. По мнению судьи *Ода*, Суд подверг слишком суровой проверке вопрос о том, имела ли Мальта правовой интерес, на который могло бы повлиять решение по делу. Что касается вопроса о том, необходимо ли юрисдикционная связь между вступающей в дело стороной и исходными сторонами в споре для того, чтобы получить разрешение на вступление в дело, то судья *Ода* высказал точку зрения, что это будет зависеть, в частности, от того, претендует ли третье государство на право, непосредственно затронутое существом дела.

Судья *Швебель* приложил индивидуальное мнение, согласующееся с решением Суда в том, что предмет вступления Мальты в дело является не то вступление, о котором идет речь в статье 62 Статута Суда. По его мнению, Суд мог бы принять обоснованное решение отклонить просьбу Мальты о вступлении в дело, поскольку она «не является стороной в споре». Однако он не согласился с тем, что Мальта не смогла доказать, что у нее был интерес правового характера, на который «может» всего лишь «повлиять» решение по делу. Судья *Швебель* утверждает, что, учитывая географическое положение Мальты, Ливии и Туниса — которое Мальта рассматривает как совместное расположение на едином континентальном шельфе, — решающим моментом является не предмет дела, а субъекты дела, как предпочитает их называть Суд. Эти субъекты, о которых идет речь в эпизодах решения Суда по основному делу, вполне могут повлиять на интересы правового характера Мальты. Судья *Швебель* добавил, что, хотя Суд справедливо воздержался от рассмотрения вопроса о том, должно ли стремящееся к вступлению в дело государство доказать юрисдикционную связь со сторонами в основном деле, он считает, что статья 62 сама по себе предусматривает необходимую юрисдикцию.

**68. ДЕЛО О ДЕЛИМИТАЦИИ МОРСКОЙ ГРАНИЦЫ В РАЙОНЕ ЗАЛИВА МЭН
(ОБРАЗОВАНИЕ КАМЕРЫ)**

Решение от 20 января 1982 года

Решением Суда была образована камера, в которую Канада и Соединенные Штаты представили давний спор о границе, разделяющей зоны рыболовства и районы континентального шельфа двух стран по Атлантическому побережью в заливе Мэн.

Впервые в истории Суда стороны в споре прибегли к использованию возможностей, предусмотренных в

Статуте и Регламенте Суда, представив свое дело не в Суд полного состава, а в камеру.

То, как была образована камера, подробно излагается ниже.

* * *

25 ноября 1981 года правительство Канады и правительство Соединенных Штатов уведомили Секретаря о специальном соглашении, заключенном ими 29 марта 1979 года и вступившем в силу 20 ноября 1981 года, в соответствии с которым они представили в камеру Суда вопрос о прохождении морской границы, разделяющей континентальный шельф и зоны рыболовства двух сторон в районе залива Мэн.

Специальным соглашением предусматривалось представление спора на рассмотрение камеры в составе пяти членов, образованной после консультаций со сторонами в соответствии с пунктом 2 статьи 26 и статьей 31 Статута Суда. Эти статьи, соответственно, предусматривают создание камеры для разбора отдельного дела, а также, что любая сторона, если в составе судебного присутствия нет судьи, состоящего в ее гражданстве, избирать для участия в деле судью *ad hoc*.

Со сторонами были соответствующим образом проведены консультации, и Суд уже был уведомлен письмом сторон, препровождавшим представление дела, о том, что, поскольку в состав судебного присутствия не входит судья, состоящий в канадском гражданстве, правительство Канады изъявляло желание избрать судью *ad hoc*.

* * *

После принципиального решения удовлетворить просьбу сторон об образовании специальной камеры и выборов, состоявшихся 15 января 1982 года, Суд

— в следующем составе: *исполняющий обязанности Председателя* Элиас; судьи Форстер, Гро, Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, Сетте-Камара, Эль-Хани и Швобель —

принял 20 ноября 1982 года 11 голосами против 2 решение, которым в установленном порядке образовал специальную камеру для рассмотрения вопроса о делимитации морской границы между Канадой и Соединенными Штатами в районе залива Мэн, образованную в результате вышеуказанных выборов в следующем составе: судьи Гро, Руда, Мослер, Аго и Швобель. В решении отмечается, что во исполнение пункта 4 статьи 31 Статута Суда *исполняющий обязанности Председателя* попросил судью Руда уступить место в установленном порядке судье *ad hoc*, который будет избран Канадой, и что судья Руда заявил о своей готовности сделать это.

Судья Ода приложил к решению от 20 января 1982 года заявление.

Судьи Морозов и Эль-Хани голосовали против

принятия решения в целом и приложили индивидуальные мнения с изложением своих доводов.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЗАЯВЛЕНИЯ, ПРИЛОЖЕННОГО К РЕШЕНИЮ

Судья Ода указал, что, хотя он и голосовал за принятие решения, следовало отметить, что Суд, по соображениям, лучше известным ему самому, одобрил состав камеры полностью в соответствии с последними пожеланиями сторон.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОСОБЫХ МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ К РЕШЕНИЮ

В своем особом мнении судья Морозов подчеркнул, что, по существу, в специальном соглашении между Соединенными Штатами Америки и Канадой явно взята за отправную точку ошибочная посылка о том, что вопреки пункту 2 статьи 26 Статута стороны, обратившиеся с просьбой о создании камеры для рассмотрения конкретного дела, могут не просто выбирать, из какого числа членов следует образовывать камеру, но и официально решать и предлагать имена судей, которых следует отобрать для тайного голосования, и даже представлять эти предложения Суду в форме своего рода «ультиматума».

В таком случае суверенное право Суда проводить выборы независимо от пожеланий сторон, тайным голосованием в соответствии с положениями Статута и Регламента Суда становится, по сути дела, бессмысленным.

По его мнению, этот вопрос мог бы быть успешно решен Судом в феврале 1982 года в его новом составе.

Судья Эль-Хани голосовал против принятия решения и заявил в своем особом мнении, что, как ему кажется, установление неоправданно жестких временных рамок для образования камеры и подбора конкретного состава выбило из-под ног Суда почву в его деятельности, лишило его свободы выбора и стало препятствием для должного отправления правосудия. Кроме того, оно подорвало престиж Суда и нанесло ущерб его достоинству как главного судебного органа Организации Объединенных Наций. Это привело к его регионализации, лишив его основных и чрезвычайно важных характеристик универсальности, и косвенным образом привело к тому, что от имени Суда стали выступать два судьи, обладающие одним и тем же гражданством, один в камере, а другой в Суде, что противоречит Статуту. Принимая это во внимание, он высказался против того, чтобы рассматривать этот случай как прецедент, поскольку в будущем следовать этим курсом будет опасно.

69. ДЕЛО О КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ (ТУНИС/ЛИВИЙСКАЯ АРАБСКАЯ ДЖАМАХИРИЯ)

Решение от 24 февраля 1982 года

В своем решении по делу о континентальном шельфе между Тунисом и Ливией Суд изложил принципы и нормы международного права, которые применяются к делимитации районов континентального шельфа, принадлежащих соответственно Тунису и Ливии в спорном регионе, о котором идет спор.

Он перечислил соответствующие обстоятельства, которые следует учитывать для целей проведения справедливой делимитации, и указывает на практические методы, которые следует использовать при осуществлении самой делимитации.

Линия делимитации, указанная Судом, состоит из двух сегментов: *первый сегмент* линии начинается от внешнего предела территориального моря сторон в месте пересечения этого предела с прямой линией, проведенной от пограничной точки Рас Аждир к северо-востоку с примерным значением угла наклона линии 26°; он продолжается под этим же углом до места пересечения с широтой самой западной точки залива Габес со значением приблизительно 34° 10' 30" северной широты. Здесь начинается *второй сегмент*, который проходит под еще большим углом к востоку, составляющим 52°.

Решение Суда принимается 10 голосами против 4.

* * *

Состав Суда являлся следующим: *исполняющий обязанности Председателя* Элиас; судьи Форстер, Гро, Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Мослер, Ода, Аго, Сетте-Камара, Эль-Хани и Швобель; судьи *ad hoc* Эвенсен и Хименес де Аречага.

Судьи Аго, Швобель и Хименес де Аречага приложили к решению особые мнения.

Судьи Гро, Ода и Эвенсен приложили к решению индивидуальные мнения.

В этих мнениях судьи изложили и разъяснили свою позицию по некоторым вопросам, рассматриваемым в решении.

* * *

Суд начинает свое решение с перечисления различных стадий судебного разбирательства (пункты 1-15), определяя географическое местоположение спора, то есть регион, известный как Белажский блок или залежь (пункты 17-20 и 32-36), и указывая, что разведка и добыча нефти проводятся на континентальном шельфе (пункт 21).

* * *

Обращаясь к специальному соглашению между Тунисом и Ливией, по которому было начато судебное разбирательство (пункты 22-31), Суд напомнил о том, что в соответствии с пунктом 1 статьи 1 ему предлагалось изложить «принципы и нормы международного права», которые могли бы «применяться к делимитации районов континентального шельфа», соответственно принадлежащих каждому из двух государств, и излагался призыв учитывать при вынесении решения следующие три фактора: *a)* принципы справедливости; *b)* соответствующие обстоятельства, характерные для данного района; и *c)* новые признанные тенденции, проявившиеся на третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву.

Пункт 2 статьи 1 специального соглашения поручает Суду «осветить практические методы применения этих принципов и норм... с тем, чтобы позволить экспертам обеих стран без затруднений провести делимитацию этих районов». Поэтому самому Суду не предлагалось провести фактическую линию делимитации. Между сторонами отсутствовала договоренность о масштабе задачи, порученной Суду в соответствии с этим документом, однако тщательный анализ выступлений сторон и возражений по данному вопросу, привел Суд к выводу о том, что имеется лишь различие в подходе к соответствующим ролям Суда и экспертов. В статьях 2 и 3 специального соглашения со всей ясностью говорится о том, что стороны признали обязательность для себя решения Суда, которые будут иметь обязательную силу в соответствии со статьей 94 Устава, статьями 59 и 60 Статута и пункта 2 статьи 94 Регламента Суда. Стороны должны были как можно скорее встретиться после принятия решения с целью заключения договора. Суд считал, что на данной стадии нет необходимости проводить переговоры между экспертами сторон по факторам, которые следует учитывать в их расчетах, поскольку Суд сам определит этот вопрос.

* * *

Суд далее рассмотрел вопрос о принципах и нормах международного права, применяемых к делимитации (пункты 36-107), который он рассмотрел с учетом доводов сторон. После изложения некоторых общих соображений (пункты 36-44) он рассмотрел вопрос о роли новых признанных тенденций, проявившихся в ходе третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву (пункты 45-50). Далее он перешел к рассмотрению вопроса о том, можно ли определить естественное продолжение каждого из двух государств на основе физического критерия (пункты 51-68); установив, что имеется лишь один континентальный шельф,

общий для обоих государств, он пришел к выводу о том, что предел района континентального шельфа, принадлежащего каждому из государств, не может быть установлен на основе критерия естественного продолжения. Далее Суд рассмотрел последствия применения принципов справедливости (пункты 69-71) и сделал обзор различных обстоятельств, характерных для района, которых, по всей очевидности, имеет значение для целей делимитации (пункты 72-107).

И, наконец, Суд рассмотрел различные методы делимитации (пункты 108-132), выдвигаемые сторонами, объяснил, почему он не может принять их, и указал, какой метод, по его мнению, позволит достигнуть справедливого решения в настоящем деле.

* * *

Выводы, к которым пришел Суд, указаны в постановляющем пункте решения, который составлен следующим образом:

Суд, десятью голосами против четырех, считает, что

А. Принципы и нормы международного права, применяемые при проведении по соглашению во исполнение настоящего решения делимитации районов континентального шельфа, соответственно принадлежащих Республике Тунис и Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии в районе Белажского блока, являющемся предметом спора между ними, как это показано в подпункте 1 пункта В, ниже, являются следующими:

1) разграничение должно проводиться в соответствии с принципами справедливости и с учетом всех соответствующих обстоятельств;

2) район, подлежащий делимитации, представляет собой единый континентальный шельф, как естественное продолжение территории суши обеих сторон, и, таким образом, в данном деле, если исходить из принципа естественного продолжения как такового, нельзя получить критерии для делимитации районов шельфа;

3) в особых географических условиях данного дела физическая структура континентального шельфа не позволяет установить справедливую линию делимитации.

В. Соответствующие обстоятельства, упомянутые в подпункте 1 пункта А, выше, которые следует учитывать при проведении справедливой делимитации, включают следующее:

1) факт, что район делимитации в данном случае ограничен тунисским берегом от Рас Аждира до Рас Кабудиа и ливийским берегом от Рас Аждира до Рас Тажёрн и параллелью широты, проходящей через Рас Кабудиа, и меридианом, проходящим через Рас Тажёрн, при этом третьи государства сохраняют за собой свои права;

2) общую конфигурацию берегов сторон и в частности четкое изменение в направлении тунисской береговой линии между Рас Аждиром и Рас Кабудиа;

3) наличие и местоположение островов Керкена;

4) сухопутную границу между сторонами и их действия до 1974 года по предоставлению нефтяных концессий, что привело к использованию проведенной в направлении моря линии от Рас Аждира под приблизительным углом 26° к востоку от меридиана, которая соответствует линии, перпендикулярной берегу в пограничной точке, которая в прошлом считалась фактической морской границей;

5) элемент разумной пропорциональности, которую должна обеспечить делимитация, проводимая в соответствии с принципами справедливости, между величиной районов континентального шельфа, принадлежащих прибрежному государству, и продолжительностью соответствующей части его берега, измеренной в общем направлении береговой линии, причем для этой цели учитываются фактические и перспективные последствия любой другой делимитации континентального шельфа между государствами того же региона.

С. Практический метод для применения вышеуказанных принципов и норм международного права в конкретной ситуации данного дела является следующим:

1) при учете соответствующих обстоятельств, которые характеризуют район, определенный в подпункте 1 пункта В, выше, включая его величину, рассматриваемый район для целей его делимитации между сторонами в данном деле, считается состоящим из двух секторов, каждый из которых требует применения конкретного метода делимитации для достижения общего справедливого решения;

2) в первом секторе, то есть в секторе, ближе к берегу сторон, исходной точкой для линии делимитации является точка, где внешний предел территориального моря сторон пересекается прямой линией, прочерченной от пограничной сухопутной точки Рас Аждир через точку $33^\circ 55'$ северной широты и 12° восточной долготы, при этом линия проходит под углом приблизительно 26° к северо-востоку, соответствуя углу, которому следует северо-западная граница ливийских нефтяных концессий № NC 76, 137, NC 41 и NC 53, которые выстроены по одной линии; северо-восточной границы тунисской нефтяной концессии "Permis complémentaire offshore du Golfe de Gabès" (21 октября 1966 года); от определенной таким образом точки пересечения линии делимитации между двумя континентальными шельфами должна проходить к северо-востоку через точку $33^\circ 55'$ северной широты и 12° восточной долготы, то есть с таким же азимутом в точке пересечения с параллелью, проходящей через самую западную точку тунисской береговой линии между Рас Кабудиа и Рас Аждир, то есть через самую западную точку на береговой линии (низшая точка отлива) залива Габес;

3) во втором секторе, а именно в районе, который простирается к морю за пределы параллели самой западной точки залива Габес, линия делимитации обоих континентальных шельфов должна поворачивать к востоку таким образом, чтобы учитывать

острова Керкена; то есть линия делимитации должна проходить параллельно линии, прочерченной от самой западной точки залива Габес, деля пополам угол, образованный линией от этой точки к Рас Кабудиа и линией, проведенной из той же точки вдоль обращенного к морю побережья островов Керкена, причем угол делимитационной линии, параллельной этой биссектрисе, составляет 52° к меридиану; продолжение этой линии в направлении северо-востока является вопросом, выходящим за рамки компетенции Суда в данном деле, поскольку это будет зависеть от делимитации, подлежащей согласованию с третьими государствами.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *исполняющий обязанности Председателя Элиас, судьи Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Мослер, Аго, Сетте-Камара, Эль-Хани, Швებель и судья ad hoc Хименес де Аречага.*

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи Форстер, Гро, Ода и судья ad hoc Эвенсен.*

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОСОБЫХ МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ К РЕШЕНИЮ

По мнению *судьи Ода*, суд не сумел предложить каких-либо позитивных принципов или норм международного права, и предложенный вариант не основан на каких-либо убедительных соображениях. Да, действительно, решение по-видимому подходит для дела, которое должно разрешаться *ex aequo et bono* в соответствии с пунктом 2 статьи 38 Статута. Считаю, что критерий расстояния стал доминирующей в новой концепции границ континентального шельфа, также как и границ исключительной экономической зоны, которая неизбежно оказывает существенное воздействие на разработку подводных природных ресурсов, метод равного отстояния подходит в принципе для делимитации континентального шельфа между Тунисом и Ливией, однако при

условии, что линия уточняется с учетом любой особенности береговой линии, которая в противном случае может привести к определенному отходу от общей точки зрения пропорциональности между длиной береговой линии и районами, подлежащими разделу. Он предлагает для этого вполне обычного дела о делимитации континентального шельфа между двумя смежными государствами линию, находящуюся на равном расстоянии от берегов обеих стран, не принимая при этом во внимание острова Керкена и окружающие отмели, показанные на прилагаемых картах.

Судья ad hoc Эвенсен считает, что, хотя право справедливости является частью международного права, оно не может действовать в правовом вакууме. В рассматриваемом деле побережья двух государств примыкают друг к другу, но в то же время располагаются почти напротив друг друга. Суд не обратил достаточного внимания на этот географический факт. Он также не принял во внимание такие характерные особенности берега, как остров Джерба, мысы Зарзи и архипелаг Керкена с прилегающими отмелями. Суд также не уделил должного внимания таким новым тенденциям в документах Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву как двухсотмильная исключительная экономическая зона и тенденция к применению критерия расстояния относительно некоторых аспектов континентального шельфа. Он считает, что в этом деле критерий равного отстояния, дополненный соображениями справедливости, возможно был бы более уместной исходной точкой для целей делимитации, нежели метод, предложенный Судом. Он считает, что весьма нечетким стало различие между решением, основанным на принципах и нормах международного права в соответствии с пунктом 1 статьи 38 Статута и решением, вынесенным *ex aequo et bono* в соответствии с пунктом 2 статьи 38.

70. ЗАЯВЛЕНИЕ О ПЕРЕСМОТРЕ РЕШЕНИЯ № 273 АДМИНИСТРАТИВНОГО ТРИБУНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Консультативное заключение от 20 июля 1982 года

В своем консультативном заключении, касающемся заявления о пересмотре решения № 273 Административного трибунала Организации Объединенных Наций Суд постановил, что в решении № 273 Административный трибунал Организации Объединенных Наций не допустил ошибки по правовому вопросу, касающемуся положений Устава Организации Объединенных Наций, и не вышел за рамки своей юрисдикции или компетенции.

Вопрос, представленный Суду Комитетом по заявлениям о пересмотре решений Административного трибунала, был сформулирован следующим образом:

«Является ли обоснованным сформулированное в решении № 273 Административного трибунала Организации Объединенных Наций, *Мортшиед*

против *Генерального секретаря*, заключение о том, что резолюция 34/165 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1979 года не могла быть введена в действие немедленно в отношении требования предоставлять в связи с выплатой пособий на репатриацию свидетельство о переезде сотрудника в страну, не являющуюся страной его последнего места службы?»

Истолковав этот вопрос как просьбу к Суду определить, допустил ли Административный трибунал в отношении изложенного в нем существа дела «ошибку по правовому вопросу, касающемуся положений Устава» или «вышел ли он за рамки своей юрисдикции или компетенции», Суд принял следующее решение:

1. Девятью голосами против шести Суд решил

выполнить просьбу относительно консультативного заключения.

2.А) Десятью голосами против пяти Суд вынес заключение, что Административный трибунал Организации Объединенных Наций в решении № 273 не допустил ошибки по правовому вопросу, касающемуся положений Устава Организации Объединенных Наций.

2.В) Двенадцатью голосами против трех Суд вынес заключение, что Административный трибунал Организации Объединенных Наций в решении № 273 не вышел за пределы той юрисдикции или компетенции, которой он обладает.

* * *

В состав Суда входили: *Председатель* Элиас; *Вице-председатель* Сетте-Камара; *судьи* Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, Эль-Хани, Швებель, сэр Роберт Дженнингс, де Лашарьер, Мбайе и Беджауи.

Судьи Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода приложили к консультативному заключению свои особые мнения.

Судьи Ляхс, Морозов, Эль-Хани и Швებель приложили к консультативному заключению свои индивидуальные мнения.

В своих мнениях упомянутые судьи излагают и объясняют занятые ими позиции по некоторым вопросам, рассматриваемым в консультативном заключении.

Краткое изложение фактов (пункты 1-15 заключения)

После изложения последовательных этапов судопроизводства (пункты 1-9) Суд привел краткое изложение фактов дела (пункты 10-15); основными фактами являются следующие:

Г-н Мортишед, гражданин Ирландии, поступил на службу в Международную организацию гражданской авиации (ИКАО) в 1949 году. В 1958 году он был переведен в Организацию Объединенных Наций в Нью-Йорке и в 1967 году — в Отделение Организации Объединенных Наций в Женеве. 30 апреля 1980 года по достижении 60-летнего возраста он вышел на пенсию.

В соответствии с положением 9.4 и приложением IV Положения о персонале Организации Объединенных Наций сотрудникам при их уходе со службы при некоторых обстоятельствах выплачивается пособие, известное как «пособие на репатриацию»; условия для выплаты этого пособия были определены Генеральным секретарем в правиле 109.5 Правил о персонале.

Незадолго до ухода г-на Мортишеда на пенсию Генеральная Ассамблея приняла последовательно две резолюции, касающиеся, в частности, пособия на репатриацию. В своей резолюции 33/119 от 19 декабря 1978 года Генеральная Ассамблея постановила:

«чтобы выплата пособия на репатриацию сотрудникам, которые имеют право на его получение, обуславливалась представлением со стороны этого сотрудника свидетельства о фактическом переезде на условиях, определяемых Комиссией [по международной гражданской службе].»

Для того чтобы ввести в действие с 1 июля 1979 года определенные Комиссией условия, касающиеся выплаты пособия на репатриацию, в отношении которого ранее не требовалось представления свидетельства, Генеральный секретарь внес поправки в правило 109.5 Правил о персонале, с тем чтобы обусловить выплату пособия на репатриацию представлением свидетельства о том, что «бывший сотрудник поселился в стране, не являющейся страной его последнего места службы» (пункт d). Однако пункт f) этого правила был сформулирован следующим образом:

f) Несмотря на положения вышеприведенного пункта d), сотрудники, уже находящиеся на службе до 1 июля 1979 года, сохраняют право на получение пособия на репатриацию пропорционально уже проработанному ими на эту дату числу лет и месяцев, идущих в зачет для получения пособия, без необходимости представления свидетельства о переезде в отношении этого зачитываемого срока службы».

Поскольку максимальный необходимый срок нахождения на службе (12 лет) был достигнут г-ном Мортишедом задолго до 1 июля 1979 года, согласно пункту f) на него ни в коей мере не распространяется требование о представлении свидетельства о переезде.

17 декабря 1979 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 34/165, в которой она, в частности, постановила

«вести с 1 января 1980 года порядок, при котором выплата сотрудникам любой части пособия на репатриацию осуществляется лишь по представлении свидетельства о переезде из страны последнего места службы».

В этой связи Генеральный секретарь опубликовал распоряжение об отмене с 1 января 1980 года правила 109.5 f), за которым последовал пересмотр Правил о персонале и исключение пункта f).

При уходе г-на Мортишеда на пенсию Секретариат отказался выплатить ему пособие на репатриацию без свидетельства о переезде, и 10 октября 1980 года г-н Мортишед направил в Административный трибунал заявление.

Административный трибунал в своем решении № 273 от 15 мая 1981 года отметил, в частности, что Генеральный секретарь

«не признал приобретенных прав заявителя, которыми он обладал в соответствии с переходным периодом, существовавшим с 1 июля по 31 декабря 1979 года и установленным в правиле 109.5 f) Правил о персонале.

Он пришел к выводу, что г-н Мортишед

«имел право на получение этого пособия на условиях, определенных в правиле 109.5 f) Правил о

персонале, несмотря на тот факт, что на дату прекращения службы заявителя в Организации Объединенных Наций это правило уже не действовало»,

и поэтому имеет право на получение компенсации за понесенный ущерб «в результате несоблюдения положения 12.1 Положений о персонале и правила 112.2 а) Правил о персонале, в которых говорится:

«ПОЛОЖЕНИЕ 12.1: Настоящие положения могут быть дополнены или изменены Генеральной Ассамблеей при условии соблюдения приобретенных сотрудниками прав».

«Правило 112.2

а) Генеральный секретарь может вносить поправки в настоящее правило по процедуре, соответствующей Положениям о персонале».

Размеры компенсации были оценены Трибуналом в объеме пособия на репатриацию, в выплате которого было отказано.

*
* * *

Соединенные Штаты Америки не согласились с решением Трибунала и поэтому обратились в Комитет по заявлениям о пересмотре решений Административного трибунала (далее именуемый «Комитет») с просьбой запросить консультативное заключение Суда. Настоящее заявление было сделано в соответствии с пунктом 1 статьи 11 статута Трибунала, предусматривающим право государств-членов, Генерального секретаря или лица, в отношении которого было вынесено решение, опротестовать это решение. Если Комитет решает, что имеются достаточные основания для такого заявления, он запрашивает консультативное заключение Суда. В рассматриваемом деле после изучения данного заявления на двух заседаниях Комитет постановил, что для этого имеются достаточные основания, поскольку Административный трибунал допустил ошибку в правовом вопросе, касающемся положений Устава, и что Трибунал вышел за пределы своей юрисдикции или компетенции.

Компетенция давать консультативное заключение
(пункты 16-21)

Суд начал с рассмотрения вопроса о том, обладает ли он компетенцией для удовлетворения представленного Комитетом запроса о консультативном заключении. Он отметил, что это был второй запрос, направленный ему в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 11 статута Административного трибунала (первый запрос касался *Заявления о пересмотре решения № 158 Административного трибунала Организации Объединенных Наций*), однако это был первый запрос, связанный с рассмотрением Комитетом заявления государства-члена, а предыдущее дело было связано с заявлением одного из сотрудников. Когда в 1973 году Суд согласился дать консультативное заключение в упомянутом деле, он признал, что на нем будет лежать обязанность по изуче-

нию характерных особенностей любого запроса о консультативном заключении, представленного по заявлению государства-члена, и указал, что Суд должен при этом помнить не только о соображениях, касающихся общей процедуры пересмотра, но и о дополнительных соображениях, связанных с конкретной ситуацией, сложившейся в результате вмешательства государства-члена в процесс пересмотра. Суд пришел к выводу, что характерные особенности разбирательства, результатом которого и стал настоящий запрос, не дают никаких оснований для Суда отступить от своей предыдущей позиции.

Ответственность Суда и уместность вынесения заключения
(пункты 22-45)

Затем Суд рассмотрел вопрос о том, не следует ли, несмотря на то, что он пришел к заключению о наличии у него соответствующей компетенции, с учетом некоторых аспектов судопроизводства отказаться от вынесения консультативного заключения, принимая во внимание связанные с ним требования юридического характера и принципы надлежащего отправления правосудия, верность которым он должен сохранять при осуществлении своих функций как при предоставлении консультаций, так и при решении спорных вопросов:

Прежде всего Суд опроверг ряд возражений, касающихся следующих вопросов:

— представляет ли собой просьба о пересмотре, сделанная государством-членом, вмешательство со стороны субъекта, не являющегося участником первоначального разбирательства;

— не послужит ли окончательность консультативного заключения, которое должно быть представлено Судом, препятствием на пути осуществления им своей консультативной юрисдикции;

— не будет ли отказом Суда дать свое заключение поставлено под сомнение решение № 273 Административного трибунала;

— не находится ли просьба государства-члена о пересмотре в противоречии с некоторыми статьями Устава и не ставит ли она под сомнение полномочия Генерального секретаря, предусмотренные другими статьями.

В связи с находящимся на рассмотрении в Суде делом Суд придавал большое значение вопросу о том, обеспечивается ли между сторонами действительное равенство, вопреки какому-либо кажущемуся или номинальному его отсутствию, вытекающему из положений статьи 66 Статута Суда, ограничивающей право государств и международных организаций представлять письменные или устные доклады. В этой связи он отметил, что соображения сотрудника, о котором идет речь, были переданы ему через Генерального секретаря без осуществления какого-либо контроля за содержанием со стороны последнего и что для обеспечения действительного равенства Суд решил отказаться от устных заявлений. В отношении той стадии судопроизводства, в которой участвовал Комитет, Суд отметил, что он является не более чем одним из органов стороны, которая потер-

пела неудачу в Трибунале, т.е. Организации Объединенных Наций. Таким образом, эта сторона имела возможность решить судьбу просьбы о пересмотре, сделанной другой стороной, сотрудником, по воле политического органа. Это основное неравенство заставило Суд провести тщательное изучение того, что фактически сделал Комитет, когда получил заявление Соединенных Штатов Америки.

Относительно состава Административного трибунала при рассмотрении данного дела, Суд задался вопросом, почему, когда три члена Трибунала имели возможность участвовать и участвовали в его заседаниях, было найдено целесообразным допустить для участия в его работе одного из заместителей, который фактически приложил к решению индивидуальное мнение. Как представляется, его участие нуждается в объяснении. Однако Суд отметил, что перед ним не была поставлена задача рассмотреть вопрос о том, допустил ли Трибунал серьезную ошибку по процедуре, которая привела к несправедливому решению. Поэтому дальнейшее рассмотрение данного вопроса не представлялось необходимым.

В отношении обсуждения в Комитете Суд отметил ряд заметных нарушений, указывающих на отсутствие четкости при осуществлении Комитетом своей работы. Эти нарушения касаются:

- состава Комитета на его двадцатой сессии,
- заявления, представленного ему Соединенными Штатами Америки.
- процедуры проведения его заседаний.

Несмотря на эти нарушения и то, что Комитет не продемонстрировал стремления обеспечить равенство, которое должен проявлять орган, осуществляющий квазиюрисдикционные функции, Суд счел необходимым удовлетворить просьбу относительно консультативного заключения. Нарушения, которые выявились в ходе судопроизводства, могли бы, конечно, рассматриваться как «серьезные основания» для отказа со стороны Суда удовлетворить эту просьбу, однако стабильность положения и эффективность работы международных организаций играют столь важную роль в обеспечении мирового порядка, что Суд не счел возможным отказать вспомогательному органу Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в помощи в обеспечении твердой и надежной основы в его деятельности. Кроме того, подобный отказ оставил бы невыясненным вопрос об очень серьезном обвинении Административного трибунала в том, что он фактически оспорил полномочия Генеральной Ассамблеи.

Суть вопроса, представленного на рассмотрение Суда
(пункты 45-56)

Затем Суд обратился к собственно вопросу, по которому было запрошено его заключение (см. выше), и прежде всего обсудил, является ли этот вопрос в той форме, в какой он был представлен, вопросом, в отношении которого Суд мог бы дать надлежащий ответ. Установив, что он был нечетко сформулирован и, как представляется, не согласует-

ся с намерениями Комитета, Суд в свете обсуждений в Комитете интерпретировал этот вопрос как обращенную к нему просьбу определить, допустил ли Административный трибунал в отношении обстоятельств, упомянутых в данном вопросе, «ошибку по правовому вопросу, касающемуся положений Устава» или «вышел ли он за пределы своей юрисдикции или компетенции».

Суд напомнил о характере жалобы, представленной в Административный трибунал, о принятом Трибуналом решении и о причинах, которые легли в его основу. Суд установил, что вместо того чтобы заявить, что резолюция 34/165 (см. выше) не могла быть введена в действие немедленно, Трибунал отметил, что истец понес серьезный ущерб именно потому, что эта резолюция была немедленно введена в действие Генеральным секретарем в новом варианте Правил о персонале, в котором опущено правило 109.5f), — ущерб, необходимая компенсация за который оценивается в размере суммы пособия, в выплате которого было отказано. Трибунал никоим образом не пытался поставить под сомнение обоснованность резолюции 34/165 или упомянутых Правил о персонале, но обрисовал то, что, по мнению Трибунала, явилось неизбежным следствием того, что принятие и применение этих мер нанесло ущерб тому, что он считает приобретенным правом, защищаемым положением 12.1 Положений о персонале (см. выше). Хотя на поставленный Комитетом вопрос был получен данный ответ, представляется, что именно другой вопрос, заключенный между строк вопроса, поставленного перед Судом, а именно: отрицал ли Трибунал все последствия решений Генеральной Ассамблеи и поэтому допустил ли он ошибку в правовом вопросе, касающемся положений Устава, или вышел ли он за пределы своей юрисдикции или компетенции. Именно этот вопрос, по мнению Суда, был сутью протеста против решения Трибунала и тем вопросом, который был намерен поставить Комитет.

Допустил ли Административный трибунал Организации Объединенных Наций ошибку в правовом вопросе, касающемся положений Устава?
(пункты 57-76)

Чтобы ответить на этот вопрос, Суд прежде всего рассмотрел вопрос о том, какова его собственная роль при получении просьбы о консультативном заключении в отношении причин протеста, основанного на якобы совершенной ошибке «по правовому вопросу, касающемуся положений Устава». То, что его собственная роль не заключается в пересмотре дела, уже рассмотренного Трибуналом, и в попытке подменить своим собственным заключением по существу дела решение Трибунала, подтверждается тем фактом, что вопрос, по которому было запрошено заключение Суда, отличается от вопроса, решение по которому должен был принять Трибунал. Однако имелись и другие причины. Одна из них заключается в трудности использования консультативной юрисдикции Суда для рассмотрения спорного дела, поскольку нет уверенности в удовлетворении требования относительно равенства сторон,

если Суд будет призван действовать в качестве апелляционного суда, а не по процедуре консультативного разбирательства. Аналогичным образом, включение процедур, осуществляемых Комитетом, по существу политическим органом, между разбирательством, осуществляемым Трибуналом, и разбирательством, осуществляемым Судом, является неприемлемым, если приравнивать консультативное заключение к решению по апелляции. Эта трудность становится особенно очевидной, если, как в настоящем случае, Комитет исключил из процесса своего разбирательства одну из сторон находящегося на рассмотрении Трибунала дела, в то время как государство-заявитель имело возможность изложить свои собственные аргументы. Кроме того, предусмотренную статьей 11 статута Трибунала возможность инициирования процедуры пересмотра государствами-членами — то есть третьими сторонами — можно объяснить лишь при том допущении, что предметом консультативного заключения не должен быть тот же вопрос, который рассматривается Трибуналом.

Поскольку Суду не могло быть предложено пересмотреть существо дела *Мортишед* против *Генерального секретаря Организации Объединенных Наций*, первым вопросом для Суда был вопрос о рамках расследования, которое должно быть проведено для того, чтобы иметь возможность вынести решение относительно того, совершил ли Трибунал ошибку по правовому вопросу, касающемуся положений Устава. Очевидно, что Суд не мог установить, была ли допущена такая ошибка в решении о толковании Положений или Правил о персонале, не ознакомившись с этим решением. В такой мере Суду пришлось рассмотреть решение Трибунала по существу дела. Однако он не должен был вникать в вопрос о надлежащем толковании Положений и Правил о персонале глубже, чем это было действительно необходимо для того, чтобы решить, находилось ли принятое Трибуналом толкование в противоречии с требованиями положений Устава. Было бы ошибочным полагать, что предметом консультативного заключения Суда являлось возражение против какого-либо толкования Трибуналом Правил или Положений о персонале.

Затем Суд рассмотрел соответствующие документы, касающиеся пособия на репатриацию. Отношения Организации Объединенных Наций с ее персоналом регулируются главным образом Положениями о персонале, установленными Генеральной Ассамблеей в соответствии с пунктом 1 статьи 101 Устава. Эти Положения, в свою очередь, были разработаны и применимы в Правилах о персонале, подготовленных Генеральным секретарем, который, естественно, имел определенную свободу действий в этом вопросе. Нет никакого сомнения, что Генеральная Ассамблея сама уполномочена устанавливать подробные положения, как, например, в приложении IV к Положениям о персонале, где указываются размеры пособия на репатриацию; однако в резолюциях 33/119 и 34/165 (см. выше) она этого не сделала; вместо этого она предложила принцип, введение которого в действие оставляется на усмотрение Генерального секретаря. Не может быть ника-

кого сомнения, что, делая это, Генеральный секретарь выступает от имени Организации Объединенных Наций и возлагает на нее обязательства в том, что касается отношений Организации Объединенных Наций с ее сотрудниками.

Рассматривая жалобу г-на Мортишеда, Трибунал должен был принимать во внимание весь комплекс положений и правил, применяемых в связи с заявлением г-на Мортишеда (см. выше). Трибунал также исходил из положения 12.1 Положений о персонале, в котором Генеральная Ассамблея утвердила «основной принцип соблюдения приобретенных прав», и правила 112.2 а) Правил о персонале, в котором предусматривается внесение поправок в Правила о персонале только по процедуре, соответствующей Положениям о персонале (см. выше). Поэтому он решил, что г-н Мортишед действительно обладает приобретенным правом в том смысле, в каком это предусматривается положением 12.1, и что в этой связи он понес ущерб, будучи лишен своего права в результате резолюции 34/165 и документов, с помощью которых она была введена в действие. В решении Трибунала нигде не говорится о возможном противоречии между положением 12.1 Положений о персонале и соответствующим положением резолюции 34/165.

Возможны различные точки зрения по вопросу о том, что равнозначно приобретенному праву, и Соединенные Штаты Америки в своем письменном заявлении оспорили то, что г-н Мортишед обладает каким-либо правом в соответствии с пунктом f) правила 109.5. Однако, по мнению Суда, заниматься разбирательством этого вопроса означало бы именно осуществлять пересмотр дела, что не является прерогативой Суда. Трибунал пришел к выводу, что г-н Мортишед обладает приобретенным правом. Ему пришлось истолковать и применить два свода правил, оба из которых были применимы к случаю г-на Мортишеда. Поскольку Трибунал пытался применить к его случаю лишь то, что он считает соответствующими Положениями о персонале и Правилами о персонале, установленными от имени Генеральной Ассамблеи, он определенно не допустил ошибки по правовому вопросу, касающемуся положений Устава.

Вышел ли Административный трибунал Организации Объединенных Наций за пределы своей юрисдикции или компетенции?
(пункты 77 и 78)

В отношении второй причины возражения, что Трибунал якобы вышел за пределы своей юрисдикции или компетенции, очевидно, она была выдвинута не в качестве полностью независимой причины, связанной с ошибкой по правовому вопросу, касающемуся положений Устава, а скорее в качестве другого способа выражения предположения о том, что Трибунал пытался осуществить компетенцию судебного пересмотра резолюции Генеральной Ассамблеи, то есть вопроса, который уже рассматривался. Однако очевидно, что в соответствии со статьей 2 его статута юрисдикция Трибунала распространяется не только на положения контракта г-на Морти-

шеда о найме на работу и условия назначения на должность, но и на содержание и последствия действовавших в то время Правил и Положений о персонале. Не было оснований утверждать, что Трибунал, который стремился применять положения документов о назначении г-на Мортишеда на должность и соответствующие Правила и Положения о персонале, установленные в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи, где-либо вторгся в область, лежащую за пределами его юрисдикции, определенной в статье 2 его статута. Был ли он прав в своем решении — это не имеет отношения к вопросу о юрисдикции.

Ниже приводится полный текст постановляющего пункта консультативного заключения.

ПОСТАНОВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ КОНСУЛЬТАТИВНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Суд*

1. Девятью голосами против шести, постановляет удовлетворить просьбу о вынесении консультативного заключения:

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Элиас; *Вице-председатель* Сетте-Камара; *судьи* Нажендра Сингх, Мослер, Аго, Швებель, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер и Мбайе;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Ляхс, Морозов, Руда, Ода, Эль-Хани и Беджауи.

2. В отношении вопроса, как он сформулирован в пункте 48, выше, *выносит следующее заключение:*

А. Десятью голосами против пяти, что Административный трибунал Организации Объединенных Наций в решении № 273 не совершил какой-либо ошибки по правовому вопросу, касающемуся положений Устава Организации Объединенных Наций;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Элиас; *Вице-председатель* Сетте-Камара; *судьи* Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер и Мбайе;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Ляхс, Морозов, Эль-Хани, Швებель и Беджауи.

В. Двенадцатью голосами против трех, что Административный трибунал Организации Объединенных Наций в решении № 273 не допустил какого-либо превышения юрисдикции или полномочий, которыми он наделен.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Элиас; *Вице-председатель* Сетте-Камара; *судьи* Ляхс, Нажендра

*В следующем составе: *Председатель* Элиас; *Вице-председатель* Сетте-Камара; *судьи* Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, Эль-Хани, Швებель, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи.

Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер, Мбайе и Беджауи;
ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Морозов, Эль-Хани и Швებель.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ К КОНСУЛЬТАТИВНОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ

Особые мнения

Соглашаясь в целом решением Суда по этому делу, *судья Нажендра Сингх* отметил, что Суду следовало применять принципы толкования и применения статутов и норм в отношении к резолюции 34/165 Генеральной Ассамблеи таким образом, чтобы это позволило прийти к выводу о том, что последняя не может с обратной силой применяться к делу г-на Мортишеда, поскольку все пособие на репатриацию было им заработано и его накопление завершено задолго до 1 января 1980 года, то есть даты вступления в силу указанной резолюции Генеральной Ассамблеи. Поэтому Суд мог прийти к такому заключению без рассмотрения вопроса о приобретенных правах г-на Мортишеда, поскольку указанная резолюция имеет четкую и недвусмысленную перспективную ориентацию и не может толковаться как применяющаяся к делам, завершнным и закрытым раньше, подобным делу г-на Мортишеда. Однако резолюция 34/165 совершенно определенно должна применяться во всех случаях, когда пособие на репатриацию продолжает накапливаться после 1 января 1980 года, и таким образом для получения указанного пособия в таких случаях за любой причитающийся период, будь то до или после 1 января 1980 года, потребуется свидетельство о переезде из страны последнего места службы.

Судья Руда голосовал за пункты 2 (А) и 2 (В) постановляющей части консультативного заключения, которые содержат решения суда по существу дела; но поскольку по пункту 1, касающемуся предварительного вопроса о том, должен ли Суд удовлетворить просьбу, он голосовал против, то считает себя обязанным разъяснить в индивидуальном мнении причины своего голосования.

Судья Мослер, разделяя мнение Суда, выраженное в постановляющей части консультативного заключения, и соглашаясь в значительной степени с причинами, тем не менее считает себя обязанным затронуть некоторые вопросы, которые, как ему представляется, требуют либо дополнительного разъяснения, либо аргументов иного рода.

По мнению *судьи Ода*, который голосовал против первого пункта постановляющей части, Суду не следовало принимать к рассмотрению просьбу о вынесении консультативного заключения в силу принципиальных отклонений от норм, включая тот факт,

что обсуждение в Комитете по заявлениям о пересмотре решений Административного трибунала не указало убедительным образом на какие-либо разумные основания, по которым могли возникнуть возражения против решения Административного трибунала; кроме того, представляется, что данная просьба была подготовлена на основе абсолютно неверной предпосылки. Далее судья Ода высказал предположение, что, если бы в 1979 году Правила о персонале были пересмотрены более осторожным и надлежащим образом, с тем чтобы удовлетворить пожелания государств — членов Организации Объединенных Наций, вполне можно было бы избежать непонимания: ситуация, связанная с планом пособий на репатриацию, в настоящее время могла бы быть абсолютно иной, и Административный трибунал мог бы вынести другое решение по этому вопросу.

Индивидуальные мнения

Судья Ляхс в своем индивидуальном мнении пишет, что, хотя он не нашел каких-либо безусловных причин для отказа в вынесении консультативного заключения, отклонения от процедурных норм на этапе рассмотрения вопроса Комитетом по заявлениям, вынудили его (не без колебаний) голосовать против пункта 1 постановляющей части. Однако Суд, постановив вынести заключение, предоставил ему хорошую возможность рассмотреть существо вопроса. По его мнению, Суд должен был бы более тщательно рассмотреть характер пособия на репатриацию и пожелания Генеральной Ассамблеи. Вместо этого он счел, что его полномочия по пересмотру не позволяют ему ставить под вопрос вывод Трибунала о том, что г-н Мортишед имел приобретенное право, которое игнорировалось при применении положения, вытекающего из резолюции 34/165 Генеральной Ассамблеи. Однако ущерб, который, как утверждается, связан с решением Генеральной Ассамблеи, и неуделение должного внимания действию резолюций Ассамблеи в сфере, касающейся положений о персонале, поднимают важный вопрос приобретенных прав и дают право Суду рассматривать его. Судья Ляхс подверг сомнению мнение трибунала о том, что отмененное правило 109.5 f), которое вытекало из толкования Комиссией по международной гражданской службе своего мандата и было несовместимо с самой природой пособия на репатриацию, могло явиться основанием для какого-либо приобретенного права. По пункту 2 (B) заключения он, однако, считает, что трибунал действовал в пределах своей юрисдикции.

В заключение судья Ляхс подробно остановился на замечаниях, которые он сделал в 1973 году относительно совершенствования процедуры пересмотра и создания единого международного административного трибунала.

Судья Морозов счел, что вместо того, чтобы руководствоваться резолюциями Генеральной Ассамблеи и своим собственным Статутом, принятым Генеральной Ассамблеей, и положениями Устава, которые в конечном счете являются единственным источником права для Трибунала, решение № 273 Трибунала, определяя, что резолюция 34/165 Гене-

ральной Ассамблеи не может быть немедленно выполнена, совершенно очевидно оправданным не является. В действительности решение было направлено не против ответчика — Генерального секретаря, — а против резолюции 34/165 Генеральной Ассамблеи, ее буквы и духа.

Он считает, что действуя вразрез с положениями своего Статута, Трибунал превысил свои полномочия и, по сути дела, отверг резолюцию 34/165 Генеральной Ассамблеи. Под предлогом толкования резолюций Генеральной Ассамблеи, принятых в 1978 и 1979 годах, Трибунал совершил ошибку по правовому вопросу, касающемуся положений Устава Организации Объединенных Наций, а также превысил свою юрисдикцию или компетенцию.

Консультативное заключение Суда, которое признает, что Трибунал не совершил ошибки по правовому вопросу, касающемуся положений Устава Организации Объединенных Наций, не находит его поддержки, и поэтому судья Морозов не может рассматривать данное консультативное заключение в качестве документа, который совпадает с его пониманием отправления международного правосудия.

* * *

Судья Эль-Хани голосовал против пункта 1 постановляющей части консультативного заключения, поскольку он считает, что:

a) Суд, основная роль которого заключается в том, чтобы рассматривать дела, сторонами которых являются государства, не должен позволять, чтобы его вовлекали в вынесение заключений, которые в конечном итоге отвлекают его от основной юрисдикции и принижают его роль до выполнения функций апелляционного суда в отношении решений Административного трибунала Организации Объединенных Наций по делам, сторонами которых являются должностные лица и Генеральный секретарь; и

b) серьезные ошибки, которые лишали просьбу юридической силы, явились «убедительными причинами», которые должны были побудить Суд счесть просьбу о вынесении консультативного заключения неприемлемой.

Он голосовал против подпунктов (A) и (B) пункта 2 с тем, чтобы быть последовательным; кроме того, по его мнению, Суду следовало бы ограничиться пунктом 1.

* * *

Судья Швобель выразил мнение, отличное от заключения Суда, главным образом по двум причинам. Исходя из более широкого, по сравнению с Судом, взгляда на компетенцию пересматривать существо какого-либо решения Административного трибунала Организации Объединенных Наций, он особо подчеркивает, что, когда выдвигается возражение против какого-либо решения на основании ошибки по правовому вопросу, связанному с положениями Устава Организации Объединенных На-

ций, Суд должен выступать в апелляционном качестве, вынося суждение в отношении существа решения, поскольку от него этого требует ответ на поставленный перед ним вопрос. В отношении существа решения Трибунала по этому делу судья Швобель делает вывод о том, что Трибунал совершил ошибку по правовому вопросу, связанному с поло-

жениями Устава, и превысил свою юрисдикцию, в первую очередь поскольку его решение частично отменяет обязательное осуществление полномочий Генеральной Ассамблеи в соответствии со статьей 101 (1) Устава, касающейся регулирования условий службы персонала Секретариата Организации Объединенных Наций.

71. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА (ЛИВИЙСКАЯ АРАБСКАЯ ДЖАМАХИРИЯ/МАЛЬТА) (ЗАЯВЛЕНИЕ С ПРОСЬБОЙ О РАЗРЕШЕНИИ ВСТУПИТЬ В ДЕЛО)

Решение от 21 марта 1984 года

В своем решении, касающемся заявления Италии с просьбой о разрешении вступить, в соответствии со статьей 62 Статута, в дело, касающееся континентального шельфа между Ливией и Мальтой, Суд 11 голосами против 5 счел, что согласие на просьбу Италии о разрешении вступить в дело дано быть не может.

* * *

В состав Суда входили следующие члены: *Председатель* Элиас; *Вице-председатель* Сетте-Камара; *судьи* Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Ода, Аго, Эль-Хани, Швобель, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи; *судьи ad hoc* Хименес де Аречага, Кастаньеда.

Судьи Морозов, Нажендра Сингх, Мбайе и Хименес де Аречага приложили свои особые мнения к данному решению.

Вице-председатель Сетте-Камара; *судьи* Ода, Аго, Швобель и сэр Роберт Дженнингс приложили к решению свои индивидуальные мнения.

Слушания в Суде
(пункты 1-9)

В своем решении Суд напомнил, что 26 июля 1982 года правительства Ливии и Мальты совместно уведомили его о специальном соглашении, заключенном между ними 23 мая 1976 года о передаче на рассмотрение Суда спора, касающегося делимитации континентального шельфа между этими двумя странами.

В соответствии со Статутом и Регламентом Суда слушания проводились с учетом условий соглашения между этими двумя странами. 26 апреля 1983 года были зарегистрированы меморандумы обеих сторон, а 26 октября 1983 года — контрмеморандумы.

Поскольку в составе судебного присутствия не было судей, состоящих в гражданстве Ливии и Мальты, каждая сторона осуществила свое право в соответствии со статьей 31 Статута избрать судью *ad hoc* для рассмотрения этого дела. Ливийская Арабская Джамахирия назначила судью Хименеса де Аречагу, а Мальта — судью Кастаньеду.

24 октября 1983 года было зарегистрировано заявление итальянского правительства с просьбой о разрешении вступить в дело в соответствии со статьей 62 Статута. Правительства Ливийской Арабской Джамахирии и Мальты представили письменные замечания по этому заявлению 5 декабря 1983 года, то есть в пределах сроков, установленных для этих целей. Поскольку против просьбы Италии о вступлении в дело поступило возражение, Суд в соответствии со статьей 84 своего Регламента 25 и 30 января 1984 года провел заседания в целях заслушивания сторон и государства, выразившего пожелание вступить в дело, в целях рассмотрения вопроса о том, следует ли дать согласие на просьбу Италии о вступлении в дело.

Положения Статута и Регламента Суда, касающиеся вступления в дело
(пункт 10)

Статья 62 Статута, к которой прибегает Италия, предусматривает следующее:

«1. Если какое-либо государство считает, что решение по делу может затронуть какой-либо его интерес правового характера, то это государство может обратиться в Суд с просьбой разрешить вступить в дело.

2. Решение по такой просьбе принадлежит Суду».

В соответствии с пунктом 2 статьи 81 Регламента Суда просьба о разрешении вступить в дело в соответствии со статьей 62 Статута должна содержать указание на дело, к которому она относится, и в ней излагаются:

«а) интерес правового характера, который, как считает государство, обращающееся с просьбой о разрешении вступить в дело, может быть затронут в этом деле;

б) точный предмет вмешательства;

с) любая основа юрисдикции, которая, как утверждается, существует между государством, обращающимся с просьбой о вступлении в дело, и сторонами данного дела».

Формальная приемлемость просьбы Италии о разрешении вступить в дело
(пункты 10-12)

Отмечая, что формально просьба Италии отвечает трем условиям, изложенным в пункте 2 статьи 81 Регламента, и что она представлена в установленные сроки, Суд счел, что она не содержит каких-либо формальных недостатков, которые сделали бы ее неприемлемой.

Изложение претензий Италии и обеих сторон
(пункты 13-27)

Суд обобщил претензии, выдвинутые Италией в ее заявлении и устном представлении доводов (пункты 13-17). Он, в частности, отметил, что интерес правового характера, на который ссылается Италия, заключается в защите суверенных прав, которые она, как утверждает, имеет на определенные участки континентального шельфа *en cause* в деле между Ливийской Арабской Джамахирией и Мальтой. Он отметил также, что предмет вступления в дело заключается в том, чтобы позволить Италии защищать эти права, и, таким образом, Суд должен быть в максимально возможной степени информирован об этих правах и должен быть в состоянии надлежащим образом учесть их в своем решении и дать сторонам все необходимые указания, с тем чтобы обеспечить, чтобы стороны при заключении соглашения о делимитации во исполнение решения Суда не включали каких-либо районов, права на которые имеет Италия. Наконец, Суд отметил, что, согласно утверждению Италии, статья 62 Статута дает достаточную основу для юрисдикции в этом деле, которая не нуждается в дополнении особой юрисдикционной связью между этой страной и сторонами в деле.

Затем Суд обобщил доводы, выдвинутые Ливийской Арабской Джамахирией (пункты 18-24) и Мальтой (пункты 25-27), содержащиеся как в их письменных соображениях, касающихся заявления Италии, так и в устном заявлении их адвоката.

Интерес правового характера и предмет вступления в дело
(пункты 28-38)

С тем чтобы определить, является ли обоснованной просьба Италии, Суд должен был рассмотреть интерес правового характера, который, как утверждается, может быть затронут, и для этого он должен был рассмотреть предмет заявления и то, каким образом этот предмет соотносится с тем, что предусматривается Статутом, а именно: обеспечением защиты «интереса правового характера» таким образом, чтобы он не был «затронут» решением.

Суд отметил, что в случае вступления в дело Суд должен вынести решение в отношении приемлемости вступления, как правило, ссылаясь на определение интереса правового характера и на предмет, указанный государством, желающим вступить в дело. Тем не менее он должен определить подлинный предмет претензий. В этом случае с учетом всех обстоятельств, а также характера предмета судебного

разбирательства, возбужденного Ливией и Мальтой, Суд пришел к выводу о том, что, хотя формально Италия обращается к Суду с просьбой обеспечить ее права, неизбежным практическим последствием этой просьбы будет то, что Суд будет призван признать эти права и, следовательно, чтобы иметь возможность сделать это, — вынести суждение, как минимум отчасти, в отношении споров между Италией и между одной или обеими сторонами. По сути дела, Италия обращается к Суду с просьбой вынести суждение только лишь по тому, что в действительности касается Мальты и Ливии. Но чтобы Суд мог сделать такой шаг, он должен сначала определить районы, на которые Италия имеет права, и районы, на которые она прав не имеет. Поэтому он должен прийти к заключению относительно существования прав Италии на определенные районы и в отношении отсутствия таких прав Италии на другие районы. Таким образом, с тем чтобы разрешить вступление в дело, от Суда потребуются принять решение по спору или по некоторой части спора между Италией и одной или обеими основными сторонами, что повлечет за собой вынесение им решения по правовым взаимоотношениям между Италией и Ливией без согласия Ливии или по таким взаимоотношениям между Италией и Мальтой без согласия Мальты. Его решение не может толковаться просто как не «затрагивающее» эти права, а будет рассматриваться либо как признающее, либо как не признающее их полностью или частично.

Последствия вывода Суда о том, что разрешение вступить в дело будет связано с открытием нового спора, могут быть определены ссылкой на любой из двух подходов к толкованию статьи 62 Статута.

Согласно первому подходу, поскольку Италия просит Суд вынести решение в отношении прав, на которые она претендует, Суд должен вынести решение о том, имеет ли он компетенцию принимать решение, запрошенное Италией, путем процедуры вступления в дело. Как уже отмечалось, правительство Италии утверждает, что действия статьи 62 Статута самого по себе достаточно, чтобы создать основу для юрисдикции Суда в этом деле. Суду представляется, что если он согласится с претензией Италии, то таким образом он признает, что процедура вступления в дело в соответствии со статьей 62 явит собой исключение из основополагающих принципов, лежащих в основе его юрисдикции: в первую очередь принципа согласия, а также принципа взаимности и равенства государств. Суд счел, что исключение такого рода сделано быть не может, если только оно не будет очень четко выражено, а в данном случае это не так. Таким образом, он счел, что обращение к статье 62, если оно должно оправдать вступление в дело, подобное тому, о котором идет речь в заявлении Италии, должно быть подкреплено основой юрисдикции.

Согласно второму подходу, если государство, обращающееся с просьбой о вступлении в какое-либо дело, просит Суд вынести решение о правах, на которые оно претендует, то это не является собой подлинное вступление в дело по смыслу статьи 62. Эта

статья не должна наносить ущерба духу консенсуса, который лежит в основе юрисдикции Суда, поскольку единственными случаями вступления в дело, допускаемыми этой статьей, должны быть такие случаи, в которых желающие вступить стремятся лишь обеспечить свои права без какой-либо попытки добиться их признания. Ничто не дает оснований полагать, что статья 62 была составлена как какое-либо альтернативное средство представления дополнительного спора в качестве дела в Суде или как метод утверждения индивидуальных прав какого-либо государства, не являющегося стороной в деле. Такой спор не может быть передан на рассмотрение в Суде посредством вступления в дело.

Суд счел, что просьба о разрешении вступить в дело со стороны Италии входит в категорию, которая, как это демонстрирует сама Италия, удовлетворена быть не может. Такой вывод вытекает из любого из двух подходов, изложенных выше, и, следовательно, Суд не должен делать выбор между ними.

Поскольку Суд счел, что он не должен выходить за рамки соображений, которые, по его мнению, необходимы для принятия решения, различные другие вопросы, поставленные перед Судом в ходе разбирательства и касающиеся условий и осуществления вступления в дело в соответствии со статьей 62 Статута, решением затрагиваться не должны. В частности, Суд, с тем чтобы принять решение относительно просьбы Италии о разрешении вступить в настоящее дело, не был обязан выносить суждение по вопросу о том, должно ли в целом любое вступление в дело на основе статьи 62 демонстрировать наличие действующей юрисдикционной связи в качестве условия его приемлемости.

Защита интересов Италии (пункты 39-43)

Италия также утверждала, что, если она не будет участвовать в слушаниях в качестве стороны, вступившей в дело, Суд не сможет выполнить порученную ему в соответствии со специальным соглашением задачу или, как минимум, столкнется со значительными трудностями. Признавая, что, если бы Суд был полностью осведомлен относительно требований и претензий Италии, у него было бы больше возможностей дать сторонам указания, которые позволили бы им разграничить свои районы континентального шельфа без каких-либо затруднений (даже хотя в ходе настоящего слушания была представлена достаточная информация для целей обеспечения прав Италии), Суд отметил, что вопрос заключается не в том, являлось бы участие Италии полезным или даже необходимым для Суда, а в том, исходя из неучастия Италии, будет ли ущемлен правовой интерес Италии или имеется вероятность того, что он будет затронут решением.

Суд счел, что можно учесть интерес правового характера Италии, а также других государств средиземноморского региона, ответив на вопросы, поставленные в специальном соглашении. Права, на которые претендует Италия, должны быть обеспечены статьей 59 Статута, которая предусматривает, что «решение Суда обязательно лишь для участвующих в деле сторон и лишь по данному делу». Из этого следует, что принципы и нормы международного права, которые, как считает Суд, применимы к делимитации между Ливией и Мальтой, и указания Суда в отношении их применения на практике, могут послужить опорой для сторон в деле против любого другого государства. Кроме того, нет сомнений, что Суд в своем предстоящем решении по этому делу учтет как факт существование других государств, у которых есть претензии в этом регионе. Действие решения не будет ограничено лишь статьей 59 Статута; в нем будет четко и ясно указано, что оно не наносит ущерба правам собственности третьих государств.

Толкование статьи 62 (пункты 44-46)

Возвращаясь к вопросу о том, должна ли вступающая сторона устанавливать юрисдикционную связь между собой и основными сторонами в деле, Суд отметил, что уже кратко изложил происхождение и эволюцию статьи 62 Статута Суда в своем решении от 14 апреля 1981 года, касающемся просьбы Мальты о разрешении вступить в дело *Туниса/Ливии*. Суд счел возможным вынести решение по настоящему заявлению без разрешения сложного вопроса о «действительной связи юрисдикции» (см. выше), и более нет необходимости говорить, что Суд убежден в мудрости выводов, сделанных его предшественником в 1922 году, в отношении того, что ему не следует предпринимать попытки решать в Регламенте Суда различные поднятые вопросы, а следует решать их по мере их возникновения на практике и в свете обстоятельств каждого конкретного дела.

Постановляющая часть (пункт 47)

По этим причинам Суд счел, что заявление Итальянской Республики с просьбой о разрешении вступить в дело в соответствии со статьей 62 Статута Суда удовлетворено быть не может.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Элиас; судьи Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Эль-Хани, де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи; судьи *ad hoc* Хименес де Аречага и Кастаньеда.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *Вице-председатель* Сетте-Камара; судьи Ода, Аго, Швобель и сэр Роберт Дженнингс.

72. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ ВОЕННЫХ И ВОЕННОГО ХАРАКТЕРА ДЕЙСТВИЙ В НИКАРАГУА И ПРОТИВ НИКАРАГУА (НИКАРАГУА ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ) (ВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ)

Постановление от 10 мая 1984 года

Постановлением, принятым по делу, касающемуся военных и военного характера действий в Никарагуа и против Никарагуа, Суд:

А. отверг просьбу Соединенных Штатов Америки о снятии дела с рассмотрения и

В. указал следующие временные меры, до принятия окончательного решения;

В.1. Соединенные Штаты Америки должны немедленно прекратить (и впредь воздерживаться от таковых) любые действия, ограничивающие доступ в порты Никарагуа и выход из них, и, в особенности, установку мин;

В.2. право на суверенитет и на политическую независимость, которым обладает Республика Никарагуа, как и любое другое государство региона или всего мира, должно полностью уважаться и не должно быть никоим образом поставлено под угрозу какими-либо военными или военного характера действиями, запрещенными в соответствии с принципами международного права, в частности, с тем принципом, что в своих международных отношениях государства воздерживаются от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, а также с тем принципом, который касается обязанности не вмешиваться в дела, относящиеся к внутренней компетенции любого государства, — принципами, включенными в Устав Организации Объединенных Наций и Устав Организации американских государств;

В.3. Соединенные Штаты Америки и Никарагуа должны обеспечить, чтобы не предпринималось никаких действий, которые могли бы обострить или углубить спор, представленный в Суд;

В.4. Соединенные Штаты Америки и Никарагуа должны обеспечить, чтобы не предпринималось никаких действий, способных нанести ущерб правам другой стороны в отношении выполнения любого решения, которое может быть вынесено Судом.

Настоящие решения приняты единогласно, за исключением пункта В.2, который был принят четырнадцатью голосами против одного.

Состав Суда был следующим:

Председатель Элиас, *Вице-председатель* Сетте-Камара, *судьи* Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, Эль-Хани, Швебель, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи.

*
*
*

Судьи Мослер и сэр Роберт Дженнингс приложили к постановлению Суда совместное частное мнение.

Судья Швебель, голосовавший против пункта В.2 постановления, приложил особое мнение. (Краткое изложение этих мнений приведено в приложении к данному постановлению).

Судебное разбирательство
(пункты 1-9)

В своем постановлении Суд напомнил, что 9 апреля 1984 года Никарагуа возбудила судебное дело против Соединенных Штатов Америки в отношении спора, касающегося ответственности за военные и военного характера действия в Никарагуа и против Никарагуа. На основании фактов, приводимых в заявлении, Никарагуа просила Суд установить в судебном порядке и объявить (среди прочего):

— что Соединенные Штаты Америки нарушали в прошлом и продолжают нарушать свои обязательства в отношении Никарагуа, принятые ими в соответствии с несколькими международными договорами и общим и обычным международным правом;

— что Соединенные Штаты Америки обязаны немедленно прекратить продолжение всякого применения силы против Никарагуа, всех нарушений суверенитета, территориальной неприкосновенности и политической независимости Никарагуа, всякой поддержки любого рода всех, участвующих в военных или военного характера действиях в Никарагуа или против Никарагуа, и всех попыток ограничить доступ в порты Никарагуа или выход из них;

— что на Соединенных Штатах Америки лежит обязательство выплатить Никарагуа репарации за ущерб, нанесенный в результате этих нарушений.

В тот же день Никарагуа настоятельно просила Суд указать временные меры:

«— чтобы Соединенные Штаты Америки немедленно прекратили продолжение оказания, прямо или косвенно, любой поддержки — включая обучение, вооружение, поставку боеприпасов, снабжение, помощь, финансирование, руководство или любую другую форму поддержки — любой стране, группе, организации, движению или отдельному лицу, принимающему участие или предполагающему принять участие в военных или военного характера действиях в Никарагуа или против Никарагуа;

— чтобы Соединенные Штаты Америки немедленно прекратили продолжение любых военных или военного характера действий своих собственных должностных лиц, агентов или сил в Никарагуа или против Никарагуа и любого другого применения силы или угрозы силой в своих отношениях с Никарагуа».

Вскоре после возбуждения этого судебного дела Соединенные Штаты Америки уведомили Секре-

тариат Суда, что они назначили представителя для целей данного дела и, будучи убежденными, что Суд в данном случае неправомочен, просили Суд не допустить дальнейшего судебного разбирательства и снять дело с рассмотрения (письмо от 13 и 23 апреля 1984 года). 24 апреля, приняв во внимание письмо, датированное тем же числом, полученное от Никарагуа, Суд решил, что в этих условиях у него нет достаточных оснований согласиться с просьбой Соединенных Штатов Америки.

Правомочность (пункты 10-26)

Заявление Никарагуа и просьба Соединенных Штатов Америки снять дело с рассмотрения (пункты 10-21)

Никарагуа утверждает, что она основывает правомочность Суда для рассмотрения данного дела на заявлениях сторон, признающих обязательную юрисдикцию Суда в соответствии с пунктом 2 статьи 36 Статута Суда, а именно, на заявлении, сделанном Соединенными Штатами Америки 26 августа 1946 года, и заявлении, сделанном Никарагуа 24 сентября 1929 года. В соответствии с системой международного судебного регулирования спорных вопросов согласие государств составляет основу юрисдикции Суда и одно государство, признавшее юрисдикцию Суда в соответствующем заявлении, может, для того чтобы возбудить какое-либо дело в Суде, полагаться на заявление, в котором другое государство тоже признало юрисдикцию Суда.

Никарагуа утверждает, что она признала обязательную юрисдикцию Постоянной палаты международного правосудия своим заявлением от 24 сентября 1929 года, которое, как она считает, сохраняет силу и в соответствии с пунктом 5 статьи 36 Статута настоящего Суда, считается признанием обязательной юрисдикцией этого Суда¹.

Соединенные Штаты Америки настаивают на том, что Никарагуа вообще не ратифицировала Протокол о подписании Статута Постоянной палаты международного правосудия, что Никарагуа вообще не стала участником Статута Постоянной палаты и, следовательно, заявление, сделанное Никарагуа в 1929 году, вообще не вступало в силу и что Никарагуа нельзя считать признавшей обязательную юрисдикцию настоящего Суда в силу статьи 36 его Статута. Поэтому Соединенные Штаты Америки просят Суд не допускать какого-либо дальнейшего разбирательства дела и снять его с рассмотрения.

Со своей стороны, Никарагуа утверждает, что она должным образом ратифицировала Протокол о подписании Статута Постоянной палаты, и приводит ряд положений в поддержку юридической действи-

тельности своего заявления 1929 года. Обе стороны подробно изложили свои аргументы в заявлениях, сделанных в Суде.

* * *

Суд приходит к заключению, что в данном случае вопрос состоит в том, может ли Никарагуа, представив заявление о признании юрисдикции Постоянной палаты, претендовать на то, чтобы быть «государством, принявшим такое же обязательство» по смыслу пункта 2 статьи 36 Статута и тем самым требовать применения заявления, сделанного Соединенными Штатами Америки. Поскольку утверждения сторон указывают на наличие «спора о подсудности дела Суду», вопрос должен быть урегулирован решением Суда после заслушивания сторон. В силу этого Суд не может удовлетворить просьбу Соединенных Штатов Америки о безотлагательном снятии дела с рассмотрения.

Заявление Соединенных Штатов Америки (пункты 22 и 23)

Соединенные Штаты Америки оспаривают юрисдикцию Суда в данном деле, основываясь также на заявлении, которое они представили 6 апреля 1984 года; говоря о своем заявлении 1946 года, они утверждают, что в соответствии с последним заявлением, заявление 1946 года «не применяется в отношении споров с каким-либо государством Центральной Америки или возникающих в результате событий в Центральной Америке или связанных с таковыми»; заявление же 1984 года «вступает в действие немедленно и будет оставаться в силе в течение двух лет». Поскольку, по их мнению, спор с Никарагуа безусловно соответствует условиям исключения из действия заявления 1946 года, содержащимся в заявлении от 6 апреля 1984 года, они считают, что заявление 1946 года не предоставляет Суду юрисдикции для рассмотрения данного дела. Со своей стороны, Никарагуа считает, что заявление от 6 апреля 1984 года не могло изменить заявления 1946 года, которое остается в силе, поскольку его действие не было прекращено надлежащим образом.

Заключение (пункты 24-26)

Суд отмечает, что ему не следует указывать временные меры, если не будет явствовать, что положения, применения которых требует заявитель, не составляют *prima facie* базу, на которой может быть основана его юрисдикция. В данный момент ему не нужно определять юридическую действительность или недействительность заявления Никарагуа от 24 сентября 1929 года, и решать вопрос о том, может или не может Никарагуа тем самым основываться на заявлении Соединенных Штатов Америки от 16 августа 1946 года, или вопрос о том, исключается ли в результате заявления США от 6 апреля 1984 года заявление Никарагуа из сферы признания Соединенными Штатами Америки обязательной юрисдикции Суда с момента принятия заявления от 6

¹ Согласно пункту 5 статьи 36 Статута Суда, заявление, сделанное на основании Статута Постоянной палаты и «продолжающее оставаться в силе», считается в отношении между участниками Статута Суда признанием ими юрисдикции Международного Суда на неистекший срок действия этого заявления.

апреля 1984 года. Суд приходит к выводу, что заявления, представленные двумя сторонами соответственно в 1929 и 1946 годах, тем не менее, говорят о том, что тем самым представлена база, на которой может быть основана юрисдикция Суда.

Временные меры (пункты 27-40)

В постановлении излагаются обстоятельства, которые, как утверждает Никарагуа, требуют указания временных мер, и материал, представленный ею в поддержку своих утверждений. Правительство Соединенных Штатов заявило, что Соединенные Штаты не намерены заниматься обсуждением фактов, на которые ссылается Никарагуа, поскольку отсутствует юрисдикция, но они не признают никаких фактических свидетельств, приводимых Никарагуа. В распоряжении Суда имелась значительная по объему информация относительно фактов данного дела, включая официальные заявления американских властей, и он должен рассмотреть вопрос о том, требуют ли обстоятельства, на которые обращено его внимание, указания временных мер, но Суд дает четкое разъяснение относительно того, что право ответчика оспаривать приводимые факты не должно быть нарушено в результате его решения.

Изложив те права, которые, по утверждению Никарагуа, должны быть срочно защищены путем указания временных мер, Суд рассматривает три возражения, выдвинутые Соединенными Штатами (кроме возражения относительно юрисдикции) против указания таких мер.

Во-первых, указание временных мер станет вмешательством в переговоры, которые ведутся в контексте работы Контадорской группы, и непосредственно затронет права и интересы государств, не являющихся сторонами в данном деле; во-вторых, эти переговоры составляют региональный процесс, и на Никарагуа лежит обязательство честно вести переговоры в рамках этого процесса; в-третьих, в заявлении Никарагуа поднимаются вопросы, которые было бы правильнее представить на решение политических органов Организации Объединенных Наций или Организации американских государств.

Никарагуа оспаривает, что контадорский процесс, в котором она принимает активное участие, имеет отношение к данному делу, отрицает, что ее иск может ущемить права других государств, и напоминает о принятых ранее Судом решениях, в силу чего, по ее мнению, Суд не должен отклонять решение преимущественно юридической задачи просто потому, что рассматриваемый им вопрос переплетается с политическими вопросами.

* * *

Суд приходит к выводу, что обстоятельства требуют, чтобы он указал временные меры, как это предусматривается статьей 41 Статута, для сохранения заявленных прав. Он подчеркивает, что его решение ни в коей мере не предпринимает вопрос о его юрисдикции в рассмотрении данного дела по суще-

ству и не затрагивает права правительства Соединенных Штатов и правительства Никарагуа представить аргументы в отношении такой юрисдикции или такого существа.

* * *

На этом основании Суд выносит решение, полный текст которого воспроизводится ниже:

ПОСТАНОВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ РЕШЕНИЯ

Суд*,

А. Единогласно,

отвергает просьбу Соединенных Штатов Америки о прекращении разбирательства заявления, представленного Республикой Никарагуа 9 апреля 1984 года, и просьбы об указании временных мер, представленной в тот же день Республикой Никарагуа, путем снятия с рассмотрения данного дела;

В. *указывает* впредь до вынесения им окончательного решения по судебному делу, возбужденному 9 апреля 1984 года Республикой Никарагуа против Соединенных Штатов Америки, следующие временные меры:

1. единогласно,

Соединенные Штаты Америки должны немедленно прекратить продолжение любых действий, ограничивающих, блокирующих или ставящих под угрозу доступ в порты Никарагуа или выход из них, и, в особенности, установку мин;

2. четырнадцатью голосами против одного

право на суверенитет и на политическую независимость, которым обладает Республика Никарагуа, как и любое другое государство региона или всего мира, должно полностью уважаться и никоим образом не должно быть поставлено под угрозу какими-либо военными или военного характера действиями, запрещенными в соответствии с принципами международного права, в частности, с тем принципом, что в своих международных отношениях государства воздерживаются от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, и с тем принципом, который касается обязанности не вмешиваться в дела, относящиеся к внутренней компетенции любого государства, — принципами, воплощенными в Уставе Организации Объединенных Наций и Уставе Организации американских государств.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Элиас; *Вице-председатель* Сетте-Камара; *судьи*: Лякс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, Эль-Хани, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи.

*В следующем составе: *Председатель* Элиас; *Вице-председатель* Сетте-Камара; *судьи*: Лякс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, Эль-Хани, Швель, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судья Швებель.

3. единогласно

правительства Соединенных Штатов Америки и Республики Никарагуа должны — каждое из них — обеспечить, чтобы не предпринималось никаких действий какого бы то ни было рода, которые могли бы обострить или углубить спор, представленный в Суд.

4. единогласно

правительства Соединенных Штатов Америки и Республики Никарагуа должны — каждое из них — обеспечить, чтобы не предпринималось никаких действий, которые могли бы нанести ущерб правам другой стороны в отношении выполнения любого решения, которое может быть вынесено Судом по данному делу.

C. единогласно

постановляет далее, что до тех пор, пока Суд не вынесет своего окончательного решения по данному делу, он будет постоянно держать в поле зрения вопросы, охватываемые данным постановлением.

D. единогласно

постановляет, что письменное судопроизводство будет сначала направлено на рассмотрение вопросов о правомочности Суда для принятия данного спора к производству и о приемлемости заявления Никарагуа для рассмотрения;

и резервирует право решить в дальнейшем назначить сроки упомянутого письменного судопроизводства и последующего разбирательства.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ
К ПОСТАНОВЛЕНИЮ СУДА

*Частное мнение судей Суда Мослера и сэра Роберта
Дженнингса*

Судьи Мослер и Дженнингс в частном мнении подчеркнули, что обязанность воздержаться от незаконного применения силы или угрозы силой и от вмешательства в дела другого государства относится к Никарагуа в той же мере, что и к Соединенным Штатам Америки; и что оба государства имеют обязательство проводить честные переговоры в контексте регионального урегулирования.

Особое мнение члена Суда Швებеля

Судья Швებель голосовал за отказ Суда удовлетворить просьбу Соединенных Штатов снять с рассмотрения дело, возбужденное Никарагуа, на основании неподсудности, и голосовал также за указание Суда, чтобы Соединенные Штаты не ограничивали доступ в порты Никарагуа и выход из них, особенно

путем минирования. Он выразил «решительное» несогласие с тем положением в постановлении Суда, в котором заявлено, что право на суверенитет и на политическую независимость, которым обладает Никарагуа, «должно полностью уважаться и никоим образом не должно быть поставлено под угрозу какими-либо военными или военного характера действиями, запрещенными в соответствии с принципами международного права». Судья Швებель охарактеризовал содержащееся в данном положении «подчеркивание прав Никарагуа — в деле, по которому сама Никарагуа обвиняется в нарушении территориальной неприкосновенности и политической независимости своих соседей» — как «необоснованное» и «не совместимое с принципами равенства государств и коллективной безопасности».

Судья Швებель заметил, что обвинения, выдвинутые Соединенными Штатами против Никарагуа, «не менее тяжкие по своей серьезности», чем обвинения Никарагуа в адрес Соединенных Штатов, и что аналогичные обвинения были выдвинуты против Никарагуа Сальвадором, Гондурасом и Коста-Рикой. Эти три государства Центральной Америки не являются участниками в данном деле. Тем не менее, Соединенные Штаты вправе утверждать, что Никарагуа нарушает их безопасность, и Суд может на этом основании действовать. Ибо права, которые являются предметом спора в данном деле, «не зависят, — утверждает член Суда Швებель, — от узких соображений соучастия в спорном деле, находящемся на рассмотрении Суда. Они зависят от широких соображений коллективной безопасности». У каждого государства есть «юридическая заинтересованность» в соблюдении принципов коллективной безопасности. Соответственно, упоминание перед Судом Соединенными Штатами того, что они считали незаконными действиями Никарагуа против других государств Центральной Америки, было оправдано «не потому, что США могут выступать вместо Коста-Рики, Гондураса и Сальвадора, а потому, что упоминаемое нарушение их безопасности со стороны Никарагуа есть нарушение безопасности Соединенных Штатов».

Судья Швებель заявил, что считал возможным голосовать за то положение постановления Суда, в котором говорится о минировании — и которое обращено только к Соединенным Штатам — потому что Соединенные Штаты не утверждали перед Судом, что Никарагуа минирует порты и воды иностранных государств.

Судья Швებель поддержал решение Суда, отвергнувшего попытку Соединенных Штатов оспорить юрисдикцию Суда, поскольку на стадии указания временных мер все, что нужно было сделать Никарагуа, это создать *prima facie* базу, на которой могла быть основана юрисдикция Суда.

73. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ ВОЕННЫХ И ВОЕННОГО ХАРАКТЕРА ДЕЙСТВИЙ В НИКАРАГУА И ПРОТИВ НИКАРАГУА (НИКАРАГУА ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ) (ЗАЯВЛЕНИЕ О ВСТУПЛЕНИИ В ДЕЛО)

Постановление от 4 октября 1984 года

Своим постановлением Суд решил девятью голосами против шести не проводить слушания представленного Сальвадором заявления о вступлении в дело, касающееся военных и военного характера действий в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки).

Тем же самым постановлением Суд также решил четырнадцатью голосами против одного отложить дальнейшее рассмотрение вопроса о приемлемости вступления Сальвадора в дело на более позднюю стадию судебного разбирательства.

* * *

По первому пункту судьи Руда, Мослер, Аго, Швобель, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер голосовали против.

По второму пункту судья Швобель голосовал против.

* * *

Постановляющая часть решения содержит следующие положения:

«Суд

i) девятью голосами против шести постановляет не проводить слушания заявления о вступлении в дело Республики Сальвадор.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Элиас; *Вице-председатель* Сетте-Камара; судьи Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Ода, Эль-Хани, Мбайе, Беджауи.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судья Швобель.

Судьи Нажендра Сингх, Ода и Беджауи приложили к постановлению частные мнения; члены Суда Руда, Мослер, Аго, сэр Роберт Дженнингс и де Лашаррьер приложили совместное частное мнение, а член суда Швобель приложил особое мнение.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ
К ПОСТАНОВЛЕНИЮ СУДА

Частное мнение судьи Нажендры Сингха

В своем частном мнении член Суда Нажендра Сингх указал, что поскольку Заявление Сальвадора о вступлении в дело на данном этапе судебного производства реально касается существа дела и, если бы слушание было разрешено в данное время, то неизбежно были бы сделаны заявления по существу дела, что привело бы к двум слушаниям по существу — первому сейчас и второму, если и когда Суд будет

рассматривать существо вопроса. Это привело бы к путанице, а потому нежелательно и неприемлемо. Поэтому Суд, расставив все в правильном порядке и последовательности, отметил намерение Сальвадора вступить в дело на следующем этапе его рассмотрения, если и когда Суд будет рассматривать существо спора. Как бы то ни было, отношение к Сальвадору не было несправедливым, потому что Суд сохранил право вступления в дело, которое может быть рассмотрено на последующей стадии разбирательства. Бессмысленно предпринимать слушание на данном этапе, когда Суд четырнадцатью голосами против одного пришел к выводу, что вступление Сальвадора в дело неприемлемо. В таких обстоятельствах Сальвадор будет заслушан в соответствующее время с учетом обоснования и аргументов, которые были представлены Суду Сальвадором в поддержку своего вступления в дело.

Совместное частное мнение судей Руды, Мослера, Аго, сэра Роберта Дженнингса и де Лашаррьера

Судьи Руда, Мослер, Аго, сэр Роберт Дженнингс и де Лашаррьер приложили совместное частное мнение, заключающееся в том, что хотя они согласны с Судом в том, что заявление Сальвадора о вступлении в дело на данном этапе разбирательства неприемлемо, они придерживаются того мнения, что если бы Суд предоставил слушание государству, желающему вступить в дело, это бы более соответствовало принципам судебной беспристрастности.

Частное мнение судьи Оды

Судья Ода считал, что Заявление Сальвадора о вступлении в дело, представленное 15 августа 1984 года, было изложено неясно и явно не удовлетворяло требованиям статьи 82 b) и c) Правил процедуры Суда для вступления в дело на данном этапе, но позднее оно было дополнено его сообщениями от 10 и 17 сентября, которые могли бы соответствовать условиям статьи 84. Он сожалеет о том, что Суд, который располагал лишь мнениями Никарагуа и Соединенных Штатов о первом представлении Сальвадора, не выяснил их взглядов на два последующих сообщения, полученных от Сальвадора, в особенности о допустимости вступления Сальвадора в дело на этапе установления юрисдикции Суда.

Если бы замечания Никарагуа были истолкованы как возражения против вступления Сальвадора в дело на том этапе — а, по мнению члена Суда Оды, именно так они и должны быть истолкованы, — тогда, совершенно ясно, что должен был быть применен пункт 2 статьи 84. Он голосовал против слушания только потому, что его интерпретация мнения Суда состояла в том, что Никарагуа не выдвигала возражений.

Судья Ода также выразил сожаление в связи с тем, что 8 октября уже было определено как дата начала прений между Никарагуа и Соединенными Штатами, даже до того, как Суд 4 октября провел заседание для обсуждения вопроса о заявлении Сальвадора. Фактически просьба Сальвадора о слушании и вопрос о приемлемости его вступления в дело на данном этапе установления юрисдикции Суда решались вместе 4 октября, после всего лишь однодневного обсуждения.

Если бы не вышеизложенное, заявление Сальвадора могло быть первым случаем вступления в дело в соответствии со статьей 63 Статута, который рассматривался бы Судом на этапе установления юрисдикции Суда в каком-либо деле.

Частное мнение судьи Беджауи

Судья Беджауи указал, что, по его мнению, нельзя выступать за отказ удовлетворить просьбу о вступлении в дело и одновременно за проведение слушания для рассмотрения той же самой просьбы. Поскольку Суд пришел к заключению, что просьба Сальвадора о вступлении в дело не может быть принята, проведение слушания логически не имело бы цели.

Особое мнение судьи Швებель

Судья Швებель выразил несогласие с постановлением Суда по двум позициям. Он утверждал, что решение Суда не проводить слушания по заявлению Сальвадора было отходом от необходимой законной процедуры, которую Суд традиционно соблюдал.

Он пришел к выводу, что хотя вопрос не совсем ясен, Сальвадор имел право на вступление в дело, и что поскольку Суд отказался заслушать Сальвадора, то любые сомнения должны были быть разрешены в пользу приемлемости его заявления о вступлении в дело.

Судья Швებель интерпретировал заявление Сальвадора как просьбу о вступлении в дело на основании толкования статей Статута Суда, Устава Организации Объединенных Наций и трех межамериканских договоров, а также заявлений, представленных Суду в соответствии с его Статутом, признающих его обязательную юрисдикцию. По его мнению, Никарагуа, якобы не возражая против вступления Сальвадора в дело, выдвинула возражения, что требовало слушания в соответствии с обязывающим положением статьи 84 (2) Правил процедуры Суда, которое гласит, что если представлено возражение относительно приемлемости заявления о вступлении в дело, «Суд заслушивает государство, выражающее желание вступить в дело, и стороны, участвующие в деле, перед принятием решения». Он утверждал, что заявление Сальвадора приемлемо для рассмотрения, потому что в соответствии со статьей 63 Статута Суда вступление в дело может произойти на этапе установления юрисдикции Суда, и, во-вторых, потому что оно может иметь отношение к толкованию конвенций, которые включают Устав Организации Объединенных Наций и Статут Суда, а также межамериканские договоры, на которые ссылался Сальвадор. Если заявления о признании обязательной юрисдикции Суда нельзя рассматривать как конвенции, тогда Суд должен был бы исключить только этот аспект вступления Сальвадора в дело.

74. ДЕЛО О ДЕЛИМИТАЦИИ МОРСКОЙ ГРАНИЦЫ В РАЙОНЕ ЗАЛИВА МЭН

Решение от 12 октября 1984 года

В своем решении по делу о делимитации морской границы в районе залива Мэн (Канада/Соединенные Штаты) Камера Суда постановила четырьмя голосами против одного,

«Что единая морская граница, которая разделяет континентальный шельф и исключительные зоны рыболовства Канады и США в этом районе, упоминаемом в Специальном соглашении между этими двумя государствами от 29 марта 1979 года, будет проходить по геодезическим линиям, соединяющим точки со следующими координатами:

	Северная широта	Западная долгота
A.	44°11'12"	67°16'46"
B.	42°53'14"	67°44'35"
C.	42°31'08"	67°28'05"
D.	40°27'05"	65°41'59"

(Местоположение этих точек см. на карте 4)

Голоса распределились следующим образом:

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Аго; судьи Мослер и Швებель; Судья *ad hoc* Коэн.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судья Гро.

Состав камеры: *Председатель* Аго; судьи Гро, Мослер, Швებель; судья *ad hoc* Коэн.

* * *

Судья Швებель приложил к решению Суда частное мнение, а судья Гро — особое мнение.

В своих приложенных мнениях соответствующие судьи изложили и обосновали свои позиции в отношении некоторых положений, содержащихся в решении Суда.

* * *

I. *Специальное соглашение и юрисдикция камеры* (пункты 1-27)

Резюмировав результаты различных стадий процесса и приняв формальные представления сторон (пункты 1-13), камера принимает во внимание положения Специального соглашения, на основании которых данное дело принимается к производству. Согласно пункту 1 статьи II Специального соглашения

«требуется решить на основании принципов и правил международного права, применимого в таком споре, как между данными сторонами, следующий вопрос:

как должна проходить единая морская граница, разделяющая континентальный шельф и зоны рыболовства Канады и Соединенных Штатов Америки, начиная от точки с координатами 44°11'12" северной широты и 67°16'46" западной долготы до точки, которую должна определить камера в пределах района, ограниченного прямыми линиями, соединяющими следующие геодезические координаты: 40° северной широты, 67° западной долготы; 40° северной широты, 65° западной долготы; 42° северной широты, 65° западной долготы».

(Для определения местоположения начальной точки и конечного района делимитации см. приложение 2, карта 1).

Камера отмечает, что Специальное соглашение не налагает никаких ограничений на ее юрисдикцию, кроме тех, которые вытекают из условий данного вопроса, и что права третьих государств в морском и подводном районах, к которым относится данное дело, ни в какой мере не могут быть затронуты делимитацией. Она также отмечает, что поскольку дело представлено в соответствии со Специальным соглашением, никаких предварительных вопросов о юрисдикции не возникало. Единственная возможная проблема, которая может возникнуть в теоретическом плане, заключается в следующем: должна ли и, если должна, то в какой степени камера придерживаться условий Специального соглашения в отношении исходной точки линии, которая будет проведена (пункт А), и треугольником, в пределах которого эта линия должна заканчиваться. Отмечая причины выбора сторонами упомянутых точек и района, камера усматривает решающее обоснование для неприятия никаких иных исходной точки и конечного района в том факте, что в соответствии с международным правом взаимное соглашение между заинтересованными государствами является предпочтительной процедурой для установления морских границ; поскольку Канада и Соединенные Штаты по взаимному согласию предприняли шаг в направлении разрешения спора между ними, которым не следует пренебрегать, камера должна при решении возложенной на нее задачи согласиться с теми условиями, которые были определены сторонами.

Камера отмечает существование глубокого различия между рассматриваемым ею делом и другими делами, связанными с делимитацией, которые передавались для рассмотрения в Суд. Они заключаются в следующем: а) от камеры требуется провести раз-

граничивающую линию как таковую, а не просто решить задачу, предваряющую определение линии; и b) требуемая делимитация не относится исключительно к континентальному шельфу, но она относится к континентальному шельфу и к зоне рыболовства, причем граница между ними должна быть единой. Что касается пункта b), то камера придерживается мнения, что в международном праве не содержится никакого правила или какого-либо реального препятствия, запрещающего ей определить такую линию.

II. *Район разграничения* (пункты 28-59)

Камера считает необходимым дать более точное определение географического района — залива Мэн, в пределах которого должна быть произведена делимитация. Она констатирует, что залив Мэн, который именуется таким образом, является широким углублением берега на восточном побережье североамериканского континента, имеющим приблизительно форму вытянутого прямоугольника, короткие стороны которого образуют преимущественно побережьями Массачусетса на западе и Новой Шотландией на востоке; длинная — со стороны материка — образуется побережьем Мэна от мыса Элизабет и кончается государственной границей между Соединенными Штатами и Канадой, а четвертая — со стороны Атлантического океана — образуется воображаемой линией, соединяющей Нантакет с мысом Сейбл, которую стороны согласились признать в качестве «закрывающей границы» залива Мэн.

Камера подчеркивает квази-параллельное направление противоположных побережий Массачусетса и Новой Шотландии. Она указывает, что ссылку на «короткие» и «длинные» стороны не следует толковать как поддержку идеи разделения линий побережья на «первостепенные» и «второстепенные». Такое разделение является всего лишь выражением человеческой оценки, которая неизбежно оказывается субъективной и может варьироваться в зависимости от преследуемых целей при тех же самых фактических данных. Она также указывает, ссылаясь на некоторые аргументы, выдвинутые сторонами, что географические реалии есть результат природных явлений, которые могут восприниматься лишь такими, какими они являются.

Делимитация, отмечает камера, не ограничивается лишь заливом Мэн, но включает за пределами залива еще морское пространство, в том числе Джорджес-Банк — основной предмет спора. Камера, однако, отвергает аргументы сторон, пытающихся включить побережья, кроме тех, которые непосредственно окружают залив, с целью растянуть район делимитации на такие пространства, которые фактически не имеют с ним ничего общего.

Отметив, что до сих пор она основывалась на аспектах, относящихся к физической географии, камера переходит к рассмотрению геологических и геоморфологических характеристик района. Она отмечает, что стороны согласны с тем, что геологические факторы в данном случае не имеют значения,

и делает вывод, что, учитывая единство и единообразие морского дна, нет геоморфологических оснований для проведения различия между соответственными естественными продолжениями побережий Соединенных Штатов и Канады в континентальный шельф района делимитации: даже Северовосточное течение, являющееся наиболее примечательным образованием, не имеет характеристик истинного разлома, разделяющего два геоморфологически различных образования.

Что касается другого составляющего элемента района делимитации, «столба воды», камера отмечает, что, хотя Канада подчеркивает факт его единообразия, Соединенные Штаты ссылаются на факт существования трех различных экологических режимов, разделяемых естественными границами, самой важной из которых является Северовосточное течение. Камера, однако, не убеждена в том, что в такой изменчивой среде, как океанические воды, какая-либо естественная граница может служить основанием для проведения делимитации требуемого типа.

III. История происхождения и развитие спора (пункты 60-78)

Сославшись на Декларацию Трумэна 1945 года, камера кратко изложила историю происхождения и развитие спора, который впервые возник в отношении континентального шельфа в 60-е годы, как только обе стороны начали разведку нефти, в частности на некоторых участках Джорджес-Банк. В 1976-1977 годах произошли события, которые присвоили к спору в отношении шельфа споры о водах и их живых ресурсах, поскольку оба государства продолжали определять свою исключительную зону рыболовства в 200 миль от побережья и приняли постановления, определяющие пределы этой зоны и континентального шельфа, на которые они претендовали. В своем резюме переговоров, которые впоследствии привели к передаче этого дела в Суд, камера отмечает, что в 1976 году Соединенные Штаты установили линию, разграничивающую континентальный шельф и зоны рыболовства, и что Канада признала эту первую линию в 1976 году (приложение 2, карта 2).

Камера принимает во внимание соответствующие разграничительные линии, предлагаемые теперь каждой из сторон (приложение 2, карта 3). Канадская линия, определяемая подобно линии 1976 года как равноотстоящая, построена почти полностью от ближайших точек основной линии, от которой измеряется широта территориального моря. Эти точки представляют собой исключительно острова, скалы или подъемы дна, обнажающиеся при отливе, однако основные точки на массачусетском побережье, первоначально выбранные для линии 1976 года, были отодвинуты к западу, а поэтому новая линия уже не учитывает выступа, образуемого мысом Код и островом Нантакет, и соответственно смещена к западу. Линия, предложенная Соединенными Штатами, расположена перпендикулярно к общему направлению береговой линии с точки отсчета, согласованной обеими сторонами, и скорректирована так,

чтобы не рассекать основные рыболовные отмели. Она отличается от «линии Северовосточного течения», принятой в 1976 году, которая, по утверждению авторов, основывается на принципе равноотстояния с поправкой на особые обстоятельства, в соответствии с правилом статьи 6 Женевской конвенции 1958 года. Камера отмечает, что две последовательные линии, предложенные Канадой, были проведены прежде всего с учетом континентального шельфа, тогда как обе линии, предложенные Соединенными Штатами, были первоначально проведены на основе различных соображений, но обе учитывали существенное значение режима зоны рыболовства.

IV. Применимые принципы и нормы международного права (пункты 79-112)

Отметив, что термины «принципы и нормы» по сути означают одно и то же, камера подчеркивает, что следует проводить различие между такими принципами и нормами и тем, что скорее является справедливыми критериями или практическими методами, обеспечивающими подход к конкретной ситуации именно с позиции этих принципов и норм. По своей природе обычное международное право может только предоставить несколько основных правовых принципов, служащих ориентиром, но от него нельзя ожидать указания справедливых критериев, которые должны применяться, или практических методов, которыми следует воспользоваться. Однако в отношении международного договорного права, возможно, дело обстоит иначе.

Чтобы определить принципы и нормы международного права, регламентирующие делимитацию морского пространства, камера начинает с рассмотрения Женевской конвенции от 29 апреля 1958 года о континентальном шельфе, которая была ратифицирована обеими сторонами в данном споре, каждая из которых признает также, что ее положения являются для них действующими. В частности, камера рассматривает пункты 1 и 2 статьи 6, из которых можно вывести принцип международного права, говорящий о том, что любая делимитация континентального шельфа, осуществленная в одностороннем порядке одним государством без учета мнения другого заинтересованного государства (или государств), не может быть произведена в ущерб последним. К этому принципу можно присовокупить скрытое правило, что любое соглашение или иное эквивалентное решение должно быть связано с применением критерия справедливости. Камера продолжает рассматривать влияние на эту проблему различных решений Суда и комментировать работу третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву, отмечая, что некоторые положения, касающиеся континентального шельфа и исключительной экономической зоны, были приняты без возражений в Конвенции 1982 года и могут считаться соответствующими в настоящее время общему международному праву, регулирующему такие вопросы.

Что касается позиций сторон в свете этих выво-

дов, то камера отмечает их согласие в отношении существования основных норм международного права, требующих в определении единой морской границы в соответствии с применимым правом, с принципами справедливости, с учетом всех сопутствующих обстоятельств, с тем чтобы достигнутый результат был справедливым. Однако между сторонами нет более согласия, если каждая из них по отдельности ищет подтверждения, что международное право, возможно, содержит другие обязательные нормы в той же самой области. Камера отвергает канадский аргумент географического прилегания исходя из того, что существует правило, согласно которому государство, любая часть которого менее удалена от зон, подлежащих делимитации, чем территория другого заинтересованного государства, имеет право на признание этой зоны своею. Камера считает также неприемлемым проведенное Соединенными Штатами различие между «первичными» и «вторичными» побережьями и, следовательно, преференциальную связь якобы существующую между «основными» побережьями и морским и подводным районами, расположенными непосредственно перед ними.

В заключение этой части своего рассмотрения камера излагает более точную формулировку основной нормы, признаваемой сторонами:

«Никакая делимитация морских границ между государствами с противоположными или прилежащими побережьями не может быть осуществлена в одностороннем порядке ни одним из этих государств. Такую делимитацию следует стремиться осуществить посредством соглашения, достигнутого в результате переговоров, проведенных в духе доброй воли и с искренним намерением достичь позитивных результатов. Однако, если такое соглашение не может быть достигнуто, делимитация должна быть проведена путем обращения к третьей стороне, обладающей необходимой компетенцией.

В любом случае делимитация должна осуществляться с применением критерия справедливости и с использованием практических методов, способных обеспечить, с учетом географической конфигурации района и иных относящихся к делу обстоятельств, достижение справедливого результата» (пункт 112).

V. *Критерий справедливости и практические методы, применимые при делимитации* (пункты 113-163)

Обращаясь к вопросу критериев и методов, способных обеспечить достижение справедливых результатов, применение которых предписывается вышеупомянутыми нормами, камера придерживается мнения, что их следует искать не в обычном, а в позитивном международном праве, и в этой связи она рассматривает те из них, которые предусмотрены статьей 6 Конвенции 1958 года о континентальном шельфе (средняя линия, когда страны имеют противоположащие побережья, и боковая равноотстоящая справедливая линия, когда побережья являются прилежащими). Камера указывает, что дого-

ворное обязательство относительно делимитации границ континентального шельфа не может быть распространено на лежащие над ним воды и, отвергнув аргумент Канады, состоящий в том, что объединенное правило справедливости и особых обстоятельств стало нормой общего международного права, устанавливает, что статья 6, остающаяся в силе для обеих сторон, не влечет за собою ни для них, ни для камеры никакого правового обязательства применять ее положения к настоящей делимитации.

Затем камера переходит к вопросу о том, не могло ли обязательство такого рода возникнуть в результате поведения сторон и не могло ли поведение одной из сторон составлять молчаливое согласие на применение особого метода или привести к *modus vivendi* в отношении линии, соответствующей такому применению. Занявшись сначала канадским аргументом о том, что поведение США вынудило какую-то форму согласия на применение метода равного отстояния, особенно в районе Джорджес-Банк, камера устанавливает, что опираться на молчаливое согласие или лишение права возражения не разрешается при таких обстоятельствах и что поведение сторон не доказывает существования какого-то *modus vivendi*. Что же касается аргументации США, основанной на отсутствии реакции со стороны Канады на декларацию Трумэна, то это соответствует претензии на то, что делимитация должна осуществляться в соответствии с принципами справедливости; следовательно, позиция Соединенных Штатов по этому вопросу заключается в том, чтобы сослаться на «основную норму», признаваемую обеими сторонами. На основе такого анализа камера приходит к заключению, что стороны при настоящем состоянии права, регламентирующего отношения между ними, не обязаны в соответствии с договорным или иным правом применять определенные критерии или определенные методы для установления единой морской границы и что камера не имеет такого обязательства тоже.

В отношении возможных критериев камера не считает, что было бы полезно предпринять более или менее полное их перечисление среди тех, которые теоретически являются применимыми, или оценку их большей или меньшей степени справедливости. Она также отмечает, что в отношении практических методов ни один из них по сути не принесет большей справедливости или не будет в большей степени полезным, чем другие, и что должна присутствовать готовность принять сочетание различных методов, если того требуют обстоятельства.

VI. *Критерии и методы, предложенные сторонами, и линия раздела, проведенная в результате их применения к делимитации* (пункты 164-189)

Коль скоро спор приобрел его современную двусторонность (сначала континентальный шельф, а затем зоны рыболовства), обе стороны позаботились о том, чтобы указать и опубликовать их соответствующие претензии, предлагая применить весьма сильно отличающиеся друг от друга критерии и использовать совершенно разные практические ме-

тоды. Каждая сторона предлагала последовательно по два варианта линии разграничения (приложение 2, карты 2 и 3).

Соединенные Штаты сначала предложили (1976 год) критерий, придающий решающее значение природным, особенно экологическим факторам района. Предложенная ими линия разграничения приблизительно соответствовала расположению наибольших глубин, оставляя Джермен-Банк в Канаде, а Джорджес-Банк — США. Камера считает, что эта линия, стимулированная прежде всего целью распределения рыбных ресурсов в соответствии с «природными» критериями, слишком подчинена одному аспекту зоны рыболовства, чтобы считаться справедливой в отношении всей проблемы. В 1982 году США предложили вторую линию с общим направлением побережья в качестве основной идеи разделения, применив в качестве критерия фронтальную проекцию первичной береговой линии. В результате получился перпендикуляр к основному направлению береговой линии, скорректированный, однако, с учетом различных обстоятельств, имеющих к этому отношение, таких, например, как рыболовные отмели. Камера считает почти необходимым условием применения такого метода требование, чтобы граница, которая будет проведена, касалась двух стран, чьи территории расположены друг за другом на относительно прямой линии побережья, по крайней мере на некотором расстоянии. Но было бы трудно представить себе менее подходящим случай для применения такого метода, чем залив Мэн. Более того, обстоятельства заставят сделать такое количество корректировок, что характер этого метода будет деформирован полностью.

Что же касается канадских предложений, камера считает, что две эти линии, предложенные соответственно в 1976 и 1977 годах, основываются на одном и том же критерии равного раздела спорных районов и одном и том же методе равноотстояния. Канада описывает первую линию как строго равноотстоящую, а вторую — как равноотстоящую с поправкой на выступ острова Нантакет и полуострова Кейп-Код, ссылаясь на якобы географические аномалии, которыми Канада имеет право пренебречь, вследствие чего ее линия смещена в западном направлении. Камера отмечает, что в рассматриваемом деле разница в длине береговых линий двух государств в районе делимитации особенно заметна и является веским основанием для корректировки, даже если этот фактор сам по себе не представляет ни критерия, ни метода делимитации. Кроме того, канадская линия, по-видимому, не учитывает разницу между двумя ситуациями, четко определенную Конвенцией 1958 года, а именно ситуацию прилегающих побережий и ситуацию противоположащих побережий, и не принимает во внимание тот факт, что взаимосвязь бокового прилегания, с одной стороны — части побережья Новой Шотландии и его продолжения через выход из залива Фанди, а с другой — побережья залива Мэн — открывает путь связи фронтального противоположения между другими соответствующими частями побережья Новой Шотландии и побережья Массачусетса. Канадская линия не учитывает этой новой связи, являющейся тем не менее характерной

особенностью объективной ситуации, в контексте которой должна проводиться делимитация.

VII. *Критерии и методы, которые камера сочла приемлемыми. Линия, проведенная на основе их применения к процессу делимитации (пункты 190-229)*

Камера считает, что, учитывая все эти соображения, она должна дать собственное, не зависящее от сторон решение. Оно должно исключить те критерии, которые какими бы справедливыми они сами по себе не казались, не пригодны для делимитации ни одного из двух объектов, в отношении которых требуется провести делимитацию, а именно континентального шельфа и зоны рыболовства. Предпочтение неизбежно будет отдаваться критериям, которые в силу своего более нейтрального характера в большей степени подходят для многоцелевой делимитации. Камера считает себя обязанной обратиться в данном деле к критериям, в большей степени связанным с географией, и ее выбор падет неизбежно на критерии, которые нацелены на равное разделение районов, где морские проекции побережий государств, между которыми должна быть проведена делимитация, соприкасаются в одной точке или перекрывают друг друга. Однако, некоторые корректировки должны быть внесены в отношении отдельных последствий применения данного критерия, которое может оказаться неразумным, так что может неизбежно потребоваться применить параллельно дополнительные критерии. Что же касается практических методов, которые должны применяться, с тем чтобы обеспечить действенность вышеуказанных критериев, камера считает, что, как и сами критерии, они должны быть основаны в первую очередь на географии и пригодны как для делимитации морского дна и его недр, так и для делимитации находящихся над ним вод и их живых ресурсов. Поэтому в конечном счете только геометрический метод может быть пригоден.

Обращаясь к конкретному выбору методов, которые она считает целесообразными для применения критериев справедливости, камера отмечает, что конфигурация побережья залива Мэн исключает любую возможность образования границы с помощью в основном единонаправленной линии, учитывая изменения ситуации, отмечающиеся в географии залива. Только в северо-восточном секторе залива преобладающим взаимоотношением побережий Соединенных Штатов и Канады является боковое прилегание. Сектор, ближайший к линии закрытия, является сектором противоположения. По мнению камеры, из этого явствует, что между точкой А и линией от Нантакета до мыса Сейбл, то есть в пределах самого залива Мэн, делимитационная линия должна охватывать два сегмента.

Первый сегмент, ближайший к терминалу международной границы, не содержит особенностей, препятствующих разделению на, по возможности, равные части зон перехлеста, образовавшихся в результате морских проекций береговых линий обоих государств. Отказываясь от применения боковой равноотстоящей линии по причине, как обнаружи-

лось, возникающих, в этой связи неудобств, камера придерживается метода проведения из точки А двух перпендикуляров к двум основным береговым линиям, а именно линии от мыса Элизабет до терминала международной границы и линии, начинающейся там же, до мыса Сейбл. В точке А перпендикуляры образуют угол 278°. Именно двойной сектор этого угла рекомендуется в качестве первого сектора линии делимитации.

Второй сегмент Палата образует в два этапа. Во-первых, она принимает решение относительно метода, который будет применяться, учитывая квази-параллелизм побережий Новой Шотландии и Массачусетса. Поскольку эти побережья противоположны, применение геометрического метода может в результате свестись лишь к проведению срединной разграничивающей линии, приблизительно параллельной побережьям. Камера, однако, приходит к выводу, что хотя срединная линия была бы совершенно законной, если бы международная граница заканчивалась в самой середине побережья в глубине залива; на самом же деле она расположена в северо-восточном углу прямоугольника, который геометрически представляет форму залива, и применение срединной линии привело бы к нецелесообразному результату, поскольку это дало бы Канаде такое морское пространство, как если бы вся восточная часть залива Мэн принадлежала ей, а не Соединенным Штатам. Поэтому камера сочла необходимым второй этап, на котором она скорректировала бы срединную линию с учетом такого несомненно важного обстоятельства, как разница в протяженности побережий этих двух государств, окружающих район делимитации. Поскольку общая протяженность береговых линий, принадлежащих Соединенным Штатам, составляет приблизительно 284 морские мили, а принадлежащих Канаде (включая часть побережья залива Фанди) — приблизительно 206 морских миль, соотношение протяженности этих береговых линий составляет 1,38 к 1. Однако необходима дополнительная корректировка, ввиду наличия острова Сил у побережья Новой Шотландии. Камера считает излишним считать береговую линию Новой Шотландии смещенной к юго-западу на всем расстоянии между островом Сил и этим побережьем, и поэтому полагает, что было бы целесообразно отнести половиною расстояния за счет присутствия этого острова. Принимая это во внимание, соотношение, которое будет применяться для определения положения скорректированной срединной линии на линии, проходящей через залив между точками наибольшего сближения побережий Новой Шотландии и Массачусетса (то есть между оконечностью мыса Кейп-Код и точкой Чебог) становится 1,32 к 1. Поэтому второй сегмент делимитации будет соответствовать исправленной таким образом срединной линии от его пересечения с бисектором, проведенным из точки А (первый сегмент) в точку, где он достигает линии выхода из залива (приложение 2, карта 4).

Что касается *третьего сегмента* делимитации, относящегося к части района делимитации, расположенной за пределами залива Мэн, то эта часть расположена на продолжении линии в открытый

океан. Совершенно очевидно, что наиболее целесообразным геометрическим методом для этого сегмента является проведение перпендикуляра к линии выхода из залива. Одним из преимуществ этого метода будет то, что этому отрезку линии придается практически то же самое направление, которое было предложено обеими сторонами для последнего сегмента соответствующих линий. Что же касается той точки закрывающей линии, из которой должен быть восстановлен перпендикуляр в направлении открытого моря, она совпадает с пересечением этой линии и скорректированной срединной линии. Начиная с этой точки, третий сегмент пересекает Джорджес-Банк между точками линии, уходящей в глубь на 100 морских саженей, со следующими координатами:

42°11'8" северной широты, 67°11'0" западной долготы
41°10'1" северной широты, 66°17'9" западной долготы

Конечная точка этого последнего сегмента будет расположена в пределах треугольника, определенного Специальным соглашением, и совпадет с последней точкой в районе перехлеста соответствующих 200-мильных зон, на которые претендуют эти два государства.

VIII. Проверка справедливости полученных результатов (пункты 230-241)

После проведения линии делимитации по просьбе сторон, камера должна выполнить свою последнюю задачу, проверив, можно ли считать однозначно справедливыми полученные результаты в свете всех обстоятельств. Хотя такая проверка не является абсолютно необходимой, когда речь идет о первых двух сегментах линии, поскольку камера руководствовалась географическими параметрами, ситуация меняется в отношении третьего сегмента, а именно он и представляет особый интерес для государств, вследствие наличия в районе, который он пересекает, — Джорджес-Банк, на который делается основная ставка в судебном разбирательстве по причине потенциальных ресурсов его недр и экономического значения его рыболовного промысла.

С точки зрения Соединенных Штатов, решающим фактором является то, что Соединенные Штаты и их граждане осуществляли там рыболовство со времени получения независимости и даже еще раньше, деятельность, которую они осуществляли одни в течение большей части этого периода, сочеталась с другими видами деятельности, такими как навигационная помощь, спасательные работы, исследования, оборона и т.п. Канада же делала больший упор на социально-экономических аспектах, сосредоточив внимание на недавнем прошлом, особенно на последних 15 годах, и выдвигала в качестве принципа справедливости мысль о том, что единая морская граница должна обеспечить сохранность существующих структур рыболовства, которые, по ее мнению, имеют жизненно важное значение для прибрежных общин этого района.

Камера объясняет, почему она не может подпи-

саться под этими утверждениями и считает совершенно неприемлемым принимать во внимание масштабы рыболовства или добычи нефти в качестве критерия справедливости, применяемого для определения линии делимитации. По мнению камеры, вызывают законное беспокойство возможные пагубные последствия для существования и экономического развития населения этого региона, что по-видимому было бы в корне несправедливым. Она считает также, что нет причины опасаться такой угрозы в данном случае от выбранного камерой варианта линии делимитации, или, точнее, направления ее третьего сегмента, и приходит к выводу, что общий результат делимитации является справедливым. Принимая во внимание давнюю традицию дружеского и плодотворного сотрудничества на море между Канадой и Соединенными Штатами, камера считает, что стороны смогут преодолеть любые трудности и принять правильные меры для обеспечения положительных результатов своей деятельности в этой важной области. По этим причинам камера предлагает следующую формулировку решения.

ОПЕРАТИВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РЕШЕНИЯ КАМЕРЫ

«КАМЕРА

четырьмя голосами против одного

Постановляет,

что прохождение единой морской границы, которая разделяет континентальный шельф и исключительные зоны рыболовства Канады и Соединенных Штатов в районе, упомянутом в Специальном соглашении, заключенном между этими двумя государствами 29 марта 1979 года, должно определяться геодезическими линиями, соединяющими точки со следующими координатами:

	Северная широта	Западная долгота
A.	44°11'12"	67°16'46"
B.	42°53'14"	67°44'35"
C.	42°31'08"	67°28'59"
D.	40°27'05"	65°41'59"

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель Аго, судьи Мослер и Швобель, судья ad hoc Коен.*

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судья Гро.*

(Приведенные выше координаты см. на карте 4).

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ К РЕШЕНИЮ КАМЕРЫ

Частное мнение судьи Швобеля

Судья Швобель голосовал за решение камеры, поскольку он согласен в основном с анализом и аргументацией и считает проведенную в результате линию «справедливой». С его точки зрения, камера имела право исключить претензии как Канады, так и Соединенных Штатов не с целью достижения компромисса между ними, а потому что претензии были

недостаточно обоснованы, с точки зрения закона и справедливости. Было правильным, в противоположность позиции США, разделить Джорджес-Банк между Соединенными Штатами и Канадой. Однако судья Швобель утверждает, что линия делимитации, проведенная камерой, открыта для критики.

Линия правильно основывается на разделе территории перехлеста юрисдикцией Соединенных Штатов и Канады на равные части, при условии, однако, корректировки, учитывая тот факт, что большая часть залива Мэн ограничивается территорией Соединенных Штатов. По мнению судьи Швобеля, корректировка, произведенная камерой, является недостаточной, поскольку она считала протяженность побережий залива Фанди до пределов канадских территориальных вод частью залива Мэн. По его мнению, лишь та часть побережья залива Фанди, которая обращена к заливу Мэн, должна включаться в расчеты соотношения. Если бы это было сделано, линия делимитации сдвинулась бы в направлении Новой Шотландии, и Соединенные Штаты получили бы значительно большую зону. Тем не менее, судья Швобель признает, что соображения справедливости, которые привели его и камеру к разным выводам по этому ключевому вопросу, могут иметь не одну, а несколько интерпретаций.

Особое мнение судьи Гро

Судья Гро указывает, что это дело приняло новый оборот с принятием Международным Судом решения от 24 февраля 1982 года по делу о *континентальном шельфе (Тунис против Ливийской Арабской Джамахирии)*. Это решение положило конец ситуации, возникшей в результате действия Конвенции о континентальном шельфе 1958 года в интерпретации Суда, данной в решении 1969 года о *континентальном шельфе Северного моря* и англо-французским арбитражным судом в решении от 1977 года.

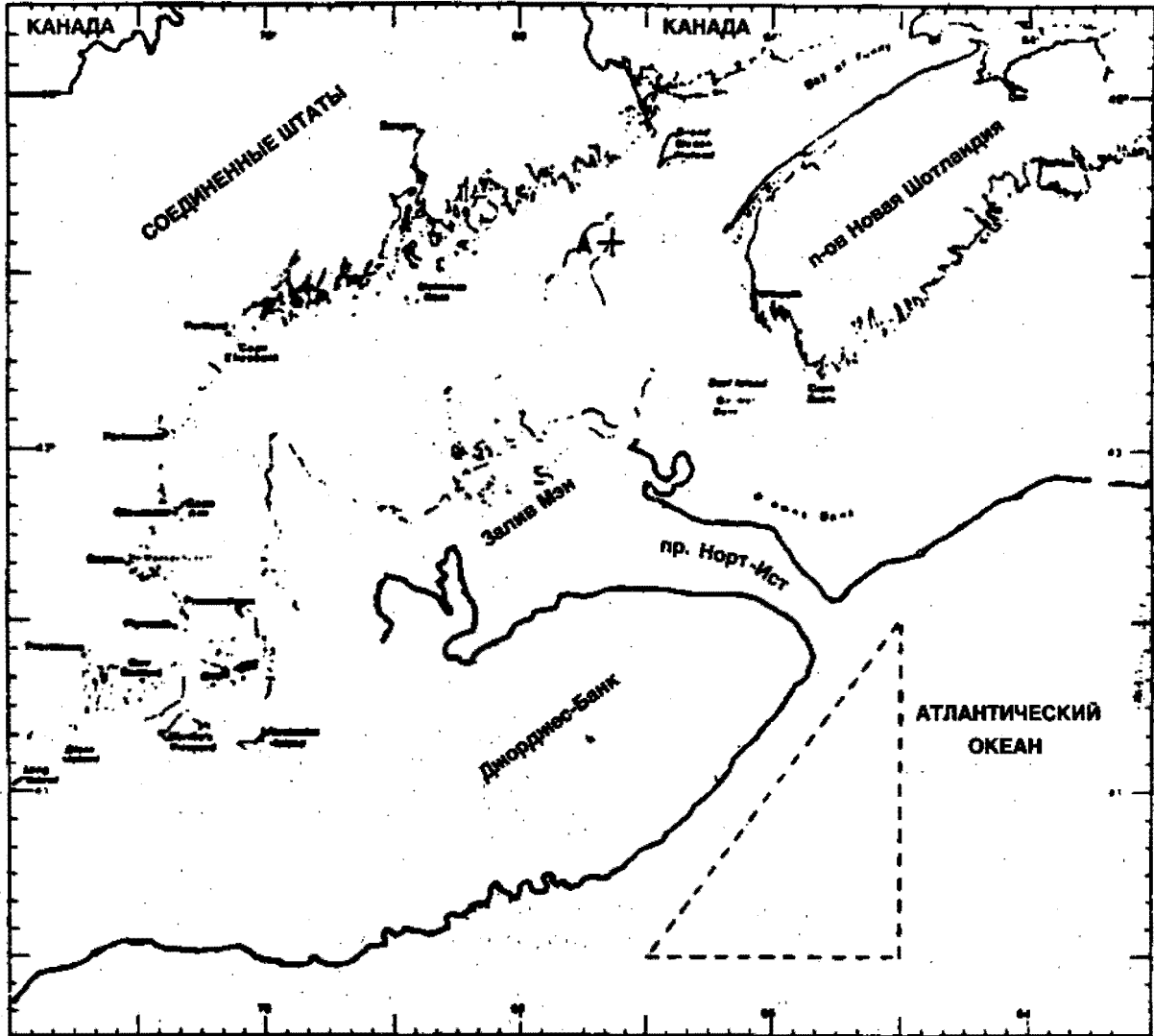
Это новый поворот, подтвержденный решением камеры, сводился исключительно к надежде на результаты работы третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву, но эта Конференция предложила использовать принцип соглашения плюс справедливости при делимитации морских границ, то есть приняла решение, которое судья Гро считает весьма слабым.

По мнению судьи Гро, расплывчатая концепция справедливости, отклоняющаяся от строго контролируемой справедливости 1969 и 1977 годов, также привела к отклонению от пути решения международных правовых споров, которые, как правило, передавались в суд (судья имеет в виду появление судов справедливости в Англии). Аргументация камеры логически подразумевает, считает Гро, что уже не существует никакой правовой нормы, регламентирующей делимитацию морского пространства, поскольку те принципы, на которые опиралась камера, методы, которые она использовала для их практического применения, и корректировки, внесенные в этот процесс в целом, превращают всю операцию, как считает судья Гро, в действие, в кото-

ром каждый судья может решать по своему усмотрению, что справедливо, а что — несправедливо.

Не заходя так далеко, чтобы утверждать, что линия, определенная камерой, несправедлива, судья

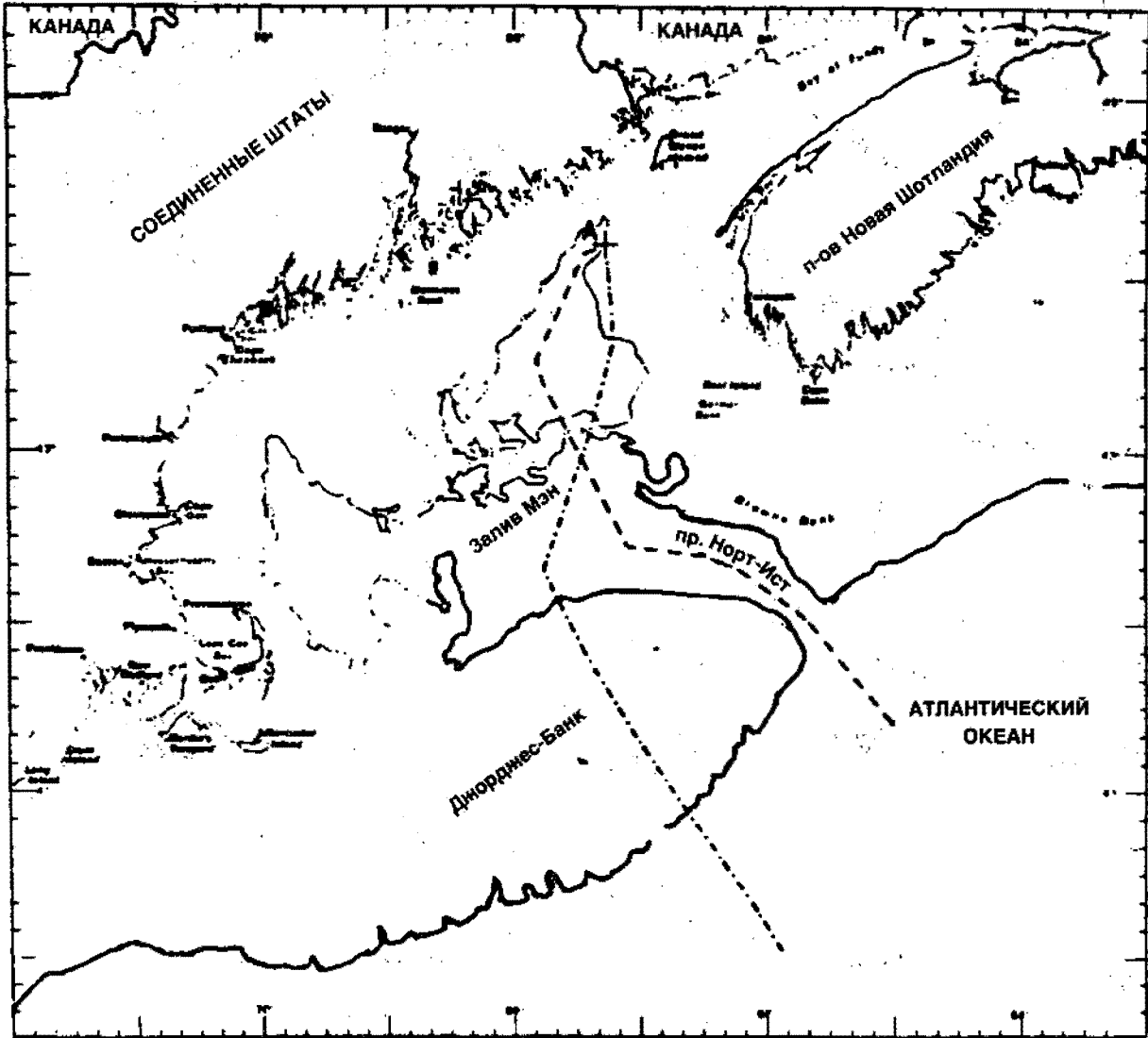
Гро задает вопрос: было ли доказано, что она является более справедливой, чем любая другая линия, рассматриваемая в ходе судебного разбирательства.

Карта 1

Общая карта региона, показывающая начальную точку линии делимитации и район, где она должна заканчиваться.

Эти карты, включенные в данное решение, были подготовлены на основе документов, представленных Суду сторонами, и их единственная цель заключается в том, чтобы обеспечить визуальную иллюстрацию соответствующих пунктов решения.

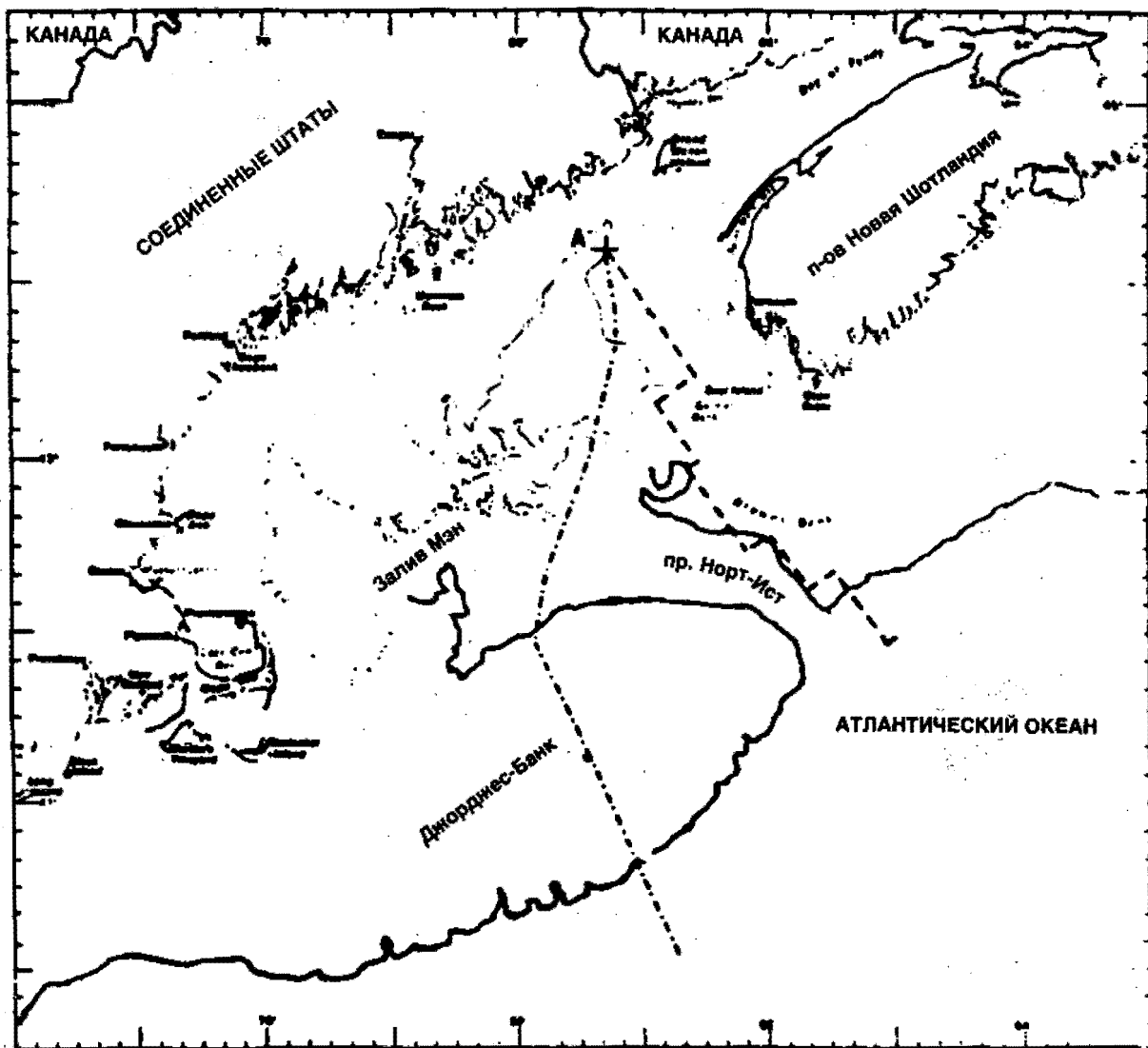

Линия, предложенная Соединенными Штатами ————
Линия, предложенная Канадой — · — · —

Карта 2

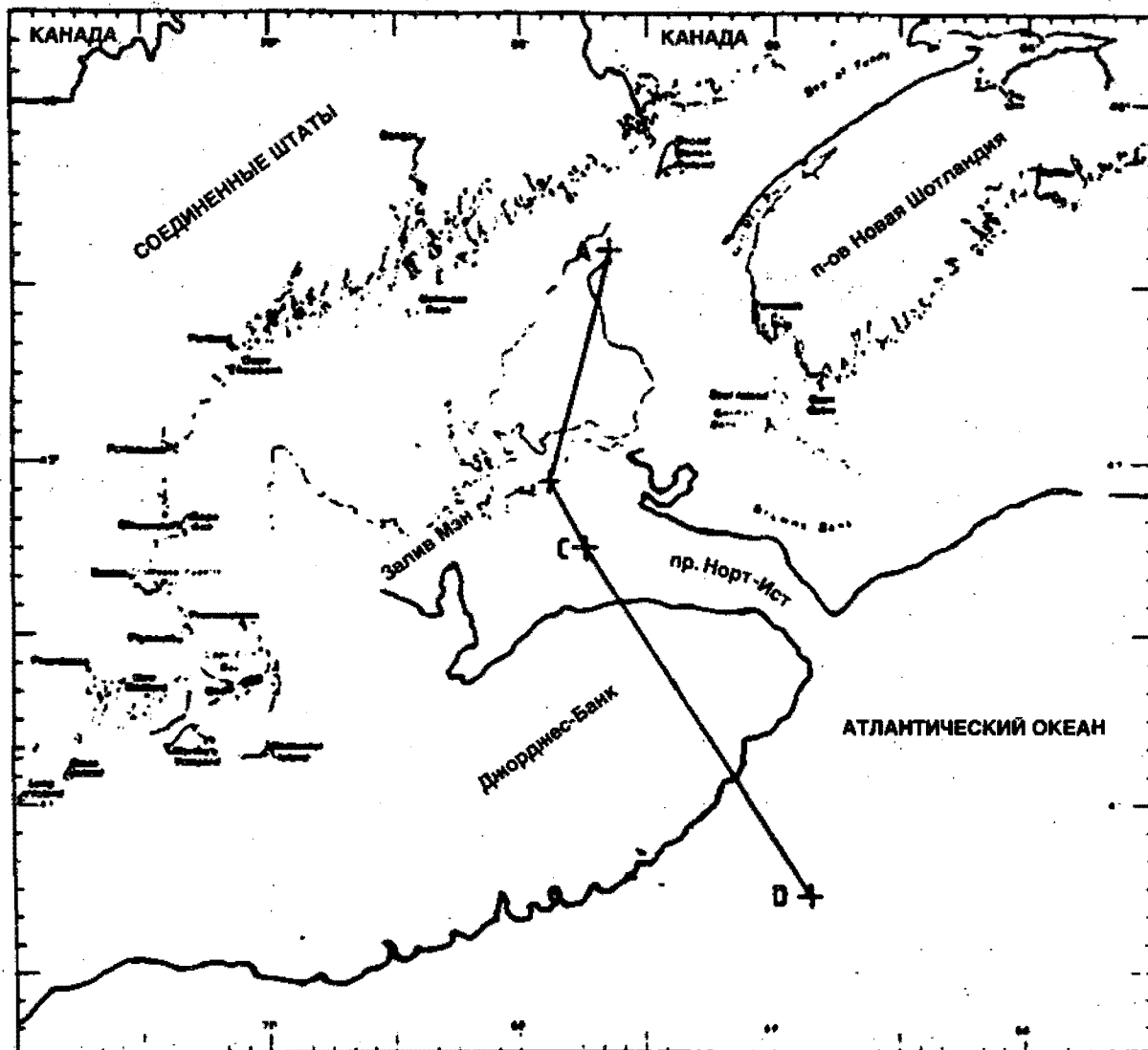
**Пределы зон рыболовства и континентального шельфа,
на которые претендуют стороны по состоянию на 1 марта 1977 года**

(см. пункты 68-70)

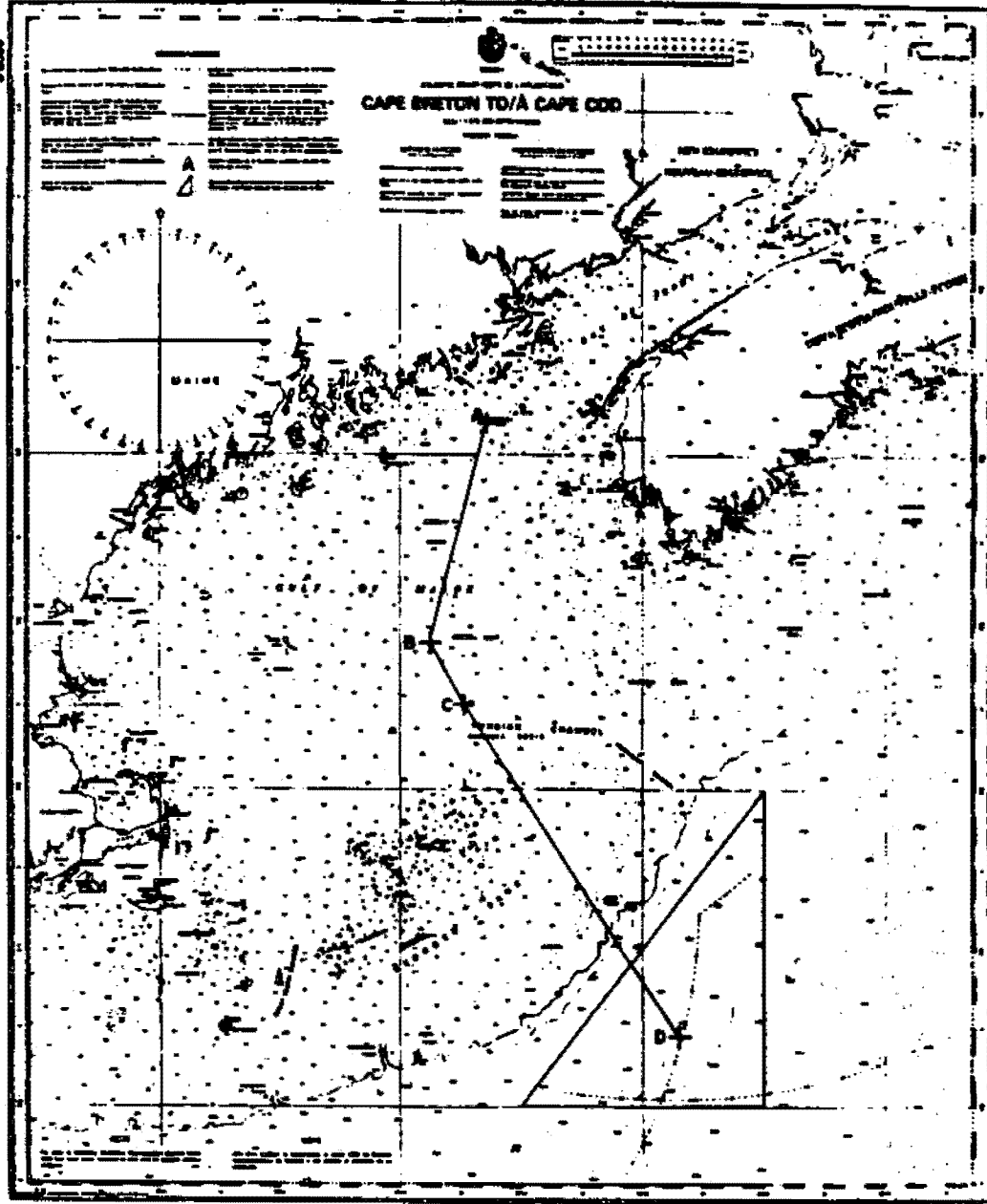
Линия, предложенная Соединенными Штатами ————
 Линия, предложенная Канадой

КАРТА 3
 Линии делимитации, предложенные сторонами камере
 (см. пункты 71, 77-78)

КАРТА 4

Линия делимитации, определенная камерой.

КАРТА 5

Линия делимитации, определенная камерой.

75. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ ВОЕННЫХ И ВОЕННОГО ХАРАКТЕРА ДЕЙСТВИЙ В НИКАРАГУА И ПРОТИВ НИКАРАГУА (НИКАРАГУА ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ) (ЮРИСДИКЦИЯ И ПОДСУДНОСТЬ)

Решение от 26 ноября 1984 года

В своем решении, вынесенном по делу, касающемуся военных и военного характера действий в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки), Суд установил — пятнадцатью голосами против одного, — что он обладает юрисдикцией для принятия дела к рассмотрению, и — единогласно, — что представленное Никарагуа заявление против Соединенных Штатов Америки подлежит рассмотрению.

Полный текст постановляющей части решения, вместе с результатами голосования, следующий:

«Суд,

1) а) *устанавливает* — одиннадцатью голосами против пяти, — что он обладает юрисдикцией для принятия к рассмотрению заявления, представленного Республикой Никарагуа 9 апреля 1984 года на основании пунктов 2 и 5 статьи 36 Статута Суда;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель Элиас; Вице-председатель Сетте-Камара; члены Суда: Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Эль-Хани, де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи; судья ad hoc Кольяр;*

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи: Мослер, Ода, Аго, Швобель и сэр Роберт Дженнингс.*

b) *устанавливает* — четырнадцатью голосами против двух, — что он обладает юрисдикцией для принятия к рассмотрению заявления, представленного Республикой Никарагуа 9 апреля 1984 года, поскольку это заявление касается спора относительно толкования или применения Договора о дружбе, торговле и мореплавании между Соединенными Штатами Америки и Республикой Никарагуа, подписанного в Манагуа 21 января 1956 года, на основании статьи XXIV упомянутого Договора;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель Элиас; Вице-председатель Сетте-Камара; судьи: Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Мослер, Ода, Аго, Эль-Хани, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи; судья ad hoc Кольяр;*

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи: Руда и Швобель;*

c) *устанавливает* — пятнадцатью голосами против одного, — что он обладает юрисдикцией для принятия к рассмотрению данного дела;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель Элиас; Вице-председатель Сетте-Камара; судьи: Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, Эль-Хани, сэр Роберт Дженнингс,*

де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи; судья ad hoc Кольяр;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судья Швобель;*

2) *устанавливает* — единогласно, — что упомянутое заявление принимается к рассмотрению».

* * *

Состав Суда был следующим: *Председатель Элиас; Вице-председатель Сетте-Камара; судьи: Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, Эль-Хани, Швобель, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи; судья ad hoc Кольяр.*

* * *

Судьи Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго и сэр Роберт Дженнингс приложили к решению частные мнения.

Судья Швобель приложил к решению особое мнение.

В этих мнениях упомянутые судьи изложили и объяснили позиции, занятые ими по отношению к некоторым пунктам, содержащимся в решении.

* * *

Судебное разбирательство и представления сторон (пункты 1-11)

Резюмировав различные этапы судебного разбирательства и изложив представления сторон (пункты 1-10), Суд напоминает, что дело касается спора между правительством Республики Никарагуа и правительством Соединенных Штатов, возникшего в результате военных и военного характера действий в Никарагуа и в водах около ее берегов, ответственность за которые Никарагуа возлагает на Соединенные Штаты. На данном этапе дело касается правомочности Суда принять к рассмотрению этот спорный вопрос и вынести по нему решение, а также приемлемости заявления Никарагуа, обратившегося с ним в Суд (пункт 11).

I. *Вопрос о правомочности Суда принять к рассмотрению данный спорный вопрос (пункты 12-83)*

A. *Заявление Никарагуа и пункт 5 статьи 36 Статута Суда (пункты 12-51)*

Для обоснования правомочности Суда Никарагуа опиралась на статью 36 Статута Суда и заявления, признающие обязательную юрисдикцию Суда, сделанные Соединенными Штатами и ею.

Относящиеся к делу тексты и историческая справка к заявлению Никарагуа
(пункты 12-16)

Пункт 2 статьи 36 Статута Международного Суда, гласит:

«Государства — участники настоящего Статута могут в любое время заявить, что они признают без особого о том соглашения, *ipso facto*, в отношении любого иного государства, принявшего такое же обязательство, юрисдикцию Суда обязательной по всем правовым спорам, касающимся:

- a) толкования договора;
- b) любого вопроса международного права;
- c) наличия факта, который, если он будет установлен, представит собой нарушение международного обязательства;
- d) характера и размеров возмещения, причитающегося за нарушение международного обязательства».

В соответствии с этим положением, 14 августа 1946 года Соединенные Штаты сделали заявление, содержащее оговорки, которые будут приведены ниже (стр. 11). В этом заявлении США провозгласили:

«данное заявление будет оставаться в силе в течение пяти лет и далее до истечения шести месяцев после возможного объявления о прекращении действия данного заявления».

Правительство Соединенных Штатов 6 апреля 1984 года вручило Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций нотификацию, подписанную государственным секретарем Джорджем Шульцем (далее именуемую «нотификация 1984 года»), касающаяся заявления 1946 года, в которой говорилось:

«вышеупомянутое заявление не будет применяться в отношении споров с каким-либо государством Центральной Америки или возникающих в результате событий в Центральной Америке или имеющих отношение к этим событиям, любые такие спорные вопросы будут решаться таким образом, который может быть согласован сторонами, участвующими в споре.

Несмотря на условия вышеупомянутого заявления, данное положение вступает в силу немедленно и остается в силе на два года с целью способствовать продолжающемуся региональному процессу регулирования спорных вопросов, добивающемуся путем переговоров найти решение взаимосвязанных политических и экономических проблем, а также проблем безопасности Центральной Америки».

Для того чтобы иметь возможность при обосновании юрисдикции в данном деле основываться на заявлении Соединенных Штатов от 1946 года, Никарагуа должна показать, что она является «государством, принявшим такое же обязательство», что и

Соединенные Штаты по смыслу пункта 2 статьи 36 Статута.

Для этой цели она основывается на заявлении, сделанном ею 24 сентября 1929 года во исполнение пункта 2 статьи 36 Статута Постоянной палаты международного правосудия, предшественницы настоящего Суда, которая гласит:

«Члены Лиги наций и государства, упомянутые в приложении к Уставу Лиги наций, могут либо при подписании или ратификации Протокола, к которому приложен настоящий Статут, либо позднее заявить, что они признают в качестве обязательной *ipso facto* и без особого о том соглашения в отношении любого иного члена Лиги или государства, принявшего такое же обязательство, юрисдикцию Палаты...»

в любой из тех же самых категорий правовых споров, перечисленных в пункте 2 статьи 36 Статута настоящего Суда.

Никарагуа основывается далее на пункте 5 статьи 36 Статута настоящего Суда, которая гласит:

«Заявления, сделанные на основании статьи 36 Статута Постоянной палаты международного правосудия, продолжающие оставаться в силе, считаются, в отношениях между участниками настоящего Статута, признанием или юрисдикции Международного Суда для себя обязательной на неистекший срок действия этих заявлений и в соответствии с условиями, в них изложенными».

В решении напоминаются обстоятельства, в которых Никарагуа сделала свое заявление: 14 сентября 1929 года в качестве члена Лиги наций она подписала Протокол подписания Статута Постоянной палаты международного правосудия¹: этот Протокол предусматривал, что он должен быть ратифицирован и что ратификационные грамоты должны быть направлены генеральному секретарю Лиги наций. 24 сентября 1929 года Никарагуа сдала генеральному секретарю Лиги заявление в соответствии с пунктом 2 статьи 36 Статута Постоянной палаты, которое гласит:

[Подлинный текст на французском языке]

«От имени Республики Никарагуа я признаю как обязательную без каких-либо оговорок юрисдикцию Постоянной палаты международного правосудия.

Женева, 24 сентября 1929 года.

(Подпись) Т. Ф. МЕДИНА»

Государственные власти в Никарагуа разрешили его ратификацию, и 29 ноября 1939 года министерство иностранных дел Никарагуа направило генеральному секретарю Лиги наций телеграмму, информируя его об отправке ратификационной грамоты. Однако в архивах Лиги не содержится никаких

¹ В то время как государство, принятое в члены ООН, автоматически становится участником Статута Международного Суда, государство — член Лиги наций становилось участником Статута Постоянной палаты международного правосудия только по своему желанию, и в этом случае от него требовалось присоединиться к Протоколу подписания Статута Палаты.

сведений о том, что была получена какая-либо ратификационная грамота, и не было представлено никаких доказательств, свидетельствующих о том, что такая ратификационная грамота когда-либо была направлена в Женеву. После второй мировой войны Никарагуа стала одним из членов — основателей ООН, ратифицировав ее Устав 6 сентября 1945 года; 24 октября 1945 года вошел в силу Статут Международного Суда, который образует неотъемлемую часть Устава ООН.

Заявления сторон
(пункты 17-23)
и *изложение мотивов Суда*
(пункты 24-42)

При таком состоянии дела Соединенные Штаты утверждают, что Никарагуа вообще не стала участником Статута Постоянной палаты и что поэтому ее заявление от 1929 года не является «продолжающим оставаться в силе» по смыслу текста на английском языке пункта 5 статьи 36 Статута настоящего Суда.

В свете аргументов Соединенных Штатов и противоположных им аргументов Никарагуа Суд стремится определить, можно ли было бы применить пункт 5 статьи 36 к заявлению Никарагуа от 1929 года.

Суд отмечает, что заявление Никарагуа было юридически действительным в то время, когда возник вопрос о применимости нового Статута, то есть Статута Международного Суда, поскольку в соответствии с системой Постоянной палаты международного правосудия заявление было юридически действительным только при том условии, что оно было сделано государством, подписавшим Протокол о подписании Статута. Оно не стало обязательным по этому Статуту, поскольку Никарагуа не сдала на хранение свою грамоту о ратификации Протокола подписания и поэтому не была участником Статута. Однако является бесспорным, что заявление от 1929 года могло бы приобрести обязательную силу. Все, что нужно было сделать Никарагуа, это сдать на хранение свою ратификационную грамоту, и она могла бы это сделать в любое время до того дня, когда начал свое существование новый Суд. Отсюда следует, что то заявление обладало определенным потенциальным действием, которое могло бы сохраняться долгие годы. Поскольку оно было сделано «без каких-либо оговорок» и было действительно на неограниченный период, оно сохраняло свое потенциальное действие в тот момент, когда Никарагуа стала участником Статута нового Суда.

С тем, чтобы прийти к заключению по вопросу о том, не могло бы действие заявления, не имевшего обязательной силы во времена Постоянной палаты, быть перенесено на Международный Суд благодаря действию пункта 5 статьи 36 Статута этого органа, Суд принял во внимание ряд соображений.

В отношении французского выражения “*roug une durée qui n'est pas encore éxpirée*”, примененного к заявлениям, сделанным при ранее существовавшей системе, Суд считает, что оно не подразумевает, что “*la durée non éxpirée*” (неистекший период) относится к какому-либо обязательству, носящему обязательный характер. Представляется, что обдуманый

выбор этого выражения означает намерение расширить сферу действия пункта 5 статьи 36, с тем чтобы охватить заявления, которые не приобрели обязательной силы. Английское выражение *still in force* («продолжающие оставаться в силе») прямо не исключает юридически действительное заявление, срок действия которого не истек, сделанное государством, не являющимся участником Протокола подписания Статута Постоянной палаты, и поэтому не носящее обязательный характер.

Что касается соображений, которыми руководствовались при передаче полномочий прежней Палаты новому Суду, то суд выражает то мнение, что главной заботой тех, кто составлял его Статут, было сохранение по возможности большей преемственности между ним и Постоянной палатой, и что их цель состояла в обеспечении того, чтобы при замене одного Суда другим не произошло движения назад по сравнению с тем прогрессом, который был достигнут в принятии системы обязательной юрисдикции. Логика общей системы перехода от старой Палаты к новому Суду привела к тем же самым последствиям ратификации нового Статута, что и ратификация Протокола подписания старого Статута, то есть в случае с Никарагуа — к преобразованию потенциального обязательства в действительное. Поэтому можно полагать, что Никарагуа дала свое согласие на перенос своего заявления на Международный Суд, подписав и ратифицировав Устав ООН и тем самым признав Статут и его пункт 5 статьи 36.

Относительно публикаций Суда, на которые ссылались стороны по противоположным причинам, Суд отмечает, что в них Никарагуа регулярно помещается в список тех государств, которые признали обязательную юрисдикцию Суда в силу пункта 5 статьи 36 Статута. Свидетельства, предоставляемые этими публикациями, являются совершенно официальными и открытыми, чрезвычайно многочисленными и охватывают период почти в 40 лет. На основании этих показаний Суд делает вывод, что поведение государств — участников Статута подтверждает такое толкование пункта 5 статьи 36 Статута, в соответствии с которым случай с Никарагуа охватывается действием положений этой статьи.

Поведение сторон
(пункты 43-51)

Никарагуа также заявляет, что юридическая действительность признания ею обязательной юрисдикции Суда находит независимую базу в поведении сторон. Она утверждает, что ее поведение на протяжении 38 лет недвусмысленно демонстрирует согласие с обязательством подчиняться обязательной юрисдикции суда, и что поведение Соединенных Штатов на протяжении того же самого периода недвусмысленно показывает признание ими юридической действительности заявления Никарагуа от 1929 года как принятие обязательной юрисдикции Суда. Однако Соединенные Штаты возражают на то, что утверждение Никарагуа не согласуется со Статутом, и, в частности, что обязательная юрисдикция должна быть основана на самом четком выражении государством намерения признать ее. Рас-

смотрев особые обстоятельства Никарагуа и отметив, что положение Никарагуа является совершенно уникальным, Суд считает, что с учетом источника и общего характера заявлений о том, что Никарагуа была связана своим заявлением от 1929 года, будет правильным сделать вывод о том, что постоянное согласие этого государства, выраженное в этих утверждениях, составляет юридически действительный способ проявления его намерения признать обязательную юрисдикцию Суда в соответствии с пунктом 2 статьи 36 Статута. Он далее считает, что в том, что касается лишения права ссылаться на заявление 1929 года, на котором основывались Соединенные Штаты и которое не дало бы Никарагуа возможности возбудить судебное дело против них в Суде, то нельзя сказать, что оно применимо к данному случаю.

Вывод: Суд поэтому устанавливает, что заявление Никарагуа от 1929 года юридически действительно и что Никарагуа соответственно для целей пункта 2 статьи 36 Статута Суда на день официальной подачи заявления являлась «государством, принявшим такое же обязательство», как и Соединенные Штаты, и в силу этого могла основываться на заявлении Соединенных Штатов от 1946 года.

В. Заявление Соединенных Штатов (пункты 52-76)

Нотификация 1984 года
(пункты 52-66)

Признание юрисдикции Суда Соединенными Штатами, на котором основывается Никарагуа, есть результат заявления США от 14 августа 1946 года. Однако США утверждают, что необходимо привести в действие письмо, направленное Генеральному секретарю ООН 6 апреля 1984 года (см. выше, стр. 4). Ясно, что если бы эта нотификация имела юридическую силу в отношении Никарагуа на день официальной подачи ею заявления, то в соответствии со статьей 36 Статута Суд не был бы правомочен его рассматривать. Изложив доводы сторон в этой связи, Суд указывает, что самым важным обстоятельством, относящимся к действию нотификации 1984 года, является вопрос о том, имели ли США право игнорировать условия их уведомления за шесть месяцев о прекращении действия их заявления от 1946 года, которое они свободно и по своему собственному выбору включили в упомянутое заявление, несмотря на обязательство, которое они приняли в отношении других государств, сделавших аналогичное заявление. Суд отмечает, что, по мнению Соединенных Штатов, действие заявления Никарагуа, срок которого не определен, подлежит немедленному прекращению, и Никарагуа не взяла на себя «такое же обязательство», что и США, и не может основываться на условии об уведомлении в том, что касается Соединенных Штатов. Суд не считает, что данный аргумент дает Соединенным Штатам юридически действительное право частично отменить условие об уведомлении, включенное в их заявление от 1946 года. По мнению Суда, понятие взаимности касается сферы действия и существа взятых сторонами обязательств, включая оговорки, а не фор-

мальных условий их появления на свет, продолжительности действия и аннулирования. Государство не может ссылаться на принцип взаимности для оправдания своего отхода от условий собственного заявления. США не могут основываться на принципе взаимности, поскольку, в заявлении Никарагуа вообще не содержится никаких ясно выраженных ограничений. Никарагуа, напротив, может ссылаться на уведомление за шесть месяцев в деле против США, и не на основе взаимности, а потому, что данное уведомление представляет собой обязательство, являющееся неотъемлемой частью документа, который его содержит. В силу этого нотификация 1984 года не может лишить юридического действия обязательства США подчиниться юрисдикции Суда в деле Никарагуа.

Оговорка США, связанная с многосторонним договором (пункты 67-76)

Остается решить вопрос, составляет ли заявление США от 1946 года необходимое согласие США с юрисдикцией Суда в данном деле, принимая во внимание оговорки, содержащиеся в их заявлении. Конкретно США сослались на условие с) этого заявления, которое предусматривает, что признание Соединенными Штатами обязательной юрисдикции Суда не распространяется на

«споры, возникающие в результате многостороннего договора, за исключением тех случаев, когда 1) все участники договора, интересы которых затрагиваются решением спора, являются также участниками в деле, представленном Суду, или 2) США специально дают согласие на юрисдикцию».

Эта оговорка далее будет именоваться «оговорка, связанная с многосторонним договором».

США утверждают, что Никарагуа в своем заявлении основывается на четырех многосторонних договорах и что в свете вышеупомянутой оговорки Суд может осуществлять юрисдикцию только в том случае, если все участники договоров, которых затрагивает будущее решение Суда, будут также участниками в деле.

Суд отмечает, что государства, интересы которых, по утверждению США, может затронуть будущее решение Суда, сделали заявление о признании обязательной юрисдикции Суда и имеют право в любое время обратиться в Суд с заявлением о возбуждении судебного дела или прибегнуть к побочной процедуре вступления в дело. В силу этого данные государства не являются беззащитными перед лицом любых последствий, которые могут возникнуть в результате вынесения решения Судом, и они не нуждаются в защите, предоставляемой оговоркой, связанной с многосторонним договором (в том, где они уже не защищены Статьей 59 Статута). Суд считает, что вопрос о том, какие государства могут быть затронуты его решением, совершенно очевидно не является проблемой юрисдикции, и у него нет иного выбора, кроме как объявить, что возражение, основанное на оговорке, связанной с многосторонним

договором, не носит в обстоятельствах данного дела исключительно предварительного характера.

Вывод: Суд устанавливает, что несмотря на нотификацию 1984 года со стороны США, заявление Никарагуа не исключается из сферы признания Соединенными Штатами обязательной юрисдикции Суда. Оба заявления составляют базу для его юрисдикции.

C. Договор о дружбе, торговле и мореплавании от 21 января 1956 года как база юрисдикции (пункты 77-83)

В своем меморандуме Никарагуа также основывается как на «дополнительной базе» юрисдикции Суда в данном деле на Договоре о дружбе, торговле и мореплавании, который она заключила с Соединенными Штатами 21 января 1956 года в Манагуа и который вступил в силу 24 мая 1958 года. Пункт 2 статьи XXIV Договора гласит:

«Любой спор между сторонами относительно толкования или применения настоящего Договора, не урегулированный к удовлетворению сторон дипломатическим путем, должен быть представлен на рассмотрение Международного Суда, если стороны не согласятся на его разрешение каким-либо иным мирным способом».

Никарагуа утверждает, что, как указано в ее заявлении, этот Договор нарушался и нарушается военными и военного характера действиями Соединенных Штатов. США заявляют, что, поскольку в заявлении Никарагуа не содержится никаких утверждений относительно каких-либо нарушений Договора, на рассмотрение Суда не представлены претензии в собственном смысле слова, по которым надо принимать решение, и, поскольку не было предпринято попыток разрешить спор дипломатическими средствами, арбитражная оговорка не может быть введена в действие. Суд считает необходимым убедиться в своей правомочности в соответствии с данным Договором, поскольку он установил, что содержащееся в заявлении США возражение, основанное на оговорке, связанной с многосторонним договором, не препятствует ему принять заявление Никарагуа к рассмотрению. По мнению Суда, тот факт, что одно государство в ходе переговоров с другим государством не заявило четко о том, что какой-либо конкретный договор был нарушен действиями этого другого государства, не препятствует первому государству сослаться на арбитражную оговорку, содержащуюся в упомянутом договоре. Соответственно, Суд устанавливает, что по договору 1956 года он обладает юрисдикцией принять к рассмотрению претензии, изложенные Никарагуа в ее заявлении.

II. Вопрос о приемлемости заявления Никарагуа (пункты 84-108)

Затем Суд обращается к вопросу о приемлемости заявления Никарагуа к рассмотрению. США утверждали, что оно неприемлемо по пяти самостоятельным основаниям, каждого из которых, по их мнению, достаточно, чтобы установить такую неприемлемость: считать ли его юридическим препят-

ствием для рассмотрения спора или «вопросом, требующим благоразумной осторожности в интересах чистоты судебной деятельности».

Первое основание неприемлемости (пункты 85-88), выставленное Соединенными Штатами, состоит в том, что Никарагуа не вызвала в Суд представителей сторон, присутствие и участие которых необходимо для защиты прав этих сторон и для рассмотрения спорных вопросов, поднятых в заявлении Никарагуа.

В этой связи Суд напоминает, что он выносит решения, обладающие обязательной силой в отношениях между сторонами в соответствии со статьей 59 Статута, и что государства, считающие, что их интересы могут быть затронуты этим решением, имеют право возбудить отдельное судебное дело или применить процедуру вступления в дело. Ни в Статуте, ни в практике международных трибуналов нет и следа правила «необходимых участников», которое можно представить себе только как параллель к полномочию, которым не обладает Суд, устанавливать, что стороной в судебном разбирательстве может быть третье государство. Ни одно из упомянутых государств нельзя рассматривать как находящееся в таком положении, что его присутствие действительно было бы необходимым при проведении разбирательства.

Второе основание неприемлемости (пункты 89-90), на которое опирается США, состоит в том, что Никарагуа на деле просит, чтобы Суд в данном случае определил наличие угрозы миру, что по своему существу входит в компетенцию Совета Безопасности, потому что вопрос связан с жалобой Никарагуа на применение силы.

Суд рассматривает это основание неприемлемости одновременно с **третьим основанием** (пункты 91-98), которое базируется на положении Суда в рамках системы Организации Объединенных Наций, включая влияние разбирательства в Суде на осуществление неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН. Суд придерживается мнения, что тот факт, что какой-либо вопрос находится на рассмотрении Совета Безопасности, не должен мешать его рассмотрению Судом и что оба разбирательства могут развиваться *pari passu*. На Совет возложены функции политического характера, тогда как Суд осуществляет чисто судебные функции. Следовательно, оба органа могут выполнять свои самостоятельные, но дополняющие друг друга функции в отношении одних и тех же событий. В настоящем случае иск Никарагуа касается не ведущейся сейчас в ходе вооруженного конфликта войны между нею и Соединенными Штатами, а ситуации, требующей мирного разрешения споров (вопрос, подпадающий под действие главы VI Устава ООН). В силу этого он совершенно правильно поставлен перед главным судебным органом Организации Объединенных Наций для мирного разрешения. Это не то дело, которое может быть рассмотрено только Советом Безопасности в соответствии с положениями главы VII Устава ООН.

В отношении Статьи 51 Устава ООН Суд отме-

чает, что тот факт, что неотъемлемое право на самооборону упоминается в Уставе ООН как «право», указывает на юридический аспект, и устанавливает, что если в ходе данного разбирательства Суду потребовалось бы рассудить Стороны в этом аспекте, ему в этом не может служить препятствием существование процедуры, требующей, чтобы вопрос был доложен Совету Безопасности.

Четвертое основание неприемлемости (пункты 99-101), выдвигаемое Соединенными Штатами, состоит в неспособности судебного производства рассматривать ситуации, включающие продолжающийся вооруженный конфликт, поскольку применение силы во время продолжающегося вооруженного конфликта не имеет атрибутов, необходимых для применения судебного процесса, а именно, суммы юридически относящихся к делу фактов, обнаруживаемых с помощью средств, доступных трибуналу, рассматривающему дело. Суд замечает, что любое решение по существу дела ограничено подтверждением таких заявлений сторон, которые были в достаточной мере подкреплены доказательствами в виде относящихся к делу фактов, и что, в конечном итоге, бремя доказательства падает на тяжущуюся сторону.

Пятое основание неприемлемости (пункты 102-108), выдвинутое Соединенными Штатами, базируется на неисчерпанности процессов, установленных для разрешения конфликтов, происходящих в Центральной Америке. Они утверждают, что заявление Никарагуа несовместимо с контадорским процессом, участником которого является Никарагуа. Суд напоминает ранее принятые им решения относительно того, что ничто не может вынудить его отклонить принятие к рассмотрению одного аспекта спора только потому, что у этого спора есть другие аспекты (*Дело о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране, I.C.J. Reports 1980*, р. 19, пара. 36), а тот факт, что во время судебного разбирательства активно ведутся переговоры, юридически не является препятствием осуществлению Судом его судебных функций (*Дело о континентальном шельфе Эгейского моря, I.C.J. Reports 1978*, р. 12, пара. 29). Суд не может принять ни того, что в качестве предварительного условия обращения к Суду существует какое-то требование исчерпать до этого региональные переговорные процессы, ни того, что существование контадорского процесса составляет в данном случае препятствие к рассмотрению Судом заявления Никарагуа.

Вследствие вышеизложенного Суд не может объявить данное заявление неприемлемым к рассмотрению ни по одному из оснований, выдвинутых Соединенными Штатами.

Выводы (пункты 109-111)

Статус временных мер (пункт 112)

Суд заявляет, что его постановление от 10 мая 1984 года и указанные в нем временные меры остаются в силе до вынесения окончательного решения по данному делу.

ПОСТАНОВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ РЕШЕНИЯ СУДА

«Суд,

1) а) *устанавливает* — одиннадцатью голосами против пяти, — что он обладает юрисдикцией для принятия к рассмотрению заявления, представленного Республикой Никарагуа 9 апреля 1984 года, на основании пунктов 2 и 5 статьи 36 Статута Суда;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Элиас; *Вице-председатель* Сетте-Камара; *судьи*: Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Эль-Хани, де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи; *судья ad hoc* Кольяр;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи*: Мослер, Ода, Аго, Швебель и сэр Роберт Дженнингс;

б) *устанавливает* — четырнадцатью голосами против двух, — что он обладает юрисдикцией для принятия к рассмотрению заявления, представленного Республикой Никарагуа 9 апреля 1984 года, поскольку это заявление касается спора относительно толкования или применения Договора о дружбе, торговле и мореплавании между Соединенными Штатами Америки и Республикой Никарагуа, подписанного в Манагуа 21 января 1956 года, на основании Статьи XXIV упомянутого Договора;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Элиас; *Вице-председатель* Сетте-Камара; *судьи*: Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Мослер, Ода, Аго, Эль-Хани, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи; *судья ad hoc* Кольяр;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Руда и Швебель;

с) *устанавливает* — пятнадцатью голосами против одного, — что он обладает юрисдикцией для принятия к рассмотрению данного дела;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Элиас; *Вице-председатель* Сетте-Камара; *судьи*: Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Аго, Эль-Хани, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи; *судья ad hoc* Кольяр;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судья* Швебель;

2) *устанавливает* — единогласно, — что упомянутое заявление принимается к рассмотрению».

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ К РЕШЕНИЮ СУДА

Частное мнение судьи Нажендры Сингха

Хотя судья Нажендра Сингх голосовал за юрисдикцию Суда в соответствии с обоими пунктами, то есть в соответствии с факультативной оговоркой пунктов 2 и 5 статьи 36 Статута Суда, а также в соответствии с пунктом 1 статьи 36 Статута на основе пункта 2 статьи XXIV Договора о дружбе, торговле и мореплавании от 21 января 1956 года, он в ходе разбирательства все время полагал, что юрисдикция Суда, опирающаяся на последний пункт, а именно, на Договор, обеспечивает более четкое и твердое обоснование, чем юрисдикция, базирующаяся на факультативной оговорке пунктов 2 и 5 статьи 36 Статута. Трудности, стоящие перед Судом, касаются незавершенного признания его юрисдикции со стороны Никарагуа и отрицательного отно-

шения к ней со стороны Соединенных Штатов, которое проявляется в их заявлении от 6 апреля 1984 года, имеющем целью исключить юрисдикцию Суда в отношении любого спора с центральноамериканскими государствами на двухлетний период. Кроме того, имеется еще проблема взаимности в связи с уведомлением о прекращении действия заявления Соединенных Штатов от 14 августа 1946 года за шесть месяцев. С другой стороны, Договор 1956 года действительно предоставляет четкую основу юрисдикции, хотя сфера юрисдикции ограничена спорами, касающимися толкования и применения данного Договора. Однако указанная юрисдикция не подпадает под действие оговорки Соединенных Штатов, связанной с многосторонним договором, которая применима к юрисдикции Суда в соответствии с факультативной оговоркой пункта 2 статьи 36 Статута. Еще одной полезной чертой юрисдикции, основанной на Договоре 1956 года, является то, что она поможет конкретизировать и придать юридическую направленность проблемам, затронутым в споре. Стороны должны будут прийти в Суд в соответствии с Договором, вводя в действие юридические принципы и используя юридические процедуры, что принесет пользу, так как поставит юридические границы представлению этого все расширяющегося спора, который в противном случае принял бы неюридический характер, тем самым поставив задачу выявления того, что подлежит юрисдикции, в противовес представленным Суду вопросам, которые не подлежат юрисдикции. Поэтому он приходит к выводу, что юрисдикция Суда, базирующаяся на Договоре, ясна, убедительна и обоснована. Никарагуа теперь придется ясно и конкретно сформулировать нарушения Договора, касающиеся его толкования и применения, когда Суд перейдет к рассмотрению дела по существу.

Частное мнение судьи Руды

Частное мнение судьи Руды, который согласен с выводом Суда о том, что Суд располагает юрисдикцией для принятия к рассмотрению заявления Никарагуа на основании пунктов 2 и 5 статьи 36 Статута Суда, касается трех пунктов: Договора о дружбе, торговле и мореплавании 1956 года как базе юрисдикции Суда, оговорки, содержащейся в условии с) заявления США 1946 года, и поведения государств как базы юрисдикции Суда.

В том, что касается первого пункта, судья Руда считает, что стороны не выполнили условий, содержащихся в статье XXIV Договора, который в силу этого не может служить в качестве базы для юрисдикции Суда.

В том, что касается второго пункта, он полагает, что оговорка, содержащаяся в условии с) заявления США, не применима к данному случаю, потому что существует не только спор между Соединенными Штатами и Никарагуа, но и как отдельный спор, с одной стороны между Гондурасом, Сальвадором и Коста-Рикой, и, с другой стороны, Никарагуа.

В том, что касается третьего пункта, член Суда Руда придерживается того мнения, что поведение сторон не составляет самостоятельной базы для

юрисдикции Суда, если Генеральному секретарю ООН не было сдано на хранение заявление, содержащее признание факультативной оговорки.

Судья Руда согласен с толкованием пункта 5 статьи 36 Статута, данным Судом.

Частное мнение судьи Мослера

Судья Мослер не согласен с мнением Суда о том, что Суд обладает юрисдикцией на основании заявления Никарагуа относительно юрисдикции Постоянной палаты международного правосудия, сделанного в 1929 году. С его точки зрения, Суд обладает юрисдикцией только на основании Договора о дружбе, торговле и мореплавании 1956 года между сторонами.

Частное мнение судьи Оды

Судья Ода согласен с заключением Суда только потому, что дело может быть принято к рассмотрению на основании Договора 1956 года между Никарагуа и Соединенными Штатами. Таким образом, по его мнению, сфера рассмотрения дела должна быть строго ограничена любыми нарушениями конкретных положений этого Договора. Однако судья Ода твердо придерживается того мнения, что данное дело не может быть принято к рассмотрению в соответствии с факультативной оговоркой Статута по следующим двум причинам. Во-первых, нет оснований делать вывод о том, что Никарагуа можно считать обладающей юридической правоспособностью в настоящем судебном разбирательстве на базе признания ею факультативной оговорки. Во-вторых, если предположить, что Никарагуа обладает юридической правоспособностью в настоящем судебном разбирательстве, то Соединенные Штаты письмом Шульца от 6 апреля 1984 года до принятия дела Судом юридически действенным образом исключили спор того вида, по которому возбуждено дело, из своего обязательства по факультативной оговорке по отношению к Никарагуа: если желательно представить на рассмотрение Суда какое-либо дело на основании упомянутой оговорки, тогда условие, устанавливающее определенный период действия, как это сделано в заявлении США, из-за правила взаимности не может быть применено другой стороной, срок действия заявления которой может быть прекращен или изменен в любое время.

Частное мнение судьи Аго

Судья Аго согласен с решением Суда о том, что Суд обладает юрисдикцией для принятия к рассмотрению данного дела по существу, потому что убежден, что между сторонами существует связь в том, что касается юрисдикции, в виде статьи XXIV (2) Договора о дружбе, торговле и мореплавании, заключенного между США и Никарагуа 21 января 1956 года. По его мнению, эта связь возлагает на Суд юрисдикцию для рассмотрения претензий Никарагуа, подразумевающих нарушения этого Договора со стороны Соединенных Штатов.

Судья Аго не сделал такого же заключения относительно более широкой юрисдикционной связи,

представленной в решении Суда как выводимой из фактов, касающихся признания как Никарагуа, так и Соединенными Штатами обязательной юрисдикции Суда в принятых ими односторонних заявлениях, поскольку он по-прежнему не убежден в фактическом или правовом существовании этой связи.

Частное мнение судьи сэра Роберта Дженнинга

Суд не обладает юрисдикцией в соответствии с пунктом 5 статьи своего 36 Статута, поскольку Никарагуа вообще не стала участником Статута Постоянной палаты; поэтому ее заявление, сделанное в связи со статьей 36 Статута Палаты, не может «оставаться в силе» по смыслу пункта 5 статьи 36 Статута настоящего Суда, поскольку оно никогда не было в силе. Попытка поддержать иную точку зрения ссылками на статьи в таких справочных изданиях как «Ежегодники» Суда неправомерна в принципе и не подкрепляется фактами, выдвигаемыми в ее обоснование.

В любом случае письмо государственного секретаря США от 6 апреля 1984 года исключает юрисдикцию Суда, поскольку практика последних лет свидетельствует о том, что государства имеют право отзываться или изменять свои заявления о факультативной оговорке при немедленном вступлении в действие отзыва или изменения в любое время до обращения в Суд на основании упомянутого заявления.

Сэр Роберт согласен с решением Суда относительно оговорки США, связанной с многосторонним договором, и Договора о дружбе, торговле и мореплавании 1956 года.

Особое мнение судьи Швобеля

Судья Швобель не согласен с решением Суда, которое он считает «ошибочным по принципиальным вопросам юрисдикции», затронутым в нем. Однако, если бы Суд был прав, установив, что он обладает юрисдикцией в данном деле, тогда дело было бы подсудно.

По вопросу о том, является ли Никарагуа участником обязательной юрисдикции Суда в соответствии с его факультативной оговоркой и обладает ли в силу этого правоспособностью для возбуждения дела против Соединенных Штатов, судья Швобель пришел к выводу, что она не является таким участником и, следовательно, не обладает правоспособностью. Никарагуа вообще не признала обязательную юрисдикцию настоящего Суда в соответствии с факультативной оговоркой. Она утверждала, что она, тем не менее, является участником в силу своего заявления о признании обязательной юрисдикции Постоянной палаты международного правосудия в 1929 году. Если бы заявление 1929 года вошло в силу, тогда Никарагуа считалась бы участником обязательной юрисдикции настоящего Суда в соответствии с пунктом 5 статьи 36 Статута настоящего Суда. Но заявление Никарагуа от 1929 года вообще не вошло в силу. Соответственно, по смыслу условия пункта 5 статьи 36 у него нет истекшего срока действия, поскольку оно вообще никогда не начинало действовать. У него нет срока, который еще не

истек, поскольку само заявление вообще никогда не имело никакого срока.

Правильность такого толкования пункта 5 статьи 36 доказывается не только прямым значением его текста, но и историей формулирования данной статьи на конференции в Сан-Франциско и четырьмя делами, рассмотренными настоящим Судом. Все это ясно и единообразно толкует пункт 5 статьи 36 как относящийся исключительно к заявлениям, сделанным в соответствии со Статутом Постоянной палаты, по которым государства были «обязаны», то есть которые были в силе.

Того факта, что в течение почти 40 лет Никарагуа числилась в «Ежегоднике» настоящего Суда и других изданиях как имеющая обязательство в соответствии с факультативной оговоркой, не достаточно для опровержения этого вывода или для независимого установления правоспособности Никарагуа. В «Ежегодниках» всегда содержалось или упоминалось примечание, предупреждавшее читателя о том, что соблюдение Никарагуа положений факультативной оговорки подвергается сомнению. Более того, поведение Никарагуа было двусмысленным. Она не только никак не проявила своего намерения признать обязательную юрисдикцию настоящего Суда, сдав на хранение соответствующее заявление, но и уклонилась от явного повода для объявления о том, что признает себя связанной обязательством в соответствии с пунктом 5 статьи 36, как было в деле о «Кинг оф Спейн».

Однако даже если Никарагуа была бы правоспособна возбудить судебное дело в соответствии с факультативной оговоркой, она не может этого сделать в отношении Соединенных Штатов. Если допустить, что заявление Никарагуа имело обязательную силу, Никарагуа могла прекратить его действие в любой момент, и это прекращение вступило бы в силу немедленно. Таким образом, хотя в общем Соединенные Штаты не могли прекратить или изменить свою приверженность обязательной юрисдикции Суда (а именно это было целью их нотификации от апреля 1984 года) без предварительного уведомления не менее чем за шесть месяцев, они могли с полным правом сделать это в отношении Никарагуа.

В любом случае, даже если Соединенные Штаты не могли прекратить действие своего заявления в отношении Никарагуа, они в соответствии с условиями своей оговорки, связанной с многосторонним договором и содержащейся в их заявлении о признании обязательной юрисдикции Суда, имели право исключить ссылки Никарагуа на четыре многосторонних договора, которые приводились в ее исковом заявлении, если все остальные стороны этих договоров, затронутые этим решением, не являются участниками судебного дела. Этими сторонами — как показано в заявлении оснований иска в деле, представленном Никарагуа, — являются Гондурас, Коста Рика и Сальвадор. Поскольку эти государства не являются участниками дела, ссылки Никарагуа на эти четыре договора должны бы быть не приняты Судом. Однако Суд — ошибочно, по мнению судьи Швобеля, — постановил, что эти другие государства сейчас не могут быть идентифицированы, и, как

представляется, отложил вопрос о применении упомянутой оговорки до стадии рассмотрения существа дела.

Наконец, по мнению судьи Швобеля, Суд не обладает юрисдикцией в отношении претензий Никарагуа, сделанных ею в заявлении против Соединенных Штатов, поскольку они оба являются участ-

никами двустороннего Договора о дружбе, торговле и мореплавании. Никарагуа не выполнила предварительных условий процедуры для привлечения этого договора в качестве обоснования юрисдикции Суда. Более того, этот чисто коммерческий договор нельзя хоть сколько-нибудь правдоподобно привязать к обвинениям в агрессии и вмешательстве, выдвинутым в заявлении Никарагуа.

76. ДЕЛО О КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ (ЛИВИЙСКАЯ АРАБСКАЯ ДЖАМАХИРИЯ/МАЛЬТА)

Решение от 3 июня 1985 года

В решении по делу о континентальном шельфе между Ливийской Арабской Джамахирией и Мальтой, вынесенном 14 голосами против трех, Суд указывает, какие принципы и нормы международного права применимы к делимитации континентального шельфа между двумя государствами и какие обстоятельства и факторы должны приниматься во внимание для обеспечения справедливой делимитации. Он также заявляет, что справедливый результат может быть достигнут, если проводится сначала медианная линия между 13°50' и 15°10', от которой все точки равно удалены от отметки уровня малой воды на соответствующих побережьях Мальты, с одной стороны, и Ливии — с другой, а затем она сдвигается к северу на 18' так, чтобы пересечь меридиан 15°10' восточной долготы приблизительно на 34°30' северной широты.

Голосование было следующим:

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Элиас; *Вице-председатель* Сетте-Камара; судьи Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Аго, Эль-Хани, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи; судьи *ad hoc* Валтикос и Хименес де Аречага.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судьи Мослер, Ода, Швобель.

Состав суда, рассматривавшего это дело, был следующим: Председатель Элиас; Вице-председатель Сетте-Камара; судьи: Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Мослер, Ода, Ага, Эль-Хани, Швобель, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи; судьи *ad hoc* Валтикос и Хименес де Аречага.

Судья Эль-Хани приложил к решению заявление.

Вице-председатель Сетте-Камара приложил к решению особое мнение; судьи Руда и Беджауи и судья *ad hoc* Хименес де Аречага приложили совместное мнение. Судья Мбайе и судья *ad hoc* Валтикос каждый приложили особое мнение.

Судьи Мослер, Ода и Швобель приложили к решению Суда индивидуальные мнения.

В этих мнениях судьи коснулись обстоятельств дела и объяснили свои позиции, в отношении некоторых пунктов, рассмотренных в решении.

Судебное разбирательство и представления сторон
(пункты 1-13)

Суд начинает с краткого перечисления различных стадий судебного разбирательства, а также с изложения положений Специального соглашения между Ливийской Арабской Джамахирией и Мальтой о передаче на рассмотрение Суда их спора о делимитации их соответствующих шельфов.

В статье 1 Специального соглашения Суду предлагается решить следующий вопрос:

Какие принципы и нормы международного права применимы к делимитации района континентального шельфа, принадлежащего Республике Мальта, и района континентального шельфа, принадлежащего Ливийской Арабской Республике, и как на практике могут применить эти принципы и нормы стороны в этом конкретном деле, с тем чтобы, не испытывая трудностей, провести делимитацию этого района по взаимному согласию, как предусмотрено в статье III?

В соответствии со статьей III:

Согласно окончательному решению Международного Суда правительство Республики Мальта и правительство Ливийской Арабской Республики начинают переговоры с целью определения района их континентальных шельфов и заключения для этого соглашения в соответствии с решением Суда.

Описав географический контекст (пункты 14-17), в котором должна быть осуществлена делимитация континентального шельфа, являющаяся предметом данного разбирательства, Суд объясняет свой под-

ход к той обязанности, которую он должен выполнить (пункты 18-23).

Стороны соглашаются с тем, что в обязанность Суда входит определение принципов и норм международного права, применимых в данном деле, но они не согласны с тем, как Суд должен определить практическое применение этих принципов и норм. Мальта придерживается взгляда, что применимые принципы и нормы должны быть реализованы на практике путем проведения конкретной линии (в данном случае медианной линии), а Ливия считает, что в задачу Суда не входит само проведение линии делимитации. Рассмотрев намерения сторон Специального соглашения, Суд считает, что положения Специального соглашения не запрещают определения такой линии.

Обращаясь к охвату решения, Суд подчеркивает, что делимитация, предусмотренная в Специальном соглашении, относится лишь к районам континентального шельфа, которые «принадлежат» сторонам, исключая районы, которые могут «принадлежать» третьим сторонам. Хотя стороны в действительности призывают Суд не ограничиваться в своем решении лишь областью их спорных притязаний, Суд не считает себя вправе делать это, учитывая интерес, проявленный к судебному разбирательству Италией, которая в 1984 году представила письменное ходатайство о разрешении участвовать в судебном разбирательстве на основании статьи 62 Устава — ходатайство, которое Суд счел невозможным удовлетворить. Как Суд упоминал ранее в своем решении от 21 марта 1984 года, географический охват настоящего решения должен быть ограничен районом шельфа, на который Италия, согласно полученной от нее информации, не имеет притязаний. Таким образом, Суд обеспечивает Италии защиту, которой она добивалась своим участием в разбирательстве. Учитывая географические границы этих претензий, Суд ограничивает область применения его решения на востоке меридианом 15°10' восточной долготы, включая часть этого меридиана южнее 34°30' северной широты, а на западе исключает пятиугольную зону, ограниченную с востока меридианом 13°50' восточной долготы. Стороны не имеют оснований для спорных претензий, поскольку, как утверждает Суд, выразив отрицательное мнение в отношении ходатайства Италии, они предпочли ограничить географический охват решения, которого ждут от Суда.

Суд отмечает, что в данном деле соображения, связанные с историей спора или вытекающие из законодательной или исследовательской деятельности в отношении континентального шельфа (пункты 24 и 25), не играют решающей роли. По мнению Суда, они не содержат ни подтверждения претензий одной из сторон, признаваемых другой, ни каких-либо признаков того, что мнение одной из сторон спора является более справедливым, чем то, которое было представлено Суду ранее. Его решение должно быть соответственно основано на применении к переданному ему на рассмотрение делу принципов и норм международного права.

Применимые принципы и нормы международного права (пункты 26-35)

Обе стороны согласились, что спор должен быть решен на основе принципов обычного международного права. Мальта является участницей Женевской конвенции 1958 года о континентальном шельфе, Ливия же не является ее участницей; обе стороны подписали Конвенцию Организации Объединенных Наций 1982 года по морскому праву, но эта Конвенция еще не вступила в силу. Однако стороны согласились считать, что некоторые из ее положений являются выражением обычного права, хотя они расходятся во мнении относительно того, какие положения имеют такой статус. Ввиду важного значения этой Конвенции, которая была принята подавляющим большинством государств, очевидно, что в обязанность Суда входит определение того, в какой степени ее положения могут иметь обязательную силу для сторон в качестве нормы обычного права.

В связи с этим стороны подчеркнули различие между нормой, применимой к основе обладания правом на районы континентального шельфа, и правом, применимым к делимитации районов шельфа между соседними государствами. По второму пункту, регулируемому статьей 83 Конвенции 1982 года, Суд отмечает, что в Конвенции определяется цель, а именно «достижение справедливого решения», но ничего не говорится о методе, который должен быть использован для достижения этой цели, оставляя на усмотрение самих государств или их национальных судов наполнение этой нормы конкретным содержанием. Суд также указывает, что обе стороны пришли к соглашению в отношении того, что, каким бы ни был статус статьи 83 Конвенции 1982 года, делимитация должна производиться в соответствии с принципами справедливости и с учетом всех относящихся к делу обстоятельств.

Однако по вопросу о юридической основе прав на континентальный шельф взгляды сторон остаются непримиримыми. Так, Ливия считает, что естественное продолжение территории государства в море является главным основанием законного права этого государства на районы континентального шельфа. Для Мальты права на континентальный шельф больше не определяются в свете физических критериев; они определяются в соответствии с концепцией расстояния от побережья.

По мнению Суда, принципы и нормы, положенные в основу режима исключительной экономической зоны, не могут быть оставлены без внимания в данном деле, которое касается делимитации континентального шельфа. В современном праве эти два института взаимосвязаны, и одно из обстоятельств, которое должно приниматься во внимание при делимитации континентального шельфа государства, — это разрешаемое на законном основании расширение исключительной экономической зоны, принадлежащей этому государству. Институт исключительной экономической зоны с его нормой, касающейся права на эту зону на основании концепции расстояния, как показывает практика государств, стал частью обычного права; и хотя институты кон-

тинентального шельфа и исключительной экономической зоны различны по характеру, права на дно морей, связанные с концепцией исключительной экономической зоны, определяются режимом, установленным для континентального шельфа. Хотя может существовать шельф, где нет исключительной экономической зоны, не может быть исключительной экономической зоны без соответствующего континентального шельфа. Из этого следует, что для юридических и практических целей критерий расстояния должен применяться и к континентальному шельфу, и к исключительной экономической зоне; и это помимо положения, касающегося расстояния, в статье 76 Конвенции 1982 года. В пределах 200-мильной зоны естественное продолжение частично определяется расстоянием от берега. Концепции естественного продолжения и расстояния не противостоят, а дополняют друг друга и являются существенными элементами в юридической концепции континентального шельфа. Суд, таким образом, не может принять утверждение Ливии, согласно которому расстояние от берега не является относящимся к делу элементом для решения данного дела.

Ливийский аргумент, касающийся «рифтовой зоны»
(пункты 36-41)

Суд переходит к рассмотрению аргумента Ливии, основанного на существовании «рифтовой зоны» в районе делимитации. Утверждение Ливии, состоящее в том, что шельф есть естественное продолжение (в физическом смысле) суши в море и что это является основой права на континентальный шельф, означает, что, если имеет место прерывание шельфа между зоной, прилегающей к одной стороне, и зоной, прилегающей к другой, граница должна проходить вдоль этого разрыва. По мнению Ливии, в данном деле речь идет о двух различных континентальных шельфах, разделенных тем, что называется «рифтовой зоной», и делимитацию следует проводить в пределах «рифтовой зоны» и соответственно общему ее направлению.

Суд придерживается мнения, согласно которому, поскольку развитие права позволяет государствам претендовать на континентальный шельф в пределах 200-мильной зоны от побережья, независимо от геологической характеристики соответствующей зоны морского дна и недр, нет никаких оснований для учета роли геологических или геофизических факторов в пределах этой зоны. Поскольку в данном случае расстояние между берегами сторон менее 400 миль и никакой геофизический фактор не может находиться на расстоянии более 200 миль, «рифтовая зона» не может прерывать продолжение мальтийского шельфа на юг, ливийского — на север, как если бы она была естественной границей. Более того, необходимость интерпретировать свидетельства за и против аргумента Ливии потребует от Суда прежде всего определиться в своем отношении к разным мнениям ученых о наиболее правильной трактовке явно неполных научных данных, что для Суда неприемлемо. Таким образом, он отвергает аргумент Ливии, связанный с так называемой «рифтовой зоной».

Аргумент Мальты, относящийся к примату равноудаленности
(пункты 42-44)

Суд также не может принять аргумент Мальты, согласно которому новая значимость идеи расстояния от береговой линии придает главное значение методу, обеспечивающему равенство отстояний для целей делимитации континентального шельфа, по крайней мере между противоположно расположенными странами, что мы имеем в случае Мальты и Ливии. Мальта считает, что принцип расстояния требует, чтобы в качестве отправного пункта процесса делимитации была проведена линия равного отстояния, затем результаты этой первоначальной делимитации корректируются. Суд не может согласиться с тем, что даже в качестве предварительного шага к проведению делимитационной линии обязательно должен быть применен метод определения равного отстояния. Он не является единственно приемлемым методом делимитации или единственно допустимой отправной точкой. Более того, Суд считает, что практика государств в этой области вряд ли доказывает наличие нормы, предписывающей использование метода равного отстояния или какого-либо другого метода в качестве обязательного.

Принцип справедливости
(пункты 45-47)

Стороны пришли к единому мнению, что делимитация континентального шельфа должна быть осуществлена на основании применения во всех обстоятельствах принципа справедливости, если поставлена цель достижения справедливого результата. Суд перечисляет некоторые из этих принципов: принцип невозможности изменения географических факторов; принцип непосягательства какой-либо стороны на районы, принадлежащие другой; принцип учета всех относящихся к делу обстоятельств; принцип, согласно которому «справедливость не всегда означает равенство» и что не может быть и речи о распределительной справедливости.

Обстоятельства, имеющие отношение к делу
(пункты 48-54)

Суд еще должен взвесить все обстоятельства, имеющие отношение к целям делимитации. Хотя перечень соображений, которые могут быть использованы Судом, не ограничен, Суд подчеркивает, что могут быть включены лишь имеющие отношение к институту континентального шельфа, поскольку он разрабатывался в рамках права, и применению принципов справедливости при его делимитации.

Таким образом, в практике государств, в юриспруденции и в работе третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву признается необоснованным аргумент Ливии, состоящий в том, что континентальный массив является законным оправданием притязаний на право на континентальный шельф, поскольку государство, обладающее большим континентальным массивом, должно иметь более значительное его естественное продолжение. Суд также не считает, в противовес аргументации, выдвинутой Мальтой, что относи-

тельное экономическое положение этих двух государств должно влиять на делимитацию. Что же касается интересов безопасности или обороны обеих сторон, то Суд отмечает, что делимитация, которая будет результатом применения данного решения, не проходит настолько близко к берегу какой-либо из сторон, чтобы эти вопросы требовали специального рассмотрения. Что же касается подхода к островам при делимитации континентального шельфа, то Мальта проводит различие между островными государствами и островами, политически связанными с каким-либо континентальным государством. В этом контексте Суд просто отмечает, что, поскольку Мальта независима, связи ее побережий с берегами ее соседей отличаются от тех, какие существовали бы, если бы Мальта была бы частью территории одного из них. Этот аспект вопроса, по мнению Суда, по-видимому, должен быть связан с положением островов, принадлежащих Мальте, в более широком географическом контексте, к чему Суд еще вернется.

Суд отвергает другой аргумент Мальты, вытекающий из равенства суверенитетов государств, согласно которому распространение суверенитета всех государств на морское пространство должно иметь равное юридическое значение независимо от протяженности их береговой линии. Суд считает, что если прибрежные государства имеют равные права *ipso jure* и *ab initio* на свои континентальные шельфы, это не означает равенства в отношении протяженности этих шельфов, и, следовательно, ссылка на протяженность побережья как на относящееся к делу соображение не может быть исключено априори.

Пропорциональность (пункты 55-59)

Суд далее рассматривает вопрос о роли, которая в этом деле должна быть отведена концепции пропорциональности, учитывая, что Ливия придает существенное значение этому фактору. Суд напоминает, что в соответствии с юриспруденцией пропорциональность является одним из нескольких, вероятно, относящихся к делу факторов, которые следует принимать во внимание, и который никогда не упоминался среди «принципов и норм международного права, применимых к делимитации» или «как общий принцип, обеспечивающий независимый источник прав на районы континентального шельфа». Аргумент Ливии, однако, идет дальше. Как только было отклонено представление с привлечением понятия рифтовой зоны, у Ливии не оказалось иного аргумента, кроме ссылки на протяженность береговой линии, который мог бы быть предложен в качестве независимого принципа и метода для проведения границы. Суд считает, что использование отношения протяженности береговых линий в качестве самоопределяющего показателя при определении морского пространства и района континентального шельфа, принадлежащего каждому государству, идет далеко за пределы применения принципа пропорциональности в качестве метода оценки справедливости в том смысле, который применяется в деле о

континентальном шельфе (Тунис/Ливийская Арабская Джамахирия). Такое применение не находит поддержки в практике государств, их публичных заявлениях или в юриспруденции.

* * *

Операция делимитации и проведение предварительной равноудаленной линии (пункты 60-64)

Для того чтобы применялись принципы справедливости, избранные с учетом соответствующих обстоятельств, Суд осуществляет свою работу поэтапно; вначале он проводит предварительную делимитацию, затем проверяет ее соответствие другим критериям, которые могут потребовать изменения первоначального результата.

Заявляя, что право, применимое к данному спору, основано на критерии дальности от береговой линии (принцип прилегания, измеряемый расстоянием), и отмечая, что справедливость метода равноудаленности особенно очевидна, когда делимитация касается государств с противоположащими побережьями, Суд считает, что проведение медианной линии между побережьями Мальты и Ливии в качестве предварительного шага в процессе, который должен быть продолжен другими операциями, является наиболее правильным методом судебного производства для конечного достижения справедливого результата. Метод равноудаленности не является единственным возможным методом, и необходимо показать, что он на деле ведет к справедливому результату; это можно определить, рассмотрев результаты, к которым он ведет в контексте применения других принципов справедливости соответствующим обстоятельствам. На этом этапе Суд объясняет, что он считает справедливым при проведении медианной линии между Мальтой и Ливией не принимать во внимание необитаемый, принадлежащий Мальте, остров Фильфола, поскольку в противном случае это может привести к нежелательному нарушению пропорциональности в расположении этой линии.

Корректировка равноудаленной линии с учетом протяженности соответствующих береговых линий сторон (пункты 65-73)

Суд рассматривает вопрос о том, не могут ли определенные относящиеся к делу обстоятельства при оценке справедливости результата иметь такое значение, которое оправдывало бы их учет, требовало бы корректировки медианной линии, проведенной в предварительном порядке.

Один момент, оспоренный в Суде, — это значительное различие в протяженности соответствующих береговых линий сторон. Здесь Суд сравнивает береговую линию Мальты с береговой линией Ливии между Рас-Аждиром (граница с Тунисом) и Рас-Зарруком (15°10') и отмечает, что имеется значительное различие между протяженностью этих береговых линий, поскольку береговая линия Мальты имеет длину 24 мили, а Ливии — 192 мили. Это относящееся

к делу обстоятельство, требующее корректировки медианной линии, с тем чтобы приписать больший район шельфа Ливии. Однако остается определить величину такой корректировки.

Еще одна географическая характеристика должна быть принята во внимание как относящаяся к делу обстоятельство; это южное расположение берегов островов, принадлежащих Мальте в рамках общего географического контекста, в котором должна осуществляться делимитация. Суд указывает на еще одну причину непринятия медианной линии в качестве справедливой делимитации без корректировки: именно эта линия в любом случае контролируется на обеих сторонах по всей ее протяженности лишь небольшой группой выступающих пунктов, расположенных на небольшом участке берега (два пункта на расстоянии 11 миль друг от друга на стороне Мальты, и несколько пунктов, сконцентрированных к востоку от Рас-Таджура на стороне Ливии).

Поэтому Суд считает необходимым скорректировать делимитационную линию таким образом, чтобы она проходила ближе к берегам Мальты. Поскольку берега сторон расположены друг против друга и равноудаленная линия проходит с запада на восток, эта корректировка может быть проведена к общему удовлетворению простым сдвигом этой линии к северу.

Суд затем устанавливает, каким должен быть предел этого сдвига. Его аргументация такова: если бы острова, принадлежащие Мальте, являлись бы частью территории Италии и возник вопрос делимитации континентального шельфа между Ливией и Италией, то граница тогда прошла бы вдоль побережья Ливии на юге вдоль побережья Сицилии — на севере. Однако, принимая во внимание острова, принадлежащие Мальте, разграничительная линия была бы несколько сдвинута к югу от медианной линии между Сицилией и Ливией. Поскольку Мальта не является частью Италии, а является самостоятельным государством, нельзя допустить, чтобы в том, что касается прав на континентальный шельф, она находилась в худшем положении из-за своей независимости. Следовательно, разумно предположить; что справедливая линия границы между Ливией и Мальтой должна проходить несколько южнее воображаемой медианной линии между Ливией и Сицилией. Эта линия пересечет меридиан $15^{\circ}10'$ восточной долготы приблизительно на $34^{\circ}36'$ северной широты. Эта медианная линия между Мальтой и Ливией (проведенная без учета небольшого острова Фильфола) пересечет меридиан $15^{\circ}10'$ восточной долготы на широте приблизительно $34^{\circ}12'$ северной широты. Сдвиг к северу на $24'$ от медианной линии между Мальтой и Ливией будет поэтому крайним пределом такого перемещения.

Взвесив различные обстоятельства дела, которые указаны выше, Суд приходит к заключению, что сдвиг примерно двух третей расстояния между медианной линией, разделяющей Мальту и Ливию, и линией, расположенной на $24'$ к северу, даст справедливый результат и что линия разграничения должна быть проведена путем сдвига медианной линии на север на $18'$ северной широты. Она пересечет

меридиан $15^{\circ}10'$ восточной долготы на широте приблизительно равной $34^{\circ}30'$ северной широты. Стороны и их эксперты определяют точные координаты.

Проверка пропорциональности (пункты 74-75)

Полагая, что нет принципиальных соображений для отказа от проверки (с целью оценки справедливости результата) концепции пропорциональности, основанной на соотношении протяженности соответствующих береговых линий и районов прилегающего шельфа, Суд считает, что могут возникнуть некоторые практические трудности, которые сделают такую проверку неуместной. Эти трудности особенно очевидны в настоящем деле, среди прочего, в связи с тем, что район, к которому будет относиться решение, ограничен, ввиду существования притязаний третьих государств и проверка на предмет обеспечения пропорциональности в отношении этих районов в рамках этих ограничений будет просто нереальной. Однако, Суду кажется, что можно провести широкую оценку справедливости результатов, не выражая это в цифрах. Он заключает, что между районами шельфа, приписываемыми каждой из сторон, не существует диспропорции, которая могла бы стать основанием для требования провести проверку на пропорциональность, поскольку этот аспект справедливости не был учтен.

Суд представил *резюме своих заключений* (пункты 76-78) и свое решение, полный текст которого приведен ниже (пункт 79).

ПОСТАНОВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ РЕШЕНИЯ СУДА

Суд

14 голосами против 3

установил, что в отношении районов континентального шельфа, находящегося между побережьями сторон в пределах, определенных настоящим решением, а именно ограниченных меридианом $13^{\circ}50'$ восточной долготы и меридианом $15^{\circ}10'$ восточной долготы.

А. Принципы и нормы международного права, применимые при делимитации, которая должна проводиться по соглашению при осуществлении настоящего решения, в районах континентального шельфа, принадлежащих Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии и Республике Мальта, соответственно будут следующими:

1) делимитация должна проводиться в соответствии с принципами справедливости и с учетом всех соответствующих обстоятельств, с тем чтобы добиться справедливого результата;

2) район континентального шельфа, который должен быть определен как принадлежащий одной из сторон, не должен выходить за пределы 200 миль от береговой линии соответствующей стороны; на основе принципа естественного продолжения в физическом смысле нельзя получить никаких критериев для делимитации континентального шельфа.

В. Обстоятельства и факторы, учитываемые

при обеспечении справедливой делимитации в данном деле, следующие:

1) общая конфигурация побережья сторон, их противолежание и их взаимосвязь в общегеографическом контексте;

2) различия в протяженности соответствующих береговых линий сторон и расстояние между ними;

3) необходимость при делимитации избегать чрезмерного нарушения пропорциональности между размерами районов континентального шельфа, принадлежащих прибрежному государству, и длиной соответствующей части побережья, измеренной в общем направлении береговой линии.

С. В результате справедливый результат может быть достигнут с помощью проведения на первом этапе процесса медианной линии, каждая точка которой является равно удаленной от линии отлива соответствующего берега Мальты (исключая остров Фильфола) и линии отлива соответствующего побережья Ливии; эта первоначальная линия затем подлежит корректировке с учетом вышеупомянутых обстоятельств и факторов.

Д. Корректировка медианной линии, упомянутая в подпункте В, должна выражаться в сдвиге этой линии в северном направлении на 18 минут широты (с тем, чтобы она пересекла меридиан 15°10' восточной долготы приблизительно на 34°30' северной широты), образуя таким образом линию делимитации между районами континентального шельфа, принадлежащими Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии и Республике Мальта.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Элиас; Вице-председатель Сетте-Камара; судьи: Ляхс, Морозов, Нажендра Сингх, Руда, Аго, Эль-Хани, сэр Роберт Дженнингс, де Лашаррьер, Мбайе, Беджауи; судьи *ad hoc* Валтикос, Хименес де Аречага.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судьи: Мослер, Ода и Швель.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЗАЯВЛЕНИЯ И МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ К РЕШЕНИЮ СУДА

Заявление судьи Эль-Хани

Судья Эль-Хани голосовал за решение, но придерживается мнения, что, если бы линия делимитации была бы сдвинута дальше к северу, это больше соответствовало бы принципу пропорциональности и в то же время выполнялось бы требование обеспечения справедливости.

Особое мнение Вице-председателя Сетте-Камара

Вице-председатель Сетте-Камара, проголосовав за решение, выразил особое мнение по следующим причинам:

1. Доктрина о естественном продолжении в том виде, как она сформулирована в 1969 году и решении по делу о *Континентальном шельфе Северного моря*, остается основой концепции о континентальном шельфе. Хотя первоначальная концепция «типов платформ» была постепенно заменена на более юри-

дически обоснованное определение континентального шельфа, концепция естественного продолжения остается базовым элементом определения континентального шельфа. Пункт 1 статьи 76 Конвенции 1982 года о Монтего-Бей подтверждает принятие за основу концепции естественного продолжения.

2. Вице-председатель Сетте-Камара не видит необходимости в приверженности «принципу расстояния», как это определено в заключительной части пункта 76 Конвенции 1982 года о Монтего-Бей в качестве правового обоснования настоящего решения. Побережья Мальты и Ливии отстоят друг от друга на расстоянии почти 180 миль, и конкретной географической ситуации, которая регулируется этой клаузулой, в данном деле не существует. Даже, если мы посчитаем, что эта клаузула содержит норму обычного международного права — отбрасывая обычное право, поскольку Конвенция не вступила в силу, — она не имеет отношения к обстоятельствам данного дела.

3. Поскольку ни одна из сторон не предъявила претензию на исключительную экономическую зону, автор считает излишними и неуместными соображения по данному конкретному вопросу, изложенные в решении.

4. Соглашаясь с использованием метода проведения медианной линии между мальтийским и ливийским побережьями с последующей коррекцией, заключающейся в сдвиге этой линии к северу на 18 минут, автор не согласен с тем, как в решении устанавливается крайняя северная точка при этой операции. Отвлеченное проведение «воображаемой медианной линии между побережьями Сицилии и Мальты» отклоняется как искусственное передельвание географии. Вице-председатель Сетте-Камара полагает, что, для того чтобы прийти к справедливому результату, было бы проще применить принцип дробы в отношении побережья Мальты, и сбалансировать его с аналогичным принципом в отношении поразительной диспропорции в протяженности соответствующих побережий.

Особое мнение судей Руды, Беджауи и судьи ad hoc Хименеса де Аречаги

Авторы совместного особого мнения согласились со многими из положений и заключений решения, но отметили, что в решении ничего не сказано о претензии Мальты, касающейся концепции трапеции, которая была признана ими излишней и противоречащей практике государств, расположенных в районах закрытых или полузакрытых морей.

Они также считают, что было бы более справедливым сдвинуть медианную линию к северу на 28 минут, предоставив таким образом Мальте коэффициент $\frac{3}{4}$, получив пропорцию 1:3,54 и разделив поровну спорный район.

Особое мнение судьи Мбайе

Судья Мбайе голосовал за решение, поскольку он одобряет заключения, к которым пришел Суд, и принимает в целом аргументацию этих заключений.

Его мнение касается двух моментов: того, что он

назвал «два значения концепции естественного продолжения», и обстоятельства, связанного со «значительным расстоянием между побережьями двух государств».

Что касается первого вопроса, то хотя судья Мбайе заявляет, что его мнение не отличается от мнения Суда, особенно по выводу, согласно которому естественное продолжение в физическом смысле не может в данном деле оказывать какое-либо влияние на делимитацию районов континентального шельфа, принадлежащих соответственно каждой из сторон, он выражает сожаление в связи с тем, что Суд, который, по его мнению, осуществил весьма тщательный анализ развития обычного международного права, касающегося континентального шельфа, различая естественное продолжение в качестве «правового принципа» и естественное продолжение в «физическом смысле», не воспользовался возможностью высказать эту фундаментальную идею, которая означает поворотный момент в развитии этой области права, возникшей в связи с Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года.

Что же касается второго пункта, то судья Мбайе задает вопрос, может ли «значительное» расстояние между побережьями двух государств считаться «относящимся к делу обстоятельством», в такой степени, чтобы оправдывать перенос к северу медианной линии, которая была проведена Судом первоначально. Как считает судья Мбайе, решающим фактором для такого переноса является разница в протяженности побережий, а также их общая конфигурация и география района.

Особое мнение судьи ad hoc Валтикоса

Хотя судья *ad hoc* Валтикос согласен с решением в целом, он подчеркивает, что, ограничивая район, к которому относится решение, определенной зоной, для того чтобы не затронуть интересы Италии, Суд заявляет, что Мальта и Ливия сохраняют право обсудить с Италией вопрос делимитации (между этими тремя государствами) районов, находящихся за пределами указанной зоны. Судья *ad hoc* Валтикос заявляет о своем полном согласии с тем, что в данном случае не должны приниматься во внимание географические и геоморфологические факторы; тем не менее он считает, что медианная линия между Мальтой и Ливией должна стать линией делимитации по ряду причин, включая положение стран, находящихся друг против друга, новые тенденции в международном праве, практику государств и задачу Суда, которая состоит в определении соответствующей нормы международного права. Он принимает во внимание то, что различие в протяженности береговых линий не должно учитываться, и оно не оправдывает какой-либо «корректировки» медианной линии. Он также считает необходимым принять во внимание экономические факторы и требования безопасности — обстоятельства, являющиеся дополнительным обоснованием для решения вопроса о медианной линии.

Частное мнение судьи Мослера

Судья Мослер придерживается мнения, что меди-

анная линия между Мальтой и Ливией является справедливым решением, учитывая обстоятельства этого дела. Он критикует общее перемещение медианной линии на 18 минут к северу и метод, использованный Судом при достижении этого результата.

Частное мнение судьи Оды

По мнению судьи Оды, Суд не в полной мере знаком с последними достижениями в области морского права и рискует определить принцип справедливости в соответствии с собственным субъективным представлением о том, что он считает справедливым в конкретном случае. Он считает, что район, которым Суд ограничил сферу действия своего решения, неправильно определен из-за чрезмерной концентрации внимания на интересах третьей стороны, которые не были юридически установлены. Более того, применение принципа пропорциональности для оценки справедливости предлагаемой делимитации просто парадоксально, поскольку сначала обосновывается необходимость определить соответствующие районы и береговые линии, а затем от этого отказываются на основании невозможности осуществления такого определения. Корректировка медианной линии или перемещение к северу на 18 минут по всем меридианам представляется судье Оде необоснованными. И хотя в решении утверждается, что медианная линия между Мальтой и Ливией проводится в качестве первой стадии делимитации, предлагаемая окончательная линия раздела, сдвинутая на 18 минут к северу, не будет иметь признаков равноудаленности, так что новую линию нельзя по сути считать скорректированной медианой. Фактически, использованный в решении метод обусловил рассмотрение всей территории одной из сторон как особое обстоятельство, влияющее на делимитацию (Сицилия/Ливия), что Суд не был призван делать и что исключает эту сторону. В этом контексте принцип дробности, который может иногда применяться к острову, интерпретируется совершенно иначе, чем в решении арбитражного суда по англо-французскому делу в 1977 году. По мнению судьи Оды, «принцип половины» в отношении острова был неправильно интерпретирован в решении Суда 1982 года по делу Тунис/Ливия и в решении Судебной палаты 1984 года по делу *О заливе Мэн*. Разъясняя свои критические заявления, он анализирует соответствующие разделы этих решений, а также проверку обеспечения принципа «пропорциональности», как он первоначально был упомянут в деле о *Континентальном шельфе Северного моря*.

Судья Ода считает, что норма равноудаленности особых обстоятельств, изложенная в Конвенции 1958 года о континентальном шельфе, по-прежнему является частью международного права, и, кроме того, роль особых обстоятельств не оправдывает замены линии равноудаленности, создает основу для ее корректировки, с тем чтобы избежать каких-либо искажающих воздействий. В данном деле судья Ода предлагает игнорировать остров Фильфола при проведении линии равноудаленности между Ливией и Мальтой. Полученная в результате линия и будет, по его мнению, правильной делимитацией. Проведение

ее при данных обстоятельствах не имело бы никакого воздействия на иск третьей стороны, но означало бы, что ни Ливия, ни Мальта не будут иметь право предъявлять какие-либо иски друг против друга в любом другом районе.

Частное мнение судьи Швобеля

Судья Швобель не согласен с решением по двум аспектам. По его мнению, линия делимитации в нем была излишне усечена с тем, чтобы предотвратить претензии со стороны Италии; эта линия является не медианной линией между противоположащими побережьями Ливии и Мальты, а «скорректированной» медианной линией, которая, как ему представляется, не является верной.

Судья Швобель утверждает, что хотя требование Италии вступить в дело между Ливией и Мальтой было отвергнуто Судом, нынешнее решение предоставляет Италии все, что она хотела, требуя вступить в данное дело. Суд обосновывает свое невероятное заключение, утверждая, что специальное соглашение между Ливией и Мальтой предоставляет Суду лишь юрисдикцию решения вопросов делимитации континентального шельфа, который принадлежит Мальте и Ливии, а не какой-либо третьей стороне. Однако в Специальном соглашении ничего не говорится о районах, которые принадлежат исключительно одной из сторон. Более того, в делах о границах, как уже указывалось в более ранних решениях, от Суда не требуется выносить абсолютно полное решение. Таким образом, Суд мог бы в деле Мальты и Ливии затронуть районы, в отношении которых Италия, а также Мальта или Ливия могли предъявить иск, оставляя в резерве права Италии. То что такая интерпретация специального соглашения является более правильной, показывает тот факт, что обе стороны — Мальта и Ливия — поддержали ее. Но Суд, в нарушение правил толкования договоров, не принял во внимание интерпретацию, которую дали стороны в своем соглашении. Судья Швобель сомневается в правильности того, что в решении Суда по этим причинам претензии Италии полностью отклоняются, и потому что, как представляется, это дает в руки третьей стороны

определение объема юрисдикции, которую две другие стороны передали Суду.

Что же касается местоположения линии разграничения, то хотя судья Швобель согласен с тем, что в случае чистого противолежания государств медианная линия является верным отправным пунктом, но он не согласен с решением Суда о перемещении этой линии на значительное расстояние к северу, которое тем самым предоставляет Ливии намного большую часть шельфа, чем при медианной линии. Суд опирался в основном на тот факт, что побережье Ливии протяженнее побережья Мальты и что в широком географическом контексте мальтийские острова — это небольшое образование, лежащее южнее континентальной медианной линии. Но Суд не смог обосновать доказательность и даже соответствие делу таких обстоятельств. Они не дают основания для игнорирования всех островов Мальты в целом, которые составляют это независимое государство — как если бы они были аномальными зависимыми островами континентального государства. Общий географический контекст — который в любом случае был резко сужен Судом отклонением претензий Италии — работает против Мальты не больше, чем против Ливии. Что же касается того факта, что побережье Ливии имеет большую протяженность, поскольку всегда считалось, что основание треугольника длиннее его вершины, это только естественно, что больший район прилегает к основанию (Ливия), чем к вершине (Мальта). Однако Суд идет дальше и дает Ливии премию за то, что ее побережье протяженнее. Суд отрицает, что он делает это для соблюдения принципа пропорциональности. Однако он не предлагает альтернативного обоснования. Он, скорее, основывает свое решение на некоем интуитивном инстинкте, предоставляя премию Ливии за то, что ее побережье протяженнее, чем береговая линия Мальты. Более того, Суд не предлагает объективной поддающейся проверке взаимосвязи обстоятельств, которые он считает относящимися к делу и определения точной линии, которую он считает справедливой. Он не смог показать, что эти обстоятельства диктуют корректировку именно в объеме предлагаемой корректировки.

77. ЗАЯВЛЕНИЕ О ПЕРЕСМОТРЕ И ТОЛКОВАНИИ РЕШЕНИЯ ОТ 24 ФЕВРАЛЯ 1982 ГОДА ПО ДЕЛУ, КАСАЮЩЕМУСЯ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА (ТУНИС/ЛИВИЙСКАЯ АРАБСКАЯ ДЖАМАХИРИЯ)

Решение от 10 декабря 1985 года

В решении по вопросу, касающемуся заявления о пересмотре и толковании, поданном Тунисом против Ливийской Арабской Джамахирии в связи с решением от 24 февраля 1982 года по делу о континентальном шельфе (Тунис — Ливийская Арабская Джамахирия) Суд единогласно:

— счел неприемлемой просьбу о пересмотре Решения от 24 февраля 1982 года;

— счел приемлемой просьбу о толковании Решения от 24 февраля 1982 года постольку, поскольку она относится к первому сектору делимитации, предусмотренной этим решением, установил толкование, которое следует произвести в этом отношении, и постановил, что представление Туниса, относящееся к этому сектору, не может быть поддержано;

— счел, что просьба Туниса относительно исправ-

ления ошибки безосновательна и что он, поэтому, не обязан принимать решение по этому вопросу;

— счел приемлемой просьбу о толковании Решения от 24 февраля 1982 года постольку, поскольку оно относится к самой западной точке залива Габес во втором секторе делимитации, предусмотренной Решением установки толкования, которое следует произвести в этом отношении, и постановил, что он не может поддержать представление Туниса относительно этого сектора;

— счел, что в то время не отсутствовали причины, по которым Суд назначил бы экспертное обследование с целью установления точных координат самой западной точки залива Габес.

*
* * *

Международный Суд заседал в следующем составе: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Ода, Сетте-Камара, Швобель, Мбайе, Беджауи, Ни; *судья ad hoc* г-жа Бастид и Хименес де Аречага.

*
* * *

Судьи Руда, Ода и Швобель и судья *ad hoc* г-жа Бастид приложили свои особые мнения к решению.

*
* * *

В этих мнениях соответствующие судьи изложили и объяснили свои позиции в отношении некоторых пунктов, изложенных в Решении.

*
* * *

СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОСТАНОВЛЯЮЩЕЙ ЧАСТИ РЕШЕНИЯ ОТ 24 ФЕВРАЛЯ 1982 ГОДА

Будет полезно напомнить постановляющую часть Решения от 24 февраля 1982 года, на которую часто ссылается Суд.

В ней Суд декларирует принципы и нормы международного права, применимые к делимитации районов континентального шельфа, принадлежащих соответственно Тунису и Ливийской Арабской Джамахирии, в оспариваемом регионе. В ней содержится перечень относящихся к делу обстоятельств, которые должны быть приняты во внимание для достижения справедливой делимитации, и определяется практический метод, применяемый при делимитации.

Делимитация, осуществляемая методом, определенным Судом, разделена на два сектора:

«в первом секторе, то есть в секторе, расположенном ближе к побережью сторон, исходной точкой линии делимитации является точка, где внешние пределы территориального моря сторон пересе-

каются прямой линией, проведенной от сухопутной границы в точке Рас Аждир через точку 33°55' северной широты и 12° восточной долготы, которая проходит приблизительно под углом в 26° к северо-востоку, что соответствует углу наклона северо-западной границы ливийских нефтяных концессий под номерами NC 76, 137, NC 41 и NC 53, которые располагаются вдоль юго-восточной границы Тунисской нефтяной концессии "Permis complémentaire off shore du gobfe de galès" (21 октября 1966 года); от вышеозначенной точки пересечения линия делимитации двух континентальных шельфов идет на северо-восток через точки 33°55' северной широты и 12° восточной долготы и далее в том же направлении до точки пересечения с параллелью, проходящей через самую западную точку тунисского побережья между Рас Кабудиа и Рас Аждир, то есть самую западную точку на береговой линии (низшая точка отлива) залива Габес; во втором секторе, а именно в районе, который простирается по направлению к морю за параллелью самой западной точки залива Габес, линия делимитации двух континентальных шельфов отклоняется к востоку таким образом, чтобы учесть острова Керкенна; то есть линия делимитации идет параллельно линии, проведенной от самой западной точки залива Габес, разделяя пополам угол, образованный линией, идущей от этой точки до Рас Кабудиа, и линией, проведенной из той же точки вдоль обращенной в сторону моря части побережья островов Керкенна. Наклон линии делимитации, параллельной этой биссектрисе, составляет угол в 52° к меридиану; продолжение этой линии на северо-восток — вопрос, выходящий за рамки юрисдикции Суда в данном деле, поскольку он зависит от согласования делимитации с третьими государствами».

В конце данного резюме воспроизводится карта № 3, которая была приложена также и к решению 1982 года, выполненная исключительно с иллюстративными целями.

В заявлении сначала судебного разбирательства, которое было им зарегистрировано 27 июля 1984 года, Тунис представил Суду несколько отдельных просьб: просьбу о пересмотре Решения, вынесенного Судом 24 февраля 1982 года (далее именуемого «Решение 1982 года»), представленную на основании статьи 61 Статута Суда; просьбу о толковании этого решения, поданную на основании статьи 60 Статута Суда; и просьбу об исправлении ошибок. К ним была позднее добавлена просьба к Суду назначить экспертное обследование. Суд рассмотрит эти просьбы в одном решении.

Вопрос приемлемости заявления о пересмотре (пункты 11-40)

В соответствии со статьей 61 Статута действия по пересмотру могут быть начаты на основании решения Суда, объявляющего заявление приемлемым на основании, предусмотренном Статутом Суда. Рассмотрение существа дела предпринимается, только если Суд счел заявление приемлемым. Соответственно Суд должен сначала рассмотреть вопрос о

приемлемости заявления о пересмотре Решения 1982 года, представленного Тунисом. Условия приемлемости установлены в статье 61, пункты 1, 4 и 5 которой гласят:

«1. Просьба о пересмотре решения может быть заявлена лишь на основании вновь открывшихся обстоятельств, которые по своему характеру могут оказать решающее влияние на исход дела и которые при вынесении решения не были известны ни Суду, ни стороне, просящей о пересмотре, при том непременном условии, что такая неосведомленность была результатом небрежности.

4. Просьба о пересмотре должна быть заявлена до истечения шестимесячного срока после открытия новых обстоятельств.

5. Никакие просьбы о пересмотре не могут быть заявлены по истечении десяти лет с момента вынесения решения».

Факт, который, как утверждает Тунис, был неизвестен ни Суду, ни самому Тунису до принятия Решения 1982 года, — это текст резолюции ливийского совета министров от 28 марта 1968 года, которая определяет «истинное направление» северо-западной границы нефтяной концессии, предоставленной Ливией и известной как Концессия № 137, которая упоминается в Решении, особенно в его постановляющей части (см. выше).

Тунис утверждает, что истинное направление этой границы существенно отличается от того, которое было получено в результате различных описаний, которые Ливия представила Суду во время судебного разбирательства, приведшего к Решению 1982 года. Тунис также отмечает, что линия делимитации, проходящая через точку 33°55' северной широты и 12° восточной долготы, отводит Ливии район континентального шельфа, на который Тунис имеет лицензию от 1966 года, в противоречие недвусмысленному решению Суда, все решение которого, по мнению Туниса, основано на идее уравнивания лицензий и концессий, предоставленных обеими сторонами, и на проистекающем отсюда отсутствии и какого-либо частичного совпадения претензий до 1974 года.

Не оспаривая географических фактов относительно положения границ соответствующих концессий, заявленных Тунисом, Ливия подчеркивает, что это не приводит к искажению картины ее концессий. Она воздержалась от какого-либо заявления относительно точного характера связи между ливийской концессией № 137 и тунисской лицензией 1966 года и ограничилась указанием на существование общей для этих концессий границы, идущей под углом приблизительно 26° от Рас Аждир.

Однако Ливия оспаривает приемлемость заявлений о пересмотре на фактической и правовой основе. По мнению Ливии, заявление не отвечает ни одному из условий, оговоренных в статье 61 Статута, за исключением условия, касающегося десятилетнего периода, оговоренного в пункте 5. Она утверждает:

— что факт, на котором основана просьба, был известен Тунису во время вынесения Решения 1982 года, или, по крайней мере, ранее, чем за 6 месяцев до подачи заявления,

— что, если этот факт был неизвестен Тунису, то эта неосведомленность могла быть вызвана лишь его небрежностью, и

— что Тунис не показал, что вновь открывшееся обстоятельство «по своему характеру может оказать решающее влияние».

Суд напоминает, что все, что известно Суду, должно считаться также известным стороне, добывающей пересмотра, и сторона не может утверждать, что она не знала об обстоятельстве, надлежащим образом доведенным до ее сведения.

Суд рассматривает вопрос, поставленный Тунисом, на основе того, что обстоятельство, предположительно неизвестное в 1982 году, относится исключительно к координатам, определяющим границу концессии № 137, поскольку существование частичного перекрытия северо-западной оконечности ливийской концессии № 137 и юго-западной оконечности лицензии Туниса вряд ли было неизвестно Тунису. Он отмечает, что, согласно Ливии, информация, представленная Суду, была верна, но точные координаты концессии № 137 не были переданы Суду ни одной из сторон, так что Тунис не смог бы выяснить точное местоположение ливийской концессии из ходатайств и других материалов, представленных Суду в то время. Суд, однако, должен рассмотреть, были ли обстоятельства таковыми, что позволили Тунису выяснить точные координаты концессии из других источников, и было ли это действительно в интересах Туниса. Если это так, то Суд не считает, что Тунис может считать эти координаты неизвестным ему обстоятельством по смыслу пункта 1 статьи 61 Статута. Рассмотрев возможные источники информации Туниса и утверждая, исходя из этого, что точные координаты границ концессии могли стать известны Тунису, и что в его интересах было получение таковых, Суд заключает, что одно из основных требований приемлемости просьбы о пересмотре, установленное в пункте 1 статьи 61 Статута — неосведомленность о новом обстоятельстве не в результате небрежности — отсутствует.

Суд считает полезным рассмотреть также, могло ли обстоятельство, связанное с координатами Концессии «по своему характеру оказать решающее влияние», как того требует пункт 1 статьи 61. Он указывает, что, по утверждению Туниса, совпадение границы ливийских концессий и тунисской лицензии 1966 года является «существенным элементом разграничения... и, по сути своей, решающим соображением в Решении». Взгляд Туниса на решающее значение этого совпадения вытекает из его толкования постановляющей части Решения 1982 года (см. выше, стр. 3). Однако, по мнению Суда, эта постановляющая часть четко разделяется на две части. В первой части Суд устанавливает начальную точку линии делимитации, которая находится на пересечении границы территориального моря сторон и линии, которая называется «определяющей линией», проведенной от пограничной точки Рас Аждир через

точку с координатами 33°55' северной широты и 12° восточной долготы. Во второй части Суд добавляет, что эта линия идет под конкретным приблизительным углом и что этот угол соответствует углу, образованному границей концессий, о которых упоминалось выше. Затем он определяет фактическую линию делимитации как проходящую от этой точки пересечения на северо-восток под тем же углом (приблизительно 26°) через точку с координатами 33°55' северной широты и 12° восточной долготы.

Суд определяет, что постановляющая часть Решения содержит единственный точный критерий для проведения линии делимитации, а именно то, что она должна проходить через конкретно определенные точки. Другие соображения не упоминаются как часть описания самой линии делимитации; они появляются в постановляющей части лишь в качестве объяснения, а не определения «линии делимитации».

Затем Суд рассматривает вопрос, принял ли бы он иное решение, если бы ему были известны точные координаты концессии № 137. Здесь он делает три наблюдения. Во-первых, линия, возникающая в результате предоставления нефтяных концессий, ни в коей мере не является единственным соображением, принимаемым во внимание Судом, и метод, который был указан Судом для достижения справедливой делимитации, был фактически получен в результате взвешивания ряда соображений.

Во-вторых, довод Туниса, состоящий в том, что тот факт, что ливийские концессии не совпадают с тунисской границей на западе, вынудил бы Суд, если он был ему известен, избрать другой подход, выводится из узкого толкования термина «уровненный», который использован в постановляющей части Решения 1982 года. Очевидно, что, используя это слово, Суд не имел в виду, что границы соответствующих концессий полностью совпадают в том смысле, что они нигде не заходят одна за другую и нигде не оставляют неохваченных районов морского дна между границами. Более того, из того, что было сказано во время судебного разбирательства, Суду было известно, что ливийская граница представляет собой прямую линию (под углом в 26°), а тунисская граница — ступенчатую линию, или оставляя неохваченные районы, или создавая частично перекрывающиеся районы. Тунисская граница в целом идет под углом в 26° от Рас Аждира, и, согласно Суду, граница ливийской концессии идет в целом в том же направлении.

В-третьих, в «выравнивании» границ концессий Суду было важно не только то, что Ливия, по-видимому, ограничила свою концессию 1968 года так, чтобы не посягать на тунисскую лицензию 1966 года. Важно, что обе стороны предпочли использовать в качестве границы предоставленных им лицензий или концессий линию, которая соответствует приблизительно линии, проведенной от Рас Аждира под углом в 26° к меридиану. Их выбор является указанием на то, что в то время линия под углом в 26° считалась обоими государствами справедливой.

Из вышеизложенного следует, что на аргументацию Суда в 1982 году совершенно не влияют представленные теперь данные, касающиеся границ кон-

цессии № 137. Это не означает, что если бы координаты концессии № 137 были четко указаны Суду, то Решение 1982 года было бы сформулировано точно так же. Могли бы быть добавлены некоторые подробности. Но для того, чтобы заявление о пересмотре было сочтено приемлемым, недостаточно, чтобы новое обстоятельство, на котором оно основывается, могло, если бы оно было известно, позволить Суду вынести более конкретное решение; оно должно также быть обстоятельством, «которое по своему характеру может оказать решающее влияние». Однако подробности точных координат концессии № 137 не только не являются таким обстоятельством, но и не изменили бы решение Суда по первому сектору делимитации. Соответственно Суд должен сделать вывод, что заявление Туниса о пересмотре Решения 1982 года неприемлемо в соответствии с положениями статьи 61 Статута Суда.

Просьба о толковании в первом секторе делимитации (пункты 41-50)

В том случае, если Суд сочтет неприемлемым заявление о пересмотре, Тунис подал также вспомогательную просьбу о толковании относительно первого сектора делимитации, основанную на статье 60 Статута. Суд сначала в связи с этим рассматривает возражение относительно юрисдикции, высказанное Ливией. Последняя утверждает, что если необходимы объяснения или разъяснения, то стороны должны вновь совместно обратиться в Суд в соответствии со статьей 3 Специального соглашения, на основании которой они первоначально обратились в Суд¹. Вследствие этого возникает вопрос о связи процедуры, предусмотренной статьей 3 Специального соглашения и возможностью подачи одной из сторон просьбы о толковании какого-либо решения в одностороннем порядке согласно статье 60 Статута Суда. Рассмотрев утверждения сторон, Суд приходит к выводу, заключающемуся в том, что существование статьи 3 Специального соглашения не является препятствием для просьбы о толковании, поданной Тунисом на основании статьи 60 Статута.

Далее Суд рассматривает вопрос о том, соответствует ли просьба Туниса условиям приемлемости. Он полагает, что между сторонами на самом деле существует спор относительно значения и сферы охвата Решения 1982 года, поскольку они не согласны по вопросу о том, является ли указание Решения 1982 года о том, что линия должна проходить через точку с координатами 33°55' северной широты и 12° восточной

¹Статья 3 Специального соглашения сформулирована следующим образом:

«В случае если соглашение, упомянутое в статье 2, не будет достигнуто в течение трех месяцев, с возобновлением по взаимному согласию соглашения с даты вынесения Судом решения, обе стороны вновь совместно обратятся в Суд и подадут просьбу об объяснении или разъяснении, которые смогут облегчить задачу двух делегаций, заключающуюся в определении линии, разделяющей два района континентального шельфа, и обе стороны подчинятся решению Суда и его объяснениям и разъяснениям».

долготы, вопросом, решение по которому имеет обязательную силу; Ливия утверждает, что имеет, Тунис — что не имеет. Таким образом, Суд заключает, что просьба Туниса о толковании по отношению к первому сектору приемлема.

Далее Суд конкретно рассматривает значение принципа *res judi cاتا* в настоящем деле. В частности, он отмечает, что хотя стороны не поручали ему саму задачу проведения линии делимитации, они обязались применять принципы и нормы, указанные Судом в его решении. Что же касается цифровых данных, предложенных Судом, то каждый элемент должен рассматриваться в своем контексте для установления того, имел ли Суд в виду точное указание или только директиву, подверженную колебанию.

Тунис утверждает, что в первом секторе предметом его просьбы о толковании является «получение разъяснения, в частности относительно установления сравнительного значения принятых Судом критериев, учитывая невозможность одновременного применения этих критериев для определения исходной точки линии делимитации...». Он полагает, что граница, которая должна быть принята во внимание при определении линии делимитации, может быть только юго-восточной границей тунисской лицензии 1966 года. Суд уже разъяснил в связи с просьбой о пересмотре, что Решение 1982 года устанавливает в целях делимитации один четкий критерий для проведения этой линии, а именно то, что это должна быть прямая линия, проведенная через две конкретно определенные точки. Таким образом, просьба Туниса о толковании основывается на неправильном понимании смысла соответствующего места постановляющей части Решения 1982 года. Суд, таким образом, считает, что оно не может поддержать представление Туниса относительно толкования Решения в этом отношении и не может ничего добавить к тому, что им было уже сказано в суждении относительно приемлемости просьбы о пересмотре, в том, что касается смысла и сферы охвата Решения 1982 года (см. пункты 32-39 Решения).

Просьба об исправлении ошибки, допущенной в первом секторе делимитации
(пункты 51 и 52)

Что касается просьбы Туниса об исправлении ошибки, которая была представлена как вспомогательная просьба о замене координат 33°55' северной широты и 12° восточной долготы другими координатами, то Суд считает, что она основывается на высказанном Тунисом мнении, которое состоит в том, что выбор Судом этой точки был результатом применения критерия, согласно которому линия делимитации не должна заходить за границы тунисской концессии 1966 года. Однако дело обстоит иначе; вышеозначенная точка была избрана как удобное конкретное средство определения линии, идущей под углом в 26° от Рас Аждира. Соответственно, просьба Туниса в этом отношении, по-видимому, основана на неправильном понимании и поэтому становится беспредметной. Таким образом, не требуется никакого решения по этому вопросу.

Просьба о толковании во втором секторе делимитации
(пункты 53-63)

Теперь Суд обращается к просьбе Туниса о толковании Решения 1982 года в том, что касается второго сектора делимитации. Согласно этому Решению, делимитационная линия в первом секторе проводилась «до точки пересечения с параллелью, проходящей через самую западную точку тунисского побережья между Рас Кабудиа и Рас Аждир, то есть самую западную точку береговой линии (низшую точку отлива) залива Габес». За этой параллелью линия делимитации должна была отразить коренное изменение в направлении береговой линии Туниса, означенное заливом Габес. Никаких даже приблизительных координат не было указано в постановляющей части Решения для обозначения той точки, которая, по мнению Суда, является самой западной точкой залива Габес. Согласно Решению, «точные координаты данной точки должны быть определены экспертами, но Суд полагает, что они должны быть приблизительно следующими: 34°10'30" северной широты.

Тунис утверждает, что координаты 34°10'30" северной широты, указанные в Решении, не являются обязательными для сторон, поскольку они не повторены в постановляющей части. Ливия, с другой стороны, утверждает, что поскольку Суд уже произвел собственные расчеты, точное определение местоположения этой точки экспертами может внести поправку «возможно, равную нескольким секундам», не больше. Поскольку это так, то Суд считает, ради условий приемлемости, которые он должен в первую очередь рассмотреть, что между сторонами действительно имеется спор по вопросу о том, что в Решении 1982 года имеет обязательную силу. Суд также полагает, что истинная цель просьбы Туниса заключается в попытке получить разъяснение Суда о «смысле и сфере охвата решения Суда» по этому вопросу в рамках Решения 1982 года. Поэтому Суд считает приемлемой просьбу Туниса о толковании в отношении второго раздела.

Тунис придает большое значение тому, что параллель 34°10'30", указанная Судом, пересекается с береговой линией в устье вади (высохшего русла реки). Признавая, что в регионе этой параллели имеется точка, где приливные воды доходят до более западной долготы, чем в других рассматриваемых точках, Тунис не придает этому значения и считает самой западной точкой на побережье залива Габес 34°05'20" северной широты (Карфаген). Объясняя основания для непринятия этого, Суд заявляет, что под «самой западной точкой береговой линии (низшую точку отлива) залива Габес», он имел в виду лишь точку береговой линии, которая находится западнее всех других точек береговой линии и обладает тем преимуществом, что ее можно определить объективно. Что касается наличия вади приблизительно на той же широте, что указана Судом, то Суд всего лишь упомянул знакомое понятие «низшей точки отлива». Он не имел намерения указывать самую западную точку базисных линий, от которых измеряется или может измеряться ширина терри-

ториального моря; и мысль о том, что он мог упомянуть о таких базисных линиях, чтобы исключить из своего определения «самой западной точки» точку, расположенную в устье вади, должна считаться необоснованной.

Что же касается значения, придаваемого упоминанию Судом в Решении 1982 года о северной широте $34^{\circ}10'30''$, то Суд поясняет, что он принял эту широту для практического определения точки, в отношении которой должно изменяться направление линии делимитации. Определение не имеет обязательной силы для сторон, и в этом отношении важно, что слово «приблизительно» было использовано для описания широты, а также что в постановляющей части Решения о ней не упоминается. Более того, задача определения точных координат «самой западной точки» оставлена экспертам. Отсюда следует, что Суд не может поддержать представления Туниса о том, что самая западная точка имеет координаты $34^{\circ}05'20''$ северной широты (Карфаген). В 1982 году было принято четкое решение о том, что точные координаты должны быть определены экспертами, и утверждать, что конкретная координата является самой западной точкой залива Габес, было бы несообразно с тем решением Суда.

Поэтому Суд дает определенные указания экспертам, заключающиеся в том, что они должны выявить самую западную точку по низшей точке отлива, используя имеющиеся карты, не принимая во внимание никаких базовых прямых и проводя, по необходимости, обследование на месте, независимо от того, располагается ли данная точка в проливе, или в устье вади, и можно ли ее считать началом изменения направления береговой линии.

Просьба о проведении экспертного обследования (пункты 64-68)

Во время слушания дела Тунис сделал вспомогательное представление о назначении экспертного обследования для определения точных координат самой западной точки залива Габес. Суд замечает по этому вопросу, что он мог бы удовлетворить эту просьбу только в том случае, если бы определение координат этой точки было необходимо для того, чтобы он мог вынести решение по представленным вопросам. Однако Суду подана просьба о толковании предыдущего решения, и в 1982 году он указал, что не ставит перед собой цель точного определения этих координат, оставляя эту задачу экспертам сторон. В то время Суд воздержался от того, чтобы самому назначить эксперта, поскольку речь шла о необходимом элементе в его решении о том, какие методы применять на практике. Его решение по этому вопросу охватывается полномочиями *res judicata*. Однако это не мешает сторонам вновь подать в Суд совместную просьбу о назначении экспертного обследования, но они должны это сделать на основе соглашения. Суд заключает, что в настоящее время не существует причины назначать экспертное обследование с целью определения точных координат самой западной точки залива Габес.

На будущее Суд напоминает, что стороны обязаны заключить договор в целях делимитации. Они

должны гарантировать, что Решение 1982 года будет осуществляться, чтобы спор наконец был разрешен, и, следовательно, должны действовать так, чтобы их эксперты непредвзято определили координаты самой западной точки в свете указаний, содержащихся в Решении.

ПОСТАНОВЛЯЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ РЕШЕНИЯ СУДА

Суд,

А. Единогласно,

находит неприемлемой просьбу, представленную Республикой Тунис, о пересмотре, в соответствии со статьей 61 Статута Суда, Решения, вынесенного Судом 24 февраля 1982 года;

В. Единогласно,

1) *находит приемлемой* просьбу, представленную Республикой Тунис, о толковании, согласно статье 60 Статута Суда, Решения от 24 февраля 1982 года в части, относящейся к первому сектору делимитации, предусмотренной в этом Решении;

2) *заявляет*, относительно толкования Решения от 24 февраля 1982 года, что смысл и сфера охвата той части Решения, которая относится к первому сектору делимитации, должны пониматься в соответствии с пунктами 32-39 настоящего Решения;

3) *находит*, что представление Республики Тунис от 14 июня 1985 года, относящееся к первому сектору делимитации, не может быть поддержано;

С. Единогласно,

находит, что просьба Республики Тунис об исправлении ошибки беспредметна и что, следовательно, Суд не должен выносить по нему решения;

D. Единогласно,

1) *находит приемлемой* просьбу Республики Тунис о толковании, согласно статье 60 Статута Суда, Решения от 24 февраля 1982 года в части, относящейся к «самой западной точке залива Габес»;

2) *заявляет*, относительно толкования Решения от 24 февраля 1982 года,

a) что упоминание в пункте 124 этого Решения о «приблизительно $34^{\circ}10'30''$ северной широты» является общим указанием на широту точки, которую Суд считает самой западной точкой береговой линии (низшей точкой отлива) залива Габес, представляя экспертам сторон определить точные координаты этой точки; что широта $34^{\circ}10'30''$ не должна была сама по себе иметь обязательную силу для сторон, но использовалась для разъяснения того положения пункта 133 С (3) этого Решения, которое имеет обязательную силу;

b) что упоминание в пункте 133 С (2) этого Решения о «самой западной точке побережья Туниса между Рас Кабудиа и Рас Аждир, то есть самой западной точке береговой линии (низшей точке отлива) залива Габес», и аналогичное упоминание в пункте 133 С (3) следует считать обозначением той точки береговой линии, которая расположена дальше всего к западу на низшей точке отлива; и

c) что эксперты сторон, используя имеющиеся

картографические документы, и, при необходимости, проводя специальное экспертное обследование на месте, должны определить точные координаты этой точки, независимо от того, расположена ли она в проливе или в устье вади, и невзирая на то, может ли такая точка считаться экспертами началом изменения направления береговой линии;

3) *находит*, что представление Республики Тунис касательно того, «что самая западная точка залива Габес лежит на северной широте 34°05'20" (Карфаген), не может быть поддержано;

Е. Единогласно,

находит, что, в отношении представления Республики Тунис от 14 июня 1985 года, в настоящее время отсутствуют причины, по которым Суд назначил бы экспертное обследование для определения точных координат самой западной точки залива Габес.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ К РЕШЕНИЮ СУДА

Особое мнение судьи Руда

Особое мнение судьи Руда относится к связи между статьей 60 Статута Суда, которая посвящена толкованию предыдущих решений, и статьей 3 Специального соглашения, наделяющей стороны правом просить у Суда «объяснений и разъяснений».

Судья Руда считает, что хотя Ливия выставила в ходе прений возражение относительно юрисдикции, основанное на статье 3, она потом сняла это возражение. Судья Руда, в отличие от Суда, также считает, что эта статья устанавливает специальную процедуру, которую следует соблюсти перед обращением в Суд: «Целью статьи 3 является обязать стороны предпринимать усилия для урегулирования между собой разногласий, прежде чем они обращаются в Суд; если такие усилия не приводят к успеху, то стороны могут обращаться в одностороннем порядке с просьбой о толковании в соответствии со статьей 60 Статута».

Особое мнение судьи Ода

Судья Ода, как голосовавший против при принятии первоначального Решения 1982 года, заявил, что если бы Суд был более осторожен в 1982 году при упоминании о бывших тунисских и ливийских концессиях, постольку поскольку они представляют собой важный фактор при определении Судом линии делимитации, настоящее дело, возможно, и не было представлено. Это кажется ему существенным моментом, который должен быть яснее признан Судом в данном решении.

Что же касается заявления Туниса о пересмотре линии делимитации в первом секторе, то судья Ода придерживается мнения, что Суд предполагал проведение прямой линии, соединяющей Рас Аждир и точку в океане с координатами 33°55' северной широты и 12° восточной долготы, и что это намерение такого свойства, что на него не могут повлиять какие-либо вновь открывшиеся обстоятельства настолько, чтобы вынудить Суд пересмотреть его решение. Однако, какой бы критике не подвергалось Решение 1982 года, причины и мотивы, лежащие в основе этого Решения, являющегося окончательным, по мнению судьи Ода, не подлежат пересмотру на основании статьи 61 Статута Суда.

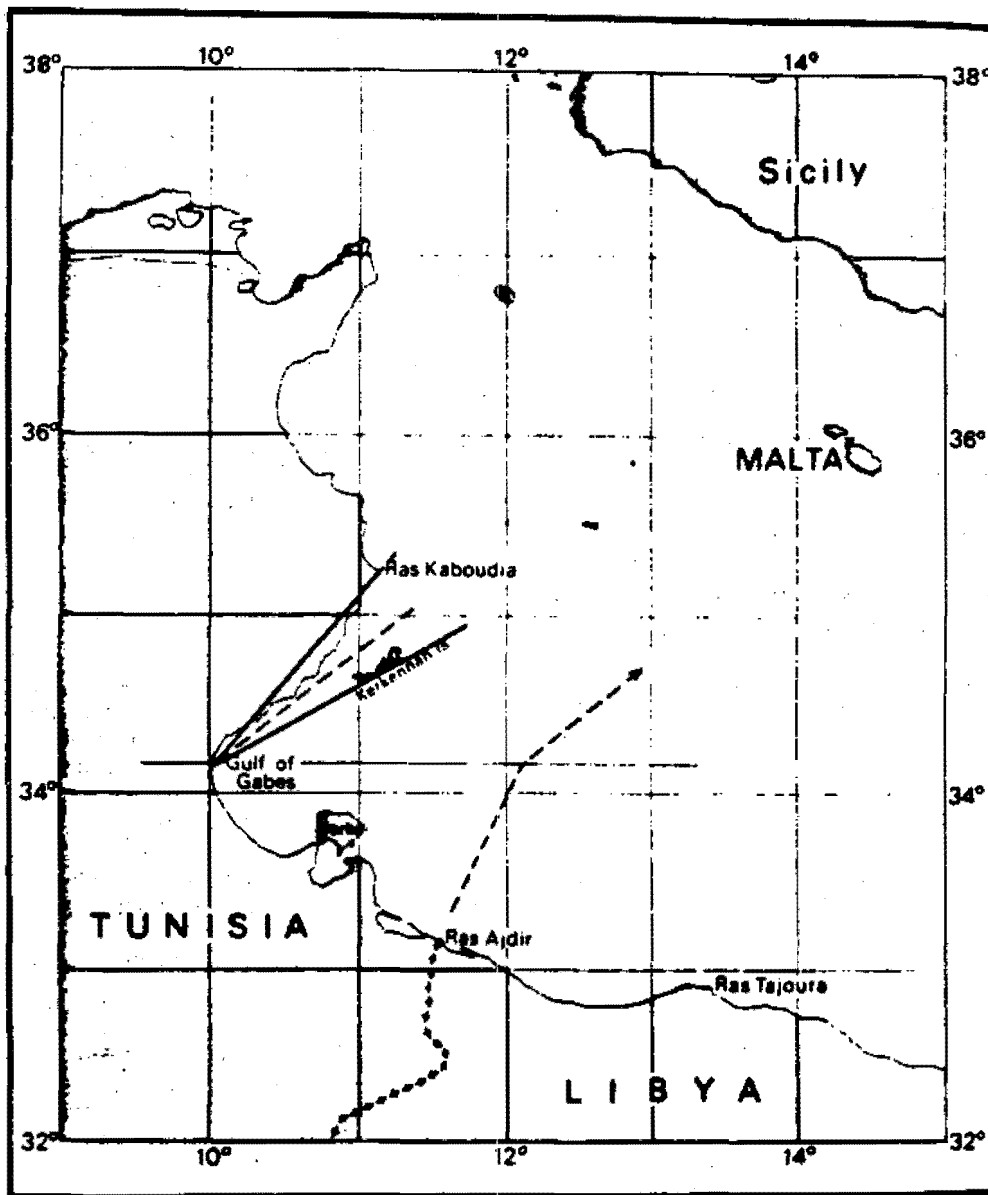
Что же касается просьб Туниса о толковании как первого, так и второго сектора линии делимитации, то судья Ода придерживается того мнения, что эти просьбы должны были быть сочтены неприемлемыми, поскольку они являются просто завуалированными просьбами о пересмотре. Первый сектор является, как указано выше, недвусмысленной линией, соединяющей две четкие точки, а точка поворота направления линии делимитации ко второму сектору была определена Судом на той же широте, что и маленький выступ на тунисском побережье, которую Суд выбрал поворотной точкой в береговой линии. Как бы ни были спорны эти определения Суда, они настолько ясны, что не допускают толкования.

Особое мнение судьи Швებеля

Судья Швებель высказал оговорки относительно вопроса о том, сознавали ли члены Суда в 1982 году, что в 1974 году существовало частичное перекрытие нефтяных концессий сторон на протяжении 50 миль побережья. По его мнению, Решение 1982 года было бы сформулировано иначе, если бы это было правильно понято. Он, однако, убежден, что такое понимание не изменило бы решение Суда по первому сектору линии делимитации, и в основном согласен с настоящим решением.

Особое мнение г-жи Бастид, судьи ad hoc

В своем особом мнении г-жа Сюзанн Бастид судья *ad hoc*, избранная Тунисом, отклоняет просьбу о пересмотре на основании того, что новых обстоятельств не обнаружилось. Она считает приемлемыми просьбы о толковании. По первому сектору она критикует связь, установленную между аргументами в пользу пересмотра и в пользу толкования. По второму сектору она считает необходимым вспомнить значение термина «береговая линия» (низшая точка отлива), использованного в постановляющей части Решения 1982 года.

Карта № 3

Только в иллюстративных целях и без предубеждения по отношению к роли экспертов в точном определении линии делимитации.

(Выдержка из I.C.J. Reports 1982, page 90)

78. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ СПОРА О ГРАНИЦЕ (БУРКИНА-ФАСО/РЕСПУБЛИКА МАЛИ) (ВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ)

Постановление от 10 января 1986 года

Единогласно принятое постановление камеры Суда, образованной с целью разбора спора между Буркина-Фасо и Мали по поводу границы, содержало указание временных мер.

В числе прочих мер камера предложила правительствам Буркина-Фасо и Мали отвести свои вооруженные силы на такие позиции, или за пределы таких линий, которые могут быть в двадцатидневный срок со дня вручения данного постановления определены по соглашению между двумя правительствами, причем дата отвода войск будет установлена в этом же соглашении; в случае, если такое соглашение достигнуто не будет, камера сама укажет дату отвода войск.

Кроме того, камера призвала обе Стороны продолжать соблюдение уже существующего прекращения огня; не изменять прежде существовавшее положение в отношении управления спорными территориями; избегать любых действий, способных усугубить или расширить спор, по поводу которого созвано заседание настоящей камеры.

Камера, образованная для разбора дела о конфликте между *Буркина-Фасо и Мали* по поводу границы, учреждена в следующем составе:

Председатель Мохаммед Беджауи; *судьи* Манфред Ляхс, Хосе-Мария Руда; *судьи ad hoc* Франсуа Люшер, Джордж Аби-Сааб.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ С УКАЗАНИЕМ ВРЕМЕННЫХ МЕР

КАМЕРА,
единогласно,

1. *Указывает*, в ожидании принятия окончательного решения в ходе судопроизводства, начатого 20 октября 1983 года нотификацией специального

соглашения между правительством Республики Верхняя Вольты (ныне Буркина-Фасо) и правительством Республики Мали, подписанного 16 сентября 1983 года и касающегося конфликта между этими двумя государствами по поводу границы, следующие временные меры:

А. Правительство Буркина-Фасо и правительство Республики Мали должны обеспечить, чтобы не предпринималось никаких действий, могущих усугубить или расширить конфликт, представленный камере на рассмотрение, или нанести ущерб другой стороне, согласно любому решению камеры;

В. Оба правительства должны воздерживаться от любых действий, способных помешать сбору доказательств по настоящему делу;

С. Оба правительства должны по-прежнему соблюдать прекращение огня в соответствии с соглашением между двумя главами государств от 31 декабря 1985 года;

Д. Оба правительства должны отвести свои войска на такие позиции, или за такие линии, которые в двадцатидневный срок со дня вынесения данного постановления могут быть определены по соглашению между этими правительствами, причем дата отвода войск будет установлена этим же соглашением, а в случае, если такое соглашение не будет достигнуто, камера сама укажет дату отвода войск путем вынесения постановления.

В том, что касается управления спорными территориями, то следует сохранять положение, которое там существовало до начала вооруженных действий, ставших причиной требований о временных мерах.

2. *Призывает* представителей обеих сторон срочно уведомить Секретаря о любом соглашении, заключенном между их правительствами, по вопросам, относящимся к пункту 1 D, выше;

3. *Решает*, что в ожидании вынесения своего окончательного решения и не в ущерб применению статьи 76 Регламента, камера будет постоянно заниматься проблемами, являющимися предметом данного постановления.

79. ДЕЛО О ВОЕННОЙ И ВОЕНИЗИРОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НИКАРАГУА И ПРОТИВ НИКАРАГУА (НИКАРАГУА ПРОТИВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ)

Решение от 27 июня 1986 года

Для вынесения своего решения по существу дела, касающегося военных и военизированных действий в Никарагуа и против Никарагуа, возбужденного Никарагуа против Соединенных Штатов Америки, состав Суда был следующим:

Председатель Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Ода, Аго, Сетте-Камара, Швель, сэр Роберт Дженнингс, Мбайе, Беджауи, Ни, Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ПОСТАНОВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ РЕШЕНИЯ СУДА

Суд

1) Одиннадцатью голосами против четырех,

Постановляет, что при рассмотрении спора по делу, возбужденному в Суде заявлением Республики Никарагуа от 9 апреля 1984 года, от Суда требуется применение «оговорки о многостороннем договоре», содержащейся в поправке С) к заявлению о признании юрисдикции, сделанной в соответствии со статьей 36, пункт 2 Статута Суда, правительством Соединенных Штатов и переданному на хранение 26 августа 1946 года;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Ода, Аго, Швобель, сэр Роберт Дженнингс, Мбайе, Беджауи и Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Руда, Элиас, Сетте-Камара и Ни.

2) Двенадцатью голосами против трех,

Отказывается признать коллективную самооборону, которой Соединенные Штаты Америки обосновывают свои военные и военизированные действия в Никарагуа и против Никарагуа, в качестве объекта данного дела.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Аго, Сетте-Камара, Мбайе, Беджауи, Ни и Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Ода, Швобель и сэр Роберт Дженнингс.

3) Двенадцатью голосами против трех,

Постановляет, что Соединенные Штаты Америки, обучая, вооружая, оснащая, финансируя и снабжая провиантом *контрас* или иным способом поощряя, поддерживая и оказывая помощь военными и военизированными действиями в Никарагуа и против Никарагуа, действовали против Республики Никарагуа в нарушение своего обязательства в рамках международного обычного права не вмешиваться в дела другого государства;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Аго, Сетте-Камара, Мбайе, Беджауи, Ни и Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Ода, Швобель и сэр Роберт Дженнингс.

4) Двенадцатью голосами против трех,

Решает, что Соединенные Штаты Америки, осуществляя определенные нападения на территорию Никарагуа в 1983-1984 годах, а именно нападение на Пуэрто-Саидино 13 сентября и 14 октября 1983 года; нападение на Коринто 10 октября 1983 года; нападение на военно-морскую базу в Потоси с 4 на 5 января 1984 года; нападение на Сан-Хуан-дель-Сур 7 марта 1984 года; нападения на патрульные суда в Пуэрто-Саидино 28 и 30 марта 1984 года; и нападение на Сан-Хуан-дель-Норте 9 апреля 1984 года; и кроме того те интервенционистские действия, о которых сказано в подпункте 3) настоящего решения и в кото-

рых использовалась сила, действовали против Республики Никарагуа, в нарушение своего обязательства в рамках обычного международного права не использовать силу против другого государства;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Аго, Сетте-Камара, Мбайе, Беджауи, Ни и Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Ода, Швобель и сэр Роберт Дженнингс.

5) Двенадцатью голосами против трех,

Принимает решение, что Соединенные Штаты Америки тем, что они направляют или разрешают полеты над территорией Никарагуа, а также своими действиями, упомянутыми в подпункте 4) настоящего решения, действовали против Республики Никарагуа в нарушение своего обязательства в рамках международного обычного права не нарушать суверенитет других государств;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Аго, Сетте-Камара, Мбайе, Беджауи, Ни и Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Ода, Швобель и сэр Роберт Дженнингс.

6) Двенадцатью голосами против трех,

Принимает решение, что, устанавливая мины во внутренних или территориальных водах Республики Никарагуа в течение первых месяцев 1984 года, Соединенные Штаты Америки действовали против Республики Никарагуа в нарушение своих обязательств в рамках международного обычного права не использовать силу против другого государства, не вмешиваться в его дела, не нарушать его суверенитет и не препятствовать мирной морской торговле;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Аго, Сетте-Камара, Мбайе, Беджауи, Ни и Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Ода, Швобель и сэр Роберт Дженнингс.

7) Четырнадцатью голосами против одного,

Принимает решение, что своими действиями, перечисленными в подпункте 6) настоящего решения, Соединенные Штаты Америки действовали против Республики Никарагуа в нарушение своих обязательств по статье XIX Договора о дружбе, торговле и судоходстве между Соединенными Штатами Америки и Республикой Никарагуа, подписанного в Манагуа 21 января 1956 года;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Ода, Аго, Сетте-Камара, сэр Роберт Дженнингс, Мбайе, Беджауи, Ни и Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судья* Швобель.

8) Четырнадцатью голосами против одного,

Решает, что Соединенные Штаты, не предупреждая о наличии и местонахождении установленных

ими мин, упоминаемых в подпункте б) настоящего решения действовали в нарушение своих обязательств в рамках международного обычного права в этом отношении;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Ода, Аго, Сетте-Камара, Швобель, сэр Роберт Дженнингс, Мбайе, Беджауи, Ни и Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судья* Ода.

9) Четырнадцатью голосами против одного,

Считает, что Соединенные Штаты Америки, изготовив инструкцию под заголовком «Психологические операции в партизанской войне» и распространяя ее в среде противников режима, способствовали совершению ими действий, несовместимых с общими принципами гуманитарного права; однако не считает, что есть основания для выводов о том, что все эти действия, которые могли быть совершенны, следует вменить в вину Соединенным Штатам Америки, считая их действиями Соединенных Штатов Америки.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Аго, Сетте-Камара, Швобель, сэр Роберт Дженнингс, Мбайе, Беджауи, Ни и Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судья* Ода.

10) Двенадцатью голосами против трех,

Решает, что Соединенные Штаты Америки, осуществляя нападения на территорию Никарагуа, упомянутые в подпункте 4) настоящего решения, и объявляя общее эмбарго на торговлю с Никарагуа 1 мая 1985 года, совершили действия, направленные на выхолащивание самого предмета и цели Договора о дружбе, торговле и судоходстве между этими сторонами, подписанного 21 января 1956 года в Манагуа.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Аго, Сетте-Камара, Мбайе, Беджауи, Ни и Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Ода, Швобель и сэр Роберт Дженнингс.

11) Двенадцатью голосами против трех,

Принимает решение, что Соединенные Штаты Америки, совершая нападения на территорию Никарагуа, перечисленными в подпункте 4) настоящего решения, и объявляя всеобщее эмбарго на торговлю с Никарагуа 1 мая 1985 года, действовали в нарушение своих обязательств по статье XIX Договора о дружбе, торговле и судоходстве между этими сторонами, подписанного в Манагуа 21 января 1956 года;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Аго, Сетте-Камара, Мбайе, Беджауи, Ни и Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Ода, Швобель и сэр Роберт Дженнингс.

12) Двенадцатью голосами против трех,

Решает, что Соединенные Штаты Америки обя-

заны немедленно прекратить все подобные действия и воздерживаться от них как от могущих представлять собой нарушение вышеназванных правовых обязательств;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Аго, Сетте-Камара, Мбайе, Беджауи, Ни и Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Ода, Швобель и сэр Роберт Дженнингс.

13) Двенадцатью голосами против трех,

Решает, что Соединенные Штаты Америки обязаны возместить Республике Никарагуа весь ущерб, нанесенный Никарагуа, в результате вышеназванных обязательств в рамках обычного международного права;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Аго, Сетте-Камара, Мбайе, Беджауи, Ни и Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Ода, Швобель и сэр Роберт Дженнингс.

14) Четырнадцатью голосами против одного,

Решает, что Соединенные Штаты Америки обязаны возместить Республике Никарагуа весь ущерб, нанесенный Никарагуа, в результате нарушений Договора о дружбе, торговле и судоходстве между этими сторонами, подписанного в Манагуа 21 января 1956 года;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Ода, Аго, Сетте-Камара, сэр Роберт Дженнингс, Мбайе, Беджауи, Ни и Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судья* Швобель.

15) Четырнадцатью голосами против одного,

Решает, что, если соглашение между сторонами не будет достигнуто, то форма выплаты и сумма таких репараций будут определены Судом, который резервирует для этой цели следующую процедуру в судопроизводстве по данному делу.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* де Лашаррьер; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Ода, Аго, Сетте-Камара, сэр Роберт Дженнингс, Мбайе, Беджауи, Ни и Эвенсон; *судья ad hoc* Кольяр.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судья* Швобель.

16) Единогласно,

Напоминает обеим сторонам об их обязательстве стремиться к решению своих споров мирными средствами в соответствии с международным правом.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ РЕШЕНИЯ

I. *Существо спора*
(пункты 1-17)

II. *Основания спора*
(пункты 18-25)

III. *Отсутствие ответчика и статья 53 Статута* (пункты 26-31)

Суд напоминает, что после вручения его решения от 26 ноября 1984 года о юрисдикции Суда и допустимости заявления Никарагуа, Соединенные Штаты Америки решили не принимать участия в данном этапе судебной процедуры. Однако это не является препятствием для вынесения Судом решения по этому делу, но при этом он должен соблюдать требования статьи 53 Статута, которая предусматривает ситуацию, когда одна из сторон не является в Суд. Удостоверившись в подсудности ему дела, Суд, в соответствии со статьей 53, должен убедиться, что притязание присутствующей стороны имеет достаточное фактическое и правовое обоснование. В связи с этим Суд напоминает о некоторых направляющих принципах, проявивших себя в ряде предыдущих дел, согласно одному из которых исключается всякая возможность принятия решения автоматически в пользу присутствующей Стороны. Суд также отмечает, что большую ценность для него представляет знание точки зрения отсутствующей стороны, даже если это мнение выражено способом, не предусмотренным Регламентом Суда. Принцип равенства сторон должен оставаться основным принципом, и Суд обязан убедиться в том, чтобы сторона, уклоняющаяся от появления в суде, не смогла воспользоваться своим отсутствием в корыстных целях.

IV. *Возможность рассмотрения данного спора в судебном порядке* (пункты 32-35)

Суд считает уместным рассмотрение предварительного вопроса. Было высказано мнение о том, что вопросы использования силы и коллективной самообороны, поднимаемые в данном деле, выходят за рамки тех вопросов, которые относятся к компетенции Суда, иными словами они не являются такими вопросами, которые могут быть решены в Суде. Однако, во-первых, стороны не заявляли о том, что настоящий спор не является «правовым спором» по смыслу статьи 36, пункт 2 Статута, а во-вторых, Суд считает, что данное дело не обязательно требует от него оценки политических и военных проблем, что означало бы выход за собственно судебные рамки. Следовательно, он располагает возможностями для разрешения данных проблем.

V. *Значение оговорки о многостороннем договоре* (пункты 36-56)

Заявление Соединенных Штатов Америки о признании обязательной юрисдикции Суда согласно статье 36, пункт 2, содержало оговорку, исключаящую из сферы действия этого заявления:

«споры, возникающие по многостороннему договору, если 1) не все участники этого договора, интересы которых затронуты данным решением, являются также сторонами в деле, находящемся на рассмотрении Суда или если 2) Соединенные Штаты Америки не дают специального согласия на юрисдикцию Суда».

В своем решении от 26 ноября 1984 года Суд, на основании статьи 79, пункт 7, Регламента Суда пришел к выводу, что непризнание юрисдикции на основе этой оговорки поставило «вопрос, касающийся существа дела и относящийся к его конкретным обстоятельствам», и что это непризнание «не носит, учитывая обстоятельства дела, исключительно предварительного характера». А поскольку оно содержит как предварительные, так и другие аспекты, относящиеся к конкретным обстоятельствам дела, то и рассматривать это дело следовало бы на уровне стадии рассмотрения конкретных обстоятельств.

Для того, чтобы выяснить, была ли его юрисдикция ограничена действием данной оговорки, Суд должен удостовериться, были бы «затронуты» данным решением интересы каких-либо третьих государств — участников четырех многосторонних договоров, упомянутых Никарагуа, но не являющихся сторонами в данном судебном разбирательстве. Что касается данных договоров, то Суд считает вполне достаточным рассмотреть эту позицию, руководствуясь Уставом Организации Объединенных Наций и Уставом Организации американских государств.

Суд рассматривает, как влияет оговорка о многостороннем договоре на жалобу Никарагуа в отношении того, что Соединенные Штаты Америки использовали силу в нарушение этих двух Уставов. Особо Суд рассматривает казус Сальвадора, в интересах которого, и прежде всего, Соединенные Штаты Америки заявляют об использовании права на коллективную самооборону, которым они оправдывают свое собственное поведение по отношению к Никарагуа, поскольку это право подтверждено Уставом Организации Объединенных Наций (статья 51) и Уставом ОАГ (статья 21). Спор этот в определенной мере является спором, «возникающим по» многосторонним договорам, участниками которых являются Соединенные Штаты, Никарагуа и Сальвадор. Суду представляется очевидным, что интересы Сальвадора были бы «затронуты» данным решением Суда о законности того, что Соединенные Штаты прибегают к коллективной самообороне.

Что касается жалобы Никарагуа на то, что Соединенные Штаты вмешались в ее дела в нарушение Устава ОАГ (статья 18), то Суд отмечает, что нельзя сказать, что какое-либо постановление о предполагаемом нарушении Устава Соединенными Штатами не «затронуло» бы интересы Сальвадора.

Установив таким образом, что интересы Сальвадора были бы «затронуты» тем решением, которое Суд должен был бы принять по жалобам Никарагуа, основанным на нарушении Соединенными Штатами двух Статуты, Суд приходит к заключению, что юрисдикция, возложенная на него заявлением Соединенных Штатов, не позволяет ему дать ход этим жалобам. Становится ясно, что действие оговорки сводится к запрету применения этих двух многосторонних договоров в качестве закона о многосторонних договорах и не имеет никакого другого влияния на источники международного права, которые Суд, согласно статье 38 Статута, обязан применять, международное обычное право включительно.

VI. *Установление фактов: доказательства и методы, используемые Судом*
(пункты 57-74)

Суд должен был установить факты, относящиеся к данному спору. Трудность этой задачи связана с явно выраженным отсутствием согласия между сторонами, отсутствием ответчика в Суде, определенной секретностью, окружающей определенные стороны этого дела, и в том самом факте, что конфликт продолжается. По этому последнему пункту Суд в соответствии с основными принципами процессуальных действий Суда придерживается мнения, что принимать во внимание следует те факты, которые имеют место непосредственно перед окончанием устного производства по конкретным обстоятельствам дела (конец сентября 1985 года).

Что касается предъявления доказательств, то Суд указывает, насколько требования Статута — в частности, статья 53 — и Регламента Суда должны соблюдаться в деле, исходя из того, что Суд может по своему усмотрению оценивать значимость различных элементов доказательства. Суд не счел необходимым распорядиться о проведении расследования в соответствии со статьей 50 Статута. Что касается *документальных материалов* (статей из периодических изданий и различных книг), то Суд всегда подходил к ним с осторожностью. Он рассматривает их не в качестве средств доказывания, способных доказать факты, а как материал, который, тем не менее, может способствовать подтверждению наличия определенного факта и который может быть принят во внимание, чтобы показать, являются ли некоторые факты достоянием публики. Что касается *заявлений представителей государства*, порой на самом высоком уровне, то Суд придерживается мнения, что такие заявления имеют особую доказательную ценность, когда они подтверждают факты или поведение неблагоприятного характера для государства, представленного лицом, сделавшим такое заявление. Что касается *свидетельских показаний*, представленных Никарагуа, — пятеро свидетелей дали устные показания и еще один — письменное показание под присягой, — то одним из следствий отсутствия ответчика в Суде стала невозможность проверки показаний свидетелей перекрестным допросом. Суд не считал доказательством ни одну из частей этого показания, данного под присягой, которое было простым выражением мнения относительно вероятности или же относительно существования какого-то факта, непосредственно не известного данному свидетелю. Что же касается, в частности, *письменных свидетельских показаний под присягой и заявлений под присягой*, сделанных членами правительства, Суд считает, что может, конечно, сохранить такие части этого средства доказывания, которые могут рассматриваться в качестве противоречащих интересам или утверждением того государства, подданным которого является данный свидетель; в остальном, к таким доказательствам следует относиться с большой осторожностью.

Суд также осведомлен о выпущенном Министерством иностранных дел Соединенных Штатов издании, озаглавленном «Революция за пределами на-

ших границ, сандинистская интервенция в Центральной Америке»; эта публикация не была представлена Суду ни в какой форме и никаким способом, предусмотренными Статутом и Регламентом Суда. Суд считает, что, учитывая особые обстоятельства этого дела, он, в определенных пределах, может использовать информацию, содержащуюся в этой публикации.

VII. *Факты, вменяемые в вину Соединенным Штатам*
(пункты 75-125)

1. Суд рассматривает утверждение Никарагуа о том, что *минирование никарагуанских портов* и вод было проведено военнослужащими Соединенных Штатов или гражданами стран Латинской Америки на платной службе у Соединенных Штатов. После рассмотрения фактов, Суд считает установленным, что где-то в конце 1983 или в самом начале 1984 года президент Соединенных Штатов дал разрешение определенному государственному агентству Соединенных Штатов на установку мин в портах Никарагуа; что в начале 1984 года мины были установлены в самих портах или в непосредственной близости от портов Блафф, Коринто и Пуэрто-Сандино, либо во внутренних никарагуанских водах, либо в территориальных водах, либо в тех и в других одновременно, лицами, которые получают деньги от указанного агентства и действуют по его инструкции под наблюдением и при тыловом содействии со стороны агентов Соединенных Штатов; что ни до установки мин, ни впоследствии правительство Соединенных Штатов не сделало ни одного публичного или официального предупреждения участникам международного судоходства о существовании и местах установки мин; и что гибель людей и материальные потери явились результатом взрыва мин, и это также привело к созданию новых рисков, вследствие чего выросли ставки морского страхования.

2. Никарагуа относит на счет прямых действий персонала Соединенных Штатов или нанятых ими лиц операции, направленные против нефтяных промыслов, военно-морской базы и т. д., перечисленные в пункте 81 постановления. Суд считает установленным фактом все эти инциденты, за исключением трех. Хотя и не доказано, что военнослужащие Соединенных Штатов принимали прямое участие в этих операциях, но агенты Соединенных Штатов участвовали в их планировании, управлении и оказании им поддержки. Таким образом, Суд считает установленной возможность вменения в вину Соединенным Штатам всех этих нападений.

3. Никарагуа жалуется по поводу *нарушения ее воздушного пространства* военной авиацией Соединенных Штатов. Указав на наличие доказательств, Суд приходит к выводу, что такими нарушениями никарагуанского воздушного пространства, которые могут быть вменены в вину Соединенным Штатам на основе этих доказательств, являются только разведывательные полеты на большой высоте и полеты на низкой высоте, совершенные 7-11 ноября 1984 года и вызвавшие «звуковые удары».

Что касается совместных с Гондурасом военных

маневров, проведенных Соединенными Штатами на территории Гондураса вблизи границы между Гондурасом и Никарагуа, то Суд считает, что они могут считаться общеизвестным, а поэтому в достаточной мере установленным фактом.

4. Затем Суд рассмотрел истоки, развитие и *деятельность сил контрас*, а также роль Соединенных Штатов в связи с этим явлением. Согласно мнению Никарагуа, Соединенные Штаты «спланировали, создали и организовали наемную армию — силы контрас». На основании имеющихся данных, Суд не имеет возможности убедиться в том, что государство-ответчик «создало» силы *контрас* в Никарагуа, однако Суд считает установленным, что они широко финансировали, обучали, оснащали, вооружали и организовали Национальный демократический фронт, который входит в состав этих сил.

По утверждению Никарагуа правительство Соединенных Штатов разработало стратегию и управляло тактическими действиями *контрас*, а также оказывало прямую боевую поддержку их военным операциям. В свете имеющихся в его распоряжении доказательств и материалов Суд не считает доказательным, что все операции, которые *контрас* начинали на всех этапах конфликта, отражали стратегию и тактику, разработанную исключительно Соединенными Штатами. Следовательно, Суд не может согласиться с утверждениями Никарагуа по данному вопросу. Однако, у Суда не вызывает сомнения, что определенное число операций проводилось по решению и по планам, которые разрабатывались если и не советниками из Соединенных Штатов, то по меньшей мере в тесном сотрудничестве с ними и на основе разведывательных данных и с использованием тыловой поддержки, которые Соединенные Штаты были в состоянии предложить. По мнению Суда, считается также установленным, что поддержка действий *контрас* Соединенными Штатами принимала различные формы на протяжении ряда лет: тыловая поддержка, снабжение информацией о дислокации и передвижениях сандинистских войск, использование самых сложных систем связи и т.д. Однако эти средства доказывания не дают оснований считать, что Соединенные Штаты оказывали прямую боевую поддержку, если под этим имелось в виду прямое вмешательство вооруженных сил Соединенных Штатов.

Суду предстоит определить, были ли взаимоотношения между *контрас* и правительством Соединенных Штатов такими, что, с правовой точки зрения, было бы правильным рассматривать *контрас* как орган правительства Соединенных Штатов или как организацию, действующую от имени этого правительства. Суд считает, что имеющиеся в его распоряжении средства доказывания недостаточны для того, чтобы продемонстрировать полную зависимость *контрас* от помощи Соединенных Штатов. К выводу о наличии частной зависимости, точные размеры которой Суд установить не может, можно прийти на основании того факта, что лидеры были отобраны Соединенными Штатами, и на основании других факторов, к числу которых относятся организация, обучение и оснащение войск, планирование

операций, выбор целей и обеспечение операционной поддержки. Явных доказательств того, что Соединенные Штаты действительно осуществляли контроль в такой степени, что это могло бы служить основанием для квалификации *контрас* как силы, действующей от имени правительства США, в настоящее время не имеется.

5. Суд, придя к вышеизложенному заключению, считает, что *контрас* продолжает нести ответственность за свои действия, в частности за инкриминируемые им нарушения норм гуманитарного права. Для предъявления законного обвинения Соединенным Штатам, необходимо было бы доказать, что данное государство действительно осуществляло контроль над операциями, в ходе которых имели место эти вменяемые США в вину нарушения.

6. Никарагуа выразила недовольство некоторыми мерами экономического характера, принятыми против нее правительством Соединенных Штатов. Эти меры рассматриваются ею в качестве косвенной формы вмешательства в ее внутренние дела. В январе 1981 года экономическая помощь была приостановлена, а в апреле 1981 года полностью прекращена, Соединенные Штаты действовали с целью воспрепятствовать или же блокировать предоставление Никарагуа займов международными финансовыми организациями; в сентябре 1983 года импортная квота на сахар из Никарагуа была сокращена на 90%; а с мая 1985 года приказом президента Соединенных Штатов было объявлено полное эмбарго на торговлю с Никарагуа.

VIII. Поведение Никарагуа (пункты 126-171)

Суд должен по мере возможности выяснить, могут ли обжалованные действия Соединенных Штатов — о которых было заявлено, что они были осуществлением мер коллективной самообороны, оправдываться некоторыми фактами, приписываемыми Никарагуа.

1. Соединенные Штаты утверждали, что Никарагуа активно поддерживала вооруженные группировки, действовавшие в некоторых соседних странах, в частности в Сальвадоре, и особенно в виде поставок оружия, а Никарагуа отвергла это обвинение. Суд рассмотрел прежде всего деятельность Никарагуа в отношении Сальвадора.

Рассмотрев различные доказательства и принимая во внимание ряд совпадающих показаний, многие из которых были даны самой никарагуанской стороной и на основании которых Суд может прийти к вполне обоснованному выводу об оказании определенной помощи с никарагуанской территории, Суд заключает, что поддержка вооруженной оппозиции в Сальвадоре с никарагуанской территории была фактом до первых месяцев 1981 года. Доказательства поступления военной помощи из Никарагуа или через ее территорию в последующий период остаются очень слабыми, несмотря на развертывание Соединенными Штатами в данном регионе большого количества технических средств наблюдения. Тем не менее, Суд не может сделать заключение о том, что

не было транспортировки оружия или торговли оружием. Суд только лишь отмечает, что утверждения о торговле оружием не подкреплены достаточными фактами, и он не имел возможности удостовериться в том, существовал ли постоянный поток оружия в существенных масштабах после первых месяцев 1981 года.

Даже если предположить, что установлен факт поступления военной помощи вооруженной оппозиции в Сальвадоре с территории Никарагуа, тем не менее еще необходимо доказать, что такая помощь может быть вменена в вину властям Никарагуа, которая не пытается скрыть, что оружие возможно пересекало ее территорию, но отрицает, что это является результатом сознательной официальной политики с ее стороны. Если учесть обстоятельства, сложившиеся в этой части Центральной Америки, то Суд считает, что едва ли можно сделать автоматический вывод об ответственности Никарагуа за торговлю оружием на ее территории. Суд считает более правильным признать, что действия такого характера, если они не имеют большого масштаба, вполне могут осуществляться без ведома правительства данной территории. В любом случае доказательств недостаточно для того, чтобы убедить Суд в том, что правительство Никарагуа несет ответственность за всякое перемещение оружия в любой из этих двух периодов времени.

2. Соединенные Штаты обвинили также Никарагуа в *вооруженных нападениях на приграничные районы Гондураса и Коста-Рики*. Не располагая по этому вопросу тем количеством информации, которое хотелось бы иметь, Суд считает установленным фактом, что некоторые трансграничные военные вторжения могут быть вменены в вину правительству Никарагуа.

3. В данном решении упоминаются некоторые события, произошедшие во время падения президента Сомосы, поскольку на них опираются США, утверждая, что нынешнее правительство Никарагуа нарушает некоторые гарантии, которые были якобы даны его непосредственным предшественником. В частности в решении имеется ссылка на «План достижения мира», отправленный 12 июля 1979 года «Руководящим советом правительства Национального возрождения» Никарагуа в адрес Генерального секретаря ОАГ; в нем, в частности, упомянуто «твердое намерение полностью обеспечить соблюдение прав человека в нашей стране», а также «проведение первых в этом столетии свободных выборов в нашей стране». Соединенные Штаты считают, что правительство Никарагуа несет ответственность за соблюдение этих обязательств.

IX. *Право, подлежащее применению: международное обычное право* (пункты 172-182)

Суд пришел к выводу (раздел V, *in fine*) о том, что ему необходимо применить оговорку о многостороннем договоре, содержащуюся в заявлении Соединенных Штатов, поскольку исключение на ее основе многосторонних договоров не ограничивают дейст-

вия других договоров или иных источников права, перечисленных в Статье 38 Статута. Чтобы определить конкретно право, подлежащее применению при решении спора, следует уточнить последствия от исключения применения многосторонних договоров для определения содержания международного обычного права, которое остается применимым.

Суд, уже кратко комментировавший этот предмет на этапе определения юрисдикции (*I.C.J. Reports 1984*, стр. 424-425, пункты 73), развивает свою первоначальную точку зрения. Он не считает, что можно заявлять, как это делают Соединенные Штаты, что все нормы обычного права, на которые возложена ссылка, имеют содержание, в точности совпадающее с содержанием положений, содержащихся в договорах, которые нельзя применять в силу этой поправки Соединенных Штатов. Даже если договорная норма и норма обычного права, касающаяся данного спора, имели абсолютно одинаковое содержание, то для Суда это не могло бы служить основанием считать, что юридическое действие данной договорной нормы должно в обязательном порядке лишить данную норму обычного права ее самостоятельной применимости. Следовательно, Суд ни в коей мере не обязан одобрить применение норм обычного права только потому, что они отличаются от договорных норм, применение которых становится невозможным в силу поправки Соединенных Штатов.

В ответ на аргументацию Соединенных Штатов, Суд приводит довод о том, что расхождения в содержании норм обычного права и норм договорного права не столь велики, чтобы судебное решение, ограниченное областью международного обычного права, не подлежало выполнению или соблюдению сторонами.

X. *Содержание права, подлежащего применению* (пункты 183-225)

1. *Введение: замечания общего характера* (пункты 183-186)

Затем Суд должен рассмотреть, какие нормы обычного права применимы к данному спору. С этой целью необходимо выяснить, существует ли та или иная норма обычного права в *opinio juris* государств и убедиться в том, что это подтверждено практикой.

2. *Запрет на применение силы и право на самооборону* (пункты 187-201)

Суд находит, что обе стороны придерживаются того мнения, что содержащиеся в Уставе Организации Объединенных Наций принципы, касающиеся применения силы, в основном соответствуют тем принципам, которые содержатся в международном обычном праве. Поэтому они принимают на себя обязательство в рамках международного договорного права воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или

политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций (Статья 2, пункт 4 Устава). Однако Суд должен удостовериться в том, что в обычном праве существует *opinio juris* относительно обязанности характера такого воздержания. Он считает, что это *opinio juris* может быть выведено, в частности, из отношения данных сторон и государств к определенным резолюциям Генеральной Ассамблеи, и в особенности к резолюции 2625 (XXV), озаглавленной «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций». Согласие с такими резолюциями является одной из форм выражения *opinio juris* по вопросу о принципе неприменения силы, считающегося одним из принципов международного обычного права, независимо от тех положений, в особенности норм институционального характера, которым этот принцип подчинен в рамках устава, как источника договорного права. Эта общая норма, существующая в договорном праве и запрещающая применение силы, допускает определенные исключения. Исключение из нее право на индивидуальную и коллективную самооборону, по мнению государств, также установлено и в обычном праве, что следует, например, из условий Статьи 51 Устава Организации Объединенных Наций, где содержится ссылка на «неотъемлемое право», а также из заявления, представленного в резолюции 2625 (XXV). Стороны, считающие установленным существование этого права в рамках международного обычного права, согласны с тем, что законность отражения нападения зависит от соблюдения критериев необходимости и соразмерности мер самообороны. Какой бы ни была самооборона — индивидуальной или коллективной, она может осуществляться только в ответ на «вооруженное нападение». По мнению Суда, под этим понимается не просто акция регулярных частей вооруженных сил с пересечением государственной границы, но и засылка одним государством вооруженных групп на территорию другого государства, если бы такая операция из-за своего масштаба и последствий была бы классифицирована как вооруженное нападение, в том случае, если бы она была совершена регулярными войсками. Суд цитирует определение агрессии, приложенное к резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи как выражение нормы обычного права по данному вопросу.

Суд не считает, что понятие «вооруженного нападения» включает в себя помощь повстанцам в виде поставок оружия или оказания тыловой либо иной поддержки. Кроме того, Суд находит, что в международном обычном праве, или же те, которые будь то обычай общего характера характерны для межамериканской правовой системы, не существует ни одной нормы, позволяющей осуществлять коллективную самооборону без просьбы со стороны государства, являющегося жертвой предполагаемого нападения, и этим положением дополняется требование о том, что государство, о котором идет речь, должно было бы прежде объявить о нападении на него.

3. Принцип невмешательства (пункты 202-209)

Принцип невмешательства затрагивает право каждого суверенного государства на ведение своих дел без вмешательства извне. Выражений *opinio juris* государств по поводу существования этого принципа довольно много. Суд отмечает, что этот принцип, заложенный в его собственной практике, отражен во многочисленных декларациях и резолюциях, принятых международными организациями и конференциями, в которых участвовали Соединенные Штаты и Никарагуа. Их тексты свидетельствуют о принятии Соединенными Штатами и Никарагуа основанного на обычае принципа, имеющего универсальный характер применения. Что же касается основного содержания этого принципа в обычном праве, то Суд определяет составные его элементы, имеющие, как представляется, отношение к данному делу; одним из них должно быть запрещение вмешательства, имеющее отношение к вопросам, по которым каждое государство — в соответствии с принципом государственного суверенитета — может свободно принимать решения (например, выбор политической, экономической, социальной и культурной системы и выработка внешней политики). Вмешательство неправомерно, если в связи с осуществлением такого выбора применяются методы принуждения, особенно сила, либо в прямой форме военных действий, либо в косвенной форме поддержки подрывной деятельности в другом государстве.

Что касается практики государств, то Суд обращает внимание на то, что в последние годы было немало случаев иностранного вмешательства в дела какого-либо определенного государства в пользу сил, противостоящих правительству данного государства. Суд приходит к выводу о том, что практика государств не оправдывает точку зрения, согласно которой в современном международном праве существует некое общее право на вмешательство в целях поддержки оппозиции в пределах другого государства и это действительно не отстает ни Соединенными Штатами, ни Никарагуа.

4. Коллективные меры, предпринимаемые в ответ на действия, не являющиеся вооруженным нападением (пункты 210-211)

Суд затем рассматривает следующий вопрос: если одно государство действует в отношении другого, нарушая принцип невмешательства, то может ли третье государство на законных основаниях в качестве ответных мер предпринять действия, которые могли бы быть приравнены ко вмешательству во внутренние дела первого государства. Это было бы аналогично праву на самооборону в случае вооруженного нападения, но при этом действие, являющееся причиной такой реакции, носило бы менее серьезный характер и не могло бы быть названо вооруженным нападением. По мнению Суда, в соответствии с действующим в настоящее время международным правом, государства не имеют права на «коллективную» вооруженную акцию в ответ на

действия, не являющиеся «вооруженным нападением».

5. Государственный суверенитет (пункты 212-214)

Обращаясь к принципу уважения государственного суверенитета, Суд напоминает, что принцип суверенитета как в договорном международном праве, так и в основанном на обычае международном праве, распространяется на внутренние воды и территориальные воды каждого государства и на воздушное пространство над его территорией. Суд обращает внимание на то, что установка мин неизбежно затрагивает суверенитет прибрежного государства, а также на то, что если право входа в порты ущемлено в результате установки мин другим государством, то нарушается свобода коммуникаций и морской торговли.

6. Гуманитарное право (пункты 215-220)

Суд отмечает, что установка мин в водах другого государства без предупреждения или уведомления является не только противозаконным действием, но и нарушением принципов гуманитарного права, лежащих в основе Гагской конвенции № VIII 1907 года. Данное соображение привело Суд к выводу о необходимости рассмотреть международное гуманитарное право, применяемое к данному спору. Никарагуа специально не ссылалась на положения международного гуманитарного права, как такового, а подала жалобу по поводу совершенных на ее территории действий, которые очевидно, представляют собой нарушение вышеуказанного права. В своих заявлениях она обвинила Соединенные Штаты в убийствах, увечьях и похищении граждан Никарагуа. Поскольку имеющихся доказательств недостаточно для того, чтобы вменить Соединенным Штатам в вину действия, совершенные *контрас*, Суд отклонил данное заявление.

Тем не менее остается открытым вопрос о том, что касается права, применимого в отношении действий Соединенных Штатов в связи с деятельностью *контрас*. Хотя Никарагуа и воздержалась от ссылки на четыре Женевские конвенции от 12 августа 1949 года, участниками которых являются как Никарагуа, так и США, тем не менее Суд считает, что нормы, изложенные в Статье 3 — общей для всех четырех конвенций — о вооруженных конфликтах не интернационального характера, должны применяться и в данном случае. Соединенные Штаты связаны обязательством «соблюдать» конвенции и даже «обеспечивать их соблюдение», то есть не подталкивать лиц или групп, участвующих в конфликте в Никарагуа, к действиям, нарушающим положения Статьи 3. Данное обязательство вытекает из общих принципов гуманитарного права, которые лишь нашли свое конкретное выражение в конвенциях.

7. Договор 1956 года (пункты 221-225)

В своем решении от 26 ноября 1984 года Суд пришел к выводу о том, что он обладает юрисдикцией в

отношении жалоб, касающихся существа спора между Соединенными Штатами и Никарагуа о толковании и применении некоторых статей Договора о дружбе, торговле и судоходстве, подписанного 21 января 1956 года в Манагуа. Ему надлежит определить смысл различных соответствующих положений и особенно Статьи XXI, пункты 1 c) и 1 d), с помощью которых стороны оставляют за собой право частично отменять другие положения.

XI. Применение права к фактам (пункты 226-282)

Установив факты по данному делу и определив те нормы международного права, которые, судя по этим фактам, представляются связанными с предметом спора, Суд теперь должен дать оценку фактам в свете применяемых правовых норм и определить, нет ли каких-нибудь обстоятельств, исключающих неправомочность тех или иных действий.

1. Запрещение применения силы и право на самооборону (пункты 227-238)

Давая оценку фактам, во-первых, в свете принципа неприменения силы, Суд считает, что установка мин в начале 1984 года и некоторые нападения на никарагуанские порты, нефтяные установки и военно-морские базы, в чем обвиняются Соединенные Штаты, представляют собой нарушение вышеозначенного принципа, если они не оправданы обстоятельствами, исключающими их неправомочность. Суд также считает, что Соединенные Штаты допустили *prima facie* нарушение данного принципа, вооружая и обучая *контрас*, если только данное действие не может быть оправдано в качестве осуществления права на самооборону.

С другой стороны он не считает, что военные маневры, проводимые Соединенными Штатами вблизи границ Никарагуа, равно как и финансирование *контрас*, может быть названо использованием силы.

Суду предстоит рассмотреть, могут ли действия, которые он квалифицирует как нарушение данного принципа, быть оправданы осуществлением права на коллективную самооборону, и в связи с этим он должен установить, существуют ли требуемые для этого обстоятельства. Для этого необходимо было бы сначала доказать, что Никарагуа совершила вооруженное нападение на Сальвадор, Гондурас или же Коста-Рику, поскольку только нападение такого рода могло бы служить оправданием для ссылки на право на самооборону. Что касается Сальвадора, то Суд считает, что в международном обычном праве поставки оружия оппозиции в другом государстве не являются вооруженным нападением на это государство. Что касается Гондураса и Коста-Рики, Суд считает, что в отсутствие обоснованной информации о пересечении границ и набегах на территорию этих двух государств со стороны Никарагуа, трудно решить, могут ли отдельные из этих набегов или все они в совокупности быть квалифицированы как вооруженное нападение, совершенное Никарагуа. Суд находит, что ни эти набеги, ни поставки оружия, о

которых было заявлено, не могут служить оправданием для осуществления права на коллективную самооборону.

Во-вторых, чтобы определить, было ли оправданным осуществление права на самооборону Соединенными Штатами, Суд должен убедиться в наличии обстоятельств, которые необходимы для осуществления этого права, и для этого Суд рассматривает, считали ли себя соответствующие государства жертвами вооруженного нападения со стороны Никарагуа и требовали ли они от Соединенных Штатов помощи в порядке осуществления коллективной самообороны. Суд не обнаружил доказательств того, что поведение данных государств удовлетворяло таким условиям. И наконец, оценивая действия Соединенных Штатов по критериям необходимости и пропорциональности, Суд не может считать, что эти действия были предприняты по необходимости, и находит, что некоторые из них не могут рассматриваться в качестве удовлетворяющих критериев пропорциональности.

Поскольку выдвигаемое Соединенными Штатами возражение со ссылкой на коллективную самооборону не может быть поддержано, то из этого следует, что Соединенные Штаты нарушили принцип, запрещающий прибегать к угрозе силой или ее применения путем действий, перечисленных в первом пункте данного раздела.

2. Принцип невмешательства (пункты 239-245)

Суд считает совершенно установленным, что Соединенные Штаты намеревались своей поддержкой сил *контрас* оказать давление на Никарагуа в тех вопросах, в которых каждое государство имеет право свободно принимать решение, и что сами *контрас* намеревались свергнуть нынешнее правительство Никарагуа. Суд считает, что если одно государство для оказания давления на другое государство поддерживает вооруженные группировки в этом государстве и оказывает им помощь, а целью этих группировок является свержение его правительства, то это является вмешательством в его внутренние дела, независимо от того, какие политические цели преследует государство, оказывающее такую поддержку. Далее Суд находит, что поддержка Соединенными Штатами военных и военизированных действий *контрас* в Никарагуа путем оказания им финансовой помощи, обучения, поставки оружия, обеспечения разведданными и тылового обеспечения представляет собой прямое нарушение принципа невмешательства. В то же время гуманитарная помощь не может считаться незаконным вмешательством. По решению Конгресса Соединенных Штатов с 1 октября 1984 года запрещено тратить средства на «гуманитарную помощь» *контрас*. Суд напоминает о том, что хотя оказание «гуманитарной помощи» и не должно осуждаться как вмешательство во внутренние дела другого государства, однако оно должно быть ограничено теми целями, которым посвящена деятельность Красного Креста, и, конечно же, важно, что такая помощь должна оказываться без какой-либо дискриминации.

Что касается формы косвенного вмешательства, которое усматривается Никарагуа в принятии Соединенными Штатами против некоторых мер экономического характера, то Суд не может считать такие действия в данном случае нарушением существующего в обычном праве принципа невмешательства.

3. Коллективные меры, предпринимаемые в ответ на действия, не являющиеся вооруженным нападением (пункты 246-249)

Доказав, что вмешательство во внутренние дела другого государства не дает права на принятие коллективных ответных мер с использованием силы, Суд считает, что действия, в которых обвиняется Никарагуа, даже допустив, что они установлены и могут быть вменены в вину данному государству, не могут служить оправданием для контрмер, принятых третьим государством, — Соединенными Штатами и, в частности, не могут оправдать собой вторжение с использованием силы.

4. Государственный суверенитет (пункты 250-253)

Суд находит, что помощь *контрас*, прямые нападения на порты Никарагуа, нефтяные установки и т.д., установка мин в портах Никарагуа, а также интервенционистские действия с применением силы, перечисленные в данном решении, которые уже представляют собой нарушение принципа неприменения силы, являются также нарушением принципа уважения территориального суверенитета. Этот принцип также непосредственно нарушается при совершении неразрешенного пролета территории Никарагуа. Эти действия не могут быть оправданы той деятельностью в Сальвадоре, которая приписывается Никарагуа; даже если считать, что такие действия действительно имели место, они не порождают никаких прав для Соединенных Штатов. Суд также приходит к заключению, что в контексте настоящего судопроизводства установка мин в портах Никарагуа или вблизи них представляет собой нарушение свободы сообщений и морской торговли, наносящее ущерб Никарагуа.

5. Гуманитарное право (пункты 254-256)

Суд считает, что Соединенные Штаты несут ответственность за несообщение о минировании портов Никарагуа.

Он также считает, что в соответствии с общими принципами гуманитарного права, Соединенные Штаты должны воздержаться от поощрения лиц или группировок, участвующих в данном конфликте в Никарагуа, совершать действия в нарушение общей Статьи 3 четырех Женевских Конвенций от 12 августа 1949 года. Инструкция «Психологические операции в партизанской войне», ответственность за публикацию и распространение которой лежит на Соединенных Штатах, содержит советы по совершению определенных действий, которые могут рассматриваться только как противоречащие настоящей статье и никак иначе.

6. *Прочие основания, приведенные в оправдание действий США*
(пункты 257-269)

Соединенные Штаты связали свою поддержку контраст с якобы совершенными правительством Никарагуа нарушениями некоторых торжественных обязательств перед своим народом, Соединенными Штатами и ОАГ. Суд рассматривает, имеется ли в поведении Никарагуа что-либо такое, что могло бы служить правовым основанием для контрмер, принятых Соединенными Штатами в ответ на якобы совершенные нарушения. Ссылаясь на «План достижения мира», выдвинутый Хунтой правительства национальной реконструкции (12 июля 1979 года), Суд не может обнаружить в документах и сообщениях, в которых представлен этот план, ничего, позволяющего заключить, что предполагалось наличие какого-либо правового обязательства. Суд не может рассчитывать на то, что будет создана новая норма, дающая право на вмешательство одного государства в дела другого на основании того, что последнее избрало ту или иную идеологию или политическую систему. Кроме того, ответчик не привел ни одного правового аргумента, в основе которого лежал якобы существующий новый принцип «идеологической интервенции».

Что же касается более конкретно якобы имевших место нарушения прав человека, на которые ссылаются Соединенные Штаты, то Суд считает, что применение силы Соединенными Штатами не могло бы быть подходящим методом контроля или обеспечения соблюдения таких прав, обычно предусмотренных применяемыми конвенциями. Что касается якобы происходящей милитаризации Никарагуа, на что также ссылаются Соединенные Штаты в оправдание своей деятельности, то Суд отмечает, что в международном праве существуют только такие нормы, которые могут быть приняты заинтересованным государством в договорной или иной форме, и на основе которых может быть ограничен уровень вооружения суверенного государства. Этот принцип действует в отношении всех государств без исключения.

7. *Договор 1956 года*
(пункты 270-282)

Суд рассматривает жалобы Никарагуа, основанные на Договоре о дружбе, торговле и судоходстве 1956 года, и жалобу по поводу того, что лишили Договор предмета и цели и выхолостили его содержание.

Суд, однако, может рассматривать эти жалобы только в том случае, когда поведение, обжалованное в них, эти действия являются мерами, необходимыми для защиты существенных интересов безопасности» Соединенных Штатов, поскольку статья XXI Договора предусматривает, что Договор не будет служить препятствием для применения таких мер. Что касается вопроса о том, какая деятельность Соединенных Штатов могла лишить Договор его предмета и цели, то здесь Суд проводит определенное различие. Он не может рассматривать все обжалованные действия в таком свете, но тем не

менее считает, что определенные виды действий действительно подрывают дух Договора в целом. К числу таких действий относятся минирование портов Никарагуа; нападения на порты, нефтяные установки и т.д., а также введение полного эмбарго на торговлю.

Суд также поддерживает утверждение о том, что минирование портов находится в явном противоречии со свободой судоходства и торговли, гарантированными статьей XIX Договора. К тому же Суд считает, что эмбарго на торговлю, объявленное 1 мая 1985 года, противоречит данной статье.

Исходя из этого Суд считает, что Соединенные Штаты *prima facie* нарушают обязательство не лишать Договор его предмета и цели *parata sunt servanda* и совершили действия, противоречащие условиям Договора. Однако Суд должен рассмотреть, допущена ли в Статье XXI ссылка на содержащееся исключение, касающееся «мер, ... необходимых для защиты основных интересов безопасности» той или иной стороны в оправдание обжалованных действий. Рассмотрев имеющиеся материалы, в частности приказ президента Рейгана от 1 мая 1985 года, Суд находит, что минирование никарагуанских портов и прочие нападения на порты и нефтяные промыслы, а также общее эмбарго на торговлю с 1 мая 1985 года не могут быть оправданы в качестве мер, необходимых для защиты основных интересов безопасности Соединенных Штатов.

XII. *Требование репараций*
(пункты 283-285)

Суду надлежит вынести решение и объявить, что Никарагуа причитается компенсация, размер которой предстоит определить, и кроме того Никарагуа предварительно по суду выплачивается сумма в 370,2 млн. долларов США. Удостоверившись в том, что он имеет юрисдикцию в отношении назначения репарации, Суд считает вполне уместной просьбу Никарагуа относительно того, чтобы характер и сумма репараций были определены на следующем этапе судопроизводства. Суд считает также, что в Статуте Суда нет положений, специально наделяющих его полномочиями или же препятствующая ему в приговоре предварительно выплачиваемой суммы, подобной той, которая была запрошена. В деле, одна из сторон по которому не является в суд, Суду следует воздерживаться от любого излишнего действия, которое могло бы стать препятствием для решения проблемы путем переговоров. Поэтому Суд не считает возможным на данном этапе удовлетворить эту просьбу Никарагуа.

XIII. *Временные меры*
(пункты 286-289)

Напомнив некоторые положения своего постановления от 10 мая 1984 года, Суд пришел к заключению, что на каждой из сторон лежит обязанность в своем поведении не руководствоваться исключительно на собственном понимании своих прав. Особенно это касается ситуации вооруженного конфликта, когда никакие репарации не могут ликвидировать последствия поведения, которое Суд может

признать противоречащим международному праву.

XIV. Мирное решение споров; контадорский процесс
(пункты 290-291)

В данном деле Суд уже принял во внимание контадорский процесс и тот факт, что он был одобрен Советом Безопасности Организации Объединенных Наций и Генеральной Ассамблеей, а также Никарагуа и Соединенными Штатами. Суд напоминает обеим сторонам настоящего дела о необходимости оказания поддержки усилиям Контадорской группы, направленным на установление окончательного и прочного мира в Центральной Америке в соответствии с принципами международного обычного права, предписывающими мирное решение международных споров, что подтверждено также статьей 33 Устава Организации Объединенных Наций.

**КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МНЕНИЙ, ПРИЛАГАЕМЫХ
К РЕШЕНИЮ СУДА**

*Особое мнение судьи Нажендры Сингха,
Председателя Суда*

Пункт 292 (16) постановляющей части решения, единогласно принятого Судом, вменяющий сторонам в обязанность поиск мирного решения своих споров в соответствии с международным правом, в действительности основан на соблюдении двух основных принципов, а именно: принципа неприменения силы в отношении между государствами и принципа невмешательства в дела других государств. По мнению Председателя Суда, это является основной целью этого решения Суда, вынесенного с крайней откровенностью в интересах сообщества.

Действительно, кардинальный принцип неиспользования силы в международных отношениях стал поворотным пунктом в осященной временем философии права, получившей особое развитие после двух мировых войн этого столетия. Положения Устава и Латиноамериканская система договоров не только развили эту концепцию, но и усилили ее до такой степени, что она могла бы существовать сама по себе, даже если бы Устав и Договор не были применены в этом деле. Очевидное объяснение этого в том, что первоначально связанный с обычаями аспект, эволюционировавший вместе с развитием договорного права, теперь должен оставаться и сохраняться либо в качестве существующей современной концепции международного права, то есть либо международного обычного права, — из-за его происхождения, либо в качестве «общего принципа международного права, признанного цивилизованными нациями». Вклад Суда состоял в том, чтобы выделить принцип неприменения силы как принадлежащий к сфере *jus cogens* и потому являющийся краеугольным камнем человеческих усилий, направленных на поддержание мира, которому угрожают распри. Сила порождает силу и усугубляет конфликт, отравляет отношения, подвергает угрозе мирное решение спора.

Существует также ключевая доктрина о невмешательстве в дела государств, которая также жиз-

ненно важна для мира и прогресса человечества, поскольку она особенно необходима для поддержания здорового существования сообщества государств. Принцип невмешательства должен рассматриваться как священная абсолютная норма права.

Государства должны соблюдать оба эти принципа — принцип неприменения силы и принцип невмешательства — в интересах мира и порядка в сообществе. Суд правильно поддержал их как принципы основанного на обычае международного права, которые хотя и подтверждены в договорном праве, но в данном деле применимы в своем прежнем виде, который опять приобрел силу, будучи вновь укрепленными благодаря выраженному согласию государств, в частности сторон, участвующих в данном споре. То есть в любом случае эти принципы действительно имеют максимально возможную силу Закона.

Это решение Суда, являющееся результатом коллегальной работы, было вынесено после долгого обсуждения и исчерпывающего обмена мнениями по меньшей мере пятнадцати судей, которые, действуя в соответствии со Статутом и Регламентом Суда, рассмотрели представленные им правовые доводы и доказательства. В данном деле, как и во всех других делах, со всей тщательностью соблюдались предписываемые процедуры, а решение принималось абсолютным большинством голосов. Более того, обязательный согласно Статуту (ст. 59) характер судебного решения освещен определенным положением Устава Организации Объединенных Наций (ст. 94): все члены Организации Объединенных Наций обязуются выполнить касающееся их решение Суда и всегда признавать юридическую силу этого решения.

Особое мнение судьи Ляхса

Судья Ляхс начинает с того, что привлекает внимание к требованиям Статута в отношении личных качеств и различий в гражданстве, предъявляемым к членам Суда, и выступает против каких-либо сомнений в их независимости.

Что касается существа данного решения, то он предпочел бы, чтобы в нем больше внимания было уделено иностранной помощи силам оппозиции в Сальвадоре и чтобы в разных местах решения были использованы различные формулировки.

Судья Ляхс вновь обращается к некоторым аспектам юрисдикции, считая, что прежде уделялось недостаточно внимания тому факту, что прошло сорок лет прежде чем были выдвинуты публичные возражения по поводу юридической силы признания Никарагуа юрисдикции Суда. Когда в частном порядке юридическая сила этого была поставлена под сомнение в связи с одним из дел в середине 50-х годов, то тогда Организация Объединенных Наций должна была принять меры: Никарагуа следовало предложить выполнить все необходимые формальности и, в случае невыполнения таковых, она должна была бы быть вычеркнута из списка государств, подпадающих под обязательную юрисдикцию Суда. Поскольку Организация Объединенных Наций не приняла никаких действий, было узаконено мнение о

том, что этот недостаток устранен благодаря отсутствию возражений в течение очень долгого времени. Юрисдикция Суда, основанная на Договоре о дружбе, торговле и мореплавании 1956 года, не вызывала никаких сомнений.

Судья Ляхс рассматривает также вопрос о подсудности данного дела: между правовыми и политическими спорами такая же тесная связь, как между правом и политикой. В настоящее время международное право охватывает столь широкие сферы международных отношений, что лишь очень небольшое число областей, например, проблемы разоружения или иные, специально исключенные государствами, являются неподсудными. Он особо отметил в качестве примера дело, касающееся персонала дипломатической и консульской служб США в Тегеране.

Касаясь отказа Суда заслушать Сальвадор на стадии определения юрисдикции, судья Ляхс утверждает, что, по его мнению, здесь имеет место судебная ошибка, которой, тем не менее, нельзя оправдать появление ни с чем не связанных выводов.

По мнению судьи Ляхса, широкая конфронтация сторон должна устраняться в рамках Контадорского плана при сотрудничестве всех государств региона. Регион, долгое время терзаемый конфликтами, страдающий от недостаточного развития, требует к себе нового подхода, основанного на одинаковом учете интересов всех стран в духе добрососедских отношений.

Особое мнение судьи Руда

Частное мнение судьи Руда затрагивает четыре предмета. Прежде всего судья Руда не согласен с оговоркой, изложенной США в письме от 18 января 1985 года, «в отношении любого решения Суда по жалобам Никарагуа». По мнению судьи Руда, следуя положениям статьи 94, пункт 1, Устава Организации Объединенных Наций, государства-члены Организации формально обязались выполнять решения Суда.

Во второй части этого особого мнения речь идет о поправке Ванденберга. Судья Руда голосовал против применения поправки по причинам, изложенным в особом мнении, которое он представил в 1984 году.

В третьей части судья Руда затрагивает вопрос о самообороне. Он поясняет, что его выводы не отличаются от выводов, к которым пришел Суд, но, по его мнению, нет необходимости углубляться во все детали фактов, потому что с юридической точки зрения помощь повстанцам *per se* не является предложением для самообороны.

Четвертая часть посвящена причинам, по которым судья Руда, несмотря на то, что в 1984 году он проголосовал против Договора о дружбе, торговле и мореплавании как для основы юрисдикции Суда, считает себя обязанным голосовать по основным вопросам, вынесенным на рассмотрение Суда в связи с данной проблемой.

Особое мнение судьи Элиаса

Судья Элиас считает, что, следуя решению, принятому Судом на этапе определения юрисдикции,

оговорка о многостороннем договоре, прилагаемая к заявлению США, допускающая юрисдикцию в соответствии с положением о факультативной юрисдикции Суда, была оставлена без последствий и в дальнейшем не имела отношения к делу до тех пор, пока Сальвадор, Гондурас и Коста-Рика не вмешались на этапе рассмотрения существа дела и определения репараций. Таким образом, ее применение Судом было некорректным и равносильным применению права на пересмотр своего решения о юрисдикции и допустимости от имени третьей стороны.

Особое мнение судьи Аго

Подписываясь под судебным решением в целом и одобряя в особенности позицию, занятую Судом в отношении оговорки Соединенных Штатов о многостороннему договору, судья Аго все же сохраняет сомнения по поводу некоторых пунктов. Например, он считает, что Суд несколько слишком поспешно пришел к заключению относительно кажущейся идентичности содержания международного права, основанного на обычае, и права, изложенного в некоторых основных многосторонних договорах универсального характера, и что кроме того Суд проявил слишком большую готовность считать подтверждение некоторых принципов в резолюциях ООН и ОАГ доказательством наличия данных принципов в *opinio juris* членов международного сообщества. Судья Аго чувствует себя также обязанным привлечь внимание к тому, что, по его мнению, представляет собой частично противоречивые аспекты оценки Судом фактической и правовой ситуации. Кроме того он считает, что некоторые выдержки из данного решения свидетельствуют о недостаточности правовой аргументации в пользу выводов Суда о возможности вменить в вину ответчику определенные действия, как действия, порождающие международную ответственность; и он предпочел бы, чтобы Суд включил в решение более точное подтверждение прошлых решений по этому вопросу.

Особое мнение судьи Сетте-Камара

Судья Сетте-Камара полностью согласен с данным решением, так как он убежден, что «неприменение силы, равно как и невмешательство, последнее как производное от равенства государств и самоопределения, являются не только основными принципами международного обычного права, но и могут быть признаны в качестве императивных норм международного обычного права, налагающих обязательства на все государства». Его особое мнение касается только подпункта (1) оперативной части, против принятия которого он голосовал. Он подтверждает, что оговорка о многостороннем договоре в приложении к представленному Соединенными Штатами в 1946 году заявления о принятии юрисдикции Суда согласно статье 36, пункт 2 Статута, не может быть применена в данном деле, поскольку ни одно решение, принятое в постановляющей части, никоим образом не может «затронуть» интересы третьих государств, в частности — Сальвадора. Дело касается только Никарагуа и США, и обязательная сила решения Суда ограничена этими

двумя странами. Судья Сетте-Камара признает право любого государства, подающего заявление о признании юрисдикции Суда, прилагать к ним любые оговорки, которые оно сочтет нужными. Однако он утверждает, что Суд свободен, а на самом деле обязан давать толкование таким оговоркам. Он сожалеет, что применение этой оговорки о многостороннем договоре лишило Суд возможности опираться в своем решении на положения Устава Организации Объединенных Наций и Устава Организации американских государств и вынудило его использовать исключительно принципы международного обычного права и двусторонний Договор о дружбе, торговле и судоходстве 1956 года. Он указывает на то, что право, применимое в данном решении, было бы более ясным и точным, если бы Суд обратился к специальным положениям соответствующих многосторонних конвенций.

Особое мнение судьи Ни

Наибольшее беспокойство у судьи Ни вызывает, как об этом сказано в его особом мнении, «оговорка о многостороннем договоре», на которую ссылаются Соединенные Штаты. По его мнению, любое согласие с ее применимостью влекло за собой (1) отстранение Суда от осуществления юрисдикции, поскольку жалобы Никарагуа основаны на соответствующих многосторонних договорах и (2) исключение применения таких многосторонних договоров, если бы дело на иных основаниях все еще находилось в Суде для вынесения решения по существу. Однако в данном случае Соединенные Штаты, ссылаясь на оговорку о многостороннем договоре с целью оспорить осуществление юрисдикции Судом, в то же время настойчиво требовали применения в деле о данном споре только тех многосторонних договоров, которые составляют основу этой их оговорки. Данное требование вылилось в действительности в отрицание их собственной оговорки и, принимая во внимание все связанные с этим обстоятельства, оно должно было рассматриваться как отказ от этой оговорки о многостороннем договоре. При таком положении дел судья Ни разошелся во мнении с большинством членов Суда, так как он считает, что в данном деле, там где это необходимо, следовало использовать нормы, содержащиеся в многосторонних договорах, а также международное обычное право.

Несогласное мнение судьи Ода

Судья Ода согласен с признанием Судом применимости оговорки о многостороннем договоре, приложенной к заявлению Соединенных Штатов, сделанному в 1946 году, но считает, что решив таким образом, что спор возник в связи с многосторонним договором, Суд должен перестать рассматривать заявление Никарагуа на основе этого заявления. Суд поступил неправильно, интерпретируя изъятие спора из юрисдикции Суда с помощью данной оговорки просто как попытку ввести ограничения в отношении источников права, на которое он имеет право ссылаться.

Кроме того, судья Ода считает, что постольку,

поскольку никарагуанские претензии заранее допускали юрисдикцию Суда в соответствии с заявлениями, сделанными согласно статье 36 (2) Статута, в которой содержится ссылка на «правовые споры», то они должны были быть признаны не подлежащими юрисдикции, так как данный спор не является «правовым» по содержанию и смыслу назначения этого положения Статута или же предположив, что он таковым является, — это все равно не такой спор, который Суд мог бы рассмотреть надлежащим образом, то есть его как политический спор было бы более уместно решать в других органах и с помощью других процедур. Более того, факты, которые Суд мог выявить, рассмотрев доказательства в отсутствие ответчика, явно недостаточны для того, чтобы составить полную картину.

Таким образом, судья Ода считает, что для того чтобы Суд мог надлежащим образом рассмотреть данное дело, он должен был руководствоваться статьей 36 (1) Статута, в которой формулировка «все вопросы, специально предусмотренные... действующими договорами» не давала основания для сомнений в «правовом» характере данного спора. Следовательно, Суд мог на законных основаниях рассматривать любое нарушение конкретных условий Договора 1956 года о дружбе, торговле и судоходстве. По мнению судьи Ода, минирование портов Никарагуа является таким образом нарушением, ответственность за которое несут Соединенные Штаты.

Судья Ода подчеркивает, что его голосование против по многим пунктам решения Суда не должно рассматриваться как означающее его негативное отношение к нормам права, касающимся применения силы или вмешательства, в нарушении которых были обвинены Соединенные Штаты, такое голосование следует считать логическим следствием его убеждений относительно юрисдикции согласно статье 36 (2) Статута.

Наконец, судья Ода сожалеет о том, что Суд, определяя свое мнение по вопросу коллективной самообороны в своем первом решении, проявил излишнюю для первого обсуждения этого вопроса поспешность.

Несогласное мнение судьи Швებеля

Судья Швებель расходится во мнениях с решением Суда по вопросам фактического и правового обоснования. Он согласен с Судом в тех решениях, которые он вынес против Соединенных Штатов, за то, что они не сообщили об установке мин и об их местонахождении, и за то, что они организовали публикацию инструкции, пропагандирующую действия, представляющие собой нарушение законов и обычаев войны. Но судья Швებель пришел к выводу, что Соединенные Штаты действовали в основном на законных основаниях, оказывая вооруженное давление на Никарагуа, как прямое, так и посредством поддержки *контрас*, так как та поддержка, которую Никарагуа ранее оказывала в течение длительного времени вооруженному повстанческому движению в Сальвадоре, равносильна вооруженному нападению на Сальвадор, на которое Соединенные Штаты мог-

ли реагировать в порядке коллективной самообороны в поддержку Сальвадора.

Судья Швобель находит, что начиная с 1979 года Никарагуа оказывала и продолжает оказывать большую и жизненно важную помощь повстанческому движению в Сальвадоре. Преступные действия Никарагуа не ограничивались снабжением сальвадорских повстанцев большим количеством оружия, снаряжения и провианта, что само по себе едва ли могло считаться неэквивалентным вооруженному нападению. Кроме того, Никарагуа связала себя с повстанцами Сальвадора организационно, планируя акции и обучая повстанцев, она обеспечивала их техническими средствами для командования и управления, предоставляла им базы, средства коммуникаций и убежище, что позволяло руководству сальвадорских повстанцев вести действия с территории Никарагуа. Помощь такого масштаба, по мнению судьи Швобеля, с правовой точки зрения равносильна вооруженному нападению. Сальвадор должен был не только защищаться от этого вооруженного нападения, и он был вынужден обратиться к США за помощью в осуществлении коллективной самообороны. Соединенные Штаты вынуждены оказать такую помощь, используя для этого открытые и тайные меры. И такие меры могли осуществляться не только в Сальвадоре, но и на территории самой Никарагуа, будучи при этом направленными против нее.

По мнению судьи Швобеля, вывод Суда о том, что правительство Никарагуа не «несет ответственность ни за какой поток оружия» для сальвадорских повстанцев, не подкреплён «судебными или судебскими» соображениями. Суд «исключил, сбросил со счетов и оправдал неопровержимые доказательства крупного по масштабу и продолжительного вмешательства Никарагуа в сальвадорское повстанческое движение». Судья Швобель утверждает, что факт этого вмешательства с целью поддержки сальвадорских повстанцев признается президентом Никарагуа, подтвержден показаниями главного никарагуанского свидетеля по данному делу, а также «рогом изобилия других подтверждений».

Если не считать действия Никарагуа равнозначными вооруженному нападению, с чем судья Швобель не согласен, то даже в этом случае, как он заключает, они несомненно представляют собой противозаконное вмешательство. Однако Суд поступает «довольно странно»: признав ответственность Соединенных Штатов за вмешательство в дела Никарагуа, он не признает начавшегося раньше и непрекращающегося вмешательства Никарагуа в Сальвадоре.

Что касается мер Соединенных Штатов по коллективной самообороне, то для того, чтобы признать их законными, они должны быть необходимыми и соразмерными. По мнению судьи Швобеля, сомнительно, чтобы вопрос о необходимости в данном деле мог быть решен в Суде, так как факты

носят весьма неопределенный характер в смысле оценки того, можно ли с помощью мер, не включающих в себя применение силы, положить конец вмешательству Никарагуа в дела Сальвадора. Однако есть все основания признать, что необходимость в этих мерах определяется постоянной неспособностью Никарагуа прекратить вооруженную подрывную деятельность в Сальвадоре».

Судья Швобель придерживается того мнения, что «действия» Соединенных Штатов являются абсолютно соразмерными. Сальвадорские повстанцы, получая жизненно важную поддержку Никарагуа, ведут действия в Сальвадоре; в порядке коллективной самообороны, Соединенные Штаты со своей стороны оказывают аналогичную поддержку повстанцам в Никарагуа. Повстанцы Сальвадора осуществляют крупные акции против важных экономических объектов в Сальвадоре; Соединенные Штаты, выборочно, нападают на важные в военном отношении хозяйственные объекты в Никарагуа.

Судья Швобель настаивает на том, что в соответствии с современным международным правом государство, первым вмешавшееся с применением силы в дела другого государства, например, путем крупномасштабного участия в засылке нерегулярных войск на его территорию, является *prima facie* агрессором. То, что Никарагуа является *prima facie* агрессором, может быть только лишь подтверждено после изучения фактического материала. «Более того, — приходит к выводу судья Швобель, — преступное поведение Никарагуа стало еще более преступным, когда эта страна представила ложные показания в Суде, специально пытаясь утаить факты. Таким образом, и то, и другое говорит о том, что Никарагуа предстала в Суде отнюдь не с чистыми руками. Следовательно, решение в ее пользу является необоснованным и оно было бы необоснованным даже в том случае, чего, конечно, не должно произойти, если бы Суд пришел к выводу, что ответные действия Соединенных Штатов были излишними и несоразмерными».

*Несогласное мнение судьи сэра Роберта
Дженнингса*

Судья сэр Роберт Дженнингс согласен с Судом в том, что поправка Соединенных Штатов о многостороннем договоре действительна и должна соблюдаться. Но он не мог согласиться с решением Суда о том, что он, тем не менее, может осуществлять юрисдикцию в отношении этого дела, применив право, основанное на обычае вместо положений соответствующих многосторонних договоров. В связи с этим, считая возможным голосовать по определенным выводам Суда, он вынужден голосовать против его решений по вопросам, касающимся применения силы, вмешательства и по вопросу о самообороне, так как, по его мнению, Суд не обладает юрисдикцией для вынесения решения по этим проблемам.

80. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ СПОРА О ГРАНИЦЕ (БУРКИНА-ФАСО/РЕСПУБЛИКА МАЛИ)

Решение от 22 декабря 1986 года

В своем решении, принятом единогласно, камера, образованная Судом по делу, касающемуся спора о границе между Буркина-Фасо и Республикой Мали, установила линию границы в пределах района, оспариваемого двумя государствами (в отношении линии границы см. карту 2).

Состав камеры:

Председатель: судья Мохаммед Беджаун; судьи Манфред Ляхс и Хосе-Мария Руда; судьи *ad hoc* Франсуа Люшер и Жорж Аби-Сааб.

ПОСТАНОВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ РЕШЕНИЯ, ВЫНЕСЕННОГО КАМЕРОЙ

«КАМЕРА

Единогласно

Постановляет:

А. Что линия границы между Буркина-Фасо и Республикой Мали в пределах спорного района будет проходить согласно тому, как это определено в специальном соглашении, заключенном 16 сентября 1983 года двумя государствами, следующим образом:

1. От точки, определяемой географическими координатами $1^{\circ}59'01''$ западной долготы и $14^{\circ}24'40''$ северной широты (точка А), граница идет в северном направлении, следуя за ломаной линией, составленной из крестиков и проведенной на карте Западной Африки в масштабе 1:200 000, которая опубликована французским *Национальным географическим институтом* (НГИ) (в дальнейшем называемая линией НГИ), до точки, определяемой географическими координатами $1^{\circ}58'49''$ западной долготы и $14^{\circ}28'30''$ северной широты (точка В).

2. В точке В линия границы поворачивает в восточном направлении и пересекает железную дорогу, соединяющую населенный пункт Дионуга с населенным пунктом Дигель, на расстоянии, составляющем приблизительно 7,5 км, от Дионуга в точке, определяемой географическими координатами $1^{\circ}54'24''$ западной долготы и $14^{\circ}29'20''$ северной широты (точка С).

3. От точки С линия удаляется приблизительно на 2 км к югу от деревень Куния и Укулуру, проходит через точку, определяемую географическими координатами $1^{\circ}46'38''$ западной долготы и $14^{\circ}28'54''$ северной широты (точка D) и точку, определяемую координатами $1^{\circ}40'40''$ западной долготы и $14^{\circ}30'03''$ северной широты (пункт E).

4. От точки E граница продолжается по прямой линии к точке, определяемой географическими координатами $1^{\circ}19'05''$ западной широты и $14^{\circ}43'45''$ северной широты (точка F), находящейся на расстоя-

нии приблизительно в 2,6 км к югу от водоема Тусугу.

5. От точки F граница продолжается по прямой линии к точке, определяемой географическими координатами $1^{\circ}05'34''$ западной долготы и $14^{\circ}47'04''$ северной широты (точка G), расположенной на западном берегу водоема Сум, пересекает его в направлении с запада на восток и делит его на равные части между двумя государствами; затем она поворачивает в направлении на север/северо-восток и снова соединяется с линией НГИ в точке, определяемой географическими координатами $0^{\circ}43'29''$ западной широты и $15^{\circ}05'00''$ северной широты (точка H).

6. От точки H граница следует линии НГИ до точки, определяемой географическими координатами $0^{\circ}26'35''$ западной долготы и $15^{\circ}05'00''$ северной широты (точка I); отсюда она поворачивает в юго-восточном направлении и продолжается по прямой линии до точки J, определяемой ниже.

7. Точки J и K, географические координаты которых будут определены сторонами с помощью специалистов, назначенных в соответствии со статьей IV специального соглашения, отвечают следующим условиям: они должны находиться на одной и той же широте; точка J должна находиться на западном берегу водоема Ин-Абао, а точка K — на восточном; линия, соединяющая эти два пункта, должна делить на равные части площадь водоема между сторонами.

8. В точке K пограничная линия поворачивает в северо-восточном направлении и продолжается по прямой до точки, определяемой географическими координатами $0^{\circ}14'44''$ западной долготы и $15^{\circ}04'42''$ северной широты (точка L), а отсюда она продолжается до точки, определяемой географическими координатами $0^{\circ}14'39''$ восточной долготы и $14^{\circ}54'48''$ северной широты (точка M), которая расположена на расстоянии приблизительно трех километров к северу от брода Кабия.

В. Что камера позже своим решением назначит специалистов согласно пункту 3 статьи IV специального соглашения от 16 сентября 1983 года».

Судьи *ad hoc* Франсуа Люшер и Жорж Аби-Сааб приложили к решению свои особые мнения.

В этих особых мнениях судьи излагают и разъясняют свои позиции, занятые в отношении определенных вопросов, рассмотренных в упомянутом решении.

I. Судебное производство (пункты 1-15)

Камера кратко перечисляет последовательные этапы судебного производства, начиная с уведомле-

ния Секретаря Суда о заключении 16 сентября 1983 года специального соглашения, между Республикой Верхняя Вольта (известной с 4 августа 1984 года под названием Буркина-Фасо) и Республикой Мали, на основе которого оба государства согласились представить на рассмотрение камеры Суда спор, относящийся к определению части их общей границы.

II. *Задача камеры* (пункты 16-18)

Задача камеры заключается в указании места прохождения линии границы между Буркина-Фасо и Республикой Мали на спорной территории в соответствии со статьей I специального соглашения, состоящей из «полосы территории, простирающейся от сектора Коро (Мали) — Джибо (Верхняя Вольта) до Бели включительно». В своих представлениях, поданных в камеру, оба государства указали линию границы, которую каждое из них рассматривает в качестве хорошо обоснованной с правовой точки зрения. Обе линии указаны на схематической карте № 1 в составе решения.

III. *Нормы, применимые к рассматриваемому делу. Источники прав, на которые претендуют стороны* (пункты 19-30)

1. *Принцип незыблемости границ, унаследованных от колонизации* (пункт 19)

В решении рассматривается вопрос о нормах, которые могут быть применены к данному делу и выражается стремление установить источник прав, на которые претендуют стороны. В начале текста решения отмечается наличие характерной черты правового контекста, в котором должно происходить определение камерой границы, заключающегося в том, что оба вовлеченные в спор государства возникли вследствие процесса деколонизации, который происходит в Африке в последние тридцать лет: можно констатировать, что Буркина-Фасо является бывшей колонией Верхняя Вольта, а Республика Мали — бывшей колонией Судан (бывшей Французский Судан). В преамбуле к своему специальному соглашению стороны заявили, что решение спора должно «основываться, в частности, на уважении принципа незыблемости границ, унаследованных от колонизации», что напоминает о принципе, о котором четко заявлено в резолюции AGH/Res. 16(I), принятой в июле 1964 года в Каире на первой Конференции в верхах, созванной после создания Организации африканского единства, и согласно которому все государства-участники «торжественно... обязуются уважать границы, существующие со времени получения независимости».

2. *Принцип uti possidetis juris* (пункты 20-26)

При таких условиях камера не может пренебречь принципом *uti possidetis juris*, применение которого обеспечивает это уважение незыблемости границ. Она указывает на общую сферу применения указан-

ного принципа в вопросах деколонизации и его исключительную важность для Африканского континента, включая обе стороны, участвующие в данном деле. Хотя впервые к этому принципу обратились в Латинской Америке, он не является нормой, относящейся только к какой-либо одной конкретной системе международного права. Это — принцип, имеющий общую сферу применения и логически связанный с явлением получения независимости, где бы это не происходило. Его несомненное предназначение заключается в предупреждении возникновения угрожающей независимости и стабильности вновь образованных государств опасности, которая исходит от братоубийственной борьбы, провоцируемой оспариванием границ после ухода управлявшей данными территориями державы. Тот факт, что новые африканские государства соблюдали в вопросах о территориях *status quo* со времени получения своей независимости, должен рассматриваться, поэтому, не просто как дело практики, а как дело применения в Африке универсальной нормы, ставшей неотъемлемой частью процесса решения вопросов деколонизации; и камера не считает необходимым демонстрировать это на каких-либо примерах в применении к данному делу.

Принцип *uti possidetis juris* дает преимущественную силу законному праву собственности перед реальным владением в качестве основы для осуществления суверенитета. Его основной целью является обеспечение уважения территориальных границ, существовавших в момент получения независимости. В тот период, когда границы играли только роль средства делимитации различных административных подразделений или колоний, всецело подчиненных власти одного и того же суверена, применение данного принципа имело результатом превращения их в межгосударственные границы, и именно это произошло с государствами — участниками рассматриваемого дела, оба из которых были образованы в пределах территорий бывшей Французской Западной Африки. Там, где такие границы уже ко времени деколонизации имели статус межгосударственных рубежей, обязательство о соблюдении ранее существовавших границ вытекает из общей нормы международного права, касающегося государственной преемственности. Многие торжественные заявления африканских государственных деятелей или представителей органов ОАЕ о незыблемости границ должны, поэтому, восприниматься как ссылка на уже существовавший принцип, а не как заявления, направленные на освящение нового принципа или на распространение на Африку нормы, применяемой ранее только на другом континенте.

Принцип *uti possidetis juris*, как может показаться, открыто противоречит праву наций на самоопределение. Однако в действительности поддержание в Африке территориального *status quo* рассматривается зачастую как мудрая политика. Основное требование стабильности с целью выживания, развития и постепенного укрепления своей независимости во всех областях побудило африканские государства соглашаться с сохранением относящихся к колониальной эпохе границ или рубежей и учитывать это при толковании принципа самоопределения наций.

Если принцип *uti possidetis* и сохранил свое место среди наиболее важных правовых принципов, то это произошло благодаря сознательному выбору, сделанному африканскими государствами.

3. Роль справедливости (пункты 27-28)

Камера затем рассматривает возможность применения разбирательств по данному делу принципа справедливости, в отношении которого обе стороны выдвигают конфликтующие точки зрения. Очевидно, камера не в состоянии прийти к решению *ex aequo et bono*, поскольку стороны и не просили этого делать. Однако она принимает во внимание справедливость *intra legem*, то есть такую форму справедливости, которая являет собой метод толкования действующего закона и которая основывается на нормах права. Каким образом на практике камера приступит к рассмотрению этой формы справедливости, станет ясным из применения ею принципов и норм, которые она сочтет применимыми.

4. Французское колониальное право (заморское право) (пункты 29-30)

Стороны согласны с тем, что вопрос об определении границ следует рассматривать также в свете французского «заморского права». Пограничная линия, которую предстоит установить камере в качестве той, что существовала в 1959-1960 годах, представляла собой ни что иное, как административную разграничительную линию между двумя бывшими французскими заморскими территориями («*territoires d'outre-mer*») и, как таковая, она в то время была определена не в соответствии с нормами международного права, а в соответствии с французским законодательством, применявшимся по отношению к подобным территориям. И в данном случае камера разъясняет, что международное право, — а, следовательно, и принцип *uti possidetis*, — применяется к вновь образованному государству с момента получения им независимости, но обратной силы указанный принцип не имеет. Он замораживает право собственности на территорию. Международное право не предусматривает отсылку к внутрисударственному праву колониальной державы. Если это последнее и может играть какую-то роль, то только в качестве одного из фактических компонентов или в качестве свидетельства о наличии «колониального наследства» в какой-либо решающий момент.

IV. Развитие организации административного управления (пункты 31-33)

В целях определения колониального наследства каждой стороны, к которому следует применить принцип *uti possidetis*, в решении камеры приводится краткий обзор развития территориальной системы административного управления во Французской Западной Африке, к которой в свое время принадлежали территории обеих сторон, — со своей иерархией административных единиц (колонии, округа, подразделения, кантоны, деревни), прежде чем пе-

речислить этапы исторического пути обеих колоний, начиная с 1919 года. Мали получила свою независимость в 1960 году под названием Федерации Мали, а перед этим она называлась Суданской Республикой, образованной в 1959 году на заморской территории, именовавшейся Французским Суданом. История Верхней Вольты является более сложной. Она была выделена в качестве отдельной территории в 1919 году, но в 1932 году утратила этот статус и была вновь воссоздана в прежнем качестве законом от 4 сентября 1947 года, который предусматривал, что границами «восстановленной территории Верхней Вольты» должны быть границы «бывшей колонии Верхней Вольты по состоянию на 5 сентября 1932 года». Именно эта воссозданная Верхняя Вольта получила впоследствии, в 1960 году, независимость, а в 1984 году получила название Буркина-Фасо. Таким образом, в рамках настоящего дела задача заключается в том, чтобы выяснить, какие границы были унаследованы от французской администрации, а точнее — установить, какая граница существовала, в пределах спорной территории в период 1959-1960 годов между заморскими территориями Французского Судана и Верхней Вольты. Обе стороны согласны с тем, что в момент получения независимости у них была определенная граница, и они принимают ту точку зрения, что в период между январем 1959 и августом 1960 года и после этого периода на спорной территории не произошло никаких изменений.

V. Спор между сторонами и предварительно поставленный вопрос о возможном молчаливом согласии Мали (пункты 34-43)

Буркина-Фасо утверждает, что существует молчаливое согласие Мали с обязательным характером решения по делу о споре, составленное в общих чертах Посреднической комиссией ОАЕ в 1975 году. Однако, если бы этот довод о наличии такого молчаливого согласия был хорошо обоснован, то отпала бы необходимость устанавливать границы, унаследованные от колониального периода.

Исходя из этого, камера рассматривает вопрос о том, существует ли молчаливое согласие Мали, о котором заявила Буркина-Фасо, с решением, составленным в общих чертах Комиссией, хотя последняя так и не завершила свою работу. Это рассмотрение начинается с анализа элемента молчаливого согласия, содержащегося, по утверждению Буркина-Фасо, в заявлении, сделанном главой государства Мали 11 апреля 1975 года, посредством чего Республика Мали якобы объявила себя заранее связанной положениями доклада, который посредническая комиссия должна была составить на основе конкретных предложений Юридической подкомиссии. Этот доклад никогда не публиковался, однако была известна суть предложений указанной Подкомиссии. После проведенного рассмотрения и принимая во внимание юриспруденцию Суда, камера приходит к выводу, что нет никаких оснований для интерпретации рассмотренного заявления в качестве одностороннего акта, имеющего определенные

юридические последствия в отношении урегулирования спора. Далее в решении камеры рассматриваются принципы делимитации территорий, одобренные Юридической подкомиссией, с которыми, по утверждению Буркина-Фасо, согласилась Республика Мали и которые должны учитываться при определении границы в спорном районе. Взвесив доводы сторон, камера пришла к выводу, что, поскольку линия границы должна определяться на основе международного права, то не имеет значения вопрос о том, может ли подход Мали истолковываться как отражающий конкретную позицию или действительно означающий молчаливое согласие с принципами Юридической подкомиссии, которые должны применяться в деле решения спора. Если эти принципы применимы как отдельные элементы права, то они остаются таковыми независимо от отношения к ним Республики Мали. Положение в корне изменилось бы, если бы обе стороны попросили камеру принять их во внимание или отвести им особое место в специальном соглашении в качестве правил, определенно признанных спорящими государствами (статья 38, пункт 1 а) Статута).

VI. Предварительно поставленный вопрос: фиксирование места схождения трех границ (пункты 44-50)

Камера решает дополнительный предварительно поставленный вопрос, касающийся ее полномочий в отношении фиксирования места схождения трех границ, образующего наиболее удаленную в восточном направлении точку границы между сторонами. Их мнения по данному вопросу расходятся. Мали утверждает, что определение места схождения трех границ между Мали, Буркина-Фасо и Нигером не может быть осуществлено двумя сторонами, без согласия Нигера, и оно не может осуществляться также камерой; Буркина-Фасо считает, что добиваться решения о местоположении точки схождения трех границ в соответствии со специальным соглашением должно быть вынесено камерой. Что касается юрисдикции по данному делу, то по мнению камеры из текста специального соглашения ясно следует, что общие намерения сторон сводятся к тому, чтобы граница была указана камерой в пределах всего спорного района. В дополнение к этому камера считает, что ее юрисдикция не может быть ограничена только на основании того факта, что конечная точка границы находится в месте ее пересечения с границей третьего государства, которое не участвует в судебном разбирательстве. Права соседнего государства, Нигера, защищены в любом случае статьей 59 Статута Суда. Что же касается вопроса о том, требуют ли соображения, относящиеся к необходимости защищать интересы третьего государства, того, чтобы камера воздержалась от осуществления своей юрисдикции для определения линии границы на всей ее протяженности, то это предполагает, согласно мнению камеры, что законные интересы данного государства не только не будут затронуты ее решением, но и составят сам предмет такого решения. В данном же деле все обстоит по-другому, и соответственно от камеры требуется определить, как далеко простирается граница, унаследованная от

колониальной державы. Это означает, что для камеры важно не столько определение места схождения трех границ, сколько указание местоположения наиболее удаленной в восточном направлении точки линии границы, то есть той точки, где заканчивается граница, разделяющая территории Буркина-Фасо и Мали.

VII. Свидетельства сторон (пункты 51-65)

Свои аргументы стороны основывают на различных видах свидетельств.

1. Они ссылаются на законодательные и нормативные акты и документы административного характера, основным из которых является французский закон от 4 сентября 1947 года «о восстановлении территории Верхней Вольты», согласно которому границами восстановленной территории должны быть границы бывшей колонии Верхняя Вольта по состоянию на 5 сентября 1932 года». В момент получения независимости в 1960 году границы были теми же, которые существовали к дате 5 сентября 1932 года. Однако ни акты, ни другая документация, предоставленные в качестве свидетельств, не содержат полного описания направления пограничной линии между Французским Суданом и Верхней Вольтой, существовавшей во время обоих периодов существования этих колоний (1919-1932 годы и 1947-1960 годы). Эти документы носят ограниченный характер и их законная сила, равно как и правильная интерпретация составляют предмет спора сторон.

2. Оба государства предъявили также обширный и разнообразный картографический материал и в своих заявлениях рассмотрели весьма подробно вопрос о доказательной силе карт и соответствующей юридической силе различных видов свидетельств вообще. Камера отмечает, что при определении границ карты могут служить всего-навсего только информационным материалом, но ни в коей мере и ни при каких обстоятельствах не являются *лишь сами по себе* доказательством права собственности на территорию. Они попросту представляют собой внешнее свидетельство, которое может быть использовано вместе с другими свидетельствами для установления подлинных фактов. Их ценность зависит от их технической достоверности и их нейтрального характера по отношению к спору и участвующим в нем сторонам; они не могут влиять каким-либо образом на тех, на ком лежит бремя доказывания.

При изучении карт, приложенных к делу, камера отмечает, что ни одна из имеющихся карт не может непосредственно служить отрицательной иллюстрацией текста в четырех основных документах (см. раздел VIII ниже), несмотря даже на то, что, как из содержащихся в них слов явствует, два из них должны сопровождаться картами. Хотя в распоряжение камеры было предоставлено большое число карт, схем и планов района, который тем не менее охарактеризован как частично неисследованный, ни одной бесспорной линии границы в данной документации выделено не было. Следовательно, при изучении всего комплекта карт требуется проявлять особую осторожность.

Две из представленных карт имеют, по-видимому, особое значение. Это — изготовленные в масштабе 1:500 000 карта колоний Французской Западной Африки 1925 года издания, известная под названием карты Блонделя-ля-Ружри, и карта Западной Африки в масштабе 1:200 000, составленная Национальным географическим институтом (НГИ) Франции и впервые опубликованная где-то между 1958 и 1960 годами. В связи с первой картой камера считает, что границы административно-территориального деления сами не могут служить каким-либо особенно авторитетным свидетельством. В отношении другой, камера приходит к выводу, что, поскольку она была составлена органом, занимающим нейтральную позицию по отношению к сторонам, и хотя она не обладает статусом правового титула, она является визуальным отражением как имеющихся документов, так и информации, полученной о рассматриваемом предмете. Там, где отсутствуют прочие свидетельства или являются недостаточными для указания точной линии границы, доказательная сила карты НГИ должна рассматриваться как неопровержимая.

3. Среди свидетельств, которые должны быть приняты во внимание, стороны приводят в качестве аргумента «колониальную effectivité» (эффективность); иными словами, поведение административных властей в данном районе в колониальный период приводится как доказательство эффективного осуществления территориальной юрисдикции. Роль такой effectivité носит сложный характер, и камере пришлось произвести тщательную оценку законной силы действий вышеупомянутых властей в каждом конкретном случае.

Камера подчеркивает, что разбираемое дело является крайне необычным, поскольку представленные по этому делу факты требуют тщательной проверки или подкрепления соответствующими доказательствами. Хотя стороны постарались предоставить в распоряжение камеры по возможности наиболее полную подборку материалов по данному делу, она не в состоянии со всей определенностью вынести решение по этому делу, основываясь только на исчерпывающем ознакомлении с приведенными фактами. Указанная подборка материалов является непоследовательной и страдает рядом недостатков. Систематическое применение правила относительно бремени доказывания не всегда может обеспечить должное решение, и отклонение любого конкретного довода вследствие его недоказуемости не может служить достаточным основанием для поддержания противоположного аргумента.

VIII. *Законодательные и нормативные акты и административные документы, на которые ссылаются стороны: их применимость в отношении определения границы* (пункты 66-105)
и вопрос об их использовании при разбирательстве (пункты 106-111)

Камера начинает рассмотрение данного вопроса с изучения законодательных и нормативных актов, а

также документов административного характера, на которые ссылаются стороны. При этом она определяет, какой вес следует придавать тому или иному документу с точки зрения их применимости к указанию направления линий границы в пределах участка, к которому относится данный документ. В тексте решения эти документы представлены в хронологическом порядке.

— *Постановление от 31 декабря 1922 года* о реорганизации района Тимбукту. Стороны пришли к согласию относительно признания законной юридической силы и причастности данного документа к рассматриваемому делу.

— *Постановление от 31 августа 1927 года* генерал-губернатора ad interim Французской Западной Африки, касающееся границ колоний Нигер и Верхняя Вольта; в это постановление была внесена поправка от 5 октября 1927 года. Обе стороны считают этот документ как относящийся к делу, поскольку в нем содержится ссылка на точку схождения трех границ, которая рассматривается выше (см. раздел VI). Однако стороны придерживаются разных мнений в вопросе о законной юридической силе указанного документа; Мали утверждает, что постановление и поправка к нему лишены законной юридической силы в результате допущения фактической ошибки в установлении местоположения высот Нгума, поэтому Буркина-Фасо не вправе надлежащим образом основываться на содержащихся в них данных. Камера подчеркивает, что в ходе настоящего разбирательства постановление и поправка к нему представляют собой ценность только как свидетельство в отношении местоположения конечной точки границы между Французским Суданом и Верхней Вольтой. Камера не считает необходимым пытаться определять законную юридическую силу рассматриваемого документа, при этом его ценность как свидетельства, — и с этим Республика Мали согласна, — представляет собой отдельный вопрос.

— *Декрет от 5 сентября 1932 года* относительно упразднения колонии Верхняя Вольта и присоединения составляющих ее округов либо к Французскому Судану, либо к Нигеру (см. схематическую карту № 2, включенную в решение).

— *Обмен письмами в 1935 году*: эта переписка основывалась на письме 191 SM2 от 19 февраля 1935 года, направленном в адрес лейтенант-губернаторов Нигера и Французского Судана генерал-губернатором Французской Западной Африки, и ответном письме лейтенант-губернатора Французского Судана от 3 июня 1935 года. Генерал-губернатор предложил описание границы между Нигером и Французским Суданом, к которому лейтенант-губернатор Французского Судана в ответном письме предложил внести только одну поправку. Линия границы, указанная в этом описании, как оказалось, совпадает с линией, указанной на карте Блонделя-ля-Ружри (см. схематическую карту № 3, включенную в решение). Проект описания не получил дальнейшего развития, но его толкование является предметом спора сторон, и вопрос заключается в том, имело ли целью содержащееся в письме предложение только описать существующую границу (версия Буркина-Фасо

о «декларативности»), или в этом письме было отражено намерение определить законную границу de pocho (версия Мали об «изменении»). Камера приходит к выводу, что определение границы, представленное в письме 191 СМ2 соответствует по мнению как генерал-губернатора, так и администраторов, с которыми была проведена консультация, положению de facto.

— *Постановление № 2728 AP от 27 ноября 1935 года* генерал-губернатора ad interim Французской Западной Африки о делимитации округов Бафулябэ, Бамако и Мопти (Французский Судан). Последний округ граничил с округом Уаигуйа, который в то время входил в состав Французского Судана, а в 1947 году был возвращен Верхней Вольте. Эта граница вновь стала частью границы между территориями Верхней Вольты и Французского Судана вплоть до получения ими независимости, отсюда — ее значение. В документе содержится описание восточной границы суданского округа Мопти «как линии, явно идущей в северо-восточном направлении и включающей в состав округа Мопти деревни Йоро, Диулуна, Укулу, Агулуру, Кубо»... Стороны не согласны друг с другом в отношении юридического значения приписываемого данному положению. Их разногласия сводятся к вопросу о том, была ли в результате проведения линии границы, указанной в документе, которая «включает» вышеперечисленные деревни в состав округа Мопти, осуществлена передача данному округу этих деревень, ранее входивших в другой округ (утверждение Буркина-Фасо), или представленное определение линии границы скорее означает, что эти деревни уже принадлежали округу Мопти еще до проведения рассматриваемой границы (утверждение Мали).

Камера рассматривает вопрос о том, не содержится ли в фактическом тексте постановления 2728 AP и в том административном контексте, который существовал, когда он был издан, какого-либо указания относительно пробелов района, где генерал-губернатор ad interim намеревался произвести делимитацию. Она приходит к выводу, что имеется по меньшей мере предположение о том, что в постановлении 2728 AP не ставилось целью и не имелся в виду результат изменить границу, существовавшую в 1935 году между Суданскими округами Мопти и Уаигуйа (в период между 1932 и 1935 годами никаких изменений осуществлено не было). Камера затем занимается выяснением того, опровергает или подтверждает содержание постановления 2728 AP вышеуказанное предположение. И после детального изучения документальных и картографических материалов она приходит к выводу, что данные материалы не опровергают предположения о том, что постановление 2728 AP имело чисто декларативный характер.

В ходе демонстрирования результатов своего исследования камера разъясняет, что часть границы, определение которой требует выяснения пределов района, охватываемого постановлением 2728 AP, названа в решении границей «участка четырех деревень». Слова «четыре деревни» относятся к деревням Диулуна (которая может быть определена как

деревня, фигурирующая теперь под названием Дионуга), Укулу, Агулуру и Кубо (деревня Йоро, также упомянутая в решении, вполне определенно входила в состав округа Мопти и не является предметом спора).

*
*
*

Камера, рассмотрев вопрос о том, какая связь может быть установлена между частями информации, содержащимися в различных документах, которые ей приходится использовать, сделала ряд выводов. Она отмечает, что по некоторым моментам эти источники информации согласуются и дополняют друг друга, но в некоторых отношениях ввиду наличия недостатков в картах того времени, они также имеют тенденцию вступать друг с другом в противоречие (см. схематическую карту № 4, включенную в решение).

IX. *Определение границы в пределах спорного района* (пункты 112-174)

1. *Конечная точка границы на западе* (пункты 112-113)

Камера начинает рассмотрение этого вопроса с фиксации конечной точки границы, уже установленной по соглашению сторон, иными словами — наиболее удаленной точки в западном направлении спорного района. Они еще четко не указали эту точку, но камера считает, что она в состоянии обоснованно заключить, что обе стороны согласны с линией границы, показанной на карте Западной Африки, составленной НГИ в масштабе 1:200 000: к югу от точки с географическими координатами 1°59'01" западной долготы и 14°24'40" северной широты (точка А на карте, прилагаемой к решению). Именно начиная с этой точки, стороны просят указать линию их общей границы, идущей в восточном направлении.

2. *Деревни и фермерские селения* (пункты 114-117)

Камера считает необходимым рассмотреть понятие слова «деревня», поскольку в нормативных документах, фиксирующих границы районов, обычно упоминаются просто деревни, находящиеся на их территории, без дальнейшего географического уточнения. Часто случается так, что жители какой-либо деревни возделывают землю, расположенную на некотором расстоянии от нее, обособываясь в небольших «фермерских селениях», образующих придатки к деревням. В целях осуществления требуемой от нее делимитации камера должна решить, являются ли фермерские селения частью деревень, от которых они произошли. Она не убеждена в том, что если понятие «деревня» обозначает более широкую административную единицу, то вышеуказанные фермерские селения всегда учитываются при проведении границ таких административных единиц. Только по изучении всей имеющейся информации в масштабе какой-либо конкретной деревни она будет

в состоянии удостовериться в том, считается ли тот или иной участок земли частью такой деревни, несмотря на отсутствие органической связи с ней, или он считается «спутниковым селением, находящимся вне границ деревни».

3. Участок территории с четырьмя деревнями (пункты 118-126)

Поскольку в постановлении 2728 АР граница между округами Мопти и Уаигуйа определена выражением: деревни, «включенные» в состав округа Мопти, камера устанавливает территориальную принадлежность этих деревень и пределы занимаемой ими площади. Она отмечает, что Буркина-Фасо не оспаривает малийскую принадлежность деревни Йоро и что разногласия отсутствуют в отношении первой части границы, которая проходит в северном направлении от точки А и до точки, имеющей следующие координаты: $1^{\circ}58'49''$ западной долготы и $14^{\circ}28'30''$ северной широты (точка В).

Что касается деревни Дионуга, то стороны согласны отождествлять ее название с названием деревни Диулуна, упоминаемым в постановлении. Камера считает, что она может на основе имеющейся у нее информации, особенно той, что касается операции по прокладке железнодорожного пути, проводившихся по приказу соответствующих административных властей и являющихся примечательным элементом «эффективности», прийти к выводу, что административная граница в колониальный период пересекала железную дорогу, связывающую эту деревню с соседней по отношению к ней деревней Дигель, расположенной на расстоянии около 7,5 километра к югу от деревни Дионуга. Поэтому линия границы проходила подобным же образом в точке, определяемой координатами $1^{\circ}54'24''$ западной долготы и $14^{\circ}29'20''$ северной широты (точка С).

Что же касается упоминаемых в постановлении 2728 АР деревень Укулу и Агулуру, то камера подчеркивает, что вопрос о их существовании или исчезновении к делу не относится. Факт их возможного исчезновения не влияет на линию границы, которая была установлена в свое время. Однако можно все же отметить, что местоположения деревень Куния и Укулуру соответствуют местоположению тех двух деревень, которые упомянуты в вышеуказанном постановлении.

В отношении деревни Кубо, с которой связана некоторая топонимическая путаница, необходимо указать, что имеющейся в распоряжении камеры информации явно недостаточно, чтобы со всей определенностью установить, то ли это — деревня Кубо, то ли небольшое селение Кобо, которые бы соответствовали деревне Кубо, упомянутой в рассматриваемом постановлении. Но поскольку вышеуказанное селение находится всего в четырех километрах от вышеуказанной деревни, то камера находит целесообразным рассматривать их как единое целое и провести границу таким образом, чтобы обе они остались на территории Мали.

Таким образом, камера считает, что линия, проведенная на расстоянии около двух километров к югу от ныне существующих деревень Куния и Окулуру,

соответствует границе, указанной в постановлении 2728 АР. Эта линия проходит через точку, определяемую координатами $1^{\circ}46'38''$ западной долготы и $14^{\circ}28'54''$ северной широты (точка D), и через точку, определяемую координатами $1^{\circ}40'40''$ западной долготы и $14^{\circ}30'03''$ северной широты (точка E).

4. Водоемы Тусугу, Кетиуэр и Сум (пункты 127-150)

Линия границы, описанная в постановлении 2728 АР 1935 года, проходит «явно в северо-восточном» направлении, пролегая к югу от водоема Тусугу и заканчиваясь в точке к востоку от водоема Кетиуэр».

Трудно определить местоположение этих водоемов, поскольку ни на одной из предоставленных сторонами карт, относящихся ко времени издания вышеупомянутого постановления, водоемов с такими названиями не указано. Однако обе стороны признают факт существования по меньшей мере одного водоема в районе деревни Тусугу, предъявляя в качестве доказательства лишь географические карты, противоречащие одна другой. В этой связи встает вопрос, не является ли водоем Фето-Марабуре, находящийся к юго-западу от упомянутой деревни и только недавно нанесенный на карты, неотъемлемой частью вышеуказанного водоема. По мнению камеры, оба водоема остаются разделенными даже в сезон дождей, и водоем Фето-Марабуре не должен отождествляться с упомянутым в постановлении водоемом Тусугу, который обладает меньшими размерами и находится в непосредственной близости от одноименной деревни. Кроме того, отождествление этих двух водоемов может повлиять на направление линии границы. Камера, от которой требуется дать толкование упоминания водоема Тусугу в постановлении 2728 АР, считает, что такое толкование должно быть осуществлено таким образом, чтобы свести к минимуму «допуск» ошибки при определении точки, в которой, согласно письму 191 СМ2, должны сходиться границы округов Мопти, Уаигуйа и Дори. Прежде чем определять, где будет проходить граница относительно водоема Тусугу, камера пытается определить местоположение водоема Кетиуэр, вблизи которого также проходила граница, описанная в постановлении 2728 АР.

Водоем Кетиуэр представляет собой важный элемент определения границы в постановлении 2728 АР. Следовательно, необходимо выяснить, существовал ли в 1935 году водоем, находившийся «явно в северо-восточном» направлении, по отношению к точке, расположенной к «югу от водоема Тусугу», в непосредственной близости от точки схождения границ округов Мопти, Гурма-Рарус и Дори и к западу от нее. После соответствующего анализа всей имеющейся информации камера оказалась не в состоянии указать местоположения водоема Кетиуэр. Она также не считает возможным отождествлять водоем Кетиуэр с водоемом Сум, расположенным в нескольких километрах к востоку/северо-востоку от водоема Тусугу и вблизи от точки схождения, но не границ вышеупомянутых трех округов, а границ округов Мопти, Уаигуйа и Дори.

Камера по-прежнему остается убежденной на основании относящихся к делу материалов, что водоем Сум является пограничным, но не находит никаких доказательств, начиная с колониального периода, согласно которым можно было бы установить, проходила ли линия границы к северу от водоема или она разделяла его, или проходила к югу от него. При сложившемся положении камера отмечает, что хотя никакого мандата на собственный свободный выбор соответствующей границы его от сторон получено не было, тем не менее ее задача заключается в проведении точной линии границы, и для этого она может прибегнуть к праву справедливости *infra legem*, которое, как это признали сами стороны, может применяться при рассмотрении данного дела. Чтобы добиться справедливого решения в этом направлении на основе применимых правовых норм, камера считает необходимым принять во внимание, в частности, те обстоятельства, при которых руководители двух сопредельных округов, — одного в Мали, а другого в Верхней Вольте, — признали в рамках соглашения 1965 года, не утвержденного компетентными органами власти, о том, что водоем должен использоваться совместно. Она приходит к выводу, что водоем Сум должен быть разделен пополам на справедливой основе. Следовательно, линия границы должна пересечь водоем таким образом, чтобы его максимальная площадь в сезон дождей была поделена между обеими государствами на две равные части.

Камера отмечает, что эта линия границы не проходит через точку координат, указанную в письме 191 СМ2, и после исследования топографических данных пришла к выводу, что точка схождения трех границ должна находиться к юго-востоку от точки, определяемой указанными координатами. Поскольку письмо так и не стало нормативным документом, оно квалифицируется лишь как свидетельство существовавшей в то время границы и оценивается как источник информации "de facto". Сейчас обнаруживается, что имевшиеся в то время карты были недостаточно точными, чтобы обеспечить сегодня обоснование четкого определения границ. Таким образом, тот факт, что данные координаты были определены как было найдено, менее точно, считалось раньше, не противоречит намерениям генерал-губернатора и не лишает письмо доказательной силы.

Граница в этом районе проходит следующим образом: из точки Е линия границы идет по прямой к точке, определяемой координатами $1^{\circ}19'05''$ западной долготы и $14^{\circ}43'45''$ северной широты; находящейся приблизительно в 2,6 километра к югу от водоема Тусугу (точка F), а затем достигает водоема Сум в точке, определяемой координатами $1^{\circ}05'43''$ западной долготы и $14^{\circ}47'04''$ северной широты (точка G); она пересекает водоем с запада на восток, разделяя его на две равные части.

5. *Участок между водоемом Сум и горой Табакареш*
(пункты 151-156)

Для определения линии границы к востоку от водоема Сум камере потребовалось сослаться на текст

письма 191 СМ2 1935 года, которое было признано как имеющее доказательную силу. Согласно мнению представителей Буркина-Фасо, линия границы должна проходить, как указано в письме и на карте Блонделя-ля-Ружри 1925 года, от точки, определяемой координатами $0^{\circ}50'47''$ западной долготы и $15^{\circ}00'03''$ северной широты до водоема Ин-Абао. Повидимому, не вызывает сомнений тот факт, что целью письма 191 СМ2 было определить в текстуальной форме границу, показанную на упомянутой карте, и стороны согласны с этим. Мали подчеркивает, что эта карта страдает неточностью и другими недостатками, относящимися к топонимике и орографии. Камера считает, что на участке между водоемом Сум и горой Табакареш никаких трудностей с выбором карты не возникает; при отсутствии прочих свидетельств, указывающих иное, письмо 191 СМ2 должно толковаться как предусматривающее проведение прямой линии, соединяющей гору Табакареш с точкой, где сходятся границы округов Молти, Уаигуя и Дори.

Камера приходит к выводу, что от точки G граница проходит в северо-восточном направлении до точки, упомянутой представителями Буркина-Фасо, а от этой точки — до горы Табакареш. Эта гора должна отождествляться с возвышенностью, указанной на карте НГИ, имеющей масштаб 1:200 000, под названием Тин-Табакат и определяемой географическими координатами $0^{\circ}43'29''$ западной долготы и $15^{\circ}05'00''$ северной широты (точка H).

6. *Водоем Ин-Абао*
(пункты 157-163)

При определении следующего участка границы камера должна сослаться на постановление генерал-губернатора Французской Западной Африки от 31 декабря 1922 года. Согласно этому постановлению, западная граница округа Гао совпадает от водоема Ин-Абао с «северной границей Верхней Вольты». Граница, установленная камерой, должна включать этот водоем; следовательно, требуется произвести идентификацию данного водоема с тем, чтобы линия границы определялась по отношению к его местоположению. Полученная на основе нескольких карт информация, которая касается местоположения и размеров рассматриваемого водоема, крайне противоречива (см. схематическую карту № 5, включенную в решение). Исходя из имеющейся информации камера считает возможным, что водоем расположен в месте слияния двух заболоченных речных рукавов: один из них — Бели, текущий с запада на восток, а другой — с севера на юг. За неимением более точной и достоверной информации о привязке линии границы к местоположению водоема Ин-Абао, помимо той, которая представлена камере, она должна заключить, что определяемая граница пересекает водоем таким образом, чтобы разделить его поровну между двумя сторонами.

Граница должна следовать линии НГИ от точки H до точки, определяемой координатами $0^{\circ}26'35''$ западной долготы и $15^{\circ}05'00''$ северной широты (точка I), где она поворачивает в направлении на юго-восток и доходит до Бели. Она продолжается по пря-

мой до точки J, находящейся на западном берегу водоема Ин-Абао, а далее — до точки К на восточном берегу того же водоема. От точки К линия границы снова проходит в северо-восточном направлении и опять соединяется с линией НГИ в точке, где эта линия, после прохождения через Бели в северо-восточном направлении, снова поворачивает на юго-восток, образуя орографическую границу (точка L, определяемая координатами 0°14'44" западной долготы и 15°04'42" северной широты). Точки J и K предстоит установить с помощью экспертов, назначенных согласно статье IV специального соглашения.

7. Район Бели (пункт 164)

В отношении всего этого района Мали, отклоняющая письмо 191 СМ2 1935 года, выступает в пользу границы, идущей вдоль указанного речного рукава. Обе стороны вели длительные дебаты по вопросу о выборе, перед которым стояла управляющая колониями держава, то есть речь идет о выборе между гидрографической границей, проходящей вдоль Бели, и орографической границей, проходящей по линии гребня, образуемого возвышенностями к северу от этого речного рукава. По мнению камеры, в письме 191 СМ2 содержится доказательство о том, что была принята орографическая граница. Что касается описанной в этом письме границы, то камера отмечает, что карта НГИ была признана правильной обеими сторонами, по крайней мере в отношении топографии. В этой связи она не видит причин для отступления от ломаной линии, образованной крестиками, которая изображена на этой карте и которая представляется достоверным изображением границы, описанной в письме 191 СМ2, за исключением восточной части линии, где возникает проблема, связанная с горой Нгума.

8. Высоты Нгума (пункты 165-174)

В отношении последнего участка линии границы основным для камеры является вопрос о местоположении «высот Нгума», упомянутых в поправке к постановлению 1927 года, касающейся границ между Верхней Вольтой и Нигером (см. схематическую карту № 6, включенную в решение). В поправке граница определяется как «линия, начинающаяся на высотах Нгумы, пересекающая брод Кабия...». Согласно утверждению Мали данный документ утратил силу вследствие содержащейся в нем фактической ошибки, заключающейся в том, что упоминаемая в документе гора Нгума указывается в нем как находящаяся к северу от брода, в то время как на самом деле она находится на юго-западе от него, как показано на карте НГИ 1960 года, которая, по словам представителей Мали, является единственным точным отображением существующего положения. Камера уже заявляла, что текст постановления и поправка к нему не должны отклоняться *in limine* в целях определения конечного пункта границы должна быть оценена их доказательная сила. Она подчеркивает, что такие карты того периода, как карта

Блондель-ля-Ружри 1925 года, помещают гору Нгума к северу от брода Кабия, и это же местоположение горы указано также на карте в масштабе 1:1 000 000, — свидетельство, которое нельзя игнорировать, хотя официальный орган, утвердивший ее, остался неизвестным. Хотя карта НГИ в масштабе 1:200 000 1960 года и относит название Нгума к возвышенности, расположенной на юго-востоке от брода, она также содержит альтиметрическую информацию, на основе которой можно заключить, что высоты, простирающиеся в форме четверти круга между местностью к северу от брода и местностью к юго-востоку от него, составляют единое целое, которое может быть названо «Нгума». Существование высот к северу от брода было подтверждено еще и наблюдениями на местности, произведенными в 1975 году.

Поскольку камера не располагает какими-либо сведениями об устных традициях, которые относятся по крайней мере к 1927 году и могут противоречить показаниям карт и других документов того периода, то она приходит к выводу, что в своем постановлении 1927 года и в поправке к нему, а также в письме 191 СМ2 1935 года генерал-губернатор описывал существовавшую в то время границу, проходившую через высоты к северу от брода Кабия, и что ошибочно ли, правильно ли, административные власти считали, что эти высоты были известны местному населению под названием «высот Нгума». Камере остается лишь установить местоположение в пределах площади возвышенной местности, окружающей брод конечной точки границы, определенной в вышеупомянутых документах. Из этого она заключает, что данная точка должна быть зафиксирована в трех километрах к северу от брода, в месте, определяемом координатами 0°14'39" восточной долготы и 14°54'48" северной широты (точка М).

X. Линия границы (пункт 175)

Камера фиксирует линию границы между сторонами в пределах спорного района. Данная линия воспроизведена в качестве иллюстрации на карте, которая представляет собой соединение вместе пяти листов карт НГИ в масштабе 1:200 000. Карта прилагается к решению.

XI. Демаркация (пункт 176)

Камера готова взять на себя выполнение поручаемой ей сторонами задачи и назначить им в помощь трех экспертов для осуществления демаркации границы, которая должна быть завершена в пределах одного года со дня вынесения решения. Однако, по ее мнению, нецелесообразно производить в рамках решения, как об этом просят стороны, назначение, которое позже будет осуществлено посредством принятия постановления.

XII. Временные меры (пункты 177-178)

В решении говорится, что постановление от 10 января 1986 года прекращает свое действие после

вынесения решения. Камера с удовлетворением отмечает, что главы государств Буркина-Фасо и Республики Мали согласились «отвести все свои вооруженные силы по обе стороны от спорного района и осуществить их возвращение на свои соответствующие территории.»

XIII. Обязательная сила решения (пункт 178)

Камера также отмечает, что стороны, уже связанные обязательствами, взятыми согласно пункту 1 статьи 94 Устава Организации Объединенных Наций, четко заявили в пункте 1 статьи IV специального соглашения, что они согласны с решением камеры «... как окончательным и обязательным для них». Камера с удовлетворением регистрирует приверженность обеих сторон международному правосудию и мирному урегулированию споров.

XIV. Постановляющая часть (пункт 179)

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МНЕНИЙ СУДЕЙ, ПРИЛАГАЕМЫХ К РЕШЕНИЮ КАМЕРЫ

Отдельное мнение судьи ad hoc Франсуа Люшера

Судья Люшер проголосовал за положения постановляющей части решения, потому что они основываются на мотивировке, логика которой не вызывает сомнений. Однако он не может полностью согласиться с некоторыми аспектами этого решения или содержащимся в нем выводами. Поэтому он считал необходимым прокомментировать следующие его пункты:

I. Принципы права народов на самоопределение; свободный выбор статуса и последствия референдума, проведенного 28 сентября 1958 года для французских заморских территорий.

II. Молчаливое согласие — лишение права возращения — толкование коммюнике, принятого в Конакри.

III. Ссылка на границы 1932 года, зафиксированные французской администрацией на картах того времени. Более поздние документы не относятся к делу.

IV. Молчаливое согласие, вытекающее из участия Диулуны в демократическом процессе в Судане.

V. Возможность проведения линии границы через Кобо-Файандо-Тусугу. Трудности в связи с решением вопроса, касающегося Дурюмгары и Ин-Абао — Тин-Кашам.

Отдельное мнение судьи ad hoc Жоржа Аби-Сааба

Хотя он и проголосовал за положения постановляющей части решения, судья Аби-Сааб не может согласиться с некоторыми аспектами мотивировки или выводов камеры.

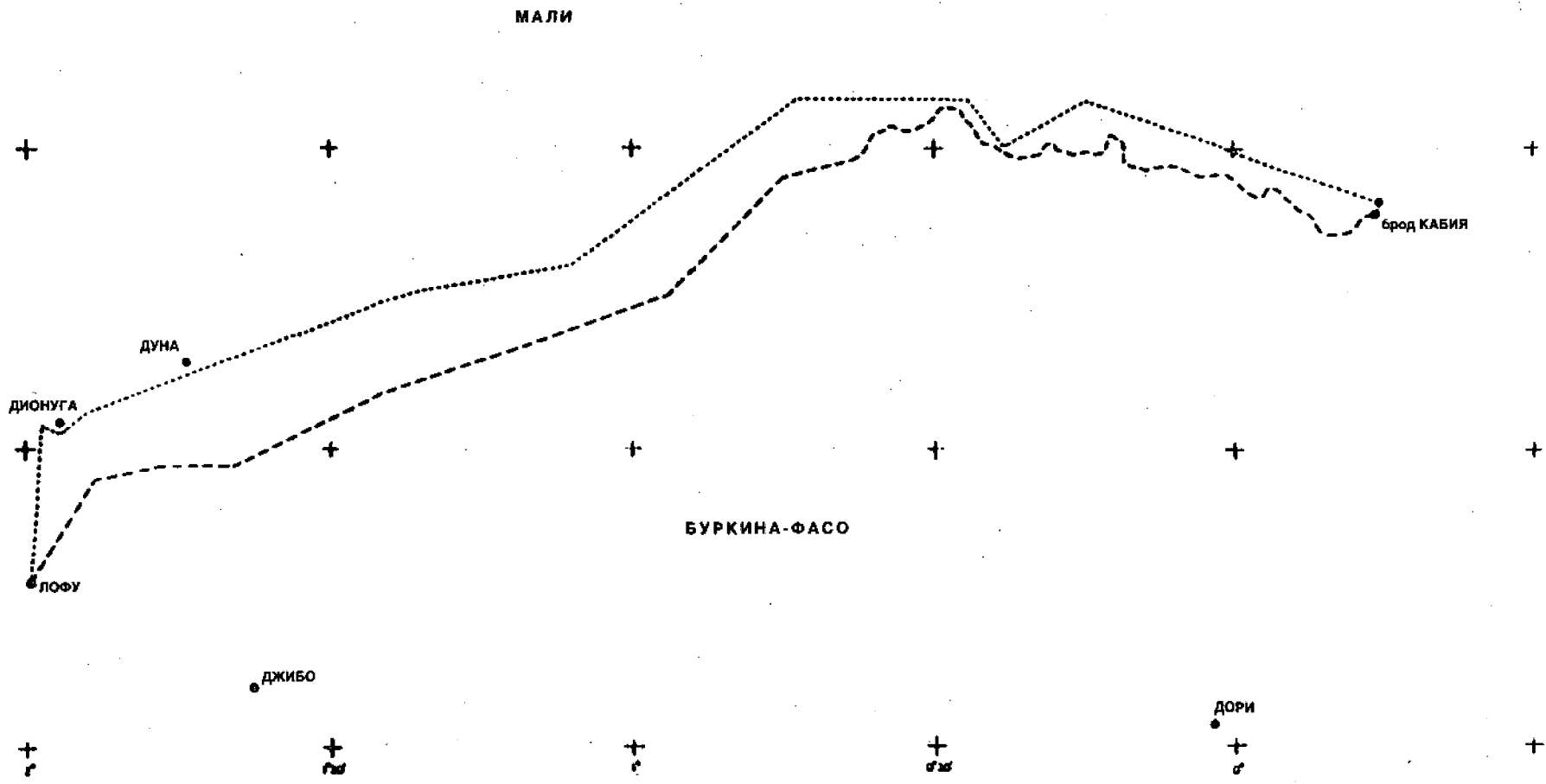
В частности, он не согласен с тем, как отражено в решении отношение к французскому колониальному праву, которое, по его мнению, анализируется излишне подробно. Он также не согласен с той ролью, которая приписывается письму 191 SM2 1935 года, чей декларативный характер в отношении уже существовавших границ он оценивает не более, как одно из возможных объяснений, не подкрепленное какими-либо доказательствами, и поэтому не вносящее достаточной определенности.

Судья Али-Сааб считает, что принятие решения о проведении границы в районе Бели, на основе этого письма, которое содержит только словесное описание карты Блонделя-ля-Ружри, равносильно приданию карте статуса правооснования, хотя, в соответствии с вынесенным решением, карты сами по себе ни при каких обстоятельствах не имеют достаточной силы, чтобы быть таким правооснованием.

Подчеркнув трудности, с которыми иногда приходится сталкиваться при применении принципа *uti possidetis*, автор отмечает, что камера приняла юридическое решение, возможное в пределах степени свободы, предоставляемой при разбирательстве по данному делу. Он считает его юридически допустимым, но сам он предпочел бы применить другой подход, основанный в большей степени на соображениях, относящихся к праву справедливости *infra legem*, при толковании и применении правовых норм, поскольку рассматриваемый район имеет кочевое население и подвержен засухам, поэтому доступ к воде для такого населения является жизненно важным.

Схематическая карта № 1

223

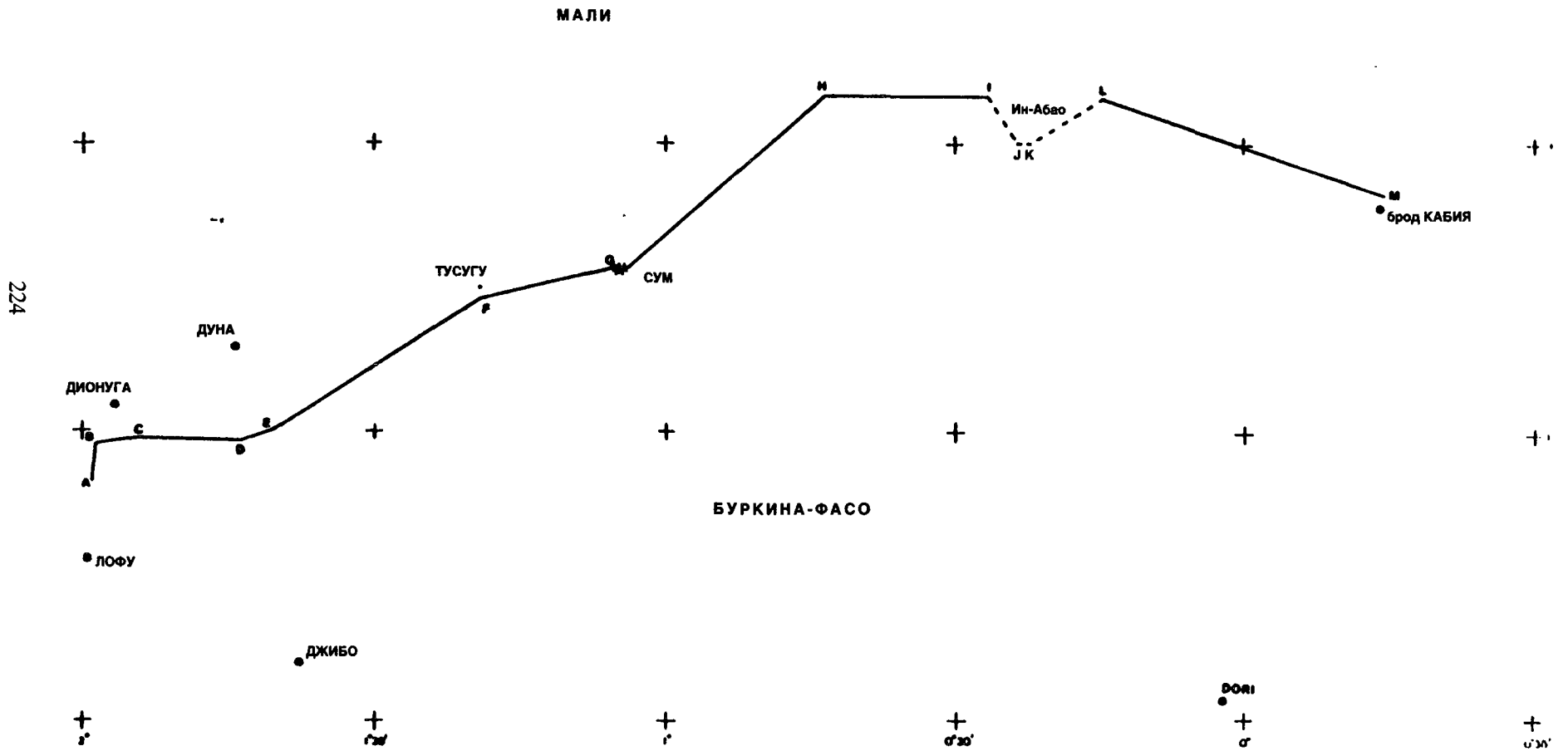
Граница, представленная Буркина-Фасо (dotted line)

Граница, представленная Мали - - - - (dashed line)

Схематическая карта № 2

Схематическая карта, показывающая линию границы, утвержденную камерой (пункт 175 решения)

См. стр. 163 решения

81. ЗАЯВЛЕНИЕ О ПЕРЕСМОТРЕ РЕШЕНИЯ № 333 АДМИНИСТРАТИВНОГО ТРИБУНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Консультативное заключение от 27 мая 1987 года

В своем консультативном заключении по вопросу, касающемуся заявления о пересмотре решения № 333 Административного трибунала Организации Объединенных Наций, Суд постановил, что Административный трибунал Организации Объединенных Наций, вынося свое решение № 333, осуществил свои полномочия и не допустил ошибки по какому-либо правовому вопросу, связанному с положениями Устава.

Комитет по заявлениям о пересмотре решений Административного трибунала представил Суду следующие вопросы:

«1) Действительно ли в решении № 333 от 8 июня 1984 года (AT/DEC/333) Административным трибуналом ООН не были осуществлены его полномочия, когда он не ответил на вопрос о том, имелись ли какие-либо юридические препятствия для дальнейшей службы в Организации Объединенных Наций заявителя после истечения его контракта 26 декабря 1983 года?»

2) Была ли Административным трибуналом Организации Объединенных Наций в том же решении № 333 допущена ошибка в юридическом вопросе, связанном с положениями Устава Организации Объединенных Наций?»

Суд постановил следующее:

А. Суд единогласно постановил удовлетворить просьбу о вынесении консультативного заключения;

В. Суд пришел к единодушному мнению, что Административный трибунал Организации Объединенных Наций в своем решении № 333 осуществил все свои полномочия, когда не ответил на вопрос о том, имелись ли какие-либо юридические препятствия для дальнейшей службы в Организации Объединенных Наций заявителя после истечения его срочного контракта 26 декабря 1983 года;

С. Суд 11 голосами против 3 пришел к мнению, что Административный трибунал Организации Объединенных Наций в этом же решении № 333 не допустил какой-либо ошибки по вопросу права, связанному с положениями Устава Организации Объединенных Наций.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* Мбайе; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Ода, Аго, Сетте-Камара, Беджауи, Ни Цен-гу, Тарасов.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Швебель, сэр Роберт Дженнингс, Эвенсен.

*
* * *

Состав Суда: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* Мбайе; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Ода, Аго, Сетте-Камара, Швебель, сэр Роберт Дженнингс, Беджауи, Ни Цен-гу, Эвенсен, Тарасов.

Судья Ляхс приложил заявление к тексту Консультативного заключения.

Судьи Элиас, Ода и Аго приложили к тексту Консультативного заключения индивидуальные мнения.

Судьи Швебель, сэр Роберт Дженнингс и Эвенсен приложили к Консультативному заключению особые мнения.

*
* * *

В своих мнениях соответствующие судьи изложили и разъяснили свою позицию по некоторым моментам, рассмотренным в консультативном заключении.

*
* * *

I. Рассмотрение порядка разбирательства и краткое изложение фактов (пункты 1-22)

Суд изложил все этапы разбирательства находящегося на его рассмотрении дела (пункты 1-9) и дал резюме фактов по этому делу в том виде, в каком они возникают по мотивам, указанным в решении от 8 июля 1984 года по делу, касающемуся иска г-на Якимца против *Генерального секретаря Организации Объединенных Наций*, и изложены в документах, представленных Трибуналу (пункты 10-18). Следующие факты имеют существенное значение для понимания решения, которое было принято Судом:

Г-н Владимир Викторович Якимец (именуемый в Заключении «заявителем») имел пятилетний контракт (1977-1982 годы) редактора в Службе русских письменных переводов Организации Объединенных Наций. В 1981 году он был переведен как специалист по программе в Отдел планирования и координации программ. К концу 1982 года его контракт был продлен на один год — до 26 декабря 1983 года, и в его письме о назначении указано, что он был «прикомандирован правительством Союза Советских Социалистических Республик». (Пункт 10).

Помощник Генерального секретаря по вопросам планирования и координации программ 8 февраля 1983 года информировал заявителя о том, что он намерен просить продлить его контракт по его истечении 26 декабря 1983 года. Заявитель 9 декабря 1983 года попросил убежище в Соединенных Штатах Америки; 10 февраля он информировал Постоянно-представителя СССР при Организации Объединенных Наций о предпринятом им шаге и заявил, что он подает в отставку со службы в правительстве Советского Союза. В тот же день он уведомил Ге-

нерального секретаря о своем намерении получить статус постоянного жителя в Соединенных Штатах Америки. (Пункт 11).

25 октября 1983 года заявитель направил помощнику Генерального секретаря по вопросам планирования и координации программ меморандум, в котором он выразил надежду на то, что, учитывая его работу, можно было бы рекомендовать его на продление контракта с Организацией Объединенных Наций, а «еще лучше — на получение постоянного контракта». Заместитель начальника управления кадров 23 ноября 1983 года информировал заявителя в письме «по поручению канцелярии Генерального секретаря» о том, что Организация не намерена продлевать его срочный контракт по его истечении, то есть после 26 декабря 1983 года. Заявитель 29 ноября опротестовал это решение и сослался на приобретенные им права в соответствии с пунктом 5 раздела IV резолюции 37/126 Генеральной Ассамблеи, в котором предусматривается, что «сотрудники со срочными контрактами по завершении ими пяти лет непрерывной добросовестной службы с полным основанием рассматриваются для предоставления им постоянных контрактов». (Пункт 13).

13 декабря заявитель просил Генерального секретаря пересмотреть решение о непродлении ему контракта, вновь сославшись на свои права в соответствии с резолюцией 37/126 Генеральной Ассамблеи. В письме от 21 декабря 1983 года помощник Генерального секретаря по кадрам ответил на письмо заявителя от 13 декабря и сообщил ему о том, что по уже указанным причинам Генеральный секретарь не изменил своего решения, о котором было сообщено в письме от 23 ноября 1983 года. (Пункт 14).

Заявитель 6 января 1984 года подал в Административный трибунал Организации Объединенных Наций заявление, по которому было принято решение № 333. (Пункт 14).

Затем заявитель подал еще одно заявление о приеме на службу в Организацию Объединенных Наций. (Пункт 15).

Суд отметил, что на пресс-конференции 4 января 1984 года представитель Генерального секретаря заявил, что «если г-н Якимец решит подать заявление на какую-либо должность... его кандидатура будет всесторонне рассмотрена вместе с другими кандидатурами на любую должность». Он также заметил, что в «Нью-Йорк таймс» за это же число была опубликована статья, посвященная невозобновлению контракта заявителя, в которой цитировались слова исполнительного помощника Генерального секретаря, заявившего, что «для продления контракта... необходимо согласие советской стороны». Однако, как он отметил, «советская сторона ответила отказом». Комментируя это заявление в письме от 24 января 1984 года, направленном в «Нью-Йорк таймс», заместитель Генерального секретаря по вопросам администрации и управления указал, что «лицо, которое было прикомандировано, возвращается на работу в свое правительство, если это правительство не даст согласия на иное». (Пункт 16).

После такого краткого изложения фактов в заключении представлены основные утверждения за-

явителя и ответчика в том виде, в каком они были резюмированы Трибуналом, а также перечислены правовые вопросы, которые, как установил Трибунал, имеют отношение к данному делу (пункты 17-19). Далее следует краткий анализ решения № 333 (пункты 20 и 21), к которому Суд впоследствии вернулся с целью более детального изучения.

II. Компетенция Суда выносить консультативное заключение и уместность этого (пункты 23-27)

Суд напомнил, что его компетенция в отношении вынесения консультативных заключений по просьбе Комитета по заявлениям о пересмотре решений Административного трибунала вытекает из нескольких положений: пунктов 1 и 2 статьи 11 Статута Трибунала, статьи 96 Устава и пункта 1 статьи 65 Статута Суда. Он уже имел возможность рассмотреть вопрос о своей компетенции по этим положениям в тех случаях, когда, как в данном деле, просьба исходит из заявления сотрудника (*Заявление о пересмотре решения № 158 Административного трибунала Организации Объединенных Наций. Дело Фасла, 1973 год*) или из заявления государства-члена (*Заявление о пересмотре решения № 273 Административного трибунала Организации Объединенных Наций. Дело Нортишеда, 1982 год*). В обоих случаях Суд пришел к выводу, что он обладает всей юрисдикцией. В данном случае он считает, что переданные на его рассмотрение вопросы являются явно юридическими вопросами, возникающими в контексте деятельности Комитета. (Пункты 23 и 24).

Что касается уместности вынесения консультативного заключения, то, по мнению Суда, четко установлено, что полномочия, которыми он наделен в соответствии со статьей 65 Статута, являются дискреционными по своему характеру и что ответ Суда на просьбу о вынесении консультативного заключения отражает его участие в деятельности Организации Объединенных Наций и в принципе не должен быть отклонен. В данном случае он считает, что имеется ясное юридическое обоснование для того, чтобы дать ответ на два поставленных перед ним Комитетом вопроса. Он напоминает, что в своем заключении 1973 года он подверг критическому изучению механизм, установленный статьей 11 Статута Административного трибунала. Возобновляя некоторые свои оговорки в отношении предусматриваемой этой статьей процедуры, Суд, стремясь обеспечить правовую защиту должностных лиц, делает вывод, что он должен вынести по данному делу свое консультативное заключение. (Пункты 25 и 26).

В своих консультативных заключениях 1973 и 1982 годов Суд установил принцип, согласно которому его роль в процедуре пересмотра заключается не в том, чтобы «пересматривать дело и пытаться заменить своим решением по существу дела решение Трибунала». Этим принципом Суд должен руководствоваться и по данному делу. В частности, он не должен высказывать своего мнения относительно правильности любых других выводов Трибунала, если только это не придется сделать, чтобы ответить на поставленные вопросы. (Пункт 27).

III. Первый вопрос (пункты 28-58)

Суду был задан следующий первый вопрос:

1. «Действительно ли в решении № 333 от 8 июня 1984 года (AT/DEC/333) Административным трибуналом Организации Объединенных Наций не были осуществлены его полномочия, когда он не ответил на вопрос о том, имеются ли какие-либо юридические препятствия для дальнейшей службы в Организации Объединенных Наций заявителя после истечения его контракта 26 декабря 1983 года».

В своем заявлении Административному трибуналу заявитель утверждал, что «нет никакого юридического препятствия для осуществления им права на получение нового срочного контракта» или на получение нового назначения с испытательным сроком и с последующим получением постоянного контракта. Он заявил, что он «юридически и морально обоснованно рассчитывал на продолжение своей службы в Организации Объединенных Наций и имел право на обоснованное рассмотрение его кандидатуры на предмет предоставления постоянного контракта». В Трибунале Генеральный секретарь заявил, что нет никакого юридического препятствия для предоставления ему постоянного контракта, и указал, что оспариваемое решение было принято после рассмотрения всех обстоятельств дела. Это, согласно его утверждению, представляет собой «рассмотрение с полным основанием» по смыслу резолюции 37/126 Генеральной Ассамблеи (см. стр. 4, выше), учитывая, что у заявителя нет «права» на «положительное рассмотрение его кандидатуры на предмет предоставления постоянного контракта». (Пункты 29 и 30).

В Трибунале заявитель не ссылаясь на признание Генеральным секретарем отсутствия юридических препятствий, а обсуждает заявление о том, что его кандидатура была «с полным основанием рассмотрена». Он заявил, что если Генеральный секретарь полагает, как об этом свидетельствует письмо от 21 декабря 1983 года и заявления некоторых указанных должностных лиц (см. стр. 4 и 5, выше), что любое продление контракта заявителя без согласия правительства, его прикомандировавшего, выходит за рамки его дискреционных полномочий, то это помешало бы ему с полным основанием рассмотреть его кандидатуру на предмет предоставления постоянного контракта. Заявитель поэтому просил Трибунал установить, что фактически занимаемая в то время позиция (что прикомандирование создает юридическое препятствие для продолжения службы) была ошибочной и, таким образом, никакое «рассмотрение» на этой основе не может считаться

проведенным «с полным основанием» по смыслу резолюции 37/126, и просил его установить, что для его дальнейшей службы после истечения контракта 26 декабря 1983 года нет никаких юридических препятствий. Заявитель считает, что Трибунал не дал ответа на эту его просьбу по этому вопросу, и теперь Суд просит ответить, действительно ли Трибуналом в этом отношении не были осуществлены его полномочия. (Пункты 31 и 32).

Суд считает, что рассмотрение в Трибунале вопроса о «юридическом препятствии» представляется не совсем ясным. Причина этого, по мнению Суда, лежит в том, что он был в первую очередь обязан рассмотреть другие утверждения заявителя. Следуя логике, Трибунал сначала рассмотрел вопрос о том, может ли заявитель «обоснованно рассчитывать на продолжение своей службы в Организации Объединенных Наций», другими словами, имеется ли в этой связи «юридически обоснованный расчет», ибо если он имеется, то Генеральный секретарь был бы обязан обеспечить непрерывную занятость заявителя в системе Организации Объединенных Наций. Трибунал установил, что такого юридически обоснованного расчета не имеется. С одной стороны, для возобновления предыдущего контракта потребовалось бы согласие правительства соответствующей страны, ибо это был контракт на работу по прикомандированию, и, с другой стороны, согласно правилу 104.12 b Правил о персонале, назначение на определенный срок не предполагает возобновления назначения или его преобразование в какое-либо другое назначение. Трибунал также установил, что Генеральный секретарь с полным основанием рассмотрел дело заявителя в соответствии с пунктом 5 раздела IV резолюции Генеральной Ассамблеи 37/126, но не заявил об этом прямо. (Пункты 33-37).

Таким образом, анализ решения показывает, что, по мнению Трибунала, не может быть юридически обоснованного расчета, равно как и нет какого-либо юридического препятствия для «рассмотрения с полным основанием» заявления на постоянный контракт. По мнению Трибунала, для назначения не было бы юридических препятствий, если бы Генеральный секретарь, осуществляя свои дискреционные полномочия, счел целесообразным предложить такое назначение. (Пункты 38-41).

Суд отмечает, что в действительности жалоба заявителя на Трибунал касалась не того, что тот не ответил на вопрос о существовании юридического препятствия для его дальнейшей службы, а скорее того, что он не обратил достаточного внимания на свидетельства того, что Генеральный секретарь полагал, что такое юридическое препятствие существует, и, таким образом, «рассмотрение с полным основанием» не имело место или же было сведено на нет изначальным предположением о наличии препятствия, которое впоследствии было признано неверным. Здесь Суд напоминает, что в соответствующих делах он имеет право уточнить формулировку поставленного перед ним вопроса (*Толкование Соглашения от 25 марта 1951 года между ВОЗ и Египтом*, 1980 год), при условии, что изменение

¹ В заключении отмечено расхождение между английским и французским текстами и указано, что во французском тексте слова «*obstacle juridique au renouvellement de l'engagement*» включают как случай продления существующего контракта, так и случай отдельного назначения вне рамок существующих договорных отношений (пункт 28).

формулировки остается в пределах полномочий запрашивающего органа. В данном деле Суд, не выходя за пределы основания для возражения, предусмотренного в статье II Статута Трибунала и поддержанного Комитетом (неосуществление полномочий), может изменить формулировку того положения, в котором утверждается, что Трибунал не осуществил свои полномочия, если это поможет ему разобраться в том правовом вопросе, о котором здесь идет речь. Таким образом, Суду представляется важным не только изучить был ли Трибуналом дан ответ на вопрос о юридическом препятствии для дальнейшей службы заявителя — что его и просили сделать, — но и была ли Трибуналом принята во внимание позиция Генерального секретаря в этой связи и возможное влияние этой позиции на его способность «с полным основанием рассмотреть» кандидатуру заявителя на предмет предоставления постоянного контракта. Если по данному делу можно с достаточной уверенностью установить, что Трибунал уделил все свое внимание вопросам, лежащим в основе утверждений заявителя, то неосуществление полномочий в этом отношении не имело места, на какие мысли ни наводил бы тот вывод, который им был сделан с учетом имевшейся у него информации. (Пункты 42-47).

Суд в первую очередь обращается к фактическому тексту решения Трибунала, в котором вопрос о существовании «юридического препятствия» конкретно не рассматривается. Однако на этом основании он не делает вывода о том, что Трибунал не уделил пристального внимания данному вопросу. В решении указывается, что, по мнению Трибунала, Генеральный секретарь мог бы принять решение о том, чтобы предложить заявителю постоянный контракт, но не обязан делать это. Из этого следует, что Трибунал решил, хотя и косвенно, что нет абсолютного юридического препятствия, которым якобы определялось решение о непредоставлении заявителю постоянного контракта. Таким образом, Трибунал ответил на просьбу заявителя вынести свое решение о том, что не было какого-либо юридического препятствия для продолжения им своей службы. (Пункт 48).

Затем Суд обратился к заявлению Председателя Административного трибунала г-на Устора, которое прилагалось к тексту решения, и к особому мнению другого члена Трибунала — заместителя Председателя г-на Кина. Суду представляется невозможным вывод о том, что Трибунал не уделил всего своего внимания вопросам, которые были конкретно упомянуты г-ном Устором и г-ном Кином в качестве обоснования их несогласия с частью решения, касающейся «юридического препятствия» и «рассмотрения с полным основанием». Трибунал, как орган, представленный большинством членов, голосовавших за это решение, по-видимому, сделал собственные выводы по этим вопросам, даже если выводы и не были так четко изложены в решении, как это следовало бы сделать. (Пункт 49-57).

Что же касается вопроса о том, имело ли фактически место «рассмотрение с полным основанием», то Трибунал дал на него утвердительный ответ. Суд,

считая, что он не должен подменять своим заключением решение Трибунала по существу дела, не считает возможным поддержать утверждение о том, что Генеральный секретарь «не рассматривал с полным основанием» дело заявителя во исполнение резолюции 37/126, поскольку он считал, что имеется «юридическое препятствие».

Суд, должным образом проанализировав текст решения № 333 Трибунала, считает, что Трибуналом не были не осуществлены его полномочия, когда он не ответил на вопрос о существовании юридического препятствия для дальнейшей службы в Организации Объединенных Наций заявителя после истечения его контракта 26 декабря 1983 года. Поэтому на первый вопрос, поставленный перед ним Комитетом, должен быть дан отрицательный ответ. (Пункт 58).

IV. Второй вопрос (пункты 59-96)

Этот вопрос сформулирован следующим образом:

«2. Была ли Административным Трибуналом Организации Объединенных Наций в том же решении № 333 допущена ошибка в вопросах права, связанных с положениями Устава Организации Объединенных Наций?»

Что касается характера его задачи, то Суд напоминает, что толкование в целом Положений и Правил о персонале не входит в его компетенцию, но что в сферу его компетенции входит установление наличия противоречий между конкретным толкованием или применением их Трибуналом и любым из положений Устава Организации Объединенных Наций. Суд также может установить наличие любых противоречий между толкованием Трибуналом любого другого соответствующего текста, как, в данном случае, резолюции 37/126 Генеральной Ассамблеи, и любым из положений Устава. (Пункты 59-61).

Первое положение Устава, в отношении которого заявитель утверждает, что Трибунал допустил правовую ошибку, касается пункта 1 статьи 101, который предусматривает, что «персонал Секретариата назначается Генеральным секретарем, согласно правилам, устанавливаемым Генеральной Ассамблеей». Более конкретно жалоба заявителя касается роли, которую должен был, но не мог играть Совет по назначению и продвижению по службе, ибо к нему не поступало никакого предложения, в результате чего он не имел возможности рассмотреть его дело. Заявитель представил это как один из элементов отказа в «рассмотрении с полным основанием» его дела. Трибунал установил, что «именно ответчик должен решать, какое рассмотрение с полным основанием следует провести в отношении вопроса о предоставлении постоянного контракта соответствующему сотруднику», и что только ответчик имеет «полномочие решать, что является <<рассмотрением с полным основанием>>». На основе этого утверждения заявитель утверждает, что это является правовым вопросом, связанным с пунктом 1 статьи 101 Устава. (Пункты 62-69).

Суд толкует вышеизложенное утверждение как

означающее, что именно Генеральный секретарь должен решать, какой процесс представляет собой «рассмотрение с полным основанием», а не как означающее то, что единственным критерием обоснованности является то, что Генеральный секретарь считает обоснованным. Действительно, Трибунал никогда не утверждал, что Генеральный секретарь обладает неограниченными дискреционными полномочиями. Тем не менее, Трибунал признал достаточным заявление Генерального секретаря о том, что было проведено «рассмотрение с полным основанием», как того требует резолюция 37/126. Он не просил Генерального секретаря представлять подробностей относительно того, когда и каким образом оно было проведено, не говоря уже о соответствующем подтверждении. Поскольку в текстах не уточняется процедура, которую следует использовать в данных случаях, Суд не может рассматривать такое толкование как противоречащее положениям пункта 1 статьи 101 Устава. (Пункты 70-73).

Генеральный секретарь заявил также, что решение, принятое по данному делу, было «правомерно обосновано пониманием Генеральным секретарем интересов Организации, которым он отдал надлежащим образом предпочтение по сравнению с другими интересами». Трибуналу не обязательно было принимать это; он мог расценить процитированные заявителем утверждения как свидетельство того, что проблема прикомандирования и отсутствие согласия со стороны правительства имела больший вес, чем это готов допустить Генеральный секретарь. Однако он занял иную позицию. Он установил, что Генеральный секретарь «надлежащим образом осуществил свои дискреционные полномочия». Было ли это неверным суждением Трибунала или нет, однако можно с полной уверенностью сказать, что это не было правовой ошибкой в связи с пунктом 1 статьи 101 Устава. Главное заключается в том, что Трибунал не оставил без внимания все просьбы о проверке того, соответствовало ли осуществление Генеральным секретарем его дискреционных полномочий требованиям Устава. Напротив, он подтвердил необходимость проверки того, не были ли им эти полномочия «осуществлены произвольным или волюнтаристским образом». (Пункты 74 и 75).

Заявитель утверждает, что Трибунал совершил правовую ошибку в отношении *пункта 1 статьи 100* Устава, в котором предусматривается, что:

«При исполнении своих обязанностей Генеральный секретарь и персонал Секретариата не должны запрашивать или получать указания от какого бы то ни было правительства или власти, посторонней для Организации. Они должны воздерживаться от любых действий, которые могли бы отразиться на их положении как международных должностных лиц, ответственных только перед Организацией».

Заявитель не утверждает, что Генеральный секретарь, отказывая ему в продлении контракта, просто

выполнял указания какого-то правительства, однако считает, что вышеуказанные заявления старших должностных лиц (стр. 4 и 5) показывают, что Генеральный секретарь полагал, что продолжение заявителем его службы невозможно без согласия его правительства — что оказалось неверным, — и что Трибунал сделал вывод о том, что Генеральный секретарь действительно так считал. Суд не считает возможным поддержать это утверждение, поскольку он не считает, что Трибуналом был сделан такой вывод. (Пункты 76-78).

* * *

Заявитель утверждает, что не были соблюдены положения *пункта 3 статьи 101* Устава, который предусматривает, что:

«При приеме на службу и определении условий службы следует руководствоваться, главным образом, необходимостью обеспечить высокий уровень работоспособности, компетентности и добросовестности. Должное внимание следует уделять важности подбора персонала на возможно более широкой географической основе».

Он утверждает, что в решении Трибунала не был соотнесен заложенный в этой статье мандат с другими факторами, и что существо дела в нем подчиняется иным соображениям. Ясно, что выражение «руководствоваться главным образом» не синонимично выражению «руководствоваться исключительно», а равновесие между различными соображениями должен устанавливать Генеральный секретарь. Ни Трибунал, ни Суд не могут подменять своей оценкой ту оценку, которую он дал этой проблеме. Нельзя сказать, что в решении Генерального секретаря не был учтен приоритетный характер соображений, указанных в пункте 3 статьи 101, по той простой причине, что он учел все обстоятельства дела, чтобы не нарушить интересы Организации. (Пункты 79-82).

Принимая свое решение, Генеральный секретарь принял к сведению «события 10 февраля 1983 года» (дата, когда заявителем было сделано сообщение, информирующее советское правительство о том, что он покидает службу в нем) «и последующие события». Трибунал рассмотрел этот вопрос в контексте новых договорных отношений, «которые, согласно заявителю, установились между ним и Организацией Объединенных Наций начиная с этого момента». Со своей стороны, Генеральный секретарь отрицал, что «постоянная связь с национальным правительством является договорным обязательством любого сотрудника по срочному контракту — прикомандированного или нет» и что продолжение службы заявителем не означает установления новых договорных отношений. Трибунал отметил важность национальных связей и выразил неодобрение вышеуказанных замечаний Генерального секретаря. Он явно не считает их совместимыми с идеями, изложенными незадолго до этого в решении № 326 (*Фишман*), где речь идет о «широко распространенном мнении», выраженном в докладе Пятому комитету Генеральной Ассамблеи о том, что сотруд-

ник, разорвавший связи с родной страной, не может считаться, что он отвечает тем условиям, которые регулируют службу в Организации Объединенных Наций. Трибунал добавил, что этот принцип и впредь должен служить руководством в данных вопросах. Суд здесь отмечает, что это «широко распространенное мнение» сводится к мнениям, высказанным некоторыми делегатами в Пятом комитете в 1953 году на восьмой сессии Генеральной Ассамблеи и никогда не воплощенным в какой-либо резолюции Генеральной Ассамблеи. (Пункты 83-85).

Суд отмечает также, что соответствующая часть решения № 333 не имеет решающего значения для аргументации решения, но что Суд обязан указать на ошибку «юридического характера, касающуюся положений Устава Организации Объединенных Наций», независимо от того, повлияла ли эта ошибка на решение дела. Однако, рассмотрев соответствующую часть решения (пункт XII), Суд не может заявить, что Трибунал допустил в ней юридическую ошибку, «касающуюся положений Устава». По мнению Генерального секретаря, изменение гражданства является действием, не влекущим за собой особых юридических или административных последствий. Трибунал поддержал основное утверждение Генерального секретаря, но в то же время указал, что, согласно одному мнению, изменение гражданства не всегда является именно таким актом, но в некоторых обстоятельствах может пагубно повлиять на интересы Организации Объединенных Наций. Это отнюдь не означает, что изменение или попытка изменения гражданства может рассматриваться как фактор, перевешивающий первоочередные соображения, указанные в пункте 3 статьи 101 Устава; именно в этом и обвиняет Генерального секретаря заявитель, однако Трибунал с ним в этом не согласен, ибо он установил, что «рассмотрение с полным основанием» имело место. (Пункты 86-92).

Заявитель утверждает, что Трибунал допустил ошибку в юридическом вопросе, связанном со *статьей 8 Устава*, которая гласит следующее:

«Организация Объединенных Наций не устанавливает никаких ограничений в отношении права мужчин и женщин участвовать в любом качестве и на равных условиях в ее главных и вспомогательных органах».

Заявитель выдвигает необычное толкование этой статьи, то есть что она запрещает «любые ограничения в отношении права любого лица». Суд разъясняет, почему он не должен рассматривать это утверждение, так что статья 8, даже в широком толковании заявителя, не имеет никакого отношения к данному вопросу. (Пункт 93).

* * *

Заявитель утверждает, что Трибунал допустил ошибку юридического характера, касающуюся *пункта 1 статьи 2 Устава*, гласящего:

«Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов».

а также *пункта 2 статьи 100*:

«2. Каждый Член Организации обязуется уважать строго международный характер обязанностей Генерального секретаря и персонала Секретариата и не пытаться оказывать на них влияние при исполнении ими своих обязанностей».

Рассматриваемая здесь жалоба, пожалуй, заключается в том, что определенное государство оказало давление на Генерального секретаря, что является нарушением пункта 2 статьи 100 Устава. В этом случае — даже если бы имелись доказательства (а их не имеется), что какое-то государство-член действовало в нарушение этой статьи Устава; — не было бы оправданным, если бы Трибунал сделал в этом отношении какие-либо выводы, и поэтому его нельзя упрекать в том, что это им сделано не было. Поэтому Суд не усматривает возможной юридической ошибки со стороны Трибунала в связи с пунктом 2 статьи 100 Устава. (Пункты 94-96).

В отношении второго вопроса, поставленного по данному делу, Суд делает вывод, что Трибунал в своем решении № 333 не допустил какой-либо ошибки юридического характера, связанной с положениями Устава. Поэтому ответ на этот вопрос также должен быть отрицательным. (Пункт 96).

Ниже следует полный текст *постановляющей части* (пункт 97):

Суд,

А. Единогласно

постановляет удовлетворить просьбу о вынесении консультативного заключения;

В. *Считает*

1) в отношении вопроса I,
единогласно,

что Административный трибунал Организации Объединенных Наций в своем решении № 333 от 8 июня 1984 года (AT/DEC/333) не осуществил свои полномочия, не ответив на вопрос о том, существовало ли какое-либо юридическое препятствие для продолжения заявителем его службы в Организации Объединенных Наций по истечении его срочного контракта 26 декабря 1983 года;

2) в отношении вопроса II
одиннадцатью голосами против 3,

что Административный трибунал Организации Объединенных Наций в том же решении № 333 не допустил какой-либо ошибки в юридическом вопросе, связанном с положениями Устава Организации Объединенных Наций.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Нажендра Сингх; *Вице-председатель* Мбайе; *судьи* Ляхс, Руда, Элиас, Ода, Аго, Сетте-Камара, Беджауи, Ни и Тарасов.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *судьи* Швებель, сэръ Роберт Дженнингс и Эвенсен.

**КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЗАЯВЛЕНИЙ, МНЕНИЙ И
ОСОБЫХ МНЕНИЙ, КОТОРЫЕ БЫЛИ ПРИЛОЖЕНЫ
К ТЕКСТУ КОНСУЛЬТАТИВНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ**

Заявление судьи Ляхса:

Судья Ляхс напоминает, что когда в 1973 году Суд выносил свое первое консультативное заключение в отношении решения Административного трибунала Организации Объединенных Наций, он как Председатель Суда приложил к тексту заключения заявление, в котором выразил надежду на то, что будут приняты новые процедуры для улучшения и укрепления административной защиты сотрудников международных организаций. Его замечания были приняты к сведению Генеральной Ассамблеей и Комиссией по международной гражданской службе, и, таким образом, были сделаны шаги к согласованию процедур административных трибуналов Организации Объединенных Наций и Международной организации труда и последующему созданию единого трибунала, охватывающего всех сотрудников системы Организации Объединенных Наций. Выразив признательность в связи с тем, что замечания одного из членов Суда стали приносить такие плоды, судья Ляхс высказывает надежду, что в этом году Генеральная Ассамблея перестанет откладывать рассмотрение последнего доклада Генерального секретаря по этому вопросу и примет определенные конкретные меры для достижения намеченной цели.

Частное мнение судьи Элиаса:

В своем индивидуальном мнении судья Элиас призывает Генеральную Ассамблею пересмотреть систему передачи дел Административного трибунала Суду на пересмотр. Изучив тексты и предыдущие дела такого рода, он отмечает необходимость наличия гибкой процедуры, чтобы Суд мог поднимать все правовые вопросы, которые он считает уместными и необходимыми для надлежащего решения поставленной перед ним задачи. Он излагает структуру возможной системы, включающую трибунал первой инстанции и административный трибунал в качестве апелляционного суда, что повлечет за собой изменение нынешнего Статута Административного трибунала. Судья Элиас комментирует также полномочия Суда в отношении консультативных заключений определять фактический смысл вопросов, передаваемых на его рассмотрение, и проблемы, возникающие в данном деле в связи с «рассмотрением с полным основанием» в соответствии с резолюцией 37/126 Генеральной Ассамблеи, в связи с прикомандированием и дискреционными полномочиями Генерального секретаря в вопросах такого рода.

Частное мнение судьи Ода:

Судья Ода считает, что вопрос 1 был ошибочно основан на противоречивой формулировке вопроса в Комитете по заявлениям. Если Административный трибунал Организации Объединенных Наций не ответил на «вопрос о том, имелись ли какие-либо юридические препятствия для дальнейшей службы...» г-на Якимца в Организации Объединенных Наций,

то это, по его мнению, не имеет отношения к вопросу о выполнении Трибуналом его полномочий.

Относительно вопроса 2 судья Ода полагает, что по вопросу о том, допустил ли Трибунал ошибку в юридическом вопросе, связанном с положениями Устава Организации Объединенных Наций, данный Суд должен, учитывая процесс внесения поправок в Статут Трибунала в 1955 году, выступать в качестве апелляционного суда по отношению к Трибуналу и обязан был изучить существо не только решения Трибунала как такового, но и решения Генерального секретаря о невозобновлении контракта с г-ном Якимцом. Исходя из этой точки зрения, судья Ода считает, что с учетом Правил о персонале и соответствующих резолюций Генеральной Ассамблеи г-н Якимец не мог юридически обоснованно рассчитывать на продолжение службы в Организации Объединенных Наций к концу 1983 года по истечении его контракта, в то время как неопределенность его статуса в связи с подачей просьбы о предоставлении убежища в Соединенных Штатах Америки и его предполагаемой отставкой со службы в советском правительстве в феврале 1983 года могла вполне стать фактором, который Генеральный секретарь принимал во внимание, осуществляя свои дискреционные полномочия в отношении службы сотрудников Организации Объединенных Наций. Судья Ода заявляет, что Трибунал не допустил ошибки по какому-либо вопросу юридического характера, связанному с положениями Устава Организации Объединенных Наций, поскольку он фактически поддержал решение Генерального секретаря, которое можно обосновать в свете той свободы действий, которой он в этом отношении пользуется.

Частное мнение судьи Аго:

Судья Аго в своем индивидуальном мнении разъясняет, почему, несмотря на некоторые оговорки, он сам поддерживает те отрицательные ответы, которые Суд дал как на первый, так и на второй вопросы. Он излагает причины своей относительной неудовлетворенности в связи с этим делом, которую он испытывает каждый раз, когда Суд просят вынести консультативное заключение в рамках процедуры пересмотра решений Административного трибунала. Признавая принципиальную необходимость процедуры пересмотра, он не считает, что существующая система является наиболее подходящей для этих целей. Эта система основывается на комитете, крайне широкий состав и процедуры которого не полностью соответствуют тем, которыми должен характеризоваться орган, выполняющий юридические или сходные с юридическими задачи. Более того, его компетенция ограничена несколькими четко определенными юридическими аспектами, в результате чего решения Административного трибунала в конечном итоге не поддаются действительно юридическому пересмотру не только в том, что касается юридических аспектов, но и в отношении фактологических аспектов, которые нередко являются очень важными. Поэтому нельзя считать, что существующая система полностью гарантирует как соблюдение важнейших интересов Организации

Объединенных Наций как организации, так и удовлетворение законных юридических исков ее сотрудников.

Судья Аго считает, что единственным средством урегулирования такой ситуации является введение административного суда второй инстанции, имеющего право пересматривать решения суда первой инстанции в том, что касается всех их юридических и фактологических аспектов. Такой суд второй инстанции мог бы осуществлять юрисдикцию в отношении всех существующих административных трибуналов и тем самым обеспечить единую юрисдикцию, чего невозможно добиться на более низком уровне.

Особое мнение судьи Швებеля:

Будучи несогласным с мнением Суда, судья Швებель опровергает утверждение Суда о том, что его надлежащая роль в рассмотрении такого рода дел не является подмена своим заключением по существу дела решения Административного трибунала. Напротив, Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, наделяя Суд правом пересматривать решения Административного трибунала на основании допущенной им юридической ошибки, связанной с положениями Устава Организации Объединенных Наций, предполагала, что Суд должен выносить определение по существу дела, которое носило бы обязательный характер. Генеральная Ассамблея уполномочила Суд выступать в качестве последней инстанции для толкования Устава и положений о персонале, которые базируются на нем. В данном деле речь идет именно об одном таком положении — оно было принято Генеральной Ассамблеей в пункте 5 раздела IV резолюции 37/126.

Согласно этому положению, Генеральный секретарь обязан с «полным основанием» рассмотреть кандидатуру г-на Якимца на предмет предоставления ему постоянного контракта. Фактически кандидатура г-на Якимца не была рассмотрена таким образом. Переписка Генерального секретаря с г-ном Якимцом показывает, что Генеральный секретарь в свое время занял такую позицию, что кандидатура г-на Якимца не может быть рассмотрена на предмет предоставления ему постоянного контракта, поскольку его контракт «был заключен на основе прикомандирования... из национальной гражданской службы» и, поэтому, он «не может рассчитывать... на его перевод на любую другую должность». Соответственно кандидатура г-на Якимца не могла быть выдвинута «для рассмотрения с полным основанием для предоставления постоянного контракта». По мнению судьи Швებеля, вывод, который Административный трибунал пытается сделать на основании этой переписки в подтверждение своего заключения о том, что Генеральный секретарь все же рассмотрел кандидатуру г-на Якимца с полным основанием, ошибочен.

О необоснованности заключения Административного трибунала говорят следующие два относящихся к делу обстоятельства. Во-первых, сразу же после того, как г-н Якимец подал в отставку со службы в советском правительстве, Генеральный секретарь

запретил впускать его в помещения Организации Объединенных Наций. Трудно поверить, что в то время, когда г-ну Якимцу было запрещено входить в свой кабинет, входить в коридоры и кафетерий Организации Объединенных Наций, его кандидатура с полным основанием была рассмотрена на предмет предоставления постоянного контракта в конце того периода, который ему было запрещено отработать в Организации Объединенных Наций.

Второй фактор состоит в том, что Генеральный секретарь не подтвердил — не говоря уже о том, чтобы принять какие-либо меры, — факт получения заявления о предоставлении постоянного контракта, которое г-н Якимец представил 9 января 1984 года, то есть через несколько дней после истечения его срочного контракта. Такое отсутствие какой-либо реакции наводит на мысль, что его заявление не рассматривалось. Если и есть какое-либо другое объяснение отсутствию ответа со стороны Генерального секретаря, то оно представлено не было.

В результате всего этого были допущены три юридических ошибки:

1. Генеральный секретарь обязан был «с полным основанием рассмотреть» заявление г-на Якимца о предоставлении постоянного контракта в соответствии с принятым Генеральной Ассамблеей положением, имеющим для Генерального секретаря обязательную силу, и введением в действие на основании предоставленного Ассамблее полномочия, предусматривающего, что персонал должен назначаться, «согласно правилам, устанавливаемым Генеральной Ассамблеей» (статья 101, пункт 1). Он этого не сделал, однако Трибунал ошибочно заключил, не имея на то фактических оснований, что он это сделал. Не потребовав от Генерального секретаря соблюдения правила, Трибунал допустил юридическую ошибку, связанную с положением Устава.

2. Административный трибунал указал, что «вопрос о его пригодности как международного гражданского служащего» был вызван попыткой г-на Якимца сменить гражданство. Он утверждал, что «основным мотивом, которым при этом руководствовались», было «широко распространенное мнение», высказанное одним из комитетов Организации Объединенных Наций, о том, что международные служащие, которые решили «разорвать связи с [родной] страной, не могут более претендовать на то, что они отвечают условиям, регулирующим службу в Организации Объединенных Наций». Однако в пункте 3 статьи 101 Устава предусматривается, что при приеме сотрудников на службу следует руководствоваться, главным образом, необходимостью обеспечения самого высокого уровня работоспособности, компетентности и добросовестности. Гражданство не является одним из таких критериев по Уставу. Утверждение Трибунала о том, что попытка г-на Якимца сменить гражданство поставила под сомнение его пригодность для продолжения службы в Организации Объединенных Наций, противоречит положению Устава, поскольку такое утверждение делает гражданство основным или главным критерием, что не согласуется с положениями пункта 3 статьи 101. Мнения, высказывае-

мые в комитетах Организации Объединенных Наций, не являются источниками права; тем более они не могут отменить положения Устава.

3. Генеральный секретарь, по-видимому, действовал на основании убеждения в том, что кандидатура г-на Якимца не может быть рассмотрена на предмет предоставления ему постоянного контракта при отсутствии согласия советского правительства, и тем самым он считал такое согласие определяющим фактором. Соответственно, он не выполнил свое обязательство по пункту 1 статьи 100 Устава в отношении того, чтобы «воздерживаться от любых действий, которые могли бы отразиться» на его положении как международного чиновника, «ответственного только перед Организацией», поскольку фактически он передал ответственность в этом отношении «правительству или власти, посторонней для Организации». То, что Административный трибунал не определил это как ошибку, представляет собой юридическую ошибку, связанную с положением Устава.

Особое мнение судьи сэра Роберта Дженнингса:

Судья сэр Роберт Дженнингс в своем особом мнении заявил, что в данном деле вопрос в действительности заключается в том, был ли Трибунал прав, заявив, что Генеральный секретарь с полным основанием рассмотрел заявление г-на Якимца о предоставлении ему постоянного контракта в Организации Объединенных Наций, ибо Генеральный секретарь согласился с тем, что он был обязан сделать это в соответствии с пунктом 3 раздела IV резолюции 37/126 Генеральной Ассамблеи.

Что касается первого вопроса, по которому Суд просили дать свое консультативное заключение, то судья Дженнингс ограничивается тем, что поддерживает — по крайней мере, не оспаривает, — мнение большинства о том, что Трибунал осуществил свои полномочия в отношении определения наличия юридических препятствий для назначения г-на Якимца; однако он делает это по той причине, что на эту весьма отвлеченную и умозрительную проблему могут существовать различные точки зрения, никоим образом не влияющие на ответ на тот вопрос, который был конкретно поставлен перед Судом.

Что касается второго вопроса, по которому Суд должен был вынести свое заключение и который касается непосредственно сути дела, то сэр Роберт Дженнингс не может не выразить свое несогласие, поскольку, по его мнению, Трибунал ошибся в выводе о том, что ответчик с полным основанием рассмотрел вопрос о постоянном контракте г-на Якимца. Тому имеются две причины: во-первых, ответчик не представил никаких доказательств того, каким образом это решение было принято или чем оно мотивировалось. Поверить на слово его заявлению о том, что рассмотрение с полным основанием имело место, без каких-либо объективных доказательств этого, означало бы ослабить систему юридического контроля за осуществлением администрацией дискреционных полномочий. Во-вторых, имеющиеся доказательства говорят об ином, ибо письмо ответчика от 21 декабря 1983 года на имя г-на Якимца не

позволяет сделать какой-либо «простой вывод», что рассмотрение с полным основанием было проведено; напротив, в нем четко, хотя и ошибочно, говорится о том, что, поскольку г-н Якимец был прикомандирован правительством СССР, его кандидатуру нельзя рассматривать на предмет предоставления ему нового контракта без согласия этого правительства.

Таким образом, решив, что Генеральный секретарь с полным основанием рассмотрел эту кандидатуру на предмет такого назначения, Трибунал допустил ошибку в отношении положений Устава ООН, поскольку резолюция 37/126 Генеральной Ассамблеи является частью свода правовых норм, направленных на выполнение положений Устава, касающихся статуса и независимости международной гражданской службы.

Особое мнение судьи Эвенсена:

В своем особом мнении судья Эвенсен поддерживает консультативное заключение в том, что касается первого вопроса, поставленного перед Судом Комитетом Организации Объединенных Наций по заявлениям. Административный трибунал Организации Объединенных Наций не нарушил своих полномочий, не дав ответ на вопрос о существовании какого-либо юридического препятствия для продолжения г-ном Якимцом службы.

Что касается второго вопроса, то судья Эвенсен придерживается того мнения, что Административный трибунал в своем решении № 333 допустил ошибку по вопросам юридического характера, связанным с положениями Устава Организации Объединенных Наций. Хотя при назначении сотрудников Организации Объединенных Наций на службу Генеральный секретарь пользуется данными ему дискреционными полномочиями, необходимо в разумной степени следовать определенным критериям. К числу таких критериев относятся те, которые были установлены в резолюции 37/126 Генеральной Ассамблеи, в том плане, что сотрудники, имеющие срочные контракты, по завершении ими пяти лет непрерывной добросовестной службы «с полным основанием рассматриваются для предоставления им постоянных контрактов». Не было достаточно внимания уделено и требованиям, содержащимся в Положениях и Правилах о персонале в том плане, что при заполнении вакансий следует в максимальной степени учитывать квалификацию и опыт тех, кто уже работает в Организации Объединенных Наций. У г-на Якимца имеется положительная рекомендация его руководителя о предоставлении ему постоянного контракта.

Несмотря на это, г-н Якимец был отправлен в недобровольный и бессрочный отпуск. Ему был запрещен доступ в помещения Организации Объединенных Наций, включая его кабинет и кафетерий Организации Объединенных Наций, хотя он все еще имеет действующий контракт.

По мнению судьи Эвенсена, Административный трибунал допустил ошибку, поддержав Генерального секретаря в том, что тот не применил администра-

тивные правила и положения, имеющие для него обязательную силу в соответствии с пунктом 1 статьи 101 Устава. Далее Трибунал допустил еще одну ошибку, не установив, что административные меры, принятые в отношении г-на Якимца, противоре-

чат положениям статьи 100 Устава; допустил он ошибку и в том, что касается пункта 3 статьи 101 Устава, рассматривая — по крайней мере, в том, что касается постоянных контрактов, — согласие правительства как одно из главных соображений.

82. ПРИМЕНИМОСТЬ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПРИСТУПАТЬ К ПРОЦЕДУРЕ АРБИТРАЖА В СООТВЕТСТВИИ С РАЗДЕЛОМ 21 СОГЛАШЕНИЯ ПО ВОПРОСУ О МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ОТ 26 ИЮНЯ 1947 ГОДА

Консультативное заключение от 26 апреля 1988 года

Суд единогласно вынес консультативное заключение по вопросу о применимости обязательства приступать к процедуре арбитража в соответствии с разделом 21 Соглашения по вопросу о Центральном учреждении Организации Объединенных Наций от 26 июня 1947 года. Он вынес это консультативное заключение, следуя ускоренной процедуре, в ответ на просьбу, представленную Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в резолюции 42/229 В от 2 марта 1988 года.

В решении Суд изложил свое мнение, что Соединенные Штаты Америки обязаны в соответствии с разделом 21 Соглашения по вопросу о Центральном учреждении Организации Объединенных Наций приступать к процедуре арбитража для разрешения спора, возникающего между ними и Организацией Объединенных Наций.

В состав Суда входили: *Председатель* Руда; *Вице-председатель* Мбайе; *судьи* Ляхс, Нажендра Сингх, Элиас, Ода, Аго, Швобель, сэр Роберт Дженнингс, Беджауи, Ни, Эвенсен, Тарасов, Гийом и Шахабудиин.

Судья Элиас приложил к тексту консультативного заключения заявление.

Судьи Ода, Швобель и Шахабудиин приложили частные мнения.

Просьба Генеральной Ассамблеи возникла в результате ситуации, вызванной подписанием принятого конгрессом Соединенных Штатов Америки в декабре 1987 года Закона о борьбе с терроризмом, который был прямо направлен против Организации освобождения Палестины и, в частности, объявлял незаконным создание и функционирование отделения этой Организации в пределах юрисдикции Соединенных Штатов Америки. Таким образом, этот Закон конкретно касался Представительства Постоянного наблюдателя от ООП при Организации Объединенных Наций, созданного в Нью-Йорке после предоставления Генеральной Ассамблеей в 1974 году этой Организации статуса наблюдателя. Функционирование этого учреждения, по мнению Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, входит в сферу действия Соглашения о Центральном учреждении, заключенного с Соединенными Штатами Америки 26 июня 1947 года.

Исходя из представленных Генеральным секретарем докладов о контактах и беседах, которые он имел с администрацией Соединенных Штатов Америки с целью предотвращения закрытия представительства ООП, Генеральная Ассамблея поставила перед Судом следующий вопрос:

«В свете фактов, изложенных в докладах Генерального секретаря, обязаны ли Соединенные Штаты Америки, как сторона в Соглашении между Организацией Объединенных Наций и Соединенными Штатами Америки по вопросу о месторасположении Центральном учреждении ООН, приступить к процедуре арбитража в соответствии с разделом 21 Соглашения?»

Представление просьбы и последующая процедура
(пункты 1-6)

Вопрос, по которому Суд просили вынести консультативное заключение, содержался в резолюции 42/229 В Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 2 марта 1988 года. Полный текст этой резолюции гласит следующее:

«Генеральная Ассамблея,

ссылаясь на свою резолюцию 42/210 В от 17 декабря 1987 года и учитывая свою резолюцию 42/229 А, выше,

рассмотрев доклады Генерального секретаря от 10 и 25 февраля 1988 года [A/42/915 и Add. 1],

подтверждая позицию Генерального секретаря, согласно которой между Организацией Объединенных Наций и страной пребывания существует спор относительно толкования или применения Соглашения между Организацией Объединенных Наций и Соединенными Штатами Америки по вопросу о месторасположении Центральном учреждении Организации Объединенных Наций от 26 июня 1947 года [см. резолюцию 169 (II)], и отмечая его выводы о том, что попытки урегулирования спора по договоренности зашли в тупик и что он обратился к процедуре арбитража, предусмотренной разделом 21

Соглашения, назначив арбитра и попросив страну пребывания назначить своего арбитра,

учитывая ограничения во времени, которые требуют незамедлительного осуществления процедуры разрешения споров в соответствии с разделом 21 Соглашения,

отмечая, что, как указано в докладе Генерального секретаря от 10 февраля 1988 года [A/42/915], Соединенные Штаты Америки не имеют возможности и намерения приступить на официальной основе к процедуре разрешения споров, предусмотренной в разделе 21 Соглашения, и что Соединенные Штаты продолжают заниматься оценкой ситуации,

принимая во внимание положения Статута Международного Суда, в частности его статьи 41 и 68,

постановляет в соответствии со статьей 96 Устава Организации Объединенных Наций просить Международный Суд во исполнение статьи 65 Статута Суда и с учетом ограничения во времени вынести консультативное заключение по следующему вопросу:

В свете фактов, изложенных в докладах Генерального секретаря [A/42/915 и Add. 1], обязаны ли Соединенные Штаты Америки, как сторона в Соглашении между Организацией Объединенных Наций и Соединенными Штатами Америки по вопросу о месторасположении Центральные учреждений Организации Объединенных Наций [см. резолюцию 169 (II)], приступить к процедуре арбитража в соответствии с разделом 21 Соглашения?»

В постановлении от 9 марта 1988 года Суд установил, что было бы желательно поскорее дать ответ на эту просьбу (статья 103 Правил процедуры Суда) и что можно считать, что Организация Объединенных Наций и Соединенные Штаты Америки представят информацию по этому вопросу (Статут, пункт 2 статьи 66), а также, ускоряя процедуру рассмотрения этой просьбы, установил для представления письменных заявлений от них или любого другого государства, подписавшего Статут, которое пожелает сделать это, конечный срок 25 марта 1988 года. Письменные заявления были получены от Организации Объединенных Наций, Соединенных Штатов Америки, Германской Демократической Республики и Сирийской Арабской Республики. На публичных заседаниях 11 и 12 апреля 1988 года, проведенных для заслушивания замечаний любого из этих участников по поводу заявлений других сторон, Суд заслушал замечания юрисконсульта Организации Объединенных Наций и его ответы на вопросы, заданные некоторыми членами Суда. Ни одно из представивших письменные заявления государств не пожелало сделать устное заявление. На рассмотрении Суда находились также документы, представленные Генеральным секретарем в соответствии с пунктом 2 статьи 65 Статута.

События, имеющие существенное значение для определения ситуации
(пункты 7-22)

Чтобы ответить на поставленный перед ним вопрос, Суд должен сначала рассмотреть вопрос о том,

существует ли между Организацией Объединенных Наций и Соединенными Штатами Америки спор по смыслу раздела 21 Соглашения по вопросу о месторасположении Центральные учреждений, соответствующая часть которого гласит:

«а) Все разногласия между Организацией Объединенных Наций и Соединенными Штатами относительно толкования или применения настоящего соглашения или какого-либо дополнительного соглашения, которые не могут быть разрешены путем переговоров или других установленных методов, передаются для окончательного разрешения на рассмотрение третейского суда, состоящего из трех арбитров, из которых один назначается Генеральным секретарем, другой — государственным секретарем Соединенных Штатов, а третий выбирается совместно обеими сторонами или, в том случае, если последние не могут прийти к соглашению — Председателем Международного Суда.»

С этой целью Суд определил хронологию событий, приведших к тому, что сначала Генеральный секретарь, а затем Генеральная Ассамблея сделали вывод о существовании спора.

Все данные события связаны с Представительством Постоянного наблюдателя от Организации освобождения Палестины (ООП) при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. ООП была 22 ноября 1974 года в соответствии с резолюцией 3237 (XXIX) Генеральной Ассамблеи приглашена «участвовать в сессиях и работе Генеральной Ассамблеи в качестве наблюдателя». Соответственно, в 1974 году она открыла представительство наблюдателя и содержит его в Нью-Йорке, вне района расположения Центральные учреждения Организации Объединенных Наций.

В мае 1987 года в сенат Соединенных Штатов Америки был представлен законопроект, цель которого — «объявить незаконным создание и функционирование на территории Соединенных Штатов Америки отделения Организации освобождения Палестины»; в разделе 3 этого законопроекта, в частности, предусматривалось, что после вступления его в силу будет считаться незаконным:

«в том случае, если это не противоречит каким-либо положениям права, предусматривающим обратное, учреждение и использование какого-либо бюро, помещений штаб-квартиры или других органов или учреждений в пределах территории под юрисдикцией Соединенных Штатов по распоряжению, указанию или на средства Организации Освобождения Палестины...».

Текст этого законопроекта стал представленной сенату осенью 1987 года поправкой к Закону об ассигнованиях по линии внешних сношений на 1988 и 1989 финансовые годы. Из этой поправки следует, что правительство Соединенных Штатов Америки, если законопроект получит силу закона, попытается закрыть Представительство Постоянного наблюдателя от ООП. Соответственно, Генеральный секретарь 13 октября 1987 года подчеркнул в письме Постоянному представителю Соединенных Штатов

Америки при Организации Объединенных Наций, что рассматриваемый закон противоречит обязательствам, вытекающим из Соглашения о Центральном учреждении, и на следующий день наблюдатель ООП поставил этот вопрос перед Комитетом Организации Объединенных Наций по сношениям со страной пребывания. Представитель Генерального секретаря 22 октября сделал заявление о том, что в соответствии с разделами 11-13 Соглашения о Центральном учреждении на Соединенных Штатах Америки лежит договорная обязанность разрешать сотрудникам представительства въезжать на территорию Соединенных Штатов Америки и оставаться на ней для выполнения своих служебных обязанностей.

Доклад Комитета по сношениям со страной пребывания был представлен Шестому комитету Генеральной Ассамблеи 24 ноября 1987 года. При рассмотрении этого доклада Представитель Соединенных Штатов Америки заявил:

«что государственный секретарь Соединенных Штатов Америки указал, что закрытие этого представительства явилось бы нарушением обязательства Соединенных Штатов Америки по Соглашению о Центральном учреждении и что правительство Соединенных Штатов Америки решительно выступает против этого; кроме того, аналогичные заверения были получены Генеральным секретарем и от Представителя Соединенных Штатов Америки при Организации Объединенных Наций».

Позиция государственного секретаря, заключавшаяся в том, что Соединенные Штаты Америки

«обязаны разрешать персоналу Представительства Постоянного наблюдателя от ООП въезжать на территорию Соединенных Штатов Америки и находиться на ней для выполнения своих служебных обязанностей в Центральном учреждении Организации Объединенных Наций»,

цитировалась еще одним представителем и была подтверждена Представителем Соединенных Штатов Америки.

Положения вышеуказанной поправки были включены в Закон об ассигнованиях по линии внешних сношений на 1988 и 1989 финансовые годы в качестве раздела X «Закон 1987 года о борьбе с терроризмом». В начале декабря 1987 года эта поправка еще не была утверждена конгрессом. Генеральный секретарь 7 декабря накануне принятия этой поправки напомнил Постоянному представителю Соединенных Штатов Америки о его позиции, согласно которой Соединенные Штаты Америки юридически обязаны не нарушать давние договоренности относительно Представительства Постоянного наблюдателя от ООП, и попытался получить заверения в том, что в случае принятия законопроекта эти договоренности не пострадают.

Палата представителей и сенат конгресса Соединенных Штатов Америки приняли Закон о борьбе с терроризмом 15-16 декабря 1987 года, и на следующий день Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 42/210 В, в которой она призвала страну пребы-

вания выполнять свои договорные обязательства и представить заверения в том, что не будет принято никаких мер, нарушающих договоренности относительно официальных функций представительства.

Двадцать второго декабря президентом США был подписан Закон об ассигнованиях по линии внешних сношений на 1988 и 1989 финансовые годы, который получил силу закона. Закон о борьбе с терроризмом, который является его составной частью, должен был, согласно его положениям, вступить в силу спустя 90 дней.

Информируя об этом Генерального секретаря, исполняющий обязанности Постоянного представителя Соединенных Штатов Америки 5 января 1988 года заявил, что:

«Поскольку положения, касающиеся Представительства Постоянного наблюдателя от ООП, могут нанести ущерб конституционной власти президента и, в случае их выполнения, будут противоречить нашим международным юридическим обязательствам, вытекающим из Соглашения о месторасположении Центральном учреждении Организации Объединенных Наций, в течение 90-дневного периода, предшествующего вступлению их в силу, администрация намерена проводить консультации с конгрессом в целях разрешения этого вопроса».

Однако Генеральный секретарь в своем ответе отметил, что он не получил требуемые заверения и не считает, что заявления Соединенных Штатов Америки позволяют допустить, что Соглашение о Центральном учреждении будет полностью соблюдено. Далее он заявил, что

«В данной ситуации приходится сделать вывод о наличии между Организацией Объединенных Наций и Соединенными Штатами спора относительно толкования и применения Соглашения о месторасположении Центральном учреждении. Поэтому Генеральный секретарь обратился к процедуре разрешения споров, изложенной в разделе 21 Соглашения».

Затем Генеральный секретарь предложил начать переговоры в соответствии с процедурой, предусмотренной в разделе 21.

Соединенные Штаты, соглашаясь на проведение неофициальных обсуждений, заявили, что они все еще оценивают то положение, которое возникает в связи с применением закона, и не могут приступить к процедуре разрешения споров, предусмотренной в разделе 21. Однако в письме Генерального секретаря на имя Постоянного представителя Соединенных Штатов Америки от 2 февраля 1988 года говорится следующее:

«В данном вопросе процедура, изложенная в разделе 21, является единственным средством правовой защиты, имеющимся в распоряжении Организации Объединенных Наций, и... весьма скоро наступит то время, когда у меня не будет иного выхода, кроме как либо действовать вместе с Соединенными Штатами на основе раздела 21 Соглашения о месторасположении Центральном уч-

реждений, либо сообщить Генеральной Ассамблее о том, что дело зашло в тупик».

11 февраля 1988 года юрисконсульт Организации Объединенных Наций сообщил правовому советнику государственного департамента Соединенных Штатов Америки о выбранном Организацией Объединенных Наций арбитраже для того случая, если начнется арбитражное разбирательство в соответствии с разделом 21, и, учитывая нехватку времени, настоятельно призвал его как можно скорее сообщить Организации Объединенных Наций о сделанном Соединенными Штатами Америки выборе. Однако от Соединенных Штатов Америки на этот счет так и не было получено ответа.

Генеральная Ассамблея 2 марта 1988 года приняла по этому вопросу две резолюции. В первой резолюции, 42/229 А, Ассамблея, в частности, подтвердила, что ООП должна быть представлена возможность учреждения и использования помещений и надлежащих условий функционирования в отношении Представительства наблюдателя; и высказала мнение, что применение Закона о борьбе с терроризмом в нарушение вышеуказанного подтверждения противоречило бы международным юридическим обязательствам Соединенных Штатов Америки по Соглашению о Центральном учреждении и что должна быть начата процедура разрешения споров, предусмотренная в разделе 21. В другой резолюции, 42/229 В, которая уже цитировалась, содержалась просьба о вынесении Судом его консультативного заключения. Хотя Соединенные Штаты не участвовали в голосовании по этим двум резолюциям, исполняющий обязанности Постоянного представителя этой страны впоследствии сделал заявление, указав, что его правительство еще не приняло окончательного решения относительно применения или обеспечения соблюдения Закона о борьбе с терроризмом в отношении Представительства ООП и что оно по-прежнему намерено «найти должное решение этой проблемы в свете положений Устава Организации Объединенных Наций, Соглашения о Центральном учреждении и законов Соединенных Штатов Америки».

Существенные события, имевшие место после представления просьбы
(пункты 23-32)

Суд, отметив, что Генеральная Ассамблея просила его вынести консультативное заключение «в свете фактов, изложенных в докладах», представленных Генеральным секретарем до 2 марта 1988 года, не считает, что в данных обстоятельствах эта формулировка требует от него закрыть глаза на соответствующие факты, имевшие место после этой даты. Поэтому он принял к сведению следующие события, происшедшие после представления просьбы.

Одиннадцатого марта 1988 года исполняющий обязанности Постоянного представителя Соединенных Штатов Америки информировал Генерального секретаря о том, что министр юстиции определил, что Закон о борьбе с терроризмом требует от него закрыть Представительство Постоянного наблюдателя от ООП, но что, если необходимо будет для обес-

печения соблюдения этого закона предпринять какие-либо юридические меры, никаких других шагов предпринято не будет

«до вынесения решения по этому делу. В создавшихся условиях Соединенные Штаты считают, что передача этого вопроса на арбитраж пользы не принесет».

Генеральный секретарь в своем письме от 15 марта подверг эту позицию резкой критике. Тем временем министр юстиции в письме от 11 марта предупредил Постоянного наблюдателя ООП о том, что начиная с 21 марта функционирование его Представительства будет расцениваться как нарушение закона. Поскольку Представительство ООП не приняло никаких мер для выполнения требований Закона о борьбе с терроризмом, министр юстиции возбудил дело о несоблюдении этого Закона в окружном суде Южного округа Нью-Йорка. Однако в письменном заявлении США Суд был информирован о том, что не будут приняты никакие меры для того, чтобы

«закрыть Представительство до вынесения решения по этому делу. Поскольку решение по этому вопросу в наших судах еще не вынесено, мы не считаем, что процедура арбитража будет уместной или своевременной».

Пределы задачи Суда
(пункт 33)

Суд отметил, что его единственной задачей, определенной в поставленном перед ним вопросе, является установление того, обязаны ли Соединенные Штаты приступить к процедуре арбитража в соответствии с разделом 21 Соглашения о Центральном учреждении. Он, среди прочего, не должен выносить решение о том, противоречат ли этому Соглашению меры, принятые Соединенными Штатами Америки в отношении Представительства Постоянного наблюдателя от ООП.

Существование спора
(пункты 34-44)

Учитывая положения раздела 21 а), процитированного выше, Суд должен был определить, существовал ли между Организацией Объединенных Наций и Соединенными Штатами Америки спор и, если существовал, то касался ли этот спор толкования или применения положений Соглашения о Центральном учреждении и был ли он урегулирован путем переговоров или иным согласованным способом урегулирования.

С этой целью Суд напомнил, что существование спора, то есть разногласия по правовому вопросу или коллизии правовых позиций или интересов, является предметом объективного определения и не может зависеть от простых утверждений или опровержений сторон. В данном деле Генеральный секретарь считал — и был в этом поддержан Генеральной Ассамблеей, — что спор по смыслу раздела 21 возник в момент подписания Закона о борьбе с терроризмом и при отсутствии надлежащих гарантий того, что этот Закон не будет применен к Представительству Постоянного наблюдателя от ООП;

он, кроме того, официально оспорил соответствие этого Закона Соглашению о Центральном учреждении. Соединенные Штаты Америки никогда прямо не оспаривали эту точку зрения, однако приняли меры против Представительства и указали, что такие меры были приняты независимо от каких-либо обязательств по Соглашению.

Однако, по мнению Суда, сам факт того, что сторона, обвиняемая в нарушении договора, не выдвигает никаких доводов в оправдание своего поведения по международному праву, не препятствует тому, чтобы между придерживающимися различных точек зрения сторонами возник спор относительно толкования или применения договора. Тем не менее, Соединенные Штаты в ходе консультаций в январе 1988 года заявили, что они «еще не сделали вывод о существовании спора» между ними и Организацией Объединенных Наций, «поскольку данный закон еще не был введен в действие», а впоследствии, ссылаясь на «нынешний спор относительно статуса Представительства Постоянного наблюдателя от ООП», высказали мнение, что арбитраж был бы преждевременным. После возбуждения дела в национальных судах они в письменном заявлении информировали Суд о своей позиции в отношении того, что арбитраж не был бы «уместным или своевременным».

Суд не может допустить, чтобы соображения «уместности» отодвинули на второй план обязательства, вытекающие из раздела 21. Кроме того, целью процедуры арбитража в соответствии с этим разделом как раз и является урегулирование споров между Организацией Объединенных Наций и страной пребывания без предварительного обращения в муниципальные суды. Не может Суд согласиться и с тем, что обязательство не предпринимать никаких шагов до вынесения соответствующего решения внутренним судом исключает возможность возникновения спора.

Суд считал, что главная, если не единственная, цель Закона о борьбе с терроризмом заключается в том, чтобы закрыть Представительство Постоянного наблюдателя от ООП, и отметил, что сам министр юстиции полагал себя обязанным принять меры для закрытия Представительства. Генеральный секретарь последовательно оспаривал решения, которые сначала разрабатывались, а затем были приняты конгрессом и администрацией Соединенных Штатов. Таким образом, Суд обязан постановить, что наличие различных точек зрения у Организации Объединенных Наций и Соединенных Штатов свидетельствует о существовании спора, независимо от того, когда он мог возникнуть.

Определение спора (пункты 46-50)

Что касается вопроса о том, касается ли спор толкования или применения Соглашения о Центральном учреждении, то Организация Объединенных Наций обратила внимание на тот факт, что ООП была приглашена в качестве наблюдателя принимать участие в сессиях и работе Генеральной Ассамблеи; таким образом, на представительство ООП

распространяются положения разделов 11-13, и она должна иметь возможность учреждения и использования помещений и надлежащих условий функционирования. По мнению Организации Объединенных Наций, меры, планировавшиеся конгрессом и впоследствии принятые администрацией Соединенных Штатов, соответственно, являются несовместимыми с положениями этого Соглашения применительно к Представительству, и в результате их принятия, таким образом, возник спор относительно толкования и применения положений Соглашения.

После принятия Закона о борьбе с терроризмом Соединенные Штаты сначала намеревались толковать его таким образом, который был бы совместим с их обязательствами по Соглашению, однако 11 марта исполняющий обязанности Постоянного представителя Соединенных Штатов информировал Генерального секретаря о выводе министра юстиции о том, что Закон требует, чтобы он закрыл Представительство, невзирая ни на какие обязательства. Генеральный секретарь оспорил эту позицию на основании принципа, согласно которому международное право имеет примат над внутренним правом. Соответственно, хотя на первом этапе обсуждение касалось толкования Соглашения и в этом контексте Соединенные Штаты не отрицали того, что некоторые его положения применимы к Представительству Постоянного наблюдателя от ООП, на втором этапе Соединенные Штаты поставили Закон выше Соглашения, и именно это оспаривал Генеральный секретарь.

Кроме того, Соединенные Штаты предприняли ряд мер против Представительства Постоянного наблюдателя от ООП, которые Генеральный секретарь расценил как нарушение положений Соглашения. Соединенные Штаты, не оспаривая этого, заявили, что данные меры были предприняты «независимо от тех обязательств, которые США могут иметь по Соглашению». Эти две позиции не согласуются друг с другом; таким образом, между Соединенными Штатами и Организацией Объединенных Наций существует спор, касающийся применения положений Соглашения о Центральном учреждении.

Можно поставить вопрос о том, можно ли в соответствии с внутренним правом Соединенных Штатов считать, что Закон о борьбе с терроризмом будет действительно применен в случае или при условии того, что по завершении разбирательства во внутренних судах Представительство будет действительно закрыто. Однако это по смыслу раздела 21 не имеет решающего значения, ибо этот раздел касается применения положений самого Соглашения, а не мер, принимаемых в рамках муниципальных законов Соединенных Штатов.

Условие, касающееся неурегулирования другими согласованными способами (пункты 51-56)

Далее Суд рассмотрел вопрос о том, был ли этот спор одним из тех, которые «не могут быть разрешены путем переговоров или одним из иных установленных методов», как это указывается в разделе

21 а). Генеральный секретарь не только ссылаясь на процедуру разрешения споров, но и отмечал, что сначала нужно попробовать провести переговоры, и предложил начать их 20 января 1988 года. Фактически консультации начались 7 января и должны были продолжаться до 10 февраля. Более того, 2 марта исполняющий обязанности Постоянного представителя Соединенных Штатов заявил на Генеральной Ассамблее, что его правительство поддерживает регулярные и частые контакты с Секретариатом Организации Объединенных Наций «относительно надлежащего разрешения этого вопроса». Генеральный секретарь признал, что Соединенные Штаты не считают, что эти контакты и консультации официально связаны с разделом 21, и отметил, что Соединенные Штаты придерживаются той позиции, что до завершения оценки той ситуации, которая возникнет в случае применения Закона о борьбе с терроризмом, они не могут приступить к процедуре разрешения споров, предусмотренной в разделе 21.

Суд установил, что, учитывая позицию Соединенных Штатов, Генеральный секретарь при этих обстоятельствах исчерпал имевшиеся у него возможности проведения переговоров, равно как и то, что «другие установленные методы урегулирования» не рассматривались ни Организацией Объединенных Наций, ни Соединенными Штатами. В частности, проводимое на данном этапе разбирательство в судах Соединенных Штатов не может представлять собой «один из установленных методов урегулирования» по смыслу раздела 21, поскольку его цель — обеспечение соблюдения Закона о борьбе с терроризмом, а не разрешение спора относительно применения положений Соглашения. Кроме того, Организация Объединенных Наций не давала согласия на урегулирование спора в национальных судах.

Заключение (пункты 57 и 58)

Суд, таким образом, пришел к выводу, что Соединенные Штаты обязаны подчиниться обязательству приступить к процедуре арбитража. Этот вывод не изменится, даже если необходимо будет истолковать заявление о том, что меры против Представительства были приняты, «независимо от каких-либо обязательств» Соединенных Штатов по Соглашению о Центральном учреждении, как означающее, что оно касается не только существенных обязательств по разделам 11-13, но и обязательства приступить к процедуре арбитража в соответствии с разделом 21. Достаточно напомнить об основополагающем принципе международного права, согласно которому нормы международного права имеют преимущественную силу перед национальными законами, — этот принцип не раз был подтвержден судебными решениями.

Учитывая эти соображения, Суд единогласно пришел к следующему заключению:

«Соединенные Штаты Америки, как сторона в Соглашении между Организацией Объединенных Наций и Соединенными Штатами по вопросу о месторасположении Центральном учреждении Организации Объединенных Наций от 26 июня

1947 года, обязаны в соответствии с разделом 21 этого Соглашения приступить к процедуре арбитража для разрешения спора между ними и Организацией Объединенных Наций».

* * *

Судья Элиас приложил к тексту консультативного заключения заявление с изложением своего мнения по поводу того, что спор уже существовал, когда конгресс Соединенных Штатов принял Закон о борьбе с терроризмом, подписанный 22 декабря 1987 года, и добавил, что цели, преследовавшейся Генеральным секретарем, можно было бы достичь, только если бы конгресс принял новый закон, вносящий поправки в вышеназванный закон.

Судья Ода приложил частное мнение, подчеркнув, что Организация Объединенных Наций и Соединенные Штаты практически не расходятся во мнениях относительно толкования основных положений Соглашения о Центральном учреждении применительно к Представительству Постоянного наблюдателя от ООП и что в том, что касается применения положений этого Соглашения, обе стороны согласны с тем, что насильственное закрытие Представительства вступило бы в противоречие с международными обязательствами Соединенных Штатов. Вопрос скорее заключается в том, принятие каких мер в рамках внутренней правовой структуры означало бы такое насильственное закрытие, а проводившиеся консультации касались применимости не столько соответствующих основных положений Соглашения (разделы 11-13), сколько самого компромиссного положения (раздел 21). Суть вопроса о том, могут ли национальные законы отменять положения договоров — а этот вопрос Суд рассматривать не просили. Таким образом, Генеральная Ассамблея не ставила перед Судом вопрос, на который было бы весьма полезно ответить, чтобы решить проблему, вызывающую беспокойство Ассамблеи.

Судья Швобель заявил в частном мнении, что хотя основной вывод Суда логичен, поставленный перед ним вопрос допускает различные ответы. Он согласен, что аксиомой является то, что принятие какого-либо внутреннего закона не освобождает государство от его международных правовых обязательств; что сторона, подписавшая положение об арбитраже, не может уклоняться от выполнения своих обязательств по арбитражу, отрицая наличие спора или утверждая, что такой арбитраж не принесет никакой пользы; и что для применения международных положений об арбитраже не требуется предварительного исчерпания местных средств. Однако, что касается толкования Соглашения о Центральном учреждении, то по данному делу представляется очевидным, что Организация Объединенных Наций и Соединенные Штаты придерживаются единого мнения относительно вопросов толкования; согласно Генеральному секретарю, их толкования «совпадают». В действительности же вопрос здесь состоит в том, существовал ли уже спор относительно применения Соглашения или он только возникнет в

том случае, когда будет действительно применен Закон о борьбе с терроризмом в отношении Представительства Постоянного наблюдателя от ООП, если он будет применен вообще. Генеральный секретарь неоднократно заявлял, что спор возникнет только тогда, когда Соединенные Штаты не дадут гарантии того, что действующие договоренности относительно Представительства ООП будут «сохранены» и применение к нему Закона будет «отложено». Соединенные Штаты представили заверения в том, что не будут предприниматься никакие меры для закрытия Представительства, пока это дело не будет рассмотрено в американских судах. Непонятно, почему этих заверений недостаточно на данный момент. Если Закон будет применен, тогда возникнет спор, который затронет обязательства Соединенных Штатов относительно проведения арбитража; если американские суды сочтут, что Закон не подлежит применению к Представительству ООП в Нью-Йорке, спор не возникнет. Однако вполне логично утверждать, как это сделал юрисконсульт Организации Объединенных Наций, что принятие американским судом решения о том, что Закон неприменим к ООП, не означает, что спор не существовал — это просто положило бы конец существованию спора. Именно с учетом этого соображения судья Швельбел голосовал за консультативное заключение Суда.

Судья Шахабуддин приложил к тексту заключения индивидуальное мнение с изложением того мнения, что основной вопрос состоит в том, существо-

вал ли спор в момент представления суду просьбы о вынесении консультативного заключения, и отметил, что Суд не установил тот момент, когда возник этот спор. По его мнению, санкционирование принятия Закона о борьбе с терроризмом от 22 декабря 1987 года автоматически привело к столкновению противоположных интересов сторон Соглашения о Центральном учреждении и ускорило возникновение спора. Что касается предположения о том, что спор не может возникнуть, пока положения Соглашения не нарушены вследствие насильственного закрытия отделения ООП, то судья Шахабуддин не согласен по различным соображениям с тем, что такое фактическое нарушение является необходимым предварительным условием, но, даже если бы это было так, то можно было бы считать, что позиция Организации Объединенных Наций предполагает, что само принятие закона, как такового, или в связи с предпринятыми по его исполнению мерами, представляет собой посягательство на право Организации Объединенных Наций по этому Соглашению обеспечивать, чтобы постоянно приглашенные ею лица могли использовать созданные отделения без излишнего вмешательства; такое предположение не столь уже необосновано, чтобы оно не могло вызвать настоящего спора. Стороны согласились, что насильственное закрытие отделения ООП является нарушением Соглашения, но не пришли к соглашению по вопросу о том, может ли сам Закон стать причиной текущего нарушения. Таким образом, спор относительно толкования Соглашения, а также его применения действительно существует.

83. ДЕЛО О ПОГРАНИЧНЫХ И ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВООРУЖЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ (НИКАРАГУА ПРОТИВ ГОНДУРАСА) (ЮРИСДИКЦИЯ И ДОПУСТИМОСТЬ)

Решение от 20 декабря 1988 года

В этом решении, вынесенном по делу о пограничных и трансграничных вооруженных действиях (Никарагуа против Гондураса), Суд единогласно определил, что обладает юрисдикцией принять к рассмотрению Заявление Никарагуа, и также единогласно определил, что это Заявление допустимо.

* * *

Полный текст постановляющей части решения гласит:

«Суд,

1) Единогласно,

Определяет, что согласно Статье XXXI Пакта, подписанного в Боготе, он обладает юрисдикцией принять к рассмотрению заявление, поданное правительством Республики Никарагуа 28 июля 1986 года;

2) Единогласно,

Определяет, что Заявление Никарагуа допустимо».

Суд заседал в следующем составе: *Председатель* Руда; *Вице-Председатель* Мбайе; судьи Ляхс, Элиас, Ода, Аго, Швельбел, сэр Роберт Дженнингс, Беджауи, Ни, Ивенсен, Тарасов, Гийом и Шахабуддин.

Судья Нажендра Сингх, скоропостижно скончавшийся 11 декабря 1988 года, полностью принимал участие в заседаниях суда вплоть до своей кончины.

* * *

Судья Ляхс присоединил к данному решению Суда свое заявление, а судьи Ода, Швельбел и Шахабуддин — свои особые мнения.

В этих мнениях вышеназванные судьи изложили и

разъяснили позицию, занятую ими, по некоторым пунктам решения.

* * *

Судопроизводство и представления сторон (пункты 1-15)

Суд начинает с краткого обзора различных стадий судопроизводства, напоминая, что данное дело касается спора между Никарагуа и Гондурасом о якобы имеющих место на границе между Гондурасом и Никарагуа и на никарагуанской территории действия вооруженных банд, которые, как утверждается, ведутся из Никарагуа. По предложению Гондураса, с которым согласилась Никарагуа, настоящий этап судопроизводства, в соответствии с постановлением Суда, вынесенным 22 октября 1986 года, посвящается исключительно вопросам юрисдикции Суда и тому, может ли Заявление быть принято.

Время доказывания (пункт 16)

I. Вопрос о юрисдикции Суда в отношении принятия спора к рассмотрению (пункты 17-48)

A. Два исходных правооснования юрисдикции (пункты 17-27)

В качестве основания для юрисдикции Суда Никарагуа ссылается на

«положения статьи XXXI Пакта, подписанного в Боготе, и на заявления, сделанные соответственно Республикой Никарагуа и Республикой Гондурас, в которых, как это обусловлено статьей 36, пункты 1 и 2 соответственно, Статута, признается юрисдикция Суда»

Статья XXXI Пакта, подписанного в Боготе, предусматривает следующее:

«В соответствии со статьей 36, пункт 2, Статута Международного Суда, высокие договаривающиеся стороны заявляют, что они признают, в отношении любого другого американского государства, юрисдикцию Суда обязательной *ipso facto*, и не требующей особого о том соглашения до тех пор, пока данный договор остается в силе, по всем правовым спорам между ними, касающимися:

- a) толкования договора;
- b) любого вопроса международного права;
- c) наличие факта, который, если он будет установлен, представит собой нарушение международного обязательства;
- d) характера и размеров возмещения, причитающегося за нарушение международного обязательства».

Другим основанием юрисдикции, на которое опирается Никарагуа, являются заявления о признании обязательности юрисдикции, сделанные сторонами в соответствии со статьей 36 Статута Суда. Никарагуа утверждает, что может обосновать юрисдикцию гондурасским заявлением от 20 февраля 1960 го-

да; Гондурас же доказывает, что это заявление было изменено последующим заявлением, сделанным 22 мая 1986 года и сданным на хранение Генеральному секретарю до того, как Никарагуа подала свое заявление.

Поскольку в отношениях между государствами-участниками Пакта, подписанного в Боготе, этот Пакт является основным, Суд прежде всего изучает вопрос о том, имеет ли он юрисдикцию согласно статье XXXI Пакта.

B. Пакт, подписанный в Боготе (пункты 28-47)

Гондурас в своем меморандуме утверждает, что Пакт «не дает какого-либо основания для юрисдикции... Суда» и выдвигает два ряда аргументов в поддержку этого утверждения.

i) Статья XXXI Пакта, подписанного в Боготе (пункты 29-41)

Во-первых, его толкование статьи XXXI Пакта состоит в том, что для государства-участника Пакта, сделавшего заявление согласно статье 36, пункт 2, Статута, объем юрисдикции Суда в соответствии со статьей XXXI Пакта определяется этим заявлением и всеми приложенными к нему оговорками. Он настаивает также, что любое изменение или отзыв такого заявления, которое имеет силу согласно статье 36, пункт 2, Статута, является в равной мере действительным и согласно статье XXXI Пакта. Гондурас, однако, дал подряд два толкования статьи XXXI, утверждая первоначально, что для предоставления юрисдикции она должна быть подкреплена заявлением о признании обязательной юрисдикции, и затем, что она может быть подкреплена таким образом, но это не обязательно.

Суд считает, что первое толкование, выдвинутое Гондурасом, — о том, что статья должна быть подкреплена заявлением, — несовместимо с действительными условиями статьи. Что касается второго гондурасского толкования, Суд отмечает два чтения статьи XXXI, предлагаемых сторонами: как положение договора, передающее юрисдикцию в соответствии со статьей 36, пункт 1, Статута, или как коллективное заявление о признании юрисдикции обязательной согласно пункту 2 этой статьи. Даже по второму толкованию, однако, заявление, включенное в подписанный в Боготе Пакт, может быть изменено только в соответствии с нормами, предусмотренными в самом Пакте. Однако, в статье XXXI нигде не говорится о том, что обязательство, принятое участниками Пакта, могло бы быть изменено посредством одностороннего заявления, сделанного согласно Статуту позже, и что ссылка на статью 36, пункт 2, не является сама по себе достаточной для того, чтобы сделать это.

Тот факт, что Пакт четко определяет обязательство участников, придает особое значение отсутствию какого бы то ни было указания такого рода. Обязательство в статье XXXI относится *ratione materiae* к спорам, перечисленным в этом тексте; оно относится *ratione personae* к американским государствам-участникам Пакта; оно остается в силе *ratione*

temporis до тех пор, пока сам этот документ продолжает действовать в отношениях между этими государствами. Более того, некоторые положения договора (статьи V, VI и VII) ограничивают сферу данного обязательства участников Пакта. Обязательство в статье XXXI может быть ограничено только оговорками к самому Пакту в соответствии с его статьей IV. Это автономное обязательство, независимое ни от какого другого, которое участники могли принять или могут принять, дав Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций на хранение заявление о признании обязательной юрисдикции в соответствии со статьей 36, пункты 2 и 4, Статута.

Еще одно подтверждение понимания Судом статьи XXXI содержится в travaux préparatoires Конференции в Боготе. Текст, который должен был стать статьей XXXI, был обсужден на заседании Комитета III Конференции, состоявшемся 27 апреля 1948 года. Именно там было решено, что в своих отношениях с другими участниками Пакта государства, которые настаивали на сохранении положения о включении оговорки в заявление о признании обязательной юрисдикции, должны заново сформулировать их в качестве оговорок к Пакту. Такое решение не оспаривалось на пленарном заседании, и Конференция приняла статью XXXI без каких-либо поправок по этому вопросу. Это толкование кроме всего прочего отвечает практической деятельности участников Пакта, начиная с 1948 года. Они никогда не связывали статью XXXI с заявлением о признании обязательной юрисдикции, сделанным в соответствии со статьей 36, пункты 2 и 4, Статута.

При таких обстоятельствах Суд вынужден заключить, что обязательство, содержащееся в статье XXXI Пакта, не зависит от подобных заявлений о признании обязательной юрисдикции, которые могли быть сделаны в соответствии со статьей 36, пункт 2, Статута. Довод Гондураса, касающийся действия оговорки к его заявлению 1986 года о его обязательстве по статье XXXI Пакта, не может поэтому быть принят.

ii) *Статья XXXII Пакта, подписанного в Боготе* (пункты 42-47)

Второе возражение Гондураса против юрисдикции основывается на статье XXXII Пакта, подписанного в Боготе, которая гласит:

«Если согласительная процедура, ранее установленная в настоящем Договоре или по соглашению сторон, не ведет к решению, и указанные участники не пришли к согласию об арбитражной процедуре, любой из них имеет право обратиться в Международный Суд так, как это указано в статье 40 его Статута. По статье 36, пункт 2, указанного Статута, юрисдикция Суда является обязательной».

По мнению Гондураса, статьи XXXI и XXXII необходимо толковать вместе. Первая, как утверждается, определяет сферу юрисдикции Суда, а вторая — условия, при которых дело может быть передано в Суд. Согласно мнению Гондураса, отсюда следует, что по статье XXXI дело может быть передано в Суд только в том случае, если, согласно

статье XXXII, этому предшествовала попытка примирения и не было достигнуто согласия на арбитраж, что к данному делу не относится. Никарагуа, с одной стороны, настаивает на том, что статья XXXI и статья XXXII являются двумя автономными положениями, каждое из которых наделяет Суд юрисдикцией в предусмотренных в нем случаях.

Толкование статьи XXXII Гондурасом противоречит условиям этой статьи. В статье XXXII нет никакой отсылки к статье XXXI; согласно ее тексту, стороны, в принципе, имеют право обратиться в Суд в случаях, когда примирение не было успешным. Более того, из Пакта совершенно ясно, что, составляя его, американские государства преследовали цель укрепить свои взаимные обязательства в отношении судебного урегулирования. Это подтверждается также travaux préparatoires Конференции в Боготе: позиция Подкомитета, подготовившего проект, состояла в том, что «основной процедурой мирного урегулирования конфликтов между американскими государствами должно быть судебное разбирательство в Международном Суде». Толкование же Гондураса, однако, означало бы, что это на первый взгляд твердое и безусловное обязательство, сформулированное в статье XXXI, в действительности лишилось бы всякого смысла, если бы по какой-либо причине спор не подвергался процедуре предварительного примирения. Подобное решение явно противоречило бы как объекту, так и цели Пакта. Короче говоря, статьи XXXI и XXXII предусматривают два различных пути, посредством которых можно обратиться в Суд. Первая из этих статей касается дел, по которым возможно прямое обращение в Суд, а вторая — тех дел, когда стороны предварительно прибегают к примирению. В данном деле Никарагуа опиралась на статью XXXI, а не на статью XXXII.

C. *Заключение* (пункт 48)

Статья XXXI Пакта, подписанного в Боготе, предоставляет таким образом Суду юрисдикцию над переданным ему данным спором. По этой причине, Суду нет необходимости рассматривать вопрос о том, мог ли бы он иметь юрисдикцию на основании вышеупомянутых заявлений Никарагуа и Гондураса о признании обязательной юрисдикции.

II. *Вопрос о допустимости принятия заявления Никарагуа* (пункты 49-95)

Гондурас выдвинул четыре возражения против допустимости принятия к рассмотрению заявления Никарагуа, два из которых являются возражениями общего характера, а два других представлены на основании Пакта, подписанного в Боготе.

Первое указанное основание для недопустимости (пункты 51-54) заключается в том, что заявление «является политически инспирированной, надуманной просьбой, которую Суд, согласно своему правовому статусу, рассматривать не должен». По поводу политической инспирированности судебного разбирательства, Суд замечает, что не может заниматься вопросом политической мотивации, которая может

побудить государство в какое-то определенное время или при каких-то определенных обстоятельствах избрать путь судебного урегулирования. В отношении же мнения Гондураса о том, что общий итог акций Никарагуа — «искусственное и произвольное дробление общего конфликта, существующего в Центральной Америке», Суд напоминает, что, хотя и нет сомнения в том, что вопросы, поставленные перед Судом, могут рассматриваться как часть какой-либо более широкой региональной проблемы, однако «ни одно из положений Статута или Регламента не предполагает, что Суд должен отказать обратиться внимание на один аспект спора только лишь потому, что этот спор имеет другие аспекты, какими бы важными они ни были», — как было отмечено Судом в деле о *Дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране* (М.С. Доклады 1980 года, стр. 19, п. 36).

Второе основание для недопустимости (пункты 55-56), выдвинутое Гондурасом, заключается в том, что «заявление расплывчато, а утверждения, содержащиеся в нем, даны без должных подробностей». В этой связи Суд находит, что заявление Никарагуа в настоящем деле соответствует требованиям Статута и Регламента Суда, что заявление указывает на «предмет спора», конкретизирует «точный характер претензии» и в подтверждение этого дает всего лишь «краткое пояснение фактов и причин, на которых основана претензия».

Соответственно, ни одно из этих возражений общего характера, касающихся недопустимости, не может быть принято.

Третье основание для недопустимости (пункты 59-76), выдвинутое Гондурасом, базируется на статье II Пакта, подписанного в Боготе, которая гласит:

«Высокие договаривающиеся стороны признают обязательство разрешать международные конфликты посредством региональных мирных процедур до передачи их на рассмотрение Совету Безопасности Объединенных Наций.

Следовательно, в случае возникновения спора между двумя или более государствами, подписавшими Договор, который, по мнению сторон [во французском тексте «по мнению одной из сторон»], не может быть урегулирован прямыми переговорами по дипломатическим каналам, стороны обязуются использовать процедуры, определенные в данном Договоре, в форме и на условиях, предусмотренных в следующих статьях, или, в качестве альтернативы, такие особые процедуры, какие, по их мнению, позволят им прийти к решению».

В утверждении Гондураса о применении статьи II говорится следующее:

«Никарагуа не сообщила, что, по мнению сторон, спор не может быть урегулирован посредством прямых переговоров, и, таким образом, Никарагуа не выполняет существенного предварительного условия об использовании процедуры, установленной Пактом, подписанным в Боготе, которая включает передачу споров в Международный Суд».

Утверждение Гондураса состоит в том, что предварительным условием обращения к процедурам, установленным Пактом, является не просто требование о том, что обе стороны должны придерживаться мнения о невозможности урегулировать спор путем переговоров, а о том, что они должны «выразить в явной форме» такое мнение.

Суд отмечает расхождение между четырьмя текстами (на английском, французском, португальском и испанском языках) статьи II Пакта: во французском тексте говорится о мнении *одной* из сторон. Суд исходит из предположения, что должно быть использовано более точное толкование, то есть, что следовало бы рассмотреть вопрос о том, обе ли стороны придерживались «мнения» о невозможности урегулирования спора путем переговоров. Для этой цели Суд не считает себя связанным только лишь утверждением одной или другой стороны о том, что именно ее мнение является правомочным: при исполнении своих правовых функций он должен быть свободен в том, чтобы самому решить этот вопрос на основе таких фактов, которые имеются в его распоряжении.

Решающей датой для определения допустимости принятия заявления является дата его подачи (ср. *Юго-Западная Африка, предварительные возражения*, М.С. Доклады 1962 год, стр. 344). В данном деле таковой является дата 28 июля 1986 года.

Для того чтобы выяснить мнение сторон, Суд обязан проанализировать последовательность событий в их дипломатических отношениях; прежде всего Суд устанавливает, что в 1981 и 1982 годах стороны проводили двусторонние переговоры на различных уровнях, в том числе на уровне глав государств. В общих чертах, Никарагуа стремилась к двусторонней договоренности, в то время как Гондурас во все большей степени подчеркивал региональный характер проблемы и выступал за многосторонний подход, предложив в итоге план интернационализации, что привело к появлению не имевших успеха никарагуанских контрпредложений. Затем Суд рассматривает явление, известное под названием контадорский процесс; он отмечает, что проект «Контадорского соглашения о мире и сотрудничестве в Центральной Америке» был представлен Контадорской группой центральноамериканским государствам 12-13 сентября 1985 года. Ни одно из центральноамериканских государств не приняло проект полностью, но переговоры продолжались и прервались только в июне 1986 года.

Суд должен уточнить характер процедуры, которой придерживались в ходе этих переговоров, и выяснить, могут ли переговоры в контексте контадорского процесса рассматриваться как прямые переговоры по обычным дипломатическим каналам в соответствии со смыслом статьи II Пакта. Хотя в период между 1983 и 1986 годами и имели место широкие консультации и переговоры в различных формах как среди самих центральноамериканских государств, так и между ними и теми, которые входили в контадорскую группу, однако они были организованы и велись в контексте посредничества, которому и были подчинены. В этот период конта-

дорский процесс сводился в первую очередь к примирению, в котором третьи государства по собственной инициативе пытались сблизить позиции заинтересованных государств, выдвигая перед ними определенные предложения. Таким образом, этот процесс, принятый Гондурасом, в результате присутствия и действий третьих государств разительно отличался от «прямых переговоров по обычным дипломатическим каналам». Соответственно, он не подпадал под соответствующие положения статьи II Пакта, подписанного в Боготе. Более того, на 28 июля 1986 года — дату подачи никарагуанского заявления — никакие другие переговоры, которые бы отвечали условиям, сформулированным в этом тексте, не намечались. Следовательно, на ту дату Гондурас не мог достоверно утверждать, что спор между ним и Никарагуа, как он определен в никарагуанском заявлении, мог в то время быть урегулирован посредством прямых переговоров по обычным дипломатическим каналам.

Суд поэтому считает, что положения статьи II Пакта, подписанного в Боготе, на которые опирается Гондурас, не представляют собой правового препятствия для допустимого заявления Никарагуа.

Четвертое основание для недопустимости (пункты 77-94), выдвинутое Гондурасом, состоит в том, что:

«Приняв контадорский процесс за специальную процедуру в соответствии со смыслом статьи II Пакта, подписанного в Боготе, Никарагуа, как в силу статьи IV этого Пакта, так и по элементарным соображениям доброй воли, лишена возможности начать какую-либо другую процедуру мирного урегулирования до тех пор, пока не завершится контадорский процесс; а этот момент еще не наступил».

В статье IV этого Пакта, подписанного в Боготе, на которую опирается Гондурас, говорится следующее:

«С началом какой-либо мирной процедуры, по соглашению ли между сторонами или во исполнение настоящего Договора или предшествующего соглашения, никакая другая процедура не может быть начата до завершения первой».

Стороны разделяют мнение о том, что настоящее разбирательство в Суде является «мирной процедурой», как это предполагается Пактом, подписанного в Боготе, и что поэтому, если, в соответствии с Пактом, началась, но не завершилась какая-либо иная «мирная процедура», то это разбирательство предпринято в нарушение статьи IV и должно быть признано недопустимым. Разногласие между сторонами заключается в том, является ли контадорский процесс процедурой, предусмотренной статьей IV, или не является.

Очевидно, что не пришлось бы решать вопрос о том, можно ли считать контадорский процесс «специальной процедурой» или же «мирной процедурой» в соответствии со смыслом статей II и IV Пакта, если бы такая процедура считалась «завершившейся» к 28 июля 1988 года — дате представления никарагуанского заявления.

Для целей статьи IV Пакта никакого формального

акта перед тем, как объявить мирную процедуру «завершенной», не требуется. Процедура, о которой идет речь, не обязательно должна окончательно потерпеть неудачу, прежде чем может быть начата новая процедура. Достаточно, чтобы на дату начала новой процедуры первоначальная процедура зашла в тупик при таких обстоятельствах, когда отсутствие перспективы для ее продолжения или возобновления является очевидным.

Для того, чтобы решить этот вопрос в данном деле, Суд возобновляет обзор контадорского процесса. Он считает, что из этого обзора явствует, что на дату подачи Никарагуа своего заявления контадорский процесс стоял на мертвой точке. Такое положение сохранялось до представления в феврале 1987 года плана Ариаса и принятия пятью центральноамериканскими государствами соглашения Эскипулас II, в результате которого в августе 1987 года была начата процедура, часто называемая Контадора-Эскипулас II.

В связи с этим возникает вопрос, следует ли рассматривать эту последнюю процедуру как обеспечившую непрерывное продолжение контадорского процесса или же, для целей статьи IV Пакта, подписанного в Боготе, этот процесс следует считать «завершившимся» на 28 июля 1986 года, а процесс другого характера затем начавшимся. Этот вопрос имеет решающее значение, поскольку, исходя из последнего предложения, вне зависимости от того, каков мог быть характер первоначального контадорского процесса в свете статьи IV, на ту дату данная статья не представляла бы препятствия для начала разбирательства в Суде.

Упомянув о точках зрения сторон в отношении непрерывности контадорского процесса, что, однако, не могло пониматься как совпадение взглядов относительно толкования термина «завершившийся», Суд находит, что контадорский процесс, как он протекал на первом этапе, отличен от процесса Контадора-Эскипулас II, начавшегося на втором этапе. Они различны как по своей цели, так и по своему характеру. Контадорский процесс первоначально представлял собой посредничество, в котором Контадорская группа и Группа поддержки играли решающую роль. С другой стороны, в процессе Контадора-Эскипулас II государства Контадорской группы играли совершенно другую роль. Пять государств Центральной Америки создали самостоятельный механизм многосторонних переговоров, в которых роль Контадорской группы ограничивалась задачами, определенными в Декларации Эскипулас II, и впоследствии еще больше реально уменьшилась. Более того, нельзя не обратить внимание на разрыв в несколько месяцев между окончанием первоначального контадорского процесса и началом процесса Контадора-Эскипулас II; и именно во время этого перерыва Никарагуа подала свое заявление в Суд.

Суд заключает, что процедуры, задействованные в контадорском процессе до 28 июля 1986 года, даты подачи никарагуанского заявления, были, в соответствии со смыслом статьи IV Пакта, подписанного в Боготе, на ту дату «завершены». Поскольку это

так, аргументы Гондураса, основывающиеся на статье IV Пакта, должны быть отклонены, и Суду нет необходимости определять, был ли контадорский процесс «специальной процедурой» или «мирной процедурой» для целей статей II и IV Пакта и имела ли эта процедура ту же цель, что и та, которая сейчас имеет место в Суде.

Суду пришлось также рассмотреть утверждение, высказанное в четвертом аргументе Гондураса по поводу допустимости заявления, о том, что Никарагуа и «по элементарным соображениям доброй воли» лишена возможности начать какую-либо другую процедуру мирного урегулирования до тех пор, пока не завершится контадорский процесс. В этом отношении Суд считает, что события июня-июля 1986 года явились «завершением» первоначальной процедуры, как для целей статьи IV Пакта, так и в связи с любым другим обязательством использовать до конца такую процедуру, которая могла бы существовать независимо от пакта.

В заключение Суд, ссылаясь, в частности, на формулировку Преамбулы к последующим проектам Контадорского соглашения, отмечает, что Контадорская группа не требовала какой-либо исключительной роли для процесса, которые она начала.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЗАЯВЛЕНИЯ И МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ К РЕШЕНИЮ СУДА

Заявление судьи Ляхса

Судья Ляхс в своем заявлении подчеркивает важность процедурных решений и отмечает, что в настоящем деле стороны сохраняют свободу своих действий и все возможности для достижения решений.

Особое мнение судьи Ода

Судья Ода голосовал за решение Суда, но с некоторой неохотой. Он полагает, что, учитывая контекст Пакта, подписанного в Боготе, альтернативное толкование по поводу того, что статьи XXXI и XXXII существенным образом взаимосвязаны и что согласительная процедура, предусмотренная в статье XXXII, является предварительным условием для обращения в суд, также может быть приемлемым. Трудность уверенного толкования пакта происходит из двусмысленности формулировок, в которых он составлен.

Судья Ода, в свете предыстории Конференции 1948 года в Боготе и *travaux préparatoires*, показывает, что американские государства, участвовавшие в Конференции в Боготе, не имели очевидного намерения превратить пакт в документ, который передавал бы юрисдикцию Суду в соответствии со статьей 36, пункт 1, Статута, или включал бы коллективное заявление о признании юрисдикции Суда обязательной согласно пункту 2 этой статьи.

В заключение судья Ода подчеркивает первостепенное значение намерения сторон признать юрисдикцию Суда, что неизменно требуется для того, чтобы он рассматривал дело, и выражает сомнение,

что Суд по достоинству оценил это особое обстоятельство.

Особое мнение судьи Швебеля

Судья Швебель заявляет, что его наиболее существенные оговорки по данному решению следуют из отношения Суда к проблеме «серийного» характера заявлений, представленных Никарагуа в трех взаимосвязанных делах: одного — против Соединенных Штатов в 1984 году и двух других — против Гондураса и Коста-Рики в 1986 году.

В 1984 году Никарагуа утверждала, что она не выдвигала «никаких претензий в связи с противозаконным поведением ни к одному государству, кроме Соединенных Штатов» и не искала «никакой помощи... ни от какого иного государства». Тем не менее в 1984 году она предъявила серьезные обвинения не только Соединенным Штатам, но и Гондурасу, Коста-Рике и Сальвадору. Со своей стороны, Соединенные Штаты, утверждавшие, что принимали участие в коллективной самообороне этих трех государств, настаивали, что они являются обязательными сторонами, в чье отсутствие Суд не должен приступить к слушанию.

Суд отверг такую точку зрения и также отверг, вопреки Статуту и Регламенту Суда, просьбу о вступлении в дело Сальвадора. Гондурас и Коста-Рика не продемонстрировали намерения вступить в дело и не могли быть воодушевлены на такой шаг после подобного отношения Суда к Сальвадору. Тем не менее Никарагуа могла бы потребовать, чтобы Гондурас и Коста-Рика были ответчиками в Суде, так как в 1984 году оба эти государства признали безусловно обязательную юрисдикцию Суда. Но она не сделала этого.

Сразу после вынесения 27 июня 1986 года решения против Соединенных Штатов Никарагуа обнаружила в конце концов, что, вопреки ее педерованиям в 1984 году, она имеет все же правовые претензии к Гондурасу и Коста-Рике. Если текущее дело достигнет стадии рассмотрения его существования, то следует ожидать, что Никарагуа использует против Гондураса, как она уже сделала это, установление фактов по делу и правовые выводы из решения Суда от 27 июня 1986 года.

В ответ Суд, отклонив последовавшие за этим возражения Гондураса, справедливо подчеркнул, что

«В любом случае, стороны, принимая во внимание обычные правила доказательства, сами должны установить факты по настоящему делу, исключив возможность полагаться на обсуждения *res judicata* в другом деле, в котором эти стороны не были участниками (см. статью 59 Статута)».

Отсюда следует, что если на стадии рассмотрения существования вопроса сторона в текущем деле попытается опереться на установление фактов по делу, содержащееся в решении Суда от 27 июня 1986 года, то Суд отвергнет такие попытки. Хотя это не более, чем требование статьи 59, важно, чтобы Суд заявил об этом и еще более важно, чтобы он следовал тому, о чем заявляет.

По мнению судьи Швобеля, это важно по чрезвычайной причине. Использование в текущем деле содержащихся в решении Суда от 27 июня 1986 года установленных фактов было бы еще более пагубным, поскольку некоторые из этих данных не соответствуют фактам, а использование в этом деле правовых выводов, сделанных Судом в том деле, было бы не менее пагубным, так как некоторые из тех выводов ошибочны.

Особое мнение судьи Шахабуддина

Судья Шахабуддин считает, что данное решение Суда (с которым он согласен) могло бы быть усилено по трем пунктам, относящимся к юрисдикции, и двум, относящимся к вопросу о допустимости. Он также полагает, что эти аспекты позволяют применить более специфичный подход и принять во внимание региональные материалы, на которые ссылались обе стороны.

84. ДЕЛО КОМПАНИИ «ЭЛЕТРОНИКА СИКУЛА С.П.А.» (ЭЛСИ)

Решение от 20 июля 1989 года

В своем решении камера Суда, образованная для рассмотрения дела, касающегося компании «Электроника Сикула С.П.А.» (ЭЛСИ), отклонила возражение Италии относительно приемлемости заявления и установила, что Италией не было совершено ни одного из нарушений, о которых заявили Соединенные Штаты, Договора о дружбе, торговле и судоходстве между Сторонами, подписанного в Риме 2 февраля 1948 года, или Соглашения, дополняющего этот Договор. Соответственно, она отклонила иск Соединенных Штатов о возмещении убытков.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Руда; судьи Ода, Аго и сэр Роберт Дженнингс.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судья Швобель.

* * *

Судья Ода приложил к тексту решения индивидуальное мнение, а судья Швобель — особое мнение.

В своих мнениях судьи изложили и разъяснили свою позицию по отдельным пунктам решения.

Состав камеры: *Председатель* Руда; судьи Ода, Аго, Швобель и сэр Роберт Дженнингс.

Разбирательство и представления сторон
(пункты 1-12)

Полный текст постановляющей части решения является следующим:

«КАМЕРА

1) единогласно

отклоняет возражение Итальянской Республики относительно приемлемости заявления, полученного по данному делу от Соединенных Штатов Америки 6 февраля 1987 года;

2) четырьмя голосами против одного

устанавливает, что Итальянской Республикой не совершено ни одного из нарушений, о которых говорилось в указанном заявлении, Договора о дружбе, торговле и судоходстве между Сторонами, подписанного в Риме 2 февраля 1948 года, или Соглашения, дополняющего этот Договор, подписанного Сторонами в Вашингтоне 26 сентября 1951 года.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* Руда; судьи Ода, Аго и сэр Роберт Дженнингс.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судья Швобель.

3) Четырьмя голосами против одного

отклоняет, соответственно, иск о возмещении, поданный на Итальянскую Республику Соединенными Штатами Америки.

Камера начала свою работу с резюмирования различных этапов разбирательства, напомнив, что данное дело касается спора, в рамках которого Соединенные Штаты Америки утверждают, что Италия, своими действиями по отношению к итальянской компании «Электроника Сикула С.П.А.» (ЭЛСИ), которая полностью принадлежала двум американским корпорациям — «Рэйтеон компани» («Рэйтеон») и «Мэчлетт лабораториз инкорпорейтед» («Мэчлетт»), — нарушила ряд положений Договора о дружбе, торговле и судоходстве между двумя сторонами, заключенного в Риме 2 февраля 1948 года («Договор ДТС»), и Дополнительного соглашения к нему, заключенного 26 сентября 1951 года.

Происхождение и развитие спора
(пункты 13-45)

В 1967 году компании «Рэйтеон» принадлежало 99,16% акций ЭЛСИ, а остальная часть (0,84%) находилась у компании «Мэчлетт», являющейся дочерним предприятием, полностью принадлежавшим «Рэйтеон». Компания ЭЛСИ была учреждена в Палермо, на Сицилии, где размещался ее завод по производству электронных компонентов; в 1967 году число работников ЭЛСИ составляло чуть меньше 900 человек. На заводе имелось пять производственных линий по выпуску электронных СВЧ-приборов и электроннолучевых трубок, полупроводниковых выпрямителей, рентгеновских трубок и разрядников для защиты от перенапряжения.

С 1964 по 1966 годы ЭЛСИ получала прибыль от производственной деятельности, однако ее было недостаточно для погашения задолженности или покрытия накопленных убытков. В феврале 1967 года, согласно утверждениям Соединенных Штатов, «Рэйтеон» стала предпринимать определенные шаги в попытке добиться самообеспеченности ЭЛСИ.

В то же время с февраля 1967 года по март 1968 года с итальянскими должностными лицами и компаниями проводились многочисленные встречи, цель которых состояла в том, чтобы, как утверждалось, — найти для ЭЛСИ итальянского партнера с экономическим потенциалом и влиянием и изучить возможность оказания иной правительственной поддержки.

Когда стало очевидным, что эти встречи вряд ли приведут к заключению взаимоприемлемых договоров, «Рэйтеон» и «Мэчлетт», как держатели акций ЭЛСИ, стали серьезно задумываться над тем, чтобы закрыть и ликвидировать компанию ЭЛСИ, тем самым сведя к минимуму ее убытки. Главным финансовым сотрудником компании «Рэйтеон» был подготовлен анализ активов, который показал, каково предполагаемое положение с активами по состоянию на 31 марта 1968 года. Согласно анализу остаточная стоимость активов ЭЛСИ составляла 18 640 млн. лир; как указано в его affidavitе, представленном в ходе разбирательства, проведенный им анализ свидетельствовал о «незначительных перспективах восстановления стоимости активов, в котором можно было быть уверенным, для обеспечения упорядоченного процесса ликвидации», и общая реализуемая стоимость активов, рассчитываемая на этой основе («выручка от немедленной реализации») составляла 10 838,8 млн. лир. Общая задолженность компании по состоянию на 30 сентября 1967 года достигала 13 123,9 млн. лир. Намечавшаяся «упорядоченная ликвидация» представляла собой операцию по продаже дела ЭЛСИ или ее активов — целиком или по отдельности — и по погашению ее долгов — полностью или иным образом — за счет выручки от продажи, при этом вся операция должна была быть проведена под контролем руководства самой ЭЛСИ. Планировалось, что всем кредиторам будут выплачены долги сполна или, если выручка будет получена только в виде «выручки от немедленной реализации», основные кредиторы без обеспечения получат порядка 50% от причитающихся им платежей — и это было бы более приемлемым для них, чем если бы было объявлено полное банкротство.

Деятельность компании было решено прекратить 28 марта 1968 года. Однако совещания с итальянскими должностными лицами не прекращались, и итальянские власти настойчиво призывали ЭЛСИ не закрывать свой завод и не увольнять рабочих. 29 марта 1968 года сотрудникам ЭЛСИ были разосланы письма с уведомлением об увольнении.

1 апреля 1968 года мэр Палермо издал указ, сразу же вступающий в силу, о реквизиции завода ЭЛСИ и соответствующих активов на шестимесячный период.

Стороны не сошлись во мнении относительно то-

го, был ли занят завод, непосредственно перед принятием указа о реквизиции, его работниками, однако стороны были едины в том, что сразу же после реквизиции такое занятие завода имело место.

19 апреля 1968 года ЭЛСИ подала административную апелляцию на указ о реквизиции префекту города Палермо.

26 апреля 1968 года ЭЛСИ подала заявление о несостоятельности, указав, что реквизиция явилась причиной того, что компания утратила контроль над заводом и не может вследствие этого воспользоваться источником ликвидных средств, а также отметив наступление срока платежей, выплатить которые она не в состоянии. Постановление о банкротстве было принято судом Палермо 16 мая 1968 года.

По делу об административной апелляции ЭЛСИ на указ о реквизиции префект города Палермо вынес решение от 22 августа 1968 года об отмене этого указа. Между сторонами возник спор по вопросу о том, является ли такой промежуток времени нормальным для подобного рода апелляций.

Тем временем, 16 июня 1968 года, управляющий имуществом банкрота подал иск в суд Палермо на министра внутренних дел Италии и мэра города Палермо за убытки, понесенные в результате реквизиции. Апелляционный суд Палермо удовлетворил иск об убытках в связи с утратой контроля над заводом в период реквизиции.

В ноябре 1968 года было завершено разбирательство по делу о несостоятельности. Из реализованной суммы не осталось никаких средств для выплаты держателям акций — «Рэйтеон» и «Мэчлетт».

I. *Юрисдикция Суда и приемлемость заявления; Правило исчерпания местных средств правовой защиты*
(пункты 48-63)

В своем контрмеморандуме Италия выдвинула возражения против приемлемости данного дела на том основании, что обе американские корпорации «Рэйтеон» и «Мэчлетт», от имени которых подан иск, не исчерпали всех местных средств правовой защиты, имевшихся в Италии. Стороны согласились, чтобы это возражение было заслушано и квалифицировано в рамках рассмотрения дела по существу.

Соединенные Штаты выразили сомнение в том, что правило исчерпания местных средств правовой защиты вообще может быть применено, поскольку статья XXVI (положение о юрисдикции) Договора ДТС является категоричной по своей формулировке, и ее действие не определяется никакой ссылкой на правило исчерпания местных средств правовой защиты. Они также привели довод относительно того, что поскольку в своем иске они требуют вынести решение, констатирующее нанесение Соединенным Штатам прямого ущерба в результате нарушения их прав по Договору ДТС, независимо от существования спора относительно предполагаемого нарушения, жертвами которого являются «Рэйтеон» и «Мэчлетт», правило исчерпания местных средств правовой защиты является неприменимым. Камера отклонила эти доводы. США заметили также, что

Италия ни разу — за время после представления в ходе разбирательства контрмеморандума — не предлагала, чтобы «Рэйтеон» и «Мэчлетт» подали иск в итальянские суды на основе Договора ДТС, и заявили, что это равнозначно процессуальному отводу. Однако камера установила, что вряд ли можно говорить о процессуальном отводе на основании только того, что в тот или иной момент в ходе довольно беспорядочных дипломатических обменов данный вопрос не был затронут.

На вопрос о том, были ли компаниями «Рэйтеон» и «Мэчлетт» исчерпаны местные средства правовой защиты, камера отвечает, что ущерб, который, согласно иску по данному делу, был нанесен этим компаниям, является результатом «убытков, понесенных владельцами ЭЛСИ вследствие недобровольного изменения порядка распоряжения активами ЭЛСИ»; и что, как утверждалось, такое изменение было вызвано принятием указа о реквизиции, и что, таким образом, этот указ и является основным предметом иска США. Поэтому вполне справедливо, что сама компания ЭЛСИ должна использовать местные средства правовой защиты.

Рассмотрев меры, предпринятые сначала ЭЛСИ для обжалования указа о реквизиции, а затем управляющим имуществом банкрота для подачи иска о возмещении ущерба, причиненного реквизицией, камера считает, что муниципальные суды были задействованы полностью по данному вопросу, который составляет суть иска заявителя в камере. Однако Италия утверждала, что можно было бы в муниципальных судах процитировать положения самих договоров в связи со статьей 2043 гражданского кодекса Италии, а этого сделано не было.

Изучив приведенные Италией положения о судебной практике, камера приходит к выводу, что невозможно предположить, какую позицию заняли бы итальянские суды в том случае, если бы такой иск был бы представлен на их рассмотрение. Поскольку о наличии того или иного средства правовой защиты должна сообщить Италия, и поскольку Италия не смогла убедить камеру в том, что явно существуют какие-либо средства правовой защиты, которые компаниям «Рэйтеон» и «Мэчлетт» — независимо от ЭЛСИ и управляющего имуществом банкрота — следовало бы использовать и исчерпать, камера отклоняет возражение, касающееся неисчерпания местных средств правовой защиты.

II. Утверждение о нарушении Договора о дружбе, торговле и судоходстве и Дополнительного соглашения к нему (пункты 64-67)

В пункте 1 последних представлений США говорится следующее:

«1) Ответчик нарушил международные правовые обязательства, которые он взял на себя по Договору о дружбе, торговле и судоходстве между двумя странами и по Дополнению к нему и, в частности, нарушил статьи III, V, VII Договора и статью I Дополнения...».

Действия ответчика, которые якобы явились на-

рушением его договорных обязательств, охарактеризованы защитой заявителя в выражениях, которые представляется уместным здесь процитировать:

«Во-первых, ответчик нарушил свои правовые обязательства, когда он 1 апреля 1968 года незаконно реквизировал завод ЭЛСИ, что лишило держателей акций ЭЛСИ прямого права ликвидировать упорядоченным образом активы ЭЛСИ. Во-вторых, ответчик нарушил свои обязательства, когда позволил рабочим ЭЛСИ занять завод. В-третьих, ответчик нарушил свои обязательства, когда он необоснованно затянул вынесение решения о незаконности реквизиции на 16 месяцев, когда сразу же после этого завод, оборудование и незавершенное производство ЭЛСИ были приобретены компанией ЭЛТЕЛ. Наконец, в-четвертых, ответчик нарушил свои обязательства, когда вмешался в процедуру оформления банкротства ЭЛСИ, что позволило ответчику осуществить его ранее выраженное намерение приобрести ЭЛСИ за цену, значительно ниже ее справедливой рыночной стоимости».

Наиболее серьезным из этих действий, которые, согласно заявителю, являются нарушением Договора ДТС, является реквизиция завода ЭЛСИ мэром Палермо 1 апреля 1968 года, что, как утверждалось, нарушило планы того, что заявитель назвал «упорядоченной ликвидацией» компании. Правильно называть остальные оспариваемые действия ответчика второстепенными по отношению к этому основному иску, строящемуся на факте реквизиции и ее последствиях.

A. Статья III Договора ДТС (пункты 68-101)

Утверждение Соединенных Штатов о нарушении статьи III Договора ДТС Италией касается первого предложения второго пункта, в котором предусматривается следующее:

«Гражданам, корпорациям и ассоциациям каждой из Высоких Договаривающихся Сторон разрешается в соответствии с применимыми законами и положениями в пределах территории другой Высокой Договаривающейся Стороны организовывать, контролировать и управлять корпорациями и ассоциациями этой другой Высокой Договаривающейся Стороны для осуществления деятельности в торговой, производственной, обрабатывающей, добывающей, учебно-образовательной, филантропической, религиозной и научной сферах».

В рамках рассматриваемого дела смысл этого предложения таков, что компаниям «Рэйтеон» и «Мэчлетт» разрешается в соответствии с применимыми законами и положениями, которые действуют на территории Италии, организовывать, контролировать ЭЛСИ и управлять ею. Иск Соединенных Штатов основывается на праве «контролировать и управлять». Камера рассмотрела вопрос о том, имеет ли место нарушение этой статьи, если, как утверждают Соединенные Штаты, реквизиция лишила ЭЛСИ как права, так и практической возможности продать свой завод и активы для выполнения

обязательств перед кредиторами и держателями акций.

Такого рода реквизиция, как правило, равнозначна лишению, по крайней мере в существенном объеме, права контролировать и управлять. Ссылка в статье III на соответствие «с применимыми законами и положениями» не может означать, что если какое-либо действие находится в соответствии с муниципальными законами и положениями (как, согласно мнению Италии, и обстоит дело с реквизицией), то это само по себе исключает любую возможность того, что это действие нарушает Договор ДТС. Соблюдение муниципального закона и соблюдение договора — это разные вещи.

Предусматриваемое договором право беспрепятственно контролировать и управлять не может быть истолковано как гарантия того, что нормальный ход осуществления контроля и управления никогда не будет нарушен; любая правовая система должна предусматривать, что нормальное осуществление прав может быть прервано, например, при чрезвычайных ситуациях в стране и т. п.

И префект, и апелляционный суд города Палермо установили, что по действующим местным законам реквизиция была необоснована; поэтому, если она лишила «Рэйтеон» и «Мэчлетт» важнейшего для них в тот момент права контролировать и управлять, что, как представляется, имеет место в данном деле, то это может оказаться *prima facie* нарушением пункта 2 статьи III.

Однако согласно утверждению ответчика «Рэйтеон» и «Мэчлетт» были в силу финансового положения ЭЛСИ уже лишены этих самых прав контроля и управления, об отчуждении которых они заявляют. Следовательно, камере было необходимо рассмотреть вопрос о том, какие последствия, если таковые имелись, могло повлечь за собой финансовое положение ЭЛСИ в этом отношении — сначала в практическом плане, а затем в контексте итальянского внутригосударственного права.

Суть иска заявителя неизменно состоит в том, что «Рэйтеон» и «Мэчлетт», которые контролировали ЭЛСИ, были вследствие реквизиции лишены права и практической возможности провести упорядоченную ликвидацию активов ЭЛСИ, причем планы такой ликвидации были весьма тесно связаны с финансовым положением ЭЛСИ.

Отметив, что упорядоченная ликвидация была альтернативой того, чтобы предприятие продолжало функционировать, и что существовала надежда на то, что закрытие завода окажет определенное давление на итальянские власти, а также что итальянскими властями не была предложена помощь на приемлемых условиях, камера констатирует, что основной вопрос состоит в следующем: была ли компания «Рэйтеон», накануне реквизиции и после закрытия завода и увольнения большинства его рабочих 29 марта 1968 года, в состоянии осуществить упорядоченную ликвидацию этого завода, если бы эти планы не были, как утверждалось, сорваны реквизицией.

Успешное осуществление планов упорядоченной

ликвидации зависело от целого ряда факторов, находившихся вне контроля руководства ЭЛСИ. Заявителем были представлены доказательства того, что корпорация «Рэйтеон» готовилась предоставить наличные средства и оказать иную помощь для упорядоченной ликвидации, и камера не видит оснований для того, чтобы ставить под вопрос то, что «Рэйтеон» взяла или собиралась взять на себя такое обязательство; однако другие факторы вызывают некоторое сомнение.

Рассмотрев эти другие факторы, определяющие данный вопрос, — готовность кредиторов оказать содействие проведению упорядоченной ликвидации, особенно учитывая неравенство между ними, возможность продажи активов по цене, позволяющей оплатить долги всем кредиторам полностью, претензии уволенных служащих, сложности продажи активов по выгодной цене в короткие сроки с учетом возможности волнений на заводе после того, как планы его закрытия станут известны рабочим и служащим, а также позиция властей Сицилии, — камера приходит к выводу, согласно которому все эти факторы говорят о том, что на 31 марта 1968 года осуществимость планов упорядоченной ликвидации, — а это является основным звеном в цепочке доводов, приводимых в иске Соединенных Штатов, — не является в достаточной мере установленной.

Наконец, помимо всех практических соображений, имеются и положения итальянского закона о банкротстве. Если на 31 марта 1968 года ЭЛСИ находилась в состоянии юридически установленной неплатежеспособности и если, как это утверждала Италия, такое состояние неплатежеспособности обязывало компанию подать заявление о несостоятельности, тогда соответствующие права контроля и управления не существовали бы и не подпадали бы под действие защитительных положений Договора ДТС. Хотя оценка платежеспособности ЭЛСИ не является существенно важной для вышеизложенного вывода камеры, с точки зрения итальянского права она имеет весьма существенное значение.

Изучив решение префекта и решения судов города Палермо, камера отмечает, что какими бы ни были их выводы — будь то определение согласно итальянскому внутригосударственному праву состояния неплатежеспособности ЭЛСИ на 31 марта 1968 года, или установление того факта, что финансовое положение ЭЛСИ на эту дату являлось столь безнадежным, что и не поддавалось улучшению, — это не составляет никакой существенной разницы; они подтверждают вывод о том, что осуществимость планов упорядоченной ликвидации не была в достаточной степени установлена.

Следовательно, если руководство ЭЛСИ в это время не имело практической возможности успешно провести упорядоченную ликвидацию под своим контролем и уже фактически лишилось такого права согласно нормам итальянского внутригосударственного права, то нельзя заявлять, что реквизиция лишила его такой возможности контроля и управления. Ряд причин в их совокупности и вызвал крах ЭЛСИ, и последствия реквизиции, несомненно, на-

ходятся в их числе. Возможность упорядоченной ликвидации — это вопрос, исключительно относящийся к области предположений. Поэтому камера не способна увидеть здесь что-либо такое, которое означало бы нарушение Итальяей положений в пункте 2 статьи III Договора ДТС.

В. Пункты 1 и 3 статьи V Договора ДТС
(пункты 102-112)

Иск заявителя по пунктам 1 и 3 статьи V Договора ДТС касается защиты и безопасности граждан и их собственности.

В пункте 1 статьи V предусматриваются «по возможности максимально постоянная защита и безопасность» для граждан каждой высокой договаривающейся стороны в отношении как их «личности», так и «собственности»; а также то, что в связи с их собственностью термин «граждане» должен «включать корпорации и ассоциации»; и при определении характера защиты требуемое правило устанавливается со ссылкой на «полную защиту и безопасность, требуемую по международному праву». В пункте 3 это понятие защиты и безопасности развивается, и при этом выдвигается то требование, что должна применяться та же форма, что и в отношении граждан, корпораций и ассоциаций другой высокой договаривающейся стороны, а также, что и в отношении граждан, корпораций и ассоциаций любой третьей страны. Соответственно в отношении защиты имеется три различных нормы, и все эти нормы должны соблюдаться.

Заявитель считает, что ответчик нарушил эти положения, «разрешив работникам ЭЛСИ занять завод». Приняв к сведению заявление Италии о том, что соответствующее «имущество» — завод в Палермо — принадлежал не компаниям «Рэйтеон» и «Мэчлетт», а итальянской компании ЭЛСИ, камера изучила этот вопрос с точки зрения довода Соединенных Штатов о том, что «имуществом», подлежащим защите, являлась сама ЭЛСИ.

Содержащаяся в статье V ссылка на обеспечение «постоянной защиты и безопасности» не может означать гарантию того, что имущество никогда и ни при каких обстоятельствах не будет захвачено или потревожено. В любом случае с учетом того, что не было установлено, что присутствие рабочих на заводе явилось причиной нанесения ущерба заводу или оборудованию и что власти были в состоянии не только обеспечить охрану завода, но даже в некоторой степени продолжение его производственной деятельности, защиту, организованную властями, нельзя расценивать как недостаточную для обеспечения «полной защиты и безопасности, требуемой по международному праву»; или же по крайней мере ниже уровня той, которая предоставляется согласно национальным стандартам или стандартам третьего государства. Простой факт того, что апелляционный суд Палермо назвал занятие завода рабочими незаконным, не обязательно, по мнению камеры, означает, что предоставленная защита не доходила до уровня национального режима, о котором говорится в Договоре ДТС. Существенный вопрос состо-

ит в том, предоставляется ли согласно нормам внутрисударственного права — будь то теоретически или практически — гражданам Соединенных Штатов тот же режим, что и гражданам Италии. Ответ на этот вопрос, по мнению камеры, дан не был. Поэтому камера должна отклонить обвинение в каком-либо нарушении пунктов 1 и 3 статьи V.

Заявитель считает другим нарушением пунктов 1 и 3 статьи V Договора ДТС 16-месячную задержку, с которой префект вынес решение по административной апелляции ЭЛСИ на указ мэра о реквизиции. По причинам, уже разъясненным в связи со статьей III, камера отклоняет утверждение о том, что если бы префект вынес свое решение без задержки, то можно было бы избежать банкротства.

Что касается альтернативного утверждения о том, что Италия была обязана защитить ЭЛСИ от пагубных последствий реквизиции, в частности, обеспечив надлежащий способ реализации продукции этой компании на основе достаточной продажной стоимости, то камера отмечает, что в соответствии со статьей V «полная защита и безопасность» должны находиться в соответствии с минимальным международным уровнем, дополняемым критерием национального режима и режима наиболее благоприятствуемой нации. Сомнительно то, что при всех этих обстоятельствах задержка в вынесении префектом решения может быть расценена как необеспечение минимального международного уровня. Что же касается утверждения о необеспечении соответствия национальному уровню защиты, то камера, хотя и не будучи полностью убежденной в правильности утверждения ответчика о том, что подобного рода задержка, как это имело место в деле ЭЛСИ, является вполне нормальной, все же не считает, что было доказано существование «национального режима» в отношении вынесения в более сжатые сроки определения по административным апелляциям. Таким образом, она не может узреть в такой задержке нарушение пунктов 1 и 3 статьи V Договора ДТС.

С. Пункт 2 статьи V Договора ДТС
(пункты 113-119)

Первое предложение пункта 2 статьи V Договора предусматривает следующее:

«2. Имущество граждан, корпораций и ассоциаций каждой из Высоких Договаривающихся Сторон не может быть изъято на территории другой Высокой Договаривающейся Стороны без надлежащего судебного разбирательства и без незамедлительной выплаты справедливой и реальной компенсации».

Камера обращает внимание на отличие в терминологии, употребляемой в обоих являющихся аутентичных текстах (на английском и итальянском языках); английское слово “taking” (захват) шире и неопределеннее по смыслу, чем итальянское слово “espropriazione” (экспроприация).

Соединенные Штаты утверждают, во-первых, что и акт реквизиции ответчиком завода ЭЛСИ, и его последующие акты приобретения завода, активов и

незавершенного производства — отдельно или в их совокупности — представляют собой захват имущества без надлежащего судебного разбирательства и справедливого возмещения. Во-вторых, Соединенные Штаты утверждают, что, вмешавшись в порядок оформления банкротства, ответчик через компанию ЭЛТЕЛ приобрел завод и активы ЭЛСИ по цене ниже справедливой рыночной цены.

Камера отмечает, что обвинение, основывающееся на совокупности акта реквизиции и последующих актов, фактически заключается в том, что реквизиция положила начало процессу, приведшему к приобретению всех активов ЭЛСИ за цену намного ниже рыночной. То, что утверждает заявитель, — это если не открытая экспроприация, то может быть охарактеризовано как скрытая экспроприация, ибо в конце этого процесса на карту было поставлено само право собственности. Однако Соединенные Штаты в ходе устного разбирательства отвергли какие-либо заявления о том, что итальянские власти участвуют в заговоре с целью смены владельца.

Допустив, хотя и не окончательно, что слово "expropriazione" может иметь достаточно широкое значение, чтобы охватывать скрытую экспроприацию, необходимо обратить внимание на Протокол, прилагаемый к Договору ДТС, в котором расширяются положения пункта 2 статьи V и распространяются на «прямые или косвенные интересы граждан» сторон.

Камера приходит к выводу, что в этой связи нельзя не учитывать финансовое положение ЭЛСИ и вызванное им решение закрыть завод и прекратить деятельность компании. Она не может рассматривать ни один из актов, которые имели место после банкротства, как нарушение пункта 2 статьи V, ибо нет доказательств сговора, о котором сегодня даже не идет речь. Даже если бы и было возможным рассматривать реквизицию как предпринятую с целью вызвать банкротство в качестве шага к скрытой экспроприации, то, если ЭЛСИ уже была вынуждена подать заявление о несостоятельности или если ее финансовое положение было таким, что уже нельзя было откладывать подачу этого заявления, реквизиция явилась фактически излишним актом. Кроме того, эта реквизиция, независимо от тех мотивов, которые якобы лежали в ее основе, будучи введенной на ограниченный срок и подлежащей отмене на основании административной апелляции, не может, по мнению камеры, означать «захват», нарушающий статью V, если только она существенным образом не затронула интересы корпораций «Рэйтон» и «Мэчлетт», касающиеся предприятия ЭЛСИ; такое могло бы иметь место, если бы ЭЛСИ оставалась платежеспособной, а реквизиция была бы продлена и слушание дела об административной апелляции отложено. Фактически банкротство ЭЛСИ изменило ситуацию раньше чем через месяц после реквизиции. Поэтому для этих целей реквизицию можно расценивать как имеющую существенное значение только в том случае, если она вызвала или ускорила банкротство. Это как раз то предположение, которое не согласуется с выводами муниципальных судов и с изложенными выше выводами камеры.

D. *Статья I Дополнительного соглашения к Договору ДТС*
(пункты 120-130)

Статья I Дополнительного соглашения к Договору ДТС, которая предоставляет права, не определенные национальным режимом или режимом наиболее благоприятствуемой нации, предусматривает следующее:

«Граждане, корпорации и ассоциации каждой из Высоких Договаривающихся Сторон не должны подвергаться произвольным или дискриминационным мерам на территории другой Высокой Договаривающейся Стороны, приводящим, в частности, к: а) затруднению осуществления эффективного контроля и управления в отношении предприятий, которые им было разрешено создать или приобрести; или б) ущемлению их других законно приобретенных прав и интересов, касающихся таких предприятий или инвестиций, сделанных ими либо в виде вложения финансовых средств (в форме предоставления займов, акций и т.п.), а также в виде материалов, оборудования, услуг, процессов, патентов, технологии и т.д. Каждая Высокая Договаривающаяся Сторона обязуется не подвергать дискриминации граждан, корпорации и ассоциации другой Высокой Договаривающейся Стороны в том, что касается получения ими на обычных условиях капитала, организации производственных процессов, приобретения навыков, опыта и технологии, которые могут потребоваться для экономического развития».

Ответом на иск заявителя о том, что реквизиция явилась произвольным или дискриминационным актом, нарушающим как пункт «а)», так и пункт «б» приведенной статьи, является отсутствие какой-либо осязаемой связи между последствиями реквизиции и тем, что ЭЛСИ не осуществила запланированную упорядоченную ликвидацию. Однако камера считает, что смысл выражения «в частности», которое предваряет положения «а)» и «б)», дает основание предположить, что запрещение произвольных (и дискриминационных) актов не ограничивается теми, которые приводят к возникновению ситуаций, описанных в положениях «а)» и «б)», а фактически представляет собой запрещение таких актов, независимо от того, имеют ли они такого рода последствия. Таким образом, необходимо изучить вопрос о том, является ли реквизиция сама по себе произвольным или дискриминационным актом.

Соединенные Штаты утверждают, что имела место «дискриминация» в пользу ИРИ — организации, полностью контролируемой Италией; однако у камеры нет достаточно свидетельств в подтверждение предположения о существовании планов в пользу ИРИ за счет ЭЛСИ, и поэтому утверждение о «дискриминационных мерах» по смыслу Дополнительного соглашения следует отклонить.

Чтобы показать, что указ о реквизиции был «произвольным» актом по смыслу Дополнительного соглашения, заявитель ссылаясь (в частности) на статус этого указа в системе итальянского внутригосударственного права. Он утверждает, что реквизиция

«была как раз той произвольной акцией, которая запрещается» статьей I Дополнительного соглашения, поскольку «согласно и Договору, и нормам итальянского права реквизиция не была обоснована и мотивирована надлежащим образом»; она была «определена в соответствии с нормами итальянского внутригосударственного права как незаконная как раз на этом основании».

Камера, хотя и изучила решения префекта и апелляционного суда города Палермо, отмечает, что тот факт, что какой-то акт государственной власти может оказаться незаконным согласно муниципальному закону, не всегда означает, что он противоправен согласно международному праву. Сама по себе — без учета иных обстоятельств — незаконность не может быть квалифицирована равнозначной произволу. Определение, данное акту муниципальными властями (например, что он является неоправданным или необоснованным или же произвольным), может служить ценным указанием, однако из него не следует, что данный акт должен быть квалифицирован согласно международному праву как произвольный.

Ни основания, приведенные префектом в поддержку отмены указа о реквизиции, ни анализ решения префекта, проведенный апелляционным судом Палермо и завершившийся тем выводом, что принятие мэром указа о реквизиции представляло собой превышение власти, — а это в результате указывало на то, что указ является незаконным, — не означают, по мнению камеры, причем неизбежно и само по себе это же вытекает из мнений префекта или апелляционного суда, что принятый мэром указ являлся необоснованным и произвольным. Произвол — это умышленное игнорирование должного процесса соблюдения законности и правопорядка, акт, шокирующий, или по крайней мере задевающий чувство основанной на праве справедливости. Ничто в решении префекта или в решении апелляционного суда Палермо не указывает на то, что указ мэра о реквизиции следует рассматривать именно в этом свете. Независимо от выводов префекта или местных судов, камера считает, что нельзя утверждать, что мэр пытался использовать данные ему полномочия, стараясь нормализовать положение в Палермо в момент реквизиции, необоснованного или просто по своей прихоти. Указ мэра был издан сознательно в рамках действующей правовой системы и с учетом соответствующих возможностей обжалования, и он был расценен таковым высшим административным органом и местными судами. Это отнюдь не является признаком «произвольного» акта. Соответственно, не было нарушения и статьи I Дополнительного соглашения.

Е. *Статья VII Договора ДТС* (пункты 131-135)

Статья VII Договора ДТС, содержащая четыре пункта, в основном касается обеспечения права «приобретать, владеть и распоряжаться недвижимым имуществом или долями в нем [в итальянском тексте указано: «beni immobili o . . . altri diritti reali»] на

территории другой Высокой Договаривающейся Стороны».

Камера обращает внимание на противоречие между сторонами, касающееся различия в значении английского слова «interests» (доли) и итальянского выражения «diritti reali» (имущественные права), а также на те проблемы, которые связаны с определением в Договоре группы предоставляемых этой статьей прав, предусматривающим альтернативные нормы и обусловленным соответствующей оговоркой. Однако камера считает, что в отношении применения данной статьи возникают те же трудности, что и в связи с применением пункта 2 статьи III Договора ДТС: то, что действительно лишило компании «Рэйтеон» и «Мэчлетт», как держателей акций, их права распоряжаться недвижимой собственностью ЭЛСИ, — не реквизиция, а тяжелое финансовое положение ЭЛСИ, которое в конечном итоге неизбежно привело к банкротству. При банкротстве право распоряжаться имуществом корпорации уже не принадлежит даже самой компании — им наделяется управляющий, действующий от ее имени; а камера уже решила, что ЭЛСИ находилась на пути к банкротству еще до реквизиции. Таким образом, камера не считает, что статья VII Договора ДТС была нарушена.

*
* *

Установив, что ответчиком не были нарушены положения Договора ДТС таким образом, какой был указан заявителем, камера отклоняет и иск о возмещении убытков, включенный в представления заявителя.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ К РЕШЕНИЮ СУДА

Частное мнение судьи Ода

Судья Ода в своем индивидуальном мнении соглашается с выводами постановляющей части решения. Однако он отмечает, что, начав разбирательство, Соединенные Штаты поддержали дело своих граждан («Рэйтеон» и «Мэчлетт»), как держателей акций итальянской компании (ЭЛСИ), в то время как согласно определению самого Суда, содержащемуся в решении 1970 года по делу Barcelona Traction, права держателей акций как таковые по международному праву не входят в сферу дипломатической защиты.

По мнению судьи Ода Договор ДТС 1948 года не предусматривал ни изменение статуса держателей акций, ни какое-либо увеличение их прав. Положения Договора ДТС, на которые ссылается заявитель и которые обстоятельно рассматриваются в решении, не предусматривают защиту прав «Рэйтеон» и «Мэчлетт» как держателей акций ЭЛСИ.

Договор ДТС 1948 года, как и другие договоры о дружбе, торговле и судоходстве, участником которых являются Соединенные Штаты, позволяет одному государству-участнику поддерживать дело компании другого государства-участника в иске против последнего, если данная компания контролируется

ется гражданами стороны, подавшей иск. Соответственно, Соединенные Штаты могли подать иск в связи с нарушением положений Договора 1948 года, который позволяет ему защищать интересы итальянской компании (ЭЛСИ), контрольным пакетом акций которой владеют их граждане («Рэйтеон» и «Мэчлетт»).

В то же время заявитель на эти положения не ссылаясь, а камера в своем решении почти не упоминала их. Даже если разбирательство было начато в порядке поддержки дела ЭЛСИ, заявитель, по мнению судьи Ода, все равно должен был доказать, что ему было отказано в отправлении правосудия. Этого им сделано не было.

Особое мнение судьи Швобеля

Судья Швобель согласен с решением в том, что он назвал двумя основополагающими отношениями, имеющими важные последствия для обеспечения жизнеспособности и дальнейшего развития международного права.

Во-первых, в решении применено правило разумности при толковании рамок требования исчерпания местных средств правовой защиты. Оно не предполагает, что для соблюдения правила исчерпания таких средств должны быть исчерпаны все возможные местные средства правовой защиты, но что, когда по существу местные средства исчерпаны, этого достаточно для выполнения требований этого правила, даже если были использованы не все варианты таких местных средств. Такое положение ограничивает определенные предварительные допущения этого правила до разумного предела.

Во-вторых, в решении Договор ДТС часто толкуется таким образом, благодаря чему он подкрепляется, а не ограничивается как средство защиты прав граждан и корпорации Соединенных Штатов и Италии. Камера не приняла различные доводы, которые ей навязывались и которые в случае их принятия лишили бы Договор его ценности. В частности, камера не стала утверждать, что ЭЛСИ — итальянская компания, акциями которой владеют американские корпорации, — была вне сферы защиты, предоставляемой по Договору. Иски США по данному делу не были поддержаны, но не потому, что камера вынесла решение против не в пользу Соединенных Штатов на основе права международных договоров, а потому что она вынесла такое решение на основе того практического и правового значения, которое следует придавать обстоятельствам дела.

Договор и Дополнительное соглашение к нему следовало толковать как единое целое, поскольку, как было указано, Соглашение является «неотъемлемой частью» Договора. Вследствие того, что Соединенные Штаты и Италия представили различные толкования Договора, что свидетельствует о неопределенности некоторых его положений, то по данному делу логично было обратиться к вопросам подготовки текста этого Договора и обстоятельствам, при которых он был заключен. Ведь это факт, что Италия просила провести переговоры по Дополнительному соглашению, чтобы удовлетворить выявленные потребности американских инвесторов

во вложении своего капитала в Италии. Процедура рассмотрения этого Договора и Дополнения к нему в итальянском парламенте на предмет их ратификации показывает, что в намерение сторон входило предоставить инвесторам «гарантии защиты от политического риска» и «свободу управления компаниями», которые инвесторы создают или приобретают в соответствии с «принципами справедливого режима», подлежащими согласно заявлению закреплению в Договоре. Во всех детализированных протоколах ратификации нет и следа поддержки того толкования, что предоставленные инвесторам различные договорные права оговариваются тем условием, что они предоставляются, если капиталовложения были сделаны в национальную корпорацию инвестора.

Реквизиция лишила «Рэйтеон» и «Мэчлетт» права контролировать ЭЛСИ и управлять ею и, соответственно, ликвидировать ее

Основной вывод камеры по данному делу состоит в том, что в силу практического финансового положения ЭЛСИ и соблюдаемых в законном порядке правил практики объявления банкротства в Италии «Рэйтеон» была больше не в состоянии к дате реквизиции контролировать ЭЛСИ и управлять ею — и, соответственно, ликвидировать ее — и, таким образом, не могла бы лишиться своих прав по Договору в результате реквизиции. По мнению судьи Швобеля этот вывод неверен по следующим причинам.

Во-первых, в марте 1968 года ЭЛСИ было сообщено, что она может по финансовым и юридическим соображениям ликвидировать свои активы в рамках процесса, управляемого самой компанией.

Во-вторых, начиная с момента реквизиции не предпринималось никаких юридических или практических шагов с целью каким-либо образом вызвать банкротство ЭЛСИ.

В-третьих, и до, и после реквизиции самые высокопоставленные должностные лица Сицилии и итальянского правительства, письменно уведомленные о тяжелом финансовом положении ЭЛСИ, настаивали на том, чтобы ЭЛСИ не закрывала свой завод, не увольняла рабочих и служащих и, в частности, не заявляла о своем банкротстве, а приняла меры вместе с государственным и частным секторами Италии для обеспечения дальнейшего функционирования или возобновления работы завода и постепенного проведения ликвидации. Премьер-министр Италии и президент Сицилии, а также их помощники, как предполагалось, действовали — и следует допустить, что это действительно имело место — в соответствии с итальянскими законами. Таким образом, правы ли или нет итальянские и американские защитники, по-разному толкуя итальянские законы о банкротстве, представляется очевидным, что «живой закон» Италии на момент реквизиции несовместим с выдвигаемой сегодня Италией жалобой и тем, что камера ее приняла к рассмотрению. Италия в 1989 году не должна утверждать обратное тому, что она заявляла в 1968 году.

В-четвертых, основной вывод не в полной мере

согласуется с решением апелляционного суда города Палермо, которое было положено в основу решения Суда. Апелляционный суд Палермо пришел к тому выводу, что причиной банкротства ЭЛСИ явилась не реквизиция, а то, что ЭЛСИ до этого находилась в состоянии неплатежеспособности. Однако он не сделал вывода или не выдвинул предположения о том, что такое положение неплатежеспособности лишает ЭЛСИ права управлять и контролировать. Скорее в этом решении предусматривается возмещение ущерба, «вызванного остановкой деятельности» завода в результате того, что было установлено как «незаконный» указ о реквизиции. Тем самым суд имел в виду, что ЭЛСИ продолжала к дате реквизиции и после этой даты обладать принадлежащими ей правами, даже если до этой даты она и была несостоятельна.

В-пятых, сами итальянские эксперты не были едины во мнении относительно того, была ли компания ЭЛСИ в момент реквизиции состоятельна или нет.

В-шестых, что наиболее важно, вопрос о том, была ли ЭЛСИ состоятельна на 1 апреля 1968 года, главным образом зависит от политики компании «Рэйтеон», которая в изобилии располагала необходимыми ресурсами. Камера установила, что компания «Рэйтеон» перевела новые средства для оплаты мелких кредиторов, что она была готова выкупить крупные счета дебиторов ЭЛСИ по их 100-процентной стоимости, а также собиралась выделить достаточно средств, чтобы ЭЛСИ могла приступить к упорядоченной ликвидации. Почему же тогда камера соглашается с совершенно несовместимым выводом о том, что в момент реквизиции ЭЛСИ была неплатежеспособна или — если и нет — то стремительно катилась к банкротству? Если бы сразу же не последовала реквизиция, а «Рэйтеон» незамедлительно удовлетворила бы потребности ЭЛСИ в наличности, тем самым обеспечив время для продажи активов, тогда разве можно было бы утверждать, что ЭЛСИ была вынуждена обанкротиться, по крайней мере встает вопрос, *когда* она была вынуждена обанкротиться? Даже если бы в конечном итоге дело дошло до банкротства, то это произошло бы не сразу и такая задержка позволила бы компании «Рэйтеон» уменьшить свои потери по сравнению с теми, которые она действительно понесла. Более того, если бы не было реквизиции, то итальянские банки были бы заинтересованы в том, чтобы удовлетворить свои иски, предъявленные к ЭЛСИ, за 40 или 50 процентов от стоимости неоплаченных счетов.

Осуществление упорядоченной ликвидации, как признает судья Швобель, было бы связано с большим числом неясности, однако подобного рода неясности имеют отношение скорее не к способности ЭЛСИ и ее праву ликвидировать свои активы, а к возможности рассчитать убытки, к которым может привести лишение ее такого права.

Вывод о том, что, осуществив реквизицию, Италия нарушила жизненно важное право компании «Рэйтеон» на контроль и управление ЭЛСИ, является тем более неопровержимым, если судить по смыслу Договора, который разъясняется в ходе процесса ратификации. Это несовместимо с «беспрепят-

ственным контролем» инвесторов за «приобретенными» ими компаниями, с содержащейся в Договоре «гарантией защиты от политического риска» и с «принципами справедливого режима», обеспечить который призван Договор.

Реквизиция явилась актом произвола, нарушающим положения Договора

Вывод Камеры о том, что реквизиция завода и оборудования ЭЛСИ не была произвольной мерой, нарушающей Договор, строится на трех утверждениях, которые судья Швобель считает необоснованными: во-первых, о том, что префект и апелляционный суд города Палермо не определили реквизицию как акт произвола, во-вторых, о том, что по международному праву реквизиция не была ни необоснованной, ни проявлением чьей-то прихоти, и, в-третьих, о том, что в любом случае итальянская процедура обжалования и защиты, которая была применена в отношении указа о реквизиции, в конечном итоге обеспечили то, что указ не стал произвольным.

1) Решения префекта и апелляционного суда

Префект считал, что мэр, приняв указ о реквизиции, основывался на положениях закона, которые в условиях серьезной государственной необходимости или непредвиденных чрезвычайных обстоятельствах дают мэру право реквизировать частную собственность; однако в данном деле префект полагал, что эти условия имеют место «с чисто теоретической точки зрения» — вывод, из которого, пожалуй, следует, что этих условий фактически не существовало. Решение префекта показывает, что этих условий не было, поскольку в нем содержится вывод о том, что *a)* принятие указа о реквизиции не могло восстановить деятельность завода или решить проблемы компании; *b)* фактически указ и не помог добиться этого; *c)* завод оставался закрытым и был занят уволенными рабочими; *d)* в любом случае закрытие завода привело к нарушению общественного порядка: короче говоря, указ о реквизиции оказался необоснованным по всем пунктам. Утверждение префекта о том, что, поскольку указ о реквизиции не позволил добиться намеченных в нем целей, он не имеет под собой никакого оправдательного юридического основания, — практически то же самое, что и заявление о том, что реквизиция была плохо продумана и, поэтому, являлась необоснованной и стала даже проявлением прихоти.

Кроме того, префект считал, что формулировка указа показывает, что мэр принял этот указ с целью заявить о своем намерении вмешаться в происходящее «тем или иным образом» в качестве шага, «направленного, как ничто иное, на реализацию его намерения решить проблему именно таким образом». Префект здесь сослался на положение указа мэра, в котором говорится, что «местная пресса с большим интересом следит за положением... будущи критически настроенной к властям, и обвиняет их в безразличии к этой серьезной гражданской проблеме...». Апелляционный суд Палермо охарактеризовал это суждение префекта как «суровое» и «сви-

детельствующее о типичном случае превышения власти» со стороны мэра — то есть как классический акт произвола. Кроме того, апелляционный суд обвинил мэра в усугублении «незаконной» реквизиции тем, что он не выплатил компенсации за реквизицию, которая предусматривается самим же указом — это противоречит надлежащему законному процессу и равнозначно акту произвола.

ii) *Необоснованность реквизиции и реквизиция как проявление прихоти*

То, что в международном праве считается необоснованным или проявлением прихоти, хотя по обычному международному праву имеет определенный смысл, не имеет однозначного простого значения, но определяется только в конкретном контексте обстоятельств дела. В данном деле указ о реквизиции в том виде, в котором он был мотивирован, издан и исполнен, является произвольным, поскольку:

— правовая основа, из которой исходил мэр, оправдана только теоретически;

— принятие указа не могло обеспечить и не обеспечило намеченных им целей;

— указ был «также» издан «в основном» для того, чтобы ослабить критический настрой общественности, а не по существу — «типичный случай превышения власти»;

— при издании указа были нарушены его же собственные положения, ибо не была выплачена компенсация за реквизицию;

— основная цель указа о реквизиции заключалась в том, чтобы предотвратить ликвидацию ЭЛСИ и возможность распыления ее активов — эта цель преследовалась, невзирая на договорные обязательства, предусматривающие иное (вопреки утверждению Италии о том, что эти обязательства подлежали непременно выполнению согласно нормам внутригосударственного права).

iii) *Процедура обжалования не устранила произвольный характер данной меры*

Можно было бы утверждать, что существующая в Италии объективная процедура административного и судебного пересмотра указа о реквизиции обеспечила в силу своего существования и применения то, что реквизиция, даже если она и была изначально произвольной, в конечном итоге перестала быть таковой, тем самым сняв с Италии какие-либо обвинения в нарушении ею международных обязательств.

Однако, как это предусматривается в проекте статьи об ответственности государств Комиссии международного права ООН:

«Государство нарушает какое-либо международное обязательство, требующее от него достижения конкретного результата путем использования средств по его выбору, если своими действиями это государство не добивается результата, требуемого от него в силу этого обязательства».

Это касается и данного дела, ибо Италия не предоставила ЭЛСИ или ее представителю «полную компенсацию» (как того требует КМП) за то, что в противном случае является произвольным актом реквизиции. Указ о реквизиции был отменен префектом, но лишь спустя 16 месяцев после его обнародования, а за это время ЭЛСИ в результате этого был нанесен невосполнимый ущерб. Суд города Палермо присудил выплату минимальной компенсации за ущерб от реквизиции, которая тем не менее не учитывала основную часть фактических потерь ЭЛСИ. Соответственно, из этого следует, что ЭЛСИ не была поставлена в то положение, в котором она находилась бы, если бы не была осуществлена реквизиция, или же в какое-либо аналогичное положение. По этой причине применение итальянской процедуры административного и судебного пересмотра не снимает с Италии вину за принятие произвольного акта по смыслу Договора.

85. ПРИМЕНИМОСТЬ СТАТЬИ VI, РАЗДЕЛ 22, КОНВЕНЦИИ О ПРИВИЛЕГИЯХ И ИММУНИТЕТАХ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Консультативное заключение от 15 декабря 1989 года

Суд вынес единогласное консультативное заключение по вопросу о применимости статьи VI, раздел 22, Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций. Такое заключение было запрошено Экономическим и Социальным Советом Организации Объединенных Наций в соответствии с его резолюцией 1989/75 от 24 мая 1989 года, полный текст которой гласит:

«Экономический и Социальный Совет,

Рассмотрев резолюцию 1988/37 от 1 сентября 1988 года Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств и резолюцию 1989/37 от 6 марта 1989 года Комиссии по правам человека,

1. *Заключает*, что между Организацией Объединенных Наций и правительством Румынии возникло разногласие относительно применимости Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций [Резолюция Генеральной Ассамблеи 22 А (I)] к г-ну Думитру Мазилу как специальному докладчику Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств;

2. *Запрашивает*, на паритетной основе, согласно пункту 2 Статьи 96 Устава Организации Объединенных Наций и в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи 89 (I) от 11 декабря 1946 года консультативное заключение Международного Суда по юридическому вопросу

о применимости статьи VI раздела 22 Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций в отношении г-на Думитру Мазилу, специального докладчика Подкомиссии».

В ответ на заданный вопрос Суд выразил мнение, что статья VI, раздел 22 Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций применима в отношении г-на Думитру Мазилу, специального докладчика Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств.

*
*
*

Состав Суда был следующим: *Председатель* Руда; *судьи* Ляхс, Элиас, Ода, Аго, Швельбел, Дженнингс, Беджауи, Ни, Эвенсен, Тарасов, Гильом, Шахабуди и Патак.

Судьи Ода, Эвенсен и Шахабуди приложили к Консультативному заключению особые мнения.

*
*
*

I. Обзор проведенного разбирательства и краткое изложение фактов (пункты 1-26)

Суд излагает в последовательном порядке этапы проведенного им разбирательства (пункты 1-8) и затем кратко излагает факты по данному делу (пункты 9-26). Ниже приводится краткий обзор этих фактов.

13 марта 1984 года Комиссия по правам человека — вспомогательный орган Экономического и Социального Совета (в дальнейшем именуемый «Совет»), созданная им в 1946 году в соответствии со Статьями 55 с) и 68 Устава Организации Объединенных Наций — избрала г-на Думитру Мазилу, гражданина Румынии, чья кандидатура была выдвинута Румынией, в качестве члена Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств — вспомогательного органа, учрежденного в 1947 году Комиссией по правам человека (в дальнейшем именуемая «Комиссией»), — сроком на три года, который должен был истечь 31 декабря 1986 года. Поскольку Комиссия призвала Подкомиссию по предупреждению дискриминации и защите меньшинств (в дальнейшем именуемая «Подкомиссия») обратить надлежащее внимание на роль молодежи в области прав человека, Подкомиссия на своей тридцать восьмой сессии приняла 29 августа 1985 года резолюцию 1985/12, в которой просила г-на Мазилу «подготовить доклад по правам человека и молодежи, проанализировав усилия и меры в отношении обеспечения осуществления и использования молодежью прав человека, особенно права на жизнь, образование и труд», и просила Генерального секретаря оказать ему все необходимое содействие в выполнении его задачи.

Тридцать девятая сессия Подкомиссии, на которой г-н Мазилу должен был представить доклад, в 1986 году не была созвана, как это первоначально намечалось, а была перенесена на 1987 год. Трехгодичный срок полномочий ее членов, который пер-

воначально должен был истечь 31 декабря 1986 года, был решением Совета 1987/102 продлен еще на один год. Когда 10 августа 1987 года в Женеве открылась тридцать девятая сессия Подкомиссии, никакого доклада от г-на Мазилу получено не было и сам он на ней отсутствовал. Письмом, полученным Отделением Организации Объединенных Наций в Женеве 12 августа 1987 года, Постоянное представительство Румынии при этом Отделении уведомило его о том, что г-н Мазилу перенес сердечный приступ и все еще находится в больнице. Согласно письменному заявлению Генерального секретаря, 18 августа 1987 года в Женеве была получена телеграмма, подписанная «Д. Мазилу», в которой он информировал Подкомиссию о невозможности присутствовать на текущей сессии из-за болезни сердца. В этих условиях Подкомиссия приняла решение 1987/112 от 4 сентября 1987 года о снятии с рассмотрения пункта 14 своей повестки, — в соответствии с которым должен был обсуждаться доклад о правах человека и молодежи, — и перенесении его на свою сороковую сессию, запланированную на 1988 год. Несмотря на намеченное на 31 декабря 1987 года окончание срока полномочий г-на Мазилу в качестве члена Подкомиссии, последняя включила ссылку на доклад, который он должен был представить, указав при этом имя, в пункт повестки «Предупреждение дискриминации и защита детей» и внесла доклад под названием «Права человека и молодежь» в «Список исследований и докладов, подготавливаемых членами Подкомиссии в соответствии с существующими юридическими полномочиями».

После того как Подкомиссия провела тридцать девятую сессию, Центр по правам человека Секретариата Организации Объединенных Наций в Женеве предпринимал различные попытки связаться с г-ном Мазилу, чтобы оказать ему содействие в подготовке его доклада, включая организацию поездки в Женеву. В декабре 1987 года г-н Мазилу информировал заместителя Генерального секретаря по правам человека о том, что не получал ранее никаких сообщений из Центра. В январе 1988 года г-н Мазилу сообщил ему, что в 1987 году он дважды лежал в больнице и был вынужден с 1 декабря 1987 года уйти в отставку с различных правительственных постов. Он сообщил также, что хотел поехать в Женеву для консультаций, но румынские власти отказывали ему в разрешении на поездку. В апреле и мае 1988 года в ряде писем г-н Мазилу сообщил новые подробности о своем личном положении; он, в частности, утверждал, что отверг адресованное ему 22 февраля 1988 года требование специальной комиссии румынского министерства иностранных дел о добровольном отказе в предоставлении Подкомиссии своего доклада, и, более того, постоянно жаловался на сильное давление, оказывавшееся на него и его семью.

Как уже упоминалось, 31 декабря 1987 года истек срок полномочий всех членов Подкомиссии, в том числе и г-на Мазилу. 29 февраля 1988 года Комиссия по представлению соответствующих правительств избрала новых членов Подкомиссии, среди которых был г-н Ион Диакону, гражданин Румынии.

Все докладчики и специальные докладчики Под-

комиссии были приглашены присутствовать на ее сороковой сессии (8 августа-2 сентября 1988 года), однако г-н Мазилу опять не появился на ней. Ему было направлено по телеграфу специальное приглашение приехать в Женеву и представить свой доклад, но телеграмма не была доставлена, а Информационный центр Организации Объединенных Наций в Бухаресте не смог установить местонахождение г-на Мазилу. 15 августа 1988 года Подкомиссия приняла решение 1988/102, в котором просила Генерального секретаря

«установить контакт с правительством Румынии и обратиться его внимание на то, что Подкомиссии необходимо срочно связаться с ее специальным докладчиком г-ном Мазилу лично, и передать правительству просьбу оказать помощь в установлении местонахождения г-на Мазилу и содействовать его встрече с одним из членов Подкомиссии и секретариата, чтобы помочь ему в завершении его исследования по правам человека и молодежи, если он того пожелает».

17 августа 1988 года заместитель Генерального секретаря по правам человека информировал Подкомиссию о том, что в ходе контактов между канцелярией Генерального секретаря и поверенным в делах Постоянного представительства Румынии при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке ему было заявлено о позиции румынского правительства, согласно которой любое вмешательство Секретариата Организации Объединенных Наций и расследование в Бухаресте в любой форме будет рассматриваться как вмешательство во внутренние дела Румынии. 1 сентября 1988 года Подкомиссия приняла резолюцию 1988/37, в которой, в частности, просила Генерального секретаря еще раз вступить в переговоры с правительством Румынии и напомнить ему о применимости Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций (далее именуемой «Генеральная Конвенция»); она далее просила его о том, чтобы, в случае несогласия правительства Румынии с применимостью положений этой Конвенции в данном деле, он довел вопрос о разногласиях между Организацией Объединенных Наций и Румынией непосредственно до сведения Комиссии в 1989 году. Она также обратилась к Комиссии с предложением, чтобы та в таком случае настоятельно просила Совет

«запросить, в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи 89 (I) от 11 декабря 1946 года, консультативное заключение Международного Суда о применимости соответствующих положений Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций к настоящему случаю и в рамках настоящей резолюции».

В соответствии с этой резолюцией Генеральный секретарь направил 26 октября 1988 года постоянному представителю Румынии при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке вербальную ноту, в которой сослался на Генеральную Конвенцию в отношении г-на Мазилу и просил румынское правительство предоставить г-ну Мазилу необходимые возможности для того, чтобы он смог завершить выполнение поставленной перед ним задачи. По-

скольку никакого ответа на эту вербальную ноту получено не было, 19 декабря 1988 года заместитель Генерального секретаря по правам человека направил Постоянному представителю Румынии при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве письменное напоминание, в котором просил румынское правительство о содействии в организации поездки г-на Мазилу в Женеву, чтобы он мог обсудить с Центром по правам человека вопрос о том, какую помощь тот мог бы оказать ему в подготовке его доклада. 6 января 1989 года Постоянный представитель Румынии вручил юрисконсульту Организации Объединенных Наций Памятную записку с изложением позиции румынского правительства в отношении г-на Мазилу. По обстоятельствам дела Румыния заявила, что г-н Мазилу, который не подготовил или не представил ничего по порученному ему вопросу, в 1987 году серьезно заболел; что ему пришлось подвергаться госпитализации; что его по собственной просьбе внесли в список лиц, вышедших в отставку по причинам плохого здоровья, первоначально на годичный период в соответствии с румынским законодательством; и что отставка была продлена, после того как он вновь был обследован той же врачебной комиссией. Что касается правового аспекта, Румыния выразила мнение о том, что «проблемы применения Генеральной Конвенции в этом случае не возникает». Она, в частности, пояснила далее, что Конвенция «не приравнивает докладчиков, чья деятельность не является регулярной, к экспертам командированных по делам Организации Объединенных Наций»; что «даже если докладчиком и предоставляется какой-либо статус экспертов... они могут пользоваться только функциональными иммунитетами и привилегиями»; что «привилегии и иммунитеты, предоставляемые Конвенцией, начинают действовать только с того момента, когда эксперт отправляется в поездку, связанную с выполнением своего поручения»; и что «в стране, гражданином которой он является... эксперт пользуется иммунитетами и привилегиями только в отношении непосредственной деятельности... которую он ведет в связи с его поручением». Более того, Румыния ясно заявила о том, что в данном случае она выступает против запроса о каком бы то ни было консультативном заключении Суда. Аналогичные утверждения были также выдвинуты в письменном заявлении, представленном Румынией Суду.

6 марта 1989 года Комиссия приняла резолюцию 1989/37 с рекомендацией Совету запросить консультативное заключение Суда. Совет 24 мая 1989 года принял резолюцию 1989/75, в которой просил Суд представить свое мнение.

Суд был также информирован Генеральным секретарем о следующих событиях, произошедших после направления просьбы о консультативном заключении. Доклад о правах человека и молодежи, подготовленный г-ном Мазилу, был распространен в качестве документа Подкомиссии, на котором стояла дата — 10 июля 1989 года; текст этого доклада был переправлен г-ном Мазилу Центру по правам человека через различные каналы. 8 августа 1989 года Подкомиссия приняла, в соответствии со своей

практикой, решение пригласить г-на Мазилу принять участие в заседаниях, на которых должен был рассматриваться его доклад: никакого ответа на сделанное приглашение получено не было. В вербальной ноте от 15 августа 1989 года Постоянного представительства Румынии при Отделении Объединенных Наций в Женеве, адресованной этому Отделению, Постоянное представительство ссылалось на «так называемый доклад» г-на Мазилу, выражало удивление по поводу того, что «медицинские заключения, предоставленные в распоряжение Центра по правам человека... были игнорированы» и указало, в частности, на то, что с момента начала болезни в 1987 году г-н Мазилу не «обладал интеллектуальными способностями, необходимыми для проведения объективного, ответственного и непредвзятого анализа, который мог бы служить содержанием доклада, соответствующего требованиям Объединенных Наций». 1 сентября 1989 года Подкомиссия приняла резолюцию 1989/45, озаглавленную «Доклад о правах человека и молодежи, подготовленный г-ном Думитру Мазилу». Отметив, что доклад г-на Мазилу был подготовлен в трудных условиях и что соответствующая информация, собранная Генеральным секретарем, не была ему передана, Подкомиссия пригласила его лично представить доклад на своей следующей сессии и просила также Генерального секретаря продолжать оказывать г-ну Мазилу всяческое содействие, которое может потребоваться для обновления его доклада, включая консультации Центра по правам человека.

II. *Вопрос, поставленный перед Судом* (пункт 27)

Суд напоминает формулировки вопроса, поставленного перед ним Советом. Он отмечает, что в своем письменном заявлении Генеральный секретарь подчеркнул, что запрос Совета касается применимости раздела 22 Конвенции в деле г-на Мазилу, а не «результатов его применимости, то есть... (вопрос заключается в том), какими привилегиями и иммунитетами г-н Мазилу мог бы обладать вследствие своего статута и были или не были они нарушены». Суд, кроме того, подчеркивает, что в ходе устного судопроизводства представитель Генерального секретаря указал на открытость намерений Совета, поскольку, сославшись на «разногласие», последний «затем не стремился к разрешению этого разногласия в целом в связи с вопросом, направленным им Суду», а «всего лишь направил предварительный юридический вопрос Суду».

III. *Компетентность Суда выносить консультативное заключение* (пункты 28-36)

В начале Суд подчеркивает, что настоящий запрос о консультативном заключении является первым со стороны Совета, сделанным им в соответствии с пунктом 2 Статьи 96 Устава. Он далее отмечает, что согласно этому положению Генеральная Ассамблея своей резолюцией 89 (I) от 11 декабря 1946 года уполномочила Совет запрашивать консультативные заключения Суда по юридическим вопросам, возни-

кающим в пределах круга его деятельности. Затем, рассмотрев вопрос, составляющий предмет запроса, Суд придерживается того мнения, что, во-первых, это вопрос юридический, поскольку он касается толкования международной конвенции с целью установления ее применимости, и, более того, что это вопрос, возникший в пределах круга деятельности Совета, поскольку задание г-на Мазилу относилось к функционированию и программе Совета и поскольку Подкомиссия, от которой он был назначен специальным докладчиком, является вспомогательным органом Комиссии, которая сама является вспомогательным органом Совета.

Поскольку Румыния все же настаивала, что Суд «не может сделать вывод о том, что он обладает компетенцией выносить консультативное заключение» по данному делу, Суд переходит к рассмотрению ее доводов. Румыния утверждает, что, ввиду оговорки, сделанной ею к разделу 30 Генеральной Конвенции, Организация Объединенных Наций не может без согласия Румынии вносить запрос о консультативном заключении по поводу своих разногласий с Румынией. Оговорка, как сказано, ставит компетенцию Суда «рассматривать любой спор, который может возникнуть между Организацией Объединенных Наций и Румынией, включая спор в рамках консультативной процедуры», в зависимости от согласия между участниками спора. Румыния подчеркивает свое несогласие с тем, что в данном деле необходимо запрашивать мнение Суда.

Раздел 30 Генеральной Конвенции предусматривает, что:

«Все разногласия, возникающие из толкования или применения настоящей Конвенции, передаются на рассмотрение Международного Суда, за исключением случаев, когда стороны соглашаются разрешить их иным путем. В случае возникновения разногласия между Объединенными Нациями, с одной стороны, и членом Организации, с другой, запрашивается, согласно Статье 96 Устава и Статье 65 Статута Суда, консультативное заключение по любому затронутому юридическому вопросу. Заключение Суда признается сторонами решающим».

Оговорка, содержащаяся в документе о присоединении Румынии к этой Конвенции, сформулирована следующим образом:

«Народная Республика Румыния не считает себя связанной условиями раздела 30 Конвенции, которые предусматривают обязательную юрисдикцию Международного Суда по разногласиям, возникающим из толкования или применения Конвенции; в отношении компетенции Международного Суда по таким разногласиям, Народная Республика Румыния придерживается той точки зрения, что для цели передачи какого бы то ни было спора Международному Суду для принятия решения требуется в каждом отдельном случае согласие всех сторон, вовлеченных в спор. Эта оговорка в равной степени применима и к условиям, содержащимся в упомянутом разделе, который предусматривает, что консультативное заключение должно быть признано решающим».

Суд начинает рассмотрение со ссылки на предшествующую судебную практику, напоминая о том, что согласно Статье 96 Устава и Статье 65 Статута согласие государств не является предварительным условием его компетенции выносить консультативные заключения, хотя подобные консультативные заключения не являются обязывающими. Это касается даже тех случаев, когда запрос считается относящимся к ожидающему решению правовому вопросу, возникшему между Объединенными Нациями и членом Организации. Суд затем отмечает, что раздел 30 Генеральной Конвенции и Статья 96 Устава действуют на различном уровне и в различном контексте, поскольку, если прочитать положения этого раздела в целом, станет ясно, что они имеют целью обеспечить в случае спора механизм его урегулирования. Если бы Суд имел запрос о консультативном заключении, внесенном в соответствии с разделом 30, ему, безусловно, было бы необходимо рассмотреть любую оговорку, сделанную любой из сторон, участвующей в споре, в отношении данного раздела. Суд, однако, напоминает, что в данном случае резолюция Совета не содержала никакой ссылки на раздел 30, и по материалам дела считает очевидным тот факт, что, ввиду имеющейся оговорки Румынии, ссылка на этот раздел не входила в намерение Совета. Суд находит, что раздел 30 не был основанием для запроса и что, тем самым, ему нет необходимости устанавливать влияние оговорки Румынии на это положение.

Румыния, однако, утверждала, в частности, что:

«Если бы было принято, что государство-участник Конвенции или Организация Объединенных Наций могут просить вынести на решение Суда споры, касающиеся толкования или применения Конвенции, на другом основании, а не на основании положений раздела 30 Конвенции, ее целостность, в результате отделения основных положений от положений, относящихся к урегулированию споров, была бы нарушена, что было бы равносильно изменению содержания и объема обязательств, принятых государствами, когда они согласились связать себя Конвенцией».

Суд напоминает, что характер и цель разбирательства продиктованы запросом о консультативном заключении по применимости части Генеральной Конвенции, а не вынесением спора на Суд для его разрешения. Он добавляет, что ни запрос, ни настоящее консультативное заключение не меняет «сути и объема обязательств, взятых на себя государствами», — и, в частности, Румынией — «когда они согласились связать себя Конвенцией».

Суд, таким образом, приходит к выводу о том, что оговорка к разделу 30 Генеральной Конвенции, сделанная Румынией, не влияет на юрисдикцию Суда принять к рассмотрению представленный ему запрос.

IV. Правомочность Суда выносить заключение (пункты 37-39)

Хотя отсутствие согласия Румынии на разбирательство в Суде никак не может повлиять на его

юрисдикцию, Суд находит, что этот вопрос должен быть рассмотрен при изучении его правомочности выносить заключение. В ходе предшествовавшей судебной практики Суд признал, среди прочего, что «при определенных обстоятельствах... отсутствие согласия заинтересованного государства может сделать вынесение консультативного заключения несовместимым с правовым характером «Суда», и отметил, что «примером этого было бы положение, когда обстоятельства указывают на то, что вынесение заключения имело бы тот же эффект, что и попытка обойти стороной тот принцип, в соответствии с которым государство не обязано признавать правильную передачу своих споров на судебное урегулирование, если нет на то его согласия». Суд считает, что в данном случае вынесение заключения такого бы эффекта не имело. Конечно, Совет в своей резолюции 1989/75 пришел к тому выводу, что между Организацией Объединенных Наций и правительством Румынии возникло разногласие, касающееся применимости Конвенции... к г-ну Думитру Мазилу. Суду, тем не менее, представляется, что это разногласие, и поставленный в свете его вопрос перед Судом, нельзя смешивать со спором между Организацией Объединенных Наций и Румынией в отношении применения Генеральной Конвенции в случае г-на Мазилу. Суд, таким образом, не находит «вещной причины» для отказа в консультативном заключении и решает дать ответ на юридический вопрос, по которому было запрошено заключение Суда.

V. Смысл статьи VI, раздел 22, Генеральной Конвенции (пункты 40-52)

Генеральная Конвенция содержит статью VI, озаглавленную «Эксперты в командировках по делам Объединенных Наций», разбитую на два раздела. Раздел 22 предусматривает следующее:

«Эксперты (иные, чем должностные лица, к которым относится статья V), выполняющие поручения Объединенных Наций, пользуются такими привилегиями и иммунитетами, какие необходимы для независимого выполнения их функций в продолжение командировок, включая время, потраченное на поездки в связи с командировками. В частности, им предоставляется:

a) иммунитет от личного ареста или задержания и от наложения ареста на их личный багаж;

b) всякого рода судебно-процессуальный иммунитет в отношении всего сказанного или написанного ими и совершенного ими при исполнении служебных обязанностей. Этот судебно-процессуальный иммунитет продолжает предоставляться даже после того, как лица, которых это касается, уже не состоят в командировке по делам Объединенных Наций;

c) неприкосновенность всех бумаг и документов;

d) право пользоваться шифром и получать бумаги или корреспонденцию посредством курьеров

или визит для сношений с Объединенными Нациями;

e) те же льготы в отношении ограничений обмена денег или валюты, какие предоставляются представителям иностранных правительств, находящимся во временных служебных командировках;

f) те же иммунитеты и льготы в отношении их личного багажа, какие предоставляются дипломатическим представителям».

Суд прежде всего рассматривает, что, для целей раздела 22, означает «эксперты в командировках», и отмечает, что Генеральная Конвенция не дает определения понятию «эксперты в командировках». Из раздела 22 явствует, что, во-первых, должностные лица Организации, даже если они были выбраны по соображениям их технической компетентности в определенной области, не включены в категорию экспертов в соответствии со смыслом этого положения; и что, во-вторых, раздел 22 относится только к экспертам, находящимся в командировках по делам Организации. Этот раздел, однако, не содержит какого-либо указания на характер, продолжительность или места назначения этих командировок. Ничего не проясняет в этом отношении и *travaux préparatoires*. Суд находит, что цель раздела 22 тем не менее очевидна, а именно, дать возможность Организации Объединенных Наций возлагать поручения на лиц, которые не имеют статуса должностного лица Организации и гарантировать им «такие привилегии и иммунитеты, какие необходимы для независимого выполнения их функций». Суд отмечает, что согласно информации, представленной Генеральным секретарем, на практике Организации Объединенных Наций приходилось возлагать поручения — все более разнообразные по характеру — на лиц, не имеющих статуса должностных лиц Организации Объединенных Наций. Таким лицам давались поручения по посредничеству, подготовке докладов, подготовке исследований, проведению исследований, выяснению и установлению фактов. Кроме того, в рамках Организации созданы многие комитеты, комиссии и подобные органы, члены которых работают не в качестве представителей государств, а выступают в личном качестве. Практика Объединенных Наций показывает, что во всех таких случаях лица, назначенные таким образом, и, в частности, члены этих комитетов и комиссий считались экспертами в командировках в соответствии со смыслом раздела 22.

Затем Суд обращает внимание на смысл выражения «в продолжение командировок, включая время, потраченное на поездки», являющегося частью этого раздела. В этой связи возникает вопрос о том, относится ли раздел 22 к «экспертам в командировках» только на время командировок, требующих поездок, или же он распространяется на них, когда таких поездок нет, или помимо таких поездок. Чтобы ответить на этот вопрос, Суд считает необходимым определить значение слова «командировка» (*mission*) на английском и французском — двух языках, на которых Генеральная Конвенция была принята. Первоначально слово толковалось как зада-

ние, порученное кому-либо, если тот был направлен куда-либо для его выполнения. Однако уже давно оно приобрело более широкое значение и в настоящее время охватывает вообще задание, порученное лицу, независимо от того, связано ли оно с поездкой или нет. Суд считает, что в разделе 22 при упоминании экспертов, выполняющих командировки по делам Объединенных Наций, слово «*mission*» употребляется в общем значении. В то время как одни эксперты должны совершать поездки для выполнения своих заданий, другие могут выполнить их, не отправляясь в поездки. В любом случае, цель раздела 22 состоит в том, чтобы обеспечить независимость таких экспертов в интересах Организации, предоставив им привилегии и иммунитеты, необходимые для этой цели. Суд, таким образом, приходит к выводу о том, что раздел 22 применим к любому эксперту, получившему задание, независимо от того, совершает ли он поездку или нет.

Суд в заключении рассматривает вопрос о том, могут ли эксперты в командировках пользоваться привилегиями и иммунитетами в отношении государств, гражданами которых они являются или на территории которых они проживают. В этой связи он отмечает, что раздел 15 Генеральной Конвенции предусматривает, что положения статьи IV, разделы II, 12 и 13, относящиеся к представителям членов Организации, «не применяются к взаимоотношениям между представителем и властью страны, гражданином которой он состоит или представителем которой он является или являлся», и замечает, что статья V, касающаяся должностных лиц Организации, и статья VI, касающаяся экспертов в командировках по делам Организации Объединенных Наций, не содержат какого-либо сравнимую норму. Он находит, что это различие подхода можно легко объяснить: привилегии и иммунитеты, предусмотренные в статьях V и VI, предоставляются в целях обеспечения независимости должностных лиц и экспертов в интересах Организации; эту независимость должны уважать все государства, в том числе государство национальной принадлежности и государство пребывания. Суд кроме того отмечает, что некоторые государства-участники Генеральной Конвенции внесли оговорки к определенным положениям статьи V или непосредственно статьи VI в отношении своих граждан или лиц, обычно проживающих на их территориях. По его мнению, сам факт того, что было сочтено необходимым сделать эти оговорки, подтверждает, что в отсутствие таких оговорок эксперты в командировках пользуются привилегиями и иммунитетами, предоставленными Генеральной Конвенцией в их отношениях с государствами, гражданами которых они являются или на территории которых они проживают.

Резюмируя, Суд придерживается мнения, что раздел 22 Генеральной Конвенции применим к лицам (иным, чем должностные лица Организации Объединенных Наций), на которых Организация возложила поручение и которые поэтому имеют право пользоваться привилегиями и иммунитетами, предоставляемыми согласно этому разделу с целью независимого выполнения их функций; что в течение

всего периода выполнения таких заданий эксперты пользуются этими функциональными привилегиями и иммунитетами, независимо от того, совершают ли они поездки или нет; и что эти привилегии и иммунитеты могут использоваться в отношении государства национальной принадлежности или пребывания, если только государство не сделало надлежащим образом оговорки к разделу 22 Генеральной Конвенции.

VI. Применимость статьи VI, раздел 22, Генеральной Конвенции к специальным докладчикам Подкомиссии
(пункты 53-55)

Подчеркнув, что положение докладчиков Подкомиссии таково, что оно затрагивает правовое положение докладчиков вообще и является поэтому важным для всей системы Организации Объединенных Наций, Суд отмечает, что 28 марта 1947 года Совет решил, что Подкомиссия будет состоять из 12 видных личностей, назначаемых поименно при условии согласия их соответствующих национальных правительств и что члены Подкомиссии, в настоящее время их 25, были затем выбраны Комиссией на таких же условиях; он замечает, что в резолюции 1983/32 от 27 мая 1983 года Совет специально «напоминает (напомнил) . . . , что члены Подкомиссии избираются Комиссией . . . как эксперты в их особом качестве. Суд поэтому определяет, что, поскольку их статус не является таким же, как статус представителя члена Организации или как статус должностного лица Организации Объединенных Наций и поскольку они действуют независимо в целях выполнения Подкомиссией переданных ей функций, члены Подкомиссии должны считаться экспертами в командировках в соответствии со смыслом раздела 22.

Суд отмечает далее, что в соответствии с практикой, принятой многими органами Организации Объединенных Наций, Подкомиссия время от времени назначала докладчиков или специальных докладчиков для изучения точно оговоренных вопросов; он отмечает также, что, хотя эти докладчики или специальные докладчики обычно выбираются из числа членов Подкомиссии, были случаи, когда специальные докладчики назначались со стороны или завершали работу над своими докладами уже после истечения срока своего членства в Подкомиссии. В любом случае Подкомиссия поручает докладчикам или специальным докладчикам исследовательскую работу. Суд заключает, что, поскольку их статус является не таким же, каким пользуется представитель члена Организации, и не таким же, каким пользуется должностное лицо Организации Объединенных Наций, и поскольку они независимо проводят исследования от имени Организации Объединенных Наций, они должны рассматриваться как эксперты в командировках в соответствии со смыслом раздела 22 даже в том случае, когда они не являются членами Подкомиссии или перестали быть таковыми. Это приводит Суд к выводу о том, что они, в соответствии с этим разделом, пользуются привилегиями и иммунитетами, необходимыми для выполнения своих функций и, в частности, для уста-

новления любых контактов, которые могут быть полезными для подготовки, составления и представления своих докладов Подкомиссии.

VII. Применимость статьи VI, раздел 22, Генеральной Конвенции в деле г-на Мазилу
(пункты 56-60)

Суд в свете представленных фактов замечает, что с 13 марта 1984 года и по 29 августа 1985 года г-н Мазилу имел статус члена Подкомиссии; что с 29 августа 1985 года и по 31 декабря 1987 года он являлся одновременно и членом, и специальным докладчиком Подкомиссии; и, наконец, что, хотя с момента последней упомянутой даты он уже перестал быть членом Подкомиссии, он оставался специальным докладчиком. Суд находит, что ни на момент в течение этого периода он не переставал пользоваться статусом эксперта в командировке в соответствии со смыслом раздела 22 или не утрачивал права пользоваться предоставляемыми для выполнения его функций привилегиями и иммунитетами.

Суд тем не менее напоминает, что Румыния выразила сомнение по поводу того, был ли г-н Мазилу в состоянии выполнять свое задание в качестве специального докладчика после того, как в мае 1987 года он серьезно заболел и был затем внесен в список лиц, находящихся в отставке согласно заключениям, вынесенным компетентными практикующими врачами, в соответствии с применяющимся румынским законодательством; что г-н Мазилу сам информировал Организацию Объединенных Наций о том, что состояние его здоровья не является препятствием для подготовки доклада или для поездки в Женеву; и, наконец, что, когда доклад г-на Мазилу был распространен в качестве документа Подкомиссии, Румыния поставила под вопрос его «интеллектуальные способности» составить «доклад, соответствующий требованиям Объединенных Наций». Указав на то, что высказывания по поводу состояния здоровья г-на Мазилу или по поводу того, как оно влияло на работу, которую он проделал или должен был проделать для Подкомиссии, не являются его задачей, Суд подчеркивает, что сама Организация Объединенных Наций должна была решать, хотела ли она при таких обстоятельствах оставить г-на Мазилу в качестве специального докладчика, и отмечает, что Подкомиссия приняла решения по этому поводу.

Суд считает, что в этих условиях г-н Мазилу сохраняет статус специального докладчика, что вследствие этого его следует рассматривать как эксперта в командировке в соответствии со смыслом раздела 22 Генеральной Конвенции и что, соответственно, этот раздел применим в деле г-на Мазилу.

VIII. Пункт постановляющей части
(пункт 61)

Ниже следует полный текст пункта постановляющей части:

«По этим причинам

Суд,

Единогласно,

Считает, что статья VI, раздел 22, Конвенции

о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций применима в деле г-на Мазилу как специального докладчика Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств».

* * *

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ К КОНСУЛЬТАТИВНОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ СУДА

Особое мнение судьи Ода

Судья Ода выразил некоторые сомнения по поводу того, адекватно ли отреагировал Суд, просто дав ответ, как он изложен в его заключении, на то, что имел в виду ЭКОСОС, формулируя свою просьбу о консультативном заключении. По его мнению просьба была составлена в таких формулировках, которые давали возможность выступить с определенными заявлениями о модальностях применения раздела 22 Конвенции.

Реконструированная им предпосылка просьбы о консультативном заключении несколько отличается от той, которой придерживался Суд, в том смысле, что, по его мнению, большее значение могло бы быть придано определенным фактам, которые представлялись как факты, имеющие более непосредственное отношение к предмету испрашиваемого заключения; хотя Суд и не просили высказать общее мнение о круге привилегий и иммунитетов, которыми пользуется специальный докладчик, вопрос, поставленный ЭКОСОС, все же подразумевал необходимость обратить внимание на материальные последствия предоставления г-ну Мазилу права на льготы, предусматриваемые разделом 22 Конвенции.

По мнению судьи Оды, Суд не сосредоточил в достаточной мере внимание на существенных аспектах конкретного дела г-на Мазилу, в том числе и на том факте, что он не был в состоянии получить документы от Центра по правам человека Организации Объединенных Наций в Женеве, связаться с ним, или что сам Центр был не в состоянии установить контакт с г-ном Мазилу и что его правительство воспрепятствовало его поездке в Женеву для консультаций с указанным Центром Организации Объединенных Наций. Эти аспекты были основными в деле г-на Мазилу, в которое Суд просили вникнуть.

В заключение судья Ода заявил, что последний пункт заключения мог бы быть немного расширен. В нем следовало бы более определенно констатировать: во-первых, что специальный докладчик Подкомиссии подпадает под категорию «экспертов в командировках по делам Объединенных Наций»; во-вторых, что на момент получения запроса ЭКОСОС о заключении г-н Мазилу являлся специальным докладчиком Подкомиссии и что он все еще выполняет эту функцию, и, наконец, что для выполнения данного ему поручения г-н Мазилу имел право на получение всяческого содействия, в пределах их возможностей, от всех участников Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций, включая

государство, гражданином которого он является. Если бы Суд выступил с таким заявлением, оно помогло бы обратить внимание на необходимость предоставления г-ну Мазилу беспрепятственной связи с Центром Организации Объединенных Наций по правам человека и доступа к нему.

Особое мнение судьи Эвенсена

В своем запросе ЭКОСОС просил Суд изучить «юридический вопрос о применимости статьи VI, раздел 22 Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций». Просьбы о том, чтобы Суд высказался по конкретным нарушениям этих положений, не поступало. Но представляется очевидным, что давление, по поводу которого была высказана жалоба, стало причиной тревоги и трудностей не только для г-на Мазилу, но и для его семьи. Защита, предусматриваемая статьей VI, раздел 22 Конвенции 1946 года, не может ограничиваться только «экспертом Мазилу», но должна в достаточной степени относиться и к его семье.

Неприкосновенность семьи и семейной жизни человека является одним из основных прав человека, охраняемым преобладающими принципами международного права, которые вытекают не только из договорного международного права или обычного международного права, но и из «общих правовых принципов, признаваемых цивилизованными странами».

Так, во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года, неприкосновенность семьи и семейной жизни определена в пункте 3 статьи 16 как одно из основных прав человека. В ней говорится: «Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства».

Уважение к семье и семейной жизни человека должны рассматриваться как неотъемлемые части «привилегий и иммунитетов», какие необходимы, согласно разделу 22 статьи VI, для независимого выполнения экспертами Организации Объединенных Наций их функций.

Особое мнение судьи Шахабуддина

В своем особом мнении судья Шахабуддин остановился на компетенции Суда определять вопросы очередности слушания дел. Что касается румынской оговорки, она, по его мнению, не имеет отношения к консультативной юрисдикции Суда, вытекающей из Статьи 96 Устава, поскольку по причинам, которые он изложил, применяться к последней она не могла. Что же касается состояния здоровья г-на Мазилу, он полагал, что Румыния считала, что болезнь сделала г-на Мазилу неспособным к работе и таким образом лишила его права на какие-либо привилегии и иммунитеты (связанные с выполняемыми функциями) и что определение состояния его здоровья является исключительно предметом внутренней юрисдикции Румынии. Судья Шахабуддин считал, однако, что исключительность такой юрисдикции опре-

делялась обязательствами Румынии по Конвенции. И, наконец, он указал на причины того, почему он придерживается мнения о том, что эксперт в коман-

дировке имел право пользоваться привилегиями и иммунитетами для успешного начала поездки в связи с полученным им поручением.

86. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ РЕШЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО СУДА ОТ 31 ИЮЛЯ 1989 ГОДА (ГВИНЕЯ-БИСАУ ПРОТИВ СЕНЕГАЛА)

Постановление от 2 марта 1990 года

В постановлении, принятом по делу, касающемуся решения арбитражного суда от 31 июля 1989 года (Гвинея-Бисау против Сенегала) Суд 14 голосами против одного отклонил просьбу Гвинеи-Бисау указать временные меры.

Состав Суда:

Председатель Руда; *Вице-председатель* Мбайе; судьи Ляхс, Элиас, Ода, Аго, Швобель, сэръ Роберт Дженнингс, Ни, Эвенсен, Тарасов, Гийом, Шахабуди́н и Патак; судья *ad hoc* Тьерри.

Судьи Эвенсен и Шахабуди́н приложили к тексту постановления Суда индивидуальные мнения; судья *ad hoc* Тьерри приложил особое мнение.

В своем постановлении Суд напоминает, что 23 августа 1989 года Гвинея-Бисау возбудила дело против Сенегала в отношении спора, касающегося существования и действительности решения арбитражного суда, вынесенного 31 июля 1989 года по определению морской границы между двумя государствами.

18 января 1990 года Гвинея-Бисау на основании действий, которые, согласно ее утверждению, были предприняты сенегальскими военно-морскими силами в морском районе, рассматриваемом Гвинеей-Бисау как предмет спора между двумя сторонами, просила Суд указать следующие временные меры:

«С целью защиты прав каждой из Сторон они должны воздерживаться в оспариваемом районе от каких-либо актов или действий, какого бы то ни было характера в течение всего периода разбирательства до вынесения решения Суда».

* * *

Далее Суд напоминает о событиях, приведших к проводимому разбирательству: 26 апреля 1960 года путем обмена письмами было заключено Соглашение между Францией и Португалией с целью определения морской границы между Сенегалом (в то время — автономным государством в составе *Сообщества*) и португальской провинцией Гвинея; после получения Сенегалом и Гвинеей-Бисау независимости возник спор между ними относительно делимитации их морских территорий; в 1985 году стороны заключили арбитражное соглашение о передаче этого спора на рассмотрение арбитражного суда, статья 2 которого предусматривает постановку перед судом следующих вопросов:

«1) Имеет ли соглашение, заключенное путем обмена письмами 26 апреля 1960 года и касающееся морской границы, силу закона в отношениях между Республикой Гвинея-Бисау и Республикой Сенегал?

2) Если нет, то как проходит линия, делимитирующая морские территории, принадлежащие соответственно Республике Гвинея-Бисау и Республике Сенегал?

а статья 9 предусматривает, что решение суда «должно включать проведение на карте пограничной линии».

31 июля 1989 года арбитражный суд принял двумя голосами (включая голос председателя суда) против одного решение, постановляющая часть которого гласит:

«По вышеуказанным причинам суд постановляет... дать следующий ответ на первый вопрос, поставленный в статье 2 арбитражного соглашения: Соглашение, заключенное путем обмена письмами 26 апреля 1960 года и касающееся морской границы, имеет силу закона в отношении между Республикой Гвинея-Бисау и Республикой Сенегал применительно только к тем районам, которые указаны в этом Соглашении, а именно: территориальных морских вод, прилегающей зоны и континентального шельфа. Прямая линия, проведенная в направлении 240-го градуса, является локсодромической линией».

В этом же решении суд изложил также свой вывод, что «он не призван давать ответ на второй вопрос» и что «в свете своего решения он не считает необходимым приложить карту с указанием направления пограничной линии»; председатель арбитражного суда приложил к тексту решения свое заявление.

Гвинея-Бисау в своем заявлении Суду утверждает, что «затем возник новый спор относительно применимости текста, опубликованного в рамках решения от 31 июля 1989 года»; и просит Суд в отношении решения арбитражного суда установить и заявить, что:

«— так называемое решение не имеет право на существование в силу того факта, что два арбитра, создавших видимость большинства, выступавшего якобы в пользу текста решения, в приложенном к нему заявлении выразили мнение, явно противоречащее тому, которое было принято путем голосования;

— в дополнение к этому, так называемое решение является недействительным, поскольку арбитражный суд не дал полного ответа на два вопроса, поставленные в Соглашении, и тем самым не определил единую делимитационную линию, должным образом отраженную на карте, и поскольку он не мотивировал ограничения, в результате этого неправомерно установленные в отношении его юрисдикции;

— правительство Сенегала, тем самым, необоснованно требует от правительства Гвинеи-Бисау выполнить так называемое решение от 31 июля 1989 года».

Суд отмечает, что Гвинея-Бисау объясняет в своей просьбе дать указания относительно временных мер, что эта просьба явилась следствием:

«суверенных актов Сенегала, которые предreshают как решение по существу, которое должен был вынести Суд, так и морскую делимитацию, которая должна быть введена в действие впоследствии между двумя государствами».

Далее Суд кратко излагает имевшие место инциденты, связанные с действиями обеих сторон в отношении иностранных рыболовных судов.

* * *

Затем по вопросу о своей юрисдикции Суд считает, что в то время, как прежде чем решать, указывать или нет те временные меры, которые испрашиваются в просьбе, у него нет необходимости окончательно убедиться в том, что он обладает юрисдикцией для рассмотрения существа дела, ему все же следует не указывать такие меры, если не представится, что положения, к которым обращается заявитель *prima facie*, являются основой, на которую могла бы опираться юрисдикция Суда; а также устанавливает, что два заявления, сделанные сторонами в соответствии с пунктом 2 статьи 36 Статута и процитированные заявителем, действительно *prima facie* представляют собой основу для установления такой юрисдикции.

Он отмечает, что вынесенное решение никоим образом не предreshает вопрос об юрисдикции Суда в отношении рассмотрения существа дела.

Гвинея-Бисау просила Суд при проведении данного разбирательства осуществить свои полномочия, возложенные на него в соответствии со статьей 41 Статута Суда в отношении «права указать, если, по его мнению, это требуется обстоятельствами, любые временные меры, которые должны быть приняты для обеспечения прав каждой из сторон».

Суд отмечает, что цель осуществления этих полномочий заключается в том, чтобы защитить «права, которые являются предметом спора в судебном разбирательстве» (*Aegean Sea Continental Shelf, I.C.J. Reports 1976, p. 9 para. 25; Diplomatic and Consular Staff in Tehran, I.C.J. Reports 1979, p. 19, para. 36*); что такие меры являются временными и указываются на период «до принятия окончательного решения» (статья 41, пункт 2, Статута); и что, соответственно, они

должны служить мерами, которые не потребуются как только спор относительно прав будет разрешен на основании решения Суда по существу вопроса.

Далее отмечается, что Гвинея-Бисау признает в своем заявлении, что спор, переданный на рассмотрение Суда, это не спор, касающийся делимитации морских территорий, который был передан в арбитражный суд, а это «новый спор... касающийся применимости текста, принятого в рамках решения от 31 июля 1989 года»; что, тем не менее, согласно доводам Гвинеи-Бисау, временные меры могут потребоваться в контексте судебного разбирательства в отношении вторичного спора для защиты прав, затрагиваемых основным спором; что единственная связь, имеющая существенное значение для определения приемлемости мер, является связью между предполагаемыми мерами и коллизией интересов, лежащей в основе вопроса или вопросов, поставленных перед Судом — коллизия интересов по данному делу — это конфликт в отношении делимитации морских территорий, — что это так независимо от того, занимается ли Суд основным или вторичным спором, центральным или второстепенным спором, при том одном условии, что решение Суда по вопросам существа, поставленным перед ним, является необходимой предпосылкой для разрешения коллизии интересов, к которой отношение имеет принятие данных мер; что по данному делу согласно утверждениям Гвинеи-Бисау основной спор касается несовместимых претензий сторон в отношении контроля, освоения и разработки морских зон, а цель мер, которые испрашиваются, заключается в сохранении целостности соответствующей морской зоны, и, кроме того, между испрашиваемыми Гвинеи-Бисау временными мерами и переданным в Суд делом имеется требуемая связь.

Суд отмечает, что в заявлении о возбуждении разбирательства Суд просит объявить решение 1989 года «несуществующим» или, производно от этого, «недействительным» и объявить, «что правительство Сенегала таким образом необоснованно пытается требовать от правительства Гвинеи-Бисау выполнить положения так называемого решения от 31 июля 1989 года»; что в заявлении, таким образом, содержится просьба к Суду высказаться относительно существования и действительности упомянутого решения, но в то же время в нем отсутствует просьба о том, чтобы Суд высказался относительно соответствующих прав сторон в рассматриваемых морских зонах; Суд устанавливает, что, соответственно, являющиеся предметом претензий права, в отношении которых испрашиваются временные меры, не имеют отношения к проводимому в Суде разбирательству по существу дела; и что такого рода меры не могут быть отнесены к вопросам, подпадающим под решение Суда по существу дела.

Кроме того, принятие Судом решения о том, что решение арбитражного суда является несуществующим и недействительным отнюдь не повлечет за собой принятие какого-либо решения о том, что иск заявителя относительно спора по делимитации морских территорий является вполне обоснованным полностью или частично; и, следовательно, спор

относительно этих притязаний не будет урегулировано решением Суда.

ПОСТАНОВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ

«Соответственно,

Суд

четырнадцатью голосами против одного

отклоняет просьбу Республики Гвинея-Бисау, зарегистрированную в секретариате 18 января 1990 года, об указании временных мер».

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ К ТЕКСТУ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СУДА

Частное мнение судьи Эвенсена

Представляется, что обстоятельства данного дела не требуют от Суда осуществления его полномочия в соответствии со статьей 41 Статута Международного Суда в отношении указания временных мер.

Однако Суду не требуется в конечном итоге устанавливать, что он обладает юрисдикцией по существу данного дела, прежде чем решить, указывать или не указывать временные меры. В этом отношении является уместным отсутствие на данном этапе каких-либо возражений против юрисдикции Суда.

Избежание невосполнимого ущерба не должно служить условием для оговаривания временных мер. Ни в статье 41 Статуса Суда, ни в статье 73 Регламента Суда ничего не говорится о «невосполнимом ущербе». Дискреционные полномочия Суда не должны ограничиваться таким образом.

В отношении данного дела руководящие указания можно найти в Конвенции ООН о морском праве от 10 декабря 1982 года, в частности, в части V об исключительной экономической зоне и в части VI о континентальном шельфе. Эта Конвенция была подписана и ратифицирована как правительством Гвинеи-Бисау, так и правительством Сенегала.

В пункте 1 статьи 74 Конвенции, касающейся *делimitации исключительной экономической зоны* между соседними прибрежными государствами, предусматривается, что *делimitация этой зоны «осуществляется путем соглашения»*. Аналогичные положения содержатся и в статье 83 Конвенции о *делimitации континентального шельфа*. Эта Конвенция еще не вступила в силу.

Тем не менее в этих статьях отражены руководящие принципы международного права в этой области. Они предусматривают, что прибрежные государства должны заключить соглашения, если это необходимо, касающиеся допустимых норм вылавливания рыбы, распределения этих норм между соответствующими государствами, выдачи лицензий на ловлю рыбы, характера и методов ведения ловли, защиты нерестилищ, поддержания необходимых контактов между соответствующими национальными полномочными органами, ведающими вопросами рыболовства, и принятия других мер с целью рацио-

нального и мирного освоения этих жизненно важных ресурсов океанов.

Частное мнение судьи Шахабуддина

Выражая свое индивидуальное мнение, судья Шахабуддин полагает, что Гвинея-Бисау настаивала на более либеральном определении по сравнению с тем, которое было принято Судом в отношении связи, которая должна существовать между правами, которые стремились сохранить с помощью временных мер, и правами, в отношении которых просят вынести решение по данному делу. Однако, по его мнению, такой подход ограничивается соображением о том, что ситуация, которая сложится вследствие указания временных мер, должна быть совместимой с последствиями возможного решения по основному делу в пользу государства, представившего просьбу об указании таких мер. В рамках рассматриваемого дела, если бы Гвинея-Бисау удалось добиться от Суда заявления об отсутствии или недействительности решения арбитражного суда, то был бы возобновлен первоначальный спор, и каждая сторона получила бы свободу действий в пределах допустимых международным правом. Такая свобода действий, которая появилась бы вследствие принятия такого решения в пользу Гвинеи-Бисау, была бы несовместима с ситуацией, которая создалась бы вследствие указания временных мер, удерживающих обе стороны от проведения какой-либо деятельности, вместо того, чтобы согласовываться с подобного рода обстановкой, как это бывает при нормальных обстоятельствах дела. Следовательно, судья Шахабуддин не считает, что предложенный Гвинеи-Бисау подход мог бы привести к принятию решения, отличного от того, которое было вынесено Судом.

Особое мнение судьи ad hoc Тьерри

Выражая свое особое мнение, судья Тьерри указывает причины, по которым он, к сожалению, не смог поддержать решение Суда. В действительности он считает, что:

1. Инциденты, приведенные в постановлении, таковы, что требуют указания временных мер, которые, таким образом, должны были быть указаны в соответствии со статьей 41 Статута и пунктом 2 статьи 75 Регламента Суда.

2. В данном деле нет никаких юридических препятствий на пути к тому, чтобы Суд осуществил свои полномочия в отношении указания временных мер, поскольку вывод, который его просили сделать в отношении существа вопроса (то есть относительно действительности решения арбитражного суда от 31 июля 1989 года), неизбежно должен затронуть права сторон в оспариваемой морской зоне.

3. Суду следовало бы предписать сторонам проведение переговоров на основе данных в этом отношении заверений Сенегала для того, чтобы воспрепятствовать на определенное время осложнению спора.

**87. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ СПОРА О СУХОПУТНОЙ ГРАНИЦЕ, ГРАНИЦЕ
МЕЖДУ ОСТРОВАМИ И МОРСКОЙ ГРАНИЦЕ (САЛЬВАДОР/ГОНДУРАС)
(ОБРАЩЕНИЕ ЗА РАЗРЕШЕНИЕМ ВСТУПИТЬ В ДЕЛО)**

Решение от 13 сентября 1990 года

Камера, образованная для рассмотрения дела, касающегося спора о сухопутной границе, границе между островами и морской границе (Сальвадор/Гондурас), вынесла решение по обращению за разрешением вступить в это дело, поданному Никарагуа в соответствии со статьей 62 Статута. Она установила единогласно, что эта страна представила доказательства о наличии своего интереса правового характера, который может быть затронут частью решения камеры по существу дела, и приняла решение относительно того, что Никарагуа таким образом разрешено вступить в дело по его определенным аспектам.

Состав камеры был следующим: Председатель — судья Сетте-Камара; судьи — Ода и сэр Роберт Дженнингс; судьи *ad hoc* — Валтикос и Торрес Бернадес.

Полный текст пункта постановляющей части решения является следующим:

«По этим причинам

КАМЕРА,

единогласно,

1. *Устанавливает*, что Республика Никарагуа представила доказательства о наличии у нее интереса правового характера, который может быть затронут частью решения камеры по существу настоящего дела, а именно, ее решением о правовом режиме вод залива Фонсека, но не доказала наличия такого своего интереса, который может быть затронут каким-либо решением, которое камере может потребоваться принять в отношении делимитации этих вод, или каким-либо решением по правовому положению морских пространств вне пределов залива, или каким-либо решением по правовому положению островов в заливе;

2. *Принимает* соответственно решение о том, что Республике Никарагуа разрешается вступить в дело в соответствии со Статьей 62 Статута в такой степени, таким образом и для таких целей, как это изложено в настоящем решении, но не более того или иначе».

Судья Ода приложил к решению свое особое мнение.

В этом мнении данный судья излагает и разъясняет позицию, занятую им относительно некоторых вопросов, рассмотренных в решении.

I. Разбирательство и представление сторонами документов (пункты 1-22)

1. Совместной нотификацией от 11 декабря 1986 года, зарегистрированной в Секретариате Суда в тот же день, министры иностранных дел Республики Гондурас и Республики Сальвадор передали Секретарю Суда заверенный экземпляр Специального соглашения на испанском языке, подписанного в городе Эскивипулас, Республика Гватемала, 24 мая 1986 года. В его преамбуле содержится ссылка на заключение 30 октября 1980 года в Лиме, Перу, Генерального мирного договора между этими двумя государствами, посредством которого, среди прочего, они точно определили некоторые участки их общей сухопутной границы; и в ней зафиксировано, что никакого прямого урегулирования в отношении оставшихся сухопутных районов или касающегося «правового положения островов и морских пространств» осуществлено не было.

Статья 2 Специального соглашения, которая определяет предмет спора, в переводе, сделанной Секретариатом Суда, гласит,

«Стороны просят камеру:

1. Делимитировать линию границы в районах или на участках, не описанных в статье 16 Генерального мирного договора от 30 октября 1980 года.

2. Определить правовое положение островов и морских пространств».

17 ноября 1989 года Никарагуа подала просьбу о разрешении вступить, согласно статье 62 Статута Международного Суда, в разбирательство, возбужденное нотификацией Специального соглашения.

Суд в постановлении от 28 февраля 1990 года установил, что именно камера, образованная для рассмотрения настоящего дела, должна решить, следует ли удовлетворить просьбу Никарагуа.

II. Характер и содержание спора (пункты 23-33)

Камера замечает, что спор между Сальвадором и Гондурасом, являющийся предметом Специального соглашения, касается нескольких различных, хотя в некоторых отношениях и взаимосвязанных вопросов. Камеру просят, во-первых, делимитировать су-

хопутную границу между двумя государствами в районах и участках, не описанных в статье 16 Генерального мирного договора, который они заключили 30 октября 1980 года; Никарагуа не добивается вступления в дело по этому аспекту разбирательства. Камера должна так же «определить правовое положение островов» и такое же положение в отношении «морских пространств». Географический контекст островного и морского аспектов спора, а также характер и содержание спора, как он представляется из претензий сторон, вынесенных на камеру, состоит в следующем.

Воды залива Фонсека омывают тихоокеанское побережье Центральной Америки, а выход из залива в океан расположен в общем с юго-западной стороны. Северо-западное побережье залива является сухопутной территорией Сальвадора, а юго-восточное побережье — Никарагуа; сухопутная территория Гондураса расположена между этими двумя территориями, причем принадлежащее этому государству побережье расположено преимущественно на внутренней стороне залива. Ширина входа в залив между мысом Амапала в Сальвадоре на северо-западе и мысом Косигуина в Никарагуа на юго-востоке составляет примерно 19 морских миль. Залив вдаётся в сушу от линии, проведенной между этими пунктами, на расстояние, колеблющееся от 30 до 32 морских миль. В заливе Фонсека находится значительное число островов и островков.

Сальвадор просит камеру вынести решение о том, что «Сальвадор имеет и имел суверенитет над всеми островами в заливе Фонсека за исключением острова Сакате Гранде, который может рассматриваться как составляющий часть побережья Гондураса». Гондурас со своей стороны предлагает камере установить, что только острова Меангуера и Меангуерита являются объектом спора между сторонами, и поэтому она не призвана, по мнению Гондураса, определять суверенитет над любым из других островов, а также предлагает ей объявить о суверенитете Гондураса над Меангуера и Меангуерита.

Камера считает, что было бы нецелесообразно подробно излагать здесь историю спора, но что о двух событиях, касающихся морских районов, следует упомянуть. Во-первых, воды в заливе Фонсека между Гондурасом и Никарагуа были в значительной степени делимитированы в 1900 году смешанной комиссией, образованной в соответствии с договором, заключенным между двумя государствами 7 октября 1894 года, но разграничительная линия не простирается до пересечения с замыкающей линией между мысом Амапала и мысом Косигуина.

Второе событие, о котором следует напомнить, заключается в следующем. В 1916 году Сальвадор возбудил дело против Никарагуа в Центральноамериканском Суде, утверждая среди прочего, что Договором Брайан-Чаморро о строительстве военно-морской базы, заключенном между Никарагуа и Соединенными Штатами Америки, «игнорировались и нарушены права совладения, принадлежавшие Сальвадору в заливе Фонсека».

Республика Никарагуа не признала это утверждение, указав (среди прочего), что отсутствие демар-

кации границ между прибрежными государствами «не приводит к общему владению». В решении Центральноамериканского Суда от 9 марта 1917 года зафиксировано единогласное мнение судей о том, что международный статус залива Фонсека состоит в том, что он является «исторической бухтой, имеющей характеристики закрытого моря», и в своем «Исследовании фактов и права» Суд установил:

«Ввиду того, что: правовой статус залива Фонсека, признан настоящим Судом как статус исторической бухты, имеющей характеристики закрытого моря, три прибрежных государства — Сальвадор, Гондурас и Никарагуа — признаются поэтому в качестве совладельцев ее вод, кроме того, что касается прибрежной полосы шириной в одну морскую лигу, которая является исключительной собственностью каждого, ...»

В памятной записке по настоящему делу Сальвадор утверждает, что:

«На основании решения 1971 года в заливе был установлен объективный правовой режим. Даже если изначально решение было обязывающим в отношении только непосредственных сторон в судебном процессе, Никарагуа и Сальвадора, признанный в ходе этого процесса правовой статус с течением времени был укреплен [;] его последствия распространяются на третьи государства и, в частности, на Гондурас»

и далее утверждалось, что правовое положение в заливе «не допускает раздела вод, находящихся в совместном», за исключением «территориальных морских вод в пределах залива», признанных Центральноамериканским Судом. Сальвадор поэтому просит камеру вынести решение и заявить о том, что:

«Правовое положение морских пространств в пределах залива Фонсека соответствует правовому положению, установленному решением Центральноамериканского Суда, вынесенным 9 марта 1917 года, как признанному и применяемому в последующем времени».

Он также утверждает, что

«Что касается морских пространств, стороны не просили камеру ни намечать делимитационную линию, ни определять нормы и принципы публичного международного права, применимые к делимитации морских пространств как в заливе Фонсека, так и вне его».

Гондурас отвергает точку зрения, согласно которой решением 1917 года был установлен или отражен объективный правовой режим, утверждая, что, в случае

«судебного или арбитражного решения, устанавливающего делимитацию между спорящими сторонами, решение, принятое там, может быть только направлено против этих сторон».

Он также замечает, что

«не решение 1917 года позволило прибрежным государствам установить свой суверенитет над водами залива Фонсека. Этот суверенитет существовал задолго до того решения спора между двумя

прибрежными государствами, поскольку его установление относится ко времени создания трех заинтересованных государств».

Утверждение Гондураса, касающееся правового положения морских пространств, которое будет рассмотрено ниже, влечет за собой их делимитацию между сторонами. Он считает, что камера обладает юрисдикцией осуществить такую делимитацию, и указал, каким, по мнению Гондураса, должно быть направление делимитационной линии.

Что касается морских пространств, находящихся с внешней стороны замыкающей линии залива, то Гондурас просит камеру определить, что «общность интересов» между Сальвадором и Гондурасом как прибрежных государств залива подразумевает за каждым из них равное право осуществлять юрисдикцию над такими пространствами. На этом основании он просит камеру установить линию делимитации, распространяющуюся на 200 миль в сторону моря, делимитировать территориальные морские воды, исключительную экономическую зону и континентальный шельф двух сторон. Сальвадор, однако, настаивает на том, что, согласно Специальному соглашению, камера не обладает юрисдикцией делимитировать морские районы, находящиеся с внешней стороны замыкающей линии залива. Сальвадор отрицает, что Гондурас может на какой-либо законной основе претендовать на ту или иную часть континентального шельфа или исключительную экономическую зону в Тихом океане, вне пределов залива; он, однако, готов согласиться с тем, чтобы этот вопрос решала камера.

III. Требования для вступления в дело согласно статьи 62 Статута и статьи 81 Регламента Суда (пункты 35-101)

В своем обращении за разрешением вступить в дело, поданном 17 ноября 1989 года, Республика Никарагуа заявила, что это обращение было предпринято на основании пункта 1 статьи 36 и статьи 62 Статута. Согласно пункту 1 статьи 81 Регламента Суда требуется, чтобы обращение, составленное в соответствии со статьей 62, было подано «как можно раньше, но не позднее окончания письменного судопроизводства». Обращение Никарагуа было представлено в Секретариат Суда двумя месяцами раньше предельного срока, установленного для подачи ответов сторон.

В соответствии с пунктом 2 статьи 81 Регламента Суда государство, добывающееся вступления в дело, должно конкретно указать дело, к которому оно имеет отношение, и изложить:

- а) интерес правового характера, который, как считает государство, обращающееся с просьбой о вступлении в дело, может быть затронут решением по этому делу;
- б) точную цель вступления;
- в) какую-либо основу для юрисдикции, которая, как утверждается, существует в отношениях между государством, обращающимся с просьбой о

вступлении, и сторонами-участниками в данном деле».

Камера прежде всего рассматривает доводы Сальвадора, которые были выдвинуты, как основания для камеры отклонить обращение Никарагуа in limine, исключаящие какую-либо необходимость дальнейшего рассмотрения его соответствия статье 62 Статута Суда. Эти доводы, ни один из которых не был поддержан камерой, относились к формальному соответствию обращения требованиям пункта 2 статьи 81 регламента Суда, к якобы «несвоевременности» обращения ввиду содержащихся в нем просьб, которые были бы подрывающими на настоящей продвинутой стадии рассмотрения, и к отсутствию переговоров, проводимых до подачи обращения.

а). Интерес правового характера (пункты 37 и 52-84)

Республика Никарагуа заявляет в своем обращении, что: «Как можно понять из статьи 2 Специального соглашения..., правительство Никарагуа имеет интерес правового характера, который неизбежно должен быть затронут решением камеры» (пункт 2). Она затем переходит к перечислению «определенных соображений, подкрепляющих это мнение». Камера замечает, что, как ясно заявил Суд при рассмотрении предшествовавших дел, для того чтобы получить разрешение вступить в дело согласно статье 62 Статута, государство должно обосновать интерес правового характера, который может быть затронут решением Суда по данному делу, или что *un intérêt d'ordre juridique est pour lui en cause* — это именно тот критерий, который указан в статье 62.

В данном случае Республика Никарагуа пошла дальше: ссылаясь на дело о *Золотом запасе, вывезенном из Рима в 1943 году* (I.C.J. Reports 1954, p. 19), она выдвинула тот довод, что ее интересы являются частью предмета дела в такой степени, что камера не смогла бы должным образом осуществить свою юрисдикцию без участия Никарагуа. Камера поэтому рассматривает вопрос о том, каким образом интересы Албании составили бы «сам предмет решения» в деле о *Золотом запасе, вывезенном из Рима в 1943 году*, и разъясняет, что суть определения Суда в том деле заключалась в том, что, хотя присутствие в Статуте статьи 62 могло бы подразумевать санкционирование продолжения разбирательства в отсутствие государства, чьи интересы правового характера могли быть «затронуты», это не оправдывало продолжения разбирательства в отсутствие государства, чья международная ответственность явилась бы «самим предметом решения». Решать, какое положение сложилось бы, обратись Албания, согласно статье 62, за разрешением вступить в дело, не было необходимости. Суд заключает, что, если бы в настоящем деле правовые интересы составили «сам предмет решения», как предполагает Никарагуа, это несомненно оправдало бы вступление Никарагуа в дело в соответствии со статьей 62, которая устанавливает менее жесткий критерий. Однако затем возник бы вопрос о том, дало ли бы такое вступление в дело в соответствии со статьей 62 Ста-

тута возможность камере вынести решение по правовым интересам Никарагуа, которые, как предполагает Никарагуа, составили бы сам предмет решения. Поэтому камера прежде всего рассматривает вопрос о том, представила ли Республика Никарагуа доказательства существования «интереса правового характера, который может быть затронут решением» для того, чтобы обосновать вступление в дело; и, если это так, она затем рассмотрит вопрос о том, может ли этот интерес составить фактически «сам предмет решения», как это произошло с интересами Албании в деле о *Золотом запасе, вывезенном из Рима в 1943 году*.

Камера далее замечает, что статья 62 Статута предусматривает вступление в дело на основании наличия интереса правового характера, «который может быть затронут решением по делу». В данном деле, однако, то, что требуется от камеры Специальным соглашением, не является решением по единственному ограниченному вопросу, а представляет собой несколько решений по различным аспектам общего спора между сторонами. Чтобы очертить границы любого вступления в дело, которое, в соответствии со статьей 62 Статута, может быть найдено оправданным, камера вынуждена рассмотреть возможное воздействие своего окончательного решения на правовые интересы, отстаиваемые Никарагуа, по каждому из различных вопросов, которые, возможно, пришлось бы определить. Если государство может убедить Суд в том, что оно имеет интерес правового характера, который может быть затронут решением по делу, ему может быть разрешено вступить в дело в связи с этим интересом. Но это не означает, что государству, вступившему в дело, разрешается делать экскурсы в другие аспекты дела; Никарагуа по-существу признает это. Поскольку необходимо очертить границы любого вступления в дело, камера должна рассмотреть вопросы островов, положение, касающееся вод в заливе, положение, касающееся вод вне залива, и возможную делимитацию вод вне залива.

Действительно ли формулировка пункта 2 статьи 2 Специального соглашения поднимает все эти вопросы, это — само по себе является предметом спора между участвующими в деле сторонами. Соответственно, перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на этой стадии разбирательства, не должен никоим образом наносить ущерба смыслу пункта 2 статьи 2, в целом или любой из формулировок, используемых в этой статье. Камера безусловно не может занять в ходе настоящего разбирательства какую-нибудь позицию в отношении споров между сторонами о подлинном смысле Специального соглашения: она должна определить вопросы, поднятые в обращении Никарагуа, оставив эти вопросы толкования абсолютно открытыми.

Время доказывания (пункты 61-63)

В камере имела место дискуссия по вопросу об объеме бремени доказывания, которое ложится на государство, добивающееся вступления в дело. По мнению камеры, является очевидным тот факт, что,

во-первых, государство, добивающееся вступления в дело, само должно убедительно показать то, что оно отстаивает, и, таким образом, нести бремя доказывания; и, что, во-вторых, оно должно лишь доказать то, что его интерес «может» быть затронут, а не то, что он будет или должен быть затронут. О том, что требуется доказать государству, добивающемуся вступления в дело, можно судить только *in concreto* и в отношении всех обстоятельств определенного дела. Государство, добивающееся вступления в дело, само должно определить интерес правового характера, который по его мнению может быть затронут решением по делу, и доказать, каким образом этот интерес может быть затронут; самому Суду — или в данном случае камере — не следует подменять собою в этом отношении государство. Камера также напоминает в этой связи о проблеме, состоящей в том, что стороны, участвующие в деле, ведут спор о толковании того самого положения Специального соглашения, на которое ссылается Никарагуа в своем обращении. Камера отмечает, что Никарагуа полагается на принцип признания или на процессуальный отвод, но она не согласна с утверждениями Никарагуа в этом отношении.

Камера затем переходит к рассмотрению нескольких конкретных вопросов, присутствующих в деле, которые, как указано выше, могут потребовать решения, чтобы установить, было ли доказано, что такое решение может затронуть никарагуанский интерес правового характера.

1. *Правовое положение островов* (пункты 65-66)

Поскольку решение, о котором стороны просят камеру, должно определить правовое положение островов, камера приходит к заключению, что, в отсутствие какого-либо никарагуанского интереса, могущего быть затронутым решением по этому вопросу, ей не следует давать разрешение на вступление Никарагуа в дело. Любые возможные последствия решения в отношении островов в качестве соответствующих условий для делимитации морских пространств подлежат рассмотрению в контексте вопроса о том, следует ли разрешить Никарагуа вступить в дело на основании наличия такого правового интереса, который может быть затронут решением по правовому положению вод залива.

2. *Правовое положение вод в заливе* (пункты 67-79)

i) *Режим вод*

Согласно доводам Сальвадора в отношениях между Сальвадором, Гондурасом и Никарагуа существует «режим общности, совладения и совместного суверенитета» над такими водами залива Фонсека, «которые находятся за пределами действия исключительной юрисдикции», — «объективный правовой режим» на основе решения, вынесенного в 1917 году Центральноеамериканским Судом. На этом основании Сальвадор считает, что правовое положение залива не позволяет делить воды, находящиеся в совместном пользовании. Сальвадор считает также,

что Специальное соглашение не предоставляет юрисдикции для осуществления какой бы то ни было подобной делимитации. Гондурас, с другой стороны, утверждает, среди прочего, что «особое географическое положение залива создает необычную ситуацию между прибрежными государствами, порождающую общность интересов, которые «требуют использования специального правового режима для определения их взаимоотношений»; что общность интересов «означает не интеграцию и отмену границ», а, наоборот, «четкое определение этих границ в качестве условия для эффективного сотрудничества»; и что каждое из трех прибрежных государств «имеет право на часть внутренних вод».

Камера считает совершенно отдельно от вопроса правового статуса решения 1917 года, что дело, однако, заключается в нынешнем заявлении Сальвадора, согласно которому воды залива подлежат совместному владению прибрежных государств, и Сальвадор действительно предложил, чтобы этот режим «был бы в любом случае применен к заливу в соответствии с обычным международным правом». Республика Никарагуа сослалась на тот факт, что она имеет очевидные права в заливе Фонсека, существование которых неоспоримо, и утверждает, что

«Совместное владение, в случае объявления его применимым, по самому своему характеру относилось бы к трем прибрежным государствам, а не только к участникам Специального соглашения».

По мнению камеры это является достаточным доказательством со стороны Республики Никарагуа того, что она имеет интерес правового характера в установлении того факта, является ли таковым или нет режим, регулирующий правовое положение вод залива: само определение совместного владения указывает на такой вывод. Кроме того, решение в поддержку некоторых гондурасских тезисов было бы в равной степени таким, какое может затронуть правовые интересы Никарагуа. «Общность интересов», являющаяся отправным пунктом доводов Гондураса, представляет собой общность, которая, как и отстаиваемое Сальвадором совместное владение, затрагивает Республику Никарагуа как одно из трех прибрежных государств, и поэтому она должна также быть заинтересована и в этом вопросе. По этой причине камера устанавливает, что Никарагуа, к удовлетворению камеры, доказала существование интереса правового характера, который может быть затронут ее решением по этим вопросам.

С другой стороны, хотя камера таким образом удовлетворена доказательством того, что Никарагуа имеет правовой интерес, который может быть затронут решением камеры по вопросу о том, подлежат ли или нет воды залива Фонсека совместному владению или должна использоваться на основе «общности интересов» трех прибрежных государств, она не может принять утверждение Никарагуа о том, что правовой интерес Никарагуа «составил бы сам предмет решения» в том смысле, в каком это выражение было употреблено в деле о *Золотом запасе, вывезенном из Рима в 1943 году*, чтобы охарактеризовать интересы Албании. Отсюда следует, что вопрос о том, имела ли бы камера право

принимать решение по этим вопросам без участия Никарагуа в разбирательстве, не возникает; но что условия для вступления Никарагуа в этот аспект дела тем не менее четко выполнены.

ii) *Возможная делимитация вод*

Если бы камера не была удовлетворена тем доказательством, что существует такого рода совместное владение водами залива, которое исключает какую бы то ни было делимитацию, она могла бы затем счесть необходимым, если бы была убеждена, что она обладает для этого соответствующей юрисдикцией, осуществить делимитацию. Камере поэтому пришлось рассмотреть вопрос о том, могло ли бы решение, касающееся делимитации вод залива, затронуть интерес правового характера, относящийся к Никарагуа, для того чтобы определить, следовало ли бы разрешить Никарагуа вступить в дело и в этом его аспекте. Ей, однако, не требуется определять возможное воздействие на интересы Никарагуа каждой возможной делимитации, вывод о проведении которой мог бы быть сделан; государство, добывающееся вступления в дело, само должно доказать, что его интересы могли бы оказаться затронутыми конкретной делимитацией или делимитацией вообще. Гондурас в своем ходатайстве уже указал, каким образом, по его мнению, следует осуществить делимитацию. Сальвадор, в полном соответствии со своей позицией, не выразил какого-либо мнения относительно каких-либо возможных делимитационных линий. Никарагуа, со своей стороны, не высказалась по какой-либо определенной делимитационной линии, которая, как она могла бы считать, затронула бы ее интересы.

Камера изучает доводы, выдвинутые в никарагуанском обращении, в качестве соображений, подкрепляющих ее заявление о правовом интересе; она не считает, что интерес, проявляемый третьим государством к общим правовым нормам и принципам, которые вероятно будут применены в результате вынесения решения, может оправдать вступление в дело или что принятие во внимание всех побережий и прибрежных связей в заливе как географического факта для целей делимитации между Сальвадором и Гондурасом означает, что интерес третьего прибрежного государства, Никарагуа, может быть затронут. Камера замечает, что существенная трудность, с которой она столкнулась в вопросе о возможной делимитации вод в заливе, состоит в том, что в обращении Никарагуа не указано каких-либо морских пространств, где Никарагуа может иметь правовой интерес, о котором можно было бы сказать, что он будет затронут возможной делимитационной линией между Сальвадором и Гондурасом.

Соответственно, камера не убеждена, что решение в настоящем деле либо в отношении права, применимого к делимитации, либо в отношении осуществления делимитации вод залива между Гондурасом и Сальвадором (кроме того, что касается якобы «общности интересов») затронуло бы интересы Никарагуа. Камера, поэтому, считает, что, хотя последнее государство доказало, для целей статьи 62

Статута, наличие у него интереса правового характера, который может быть затронут решением камеры по вопросу существования или характера режима совместного владения или общности интересов в заливе Фонсека, оно не доказало наличия у него такого интереса, который мог бы быть затронут решением камеры по какому-либо вопросу делимитации в заливе. Этот вывод устраняет также упомянутый выше вопрос о возможной уместности решения в островном споре.

3. *Правовое положение вод вне пределов залива* (пункты 80-84)

Камера теперь обращается к вопросу о возможном влиянии своего будущего решения о водах вне пределов залива на правовые интересы Никарагуа. Гондурас утверждает, что посредством Специального соглашения

«Стороны в обязательном порядке предоставляют Суду право делимитировать зоны территориальных морских вод и исключительные экономические зоны, относящиеся соответственно к Гондурасу и Сальвадору»

и просит камеру одобрить делимитационную линию, предложенную Гондурасом для вод вне границ залива как «способствующую справедливому решению». Сальвадор истолковывает Специальное соглашение как не уполномочивающее камеру осуществлять делимитацию. Обе стороны утверждают, что Никарагуа не имеет интереса правового характера, который может быть затронут решением о «правовом положении» морских пространств вне пределов залива, и обе стороны отрицают, что реализация камерой их соответствующих толкований статьи 2 могла бы затронуть правовые интересы Никарагуа.

Камера принимает к сведению продемонстрированную Гондурасом схему предлагаемой делимитации, составленную с таким расчетом, чтобы избежать какого-либо посягательства на воды вне пределов залива, на которые возможно могла бы претендовать Никарагуа, и камера не может вынести решение по этой схеме в ходе этого побочного разбирательства и до проведения слушаний по существу спора. Демонстрация схемы, действительно, требовала ответной реакции со стороны государства, добивающегося вступления в дело, чтобы быть в курсе того, как эти предложения затронули бы особый интерес этого государства, или того, какая другая возможная делимитация могла бы затронуть этот интерес. Иллюстрируемое с помощью карты предложение Гондураса давало таким образом возможность Никарагуа показать, как то, что предлагалось Гондурасом, могло бы затронуть «в значительной мере» какой-либо возможный никарагуанский интерес в водах к западу от гондурасской линии. Никарагуа не показала, как эта делимитация или какая-либо другая делимитация, которую она считает возможной, действительно затронула бы никарагуанский интерес правового характера. Камера, поэтому, не может дать Никарагуа разрешения вступить в дело по вопросу делимитации вод с внешней стороны замыкающей линии залива.

b) *Цель вступления в дело* (пункты 85-92)

Камера переходит к вопросу о цели обращения Никарагуа за разрешением вступить в дело. Требование в отношении заявления о «точной цели вступления в дело» содержится в пункте 2 b) статьи 81 Регламента Суда.

В своем обращении за разрешением вступить в дело Никарагуа указала цель своего вступления следующим образом:

«Вступление в дело, для чего запрашивается разрешение, преследует следующие цели:

Во-первых, защитить в общем плане законные права Республики Никарагуа в заливе Фонсека и прилегающих морских районах всеми доступными законными средствами.

Во-вторых, вступить в процесс разбирательства для того, чтобы информировать Суд о характере законных прав Никарагуа, которые являются предметом в споре. Эта форма вступления имела бы охранительную цель — добиваться гарантий того, чтобы решение камеры не ущемляло законных прав и интересов республики Никарагуа...»

На состоявшихся слушаниях представитель Никарагуа подчеркнул готовность этого государства согласовывать свои действия с любой указанной камерой процедурой. Утверждалось, в частности Сальвадором, что заявленная Никарагуа цель не является истинной целью.

Поскольку цель вступления Никарагуа в дело состоит в том, чтобы «информировать Суд о характере законных прав Никарагуа, которые являются предметом в споре», нельзя утверждать, что эта цель не является истинной: в действительности она представляет согласующейся с функцией вступления в дело. Использование в обращении о вступлении, пожалуй, несколько сильного выражения (об «ущемлении» законных прав и интересов) несущественно, при том условии, что цель, которая действительно преследуется, является истинной. Во-вторых, камера не считает, что для какого-либо государства стремление посредством вступления в дело «отстоять свои требования всеми законными средствами», должно обязательно связываться с включением в число подобных средств «такого, которое позволит добиваться вынесения благоприятного судебного решения» по собственным требованиям этого государства. «Доступные законные средства» должны быть теми, которые предоставляются институтом вступления в дело для защиты законных интересов третьего государства. При таком понимании эта цель не может рассматриваться как не являющаяся истинной.

c) *Основа для юрисдикции: обоснованная связь по линии юрисдикции* (пункты 93-101)

Камере приходится теперь рассмотреть подробнее довод Сальвадора о том, что для вступления Никарагуа в дело она должна кроме того доказать наличие «обоснованной связи по линии юрисдикции»

между Никарагуа и сторонами. В своем обращении Никарагуа не утверждает о существовании какого-либо другого основания для юрисдикции кроме самого Статута и высказывает мнение о том, что статья 62 не требует отдельного правооснования юрисдикции.

Вопрос состоит в том, является ли существование «обоснованной связи по линии юрисдикции» со сторонами-участниками дела — в смысле основы для юрисдикции, на которую могло бы сослаться государство, добывающееся вступления в дело, чтобы возбудить разбирательство против любой стороны или обеих сторон — существенным условием для предоставления разрешения вступить в дело согласно статье 62 Статута. Чтобы решить этот вопрос, камера должна рассмотреть общий принцип консенсуальной юрисдикции в его связи с институтом вступления в дело.

Не может быть никакого сомнения в важности этого общего принципа. Схема международного судебного урегулирования в соответствии со Статутом состоит в том, что два или более государства соглашаются с тем, что Суд проводит слушание по определенному спору и принимает по нему решение. Такое согласие может быть дано *ad hoc*, посредством специального соглашения или иным образом, или может стать результатом ссылки, в отношении определенного спора, на компромиссную статью договора или механизм, предусмотренный в пункте 2 статьи 36 Статута Суда. Эти государства являются «сторонами» в процессе разбирательства, и окончательное решение Суда для них является обязательным, поскольку они согласились предоставить Суду юрисдикцию принимать решение по делу, и решение Суда имеет обязательную силу, как это предусмотрено в статье 59 Статута. Поэтому обычно никакое другое государство не может вовлекаться в разбирательство без согласия первоначальных сторон. Тем не менее статьями 62 и 63 Статута Суда предусмотрены процедуры для вступления в дело «третьего» государства. Компетенция Суда по этому вопросу вступления в дело, в отличие от его компетенции проводить слушания по переданному на его рассмотрение спору и выносить по нему решение, вытекает не из согласия сторон, участвующих в деле, а от данного ими согласия, в силу того, что они стали участниками Статута Суда, на осуществление Судом его полномочий, предоставленных ему Статутом. Таким образом, Суд имеет компетенцию разрешать вступление в дело, даже если против этого выступает одна из сторон или обе стороны, участвующие в деле. Характер компетенции, сформулированный таким образом статьей 62, определяется ссылкой на объект и цель вступления в дело, как это следует из статьи 62.

Согласно статье 62 Статута вступление в дело имеет целью защитить «интерес правового характера» государства, который может быть затронут решением в существующем деле, уже определившимся между другими государствами, а именно, между сторонами, участвующими в деле. Под таким вступлением в дело не подразумевается предоставление возможности третьему государству добавить

новое дело, стать новой стороной и, таким образом, получить решение Суда по своим собственным требованиям. Вступление в дело не может быть предназначено для использования в качестве замены судебного разбирательства споров. Признание государством Статута само по себе не создает юрисдикции для принятия к рассмотрению определенного дела: для этого нужно конкретное согласие сторон. Если бы считалось, что вступающий в дело становится стороной, участвующей в деле, только вследствие разрешения вступить в него, это было весьма существенным отходом от принципа консенсуальной юрисдикции. Поэтому очевидно, что государство, которому разрешено вступить в дело, не становится также и стороной, участвующей в деле, только по причине того, что оно является вступающим в дело.

Таким образом, из правового характера и из целей вступления в дело следует, что существование обоснованной связи по линии юрисдикции между государством, претендующим на вступление в дело, и сторонами-участниками этого дела не является необходимым условием для удовлетворения обращения. Наоборот, процедура вступления в дело должна гарантировать, что государству, чьи интересы могут быть затронуты, может быть разрешено вступить в дело, даже если обоснованная связь по линии юрисдикции отсутствует и поэтому оно не может стать стороной в деле. Исходя из этого, камера заключает, что отсутствие юрисдикционной связи между Никарагуа и сторонами, участвующими в данном деле, не является препятствием для предоставления разрешения на вступление в дело.

IV. *Процедурные права государства, получившего разрешение вступить в дело* (пункты 102-104)

Поскольку это первый случай в истории двух Судов, когда государству будет дано разрешение вступить в дело в соответствии со статьей 62 Статута, представляется уместным дать некоторые пояснения об объеме процедурных прав, приобретаемых вступающим в дело государством в результате получения этого разрешения. Прежде всего, как было объяснено выше, вступающее в дело государство не становится стороной-участником в процессе разбирательства и не обретает прав или не становится связанным обязательствами, присущими статусу стороны согласно Статуту и Регламенту Суда и общим принципам процессуального права. Никарагуа как вступающее в дело государство имеет, конечно, право быть заслушанной камерой. Это право регулируется статьей 85 Регламента Суда, которая предусматривает предоставление письменного заявления и участие в слушаниях.

Масштаб вступления в дело в этом конкретном случае по отношению к масштабу дела в целом обязательно влечет за собой ограничения права вступившего в дело быть заслушанным. Начальное ограничение состоит в том, что вступивший в дело не должен выступать перед камерой с соображениями по поводу толкования Специального соглашения, заключенного между сторонами 24 мая 1986 года,

потому что для Никарагуа Специальное соглашение является *res inter alios acta*; и Никарагуа отказалась от какого бы то ни было намерения вовлекаться в спор о сухопутной границе. Камера затем кратко излагает те аспекты дела, в отношении которых Никарагуа доказала наличие интереса правового характера и те аспекты, в отношении которых она не сделала этого с вытекающими отсюда ограничениями масштаба разрешенного вступления в дело.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОСОБОГО МНЕНИЯ СУДЬИ ОДА

Решительно согласившись с камерой в том, чтобы разрешить Никарагуа вступить в дело, внесенное на рассмотрение Суда в соответствии со Специальным соглашением между Гондурасом и Сальвадором от 24 мая 1986 года, судья Ода выражает мнение о том,

что вступление Республики Никарагуа в дело не должно было быть ограничено единственным вопросом правового режима вод в заливе. По его мнению, как только Республика Никарагуа обосновала, даже в очень общих чертах, наличие интереса правового характера, который мог бы быть затронут решением по делу, она *i)*, получила теперь разрешение вступить в дело в отношении правового режима вод в заливе, не должна была быть лишена возможности высказать в надлежащее время свои соображения в отношении любой делимитации в заливе между Сальвадором и Гондурасом, которую камере может быть придется произвести; и, более того, Никарагуа *ii)* не должна была быть лишена возможности выразить в надлежащее время свое мнение в отношении любой делимитации, которую может быть придется произвести вне залива в случае возможности определения правового титула в пользу Гондураса.

88. ДЕЛО О ПРОХОДЕ ЧЕРЕЗ БОЛЬШОЙ БЕЛЬТ (ФИНЛЯНДИЯ ПРОТИВ ДАНИИ) (ВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ)

Постановление от 29 июля 1991 года

В постановлении, вынесенном по делу о проходе через пролив Большой Бельт (Финляндия против Дании), Суд единогласно постановил, что обстоятельства, как они предстали перед Судом, не были таковыми, чтобы требовалось, в соответствии со статьей 41 Статута, осуществление его права указать временные меры.

Суд заседал в следующем составе: *Председатель* сэра Роберт Юдалл Дженнингс; *Вице-председатель* Шигеру Ода; *судьи*: Манфред Ляхс, Роберто Аго, Стефен М. Швобель, Мохаммед Беджауи, Ни Женгю, Йенс Эвенсен, Николай Тарасов, Жильбер Гийом, Мохаммед Шахабуддин, Андре Агилар Модсли, Кристофер Ж. Вирамантри, Реймонд Ранджева; *судьи ad hoc* Пауль Фишер и Бенгт Бромс.

Судья Тарасов приложил свое заявление к данному Постановлению Суда.

Вице-председатель Ода, судья Шахабуддин и судья *ad hoc* Бромс приложили к постановлению Суда свои особые мнения.

* * *

В своем постановлении Суд напоминает, что 17 мая 1991 года Финляндия возбудила дело против Дании в отношении спора о проходе через пролив Большой Бельт (Storebaelt) и проекта правительства Дании построить постоянные сооружения, позволяющие наладить транспортное — автомобильное и железнодорожное — сообщение через Западный и Восточный каналы Большого Бельта. Результатом осуществления этого проекта, и, в частности, сооружения высотного подвесного моста через Восточный канал, стало бы полное закрытие Балтийского

морья для судов с большой осадкой и высотой надводной части более 65 метров, то есть и для прохода таких буровых судов и нефтяных вышек, которые производит Финляндия и для которых требуется большой клиренс.

Правительство Финляндии просит Суд вынести решение и заявить:

- a) Что существует право свободного прохода через Большой Бельт, которое относится ко всем судам, входящим в финские порты и верфи и выходящим оттуда;
- b) Что это право распространяется на буровые суда, нефтяные вышки и суда разумно обозримого будущего;
- c) Что сооружение постоянного моста через Большой Бельт, как это в настоящее время планируется Данией, противоречило бы праву прохода, упомянутому выше в подпунктах a) и b);
- d) Что Дания и Финляндия должны начать переговоры, в духе доброй воли, о том каким образом будет гарантировано право свободного прохода, с учетом сказанного в подпунктах a) и c)».

23 мая 1991 года Финляндия, на основании статьи 41 Статута Суда и статьи 73 Регламента Суда, подала в Канцелярию Суда просьбу об указании временных мер, в которой просила суд указать следующие временные меры:

- «1) Дания, в ожидании решения Суда по существу настоящего дела, воздерживается от приложения, или, иначе, от возобновления, таких строительных работ в связи с намеченным проектом моста через Восточный канал Большого Бельта, которые препятствовали бы проходу судов, в том

числе, буровых судов и нефтяных вышек в финские порты и верфи и из них;

2) Дания воздерживается от любых иных действий, которые могли бы отрицательно повлиять на исход настоящего разбирательства».

28 июня 1991 года Дания подала в Канцелярию Суда свои письменные замечания относительно этой просьбы о временных мерах и просила Суд

«1) Вынести решение и заявить о том, что... просьба Финляндии касательно постановления о временных мерах отклоняется.

2) В противном случае, а также в случае удовлетворения Судом просьбы полностью или частично, указать, что Финляндия принимает на себя обязательство возместить Дании любые и все убытки, понесенные последней в результате соблюдения таких временных мер, если Суд отклонит аргументы Финляндии по существу дела».

В ходе публичных слушаний, состоявшихся 1-5 июля 1991 года, Суд заслушал устные доводы, представленные от имени двух сторон.

По вопросу о юрисдикции, Суд, напоминая о том, что ему не следует указывать временные меры, если только условия, на которые ссылается заявитель, не представляются, *prima facie*, такими, которые создают основу для юрисдикции Суда, отмечает, что Финляндия считает возможным основывать юрисдикцию Суда, в первую очередь, на заявлениях сторон о принятии ими обязательной юрисдикции Суда, и что, как заявила Дания, юрисдикция Суда по вопросам существа не была предметом спора. Суд заключает, что по обстоятельствам дела доказано, что он полномочен указать временные меры.

Право, которое Финляндия выносит на рассмотрение в качестве подлежащего защите, это — право прохода через Большой Бельт судов, в том числе буровых судов и нефтяных вышек; это право особенно важно, потому что, по мнению Финляндии, Восточный канал Большого Бельта является для определенных судов единственным путем в Балтийское море и из него. Дания, признавая право свободного прохода торговых судов всех государств через Датские проливы, отрицает существование такого права прохода для сооружений высотой до 170 метров на том основании, *inter alia*, что такие сооружения не являются судами. Дания утверждает, что никаких мер допускать нельзя, т.к. даже *prima facie* дело не было доказано в пользу Финляндии. Суд, однако, отмечает, что само наличие у Финляндии права прохода через Большой Бельт не оспаривается и что спор между сторонами касается характера и объема этого права, и заключает, что подобное оспариваемое право может быть защищено с помощью временных мер.

Суд замечает, что временные меры вполне оправданы, если проблема носит неотложный характер, в том смысле, что существует вероятность совершения действия, ущемляющего права любой из сторон, до вынесения окончательного решения. В соответствии с намеченным графиком строительства моста через Восточный канал, никакого физического препятствия для прохода через Большой Бельт не воз-

никнет до конца 1994 года; Дания утверждает, что к тому времени дело могло бы быть окончательно решено Судом, поэтому никакого указания временных мер не требуется. Дания утверждает также, что сооружение моста через Восточный канал вряд ли вообще будет представлять собой практическое препятствие для прохода буровых судов и нефтяных вышек, поскольку большинство средств, о которых идет речь, смогут пройти другим путем, а остальные будут иметь возможность проходить под проектируемым мостом через Восточный канал, если их окончательная сборка будет проводиться после прохода под этим мостом.

Суд, однако, отмечает, что право, заявляемое Финляндией, касается прохода ее буровых судов и нефтяных вышек через Большой Бельт без изменения их конструкции или демонтажа, то есть таким же образом, каким осуществлялся этот проход в прошлом, и замечает, что на данном предварительном этапе разбирательства он не может полагать, что посягательство на право, требуемое Финляндией, могло бы быть оправдано на том основании, что проход буровых судов и нефтяных вышек в Балтийское море и из него мог бы быть осуществлен другими способами, которые к тому же могут быть менее удобными и более дорогостоящими. Суд приходит к заключению, что, если бы завершение работ по строительству моста через Восточный канал, которые препятствовали бы заявляемому праву прохода, ожидалось до решения Суда по существу дела, то это могло бы оправдать указание временных мер. Однако Суд, запротokolировав заверения Дании в том, что никакого физического препятствия в Восточном канале не появится до конца 1994 года, и, учитывая, что в данном случае разбирательство по существу дела было бы при нормальном его ходе завершено до конца 1994 года, считает, что не было установлено, что в период ожидания завершения судопроизводства строительные работы будут ущемлять требуемое право.

Финляндия кроме того утверждает, что датский проект уже наносит ущерб ее существенным экономическим интересам, поскольку финские верфи не могут больше в полной мере участвовать в торгах, касающихся судов, которые не смогли бы пройти через Большой Бельт после сооружения моста через Восточный канал, и что сам факт существования проекта строительства моста оказывает и будет продолжать оказывать отрицательное воздействие на поведение потенциальных заказчиков этих верфей. В этом отношении, однако, Суд находит, что доказательства утверждаемого ущерба представлено не было.

Финляндия далее замечает, что в результате взаимосвязи между различными частями этого проекта, касающегося Большого Бельта, завершение какой-либо одной его части уменьшило бы возможности внесения изменений в другие части, и заключает, что проблема поэтому является неотложной, поскольку многие из действий, связанных с проектом, приближают окончательное закрытие Большого Бельта, исключая практические возможности для учета интересов Финляндии и реализации ее прав в

случае принятия судебного решения в пользу Финляндии. С другой стороны, Дания утверждает, что, если бы Суд вынес решение по существу дела в пользу Финляндии, то тогда любой иск со стороны Финляндии не мог бы быть решен постановлением о реституции, а мог бы быть удовлетворен только посредством компенсации за ущерб, поскольку реституция в физическом плане была бы чересчур обременительной.

Суд, хотя его задача в настоящий момент не состоит в том, чтобы определить характер решения, которое он мог бы принять по существу дела, замечает, что в принципе, если будет установлено, что строительство сооружения ведет к нарушению того или иного законного права, то не может и не должна быть исключена а priori возможность судебного решения о том, что продолжать такие работы нельзя или что сооружение должно быть изменено или демонтировано. Суд добавляет, что никакое действие, предпринятое *pendente lite* государством, участвующим в находящемся на рассмотрении Суда в споре с другим государством, не может оказывать какого бы то ни было влияния в отношении правовой ситуации, которой Суд должен дать определение, и что такое действие не может улучшить его правового положения относительно другого государства.

Высказавшись о том, что Дания должна сама рассмотреть, как решение в поддержку требования Финляндии могло бы сказаться на осуществлении проекта Большого Бельта, и определить, следует ли ей, соответственно, в принципе, или в какой мере следует отложить этот проект или же лучше внести в него изменения, и что Финляндия должна сама определить, поддержать ли пересмотр способов, дающих возможность буровым судам и нефтяным вышкам проходить через Датские проливы в том случае, если Суд вынесет решение не в ее пользу, Суд заявляет, что в ожидании решения Суда по существу дела любые переговоры между сторонами с целью достижения прямого и дружеского урегулирования должны приветствоваться.

В заключение, Суд заявляет, что, несомненно, в интересах обеих сторон входило скорейшее окончательное определение их соответствующих прав и обязанностей, а потому представляется уместным, чтобы Суд, в сотрудничестве со сторонами, обеспечил принятие решения по существу дела в кратчайший возможный срок.

Судья Тарасов в своем заявлении выражает озабоченность тем, что датский проект моста через Восточный канал разработан таким образом, что даже в процессе строительства возникли бы серьезные ограничения для прохода через международный пролив Большой Бельт не только для судов Финляндии, но и для плавучих средств всех государств при их входе в Балтийское море и выходе из него.

Судья Тарасов видит основное значение данного постановления в том, что в нем отражено намерение Суда предупредить *fait accompli*, что могло бы случиться в результате любого ускоренного осуществления проекта в неизменном виде. Он подробно разбирает пункты, в которых подчеркивается это намерение, и отмечает, что только они позволили

ему, как и другим судьям, сделать вывод о том, что обстоятельства не требовали немедленного указания специальных временных мер.

Судья Тарасов далее высказывает мнение о том, что предложение о переговорах следовало делать в форме прямого призыва к поиску технического метода обеспечения постоянного свободного как и в прошлом прохода между Каттегатом и Балтийским морем, и полагает, что Суд был правомочен рекомендовать сторонам привлечь к участию в этой работе экспертов из третьих стран или действовать под эгидой Международной морской организации.

Вице-председатель Ода в своем особом мнении соглашается с выводом о том, что не было никакой срочности, оправдывающей принятие промежуточных мер, и это, по его мнению, является достаточным основанием для отклонения просьбы Финляндии, но выражает сожаление, что Суд не подчеркнул того факта, что в любом случае удовлетворение просьбы мало бы помогло Финляндии, так как потенциальным заказчикам судов на ее верфях все равно пришлось бы принимать во внимание риск того, что в конечном итоге Суд может отклонить дело Финляндии. По существу, единственное, чем Суд мог бы помочь каждой из сторон, — это вынести решение как можно скорее.

Между тем, Суд поступил благоразумно, предупредив Данию, что в случае проигрыша дела она не может рассчитывать на судебное определение о приемлемости компенсации вместо реституции.

На этом этапе не было, однако, необходимости советовать Финляндии подумать о содействии пересмотру способов, позволяющих буровым судам и нефтяным вышкам продолжать проходить через Датские проливы. В настоящий момент было бы достаточно, что Финляндия осознала очевидную возможность того, что в случае проигрыша дела, ей, вероятно, придется отказаться от каких-либо планов строительства буровых судов и нефтяных вышек высотой более 65 метров или пересмотреть эти планы.

Другой, по мнению судьи Ода, излишней частью постановления было поощрение проведения переговоров до завершения дела. Хотя он и не был против любой инициативы, которую стороны могли бы предпринять в этом направлении, но им требовался Суд, для того чтобы сначала решить некоторые основные юридические вопросы. Правда, сам факт их готовности вести переговоры на правовой основе требует возможно скорейшего завершения дела.

Судья Шахабудиин в своем особом мнении касается аргумента Дании о том, что, для оправдания принятия промежуточных мер, Финляндия должна была в частности обосновать наличие достаточно серьезных доказательств для возбуждения дела относительно существования права, сохранения которого она добивается. По его мнению, Финляндия была действительно обязана сделать это в смысле доказательства возможности существования заявляемого специального права прохода в отношении буровых судов и нефтяных вышек с высотой клиренса более 65 метров; и она фактически сделала это.

В своей судебной практике Суд никогда не высказывался по поводу общей обоснованности утверждения, содержащейся в заявлении Дании, и судья Шахабуддин признал необходимость избегать создания впечатления о вынесении решения по вопросу существования заявляемых прав до проведения надлежащего расследования.

Тем не менее, учитывая консенсуальную основу юрисдикции Суда, исключительный характер процедуры и потенциально серьезные последствия временных мер для принуждаемых государств, Суд должен быть уверен в том, что по крайней мере есть возможность существования заявляемых прав, при этом степень доказательств зависит от обстоятельств данного дела. По мнению судьи Шахабуддина, ограниченный характер требовавшегося изучения не создал сколько-нибудь существенного риска преюдициальности.

Судья Бромс в своем особом мнении подчеркивает важность заверения Дании в том, что до конца 1994 года никакого физического препятствия для прохода через Большой Бельт не будет. Это обстоятельство, в сочетании с решимостью Суда завершить рассмотрение дела значительно раньше этой даты, позволили по-иному взглянуть на вопрос о срочности, и при-

вели к уменьшению материальных оснований для указания временных мер. Стороны, особенно Финляндия, кроме того получили дополнительную гарантию благодаря тому, что Суд особо подчеркнул юридическую норму, согласно которой никакое действие, предпринятое тяжущимся государством в ходе судебного разбирательства, не может улучшить его правового положения относительно его оппонента.

Судья Бромс отмечает, что Финляндия, в случае нанесения ущерба праву, которое, по ее утверждению, она имеет, добивается реституции, а не компенсации. Он поэтому одобряет действие Суда, отказавшегося поддержать утверждение Дании о том, что, если Финляндия выиграет дело, то компенсация может быть приемлемой альтернативой, а реституция оказывается чрезмерно обременительной. Он приветствует факт поощрения Судом переговоров и считает, что внимание на них вполне могло бы быть сконцентрировано на технических возможностях изменения датского проекта таким образом, чтобы устроить проход в неподвижной конструкции моста для более высоких буровых судов и нефтяных вышек, что позволит им использовать свое право свободного прохода.

89. ДЕЛО, КАСАЮЩЕЕСЯ РЕШЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО СУДА ОТ 31 ИЮЛЯ 1989 ГОДА (ГВИНЕЯ-БИСАУ ПРОТИВ СЕНЕГАЛА)

Решение от 12 ноября 1991 года

В своем решении по делу, касающемся решения арбитражного суда от 31 июля 1989 года (Гвинея-Бисау против Сенегала), Суд отклонил представление Гвинеи-Бисау о том, что 1) решение арбитражного суда от 31 июля 1989 года является несуществующим, 2) в дополнение к этому, оно полностью недействительно, 3) правительство Сенегала необоснованно пытается требовать от Гвинеи-Бисау его выполнения. Суд по представлению на этот счет Сенегала установил, что решение арбитражного суда действительно и обязательно для обеих сторон, которые обязаны его выполнять.

* * *

Состав Суда: *Председатель* сэр Роберт Дженнингс; *Вице-председатель* Ода; *судьи* Ляхс, Аго, Швобель, Ни, Ивенсен, Тарасов, Гийом, Шахабуддин, Агилар Моудсли, Веерамантри, Ранджева; *судьи ad hoc* Тьерри, Мбайе.

* * *

Полный текст постановляющей части решения является следующим:

«Суд

1) единогласно

отклоняет представление Республики Гвинеи-Бисау о том, что решение от 31 июля 1989 года, вынесенное арбитражным судом, созданным в соответствии с соглашением от 12 марта 1985 года между Республикой Гвинея-Бисау и Республикой Сенегал, является несуществующим;

2) одиннадцатью голосами против четырех

отклоняет представление Республики Гвинеи-Бисау о том, что арбитражное решение от 31 июля 1989 года является полностью недействительным;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* сэр Роберт Дженнингс; *Вице-председатель* Ода; *судьи* Ляхс, Аго, Швобель, Ни, Эвенсен, Тарасов, Гийом, Шахабуддин; *судья ad hoc* Мбайе.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *Судьи* Агилар Моудсли, Веерамантри, Ранджева; *судья ad hoc* Тьерри.

3) Двенадцатью голосами против трех

отклоняет представление Республики Гвинеи-Бисау о том, что правительство Сенегала неоправданно пытается требовать от правительства Гвинеи-Бисау выполнить решение арбитражного суда от 31 июля 1989 года; и по представлению на этот

счет Республики Сенегал устанавливает, что решение арбитражного суда от 31 июля 1989 года является действительным и обязательным для Республики Сенегал и Республики Гвинея-Бисау, которые имеют обязательства в отношении его выполнения.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: *Председатель* сэр Роберт Дженнингс; *Вице-председатель* Ода; *судьи* Ляхс, Аго, Швель, Ни, Эвенсен, Тарасов, Гийом, Шахбудиин, Ранджева; *судья ad hoc* Мбайе.

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: *Судьи* Агилар Моудсли, Веерамантри; *судья ad hoc* Тьерри».

*
*

Судья Тарасов и *судья ad hoc* Мбайе приложили к тексту решения свои заявления.

Вице-председатель Ода, *судьи* Ляхс, Ни и Шахбудиин приложили к решению Суда индивидуальные мнения.

Судьи Агилар Моудсли и Ранджева приложили к решению Суда совместное особое мнение, а *судья* Веерамантри и *судья ad hoc* Тьерри — особые мнения.

*
*

I. Обзор порядка разбирательства и краткое изложение фактов (пункты 1-21)

Суд перечисляет последовательные этапы разбирательства, начиная с момента передачи дела на его рассмотрение (пункты 1-9) и излагает представления сторон (пункты 10-11). Он напоминает, что 23 августа 1989 года Гвинея-Бисау подала иск против Сенегала в связи со спором относительно существования и действительности решения, принятого 31 июля 1989 года арбитражным судом, состоявшим из трех арбитров и созданным в соответствии с арбитражным соглашением, заключенным между двумя сторонами 12 марта 1985 года. Далее Суд кратко излагает обстоятельства дела следующим образом (пункты 12-21):

26 апреля 1960 года между Францией и Португалией путем обмена письмами было заключено соглашение с целью определения морской границы между Республикой Сенегал (бывшей тогда автономным государством в составе Сообщества, образованного в соответствии с конституцией Французской Республики 1958 года) и португальской провинцией Гвинея. В письме Франции, в частности, предлагалось:

«Что касается внешнего предела территориальных морских вод, то граница должна представлять собой прямую линию проходящую в направлении 240-го градуса от точки пересечения продолженной линии сухопутной границы и отметки мелководья, которая представлена для этих целей маяком на мысе Роксо.

Что же касается прилегающих зон и континентального шельфа, то делимитация осуществляет-

ся в том же направлении по прямой линии, продолжающей границу территориальных морских вод». В письме Португалии выражено согласие с этим предложением.

После получения независимости Сенегалом и Португальской Гвинеей, которая стала Гвинеей-Бисау, между этими двумя государствами возник спор относительно делимитации их морских районов. Этот спор стал предметом переговоров между ними, начавшихся в 1977 году, в ходе которых Гвинея-Бисау настаивала на том, что данные морские районы должны быть делимитированы без ссылки на Соглашение 1960 года, оспаривая его действительность и возможность противопоставления его положений по отношению к Гвинее-Бисау.

12 марта 1985 года стороны заключили арбитражное соглашение о передаче спора в арбитражный суд, статья 2 которого гласит:

«Трибунал просит вынести решение в соответствии с нормами международного права по следующим вопросам;

1. Имеет ли Соглашение, заключенное путем обмена письмами 26 апреля 1960 года и касающееся морской границы, силу закона в отношениях между Республикой Гвинея-Бисау и Республикой Сенегал?

2. Если нет, то как проходит линия, делимитирующая морские территории, принадлежащие соответственно Республике Гвинея-Бисау и Республике Сенегал?»

В статье 9 арбитражного соглашения предусматривается, в частности, что решение «включает проведение на карте пограничной линии».

Арбитражный суд (далее именуемый «судом») был должным образом учрежден в соответствии с соглашением, и г-н Андре Гро и г-н Мохаммед Беджауи были назначены арбитрами, а г-н Джулио А. Барберис — Председателем. Суд 31 июля 1989 года вынес решение, существование и действительность которого Гвинея-Бисау оспаривает по данному делу.

Выводы суда были резюмированы Судом следующим образом: арбитражный суд постановил, что Соглашение 1960 года является действительным и его положения могут быть противопоставлены по отношению к Сенегалу и Гвинее-Бисау (решение арбитражного суда, пункт 80); что его следует толковать в свете законов, действовавших в момент его заключения (там же, пункт 85); что

«Соглашение 1960 года не делимитирует эти морские районы, которые не существовали на тот момент, независимо от того, как они могут быть названы: исключительной экономической зоной, рыболовной зоной или как-либо иначе...»,

но что

«территориальные морские воды, прилегающая зона и континентальный шельф конкретно упомянуты в Соглашении 1960 года и существовали в момент его заключения» (там же).

Рассмотрев «вопрос об определении того, насколько далеко простирается пограничная линия...

сегодня, учитывая эволюцию определения понятия «континентальный шельф», суд разъяснил, что

«Учитывая вышеизложенные выводы, к которым пришел суд, и формулировку статьи 2 арбитражного соглашения, суд считает, что он не призван давать ответ на второй вопрос.

Кроме того, учитывая принятое им решение, суд не считает необходимым приложить карту с указанием направления пограничной линии» (решение арбитражного суда, пункт 87).

Постановляющая часть этого решения гласит:

«По вышеуказанным причинам суд постановляет двумя голосами против одного:

дать следующий ответ на первый вопрос, поставленный в статье 2 арбитражного соглашения: Соглашение, заключенное путем обмена письмами 26 апреля 1960 года и касающееся морской границы, имеет силу закона в отношениях между Республикой Гвинея-Бисау и Республикой Сенегал применительно только к тем районам, которые указаны в этом Соглашении, а именно: территориальных морских вод, прилегающей зоны и континентального шельфа. Прямая линия, проведенная в направлении по 240-му градусу, является локсодромической линией» (пункт 88).

Председатель суда г-н Барберис, который вместе с г-ном Гро голосовал за это решение, приложил к его тексту заявление, а г-н Беджауи, который голосовал против решения, приложил особое мнение. Заявление г-на Барбериса, в частности, гласит:

«Я считаю, что ответ суда на первый вопрос, поставленный в арбитражном соглашении, мог бы быть более точным. Я бы ответил на него следующим образом:

«Соглашение, заключенное путем обмена письмами 26 апреля 1960 года и касающееся морской границы, имеет силу закона в отношениях между Республикой Гвинея-Бисау и Республикой Сенегал в применении к территориальным морским водам, прилегающей зоне и к континентальному шельфу, но не имеет силы закона в применении к водам исключительной экономической зоны или рыболовной зоны. «Прямая линия, проведенная в направлении 240-го градуса», которая упомянута в Соглашении от 26 апреля 1960 года, является локсодромической линией».

Этот частично утвердительный и частично отрицательный ответ, по моему мнению, является точным описанием правового положения, существующего между сторонами. Как предлагала Гвинея-Бисау в ходе текущего арбитражного разбирательства (ответ, стр. 248 оригинала), этот ответ позволил бы арбитражному суду рассмотреть в своем решении второй вопрос, поставленный в арбитражном соглашении. Частично отрицательный ответ на первый вопрос наделил бы суд *частичным* правом ответить на второй вопрос, то есть сделать это в той степени, в какой ответ на первый вопрос был отрицательным.

Арбитражный суд провел публичное разбирательство 31 июля 1989 года для вынесения своего решения. Председатель г-н Барберис и г-н Беджауи присутствовали на нем, а г-н Гро отсутствовал. На этом заседании после вынесения решения Гвинея-Бисау указал, что, пока не будут полностью прочитаны все документы и проведена консультация с его правительством, он резервирует за собой право на указание позиции Гвинея-Бисау в отношении приемлемости и действительности решения, которое, по его мнению, не соответствует требованиям, изложенным в соглашении между двумя сторонами. После того, как между правительствами обеих сторон были проведены переговоры, в ходе которых Гвинея-Бисау указала причины своего несогласия с решением, дело было передано Гвинея-Бисау в Международный Суд.

II. *Вопрос о юрисдикции Суда, о приемлемости заявления и о возможном последствии отсутствия одного из арбитров на заседании, на котором было принято решение арбитражного суда*
(пункты 22-29)

Суд сначала рассмотрел вопрос о своей юрисдикции. В своем заявлении Гвинея-Бисау основывает юрисдикцию Суда на «заявлениях, в которых Республика Гвинея-Бисау и Республика Сенегал, соответственно, признали юрисдикцию Суда в соответствии с условиями, изложенными в пункте 2 статьи 36 Статута» Суда. Эти заявления по делу Сенегала от 2 декабря 1985 года и по делу Гвинея-Бисау от 7 августа 1989 года были сданы на хранение Генеральному секретарю ООН. В заявлении Гвинея-Бисау не делается никаких оговорок. В заявлении Сенегала, которое заменило предыдущее заявление от 3 мая 1985 года, в частности, предусматривается, что «Сенегал может не признать компетенцию Суда в отношении споров, в отношении которых стороны согласились использовать иные средства урегулирования...», и уточняется, что эта компетенция распространяется только на «все те правовые споры, которые возникнут после данного заявления...»

Сенегал отметил, что, если Гвинея-Бисау собирается оспаривать решение арбитражного суда по существу, то это затронет вопрос, который не входит в юрисдикцию Суда в соответствии с заявлением Сенегала. Согласно мнению Сенегала, спор, касающийся делимитации морских районов, является предметом арбитражного соглашения от 12 марта 1985 года и, следовательно, входит в категорию тех споров, «в отношении которых стороны согласились использовать иные средства урегулирования». Кроме того, спор возник, как считает Сенегал, до 2 декабря 1985 года, когда он окончательно признал обязательную юрисдикцию Суда, и, таким образом, не входит в категорию споров, «которые возникнут после» этого заявления.

Однако стороны были согласны с тем, что существует различие между основным спором, касающимся делимитации морских районов, и спором, касающимся решения арбитражного суда, и что только последний спор, возникший после заявления Сене-

гала, находится на рассмотрении Суда. Гвинея-Бисау заняла также позицию — с которой был согласен Сенегал, — состоящую в том, что разбирательство в Суде не предназначается для обжалования решения арбитражного суда или для рассмотрения заявления о его пересмотре. Следовательно, обе стороны признают, что при этом не затрагивается ни один аспект основного спора о делимитации. Исходя из этого, Сенегал не оспаривает того, что Суд обладает юрисдикцией принять заявление к рассмотрению в соответствии с пунктом 2 статьи 36 Статута. По обстоятельствам данного дела Суд считает, что его юрисдикция была установлена, и подчеркивает, что, поскольку обе стороны с этим согласны, разбирательство касается определения того, что решение арбитражного суда является несуществующим и недействительным, и никоим образом не связано с обжалованием этого решения или с заявлением о его пересмотре.

Затем Суд рассмотрел утверждение Сенегала о том, что заявление Гвинеи-Бисау является неприемлемым, поскольку в нем используется сделанное Председателем арбитражного суда Барберисом заявление с целью посеять сомнение относительно действительности решения. Сенегал, в частности, утверждает, что это заявление Председателя не является частью решения и что, таким образом, любую попытку Гвинеи-Бисау использовать его для этой цели «следует расценивать как нарушение разбирательства с целью лишения Сенегала прав, принадлежащих ему по решению арбитражного суда».

Суд считает, что заявление Гвинеи-Бисау было представлено надлежащим образом в рамках ее права обращаться в Суд по обстоятельствам рассматриваемого дела. Соответственно, Суд не принимает утверждение Сенегала о том, что заявление Гвинеи-Бисау или приведенные доводы в подтверждение этого заявления означают нарушение порядка разбирательства.

Гвинея-Бисау утверждает, что отсутствие г-на Гро на заседании арбитражного суда, на котором было вынесено решение, равнозначно признанию того, что суд не смог разрешить спор, что это было очень важным заседанием суда и что отсутствие г-на Гро подорвало авторитетность суда. Суд отмечает, что факт участия г-на Гро в голосовании при принятии решения не оспаривается. Отсутствие г-на Гро на этом заседании не может повлиять на действительность решения, которое уже до этого было принято.

III. *Вопрос о том, что решение является несуществующим* (пункты 30-34)

В подтверждение своего основного утверждения о том, что арбитражное решение является несуществующим, Гвинея-Бисау заявляет, что оно не было поддержано реальным большинством. Она не оспаривает тот факт, что решение было принято голосами Председателя Барбериса и г-на Гро; однако она утверждает, что заявление Председателя Барбериса

противоречит его голосованию и делает отданный им голос недействительным, тем самым оставляя указанное решение без поддержки реального большинства. В этом отношении Гвинея-Бисау обратила внимание на формулировку постановляющей части решения арбитражного суда (см. стр. 114, выше) и на текст заявления Председателя Барбериса (там же).

Суд считает, что, формулируя свое заявление, Председатель Барберис имел в виду то, что ответ арбитражного суда на первый вопрос «мог бы быть более точным» — говоря его словами, — а не то, что он должен был быть более точным в том смысле, как это указано в его заявлении, то есть, по его мнению, речь идет о предпочтительности, а не необходимости. По мнению Суда, в этой формулировке нет ничего, противоречащего решению арбитражного суда.

Гвинея-Бисау обратила также внимание на тот факт, что Председатель Барберис выразил в своем заявлении мнение, что его вариант ответа «позволил бы арбитражному суду рассмотреть в своем решении второй вопрос, поставленный в арбитражном соглашении», и что арбитражный суд, следовательно, «имел бы право делимитировать воды исключительной экономической зоны или рыболовной зоны между двумя странами», помимо других районов. Суд считает, что мнение, высказанное Председателем Барберисом относительно того, что ответ на первый вопрос позволил бы арбитражному суду дать ответ на второй вопрос, не представляет собой его позицию в отношении того, что этот суд должен был сделать, а служит лишь указанием того, что, по его мнению, было бы лучше предпринять. Таким образом, его позицию нельзя рассматривать как противоречащую позиции, занятой в решении.

Кроме того, даже если и было бы какое-то противоречие, по любой из двух указанных Гвинеи-Бисау причин, между мнением Председателя Барбериса и позицией, занятой в решении, Суд считает, что такое противоречие не может иметь преимущественную силу перед той позицией, которую занял Председатель Барберис, голосуя за решение арбитражного суда. Поддержав это решение, он определенно поддержал содержащиеся в нем положения, касающиеся морских районов, режим которых регулируется Соглашением 1960 года, и положения относительно того, что суд не должен отвечать на второй вопрос в силу его ответа на первый вопрос. В добавлении к этому Суд отмечает, что, как показывает практика судов международного уровня, иногда случается, что какой-нибудь член суда голосует за принятие решения суда, даже если он, может быть, лично предпочел иной вариант решения. Выражение таких разногласий в заявлении или индивидуальном мнении данного члена не влияет на действительность результата его голосования, что, соответственно, не влечет за собой никаких последствий для решения суда.

В соответствии с этим, по мнению Суда, утверждение Гвинеи-Бисау о том, что решение является несуществующим ввиду отсутствия реального большинства, не может быть принято.

IV. *Вопрос о недействительности арбитражного решения* (пункты 35-65)

Во-вторых, Гвинея-Бисау утверждает, что решение арбитражного суда в целом является недействительным по причине превышения полномочий и неэффективности мотивировки. Гвинея-Бисау отмечает, что арбитражный суд не ответил на второй вопрос, поставленный в статье 2 арбитражного соглашения, и не приложил к тексту решения карту, как это было предусмотрено в статье 9 указанного соглашения. Утверждается, что эти два упущения представляют собой превышение полномочий. Кроме того, как утверждает, арбитражным судом не было мотивировано его решение не приступать к рассмотрению второго вопроса и не устанавливать ни одной делимитационной линии, а также не проводить такую линию на карте.

1. *Отсутствие ответа на второй вопрос*

а) Гвинея-Бисау предполагает, что рассматриваемый поступок арбитражного суда не было решением о том, чтобы не отвечать на второй вопрос, который был поставлен перед ним; он просто не стал за отсутствием реального большинства принимать какое-либо решение по данному вопросу. В этой связи Гвинея-Бисау подчеркивает, что то, что названо в первом предложении пункта 87 решения арбитражного суда «мнением суда» по этому вопросу, изложено в заявлении о мотивах, а не в постановляющей части решения; что в решении не указывается то большинство, каким следовало принять этот пункт; и что только г-н Гро мог бы проголосовать за этот пункт. В свете заявления, сделанного Председателем Барберисом, Гвинея-Бисау интересуется тем, было ли проведено какое-либо голосование по пункту 87. Суд признает, что в этом отношении структура решения арбитражного суда открыта для критики. В статье 2 арбитражного соглашения перед арбитражным судом были поставлены два вопроса. Последний вопрос, согласно статье 9, заключается в том, чтобы «сообщить обоим правительствам о своем решении в отношении вопросов, поставленных в статье 2». Исходя из этого, Суд считает, что было бы нормально включить в постановляющую часть решения как ответ на первый вопрос, так и решение не отвечать на второй. Следует сожалеть о том, что так сделано не было. Тем не менее Суд придерживается того мнения, что арбитражный суд, принимая решение, не только одобрил содержание пункта 88, но и сделал это по причинам, уже указанным в решении, в частности, в пункте 87. В этом контексте из пункта явно следует, равно как и из заявления Председателя Барбериса, что арбитражный суд двумя голосами против одного постановил не отвечать на второй вопрос, поскольку он дал утвердительный ответ на первый. Суд отмечает, что при этом арбитражный суд не принимал никакого решения: то есть в отношении того, чтобы не отвечать на второй вопрос, который был перед ним поставлен. Он делает вывод, что в решении арбитражного суда нет никаких недостатков в плане нерешения каких-либо вопросов.

б) Гвинея-Бисау, далее, утверждает, что любое решение арбитражного суда в соответствии с общим международным правом должно быть мотивировано. Более того, согласно статье 9 арбитражного соглашения, стороны конкретно договорились, что «в решении в полной мере излагаются мотивы, лежащие в его основе». Однако, по мнению Гвинея-Бисау, арбитражный суд в этом деле не указал никаких мотивов своего отказа дать ответ на второй поставленный перед ним сторонами вопрос или, по меньшей мере, изложил «в целом недостаточные» мотивы. Суд отмечает, что в пункте 87 решения арбитражного суда, о котором говорилось выше, этот суд, «учитывая... выводы», к которым он пришел, а также «формулировку статьи 2 арбитражного соглашения», пришел к мнению, что от него не требуется отвечать на второй вопрос, который был перед ним поставлен. Мотивировка является краткой и, несомненно, ее можно было бы развить. Однако ссылка в пункте 87 на выводы арбитражного суда и положения статьи 2 арбитражного соглашения позволяют определить, без каких-либо затруднений, те мотивы, по которым арбитражный суд решил не отвечать на второй вопрос. Суд отмечает, что, сославшись на положения статьи 2 арбитражного соглашения, арбитражный суд указал, что, согласно этой статье, его просили, во-первых, указать, имеет ли Соглашение 1960 года «силу закона в отношениях» между Гвинея-Бисау и Сенегалом, а затем, «если нет, то как проходит линия, делимитирующая морские территории» двух стран. Сославшись на уже сделанные им выводы, арбитражный суд отметил, что он в пункте 80 и последующих пунктах решения установил, что Соглашение 1960 года, степень действительности которого он уже определил, «является действительным, и его положения могут быть противопоставлены по отношению к Сенегалу и Гвинея-Бисау». Дав утвердительный ответ на первый вопрос и исходя из фактического текста арбитражного соглашения, арбитражный суд установил вследствие этого, что он не должен отвечать на второй вопрос. Суд отмечает, что заявление арбитражного суда о мотивах, несмотря на свою краткость, является четким и точным, и делает вывод о том, что второе утверждение Гвинея-Бисау также должно быть отклонено.

с) В-третьих, Гвинея-Бисау оспаривает действительность таким образом принятой арбитражным судом мотивировки по вопросу о том, должен ли он был ответить на второй вопрос:

і) Гвинея-Бисау прежде всего утверждает, что подлинная формулировка арбитражного соглашения требует, чтобы арбитражный суд ответил на второй вопрос, независимо от ответа на первый вопрос. В этой связи Суд должен напомнить, что, при отсутствии договоренности об ином, любой действующий на международном уровне арбитражный суд вправе сам решить вопрос о своей юрисдикции и может с этой целью толковать документы, регулирующие его юрисдикцию. В рассматриваемом случае арбитражным соглашением было подтверждено, что арбитражный суд имеет право определять свою юрисдик-

цию и толковать с этой целью указанное соглашение. Суд отмечает, что в своих приведенных выше доводах Гвинея-Бисау фактически критикует толкование в решении арбитражного Суда положений арбитражного соглашения, определяющих юрисдикцию этого суда, и предлагает иное толкование этих положений. Однако Суду нет необходимости рассматривать вопрос о том, можно ли по-разному толковать арбитражное соглашение в том, что касается компетенции арбитражного суда, и, если да, то какое из этих толкований является предпочтительным. Суд придерживается того мнения, что если он займется этим, то он будет рассматривать представленную просьбу как апелляцию, а не как просьбу об определении недействительности. Суд в данном деле поступить таким образом не может. Суд должен просто установить, было ли со стороны арбитражного суда, вынесшего оспариваемое решение, совершено явное злоупотребление компетенцией, предоставленной ему согласно арбитражному соглашению, в виде либо превышения полномочий, либо недостаточного использования их в рамках предоставленной юрисдикции. Такое явное злоупотребление могло, например, явиться результатом того, что суд не применил надлежащим образом соответствующие нормы в отношении толкования положений арбитражного соглашения, регулирующих его юрисдикцию. Суд отмечает, что арбитражное соглашение — это соглашение между государствами, которое должно толковаться в соответствии с общими нормами международного права, регулирующими порядок толкования договоров. Далее он напоминает принципы толкования, вытекающие из его судебной практики, основанной на прецедентном праве, и отмечает, что эти принципы были отражены в статьях 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров, которую во многих отношениях можно рассматривать как кодификацию существующего обычного международного права по данному вопросу. Суд также отмечает, что когда государства подписывают арбитражное соглашение, они заключают соглашение, имеющее весьма конкретный предмет и цель: поручить арбитражному суду задачу разрешения спора в соответствии с согласованными сторонами условиями. Выполняя порученную ему задачу, арбитражный суд должен соблюдать эти условия.

Суд отмечает, что в рассматриваемом случае в статье 2 арбитражного соглашения поставлен первый вопрос, касающийся Соглашения 1960 года, а затем второй вопрос, связанный с делимитацией. Ответ на второй вопрос следовало дать «в случае отрицательного ответа на первый вопрос». Суд отмечает, что эти последние слова, которые в первоначальном варианте были предложены самой Гвинея-Бисау, имеют категоричный характер. Суд

рассмотрел ситуации, в которых международные судебные органы просили ответить на последовательный ряд вопросов, каждый из которых зависел или не зависел один от другого. Суд отмечает, что в данном случае стороны фактически вполне могли бы употребить выражение, предусматривающее, что суд должен ответить на второй вопрос «с учетом» ответа на первый, однако они этого не сделали; они указали, что на второй вопрос следует ответить только «в случае отрицательного ответа» на этот первый вопрос. Ссылаясь на различные элементы текста арбитражного соглашения, Гвинея-Бисау, тем не менее, считает, что суд был обязан делимитировать единой линией все морские районы, принадлежащие тому или другому государству. Поскольку по причинам, указанным арбитражным судом, данный им ответ на первый вопрос, поставленный в арбитражном соглашении, не мог привести к всеобъемлющей делимитации, из этого следует, по мнению Гвинея-Бисау, что, невзирая на вступительную часть второго вопроса, этот суд должен был ответить на него и произвести общую делимитацию, которую запрашивали обе стороны.

Напомнив об обстоятельствах, при которых было составлено арбитражное соглашение, Суд отмечает, что эти два вопроса имели совершенно различную коннотацию. Первый вопрос касался того, имеет ли какое-либо международное соглашение в отношении между сторонами силу закона; второй — связан с делимитацией морских районов в том случае, если такое соглашение силы закона не имеет. Сенегал рассчитывал на утвердительный ответ на первый вопрос и сделал вывод о том, что прямая линия в направлении по 240-му градусу, как это было принято в Соглашении 1960 года, будет представлять собой единую линию, разделяющую все морские районы, принадлежащие двум странам. Гвинея-Бисау рассчитывала на отрицательный ответ на первый вопрос и сделала вывод о том, что единая разделительная линия для всех морских районов двух стран будет установлена заново арбитражным судом в ответе на второй вопрос. Оба государства были намерены добиться делимитации всех морских районов с помощью единой линии. Однако Сенегал рассчитывал добиться этого результата путем получения утвердительного ответа на первый вопрос, а Гвинея-Бисау — отрицательного. Суд отмечает, что между сторонами не было достигнуто какого-либо согласия относительно того, что произойдет, если утвердительный ответ даст только частичную делимитацию, и какова должна будет задача арбитражного суда в таком случае, и что подготовительные документы подтверждают обычное значение статьи 2. Суд считает, что данный вывод согласуется с принятым судом для себя названием «арбитражный суд по определению морской границы: Гвинея-Бисау/

Сенегал» и с данным им в пункте 27 решения определением «единственного предмета спора» как связанного с «определением морской границы между Республикой Сенегал и Республикой Гвинея-Бисау — вопросом, который они не смогли разрешить путем переговоров...». По мнению Суда, это название и определение следует читать в свете вывода арбитражного суда — который Суд разделяет, — о том, что, хотя в мандат арбитражного суда входит делимитация всех морских районов сторон, это должно быть сделано только в рамках второго вопроса и «в случае отрицательного ответа на первый вопрос». Суд вкратце отмечает, что, хотя оба государства выразили в общих выражениях в преамбуле арбитражного соглашения свое желание урегулировать спор, их согласие на это было дано только в формулировке, содержащейся в статье 2 арбитражного соглашения. Суд приходит к заключению, что, таким образом, арбитражный суд не совершил явного злоупотребления предоставленной ему компетенцией для определения своей юрисдикции, решив, что от него не требуется дать ответ на второй вопрос, если только на первый вопрос не был дан отрицательный ответ, и, следовательно, первый довод должен быть отклонен.

- ii) Далее Гвинея-Бисау утверждает, что фактический ответ арбитражного суда на первый вопрос представлял собой частично отрицательный ответ и что этого достаточно для предписываемого условия, предусматривающего ответ на второй вопрос. Соответственно — и как на это указывает заявление Председателя Барбериса, — арбитражный суд, согласно высказанному мнению, имел право и был обязан ответить на второй вопрос.

Суд отмечает, что Гвинея-Бисау не может основывать свои доводы на формулировках (в данном случае Председателя Барбериса), которые на деле не были приняты арбитражным судом. Арбитражный суд при ответе на первый вопрос установил, что Соглашение 1960 года имеет силу закона в отношениях между сторонами и, в то же время, определил основную сферу применения этого Соглашения. Такой ответ не позволяет провести делимитацию всех морских районов двух государств, а также полностью разрешить спор между ними. Он позволяет провести только частичную делимитацию. Однако этот ответ был одновременно и полным и утвердительным. Таким образом, суд мог установить, не злоупотребляя явно своей компетенцией, что его ответ на первый вопрос не является отрицательным и что он, соответственно, не вправе дать ответ на второй вопрос. Суд делает вывод о том, что в этом отношении утверждение Гвинеи-Бисау о полной недействительности решения арбитражного суда должно быть отклонено.

2. Отсутствие карты

Наконец, Гвинея-Бисау напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 9 арбитражного соглашения решение арбитражного суда должно «включать проведение на карте пограничной линии» и что суд не представил такой карты. Гвинея-Бисау утверждает, что суд недостаточно полно мотивировал свое решение на этот счет. Она утверждает также, что на этом основании арбитражное решение должно считаться полностью недействительным.

Суд считает, что мотивы арбитражного суда на этот счет также были краткими, но достаточными для того, чтобы стороны и Суд смогли понять, чем руководствовался арбитражный суд. Он установил, что пограничная линия, установленная Соглашением 1960 года, является локсодромической линией, проходящей в направлении по 240-му градусу от точки пересечения продолжения сухопутной границы и линии мелководья, представленной для этих целей маяком на мысе Роксо. Поскольку он не ответил на второй вопрос, он не должен определять какую-либо другую линию. Таким образом, он не считал необходимым проводить на карте линию, которая всем известна и определение характеристики которой им были указаны.

С учетом положений статей 2 и 9 арбитражного соглашения и позиции сторон в арбитражном суде Суд отмечает, что спорным является вопрос о том, должен ли арбитражный суд — при отсутствии ответа на второй — представить карту, предусматриваемую арбитражным соглашением. Однако Суд считает, что необходимость вступать в такую дискуссию отсутствует. В обстоятельствах данного дела отсутствие карты ни в коей мере не является нарушением, делающим решение недействительным. Суд заключает, что последний довод Гвинеи-Бисау, таким образом, также неприемлем.

V. Заключительные замечания (пункты 66-68)

Суд, тем не менее, принимает к сведению тот факт, что арбитражное решение не обеспечило полной делимитации морских районов, принадлежащих, соответственно, Гвинеи-Бисау и Сенегалу. Однако он должен заметить, что такой результат объясняется положениями статьи 2 арбитражного соглашения.

Кроме того, Суд принял к сведению тот факт, что 12 марта 1991 года Гвинея-Бисау зарегистрировала в секретариате Суда второе заявление с просьбой к Суду вынести решение и объяснить:

«Какова, с учетом норм международного морского права и всех соответствующих фактов дела, включая будущее решение Суда по делу, касающемуся решения арбитражного суда от 31 июля 1989 года, должна быть линия (подлежащая проведению на карте), делимитирующая все морские территории, принадлежащие, соответственно, Гвинеи-Бисау и Сенегалу?».

Он принял к сведению также заявление представителя Сенегала в ходе проводимого разбирательства, согласно которому один из вариантов решения:

«заключался бы в проведении переговоров с Сенегалом, который не возражает против этого, по вопросу о границе для исключительной экономической зоны или, если не удастся прийти к согласию, передать этот вопрос в Суд».

Учитывая первое и второе заявление, по завершении длительного и сложного арбитражного процесса и нынешнего разбирательства в Суде, Суд считает крайне желательным как можно скорее урегулировать те элементы спора, которые не были разрешены решением арбитражного суда от 31 июля 1989 года, как того желают обе стороны.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЗАЯВЛЕНИЙ И МНЕНИЙ, ПРИЛОЖЕННЫХ К ТЕКСТУ РЕШЕНИЯ СУДА

Заявление судьи Тарасова

Судья Тарасов в начале своего заявления указывает, что он голосовал за решение суда, учитывая то, что его единственная цель — разрешить спор между Республикой Гвинея-Бисау и Республикой Сенегал относительно действительности или недействительности решения арбитражного суда от 31 июля 1989 года и что Суд не рассматривал — и стороны его об этом не просили — никакие факты и свидетельства, связанные с определением самой морской границы. С процессуальной точки зрения он согласен с анализом и выводами Суда о том, что доводы Гвинеи-Бисау против существования или действительности решения арбитражного суда не убедительны.

Затем он указывает, что в решении арбитражного суда есть ряд недостатков, которые не могут не вызвать резкую критику. По его мнению, арбитражный суд не выполнил основной задачи, порученной ему сторонами, поскольку он не решил окончательно спор о делимитации всех соседних морских районов, принадлежащих каждой из сторон. Арбитражный суд должен был информировать стороны о своем решении в отношении двух вопросов, поставленных в статье 2, и его утверждения в пункте 87 своего решения о том, что от него не требуется отвечать на второй вопрос в силу «фактической формулировки статьи 2 арбитражного соглашения», не достаточны для обоснования решения, принимаемого по столь важному вопросу.

Арбитражный суд не указал также, может ли для делимитации экономической зоны быть использована прямая линия, проведенная в направлении по 240-му градусу в соответствии с Соглашением 1960 года. Судья Тарасов считает, что все эти упущения вместе с отказом арбитражного суда приложить карту (в нарушение статьи 9 арбитражного соглашения) не способствуют решению всего спора между сторонами и лишь проложили дорогу к подаче в Суд нового заявления Гвинеи-Бисау.

Заявление судьи Мбайе

В своем заявлении судья Мбайе выразил серьезные сомнения в отношении юрисдикции Суда принимать к рассмотрению на единственном основании положений пункта 2 статьи 36 своего Статута заявление, оспаривающее действительность решения

арбитражного суда. Вот почему он был удовлетворен, когда Суд, принимая к сведению позиции сторон, указал, что его юрисдикция устанавливается только с учетом «обстоятельств» данного дела, тем самым избежав создания прецедента, который в будущем имел бы для него обязательную силу.

Частное мнение Вице-председателя Ода

В своем индивидуальном мнении Вице-председатель Ода выражает мнение, что представления Гвинеи-Бисау можно было бы отклонить по более простой причине по сравнению с теми основаниями, которые столь пространно изложены в решении. Во-первых, утверждение Гвинеи-Бисау о том, что решение арбитражного суда является несуществующим, поскольку Председатель этого суда в своем заявлении «выразил мнение, противоречащее тому, которое по-видимому было принято на основе голосования», несостоятельно, ибо это заявление подтверждает суть решения, принятого голосованием и зафиксированного в пункте 88 решения арбитражного суда, и любые расхождения во мнениях, указанные в нем, касаются только пункта 87. Во-вторых, утверждение Гвинеи-Бисау о недействительности, основанное на том факте, что арбитражный суд не ответил на второй вопрос, который был перед ним поставлен, и не делимитировал морской район в целом, а также не указал единую линию границы на карте, является простым отражением того факта, что арбитражное соглашение не было составлено в тех выражениях, которые Гвинея-Бисау считает, как отвечающие ее интересам. Это утверждение не может быть поддержано, поскольку суд дал полный утвердительный ответ на первый поставленный ему вопрос, о чем свидетельствует сам факт того, что Председатель Барберис был вынужден переформулировать ответ, чтобы показать, что он мог бы быть частично отрицательным. Следовательно, ответ на второй вопрос уже не требовался.

Далее Вице-председатель Ода анализирует историю возникновения спора и составления арбитражного соглашения, указывая, что у данных двух государств были различные причины привлечения внимания к вопросу о действительности Соглашения 1960 года, хотя каждая из них была намерена добиться делимитации своих исключительных экономических зон, а также других морских районов. Однако арбитражное соглашение не было составлено таким образом, чтобы гарантировать этот результат — недостаток, в котором нельзя винить арбитражный суд. Скорее представители обеих стран не проявили достаточного понимания предпосылок к проводимым ими переговорам, особенно в свете взаимосвязи исключительных экономических зон и континентального шельфа.

Далее Вице-председатель Ода выражает сомнение в том, что возбуждение разбирательства в Суде позволит чего-либо добиться, ибо позиция сторон в отношении основного пункта их спора, а именно: делимитации их экономических исключительных зон, несколько не изменится, даже если Суд объявит решение арбитражного суда несуществующим или не-

действительным. На данном этапе между сторонами должен стоять вопрос о делимитации этих зон в тех условиях, при которых в отношении континентального шельфа подтверждено существование локсодромической линии в направлении по 240-му градусу. В соответствии с этим, — без ущерба для толкования нового заявления, поданного в Суд, — Вице-председатель Ода указывает, что при проведении новых переговоров обе стороны должны основываться на одном из двух допущений: либо должны существовать параллельно отдельные режимы для континентального шельфа и исключительных экономических зон, либо они намерены прийти к установлению единой линии для делимитации того и другого; в последнем случае, однако, переговоры можно будет вести только на основе допущения того, что сегодня установленная граница континентального шельфа может подлежать изменению или корректировке.

Частное мнение судьи Ляхса.

В своем индивидуальном мнении судья Ляхс подчеркивает, что, не выступая в качестве апелляционного суда, Суд вправе рассмотреть весь процесс разбирательства, проведенного арбитражным судом, который, как оказалось, имеет серьезные недостатки. Заявление Председателя суда привело к серьезной дилемме и создало определенную проблему. Он считает, что формулировка ответа может вызывать серьезные возражения. Он не только слишком краток, но и не отвечает требованиям. Отсутствие карты не является «нарушением», не «делающим решение недействительным», и элементарная вежливость требует иного решения этого вопроса. Он сожалеет, что арбитражный суд не смог вынести решение, неоспоримость которого вызывала бы уважение.

Частное мнение судьи Ни

В своем индивидуальном мнении судья Ни заявляет, что он в целом согласен с последовательностью аргументации в вынесенном Судом решении, но считает, что некоторые аспекты требуют доработки. Он полагает, что вопрос об исключительной зоне не является частью предмета арбитража и что заявление г-на Барбериса, приложенное к тексту решения арбитражного суда, не отменяет и не делает недействительным его голосование за принятие решения. Судья Ни полагает, что ответ на второй вопрос в пункте 2 статьи 2 арбитражного соглашения арбитражный суд должен был бы в обязательном порядке дать только в том случае, если бы ответ на первый вопрос был отрицательным. Это не только четко указано в арбитражном соглашении, но и подтверждено переговорами, которые предшествовали его заключению. Поскольку на первый вопрос был дан утвердительный ответ, не должна производиться новая делимитация всех морских территорий с помощью единой линии, не было необходимости устанавливать новую линию границы и, следовательно, можно было не прилагать к решению и карту. Все эти факторы взаимосвязаны, и мотивы решения арбитражного суда необходимо рассматривать в их совокупности.

Частное мнение судьи Шахабуддина

В своем индивидуальном мнении судья Шахабуддин отметил, что по основному вопросу о том, должен ли был арбитражный суд ответить на второй вопрос, поставленный перед ним согласно арбитражному соглашению, Суд поддержал решение арбитражного суда на том основании, что, признав отсутствие у него права отвечать на этот вопрос, арбитражный суд истолковал указанное соглашение таким образом, каким он это мог сделать без явного злоупотребления своей компетенцией. Судья Шахабуддин отметил, что Суд не рассматривал вопрос о том, действительно ли толкование, данное арбитражным судом этого положения, было верным. Это не было сделано по той причине, что Суд, ссылаясь на различие между апелляцией и просьбой об определении недействительности, пришел к мнению, что это выходит за рамки его компетенции. Судья Шахабуддин считает, во-первых, что существование такого различия не мешает Суду вынести свое решение о том, было ли толкование, данное арбитражным судом, правильным при условии, что при этом Суд учитывает соображения безопасности арбитражного процесса в плане окончательного характера решения арбитражного суда и, во-вторых, что толкование, данное арбитражным судом, было действительно правильным.

Совместное особое мнение судей Агилара Моудсли и Ранджевы

Судьи Агилар Моудсли и Ранджева приложили текст совместного особого мнения, которое в основном касается эпистемологической критики подхода, использованного арбитражным судом. Проблема действительности/недействительности решения арбитражного суда связана не просто с оценкой, строящейся исключительно на аксиоматических положениях права. Сила *res judicata*, которую имеет любое судебное решение, полностью выполняет свою функцию в том случае, когда это решение признается как *convictio juris*.

Ограничиваясь только вопросом о юрисдикции Суда осуществлять контроль за решениями арбитражных судов после их окончательного вступления в силу, судьи Агилар Моудсли и Ранджева воздерживаются от того, чтобы подменять своими суждениями и толкованиями те, которые принадлежат арбитражному суду, исключая, правда, метод работы последнего, который, впрочем, был признан Судом как открытый для критики. Действительно, как можно оправдать то, что суд полностью оставил без объяснений вопрос о том, почему не была проведена полная делимитация, а это явилось результатом того, что, с одной стороны, был дан утвердительный ответ на первый вопрос, а, с другой, было решено не отвечать на второй вопрос? В отличие от мнения Суда авторы совместного особого мнения считают, что арбитражный суд, отказавшись ответить на второй вопрос, превысил полномочия *infra petita* или в результате упущения — предположение, которое вряд ли когда-либо высказывалось в международной судебной практике. Арбитражный суд должен был одновременно принять во внимание три составных

элемента арбитражного соглашения, а именно: букву, предмет и цель, с тем чтобы дать толкование этого соглашения, когда речь пошла об изменении структуры спора. Использование метода аргументирования посредством логического заключения в качестве основы мотивирования, пришедшего, сначала, к отклонению заявления, преследовавшего цель признания права, и, впоследствии, к отклонению просьбы составить карту, представляет собой, по мнению судей Агилара Моудсли и Ранджевы, превышение полномочий постольку, поскольку логическое заключение возможно только в том случае, если связь причинности между двумя предположениями по своей сути неотъемлема, чего явно не было в отношении оспариваемого арбитражного решения, если учесть заявление г-на Барбериса, Председателя арбитражного суда, и особое мнение еще одного арбитра — г-на Беджауи.

По мнению авторов совместного особого мнения Суд, поскольку он не выступает в роли апелляционного или кассационного суда, обязан критически подходить к любому решению арбитражного суда, которое может быть передано на его рассмотрение. В задачи, составляющие мандат основного судебного органа международного сообщества, входит обеспечение гарантии как соблюдения прав сторон, так и определенного качества мотивирования другими международными судами. Члены международного сообщества фактически имеют право пользоваться преимуществами разумного отправления международного правосудия.

Особое мнение судьи Веерамантри

Судья Веерамантри в своем особом мнении выражает полную поддержку отклонения Судом заявления Гвинеи-Бисау о том, что решение арбитражного суда является несуществующим, и утверждения Сенегала об отсутствии юрисдикции и о злоупотреблении судопроизводством.

Однако он не согласен с большинством членов Суда в их толковании решения арбитражного суда и расходится с ними во мнении по вопросу о его недействительности. Хотя необходимо сохранять целостность решений арбитражных судов, он подчеркивает, что также важно принимать меры для того, чтобы такие решения соответствовали условиям *компромисса*. Там, где есть существенное несоответствие между решением и компромиссом, решение остается без защиты принципа правомочности компетенции.

По его мнению, решение арбитражного суда по данному делу находится в существенном несоответствии с условиями компромисса в том плане, что в нем не содержится ответ на второй вопрос, и оно не завершает полностью работу арбитражного суда, ибо не определяет границы исключительной экономической зоны и рыболовной зоны. Толкование компромисса в свете его контекста и его предмета и целей неизбежно приводит к тому выводу, что вопрос, переданный в суд для определения, является одним общим вопросом, касающимся единой морской границы. Ввиду этого арбитражный суд должен был обязательно рассмотреть второй вопрос, без

чего его задача остается невыполненной. Следовательно, суд не имел права принимать решения о том, что он не будет рассматривать второй вопрос, и такое решение является превышением полномочий, что делает все решение арбитражного суда недействительным.

Кроме того, взаимосвязанный характер границ, определенных решением арбитражного суда, и тех, которые не были определены, может нанести серьезный ущерб Гвинеи-Бисау при определении в будущем оставшихся неохваченными зон, пока границы территориальных морских вод, прилегающей зоны и континентального шельфа будут сохраняться в соответствии с определением, данным в настоящем решении арбитражного суда. Следовательно, вывод о недействительности распространяется также на определение, данное в ответе на первый вопрос.

Особое мнение судьи ad hoc Тьерри

Судья *ad hoc* Тьерри изложил причины того, почему он не может согласиться с решением Суда. В своем особом мнении он обращает внимание на правовые последствия того признанного Судом факта, что решение арбитражного суда от 31 июля 1989 года:

«не обеспечило полной делимитации морских районов, принадлежащих, соответственно, Гвинеи-Бисау и Сенегалу» (пункт 66 решения Суда).

По мнению судьи Тьерри, арбитражный суд, учрежденный в соответствии с арбитражным соглашением от 12 марта 1985 года, не решил спора, касающегося делимитации морской границы между двумя государствами, который был передан ему на рассмотрение.

Как предусматривается в преамбуле и пункте 2 статьи 2, а также в статье 9 этого соглашения, арбитражный суд должен был определить «морскую границу» между двумя государствами путем проведения «пограничной линии» на карте, которая должна быть включена в решение.

Поскольку арбитражный суд не выполнил своих задач, он тем самым не выполнил своей судебной миссии. Вследствие этого недостатка Суд должен был объявить, что решение арбитражного суда от 31 июля 1989 года является недействительным.

По мнению судьи Тьерри, невыполнение арбитражным судом своей миссии не может быть оправдано положениями пункта 2 статьи 2 арбитражного соглашения. В этом пункте сторонами поставлены перед судом два вопроса. На первый вопрос, касающийся применимости франко-португальского соглашения 1960 года, был дан утвердительный ответ, однако, основываясь на словах: «В случае отрицательного ответа на первый вопрос», содержащихся в начале формулировки второго вопроса, суд безоговорочно решил не отвечать на этот вопрос, который касается линии прохождения границы, тем самым оставив неразрешенной основную часть спора, включая делимитацию исключительной экономической зоны.

Судья Тьерри считает, что арбитражному суду следовало бы толковать статью 2 с учетом предмета и цели арбитражного соглашения, а также согласно

нормам международного права, применимых к толкованию договоров, и следовало бы дать соответствующий ответ на второй вопрос в силу того, что ответ на первый вопрос как таковой не мог решить данного спора, что являлось главной задачей арбитражного суда и его *raison d'être*.

Тем не менее, судья Тьерри согласен с мнениями,

высказанными в пунктах 66-68 решения Суда относительно решения «элементов спора, которые не были урегулированы решением арбитражного суда от 31 июля 1989 года». Все, что здесь необходимо сделать, — это, по его мнению, справедливо определить морскую границу между двумя государствами в соответствии с принципами и нормами международного права.